

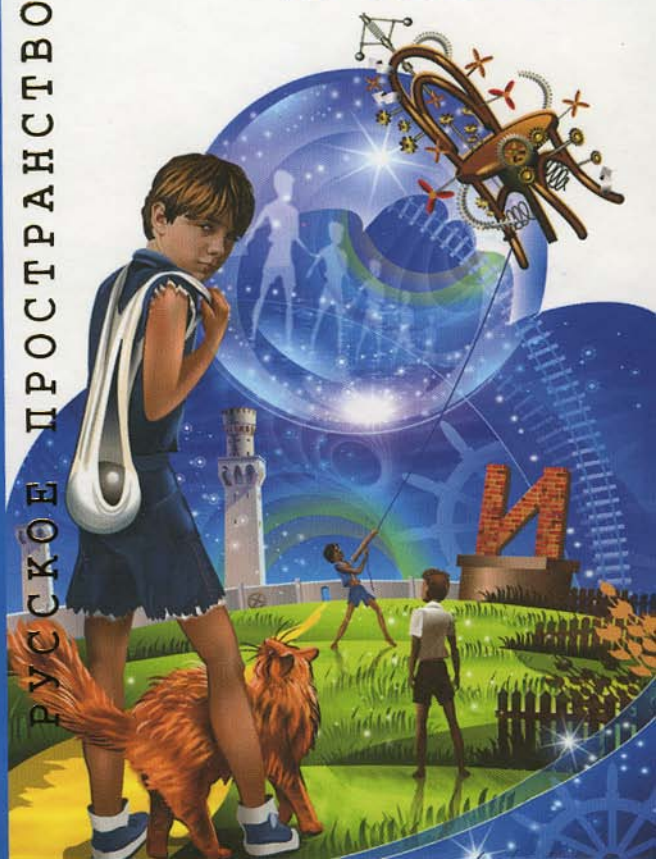
Владислав

КРАПИВИН

СТРУНА
И ЛЮСТРА

ОТЦЫ - ОСНОВАТЕЛИ :

РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Владислав
КРАПІВИН

Владислав
КРАПИВИН

ЛЕТЧИК ДЛЯ ОСОВЫХ ПОРУЧЕНИЙ
ДЫРЧАТАЯ ЛУНА
ПУЖАЙКИ, ГДЕ ПЛЯШУТ СКВОРЕЧНИКИ
ПОРТФЕЛЬ КАПИТАНА РУМБА
ГОЛУВЯТНЯ НА ЖЕЛТОЙ ПОЛЯНЕ
В НОЧЬ БОЛЬШОГО ПРИЛИВА
СКАЗКИ О РЫБАКАХ И РЫБКАХ
СИНИЙ ТРЕУГОЛЬНИК
МАЛЬЧИК СО ШПАГОЙ
ДАВНО ЗАКОНЧИЛАСЬ ОСАДА...
ЗВЕЗДЫ ПОД ДОЖДЕМ
МУШКЕТЕР И ФЕЯ
ОРАНЖЕВЫЙ ПОРТРЕТ С КРАПИНКАМИ
СТРАЖА ЛОПУХАСТЫХ ОСТРОВОВ
РЫЖЕЕ ЗНАМЯ УПРЯМСТВА
ОСТРОВА И КАПИТАНЫ
ТОПОТ ШАХМАТНЫХ ЛОШАДОК
ТЕНЬ КАРАВЕЛЛЫ
СИНИЙ ГОРОД НА САДОВОЙ
ЗОЛОТОЕ КОЛЕЧКО НА ГРАНИЦЕ ТЬМЫ
ПОД СОЗВЕЗДИЕМ ОРИОНА
СИНИЙ КРАБ
АЛЫЕ ПЕРЬЯ СТРЕЛ
ФРЕГАТ «ЗВЕНЯЩИЙ»
СТРУНА И ЛЮСТРА

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ: РУССКОЕ ПРОСЬТРАНСТВО

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ: РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Владислав
КРАПИВИН

**СТРУНА
И ЛЮСТРА**

Москва

2007

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
К 78

Оформление серии *А. Саукова*

Серия основана в 2005 году

К 78 **Крапивин В. П.**
Струна и люстра / В. П. Крапивин. — М.: Эксмо,
2007. — 672 с. — (Отцы-основатели: Русское пространство).

ISBN 978-5-699-21761-8

Чтобы механизм общественной машины вертелся без скрипа, надо вовремя избавляться от попадающего внутрь мусора. Перед властями встает вопрос: а не являются ли мусором для восстановленной Империи те, кого нельзя назвать полноценными членами общества, — неизлечимо больные и беспризорные дети, инвалиды, одинокие пенсионеры? Не удалить ли их из механизма во имя прогресса и блага социально полноценных граждан?..

Но не все жители согласны с мнением властей. Об их борьбе против чудовищного проекта рассказывает роман Владислава Крапивина «Ампула Грина».

В этот том вошли также повесть «Струна и люстра», автобиографический «Крапивинский календарь» и комментарии автора ко всем вышедшим в данном собрании сочинений книгам.

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-21761-8

© Крапивин В. П., 2007
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2007

АМПУЛА ГРИНА

Роман о песчинках
Времени

— Девушка, будьте добры, одно место до Инска.

— Такого населенного пункта нет!

— А... ну да, разумеется. Но все-таки один билет, пожалуйста.

— Сорок два рубля тридцать копеек... Три гривенника поищите, у меня для сдачи нет мелочи...

*Разговор у кассы
пассажирских катеров*

Часть первая

ПЛИТКА БАБЫ КЛАВЫ

ГЛАВА 1

Катер мягко прижался к дощатому причалу. При этом он сплющил бутылку из-под пепси, которая подпрыгивала в замусоренной воде. Валерию даже послышался пластиковый хруст, и он пожалел бутылку, будто раздавленную рыбу. Впрочем, тут же он забыл о ней: у скамьи оказался матрос Вова — клочковато-рыжий, в клоунском беретике и с деловитым лицом (похоже, что ровесник Валерия).

— Тебе ведь надо было в Инск? Ну, вот...

— Это — Инск? — сказал Валерий, глядя на торчащую сквозь пристанский настил осоку.

— Он самый. А что?.. Или тебе все-таки в Ново-Заторск? Тогда лучше на другую пристань, это через десять минут. Доплачивать не надо...

— Н-нет... Видимо, мне все-таки сюда... — Валерий выдернул из-под скамьи курсантский чемоданчик, шагнул на две сколоченные поперечинками доски, которые Вова выволок с борта на пристань.

Больше никто здесь не сходил (да и вообще пассажиров почти не было). Вова тут же уволок доски на палубу. Валерий по-американски — ладонь козырьком к правой брови — отдал матросу честь. Тот охотно откликнулся — приложил два пальца к беретике. Катер отвалил. Бутылка снова запрыгала

на взбаламученной воде — она округлялась, пытаясь обрести прежнюю форму (видимо, на что-то еще надеялась). «Молодец, — сказал ей Валерий. — Люди должны брать с тебя пример».

После этого он повернулся к городу.

Города не было видно. Он прятался за кромкой высоченных откосов. Среди укрытых зеленью уступов, провалов, обрывов и округлых мысов зигзагами подымалась деревянная лестница.

До лестницы было с полсотни шагов. Ее нижнюю площадку отделяла от воды береговая полоса, покрытая то песком и гравием, то островками лебеды и мелкой ромашки. На этом пространстве тянулись в несколько рядов рыжие от ржавчины рельсы. Среди шпал росли лопухи, зацветающий иван-чай и даже тоненькие клены.

За рельсами стояло обшитое досками коричневое здание. Длинное и приземистое. Кленовая поросль и богатырские репейники укрывали его до середины окон. Здание украшали башенки и флюгера. А на торцовой стене, подтверждая, что Валерий прибыл к месту назначения, белела облупленная эмалевая вывеска со старомодными буквами: ИНСКЪ. Впрочем, на треугольном дощатом фронтоне, выше крыльца, было написано более современно: ИНСК-II.

«Вот старина-то. Самое место для ссылки», — сказал себе Валерий. Впрочем, без досады. Он любил старину. Так же, как любил и всякие иные, непонятные другим вещи, за что еще в школе получил прозвище Перекос. Имелся в виду, конечно, перекос в мозгах, поскольку на сутулого «ботаника» в кривых очках Валерка вовсе не походил. Прозвище было не насмешливое, даже уважительное.

Заходить внутрь вокзала не имело смысла: едва ли там был буфет. Валерий стал подниматься по ступеням. Они, вопреки ожиданию, оказались прочными. Кое-где желтели новые доски — следы недавнего ремонта.

Было около десяти утра. Солнце успело согреть воду и берег. Пахло речным песком, теплым деревом, лопухами и бурьяном. Валерий расстегнул курточку. Она была полувоенная, но без всяких шевронов.

Никто не попадался навстречу, никто не догонял Вале-

рия. И голосов не было слышно, только в отдалении дерзко проблеяла коза. Но когда Валерий миновал половину высоты, ему звонко сказали в спину:

— Дядя, подождите!

Откуда они взялись? На несколько ступеней ниже стояли двое босых и удивительно загорелых мальчишек. Лет, наверно, девяти. Они были похожи на блестящих коричневых лягушат (и как сумели сделаться такими кофейными в начале июня?). Правда, сходство с лягушатами нарушали взъерошенные, очень светлые волосы. Были пацанята совершенно одинаковые — видать, близнецы — и отличались только трусиками: на одном пестро-желтые, на другом гладко-зеленые.

— Ой... то есть не дядя, — сказал тот, что в зеленых, когда Валерий оглянулся. Второй смущенно шмыгнул ноздрей.

— И чего же вы хотите от «неяди»? — стараясь быть солидным, спросил Валерий.

— Помогите нам...

— Пожалуйста...

— Дотащить...

— Одну штуку...

— Недалеко... — зачастили они.

— Конкретнее. Где «штука», которую мне выпало тащить?

— Вон там! Пойдемте! Это здесь!..

«Там-здесь» оказалось в пяти шагах от лестницы. Следом за близнецами Валерий проник на укрытый репейниками уступ. В зарослях угадывалась тропинка. На ней, наклонно завалившись в крепкие стебли, торчало метровое рогатое колесо. Валерий сразу угадал в нем старинный штурвал от речного парохода. Такой он видел в давнем фильме про Гека Финна. Железное кольцо, кованые узорчатые спицы, деревянные колпаки-рукоятки, надетые на концы этих спиц.

— Рехнуться можно! Где вы откопали этот экспонат?

— На свалке за дебаркадером, внизу, — почесывая плечи, разъяснил «зеленые трусики».

— И оттуда прёте на себе эту тяжесть?

— Ага!

— Только уже пузы надорвали...

— Пока по тропинке до лестницы доперли...

— А если мы втроем...

— По ступенькам...

— Вы сзади, а мы спереди...

— Это не до самого верху, а ближе, — опять заперевивали они друг дружку.

— Подержите чемодан... «сзади-спереди», — велел Валерий. И взялся за колесо.

Ого! И как «лягушата» волокли такой груз? Ладно, делать нечего... Он надел обод штурвала на плечо. Шагнул к лестнице. Мальчишки с чемоданчиком — следом. «Во, геракл», — тихонько сказал у него за спиной один. «Ага... а не похож...» — отозвался другой. «Гераклы не всегда похожи на гераклов», — глубокомысленно заключил дискуссия первый.

Проявить себя «гераклом» перед юными аборигенами было приятно. А тащить эту ржавую двухпудовую бандуру — наоборот. К счастью, и правда путь оказался не длинный. Ступеней через двадцать пацанята скомандовали: «Теперь налево», и все оказались опять на заросшем уступе. Здесь виднелось посреди репейных стеблей полукруглое углубление. То ли природная, то ли нарочно вырытая пещерка. Подчиняясь команде, Валерий втащил туда колесо. Снял его с онемевшего плеча, охнул. Разогнулся (еле хватило высоты).

— Исполнен труд... Надеюсь, это все? Или надо тащить еще и сам пароход?

— Не-е...

— Парохода мы не нашли!

«Слава богу!»

— Только помогите еще надеть этой дыркой на эту ось!.. Давайте вместе!

— Лучше отойдите в сторону, — велел Валерий.

Посреди пещерки была вкопана невысокая балка, из нее торчал горизонтальный штырь. Дыркой (то есть отверстием в ступице) Валерий, поднатужившись, насадил на штырь штурвал.

Крутнул.

— Это что у вас будет? Рулевая рубка?

— Типа того, — сдержанно отозвался один.

— Ага... — сказал второй.

Валерий снова крутнул штурвал. «Впору самому поиграть в пиратов и Магеллана...» И глянул вдаль. За рекой, на низ-

ком берегу плоско лежали среди больших тополей деревянные улицы. За ними отбрасывали солнечные блики стеклянные крыши завода. Левее цехов подымались многоэтажные утесы нового района. Словно туда перенесли из столицы несколько высотных кварталов. На их фоне две церковки — белая и красно-кирпичная — казались игрушечными...

Наконец Валерий сказал:

— Если потребность в моей персоне отпала, я, с вашего позволения, пойду.

— Ага! — вместе отозвались близнецы и протянули чемоданчик.

«Хоть бы спасибо сказали, обормоты...»

— Большое спасибо! — тут же спохватился тот, что в пестро-желтых трусиках.

А другой, по-свойски переходя на «ты», спросил:

— Хочешь ириску?

— Чего? — удивился Валерий, трогая плечо.

— Ну, конфетка такая!

— Молочная тянучка!

— Можно долго жевать и сосать! — наперебой объяснили они.

— Разве такие еще делают? — не поверил Валерий. — Я их последний раз в детском саду пробовал.

— У нас в Инске делают!

— Хочу, — решил Валерий (и сглотнул слюну).

Из кармашка зеленых трусиков появился на свет маленький кубик в блестящем фантике. На нем была кошачья мордочка и надпись «Кис-кис».

— Люди, вы спасли меня от голодной смерти! Счастливых плаваний! — И, разворачивая бумажку, Валерий покинул «рулевую рубку». Снова двинулся наверх. Мир наполнился вязкой молочной сладостью...

С верхней площадки Валерий шагнул на тротуар. (Хорошо, что хотя бы он не дощатый, асфальтовый... А впрочем, почему хорошо?) Асфальт здесь не был признаком цивилизации. Сквозь него крепкими зелеными кулаками пробивались к солнцу лопухи. Слева стоял облезлый особняк с колоннами и балконом (балконные столбики были похожи на спицы

штурвала, от которого все еще ныло плечо). Справа подымался современный трехэтажный дом с магазином «Гусиное перо. Канцтовары». А поперек дороги, замыкая маленькую квадратную площадь, тянулось оштукатуренное двухэтажное здание с львиными мордами на карнизах редких и узких окон. «Будто арсенал девятнадцатого века», — подумал Валерий.

Посреди «арсенала» виднелась полукруглая арка сквозного прохода. И Валерий пошел в нее, потому что иного пути не было.

Открывшаяся улица тоже была «будто девятнадцатый век». Но все же с примесью современности: афиши кинотеатра, витрины с электроникой, торчащий над заборами двенадцатиэтажный корпус — его увенчивала реклама фирмы «Koleso-Lux». Посреди брусчатой мостовой проехал бесшумный новенький трамвай... И наконец-то Валерий увидел прохожих! Не так уж много, но хватит, чтобы узнать дорогу.

Он выбрал для вопроса пожилую особу в покоем на сапог сером платье и черной блестящей шляпке. К такой особе, словно шагнувшей сюда из времен журнала «Нива» и парусиновых аэропланов, можно было обратиться только так: «Сударыня...»

— Простите, сударыня. Вы не скажете приезжему человеку, далеко ли улица Буксирная?

Особа обратила на Валерия маленькие блестящие очки. Прощлась ими по куртке, мятым джинсам, чемоданчику и кроссовкам. Сообщила неожиданно низким голосом:

— Молодой человек. Прежде чем обращаться к даме, следует убрать изо рта жевательную резинку. Кто вас воспитывал?

Как ни странно, Валерий не испытал смущения. Только хихикнул про себя.

— Виноват. Но это не резинка, а ириска. Мне было бы жаль не дососать и выплюнуть ее. Боюсь, что на сегодня это мой единственный завтрак.

Дама величественно кивнула:

— Это в какой-то степени извиняет вас... А нужная вам улица совсем недалеко. Дойдете до первого перекрестка, повернете направо, там и начинается Буксирная. Желаю успеха.

— Благодарю...

За поворотом Валерий сразу увидел двухэтажный кирпичный дом с полукруглыми окнами. На карнизах топтались голуби. Узкая торцовая стена косо выпирала тротуар, в центре ее виднелась простецкая такая, совсем не парадная дверь. Никакой надписи не было, но на углу дома белел крупный номер «11». И Валерий понял, что пришел куда надо.

Жаль было расставаться с «недососанной» ириской. Валерий выудил из джинсового кармана платок (довольно чистый), завернул клейкую конфетку в матерчатый уголок.

Потом он потянул дверь за маленькую, как на оконном переплете, ручку. Шагнул в низкий темный вестибюль (или, скорее, просторные кирпичные сени). Пахло отнюдь не академически, а как в старой конторе — пыльным картоном архивных папок и сухим деревом дешевых стульев. Хотя самих стульев не было видно. Были только двери. Почти все — без табличек. Лишь на одной висел приколотый кнопкой листок с напечатанными на принтере словами:

ИИСС. Ф-Т НЕСТАНДАРТНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
ЗАМ. ДЕКАНА ПО ВОПРОСАМ ЗАЧИСЛЕНИЯ

Опять же это было то, что надо. И штатское «зам. декана» вместо «пом. начальника» дополнительно порадовало Валерия. Он в меру решительно стукнул о дверную доску, услышал «ну кто там еще?» и шагнул через порог.

Зам. по вопросам зачисления (если это был он) оказался похожим на районного счетовода из очень давнего фильма про колхозную деревню. Валерий видел недавно такой по каналу «Ретро». «Счетовод» скучно глянул поверх круглых очков.

— Здравствуйте, — сказал Валерий вместо уставного «здравия желаю». — Разрешите представиться. Курсант Высшего Павлоградского училища спасательных служб Зубрицкий. Направлен в ваш институт в порядке перевода.

— Этого еще не хватало! — услышал он. Голос был юный и дерзкий, принадлежал он явно не заму декана. И Валерий только сейчас разглядел, что слева от письменного стола, в проеме узкого окна устроилась девица. С зелеными, как у русалки, волосами, в облегающих джинсах и коротенькой кофточке, позволяющей видеть полоску голого живота и маленький аккуратный пуп. До сей поры девица укрывалась за жел-

той саржевой портьерой, а сейчас откинула ее и свесила ногу в лаковой туфельке.

Заставив себя не смотреть на пуп, Валерий сдержанно разъяснил:

— Я не напрашивался. Перевод оформлен приказом.

— И что же явилось поводом для данного приказа? — безрадостным голосом осведомился зам.

— Не могу знать. Полагаю, в документах написано. Разрешите предъявить... — Из внутреннего кармана курточки Валерий вытащил конверт с пластиковой печатью. Положил перед «счетоводом», сделал шаг назад. Мельком глянул на девицу. Та сжала губы и попыталась одернуть кофточку (впрочем, безрезультатно). Зам. декана не стал распечатывать конверт, отодвинул на край. Снова глянул из-за очков.

— Меня интересует не казенная формулировка, а, так сказать, истинные мотивы... если можно.

И тут у Валерия выскочило — неожиданно для самого:

— Видать, рылом не вышел...

Он тут же струхнул, но зам. декана никак не отнесся к его словам. Дернул плечом и повернулся к девице:

— Евгения, не скрипи ты своим маникюром по шторе! Мороз по коже...

Девица Евгения сделала губами «пф-ф», скакнула с подоконника и, обойдя Валерия, застучала каблучками-шпильками к выходу.

Тогда зам. декана глянул с некоторым любопытством:

— А почему вы, собственно, не вышли... этим самым? Вполне достойная у вас внешность. Вон, даже Евгения за нервничала... Кстати, это наша секретарша...

Валерий позволил себе слегка пожать плечами. Он не был готов к такому стилю общения. А что касается «достойной внешности», то Валерий знал: он далеко не красавец. В меру скуласт, в меру курнос и не в меру пухлогуб. Этакий русоголовый механизатор с плаката «Сельское хозяйство Империи — одна из генеральных линий программы Регента». Правда, без присущей деревенским жителям широкоплечести.

Зам. декана вдруг сказал:

— Да вы присаживайтесь... курсант...

— Благодарю... — Валерий отодвинул от стола контор-

ский стул, сел на краешек. «Счетовод» между тем все же разорвал пакет, вынул листки, пробежался по ним очками и, кажется, не нашел там ничего интересного.

— Значит, вы не служили в армии...

— Да, я предпочел альтернативную службу.

— Какую именно?

— Был санитаром в госпитале ветеранов, потом в отделении детской онкологии...

— Ну и... не выдержали? — сочувственно спросил зам. декана.

— Не в этом дело. Просто объявили внеконкурсный набор в училище... ну и вот...

— Но как же вы, человек, не приемлющий армейских порядков, решили вдруг поменять гражданскую жизнь на казарму? Вам и оставалось-то всего ничего...

— Дело не в казарме, а в специфике. Сказали: «Училище спасательной службы». Воевать и спасать — разные дела.

— Вы пацифист?

— М-м... думаю, что не всегда.

— Вот как... Простите, а вы верующий человек?

— М-м... в принципе, да. Только...

— Что «только»?

— Ну... не ортодокс. А какое это имеет значение?

— Да так, к слову... Ума не приложу, что же с вами делать... — У зама было лицо, как у младшего бухгалтера, который запутался в годовом отчете. — И Евгения куда-то провалилась...

— Я здесь, профессор! — за спиной Валерия опять застучали шпильки. Секретарша обошла его и встала рядом с замом. (Надо же — профессор!)

— Женечка, мне кажется, надо позвонить в Павлоградское, уточнить ряд вопросов.

— Я позвонила, Илья Ильич.

Профессор Илья Ильич с надеждой вскинул на нее очки:

— И что?

— Илья Ильич, это Глухов...

— О боже... — лицо профессора изменилось. «Бухгалтерскую» му жу смахнуло крыло явного облегчения. В профессорских очках теперь читалась фраза: «С этого надо было начинать»...

ГЛАВА 2

Может быть, правда с этого следовало начать?

С недавнего разговора, который завязался у Валерия и его однокурсника — Марата Меркушина, отличника и красавца. С некоторых пор Меркушин непонятно почему тянулся к Валерию. Странно даже: этакий лидер, гордость курса, чемпион губернии по виндсерфингу — и вдруг ищет дружбы у середнячка Зубрицкого (у того и заслуг-то лишь победа в конкурсе рефератов по нетрадиционной топографии; тема — «Развертка несовершенных поверхностей в ограниченной области четырехмерного континуума»; ее, кстати, почему-то сразу засекретили). Впрочем, Валерий не сторонился Меркушина, Марат был умный парень...

Ну вот, столкнув последний экзамен второго семестра, шли они, довольные жизнью, от учебного корпуса к общежитию и решили «слинять на сторону», заскочить в кабачок «Четвертая бочка», слегка отметить начало каникул. Командиры смотрели на такие вольности сквозь пальцы, особенно когда сессия позади.

Кабачок был в укромном переулке, позади заросшего сквера. Путь лежал вдоль заброшенных газонов. На плиточном тротуаре, привалившись к штакетнику, сидела сморщенная бабка в немыслимых лохмотьях, с пластиковой миской у рваных зимних башмаков. Подняла к двум курсантам слезящиеся глазки, зажевала скомканными губами. Валерий зашарил в кармане форменных брюк, выгреб горсть мелочи (только что выплатили стипендию за летние месяцы, вперед). Высыпал монеты в миску. Бабка сильнее зашевелила ртом, Валерий разобрал слово «сыночек»...

Когда отошли, Марат снисходительно спросил:

— Это было в плане спасательных мероприятий или по зову души?

— Не знаю... Просто жаль стало старуху.

— Напрасно, — сказал Марат с добродушной усмешкой. — Чувства надо экономить. В том числе и жалость. Она должна быть целенаправленной.

— Это как?

— В смысле, что жалеть надо тех, кто вписывается в систему.

— «Чтоб понять тебя, мой милый, нынче нету моей силы»... — сказал Валерий фразу из популярной песенки. — Какая система?

— Такая. Каждая живая особь должна быть полезна структуре, в которой она существует. В нашем случае — Империи. Осуществлять гармоничное взаимодействие личности и общества и тем оправдывать свое право на существование... А у этой бабки в чем польза бытия? — Не поймешь, говорил он дурачась или всерьез.

Так же полунасмешливо (и спрятав раздражение) Валерий ответил:

— Для Империи пользы тут, наверно, никакой. Польза только для самой этой бабки. Все-таки живой человек.

— А что это за жизнь? Зачем?.. Ну, придет она с твоей мелочью в питейную лавку, наскребет на четвертинку, сядет за поленницей, выхлебает, закусит корочкой...

— Ну и что? — сказал Валерий совсем уже серьезно. — Выхлебает, закусит, ощутит хоть на пять минут какую-то теплоту в своей незадавшейся жизни. Может, вспомнит что-то хорошее. Все-таки радость для человека, если другого ему не осталось...

Меркушин опять поулыбался. Спросил мягко и снисходительно, как неопытного младшего брата:

— Но ответь: сам-то *такой* человек — он *зачем*?

— Мы едем по кругу, коллега, — тем же тоном отозвался Валерий. — Зачем *кому*?

— Обществу.

— Мне кажется, любой имеет право на жизнь независимо от степени своей общественной значимости, — сформулировал Валерий наукообразную фразу. — Живет потому, что он родился. Лишь бы не мешал жить другим. Каждому положен кусок хлеба и глоток солнца...

— Ну да. Как говорится, «всякое дыхание хвалит Господа»...

— А разве не так?

— Ну-ну... — покивал Меркушин.

— И в конце концов, — слегка завелся Валерий, — кто вправе определять ценность личности? По какой шкале? В Империи многомиллионная орава чиновников, которые

ничего не производят, мешают жить нормальным людям, получают за это колоссальные деньги и отнюдь не так безобидны, как несчастная старушка. Но почему-то никто не ставит вопроса об их бесполезности.

— Потому что они образуют *систему*, — терпеливо разъяснил Марат. — Хорошую или плохую, другой вопрос. Но иной у нас нет, значит, мы должны ее поддерживать, чтобы существовать. А поддерживать отбросы общества и лелеять человеческий мусор — значит усугублять негативные явления внутри системы и способствовать хаосу... Я был убежден, что ты это понимаешь.

— Я рассуждаю более просто. Может быть, даже примитивно... — Валерий все еще старался делать вид, что воспринимает разговор как шутивную пикировку. — Дело спасателя не философствовать, а выручать из беды любого, кто в нее, в беду, попал...

— Это в тебе булькают остатки интеллигентского чело-веколюбия, которым грешат многие сторонники альтернативной службы. Пора уже переболеть, ко второму-то курсу. И понять, что спасать следует не всякого...

— А присяга? — тихо сказал Валерий.

— Ну что присяга? Всякую присягу следует понимать в зависимости от обстановки... Регент наш ненаглядный тоже давал присягу — на верность всей Империи и каждому подданному в отдельности. А... кстати, ты ведь работал в детской онкологии? Лейкоз там и всякие другие прелести?

Валерий угрюмо сказал:

— Не хотелось бы вспоминать. — Прозвучало как «ты это не трогай».

— И все-таки вспомни. Сколько было случаев! Нужна срочная операция, пересадка костного мозга, а денег нет, и начинается очередная истерическая кампания: «Ах, спасите Вовочку, ах, спасите Танечку, пожертвуйте кто сколько может!..» Какую-то Танечку, может, и спасут, а других, скорее всего, не успеют... Было?

— И что дальше? — Валерий проклял минуту, когда согласился пойти с Меркушиным в кабак.

— Тебе не приходило в голову: почему Регент и правительство сидят своими задницами на необъятных мешках с

золотым резервом, а дети мрут? Хватило бы ничтожной доли этого резерва, чтобы спасти всех...

— Мне это приходило в голову, — отчетливо сказал Валерий. — Это сволочизм. — Впрочем, он выразился покруче.

— А вот и не сволочизм, — с грустной умудренностью отозвался Марат Меркушин. — Это, друг ты мой, суровая, но необходимая логика. Здесь нет жестокости. Просто система понимает: дети эти, если и поправятся, не смогут быть полноценными членами общества, станут нахлебниками. Так же, как миллионы беспризорников, пенсионеров, бомжей, инвалидов... Они все, как песок в отшлифованных валиках системного механизма. И чтобы механизм вертелся без скрипа, от песка надо избавляться. Это закон общественного развития.

— На фиг он, этот закон, — сказал Валерий (впрочем, сказал не «на фиг», а опять же покрепче). — И что в нем нового? Так еще в давние времена рассуждал германский ефрейтор по имени Адольф Шикльгубер. Добром не кончилось...

— Ничего похожего! Тупой ефрейтор строил систему на идиотской теории арийского превосходства и отрицал достижения мировой культуры! А сейчас речь идет о создании здорового общества, которое лишено предрассудков. И об очистке этого общества от мусора. Так сказать, во имя прогресса...

— Не понял. Где это «идет речь»? У кого? — сумрачно поинтересовался Валерий. Ох как не нравился ему разговор...

Меркушин заметно смешался:

— При чем тут «у кого»... Я так, теоретизирую...

— Погано ты теоретизируешь.

— Ну, это как посмотреть. Можно не соглашаться с чужими взглядами, но зачем поливать их помоями? — примирительно заговорил Марат. — Всякие бывают идеи... Ты слышал о движении «Желтый волос»?

— Слышал кое-что... Какое же это движение? Банда. Это ведь они десять лет назад предлагали сократить «поголовье» беспризорных пацанят и бомжей путем отравленных благотворительных обедов? Мол, тихо, незаметно и эффективно... И кажется, даже в чем-то преуспели на практике...

— Ну, ты слишком упрощенно судишь, — поморщился Меркушин.

— Тогда уж не я, а трибунал. Это он отправил «волосатиков» за проволоку на долгие годы...

— Отправил неумелых исполнителей, а инициаторы сейчас в регентском совете, — хмыкнул Марат. — Просто десять лет назад власти испугались, что после беспризорников и люмпенов «Желтый волос» возьмется за чиновников, сочтя их тоже бесполезными. Но потом договорились...

— Договорились... до чего? — тяжело спросил Валерий.

Меркушин мотнул головой. Будто очнулся.

— Да это же так, трепотня в курилке! Я знаю не больше других... А разговор-то у нас не о том...

— А о чем... разговор-то?

— В училище ожидают реформы. Расширяется специализация... Будут созданы элитные подразделения для операций особой сложности. Но там требуются ребята с крепкими нервами. Сообразительные и не страдающие излишней... впечатлительностью...

— Такие, кто поймет, что нет резона вытаскивать из огня детишек-инвалидов? Потому как они — «песок»?

Меркушин шевельнул бровями. Сказал опять:

— Слишком упрощенно судишь, дорогой...

Валерий вдруг отчетливо понял: надо жать на тормоза. Заставил себя посмеяться:

— Не злись. Я не красна девица и кое-что понимаю. Просто интересно было посмотреть, как ты лезешь в полемику...

Посмеялся и Меркушин. И они посидели в «Четвертой бочке», поговорили про июньский отпуск, про тренировочный лагерь в июле и августе, про девиц из Текстильного института. Выпили по две бутылки «Флибустьерского», закусили сушеным кальмаром...

Наутро Валерий должен был ехать домой, в Кольцовск. Думал он об этом с удовольствием. Поваляется на диване, полистает старые книжки, побродит по знакомым улицам. Этакое отдохновение души. На него уйдет неделя. А дальше можно будет махнуть на южное побережье. Сто и недешево, ну да разок-то можно себе позволить. Трехмесячной стипендии должно хватить, если не тратить на барахло...

Вечером Валерий пошел в училищный парк, что начинал-

ся за корпусом общежития. У корпуса парк был ухоженный, с прямолинейными дорожками, но дальше делался заросшим и диковатым. В самом глухом краю прятался небольшой пруд (в нем даже водились караси) с редкими кривыми скамейками по берегам. На незаметной, укрытой разросшимися ветлами скамейке Валерий и устроился. Думал, что посидит в одиночестве, побездельничает, позвонит по разным адресам: домой (завтра буду), Шурочке Глазыриной из Текстильного (не грусти до осени) и на вокзал (подтверждаю броню на завтрашний рейс).

Сумерки были светлые, но плотная листва завешивала скамейку сумраком. Пахло болотом, начинали пение лирически настроенные лягушки. Валерий лениво потянулся и вынул мобильник. В этот же миг колыхнулись листья. Кто-то сел на другой конец скамейки. Валерий напрягся. Неужели снова холера принесла Меркушина? Дурацкий дневной разговор сидел в памяти занозой. Нежданный гость мигнул электрической головкой карманной авторучки — на секунду высветил свое лицо. Сверкнули знакомые квадратные очки. Валерий напряг мышцы, чтобы встать.

— Сидите, сидите, Зубрицкий, — глуховато сказал старший капитан-инструктор Глухов по прозвищу Грач (был он черен, носат, довольно молод и не слишком строг с курсантами; впрочем, предмет свой — «Логика поведения в экстремальных ситуациях» — читал отменно).

— Сидите, — повторил Грач. — И, если позволите, я посижу с вами.

— Буду рад, господин старший капи...

— Игорь Максимович.

— Буду рад, Игорь Максимович...

— Не знаю, будете ли... Так и читаю вопрос, который прыгает у вас в голове: «Какой леший притащил сюда этого Грача и чего ему от меня надо?»

— Ну... не в такой формулировке, однако...

— Дело не в формулировке... Для начала позвольте сделать вам крошечный подарок... — Грач бесшумно придвинулся, снова включил головку авторучки. — Вот, булавочка для галстука...

Валерий увидел в пальцах капитана иголку с жемчужным

шариком. «Бред какой-то...» И почему-то заныло внутри ожидание неприятностей.

— Но, гос... Игорь Максимович, на мне нет галстука...

— А мы пока вот так... — Грач ловко воткнул булавку под лацкан курсантской курточки. — Не убирайте эту вещичку. И можно будет поговорить без помех.

— Это микрофон?

— Это... наоборот... Начнем без промедления. Скажите... Валерий... вы ведь беседовали сегодня с курсантом Меркушиным?

— Да... — И внутри заныло сильнее.

— И, насколько я знаю, высказали ряд суждений...

— Я не высказал ничего предосудительного. А если курсант Меркушин...

— Курсант Меркушин, посвященный в планы относительно элитных подразделений, совершил ошибку. Он посчитал вас человеком, готовым разделить его убеждения и намерения... не знаю, кстати, почему. Возможно, руководствовался какими-то личными симпатиями... Ну, и сказал, как теперь понимает, много лишнего...

— И кинулся стучать начальству! — вырвалось у Валерия. Он чувствовал: в его жизни что-то стремительно меняется. А две минуты назад было так хорошо!

— Ну, вы ребенок, Валерий, честное слово! — как-то совсем уж по-штатски подосадовал Игорь Максимович Глухов. — Зачем «стучать» при нынешних-то технологиях. Всегда можно узнать, кто что где говорит, кто чем дышит и даже... кто сколько раз пукнул ночью.

— Я не пукаю ночью, у меня хороший кишечник, — мрачно сообщил Валерий.

— Поздравляю вас. Но я о том, что на данной территории и вокруг оной любое слово всегда становится известным... кому надо...

— И эти слова — тоже?.. — угрюмо сказал Валерий.

— Эти — нет. Я же подарил вам булавочку. Глушитель...

— Благодарю... — Это получилось печально и с тоскливым ожиданием: «А дальше-то что? Зачем этот разговор?»

— А дальше вот что... курсант Зубрицкий... — негромко и четко, как на лекции, сообщил старший капитан-инструк-

тор. — Вам следует сейчас же пойти в общежитие, незаметно уложить чемодан, столь же незаметно отправиться на автостанцию и сесть на ночной автобус до столичного аэропорта. Я заказал для вас билет до Холмска. И еще один — на местный рейс до Заторского Посада. Оттуда вы любым удобным способом доберетесь до города Инска и сразу, невзирая на субботу, явитесь там в деканат факультета нестандартных технологий Инского института спасательных служб. Передадите пакет с документами, где говорится о вашем переводе на этот факультет... Не перебивайте... Инский институт считается филиалом нашего училища. Формально. По сути же это отдельное учебное заведение. Там у вас будет возможность получить ту специальность, которую хотели...

— Но... зачем это все? И перевод, и... вообще...

— Все еще не поняли? Для того, чтобы *вы уцелели*. Боясь... уверен даже, что здесь вам это не удастся.

«Держись, Перекос», — велел себе курсант Валерий Зубрицкий. И дерзко сказал:

— Понял. Но не все.

— Остальное поймете позже...

— И все же позвольте вопрос...

— Позволяю.

— Почему вы, господин старший капитан-инструктор, обеспокоились судьбой курсанта Зубрицкого?

— Вопрос логичный... Вам что-то говорит фамилия Иванов?

— М-м... Если перебирать всех Ивановых...

— Всех не надо. Я имею в виду Сережу Иванова, вашего школьного друга...

— Да... Он погиб год назад в Хаса-Тельпе. С караваном гуманитарной помощи...

— Я его старший брат...

— О боже... — не сдержался Валерий. — А он... никогда не говорил про брата... А ваша фамилия...

— Мы сводные братья. Мама одна, отцы разные. Я жил с отцом... Но Сережку я любил всегда, будто мы рядом. Кстати, при встречах он часто вспоминал о вас... Ну, торопись, Валерий. Чем скорее уедешь, тем лучше для тебя. Кстати, мне совсем не просто было сделать документы в течение трех часов и в рамках всех правил...

Валерий толчком поднял себя со скамьи. И спохватился:

— А вы думаете, в этом... как его... в Инске меня не достанут?

— В Инске это будет гораздо труднее. Там ты поймешь... А теперь пора.

Валерию показалось, будто мир вертится с нарастающей скоростью. И все же он сказал опять:

— Еще один вопрос. Если вы... знаете про здешние планы... то зачем вы *здесь*, Сережкин брат...

— А это вопрос... наивный. *Здесь* как раз потому, что *знаю*. Это первое. А второе... — Грач усмехнулся. — Кто бы позаботился о тебе, если бы меня не оказалось... мой разговорчивый друг... Идем.

Грач проводил Валерия до полпути, давая на ходу последние наставления. И тихо свернул в заросли цветущей сирени.

Весь путь сложился четко, по расписанию. Автобус, авиалайнер, маленький биплан местной линии, именуемый «трясогузником». В Заторском Посаде милая кассирша аэровокзала посоветовала не ждать автобуса до Ново-Заторска («ну да, до Инска, это в общем-то одно и то же»), а пойти на ближнюю пристань и сесть на утренний катер.

Валерий так и сделал. По пути он встряхивал головой и удивлялся стремительности происшедших перемен. Однако не очень. Почему-то стало казаться, что все в жизни наладится. Одно плохо — накануне он замотался и не поужинал в курсантской столовой. Последней вчерашней пищей были волокна сушеного кальмара, которым он закусывал «Флибустьерское». А завтрак вот — облизанная ириска, которую пришлось спрятать в платок...

ГЛАВА 3

Нет, Валерий не сказал, конечно, ни о разговоре с Меркушиным, ни о Граче. Но понимание, что здесь знают Глухова, знают о «Желтом волосе» и «элитных планах» и планы эти, мягко говоря, не одобряют, сразу стало ясным.

— Вас как зовут-то? — вдруг спросил зам. декана.

— Валерий... — Он ощутил, что разговор переходит на иной уровень.

— А отчество?

— Павлович... — слегка удивился он. Сроду не обращались к нему по отчеству.

— Надеюсь, не Чкалов, — слегка улыбнулся профессор Илья Ильич.

— Да Зубрицкий же! — вмешалась Евгения. — Он ведь уже сказал!

— Да-да... склероз... Я вас, конечно, беру, Валерий Павлович. Если вас не испугают всякие трудности...

— Не испугают! — сразу пообещал он (и мельком опять глянул на Евгению).

Евгения нацелилась на него крохотным фотообъективом сотового телефончика. Валерий насупился:

— Это зачем?

— Для делопроизводства. А вы думали, мне на память?.. Чуть повернитесь направо.

Валерий «чуть повернулся». Мигнул от микровспышки. Секретарша Евгения опять застучала шпильками к двери.

— Оперативная девочка, — с удовольствием сказал Илья Ильич. — Ну-с, а что касается трудностей... Должен предупредить, что факультет пока в стадии становления. Неизвестно даже, успеем ли оборудовать к сентябрю учебные помещения и тренажеры... И такой еще вопрос. У нас нет общежития. Придется устроить вас на частную квартиру, у нашей хозяйки есть соглашение с местными домовладельцами. Но жилье, сами понимаете, не люкс. И доплачивать придется...

— Да ладно, чего там... — совсем уже не по-уставному отозвался Валерий. Все происходящее нравилось ему больше и больше.

— В таком случае я дам вам адресок... — Илья Ильич вынул из стола бланк, вписал в него несколько слов, двинул бумажку Валерию. На казенном листке было написано (частью на принтере, частью чернилами):

НАПРАВЛЕНИЕ

Направляется курсант («курсант» зачеркнуто, написано почему-то «студент») Зубрицкий В.П. для поселения на част-

ной ж/п, арендованной хозчастью ИИСС по адресу: *Скворцовский пер., д. 2, у домовладельца г. Галкиной К.С.*

Зав. хозчастью (И.И. Яковенко).

— Мне следует зайти в хозчасть за подписью? — понимающе сказал Валерий.

— Что?... Ох, склероз. Дайте... — Илья Ильич снова уткнул бумагу к себе и размашисто расписался. — Я, дорогой Валерий Павлович, здесь один во многих ипостасях. И декан, и зам. по разным вопросам, и даже и. о. ректора. Решено не раздувать административные штаты... Кстати, взгляните, здесь на обороте есть адресная схема Инска. Чтобы новички не заблудились... Вы ведь первый раз в Инске?

— Раньше и не слыхал о нем, — признался Валерий. — И почему-то не нашел на карте в столичном аэропорту...

— Это естественно... Со временем разберетесь. А пока...

В этот момент опять явилась секретарша Евгения с русалочьими волосами (и в куцей кофточке). Положила перед профессором развернутые корочки.

— А вот и ваш студенческий билет! — обрадовался Илья Ильич. — Я же сказал: оперативная девочка... — Он расписался и протянул корочки Валерию. Тот взял с недоумением:

— А разве прежний не годится?

— Оставьте на память, — посоветовала Евгения и снова села на подоконник (чтобы стрелять глазами и натягивать кофточку на пуп).

На билете Валерий усмотрел свое цветное фото, сделанное пять минут назад. С разлохматившейся прической, расстегнувшимся воротом (видимо, здесь такое разрешается!).

— Спасибо... но позвольте спросить, профессор. Везде написано «студент», а не «курсант». Разве институт не филиал военизированного училища?

— Что? А... ну, в какой-то степени филиал, но не военный...

— Вас это огорчает, курсант Зубрицкий? — ласково спросила с подоконника Евгения.

— Н-нет, но беспокоит. Я не закончил альтернативную службу, училище шло в покрытие срока, а здесь...

— В Инске вам все покроют, — утешил Илья Ильич. — Не

грузитесь такими проблемами... Кстати, вам ведь сейчас положены каникулы?

— Там были положены, до июля, а здесь... я не знаю...

— В июне можете отдыхать. Но... если никуда не собираетесь, советую заглянуть на Крепостную улицу. Там расположено любопытное фортификационное сооружение, в котором ваши коллеги вместе с рабочими заняты ремонтными делами, готовят лаборатории. В добровольном порядке. И всегда рады помощникам.

— Но сегодня и завтра не ходите. Потому как суббота и воскресенье, — уточнила Евгения. — Все нормальные люди отдыхают, кроме нас...

— Да. Я... конечно... А, простите, почему в билете написано «первый курс»? Я ведь перешел на второй.

— Потому что здесь другая программа... Валерий Павлович, — известила его из-за шторы Евгения. — Пока не ясно, все ли предметы по ней у вас зачтены.

— У меня есть зачетная книжка. Можно посмотреть...

— Вот и посмотрим...

Илья Ильич покосился на окно.

— Евгения, не скрипи по шелку маникюром... А курс... это же формальность... Вот... — он привстал над столом, нагнулся и в билете рядом с одинокой римской единицей поставил авторучкой вторую. Евгения за шторой, кажется фыркнула. — Все детали нашего бытия, — продолжал Илья Ильич, — вы уясните при встречах с вашими коллегами в Крепости. А сейчас рекомендую отправиться на поиски арендованной «жэ пэ». Пока хозяйка не поселила кого-нибудь другого...

Но Валерий, оказавшись на улице, прежде всего кинулся искать какую-нибудь кафешку. В желудке стонал вакуум. Точка общепита обнаружилась быстро. Называлась она «Будьте как дома». Внутри бревенчатой комнатки пахло жареной картошкой и сосисками с капустным гарниром. Валерий взял по две порции того и другого и через полчаса выплыл наружу, чувствуя себя перегруженным лихтером на мелководье. Отдышался на замеченной поблизости скамейке. И наконец вспомнил, что надо позвонить домой.

Он пытался звонить еще вчера, с дороги, но ни квартир-

ный телефон, ни сотовые не отвечали. Наверно, мать с Шуриком были в гостях или в театре, а мобильники отключили. Валерий (икая от сытости) достал свой старенький «Консул», снова набрал домашний номер и... вот еще забота! Выскочила надпись: «Сеть не найдена». Валерий плюнул, понажимал снова. И новое сообщение: «Poisk seti zatrudnen. Obratites' k dispatcheru Insktelenet». Валерий вспотел, пока разобрал. Потом плюнул. Где искать этого dispatcher'a, пропади он пропадом?

К счастью, неподалеку торчала ветхозаветная будочка междугородного автомата. Валерий вернулся в кафе, купил телефонную карточку, позвонил в Кольцовск. Трубку взяла мать. Валерий сообщил, что, во-первых, у него забарахлил мобильник и постоянной связи пока не будет, а во-вторых, в училище изменили программу, поэтому на каникулы он сейчас не приедет.

— Меня заслали на летнюю практику в город Инск, и, видимо, я здесь застряну надолго.

Мать даже не спросила, где этот Инск. Похоже, что сообщение Валерия не огорчило ее.

— Тогда мы не станем тебя ждать и завтра уедем с Шуриком в Геленджик, у нас горящие путевки. Починишь телефон — позвони...

— Привет Шурику, — сказал Валерий.

Шурик — это мамин муж. Он был значительно моложе сорокалетней мамы и при знакомстве с Валерием, год назад, жизнерадостно сказал: «Дружище, в полноценные папаши я не гожусь, а вот в компаньоны по рыбалке или преферансу — за милую душу». — «На том и порешим», — согласился Валерий. Хотя не любил ни рыбалку, ни карты.

А с настоящим папашей Валерий общался не чаще двух раз в году — обменивались поздравлениями к праздникам. Отец уже пятнадцать лет жил в Канаде, с женой, которую Валерий никогда не видел (и видеть не стремился).

Валерий снова обосновался на скамейке (рядом с гипсовой скульптурой — девочка и мальчик верхом на крокодиле) и начал разглядывать схему на обороте бумажки-направления.

Схема была любопытная. Оказалось, что центр Инска располагается на треугольной территории. Треугольник ограни-

чен с одной стороны рекой, с другой — одним из рукавов разветвленного оврага (с речкой Тоболкой), а с третьей — пустым пространством, помеченным словом «бол.» (болото, что ли?). По краю этого пространства, замыкая центральный район, тянулась пунктирная линия. Вдоль нее выстроились мелкие буквы: *Крепостная линия. Пам. старины.* Валерий сообразил, что на этот «Пам. старины» ему и следует отправиться в понедельник, чтобы не чувствовать себя туннеадцем, когда его будущие сокурсники кладут силы на пользу просвещения.

Однако сейчас нужно было искать Скворцовский переулок и домовладелицу Галкину К.С. (интересно, что у нее за ж/п?).

Разумеется, схема на бумажке была самая простая, не всякий переулок на ней найдешь. Однако за пределами центрального треугольника, к югу от рельсовой линии, Валерий увидел чернильную стрелку и рукописные буквы: *Пер. Скворцовский.* Судя по всему, путь предстоял не близкий. Но Валерий подумал, что есть резон пройти пешком, чтобы познакомиться с Инском поближе. Тем более что ни транспортных маршрутов на схеме, ни трамвайной или автобусной остановки поблизости не было видно, а расспрашивать не хотелось (вспомнилась дама в салопе и шляпке).

Валерий прикинул по бумажке выбранную дорогу (не прямую, а слегка извилистую — ради любопытства), подхватил чемоданчик, погладил по морде гипсового крокодила и зашагал.

Сперва улица была обычная, вроде как в центре Кольцовска, но, обогнув девятиэтажный офис «Инскпромбанка», он опять очутился в тишине и безлюдье. А точнее — в заросшем полынью проходе между стеной из бетонных плит и забором из кривых горбылей. На плитах там и тут белели нацарапанные мелом ребячьи рисунки (в основном улыбочивые коты и тонконогие «буратины»), а на одной бросились в глаза крупные детские буквы:

СВГ — ДА!
НОВО-ЗАТОРСК — НЕТ!
РЕГЕНТ — ПИПИСЬКА!

Надпись была непонятна. За исключением двух последних слов, которые не вызвали у Валерия возражения.

Проход вывел на улицу, именуемую «2-я Смоленская». «Район Смоленских улиц», — вспомнил Валерий схему.

Здесь был особый мир. Тихий, просторный и будто лежащий вне времени. «Никогда не видел таких большущих деревянных домов», — подумалось Валерию. Это были бревенчатые или обшитые досками здания в два или три этажа (а одно даже четырехэтажное. С мезонинами, башенными выступами, террасами, наружными лесенками, решетчатыми балконами и маленькими, покрытыми чешуйчатой жестью куполами. С обширными окнами (иногда овальными — «венецианскими»). С обильной резьбой крылечек, наличников и дверей — довольно разностильной и от этого еще более интересной.

На плоской булыжной мостовой там и тут подымалась щетинистая травка, а местами цвели одуванчики. Несколько пацанят дошкольного вида посреди улицы перекидывались красной пластмассовой тарелкой.

— Здравствуй! — весело и храбро сказала Валерию девочка, похожая на лампу в пестро-шелковом абажуре.

— Привет, — охотно отозвался Валерий.

— Вы кого-то ищете? — осведомилась она и наклонила к плечу кудрявую голову.

— Просто смотрю...

— А-а... — понимающе отозвались несколько ребятшек.

Меж домов были видны широкие промежутки — видимо, проходы на другие улицы. Судя по всему, такие же удивительные и спокойные. Улицы заманивали в себя. И Валерий свернул в одну, в другую. «4-я Смоленская»... «Малый Смоленский пер.»...

На некоторых домах были вывески: «Швейная мастерская «Царевна», «Библиотека № 3», «Детский сад «Дружные гномы». Из распахнутого окна «Гномов» доносились аккорды пианино и разноголосое пение. А на улице почти никого не было. Лишь попались навстречу две бабушки с колясками да похожий на завхоза дядя с портфелем. А еще пестрая коза и серая кошка, которые шли рядышком посреди улицы, чем-то озабоченные. На Валерия не взглянули.

Он оказался на тесной площади, посреди которой подымалась кирпичная церквушка с похожими на шахматных королей башнями. Кресты отбрасывали лучистые блики, небо над ними было очень синим. Из церкви вышел бородатый батюшка, сел на желтый мотороллер и бесшумно уехал в улицу рядом с магазинчиком «Букинисть Букинъ». Валерий засмеялся (по поводу вывески), но в магазин не пошел, а двинулся в ту же сторону, что укативший священник.

Эта улица (6-я Смоленская) была у же прежних. Похожие на терема ворота нависали прямо над мостовой. А двухэтажные дома по разные стороны дороги кое-где соединялись крытыми застекленными мостиками...

Ну и ну! Кто бы мог подумать, что в Империи сохранились такие города!.. Впрочем, велика ты, матушка Империя, и, возможно, даже сам Регент не знает про каждый город, хотя и печется об отечестве неустанно и неусыпно (забудем надпись на заборе!)...

— Просто заповедник какой-то, — с удовольствием сказал себе Валерий.

— Совершенно справедливо изволили заметить! — раздался сбоку дребезжащий голос. Неизвестно откуда возник рядом длиннородый старичок в большой, похожей на ковбойскую шляпе, сморщенных парусиновых штанах и модной джинсовке. Уж не один ли из «храбрых гномов»? — Именно заповедник! — продолжил он, приподняв на ходу шляпу. — А вы, я вижу, приезжий? В таком случае вам любопытно будет узнать, что эти и многие другие улицы сохранены усилиями нашего городского головы Петра Кондратьевича Столетова, истинного патриота Инска и человека весьма отважного. Он не дрогнул, даже несмотря на явное недовольство местного представительства Регента. А когда ново-зоторская фирма «Ньюрегион» предложила Петру Кондратьевичу снести Смоленский квартал и построить здесь, как они выразились, «современный сити», наш голова поступил весьма просто. Он взял бумагу и начертил на ней одно слово. Господа из «Ньюрегиона» спросили: что это? А он: «Я интеллигентный человек и не могу вслух назвать место, куда вам надлежит идти с вашим проектом...» Хе-хе... Был скандал... Но теперь, когда Инск вошел в Эс Вэ Гэ, жить стало легче...

Старичок весело семенил рядом с Валерием, который делкатно придержал шаги и осведомился:

— Простите мое невежество. Я только утром оказался в этих местах и совершенно не в курсе: что такое Эс Вэ Гэ?

— Как же! Союз Вольных Городов, сударь мой! Союз! Тот, куда в данное время входят города самых разных областей планеты. Областей и... гм... пространств... Это всем известные приморские Льчевск и Кан-Орра, Ретгерберг, недалекие от нас Овражки, Ново-Туринск и... в общем, ряд еще... Странно, что не слышали...

— Увы... Не слышал и... боюсь признаться, но даже не могу уяснить. Что за Союз? Ведь, чтобы стать вольным городом, надо обрести экономическую независимость от Империи, или...

— Да что вы, что вы! Речь не идет об экономике!.. Здесь вступает в силу, как говорится, независимость иного плана. Основанная на... Впрочем, если поживете у нас хотя бы несколько дней, то разберетесь, я полагаю...

— Думаю, что поживу... Однако позвольте еще вопрос. Инск и Ново-Заторск... Какая-то странная взаимосвязь или, наоборот, противоречие... В чем смысл? Это один город с двумя названиями или...

— Совершенно точно уловили, молодой человек! Взаимосвязь-противоречие. И в чем-то даже отрицание! Некоторые обитатели Ново-Заторска, и прежде всего его властные структуры, склонны полагать, что Инска просто нет на свете. Что он — этакая эмоциональная или, как сейчас принято говорить, виртуальная надстройка Ново-Заторска. Не то легенда, не то игра чьей-то фантазии и посему не имеет права на реальное существование.

— Может быть, что-то связанное с нестыковкой плоскостей многомерного континуума? Я когда-то занимался такими вопросами, но считал, что все это в области сплошных абстракций...

— Как видите, здесь не только абстракции... хе-хе... Впрочем, я, должен признаться, являюсь полным профаном в современных теориях, электронных мудростях, виртуальностях и вопросах многогранного мира. Учился, когда еще писали стальными перьями, макаемыми в чернильницы-непроли-

вашки, да-с... До сих пор не могу освоить сотовый телефон, подаренный правнучкой. Мое техническое развитие застряло на уровне телевизора «КВН» и кухонных электроплиток... Впрочем, говорят, что сейчас и плитки эти порой выкидывают нечто непредсказуемое. Вот так-с... Могу ли я, молодой человек, чем-то еще быть вам полезен?

— Спасибо, можете. Не скажете ли, как проще добраться отсюда к Завокзальному району, где, по некоторым данным, расположен некий Скворцовский переулочек?

— Тремя путями! — обрадовался «храбрый гном». — Если изволите повернуть налево, скоро окажетесь на центральной улице, которая в Ново-Заторске именуется Имперской, а в Инске Садовой. По ней ходит автобус номер два, он доставит вас прямо к вокзалу, а там вы легко сориентируетесь. Если же вы двинетесь направо и чуть назад, то попадете на Театральный бульвар, он параллелен Садовой. По нему, а потом по проезду Большого Рынка, вы после получаса неспешной ходьбы окажетесь у моста, который ведет через рельсовые пути. За ним и начинается Завокзальный поселок. Но есть и более короткий путь. По Зеленым дворам. Это обширные проходные дворы с их неспешной, отгороженной от улиц жизнью. Я иногда гуляю по ним. Порой они напоминают поленовский «Московский дворик», хотя более масштабны и менее патриархальны... Вон в те ворота, если угодно...

Старичок приподнял шляпу «вестерн», и, когда Валерий, взглянув на ворота, обернулся к собеседнику снова, «гном» уже куда-то пропал.

ГЛАВА 4

Ворота были кривые и тяжелые — со столбами, увенчанными жестяным кружевом, с накладным деревянным узором на могучих створках. Одна створка была когда-то отодвинута, да так и вросла в землю. Валерий вошел в широкую щель.

Двор оказался большущий — ну прямо стадион. Обступившие здешнее пространство дома были не только такие, как на Смоленских улицах, но и попроще, пониже. Деревянные и кирпичные, под штукатуркой. Кое-где виднелись гаражи, и у них возились с машинами и мотоциклами озабочен-

ные владельцы. Но они на этом просторе не мешали ощущению безлюдья. Местами двор покрывали треснувшие каменные плиты, а между ними подымалась высокая поросль безымянных уличных трав. Горело желтое мелкоцветье, над которым кружились такие же солнечные бабочки. Валерий неспешно пошел по плитам и сквозь траву.

Полная женщина в клетчатом переднике развешивала между столбами белье. Доставала из поставленного на землю таза простыни и рубахи, укрепляла их на веревке зажимами, а потом бралась за поясицу и кривила лицо. Увидела Валерия, окликнула, будто знакомого:

— Голубчик, поддержи посудину, помоги хворой тетке!

Хворой она не казалась, но Валерий поставил чемоданчик и взял тяжелый таз. Пошел рядом с тетушкой, которая доставала и вешала белье штуку за штукой. От влажной ткани вкусно пахло свежестью.

— Мужики-то мои до рассвета слиняли на рыбалку, — весело пожаловалась тетка. — А я вот со своим радикулитом верчусь одна. Нагибаться — каждый раз такое страдание... Ну, спасибо тебе. Ты, видать, на каникулы приехал?

— Типа того, — усмехнулся Валерий, вспомнив коричневых лягушат со штурвалом.

— Ну, счастливых тебе гуляний... И девушку хорошую...

— Само собой, — согласился Валерий. И почувствовал себя своим на этом дворе.

Впрочем, не только на этом, на другом тоже.

— Добрый день, — сказал он щетинистым мужичкам, забивавшим «козла» на щелястом столе.

— Тебе того же! — оживились мужички, задвигались. — Присаживайся с нами, у нас пивко есть.

— Спасибо, спешу... — (хотя и не очень спешил).

— Ну, добрый путь тогда...

Третий двор и правда напоминал картину Поленова. На залитом солнцем просторе торчали горбатые сараи, белели березовые поленницы, кривился колодезный сруб, валялось колесо от допотопной телеги. Над заборами подымалась очень белая шатровая колоколенка.

Через траву двигалась гусиная вереница. Предводитель с большой шишкой на лбу глянул на Валерия подозрительно.

— Я хороший, — на всякий случай сказал Валерий. Гусак поверил. Гоготнул по-свойски и повел вереницу дальше.

А Валерий через проход среди поленниц проник еще на один двор. Такой же широкий, как и прежние.

Здесь было совсем безлюдно. Сначала. А потом, на дальнем конце, из-за ржавого остова древнего «москвичонка» показался мальчишка. Он бежал.

Как-то неловко бежал — то ли спотыкался, то ли прихрамывал. И оглядывался. «Уж не гонятся ли за пацаном?» — кольнуло Валерия.

Но дело было в другом. От мальчишки тянулся вверх шнур, а на конце шнура, метрах в двадцати над землей, дергалось, ныряло из стороны в сторону... непонятно что.

То есть похоже, что змей, только странный какой-то. Коробчатый, что ли? Но коробчатые конструкции бывают обтянуты тканью или бумагой, а здесь весь каркас был виден насквозь. А внутри его что-то громоздило.

Валерий остановился у заросшего тополиного пня и ждал. Мальчишка рывками приближался (дергал при этом шнур). Он был в сизой мятой одежонке, вроде той, какую лет десять назад носил и Валерка Зубрицкий. Разлохмаченные на кромках джинсовые шорты, такая же безрукавка, надетая на голое тело. Ременчатые сандаletки на босу ногу... Наверно, из-за них, слишком разболтанных, он и спотыкался.

Наконец хозяин змея (или не змея?) остановился в двух шагах. Мельком глянул на Валерия, развернулся и запрокинул голову.

Было ему, как и близнецам на берегу, лет девять.

Если бы тощему и ломкому Буратино заменили нос дырчатым шариком, а круглую голову украсили оттопыренными ушами и сверху покрыли темным ёжиком, то получился бы в точности этот мальчишка. Впрочем, Валерий подумал про такое сходство мельком, потому что смотрел он, как и мальчик, на летающую «штуку».

«Штука» приземлялась. Мальчик что-то сердито шептал, растопыривал немые локти и дергал шнур (а точнее — обычную бельевую веревку). Видимо, пытался управлять спуском. Но спуск проходил неуправляемо — зигзагами, то быст-

ро, то медленно. И наконец сооружение косо брякнулось в низкий клевер и подорожники.

Валерий увидел, что это обшарпанный стул из круглых гнутых палок (такая мебель, кажется, называется венской). Стул лежал, завалившись на спинку. В разных местах на нем были укреплены бумажные и пластмассовые вертушки, изогнутые жестянки, мелкие шестеренки и ржавые диванные пружины. А на обратной стороне сиденья держалась примотанная проволокой мятая противогазная коробка (Валерий раньше видел такие в музейном отделе «Вторая мировая война»).

«Обалдеть», — подумал Валерий. Сам того не заметив, подошел вплотную, навис над стулом. Уронил в траву чемоданчик и зачесал в затылке. Взглянул на мальчишку. А тот стоял на одной ноге и левой сандалеткой чесал правую шиколотку. Смотрел на приземлившийся стул и неразборчиво бормотал.

Потом сказал разборчиво:

— Ну, чего тебе опять не хватает, паразит?

Это он стулу, а не Валерию. А Валерий спросил:

— Что у тебя за устройство такое?

Мальчик глянул быстро, отвернулся опять и ответил без охоты, но и без промедления:

— Это лап.

— Что за лап?

— Ну, сокращенно «летательный аппарат».

— Понятно, что летательный. А почему?

Хозяин лапа посмотрел внимательней. Был он темново- лос, а глаза светлые — серые. Круглые и печальные.

— Тебе правда интересно или ты так... для разговора?

«Для пустого трёпа», — перевел Валерий.

— Мне в самом деле интересно. Как этот лап летает? Вопреки всем законам аэродинамики...

— Здесь другие законы, — сумрачно отозвался мальчишка и опять стал смотреть на стул. Некоторые вертушки лапа крутились, хотя не было на солнечном дворе ни малейшего дуновения.

— Объяснил бы... — неуверенно попросил Валерий.

Мальчик вдруг сел, прислонился к пню, подтянул колени. Глянул на Валерию снизу вверх. Кажется, учуял в незнакомом парне по правде заинтересованного человека.

— Смотри. Видишь этот стул из гнутого дерева?

— Вижу. И что?

— А в изогнутом дереве всегда возникает напряжение...

— Понятно, — кивнул Валерий. — И что дальше?

Мальчик поморщился. Не перебивай, мол.

— А если в чем-то возникает напряжение, в этом предмете и вокруг него ускоряется время...

— М-м...

— Если «м-м», тогда ты ничего не поймешь, — досадливо сказал хозяин лапа. — Чтобы понять, надо принять этот закон...

Он совсем не похож был на юного интеллектуала. Этакое уличное дитя с исцарапанными конечностями, шелухой на ушах и болячкой на верхней губе. Но говорил правильными фразами. «Видать, немало читает», — мелькнуло у Валерия.

— Ладно, я принял закон... — Валерий сел на корточки между мальчиком и лапом. — Но при чем тут полеты?

— А ты знаешь, как работает самолетное крыло?

— М-м... Знал. Но подзабыл, — соврал Валерий.

— Оно снизу плоское, а сверху выпуклое. Поэтому воздух обтекает его неодинаково. С выпуклой стороны путь у воздуха длиннее и скорость больше, чем снизу. А там, где у газа или жидкости скорость больше, давление уменьшается. Значит, на крыло снизу вверх давит подъемная сила...

— Правильно. Я вспомнил...

— Ну вот. И со временем так же. Если оно движется с разной скоростью, между двумя потоками возникает энергия. Тоже подъемная сила...

— С ума сойти! — искренне восхитился Валерий. Не столько теорией, сколько ее изобретателем. Но и теория была «с ума сойти». Впрочем, все гениальное граничит с бредом. А то, что идея мальчишки не совсем бред, доказывал вот этот самый лап — он прилег рядом, как уставшая собака, и тихо шелестел вертушками.

— Странно, что до этого никто не додумался раньше... — неуверенно сказал Валерий.

— Наверно, додумывались. Только никто не догадался использовать стул. А в таких стульях напряжение накапливается особенно сильно. Не знаю почему...

Оба стали смотреть на стул.

— А вот все эти штуки на нем... Они для чего?

— Регуляторы всякие, — отозвался мальчик уже более охотно. — Стабилизаторы. Лапы, они ведь капризные. Потому что потоки времени неравномерные, то есть изменчивые. Как вода в ручье... А коробка — это приемник мысленных команд. Чтобы управлять на расстоянии...

— Получается?

— Без веревки пока не получается... Да и с веревкой не всегда, — признался юный изобретатель. — Сейчас вот тоже... Я же ему не велел спускаться, а он...

Мальчик на коленках подобрался к лапу, шелкнул по коробке, тронул бумажную вертушку на ножке стула. Вертушка держалась на изогнутой проволочной шпильке. Шпилька покосилась и упала.

— Вот с-скотина... — шепнул мальчик. Оглянулся на Валерия. — У тебя нет чего-нибудь, чтобы ее прикрепить? Она держалась на смоле, да та высохла...

— М-м... — Валерий мысленно перетряхнул содержимое чемоданчика. — Кажется, нет... — И вспомнил! — Подождика!..

Выудил из кармана платок, отодрал от материи прилипший комок ириски. — Вот... вроде смолы...

— Ура... — тихонько сказал мальчик. Помусолил пальцы, отщипнул от клейкого комка примерно треть и этим кусочком умело прикрепил основание шпильки к ножке стула. — Вот так. И не вздумай больше валять дурака...

Вертушка закрутилась.

— Не туда! — Мальчик шелкнул по бумажным лопастям. Они послушно завертелись в обратную сторону. Хозяин лапа сел на прежнее место. Слепил из оставшейся ириски что-то вроде крохотной шахматной пешки, посадил ее на зеленое от сока подорожников колено, покачал.

— В этой штучке тоже напряжение времени? — спросил Валерий.

— Не-а. Это же аморфная масса. А напряжение возникает там, где есть жесткая структура. Из клеток или из кристаллов...

— Слушай, ты в каком классе? — не выдержал Валерий.

— В третьем. То есть перешел в четвертый...

— А откуда у тебя такие знания? По физике и вообще...

— Отовсюду... В Информатории все есть. Подключайся и скачивай.

— Не всякий к нему умеет подключаться...

— Я научился... помаленьку... Там есть раздел «Темпоральные векторы и кольца Великого Кристалла»... Он вообще-то закрытый, но я нашел шелку...

«С ума сойти, — опять восхитился Валерий. Про себя. — Велики чудеса твои, град неведомый Инск...»

— Тебе не говорили, что ты юный талант?

— Не-а... — опять сказал мальчик. — Я юный троечник. Я не умею даже складывать столбиком четырехзначные числа.

— Говорят, этого не умел и великий Эйнштейн.

Мальчик не удивился имени Эйнштейна — видимо, знал. Ответил со вздохом:

— Скажите это Нине Петровне.

— Твоя учительница?

— Ну...

— Придирается?

— Нет, она хорошая. Но я же правда не умею складывать столбиком... — Он отклеил от колена пешку и вылепил вермишелинку.

— Как тебя зовут? — спросил Валерий.

— Лыш...

— Как?!

— Лыш, — отчетливо повторил мальчик. Это как-то переключалось с «лапом».

— Тоже сокращенное слово? — проявил догадливость Валерий.

— Нет, не сокращенное. Оно из стихов, — с прежней отчетливостью сообщил мальчик Лыш.

Валерий вопросительно молчал. Тогда Лыш внятно и коротко разъяснил:

— Дело было в первом классе. Зимой выпал большой снег, и мы слепили снеговика. Он был маленький, и его называли Малыш. Потом мы на уроке физкультуры катались на лыжах с горок и Малыша тоже поставили на лыжи. Но он все

время падал. Пришлось поставить у забора... А назавтра Нина Петровна сказала, чтобы мы сочинили стихи про зимний день. И я написал:

Снегу стало выше крыш.
Наш Малыш
Свалился с лыш...

— Хорошо сочинил...

— Нина Петровна тоже сказала, что хорошо. Только подчеркнула последнее слово. Говорит, что на конце нужна буква «жэ». А я стал спорить. Потому что если «жэ», то получается нескладно. Называется «неточная рифма»...

— Почему неточная? Произносится же все равно как с буквой «ша»...

— Это я уже потом понял. А тогда спорил изо всех сил. Я свое, а она свое...

— И что? Снизила оценку?

— Нет, поставила пятерку. Засмеялась и говорит: «Ну, хорошо. Только в контрольном диктанте или сочинении, когда подвернется это слово, пиши все же по правилам». Я сказал, что ладно. Тогда все тоже стали смеяться: «Лыш, не падай с лыш-ш...» Так и приклеилось...

— Не обидно? — осторожно спросил Валерий.

— Не-а. Это же не дразнилка, а как второе имя. Даже лучше, чем первое. Константинов на Земле полно, а Лыш один-единственный. — Из чего следовало, что настоящее имя Лыша — Константин.

«Лыш» и правда было лучше. Это имя как-то смягчало угловатость мальчишки и чрезмерную правильность (порой даже некоторую деревянность) его речи.

— А меня зовут Валерий...

— Куда, паразит! Стой сейчас же! — заорал в этот миг Лыш и вскочил. Ошарашенный Валерий сел в траву, раскинув ноги. Но оказалось, Лыш кричит не ему. Это лап воспользовался, что на него перестали смотреть, и бесшумно поднялся в воздух. Он улетал метрах в пяти над землей в сторону дальнего забора. Веревка шелестела по клеверу.

— Стой, зараза! — Лыш, нескладно махая руками, мчался следом, пытался ухватить веревку. Но коварный лап взмыл, веревка хлестнула по забору и ускользнула. Лыш остановил-

ся, упершись ладонями в доски. Лап набирал высоту и стремительно уменьшался в размерах. Лыш постоял, задрал голову, потом, кажется, плюнул и зашагал обратно, к покрытому мелкой тополиной порослью пню.

Валерий встал. Он смотрел, как идет Лыш — неловко, слегка скособоженно, невпопад дергая локтями. «Кажется, последствия давнего полиомиелита, — подумал нагледевшийся на больных ребятишек Валерий. — Чуть заметные, но все-таки есть...» И отвел глаза, чтобы подошедший Лыш не заметил его догадку.

Лыш через плечо посмотрел на исчезающий летательный аппарат. Потом досадливо глянул на Валерия.

— Разговорились, а он...

— Может, вернется? — виновато сказал Валерий.

— Ага, жди...

— Лыш, а ты не думаешь, что он обиделся? Ты с ним как-то... неласково...

— Да я с ними по-всякому! И добром, и... Это ведь не первый. И не второй... Теперь опять новый стул искать... А за веревку дома влетит, я из кладовки без спросу утянул.

«Пойдем в «Хозтовары», купим новую веревку», — чуть не сказал Валерий. Но сдержался. Понял, что мальчик Лыш не примет столь примитивного сочувствия.

— Долго ты его строил?

— Недолго... Долго стул искать. Пока все свалки да чердаки облазишь... Теперь ведь таких не делают, это старая мода...

— Извини, Лыш. Это из-за меня. Заболтал я тебя, и вот...

Лыш мотнул шетинистой головой, глянул холодно. И отвел опять четко и размеренно, будто расставил деревянные кубики:

— Нет. Я сам виноват. Надо было привязать, а я забыл. И вот следствие...

— Ну, извини еще раз, Лыш, и я пойду. Мне пора.

Лыш смотрел мимо. Валерий все же кивнул ему, взял чемоданчик и пошел прочь. Но через несколько шагов не выдержал, оглянулся. Они встретились глазами. Лыш смотрел без прежнего недовольства, а как-то... слегка ласково даже.

— Пока, — с облегчением сказал Валерий.

Лыш чуть улыбнулся (шевельнулась болячка на губе):

— Аакса танка, тона...

— Ития... — машинально ответил Валерий. И пошел к выходу со двора — тоже с полуулыбкой.

И лишь на другом дворе — похожем на прежний и абсолютно пустом — Валерия словно ударили навстречу тугой подушкой. Он постоял, помотал головой, чувствуя на губах мелкий сухой песок («красный песок!»). Кинулся обратно — и бежать было трудно, будто он двигался в текущей навстречу воде.

Вот он двор, где они только что говорили!

Но Лыша не было. Не было на всей ширине просторного, как зеленый полигон, двора. И звенело солнечное безмолвие...

ГЛАВА 5

Хозяйка оказалась рыхлая, добродушная, говорливая.

— Как звать-то?.. Валерик, значит! А меня кличут баба Клава. Соседки попрекают: «Какая ты «баба», даже не на пенсии еще, и мужики на тебя поглядывают», да я им обратно: «Не мелите языками, окаянные, грех один! Мое дело нынче одно: молодежь опекать, будто внуков своих... Вот и Юнка, племянница, дочка брата Василия, меня бабой Клавой зовет, с малых лет повелось... Она тут, при мне, Юночка-то, родители из Коврова прислали на учебу, да очная учеба не получилась из-за конкурса, теперь на заочной она, в школе художников, а работает на Фарфоровом заводе, посуду разрисовывает...»

Валерий спросил, нужен ли аванс.

— Да подожди с авансом-то, поживи сперва, может, еще не понравится!

Валерий сказал, что понравится.

Баба Клава привела его в комнатку, оклеенную бледно-синими обоями с рисунком из корабликов и чаек. Деревянная кровать, стол с ящиком, два стула (не венских), книжный стеллаж до потолка. Не богато и не просторно. Однако по сравнению с казарменной комнатой на шестерых — отель «Астория».

Пахло известкой побеленного потолка и вымытым некрашеным полом.

Окно было широченное. Что-то празднично-красное отражалось в стеклах распахнутых створок. Валерий уперся ладонями в подоконник, выглянул наружу. За окнами были грядки и яблони, а ближе к окну вспухали, пышно громоздились гроздь алых соцветий. Казалось, хотят забраться в комнату.

— Баба Клава, что за цветы? Не видал таких...

— А герань это, голубчик, герань!

— Герань вроде бы комнатный цветок, в горшках...

— Это правильно. А Илюша и Федя, студенты с биофака, что в запрошлом году у меня жили, посеяли семена вот прямо в огороде. Говорят, что в нашем климате герань — она комнатная, а в Южной Америке прямо целые кусты. И посадили особый сорт. С той поры и растет... Илюша-то в этой комнате жил, а Федя в той, где сейчас Юна. Они той весной закончили институт, а цветы все разрастаются, как на память от них, подарок... А ты по какой линии обучаешься? Не биолог?

— Спасатель я, — неохотно сказал Валерий.

— Батюшки мои... Ну, давай я тебе постель застелю да обедом покормлю. Я тут окрошку приготовила да котлеты картофельные с грибным подливом, а Юна позвонила, что не придет до вечера, окаянная душа, дела, мол, всякие. Я говорю, разве ж можно без обеда который день подряд, а она: я, мол, диету соблюдаю для стройности...

Валерий вежливо посмеялся и сказал, что он тоже не хочет обедать, плотно позавтракал. А хочет он вздремнуть. Потому что ночь был в дороге, на двух самолетах на катере, и толком поспать не сумел...

Баба Клава захопотала с постелью...

Через пять минут Валерий скинул кроссовки и куртку и ничком бухнулся поверх плюшевого покрывала. Вдохнул запах свежей наволочки... Он всегда спал носом в подушку, такая привычка с детства. И теперь показалось, что он дома, в Кольцовске.

Но это ощущение не принесло полного покоя. Шемящее воспоминание сидело в нем, вызывало тревогу и непонят-

ную печаль... Она, тревога эта, была и раньше — когда искал Скворцовский переулочек и дом номер два, когда беседовал с бабой Клавой. Валерий поэтому и разговаривал с ней рассеянно, будто издали, а думал все о том же: «Откуда Лыш знает эти слова? Их не может знать никто... Их просто нет... «Аакса танка, тона...» И не удивился, услышав ответное «Итиа»...

«Удачи тебе, друг...» — «Прохлады...»

А может, Лыш сказал что-то другое? А ответ не расслышал? Но с какими словами можно спутать *эти*? И тем более не спутаешь интонацию...

«Удачи тебе, друг...»

«Прохлады...»

...Прохлады там всегда не хватало. Солнце было плохо различимо за постоянной мгlisto-серой пеленой — этакое тускло-белое пятно, однако жарило оно от души. Пройдешь с километр — и уже будто испеченный в газовой духовке... А оранжево-красный песок — мелкий, как пыль, — взлетает из-под сандалий и горячими взмахами щекочет ноги...

И вот что непонятно! Солнце — размытое, неясное, а тени от него — четкие, будто нарисованные тушью. Особенности тени. Они живут сами по себе. Бывает, что предмета уже нет, а тень... она «как новенькая». Вот истлевает в песке развалившийся конский скелет, а рядом нетерпеливо топчется опрокинутый на песок черный силуэт живого коня. Может, не решается оставить того, от кого возник под этим солнцем? Или жалеет?..

Мальчишечья тень была тоже очень резкая. Легкая, ломкая. Глядя на нее, Валерий понял, что сейчас он не взрослый парень, а вроде Лыша. Он — прежний Валерка, уже не впервые оказавшийся в Песках.

Что за Пески — в каком мире, на какой планете, — Валерка не знал. И это незнание не огорчало его. Он помнил только одно: необходимо добраться до Башни. И бросить шар...

Шар был небольшой, но тяжеленный, в полпуда весом. Чугунный. Валерка нес его в перекинутой через плечо холщовой торбе. Спотыкался, ронял с ног сандалии, страдал от

зною. Но надо было идти. Он знал, что немало других людей тоже несут свои шары. К этой ли башне, к другим ли — ему было неизвестно. Но где-то несут. Он помнил фразу: «Каждый несет свой шар...» Или не про шар там говорилось? Неважно. Все равно в этих словах твердая обязательность взятой на себя задачи.

Никто не приказывал ему идти. Просто Валерка знал, что *должен*. Такое знание помогало Валерке пересиливать жар, песчаное бездорожье и усталость. И он не ощущал больших мучений. Наоборот, сидела в нем даже этакая горделивость: «Иду, несмотря ни на что...»

Но самым главным и самым тревожным чувством была боязнь, что не дойдет. Не успеет. Чаще всего так и случалось. Сон кончался, когда Башня была еще далеко на горизонте и торчала в горячем сером небе, как черный обгрызенный карандаш... Но бывало и по-другому. Вот как сегодня! Мягкий топот копыт послышался за спиной, всадник на рыжем коне, в белой накидке с капюшоном обогнал Валерку и остановился в трех шагах...

— Аакса танка, ла на хоо жо... (Удачи тебе, маленький путник.) — Под белым капюшоном узкое коричневое лицо с лучистыми морщинками у глаз.

— Итиа танка, лоя касса н.. (Прохлады тебе, добрый всадник.)

— Тта то жа? (К Башне?)

— Тта на а.. (К ней...)

— Кхада в, лана-та... (Садись, храбрый мальчик...)

Тонкие коричневые руки взметнули мальчишку на коня (Валеркина тень едва успела приклеиться к тени скакуна). Холщовая торба вмиг приторочена к седлу. Сам Валерка — впереди всадника, держится за высокий седельный изгиб (кажется, называется «лу ю»). В плече, избавленном от тяжести, да и во всем теле сладкое облегчение. Встречный прохладный ветерок (итиа-васса на) гладит лицо, локти, ноги. А конь бежит — будто летит, копыта ничуть не проваливаются в песок. И Башня вырастает на глазах. Уже не черная, а серо-красная, впитавшая в себя отсветы Песков. С темным рельефом гранитных орнаментов, выступов, карнизов у темных и узких окон, с каменной короной, венчающей верхний

край... Вот она уже нависла над головой, конь вступает в ее очень темную тень.

— Неа одата да, лана-диа. Оста-дон тта хасса ну... (Дальше иди сам, упорный мальчик. Взрослым туда пути нет...)

— Вессана-сана танка, лоя кассан... (Да хранят тебя пески, добрый всадник...)

— Аакса танка, лана хоокко...

Да, теперь-то удача не оставит Валерку. Тяжесть чугуночного шара не сломит его. Она ведь не злая, эта тяжесть. Она — чтобы заработал механизм...

Путь наверх, конечно, ох как нелегок. В ногах стонут все жилки. Спиральная лестница в тесном проходе крута, шершавый камень стен обдирает оттопыренные локти. Иногда в окна-щели бьет резкий знойный свет. Но минуешь окно, и опять впереди сумрак. В застоявшемся воздухе запах гнилых грибов. Сандалии хлопают по высоким ступеням. Их, ступеней этих, — Валерка знает — целых сто двадцать. Правда, после каждого десятка — площадка, но сбрасывать с плеча груз нельзя: неизвестно, сумеешь ли поднять снова. Одно хорошо: теперь уже сон (или не сон?) не кончится, пока Валерка не сделает свою работу.

Вверх, вверх... И вот она, широкая круглая площадка, опоясанная гранитными зубцами. Валерка с гулом роняет груз на каменный пол (во всех мускулах — сладость долгожданного отдыха). Зубцы выше Валерки. В просветах между ними — всё то же мглисто-стальное небо, красные и рыжие песчаные моря. Но... в стороне, противоположной солнцу, — как награда храброму мальчику (лана-та) — встает и чуть колеблется в зыбком воздухе город со знакомыми крышами и колокольнями. Его, Валеркин, Кольцовск. И Валерка знает, что это не мираж... Надо только сделать последнее, самое важное...

Отдышавшись, он раздергивает кожаные шнурки на торбе, достает полупудовое чугуночное ядро. Оно гладкое и теплое. Выгибаясь и прижимая шар к животу, Валерка несет его к началу низкого каменного желоба. Укладывает там. Желоб — слегка наклонный, он ведет к отверстию в плите.

Валерка прощально вздыхает, гладит черную выпуклость шара («Аакса танка...») и толкает его по желобу. Тот катится

неспешно и пропадает в круглой дыре (она точно по калибру ядра). Сначала тихо. Потом слышится негромкий лязг, скрежет и мягкий, похожий на журчание шум. Валерка не видит, что происходит в таинственных недрах Башни. Но... в то же время как будто видит. Или, по крайней мере, *точно знает*. Шар, прокатившись по изогнутой трубе, падает в черпак на длинном коромысле. Коромысло закреплено на оси. На другом его конце — большущая дуга с зубчиками. Черпак под тяжестью шара начинает клониться, а дуга медленно идет вверх и при этом своими зубчиками принимается вращать медную шестерню. На валике шестерни — тоже зубчики. Они приводят в действие другие колесики. Чем шестеренка меньше, тем быстрее она вертится. И все они двигают разные рычажки, валики, упругие пластинки, заставляют прыгать разноцветные шарики, крутят бронзовые фигурки корабликов, петушков и лошадок... И сколько это продолжается, непонятно. Может быть, очень долго. В гранитной глубине башни еле слышно звякают колокольчики. Валерка слушает их со спокойной радостью. Он знает, что помог Великому Времени войти в нужный ритм. Хоть немножко, но помог. Оно, Время, иногда нарушает ритм, даже останавливается порой, и надо его подталкивать, сглаживая сбой и провалы. Его надо *спасать*. Потому что, если Время сбивается, нарастают всякие беды, случаются катастрофы. А чем больше брошено в недра башни шаров, тем бед и катастроф этих будет меньше...

«Я — спасатель...»

Шар наконец выскальзывает из первого черпака и падает во второй (дзын-нь!). И снова начинается работа рычагов, шестеренок, валиков и вертушек с фигурками. Подробности такой работы Валерке непонятны, однако главный смысл известен. А еще Валерка знает, что шар будет падать с черпака на черпак и крутить механизмы Башни очень долго. Так что в следующий путь через Пески придется отправляться не скоро...

Валерий проснулся и понял, что лежит на спине. Увидел побеленный потолок и обои с корабликами. Вспомнил, где он и что с ним. Сон все еще сидел в нем, не отпускал. Вале-

рий улыбнулся — хороший сон. Было в нем и воспоминание детства, и сознание выполненного важного дела. Но почти сразу позади этих ощущений заскреблась прежняя тревога. Ну пусть не тревога, а беспокойная неясность: откуда он, этот Лыш, знает *те самые* слова?

А может, все-таки Валерий ослышался? Всякое могло случиться после бессонной ночи, среди зеленого, звящего от тишины пространства. Конечно, так и было!.. Но чтобы решить загадку до конца, был один только способ: снова пойти на тот двор, встретить удивительного хозяина летающего стула и поговорить начистоту. Ну, возможно, сразу и не встретишь, однако можно расспросить кого-нибудь: где тут обитает мальчишка по имени Лыш?

Валерий рывком сел. Глянул на часы, которые не снял, когда плюхнулся на кровать. Мамачка моя! Это сколько же он спал! Был уже седьмой час вечера. Лодырь! Ну а с другой стороны, куда спешить? «Молодой здоровый организм» отдохнул на сто процентов, и теперь Валерий чувствовал себя полным сил.

В дверь осторожно стукнули.

— Да... — сказал Валерий.

В комнату просунула голову девушка. С простеньким таким, чуть веснушчатым лицом, с перехваченными синей ленточкой короткими волосами.

— Привет! Ты — Валерий?

— Угу, — сказал он, старясь сообразить: не слишком ли помятый у него вид и в порядке ли молния на джинсах.

— А я — Юна.

— А я понял, — улыбнулся Валерий (кажется, все было в порядке, даже носки без дырок). — Баба Клава про тебя говорила...

— Баба Клава в огороде клейстер варит на электроплитке, хочет на веранде новые обои клеить. А герань подросла еще на десять сантиметров...

Валерий не понял, при чем тут герань. Зато понял, что с Юной отношения будут простыми и ровными, будто они выросли в одном дворе.

Юна приоткрыла дверь пошире.

— Хочешь крошки? Баба Клава сказала покормить тебя, когда проснешься.

Валерий подумал.

— Да, хочу.

Они сели на кухне, где пахло ржаными сухарями. Юна налила крошку в две тарелки, расписанные по краям рыжими петухами, села напротив. Глотнула, глянула.

— Эти тарелки я сама разрисовывала...

— Обалдеть! Вот это живопись! — похвалил Валерий. Тарелки и в самом деле были хороши. Крошка тоже. — А Юна — это полное имя или сокращенное?

— Полное Юнона, — охотно объяснила она. — Родители в молодости обмирали по опере «Юнона» и «Авось». Ну, помнишь: «Я тебя никогда не увижу»? Караченцов поет...

Валерий кивнул, делая глоток: помню, мол.

— Вот и наградили меня имечком. Получилась Юнона Васильевна. Сочетание, да?

— Нормальное сочетание... — Валерий невоспитанно облизал ложку. — Есть другая опасность...

— Какая?

— Где «Юнона», там и «Авось». Тебя никогда не дразнили Авоськой?

— Ой... — Она испугалась почти всерьез. — Никогда... Ты никому не говори. А то ведь и правда...

— Не скажу, — тоном заговорщика пообещал он. — Провалиться мне... — И отодвинул тарелку. — Спасибо. Где у вас моют посуду?

— Да ты что! Я сама!

— Спасибо, — сказал Валерий еще раз. — Я пойду прогуляюсь. Надо знакомиться с новыми местами обитания. Раз уж забросила судьба.

— У нас хорошие места. Родители меня хотели устроить в столице, у другой тетки, а я ни за что... Подожди-ка... — Она встала, пошарила в кармане пестрого халатика, вынула плоский ключ. — Возьми. Если вернешься, когда уже все спят... Хотя вообще-то можно и через окно.

— А что, окна у вас никогда не закрываются?

— Если тепло, не закрываются, конечно...

«Странный город Инск», — уже не первый раз подумал Валерий. И вспомнил, что нигде здесь не видел на окнах решеток.

ГЛАВА 6

Переулок был недалеко от рельсового полотна, вдоль которого плотно стояли рослые тополя. Валерий перешел через гулкий виадук, и тогда началась путаница. Где улица, ведущая к *тем самым* дворам? Вернее, к забору, через дыру в котором он выбрался днем, когда миновал последний из дворов (мысленно Валерий называл их теперь «Зелеными полигонами»).

Наконец улица нашлась. Но забора не было. Вернее, был, но не похожий на прежний и без дыры. Валерий поскреб темя, пошел налево, по тропинке среди зацветающего иванчая. Тропинка привела к началу (или концу?) Театрального бульвара. Немногочисленная и неспешная публика прогуливалась вдоль скамеек, на которых кучками сидели пестрые волосатые старшеклассники — соединялись головами над плеерами и ноутбуками. Иногда одна скамейка перекликалась с другой: видать, шла какая-то коллективная игра, в общей сети. Порой из-за скамеек возникали пацанята безответственного младшего возраста. Они вытягивали шеи, подавали дурашливые советы или отпускали шуточки. На них цыкали, но не сердито.

Никакого театра Валерий не усмотрел, только многочисленные киоски и два фонтана, в которых искрилось желтеющее вечернее солнце. Он прошел бульвар из конца в конец и оказался в Рыночном проезде. Здесь по краям улицы в самом деле было несколько мелких рынков, но они уже кончали работу — продавцы, перекликаясь, запирали рундуки и свертывали разноцветные тенты. Подчиняясь внутренней подсказке, Валерий свернул направо и понял, что здесь начинается район Смоленских улиц. Знакомые места!

Валерий хотел сразу отправиться к воротам, за которыми открывались «Зеленые полигоны», однако у деревянных причудливых улиц проявилось колдовское свойство. Они затягивали в себя, обнаруживая все новые закоулки и удивительные резные фасады, заманивали под перекинутые между балконами мостики, запутывали среди узорчатых изгородей. Идешь и не замечаешь времени... Наконец Валерий тряхнул

головой, прикинул направление и заставил себя выбрать короткий путь. И скоро оказался у *тех самых* ворот...

Теперь, вечером, широкие дворы были оживленнее, чем днем. У дверей болтали друг с дружкой соседи, доминошников за столами стало больше. Там и тут перебрасывались мячами и прыгали через скакалки ребятишки. Перекликались мелодиями проигрыватели. В том дворе, где Валерий встретился с Лышем, несколько пацанят шумно устанавливали на острове ржавого «москвичонка» мачту с веревками. Видимо, сооружали корабль. Но того, кто был нужен Валерию, среди них не оказалось.

Валерий подошел.

— Народ, вы не знаете мальчика по имени Лыш?

Он опасался недоверчивых взглядов и встречных подозрительных вопросов. Но «народ» весело и наперебой сообщал, что Лыш крутился тут совсем недавно, а потом «упрыгал куда-то».

— Наверно, опять стулья ищет...

— Или у себя в сарае...

— Да нет, он, скорее всего, на берегу, где костры, — сказала деловитая девочка с поцарапанной щекой. Он там почти каждый вечер...

Валерий не стал спрашивать, что за костры и где именно на берегу. Решил послушаться интуиции. А она подсказала, что с этого двора надо идти в проход между поленницами. Там оказался забор с раздвинутыми досками, и через эту щель Валерий проник на улицу, где еще не был. Уже не из числа Смоленских, а Оборонную. Дома здесь были кирпичные — одни красные, другие под штукатуркой. Особнячок с башнями был похож на игрушечный замок, а за ним тянулось двухэтажное здание старинно-казенного вида — с длинной надписью у крыши: «Гостиница Инского пароходства». С другой стороны улицы стоял забор со столбами из серого кирпича. Между столбами вместо решетки были вставлены разнокалиберные железные штурвалы — вроде того, что утром Валерий помог тащить двум «лягушатам»... Воспоминание об этом его порадовало. А Оборонная улица тем време-

нем вывела Валерия к сложенной из гранитных блоков и валунов стене.

Высотой стена была метров пять. Разрушенный гребень ее порос кустистой травой и березками. Слева и справа поднимались круглые широкие башни — тоже обросшие вверх. И Валерий понял, что перед ним Крепость. *Та самая*. Эту уверенность подтвердила черная стеклянная вывеска на левой башне. Она блестела рядом с массивной полукруглой дверью, запертой на амбарный замок.

ИНСКИЙ ИНСТИТУТ СПАСАТЕЛЬНЫХ СЛУЖБ
Факультет нестандартных технологий
Лаборатории

«Значит, в этих руинах отныне будет решаться моя судьба», — хмыкнул про себя Валерий. Опять же с удовольствием (как при воспоминании о штурвале).

Соединенные стеной башни стояли шагах в двадцати друг от друга, а от них стены тянулись вправо и влево. Довольно далеко и с постепенным понижением. Валерий припомнил чертеж на обороте бумажки-направления и сообразил, что если идти к реке, то надо налево. И пошел вдоль лопухов-репейников. Кроме башен, у развалившейся крепости никаких построек не было заметно. В стене все чаще открывались провалы. Через них виднелась болотистая низина, на дальнем краю которой слабо различались многоэтажки современного микрорайона. Над ними уже довольно низко висело слепящее солнце — толком ничего не разглядеть. Валерий сообразил, что низина — то самое «бол.», которое обозначено на схеме за стеной-пунктиром. И что эту низину где-то в километре отсюда должно ограничивать русло реки (по которой он, Валерий, и прибыл утром в сей славный город Инск).

Шагать все время вдоль стены показалось скучным. Валерий взял еще левее, попал к перекрестку, где вход в переулочек был обозначен двумя одноэтажными строениями с закругленными углами (похоже на старинные форты), и вдруг почувствовал, что на него опять наваливается сонливость. Неужели недоспал в уютном домике бабы Клавды в... в каком переулке?

Этого еще не хватало! Он понял, что начисто забыл адрес. И название переулка, и номер дома, и... даже обратный путь представлялся весьма смутно. Да, через дворы, но как попасть к ним отсюда? Куда идти, после того как минуешь «полигоны»?

Наваждение, честное слово!

Правда, не было в этом наваждении большой тревоги, скорее дурашливость какая-то. Будто город Инск решил поиграть с новичком. Но... нет, все-таки беспокойство было. Как он попадет домой-то?..

«Это от избытка впечатлений, — назидательно сказал себе Валерий. — Чересчур много событий. Похоже, что тебя стукнуло упавшим с неба венским стулом...»

Впрочем, все мысли были отстраненными, не волнующими. А главным ощущением была подкатившая дремота — сладковатая такая и соблазнительная. Присесть бы на лавочку и прикрыть глаза. Тогда небось все придет в норму. Лавочка попала на глаза, как по заказу. Вернее, широкая скамейка, приютившаяся под гроздьями сирени. Валерий сел, вдохнул запах... Где-то далеко позванивал трамвай и перекликались ребячьи голоса... Валерий, не желая больше противиться, лег на скамью с ногами, положил голову на локоть... «Только на минутку...»

Сколько прошло минуток, было не понять. Видимо, не мало. Потому что, когда Валерия осторожно потрясли за плечо, в небе уже не было солнечного света, стояли сумерки. Правда, светлые (июнь же).

Побеспокоил Валерия невысокий парень с торчащими из-под форменной фуражки белобрысыми прядками. В рубашке с погончиками. Он поднес ладонь к козырьку.

— Прошу прощения, здравствуйте. Подпоручик муниципальной стражи Петряев.

«Здесьняя милиция, что ли? Этого еще не хватало!» Валерий быстро сел.

Подпоручик Петряев не казался строгим и придиричивым. Он похож был на молоденького милиционера-новичка из

кино про будни уголовного розыска столетней давности. Валерий малость осмелел:

— Я что? Нарушил какие-то правила?

— Да ничего ты не нарушил, — отозвался представитель муниципальной стражи неожиданно своим тоном. — Просто иду, смотрю, прилег человек. Ну и подумал: может, у тебя проблемы?

Валерий поморгал. Понял, что по-прежнему не помнит ни адреса, ни пути к бабе Клаве. Мотнул головой.

— По правде говоря... проблема, да, есть... Я только сегодня приехал в Инск. Перевелся в институт. Устроился на квартире, потом пошел побродить и вдруг сообразил: ну, совершенно не помню, где эта квартира. И как переулок называется, не помню. Бред какой-то или гипноз...

— Бывает, — понятиливо кивнул подпоручик.

— Да нет, ты не думай, что я чего-то такое... — Валерий решил, что если милиционер говорит ему «ты», значит, и он может так же. Петряев это воспринял как должное. Кивнул опять:

— Я ничего такого и не думаю. А как хозяйку зовут, тоже забыл?

— Помню! Баба Клава.

— А-а! — сказал поручик Петряев с веселой ноткой. — Тогда конечно. А что, разве она не дала тебе свой номер телефона?

— Не дала... Да у меня, по правде говоря, и мобильник бахлаит здесь. Пишет, что сеть не найдена...

— Дай-ка, — сказал подпоручик и сел рядом.

Валерий вытащил мобильник из кармана. Включил питание. Петряев понажимал кнопки, хмыкнул над светящимся дисплеем:

— Немудрено. Блокиратор местной сети фокусничает... Сейчас мы... Вот. Теперь можешь звонить хоть в Антарктиду.

— Спасибо. В Антарктиду некому, а матери позвоню, беспокоится, наверно... — И подумалось: «А так ли уж беспокоится?»

— Позвони... Только подожди, дай я... — Подпоручик набрал какой-то номер. — Баба Клава? Это Петряев. Ну,

Виктор то есть... Да-да, Витя, тот самый... Баб Клава, ты опять небось плитку жарила полдня и потом выключить забыла?.. Ну вот, и я про то же. Сколько раз говорил: если разогреваешь эту фиговину, накрывай ее корытом. Для экранирования... «Что-что!» Опять твой квартирант заблудился, не помнит адреса... Не знаю... — Он оглянулся: — Ты Валера?.. Да-да, Валера, он самый... Да теперь-то что, придет, куда не денется... Откуда я знаю когда, может, он всю ночь будет гулять...

— У меня ключ есть, — сказал Валерий, который вдруг стремительно вспомнил и адрес, и дорогу в Скворцовский переулок.

— Он говорит, что у него ключ есть. Да... А плитку больше не включай без экрана... Пока... — Он опустил мобильник. — А ты, значит, Валера? А я, как ты понял, Виктор. Или Витя. Будем знакомы... — И протянул руку. Ладонь была твердая, как у гребца. — Баба Клава тебе передала, что, если придешь поздно, открой холодильник, там простокваша, а хлеб на подоконнике... А со своей плиткой она многих на уши ставит, особенно приезжих. У этой штуки откуда-то колоссальный потенциал по перестройке пространственных конфигураций. Непривычные люди порой голову теряют, чудится всякое...

«Ну, уж сон-то я видел не из-за плитки», — подумал Валерий. А Вите сказал:

— Я уже не удивляюсь всяким фокусам этого города...

— И правильно делаешь. Если удивляться говорящим утюгам или светящимся шарикам над болотом... — Витя не договорил.

— Или летающим стульям... — добавил Валерий.

— Вот-вот!.. А ты что, познакомился с Лышем?

— Ты его тоже знаешь?

— Кто не знает изобретателя Лыша... — сказал Витя. Будто даже с гордостью.

— Слушай, а как это у него получается? Со стульями-то? Он, правда, объяснял, но...

— Он тебе что хочешь объяснит, — покивал Витя. — И бывает, что очень понятно. Только вот беда: для других та-

кие объяснения бесполезны. То, что получается у этого пацана, у других не выходит никогда...

— Аномальные способности?

— Кто его знает... Он в ясельном возрасте долго лежал в больнице, думали даже, что не сможет ходить. Мать и сестренка столько с ним возились. А он потом как-то сразу встал на ноги и давай всех удивлять фокусами. В школе шалей-валяй, а вот живое чучело из репейников слепить — это ему раз плюнуть... А чучело, между прочим, копия Регента. Говорит, случайно... — Впрочем, в голосе подпоручика муниципальной стражи не было осуждения.

— Повидаться бы мне с ним. Не с чучелом, а с Лышем, — сказал Валерий. И объяснил почти честно: — Днем, когда расставались, он сказал несколько слов на... очень древнем языке. Почти никому не известном. Я сперва не врубился, а сейчас думаю: откуда он это знает?

Витя опять не удивился:

— Он может... А ты что, специалист по языкам?

— Ну, в какой-то степени... Мне сказали, что сейчас Лыш где-то на берегу. У костров...

— А! Вполне возможно... Если хочешь, пойдем вместе. Я на дежурстве, у меня произвольный маршрут...

— Пойдем, если произвольный, — охотно сказал Валерий.

ГЛАВА 7

Они вышли к реке правее лестницы и пристани.

Сильно пахло сиреню и лопухами.

Размашистый закат охватил северо-западный край неба. Река отражала его во всю ширину — от берега до берега мягкий желтовато-палевый свет. Укутанные в заросли откосы казались под этим небом и рядом с водой почти черными. Между откосами и водой, на плоском береговом пространстве были рассыпаны оранжевые кляксы костров. Было их не меньше десятка. Витя повел Валерия вниз по извилистым тропинкам, репейник шуршал по штанинам и рукавам.

Спустились, перешли заброшенные рельсы, оказались на сухом песке, который тут же стал забираться в кроссовки.

Ближний костер горел шагах в десяти. Несколько мальчишек и девочка — человек семь — сидели у него подковой. Лица казались бронзовыми от огня. Девочка что-то говорила, ребята иногда смеялись. Трое парней лет шестнадцати — волосатые, с гитарой — подошли к этой компании, остановились за спинами. Затренькали струнами. На пришельцев заоглядывались.

— Вы чего? — сказал один из мальчиков.

— Да так. Постоять у огонька. Или посидеть... — отозвался гитарист.

— Развели бы свой и сидели там, — недовольно посоветовала девочка-рассказчица.

— А тут, значит, у вас тесно? — укоризненно заметил один из волосатых.

— Вы будете брэнчать и песни петь, — разъяснила девочка. — А мы про свои дела разговариваем.

— Пошли, юноши, нас тут не поняли, — подвел итог парень с гитарой и сопроводил слова скорбным аккордом.

— Да вы не обижайтесь, — тонким голосом попросил самый младший мальчик. — Хотите, мы вам головешку для растопки дадим?

— Сами вы головешки, — сказал гитарист. Впрочем, добродушно. И трое зашагали по песку.

— Миролюбивый народ, — заметил Валерий. — Другие бы, чего доброго, напинали ребяташкам и узурпировали территорию...

— Сразу видно, что ты нездешний, — откликнулся Витя. — На здешних берегах такого не бывает. Особенно там, где костры...

Они подошли к огню. Ребята у костра опять заоглядывались — так же, как на тех троих.

— Витя, привет! — узнала подпоручика девочка. Глянула на Валерия, сказала и ему: — Здравствуйте...

— Мы мешать не будем, — сказал Витя. — Только один вопрос: Лыша не видели?

— Видели!

— Он тут вместе с сестрой проходил...
 — И со стулом...
 — Наверно, он у другого костра... — охотно заговорили мальчишки.
 — Спасибо за информацию. Будем искать...
 — А что случилось, Витя? — осторожно спросила девочка.
 — Да ничего не случилось. Надо решить одну научную проблему, — солидно разъяснил Витя.
 — А то, может, он у кого-то стул увел без спросу? — высказал догадку мальчишка, чьи веснушки бликовали от пламени, как медная чешуя.
 — Балда, — осудила его девочка. — Не стыдно молоть чепуху?

Ребята захихикали. Самый маленький (большеглазый, стриженный под машинку) вдруг вытянул шею и спросил шепотом заговорщика:

— Витя, а правда, что утром двое подрались у водокачки?
 — Ну... было дело...
 — А из-за чего?
 — Я откуда знаю!
 — Ты же все знаешь, — чуть игриво заметила девочка.
 — Может, и знаю. Но *не разглашаю*... — Валерий почувствовал, что под шутливым тоном подпоручик Петряев прячет нежелание говорить о неприятном. Впрочем, Витя добавил: — Если охота, спрашивайте у командирши Лопушинской. Это ее кадры...

— Ни фиги себе! — почему-то изумился веснушчатый мальчишка.

Витя слегка дурашливо козырнул ребятам, а Валерию шепнул:

— Сваливаем. А то слишком любопытные...

Когда отошли, Валерий спросил:

— А что за драка?
 — Ну, два пацана. Пospорили о чем-то. Один не сдержался и другому по носу. А тот в ответ — по скуле. Под глазом — фингал. Сенсация! Даже местное Тэ Вэ заволновалось: будем делать сюжет для новостей! Хорошо, что мэр узнал, запретил...

«Бред какой-то! Фингал — сенсация...» — запрыгало в голове у Валерия. Но спросил он о другом:

— Разве мэр имеет право запретить передачу?

— Ну... он не то что запретил, а сказал: «Вы что, люди, спятили?»

— Чуден ты, город Инск...

— А ты думал... — согласился Витя.

Они шли от костра к костру. У огня сидели разные люди. Взрослые, подростки и совсем небольшие ребятки. Кто-то пел под гитару, кто-то вел разговоры, кто-то сдвигал головы над экранами компьютерных «плашек». В руках мужичков поблескивали жестяные банки (едва ли с кока-колой). Видимо, здесь такое не возбранялось.

А Лыша нигде не было.

Зато у одного из костров прослушал Валерий целую лекцию.

У огня сгрудился десяток ребят и девушек — по виду старшеклассники или первокурсники. Среди них был один взрослый: не старый, но лысый дядя с оттопыренными (как у Лыша) ушами. Он вещал:

— ...Отрицать роль Высшей идеи в деле строительства мироздания, конечно, можно. Однако отрицание никогда не несло в себе позитивного начала... Ладно, допустим, Кристалл вселенной возник сам по себе, из ничего. Или другой вариант: он существовал всегда... хотя категорию «всегда» нельзя не считать излишне размытой. Но скажите по совести, кто, кроме Создателя, мог замкнуть Кристалл в кольцо? Да еще так, чтобы дать ему возможность при определенных условиях совмещать свои неисчислимы грани? Только это совмещение позволяет темпоральным потокам бесчисленных миров сливаться в единое всеобщее Время. А сами эти потоки возникли только тогда, когда возникло Кольцо Кристалла. Ибо Время рождается там, где появляется напряжение. В данном всеобщем варианте — напряжение всего Кристалла, возникшее от кольцевого изгиба его структуры. Есть напряжение — рождается временно йпоток, а он, в свою очередь, порождает энергию. Во всех ее бесконечных проявлениях...

— Если принять за основу корпускулярную теорию Времени, то можно предположить, что энергия тоже имеет корпускулярную структуру? — прозвенел смелый девичий голосок.

— Не будем углубляться в дебри. Тем более что и корпускулярная теория Времени сама по себе не бесспорна. Беда в том, что некоторые трактуют ее весьма упрощенно. Мол, время состоит из темпоральных корпускул, как материя из атомов. А сами корпускулы опять же включают в себя множество элементарных частиц темпоральной природы, влияние на которые может кардинальным образом менять структуру самого временно в потока. Имейте в виду, не скорость, не направление, не энергетическую насыщенность, а именно природу...

— Этого еще не хватало... — басовито заметил кудлатый юноша.

— К счастью, это пока что лишь туманные гипотезы, — успокоил юношу лектор.

— А локальные темпоральные кольца возникают тоже в результате каких-то напряжений? — качнулся вперед остроносый слушатель, почти мальчик.

— Естественно, коллега! От самого незаметного колечка внутри экспериментального генератора до гигантских галактик!

— Но ведь галактики не кольца, а спирали! — заспорила звонкоголосая девушка.

Лысый лектор будто даже обрадовался:

— А спирали разве не кольца? Тоже кольца, только более высшего порядка. Двигаясь по спирали, вы достигаете той точки, с которой начали путь, но находите ее уже на иной точке развития. Следовательно, можно считать, что спиральные образования тоже смыкаются!

— А Дорога? — раздался негромкий голос. — Она опоясывает Кристалл вселенной по спирали, но разве ее концы смыкаются?

Лектор потер уши, помолчал.

— Мы, господа, заходим слишком далеко. Природа Дороги... если даже принять за факт само ее существование... пока

остается непостижимой. Видимо, это тема для науки, которой еще просто нет...

— Или для Костика Лопушинского, — сказал девичий голосок.

— Для кого? — не понял лектор.

— Для Лыша, — сразу объяснили ему два голоса.

— А-а... — усмехнулся лектор. — Это так... А если всерьез, то касаться упомянутой темы на нашем уровне, я бы сказал... некорректно. Да... Иначе это может вылиться в псевдонаучные дискуссии, в болтовню вроде нынешних безответственных слухов про так называемую ближнюю *Колею*...

Кто-то негромко захихикал.

— Не вижу повода для смеха... — сдержанно обиделся лектор.

— Да нет, это Машка Олега щекочет, — разъяснил басовитый юноша.

— Дети... — вздохнул лектор.

Во время разговора Валерий и Витя стояли неподалеку. А теперь отошли.

— Странный университет под открытым небом... — сказал Валерий.

— Это профессор Волоков. Он часто так просвещает юный народ. Вместо привычных лекций в помещении...

— Мне показалось... как-то излишне популярно просвещает. На уровне школьного кружка...

— Но это же пединститут, подготовительная группа. И к тому же не физики и математики, а филологи... Зато все почти понятно. А вот у нас в университете доктор Яснопольский есть, он как начнет об альтернативных теориях пространственно-временно в континуума... У мировых светил на портретах уши в трубочку...

Валерий не сдержал удивления:

— Разве здесь есть университет?

— Я про столичный. Там я на философском, на заочном, третий курс...

— Философия — мать наук. Сударь, я снимаю перед вами шляпу.

— Надень обратно, темечко простудишь, — отозвался подпоручик с печалью. Видимо, вспомнил тяготы учебы.

— А этого обормота, Костика Лопушинского, нигде нет, — сказал Валерий.

— Вон еще костерок. Последний шанс.

Маленький костер горел у самого откоса, рядом с репейной чашей. Вокруг стояли две девочки и трое мальчишек... И Лыш среди них!

Витя окликнул с пяти шагов:

— Лыш! Иди-ка сюда!

На подошедших заглядывались, кто-то сказал «Витя, привет», а Лыш (чуть запинаясь) подошел быстро и безбоязненно. Глянул с ожиданием:

— Чего?

— Дело есть, — сказал Витя. — Вот у него... — кивнул на Валерия и отошел.

— Ты меня помнишь? — спросил Валерий.

Лыш не удивился:

— Конечно. Ты Валерий. Днем виделись на дворе... — (Небо еще было светлым, узнать собеседника нетрудно.)

— Ну да... А когда прошались, ты сказал слова... «Аакса танка, тона...»

Кажется, Лыш насупился:

— Ну, сказал... А чего? Это же не обидные слова...

— Да, конечно, не обидные! А как они переводятся, знаешь?

— Вроде бы знаю. Примерно... Будто как «всего хорошего тебе»... А что?

— Да удивительно же! А на каком это языке?

— Понятия не имею, — холодно сказал этот непонятный Лыш. — Просто... иногда прыгает в голове. — Он явно говорил не всё.

— Ну, что же. Не хочешь — не рассказывай... А ты слышал, что я ответил?

— Не-а... Я не разобрал.

— Я сказал «Итиа...».

Лыш наморщил переносицу, мигнул.

— Это... вроде как «Пусть не будет жары», да?

— Да... Я не думал, что кто-то на Земле знает этот язык.

Лыш не удивился опять. Опустил голову, пошевелил сандалией песок. Снова поднял лицо.

— А ты... где слышал этот язык?.. Если не на Земле?

— Во сне, — честно сказал Валерий.

Лыш вновь стал смотреть вниз. Проговорил шепотом:

— И я... только это не простые сны. Ты не думай, будто я не хочу сказать. Но их... трудно объяснить...

— Красные пески, да?

— Да... — Лыш вдруг шагнул вплотную, встал не напротив, а рядом. Плечом коснулся локтя Валерия. — По ним идешь, идешь...

— К Башне?

— К пирамиде, — выдохнул Лыш. — Только она далеко... А сперва еще надо найти шар. Роешь, роешь песок... Ты видишь *такое же*? — Он смотрел снизу и сбоку, и в глазах дрожали огоньки заката.

— Да, похоже...

— Похоже... — Лыш медленно кивнул.

В нем не было заметно ни опасения, ни большого удивления. Скорее такая озабоченность: вот, мол, появилась задачка, с решением которой придется повозиться.

— Лыш, нам бы поговорить как следует, подробно... — осторожно предложил Валерий.

Тот оживился:

— Да, конечно!.. Только сейчас я не могу, надо уже домой... — Кажется, он по правде был огорчен, что нет времени. — Давай днем!

— А как тебя найти?

— У тебя есть мобильник?

— Да... И у тебя?

— Куда теперь без него... — деловито отозвался Лыш. — Только я его все время теряю... — Он захлопал по расстегнутой джинсовой безрукавке (легкий алюминиевый крестик запрыгал на тошенькой груди). Потом зашарил в карманах растрепанных шортиков. Вытащил наконец похожую на мыльницу коробочку.

Они продиктовали друг другу номера. «Как хорошо, что

Витя снял блокиратор», — вспомнил Валерий. А Витя все топтался поодаль, поглядывал по сторонам.

— У нас всё, — известил его Валерий. А Лышу сказал, не удержался: — Итиа...

Тот понимающе помахал ему мобильником — уже с нескольких шагов.

Витя подошел.

— Мы решали одну лингвистическую проблему, — объяснил Валерий.

— Ясно, — сказал Витя, которому, конечно, ничего не было ясно. — Решили?

— Не совсем. Продолжим после, юноша торопится домой... Мне, кстати, тоже пора. — Мысли о простокваше бабы Клавды были все назойливее.

— Тебя проводить? Или найдешь теперь дорогу? Можно автобусом...

— Пройдусь пешком. Ночной Инск мне еще неведом. И потому любопытен...

— Удачи... Свой телефон я тебе вписал, так что ежели что...

Валерий по-американски (как матросу Вове) отдал подпоручику Петряеву честь. Витя с дурашливой старательностью откозырял в ответ...

А у костра, куда вернулся Лыш, продолжался свой разговор.

— То тебя дома до полуночи нет, а то «скорее надо», — выговаривала брату девочка в желтой рубашке с погончиками и шевронами. — Подожди немного, пойдем вместе...

— У меня в сарае работа не кончена, — озабоченно разъяснил ей Лыш. — Поэтому кто пойдет, а кто поскачет...

Лыш отошел и выволок из репейников легонький венский стул.

— Опять! — вознегодовала сестра. — Шею свернешь, акробат!.. Лыш, я маме скажу!

— Жалоба моченая, на углях копченая...

Все слушали спокойно. Знали, что Лыш обозвал сестру «жалобой» так, для порядка, и ничего она не скажет маме. А он, конечно, не свернет шею.

Лыш оседлал стул задом наперед, растопырил ноги, слегка толкнул перед собой спинку. Стул ударил ножкой в песок, будто нетерпеливый жеребенок. Подпрыгнул и взмыл над репейной чащей. Понес всадника над склоном вверх.

— Вот это да... — выдохнул один из оставшихся мальчишек.

Девочка (не сестра Лыша, а другая — круглолицая, светлоголовая) осторожно сказала ему:

— Видишь, ты уже столько тайн знаешь про нас... Расскажи и про себя.

— Но я ведь рассказывал...

Другой мальчик мягко проговорил:

— Ты не обижайся, но ты говорил не все. Расскажи нам про *главное*...

Часть вторая

АМПУЛА

ГЛАВА 1

Пока я подрастал, меня называли по-разному. То есть в документах стояло, конечно, одно и то же имя, а остальные можно считать кличками. Но они оказывались такими надолго прилипчивыми, что были как настоящие имена. Первое из них — Дуня. Сокращенное от прозвища Одуванчик. Но это еще в самой младшей группе дошкольного детдома. Потом, когда волосы перестали пушисто щетиниться и сделались гладкими, появилось другое прозвище — Седой. Оно продержалось до перевода в школьный сиротский интернат. К тому времени волосы хотя и оставались очень светлыми, но стали уже не чисто белыми, а как бы присыпанными истертой в пыль золой...

Сперва некоторые пацаны в школьном интернате окликали меня: «Эй, Косой!» Потому что среди таких, как я — белобрысых и с голубыми глазами, — нередко встречаются ребята с косоватостью во взгляде. Но у меня косоватости не было, и кличка не приклеилась. Стали меня звать сокращенно от фамилии — Клим.

А в компании Моргана обращались ко мне почти по-нормальному: Гриня. Потому что Морган сам так стал меня называть: «Гриня, смотаешься на рынок, добудешь там у черных дураков груш или яблочек...» Или: «Гриня, ты у нас нынче дневальный, гляди, мой хороший, чтоб порядочек...» Ласково так. Но все знали, что за этой ласковостью...

А в спецшколе я снова стал Климом. Но вскоре один остряк сказал: «Клим Ворошилов». Конечно, все стали спрашивать: почему и кто такой? «А это был давным-давно в Красной армии маршал. Говорят, стрелял без промаха. Даже звание такое потом для самых метких придумали: «Ворошиловский стрелок». Да вы чё, кино не смотрели, что ли?..»

Ну и получил я новую кличку — Стрелок...

Было у меня еще одно имя, но его никто из ребят не знал. Я крепко держал его про себя, потому что оно было для меня дорогое, изо всех сил. Это имя стало мне известно из письма, которое... Хотя нет, про письмо потом...

А в спецшколе, значит, — Стрелок. Не насмешливое прозвище, а даже с почтением. Потому что все помнили историю про мою стрельбу, когда ментухай окружили меня с Пузырьком и Тюнчиком на Волохинском разезде...

...И Мерцалов звал меня так же — Стрелок, хотя ему-то полагалось звать воспитанников по фамилии. Он был один из воспитателей. Не руководитель группы, а помощник начальника по какой-то там линии. Мы с ним редко сталкивались, я даже не думал, что он меня помнит. Но три дня назад, когда был урок математики, Мерцалов заглянул в класс и окликнул меня так по-свойски:

— Стрелок, пойдем-ка со мной, голубчик, тетя доктор зовет...

Я подумал: опять на допрос. Начнут десятый раз пытаться про одно и то же. А я ведь давно уже рассказал все, что знал, вывернул себя наизнанку! Чего еще надо-то?

Но оказалось, надо не это. «Тетя доктор» (а точнее, фельдшерница Зинаида Матвеевна) приготовила шприц и велела мне спустить штаны. Я спросил:

— А что это за раствор?

— Потом узнаешь, — улыбнулся Мерцалов (он был рыхлый и вроде бы добродушный, но с тонкими, как у коварной киношной красавицы, губами).

Спорить было бесполезно. Я сказал:

— Давайте, я сам воткну, я умею...

Дело в том, что год назад у меня нашли какую-то болезнь (с непонятым названием: то ли «дебют», то ли «дубликат»). Мне пришлось таскать с собой шприц и ампулы и несколько раз в день самому себе делать уколы, иначе мог помереть. Так мне сказали. Потом выяснилось, что диагноз был ошибочный и втыкал иголки с лекарствами я в себя зря. Директор интерната с треском уволил врачуху, а опытные парни из старшекласников меня утешали: «Не горюй, кент, опыт пригодится, если вздумаешь «сесть на иглу». Я знал, что са-

даться на иглу в жизни не буду (не самоубийца же!), поэтому только плевал в ответ. А те ржали...

Но сейчас Мерцалов сказал:

— Не суй лапы, Стрелок. Зинаида Матвеевна профессионал...

Ну, эта «профессионал» и всадила мне так, что я взвыл. Мерцалов захихикал. А когда я застегнул лямки комбинезона, он за плечо вывел меня в коридор, оглянулся и полусе-потом объяснил:

— Теперь слушай сюда, мальчик. Ты у меня на поводке. Покрепче якорной цепи. Это снадобье — спецсредство. Ровно через тридцать суток у тебя вот тут — (он твердым пальцем ткнул мне рядом с лямкой, под левую ключицу) — появится розовый бугорок. Будет чесаться и немножко болеть. Пару часов. А потом бугорочек этот превратится в красное пятно, вроде амёбы. И если в это время не сделать второй укол данного препарата, мальчик тихо отойдет в царство небесное. И никто не поймет, в чем причина... Врубился, Стрелок?

Я сказал со слезинкой:

— Чё вам еще от меня надо-то? Я же всё рассказал, до самой мелочи! Всё, что помню!

— А надо и то, что не помнишь. Есть такая штука: *подсознание*. В нем иногда прячется информация, про которую человек и сам не ведает. Здесь эту информацию у тебя выскрести не сумели, поэтому поедem в клинику особого института, в Горнозобойск... Да не бойсь, там больно не делают, просветят мозги, вот и все. И кормят до полного пуза, потому как будешь не воспитанник, а *пациент*...

— Все равно не в коня корм, зря только потратятся, — искренне сказал я.

— А тебе-то что? Прокатишься, на белый свет помотришь из поезда, вкусно покушаешь... А чтобы не слинял по дороге, в тебе вот эта самая, выражаясь по-научному, инъекция. Будешь помнить, что отправившись на встречу с родителями (ну, не обижайся), если в нужный момент я не окажусь рядом. А я окажусь, если будешь вести себя хорошо. И тогда — вот это... — Он вытянул из внутреннего кармана пиджака коробочку, похожую на футляр маленькой авторучки.

Открыл. Там лежал упакованный в целлофан шприц с колпачком на игле, а рядом тонкая прозрачная ампула с длинным концом. — Собственноручно воткну тебе куда следует. Или даже доверю самому... И живи тогда до ста лет. Глядишь, принесешь пользу Империи... Усёк?..

Я посопел и кивнул. А что делать? В этой «конторе» спорить не полагалось, иначе пожалеешь сто раз.

— И поимей в виду, Стрелок мой ненаглядный. Названия данной жидкости ты не знаешь, поэтому и найти другую дозу нигде не сможешь. Да если бы и знал... Штука эта столь редкая, что в готовом виде пока существовала лишь в двух экземплярах. Одна порция теперь у тебя сам знаешь в каком месте. А другая — у меня. — Мерцалов спрятал футлярчик за пазуху. — Уяснил ситуацию?

Я опять кивнул.

— Ты не болтай головой, а отвечай согласно уставу.

Я опустил руки вдоль мятых комбинезонных штанин, глянул Мерцалову в лоб и ответил согласно уставу:

— Так точно, понял, господин воспитатель.

Он опять подобрел:

— Не надо «господина воспитателя», можешь обращаться «Ефрем Зотович». Мы с тобой теперь одной ниточкой связаны. Ты от меня никуда, и я тебя блюсти должен без отрыва. Так что будем проявлять взаимное понимание. Уговор?

Я сдвинул пятки казенных ботинок.

— Так точно, гос... Ефрем Зотович.

— Вот и ладненько. Выезжаем завтра утром. Возьми на складе чемоданчик и собери имущество: смена белья, чистая рубашка, полотенце, паста-щетка... Что еще? Второго пистолета у тебя, надеюсь, нету? Хе-хе...

— Нету, Ефрем Зотович, — ответил я уже не по уставу. И подумал: «Твое счастье, что нету. А то завтра искал бы ты меня вместе с ампулой...»

Рано утром школьный фургон отвез нас в столицу, на маленький вокзал, который назывался «Елисейский» (я и не знал, что есть такой). Сели в поезд на загороженной товарняками платформе. Поезд оказался странный. Прямо винегрет какой-то. За блестящим вагоном-рестораном была почему-то

прицеплена теплушка (будто из военного фильма), за ней синий пассажирский вагон с надписью «Абакан», а следом красный с надписью «Торпеда». А за «Торпедой» стоял вагончик будто из музея или из кино про ковбоев, индейцев и американских грабителей. Но самое удивительное было еще дальше: мы подошли к вагону, каких я не видел ни в кино, ни на самом деле. Похоже, что какой-то регентский салон на колесах. Одна половина его была сплошь застекленная, даже крыша. А во второй — четыре двухместных купе. Это я разглядел, когда мы оказались внутри. Да, именно в этот вагон подтолкнул меня Мерцалов, когда проходили у подножки:

— Грузись, Стрелок...

Я послушался, а в тамбуре оглянулся и увидел, как Мерцалов показывает усатому проводнику бумаги. Проводник часто кивал, а потом по-военному козырнул. Ну, дела-а...

Купе было просторным, с двумя кожаными диванами и зеркалами. Мерцалов откинулся на диване и добродушно объяснил мне, что поезд этот «спецрейсовый», а наш вагон — опытный образец.

— Проектировали для туристов с тугими кошельками, да в производство так и не приняли... А нам видишь какой почет! Выделили суперкупе, потому как я сопровождаю персону, весьма интересную для некоторых учреждений... Кстати, персона, имей в виду: ампула не у меня, а в сейфе проводника. Так что не предпринимай попыток...

Я буркнул, что ни о каких попытках и не думал (врал, конечно)...

Мы поехали. Скоро пришел проводник (другой, не усатый), спросил, надо ли стелить постель. Мерцалов сказал, что после, а сейчас, мол, пусть принесет побольше бутербродов, шесть бутылок пива и чай (вот этому господину, который до пива еще не дорос).

Пиво он глотал прямо из горлышка... Я выпил чай, сжевал несколько бутербродов с колбасой и стал смотреть в окно. Поезд шел по пригородным путям, среди всяких эстакад, водокачек, закопченных зданий и замерших на рельсах цистерн. Неинтересно. Я спросил, можно ли пойти в застекленную часть вагона. Там сквозь прозрачную крышу наверняка видны облака — смотри на них сколько угодно. Мерцалов

рыгнул и разрешил. Знал, что никуда я не денусь. И сам я это знал. В самом деле — поводок покрепче якорной цепи...

В прозрачном помещении стояло несколько мягких откидных кресел. Сиди и бездельничай. Ну, я и сел...

Стеклянная крыша была чистая, словно только что промытая. Над ней бежали назад электропровода, мелькали кронштейны столбов. А облака почти не двигались — так, по крайней мере, казалось. Они были громадные, желто-белые. Такие пушистые груды. А небо между ними — очень синее.

Мне нравилось глядеть на облака, потому что они были свободные. Никто не мог им ничего приказать. И ничего не мог с ними сделать. Ни ментухайские генералы, ни начальник спецшколы, ни сам Регент. И я хоть капельку, хоть чуть-чуть и на малое время, но все же впитывал в себя частички этой их свободы. И старался не думать больше ни о чем. Только про облака...

Но все же иногда я поглядывал по сторонам. И увидел, что пригороды наконец остались позади. По сторонам раскидывались зеленеющие равнины с деревнями, колоколенками, речками, перелесками. Поезд почти все время шел по насыпям, на высоте, и можно было представить, что ты в самолете (по правде-то я никогда не летал). Иногда под колесами гремели мосты, мелькали за стеклами железные конструкции...

Раза два появлялся Мерцалов: проверить, на месте ли я (будто я мог сбежать!). Кивал и говорил:

— Любуешься? Правильно. Впитывай красота просторов родной Империи, это облагораживает душу...

Хотелось послать его подальше, но ведь запрет в купе, гад такой, и задернет шторы, да еще надает по морде...

Потом он позвал меня обедать. Надо же, как быстро пролетели полдня!

Обед был такой, какого я сроду не пробовал. Вкуснятина! Суп назывался «солянка сборная» (как наш поезд, хихикнул я) и пахнул всякими заморскими травами и приправами. А больше всего мне понравилось похожее на стружки мясо с мелким жареным картофелем («бефстроганов»). Обеденье...

— Добавки хочешь? — спросил размякший от пива Мер-

цалов. Я не стал изображать гордого, и он заказал еще порцию...

От сытости я осоловел и спросил: нельзя ли прилечь? (В школе спать днем не разрешалось: нарушение режима.) Мерцалов опять проявил великодушие...

Я проспал почти до вечера. Когда открыл глаза, солнце было уже вечернее, желтое. Мерцалов спал носом к спинке дивана. Я осторожно натянул ботинки. Он сразу проснулся:

— Ты куда?

Я сказал, что в туалет.

— А потом туда, где был днем, в кресло. Если вы позволите...

Он позволил:

— Валяй... — Наверно, ему не очень-то интересно было торчать тут со мной с глазу на глаз.

И я опять поехал под облаками. Теперь они были разноцветные: больше всего золотисто-оранжевых (а те, что в тени, — с лиловой дымкой). Стояли последние дни мая, солнце садилось поздно, в десятом часу. Я посмотрел, как оно — большущее, помидорно-красное — сваливается за потемневшие леса. Свалилось, но долго еще горел над горизонтом широкий закат. Потом у верхнего края заката я увидел дрожащую звезду. Подумал: «Наверно, Венера...»

Я оглядел сквозь широкие дребезжащие стекла потемневшую землю. И заметил, что на севере, низко над горизонтом, появилась большущая бледная луна. Она казалась полупрозрачной и плыла за поездом, как мыльный пузырь. Мне хотелось посмотреть, как луна станет набирать яркость. Но появился Мерцалов и рыкнул:

— Спать пора...

— Ефрем Зотович, а можно мне здесь поспать? Кресло же откидное, будто койка...

Конечно, он сказал:

— Порассуждай еще! Сейчас я тебе сделаю «откидное»...

Диваны в купе были уже застелены. Я сел, расшнуровал и со стуком сбросил ботинки. Мерцалов скривился:

— Носки заверни в газету и спрячь подальше, они у тебя воняют.

Он врал, носки у меня были чистые, это от его растоптанных шлепанцев несло кислятиной. Но разве поспоришь... Я убрал газетный сверток в чемоданчик, вынул запасные носки — на завтра. Потом разделся, сказал «спокойной ночи, Ефрем Зотович, спокойной ночи, Империя» (так полагалось по уставу) и улегся под хрустящее свежим пододеяльником покрывало. Носом к диванной спинке. Стал представлять, как наливается желтым светом и поднимается в зеленеющее небо круглая луна. Она была очень близкая — отодвинь стекло, высунь руку и сможешь дотянуться...

Проснулся я среди ночи. Пахло шлепанцами Мерцалова и пивом из его нутра. Сам он покряхтывал, посапывал. Вагон трясло на рельсовых стыках. Мне очень было надо в туалет. Я сунул в ботинки босые ноги и, не одеваясь, выскользнул в коридор. Сходил, двинулся обратно. Застекленная часть вагона была наполнена лунным излучением, как аквариум искрящейся водой. И я прошел мимо купе — до своего привычного кресла. Сбросил ботинки, забрался с ногами. Посижу чуть-чуть, Мерцалов ничего не узнает...

Луна была теперь не такая большая, как вечером, зато сияла, будто прожектор. Высвечивала в небе облачные выпуклости и провалы, а на земле — закоулки проплывающих деревень и русла бликующих речек. Я стал думать, что эти водяные блики — не на мелких речках, а на поверхности залива у города Лисса. Словно поезд огибают бухту, где расположена гавань и чернеют на фоне воды и неба мачты с огоньками... А может, лоцмана Битт-Боя врачи все же спасут от смертельной болезни?..

...— Вот ты где окопался, кретин! Кто тебе разрешил?!

За стеклами сияло утро. Мерцалов нависал надо мной. Я только сейчас заметил, что лицо его в мелких рябинках, а цвет кожи — как у оберточной бумаги. Цвет глаз такой же...

Я вскочил:

— Господин воспитатель, я в туалет... а потом... я сам не знаю как... Подумал: гляну только на луну...

— П-поэтическая натура, — выдохнул Мерцалов и рыгнул.

— Может, у меня лунатизм? — жалобно сказал я, надеясь превратить дело в шутку.

— А ну, пошли. Сейчас я вылечу тебя от лунатизма...

Я побрел за ним. Было похоже, что получу пару оплеух. Но Мерцалов отыскал среди брякающих на столике бутылок одну, не совсем пустую, вылакал остатки и подобрел.

— Думаешь, мне жалко, что ты среди ночи пялился на луну? Да черт с тобой... Но ты нарушил запрет. А нарушение запретов... ик... расшатывает социальную систему. А система есть основа всего... Вот возьми нашу Империю. Даже императора нет, но есть Регент, и он осуществляет исполнение законов. Хорошие или плохие они — это даже не вопрос. Главное, что они должны *исполняться*. Нарушишь хоть один в малости — и забуксует вся имперская машина... Понял ты, лунатик?

— Так точно, гос... Ефрем Зотович... — Я на всякий случай встал навытяжку.

— Ни хрена ты не понял... А мне про это еще папаша объяснял, штабс-майор Зот Михеевич Мерцалов... Однажды взял он меня, пацана, рыбачить на речку Запнянку, что у нашей дачи. И повезло мне тогда несказанно, вытащил я во-от такого леща. Отец кричит: «За жабры его!» — а я упал на рыбину пузом. Лещ, он не дурак, выскользнул, подпрыгнул и плюх в воду... Я в рёв! А папаша свинтил верхний конец удилица и тут же, у воды, выдрал меня им в полную силу. Говорит: не потому, что добычу жалко, а потому, что ты, мерзавец, не поступил, как велено. Впредь будешь уважать инструкции...

Я слушал и вспоминал Моргана. И думал, что все имеющие силу сволочи похожи чем-то друг на друга...

— Ладно, завтракать пора, — вдруг оборвал воспоминация Мерцалов. Нажал кнопку у изголовья и заказал тут же возникшему усатому проводнику сосиски и кофе (себе черный, мне с молоком).

Когда позавтракали, он велел мне сгрести со стола пустые бутылки и унести в тамбур — там был мусорный контейнер. А то, мол, дребезжат, на нервы действуют.

— И можешь потом торчать в своем кресле, раз такой любитель пейзажей, мне на тебя любоваться мало радости...

— Спасибо, Ефрем Зотович!

(Вот ведь гадство! Как я за три месяца спецшколы стал таким вышколенным воспитанником! Почти подхалимом...)

ГЛАВА 2

На этот раз я не стал садиться в кресло, подошел к стеклянной стенке, прилип носом к прозрачной плоскости. Впереди открывался город. Белели на солнце колокольни, темнел высокий (видимо, над рекой) обрыв, торчали кое-где трубы и водонапорные башни... А рядом со мной, за стеклами, проплывал назад крутой склон.

Поезд шел неторопливо, я успевал все разглядеть как следует. Склон зарос березками, крохотными елочками и хвойным кустарником (наверно, можжевельником, но я точно не знал, не разбирался). А местами зацветал розовый шиповник. Из кустов торчали мшистые валуны и обломки скал. По ним прыгали серые пичуги... И во всем этом было такое хорошее лето, что я забыл про свои горести. Мне показалось, что я превратился в легкий туман, и ветки цепляют меня, тебят на клочки, и эти клочки застревают в кустах, тают среди листьев. И это было не больно, не страшно, а радостно... Смешно, да? Но по правде так показалось. А что? Мне иногда и не такие еще фантазии лезли в голову...

Потом я увидел тропинку. Она виляла среди кустов и камней, а по ней бежали вприпрыжку ребята. С десятков мальчишек и девчонок, по возрасту все меньше меня — наверно, из младших классов. Веселые такие, разноцветные, с разлетающимися волосами. Они ловко прыгали с камня на камень, с уступа на уступ или напролом пробивались сквозь хвойную чашу, не боясь исцарапать голые ноги и руки. Наверно, они бежали в школу, потому что у каждого за плечами прыгал ученический рюкзачок. Правда, были они не в форме, ну да ведь последние дни перед каникулами и тепло такое. К тому же здесь не столица: может, школьную форму в этом городе вообще не требуют...

Вагон постепенно обгонял ребят. Они увидели меня за стеклами, на бегу замахали руками — смеющиеся, прыгучие. И я... нет, я не посмел замахать как следует в ответ (вдруг вы-

глядит из купе Мерцалов, заухмыляется), но все же поднял над плечом ладонь...

Господи, есть же на свете счастливые люди! Как мне хотелось быть таким же! Приходить после школы в свой нормальный дом, и пусть мне попадает за двойки в дневнике, пусть на меня ворчат: «Опять завалился на диван с книжкой, даже кроссовки не снял! А кто за хлебом пойдет?..» Пусть даже подзатыльники иногда перепадают. Если они от мамы — это ведь тоже счастье... Но я про такую жизнь только в кино видел или слышал изредка от ребят, кто попадал под интернатскую крышу не с малолетства, а уже когда все помнится...

Ребята отставали, но все еще махали руками. Впереди всех прыгали смуглые мальчик и девочка в одинаковых зеленых футболках. Подумалось, что брат и сестра. И я смотрел, смотрел, пока они совсем не скрылись за густой листвой. Потом проглотил комок... Нет, я вовсе не завидовал этим ребяташкам. Наоборот, я радовался, что им хорошо. Если уж не мне, то пусть хотя бы другим... И комок был не горький, а такой, когда читаешь про что-то берущее за душу в хорошей книжке...

Меня потрянуло от резкого голоса в радиодинамике:

— Господа пассажиры! Поезд прибывает на станцию Ново-Заторск. В связи с особым графиком спецсостава, следующего вне расписания, и частичным демонтажом путей возможна внеплановая стоянка протяженностью около двух часов. Просим быть внимательными к дальнейшей информации.

За стеклами потянулись станционные строения...

Мерцалов сходил к проводнику. Я догадался, что он взял ампулу. Видимо, опасался непредвиденных обстоятельств. И правильно опасался...

Мы вышли на перрон. Поезд стоял на первом пути, я увидел серое двухэтажное здание с полукруглыми окнами и черными буквами под крышей: НОВО-ЗАТОРСК. Было много народа, ощущалось непонятное беспокойство. Там и тут краснели ментухайские околыши.

— Ново-Заторск какой-то заср... — выразился Мерцалов. — Его даже в расписании нет.

Рядом оказался юркий дяденька в соломенной кепочке, он охотно разъяснил:

— Потому как путаница в диспетчерской службе. Для сокращения пути вывели состав на Инскую колею, а у них свои планы-законы. Вот и будем куковать...

Я не понял, что за «Инская колея». И в общем-то мне было все равно. Главное, что новые места, путешествие, а не обрыдлая спецшкола...

Опять закричал динамик:

— Уважаемые господа пассажиры. По техническим причинам наш состав будет вынужден двигаться окружными путями. Пассажирам, следующим до Горнозобойска, служба Северо-Заторской железной дороги рекомендует продолжить путь не в поезде, а на пассажирском теплоходе, который прибудет в Горнозобойск сегодня вечером. Вы сможете сэкономить время и вместе с этим совершить приятное водное путешествие, полюбоваться речными пейзажами. Расходы Управление нашей дороги берет на себя. Предъявив на теплоходе железнодорожный билет, вы получите там бесплатное место. Пассажирский причал расположен в трех кварталах от перрона, в конце улицы Магистральной, за Пристанским рынком...

Мерцалов нехорошо выразился в адрес Управления дороги, пассажирского причала и всего белого света.

— Пошли, Стрелок, за чемоданами...

Мы забрали в купе наш багаж. У меня-то — тьфу, никакого веса, а у Мерцалова был увесистый баул (я малость позло-радовался). И пошли мы по улице Магистральной, среди унылых кирпичных домов. Она привела на площадь, где за длинными дощатыми столами небритые дядьки и объемистые тетушки торговали всякой снедью. Были здесь и банки с молоком, и всякие пирожки, и груды вареной, посыпанной мелкой зеленью картошки, и ранняя редиска, и даже помидоры (видать, с Юга привезли). И огурцы были (наверно, парниковые), и груды золотистого лука. Мало того, громоздились гроздь бананов — будто где-нибудь в тропиках. И всюду — букеты сирени, лиловой и белой. От ее запаха у меня даже закружилась голова (а может, просто от мелькания и пестроты). На миг показалось, что я где-то на заморском

ожном базаре (может, в Лиссе или Гель-Гью?). И будто на прилавках полно арбузов. Приглядишься — это зеленые ведра под букетами, кучи перистого лука и салата, эмалированные кувшины. Отвернешься — опять чудятся арбузы. Тьфу, наваждение... Но когда мы пересекли весь рынок, случилось чудо. На крайнем прилавке я заметил настоящие, не «привидевшиеся» арбузы. Даже сбил шаги и заморгал. Откуда они в такую-то пору? Наверно, тоже из какой-то теплицы, как и помидоры... Мерцалов прикрикнул на меня: не тормози, мол.

Но оказалось, что и он разглядел арбузы. На пристани, у трапа, ведущего к борту теплохода (а по правде — довольно обшарпанного прогулочного катера «Речник-3») Мерцалов забрал у меня чемоданчик и сунул мне крупную коричневую «деньгу».

— Я сейчас буду оформлять места. А ты сгоняй обратно, купи арбуз. Хочется небось? Вот и мне. Выбирай, чтобы зрелый был...

Мне хотелось арбуза, но я сказал:

— Я не умею выбирать.

— Смотри, чтобы крупный был и с сухим хвостиком. Если красный внутри — получишь лишний кусок. Окажется бледный — выскоблю и надену на башку, будешь в такой каске ехать до места назначения. Понял, Стрелок?

— Понял, Ефрем Зотович!

— И не вздумай сдачу замылить... Жми!

Я нажал. Стуча ботинками по мосткам, домчался до прилавка, углядел там большущий арбуз со съезженным корешком, щелкнул по нему:

— Спелый?

Горбоносый дядька возвел глаза:

— О чем говоришь, мальчик! Самый спелый на свете! —

Он три раза ткнул в полосатый бок похожим на гладиаторский меч ножом, выхватил из арбуза рубиновую пирамидку. — Смотри сам!.. Сдачу держи...

Я запихал в карман комбинезона кучу бумажек и мелочи, прижал арбузище к груди и, выгибаясь от тяжести, засеменял к пристани...

И... глянув поверх арбуза, увидел уж-жаснейшую картину.

Катер уже отвалил и был метрах в двадцати от причала. Ефрем Зотович Мерцалов тянул к берегу руки, перегибался через поручень, который загораживал выход, и голосил. Его удерживали два парня в сизых (вроде как у меня) комбинезонах. Видать, от Мерцалова ощутимо разило пивом, и парни решили, что поддавший дядя потерял голову. Уговаривали. Я наконец понял, что он кричит:

— Ребенок у меня! Ребенок на пристани! Швартуйте назад, сволочи!

Но матросы никакого ребенка не видели, а капитан разворачиваться, конечно, не хотел. Наверно, и без того опаздывал. Пассажиры на борту веселились и подавали советы.

— Прыгай, дяденька! — кричал пацаненок в желтой панамке. — До берега близко!

Но было уже не близко. Да и не дали бы Ефрему Зотовичу прыгнуть. И, наверно, не хотел он: в пиджаке-то куча важных бумаг, а может, и пловец он был никакой.

В первые полминуты мне было смешно. И опять я позлодствовал. Но почти сразу очухался: у меня-то положение в десять раз хуже, чем у «господина воспитателя». Ампула-то не со мной, а с ним. И если я потеряюсь, через месяц — кранты Стрелку! (Если, конечно, Мерцалов не врал насчет смертельности укола, но я почему-то был уверен, что не врал.)

Я вытянул шею над арбузом и заорал:

— Мне-то что делать?! Что?!

Мерцалов закричал в ответ, и я разобрал только: «...на вокзале! На вокзале!..»

Что «на вокзале»? Возвращаться на вокзал и ждать Мерцалова там? Или самому добираться в Горнозавойск, а Ефрем Зотович (чтоб его разорвало!) встретит меня на том вокзале? А как добираться? Я с перепугу перестал соображать. Не выпуская арбуза, кинулся вдоль берега — в ту сторону, куда уходил катер. А он, скотина, уходил быстро, будто глассер какой-то (конечно, мне это чудилось).

— Ну, что мне делать-то?!

Однако ответные вопли Мерцалова были уже совсем неразборчивы. Потом я наткнулся на сложенные у воды контейнеры, а когда обогнул их, катер скрылся за длинной, стоявшей посреди реки баржей. Все-таки я некоторое время бе-

жал еще — просто не знал, что, кроме этого, делать. Наконец я споткнулся на прибрежном песке и полетел вперед носом.

Песок был не твердый, но все же я крепко треснулся животом и коленями. Арбуз же — и того крепче. Он усвистал вперед, как бомба, срикошетил, взмыл опять и на излете, в воздухе еще, развалился на три части. Они все упали на песок удачно, мякотью вверх.

Удар привел меня в чувство. Будто встряхнул мозги и поставил их на место. Я сел и стал думать, что ничего страшного не случилось (за исключением расколотого арбуза). В том, что я отстал от катера, моей вины нет вот ни на столечко. Не надо было Мерцалову посылать меня на рынок. Пускай теперь пляшет на палубе и думает, как быть. Это его, Ефрема Зотыча, проблемы. А мне-то что? Рано или поздно меня все равно найдут. Потому что я им *нужен*. И прививку сделают, никуда не денутся. Впереди еще почти месяц. А то, что случилось, называется *приключение*. Переживать приключения — в сто раз лучше, чем торчать в интернате или какой-то клинике на строгом режиме. Как пойдут события, пока не ясно, однако все равно как-нибудь пойдут. И незачем их торопить...

Поразмыслив так, я решил, что для начала следует съесть арбуз. Не пропадать же добру! Тем более что попробовать арбузы мне приходилось ох как нечасто...

Я поднял красный искрящийся кусок, ухватил мякоть губами. И тихонько застонал от удовольствия. А когда, облизываясь, глянул из-за куска, увидел четыре исцарапанные ноги в одинаковых ременчатых сандаликах.

Тогда я поднял глаза.

Рядом стояли двое ребятешек — мальчик и девочка лет семи-восьми. Оба рыжеватые, круглощечие и со вздернутыми носами. Щеки и ноги у них были перемазанные, однако одежда из ярко-зеленого трикотажа — чистая, новенькая даже. Видно, что не бродячие пацанята, домашние. На девочке была плетеная бейсболка со вздернутым козырьком, на мальчике треуголка из газеты. В ярких, как пузырьки с синькой, глазах было полным-полно интереса и ни капелки боязни.

Девочка поправила бейсболку и спросила:

— Ты его нечаянно грохнул? Или нарочно?

— Конечно, нечаянно. Зачем бы я стал нарочно... — сказал я без всякой сердитости. Ребятишки мне понравились (вспомнились те, которых видел на тропинке, из вагона).

— Как зачем? Чтобы съесть поскорее, — деловито разъяснил мальчик.

— Нет, я не хотел поскорее. Просто запнулся...

— Ты сильно расшибся? — серьезно спросила девочка (заботливая какая!).

— Не сильно. Только вот арбуз...

— Тут уж ничего не поделаешь, — рассудил мальчик. — Придется тебе его съесть.

— Конечно, придется...

Мальчик поглядел недоверчиво:

— Думаешь, ты справишься с ним?

— Конечно, нет. Садитесь, помогайте.

Они запросто, будто у их давний знакомый, сели на корточки, взяли каждый по куску. С аппетитом зачавкали. Я тоже. Но долго чавкать без всякого разговора было как-то неловко. И я спросил мальчика:

— А что это у тебя на шлеме написано? Такое название газеты здесь у вас?

По краю треуголки тянулись крупные, старинного вида буквы.

— Да. — Мальчик солидно кивнул. — Это Инская городская газета.

— Странное какое у нее имя...

Перевернутые буквы складывались в слова:

ПОЧТОВАЯ РОМАШКА

— Нисколько не странное, — сообщил мальчик, отклеивая от щек арбузные семечки. — Дело в том, что раньше, в лошадиные времена, в Инске была почтовая станция.

«Образованные детки, — подумал я. — Или, как говорится по-научному, *эрудированные*...» Но девочка не оценила мальчишкину эрудированность. Покачала головой:

— Ох ты Толя... «Лошадиные времена»...

— А как еще сказать, если не было машин! — не смутился Толя.

— В эпоху гужевого транспорта, — сказал я, выгрызая из-

нутри арбузную корку (ребята выгрызали так же). Мальчик возразил:

— «Лошадиные времена» понятнее...

— Пожалуй, да, — согласился я. Мне нравилось разговаривать с этими пацанятами, вспомнились Пузырёк и Тюничик. — А почему вы говорите «Инск», «Инская»? Здесь же Ново-Заторск...

Они, кажется, насупились. Чуть-чуть. Мальчик глянул недоверчиво:

— С чего ты взял?

— Видел надпись на вокзале.

Девочка будто пожалела меня:

— Ох, куда тебя занесло... Ты, значит, приезжий?

— Ну да! Я отстал от поезда. Вот из-за этого арбуза. Купил его, а в вагон не успел...

Я врал не специально, а просто не хотел вдаваться в подробности.

— Тогда тебе надо к начальнику вокзала, скорее! — заволновалась девочка. — Он поможет...

А в самом деле! Почему я сразу не додумался? Ведь у начальника-то связь со всеми... как их... транспортными средствами. Может, и с пассажирскими катерами тоже...

Я вскочил.

— Спасибо за совет.

— А тебе спасибо за арбуз, — откликнулась девочка.

— Да. Теперь главное — успеть до ближнего туалета, — сообщил мальчик.

— Толька, ты хулиган, — сказала девочка.

— А чего? Будто тебе самой не надо!

— Но я не кричу про это на весь Инск. При посторонних... Иди сюда... — Толя подошел, и она принялась отлеплять арбузные семечки от его щек.

Мне стало грустно. Не хотелось быть посторонним. Хотелось, чтобы кто-нибудь так же отколупывал от моих щек семечки и понарошку обзывал хулиганом.

— Пока, — сказал я ребятам и пошел назад, к пристани.

Меня беспокоила та же проблема, что и Толю, но я решил ее быстро, за контейнерами. И с облегченной душой отправился искать начальника.

ГЛАВА 3

Пока я шагал вдоль воды (по плоскому песку, замусоренному щепками, жестянками и обломками кирпичей), у меня появилась другая мысль: «А на фиг мне начальник вокзала!» Надо навести справки у начальника пристани! Наверно, он может связаться с катером и попросить отыскать на нем пассажира Мерцалова. И, наверно, разрешит нам поговорить друг с другом... Если, конечно, есть на пристани контора и начальник. Я не помнил там никаких строений, помнил только шаткий деревянный причал.

Контора была. Кривой домик, обитый фанерой и покрытый облупленной синей краской. Над крышей слабо полоскался длинный желто-черный вымпел. Отражали реку и солнце стекла широкого окна. По сторонам от окна я увидел две дощатые двери. На одной — никакой надписи, на другой — то, что мне надо. Белая табличка: «Начальник пристани Н-Заторск № 3».

Я постучал. Не дождался ответа, потянул ручку, вошел... Не было здесь ничего похожего на кабинет начальника. Было несколько пластмассовых столиков, кривые стулья, буфетный прилавок, а за ним — полки с бутылками, банками и сигаретными коробками. На прилавке горел солнечными бликами великанский самовар. Помятый, но надраенный. Из-за самовара выглянула тетушка с жалобным, но не сердитым лицом.

— Тебе чего, голубок?

— Мне... я думал, здесь начальник. Там написано...

— А, да мало ли нынче где чего написано... — Она махнула рукой, будто отгоняла муху. — Всё поперек смысла... Написано «контора», читай «забегаловка», написано «Регент», читай... Ладно. Тебе он зачем?

«Регент?» — чуть не сострил я, но не посмел. Сказал кислым голосом то, что приготовил заранее, — коротко и внятно:

— Я из интерната. Ехал с воспитателем в другой интернат, в Горнозайбойск, и отстал от катера. А воспитатель уплыл. Не знаю, как быть...

— Вот бедолага-то!

Она не стала длинно расспрашивать и охать. Выволокла

из-под прилавка тяжелый телефонный аппарат. Я такие видел только в кино про войну с фашистами. На пластмассовой коробке торчала ручка, будто у мясорубки. Тетка остервенело завертела ручку, потом схватила трубку.

— Маркелыч! Маркелыч?! Ну, где тебя носит окаянная сила! Тут пассажир пришел... Какой-какой! Отставший, говорит... — Она глянула на меня: — С какого ты теплохода?

— «Речник-три»! — вспомнил я.

— С «Тройки», говорит... С воспитателем ехал, он детдомовский. Тот уплыл, а мальчонка остался... Ну ясно, что обалдуй... — Она опять посмотрела в мою сторону: — Это не про тебя, про воспитателя твоего... Как его звать-то?

— Мерцалов Ефрем Зотович, — сказал я отчетливо. Буфетчица повторила это в микрофон.

— Маркелыч, ты давай не мешкай, ребенок переживает...

Она бухнула трубку с наушником и микрофоном на железные рогатки, объяснила мне:

— Обождать надо. Это ведь не сразу. С ихней калошей пока свяжешься... Кабы Инская линия, тогда проще, а тут ведь порядки, как в правительстве... Кушать хочешь?

— Не-а, спасибо. Я в поезде позавтракал... — (Да еще арбуз... Жидкость-то выкачал, а мякоть осталась; я хихикнул про себя.)

— Ну, все равно. Угостись хоть вот так, маленько... — Тетушка вынесла, поставила на столик стакан с коричневой жидкостью и блюдец с пирожным.

Я опять сказал спасибо и сел. Жидкость оказалась яблочным соком. Пирожное было сухое, но все равно вкусное. Я даже крошки подобрал со столика. И стал смотреть на телефон. Тетка тоже поглядывала на него. И на меня — сочувственно так... Ждали недолго. Телефонная коробка подпрыгнула, взорвалась трезвоном. Буфетчица снова схватила трубку.

— Чего?.. Как это так?.. Подожди, повтори по порядку... Вот ведь нечистая сила!.. — Она брякнула трубку на развилки так, будто старинный телефон был в чем-то виноват. А мне сообщила: — Нету на борту пассажира Мерцалова Ефрема Зотыча. Всех опросили, нету. Говорят, может, это тот, которого высадили в Малых Ельниках за то, что скандалил с ка-

питаном. Пожилой такой, с большим и маленьким чемоданами, пивом пропах...

— Он и есть... — потерянно сказал я. — А эти Ельники далеко?

— Да не очень. Только ведь теплоходов туда нынче уже не будет, и с той стороны тоже. А с автобусами полный кавардак... Тебе, милоч, лучше бы пойти в детскую комнату, рассказать, как и что. Они помогут...

— Ну уж нет! — вскинулся я.

Больше всего я боялся попасть в лапы к ментухаям. Знаем мы это дело! Толком слушать ничего не станут, для начала сразу в спецприемник, а потом уже потихоньку начнут разбираться. «У нас план...» А могут и в карантин загнать, на всякий случай. И уж первым делом, конечно, прическа под машинку! А у меня только-только волосы отросли по-человечески, я в спецшколе всякими хитростями уклонялся от регулярных стрижек...

Я оглянулся на дверь: чтобы рвануть, если тетка вздумает звонить в отделение. Но она не вздумала. Покачала головой:

— Ну, гляди... А чего делать-то собираешься?

А я уже знал — что. Вернусь на вокзал, разыщу знакомый мне поезд, объясню усатому проводнику, какая случилась история. Он вроде бы неплохой дядька. Может, разрешит мне доехать до Горнозобойска. Ну, пускай дорога будет не скорая, по каким-то окружным путям, куда мне спешить-то... А в Горнозобойске я осторожно разузнаю, где там интернат со специальной клиниккой, и явлюсь к начальству... Конечно, и Мерцалов там появится... Эх, выудить бы у него ампулу, тогда ищи-свищи меня... Говорят, есть компании вольных ребят, в которых никого не гнобят, со всеми на равных и никаких там Морганов...

— Пойду на поезд... Сколько с меня? — спросил я буфетчицу. От мелких бумажек сдачи с мерцаловской ассигнации у меня распух карман. И я считал, что имею право тратить эти деньги, раз остался бесприютным по вине воспитателя. Тетушка сказала:

— Да Господь с тобой... Удачи тебе, голубчик. Если с поездом не получится, приходи сюда, устройю ночевать...

Я третий раз сказал доброй тетушке спасибо и пошел на вокзал. Сперва через рынок, потом по Магистральной улице — пыльной, без всякой зелени (только в щелях асфальта росли подорожники). Магистральная почему-то вывела меня не к вокзалу, а на другую улицу. Здесь было зелено, зацвели вдоль тротуаров большие тополя. Я завертел головой: где вокзал-то?

Оказалось, он чуть в стороне. И... какой-то незнакомый. Я не очень разглядывал вокзальное здание, когда мы уходили к реке, но помнилось все же, что оно серое. А это кирпичное. Поверху — фигурные башенки с жестяными паровозиками на шпилях...

Может, вокзал только с улицы такой, а со стороны перрона — тот, что я запомнил? Я обошел длинный кирпичный дом, пролез в дыру между прутьями высокой решетки, оказался на платформе. Совсем пустой, кстати. Встал опять лицом к фасаду. Он был и правда серый, но не с полукруглыми окнами, как раньше, а с узкими, прямоугольными. И надпись под крышей была другая. Не НОВО-ЗАТОРСК, а ИНСК-1.

Конечно, я заморгал. Значит, и правда я вышел к другому вокзалу. Но прежний, Ново-Заторский, должен быть где-то рядом! Не мог же я промахнуться на несколько километров!.. Однако никаких крупных зданий рядом больше не было, только белый домик с фигурками дамы и джентльмена. Я невольно хихикнул — вспомнил арбуз и «хулигана» Толю. И... почему-то успокоился. То есть перестал удивляться. Начал разглядывать составы на рельсах. Они все были товарные. Но вдруг я увидел и *наш* поезд! С разномастными вагонами, в том числе и с *моей* стекляшкой! Только стоял он теперь не у платформы, а за краем перрона, в стороне, где торчала красная водонапорная башня... Нет, он не стоял, он двигался. Уходил, выгибаясь на плавном повороте. И не так уж медленно. Я сразу понял, что не догоню. И плюнул с досады.

— Ты чего, молодой человек, плюешь на служебную территорию? — услышал я густой и печальный голос.

Рядом стоял здоровенный мужик, похожий на главного запорожца с картины Репина (ну, знаете, где они пишут письмо султану). Только не в папахе, не в кафтане, а в кителе

и красной фуражке. Выглядел он добродушно, и я сказал без опаски:

— Плююсь, потому что мой поезд ушел. Вон тот. А я не успел... Мне в Горнозобойск надо... — И добавил на всякий случай: — У меня там бабушка...

— А зачем тебе было успевать на него, если пошел он, родимый, не в Горнозобойск, а прямо в депо на расформировку, — грустно сообщил «запорожец» (видать, дежурный по станции). — Всех пассажиров рассадили кого куда... А ты где гулял?

— Я не знал... — буркнул я. Потом спросил: — А когда еще будет поезд в Горнозобойск? — Вспомнил про мерцаловские деньги: может, хватит на билет?

Дежурный ответил с прежней печалью, но и будто с удовольствием:

— А вообще уже не будет. Никогда.

— Почему?!

— А потому... Для Инска такая дорога нерентабельна. Понимаешь это слово?..

— Понимаю... А для Ново-Заторска? — почему-то вырвалось у меня.

Он посмотрел внимательно.

— А это, дорогой мой, их проблемы. Пусть выкручиваются... Что будешь делать-то?

— Что... домой вернуться... — сумрачно схитрил я. Чтобы он не вздумал заводить разговор про детскую комнату.

— А вот это правильно! — оживился дежурный-«запорожец». — Дома оно надежнее, от вокзалов в нынешние дни лучше держаться подальше, так оно благополучнее...

И я пошел с непонятного Инского вокзала. Неизвестно куда... Вот если бы по правде *домой*! Как нормальный пацан. Как... те ребяташки, с которыми ел арбуз... Они почему-то вспоминались то и дело. Девочка в плетеной бейсболке, Толя в бумажной треуголке из «Почтовой ромашки»... Почему «почтовая», понятно. А почему «ромашка»? Странное все же название для газеты...

«Газеты...»

Я тормознул.

Я... меня будто вспышкой фонарика озарила догадка. О том, что делать!

...Вот ведь как случайные события поворачивают судьбу! Не запнись я на берегу, не раскокал бы арбуз. И не познакомился бы с теми ребятами. Не увидел бы газетную «шапку-ромашку». И не подумал бы сейчас про газету!..

Вот куда надо идти!

Там — люди, которые помогут!.. Наверно, не все они *такие*, но ведь часто слышишь, как журналисты вмешиваются во всякие несправедливости... Говорят, и Михаила Гаврилыча, директора нашего дома-интерната, пытались выручить из беды... И солдат, которые бегут от издевательств в казармах, берут под защиту... И за студентов, которых внутренняя гвардия Регента разгоняет дубинками, заступаются... И за беспризорников, которых гнобят в спецприемниках...

Я приду и скажу: «Помогите. Потому что меня запутали, замотали, обвиняют непонятно в чем!.. И потому, что мой отец тоже был корреспондент...»

Ну, по правде, он был, наверно, не совсем корреспондент, не газетчик. Он заведовал отделом научных обозрений в журнале «Академия для всех». Но ведь в *журнале* же! Значит, журналист!

Я слышал как-то по телевизору умные слова: *корпоративная солидарность*. Сразу и не выговоришь, но смысл понятный. Свои должны защищать своих. Особенно если они за справедливость!

Может, и не такая уж гениальная была идея, но у меня в душе будто лампочка зажглась! Главное, что я теперь точно знал, как поступать дальше.

В квартале от вокзала я спросил у мужчины, похожего (так мне показалось) на корреспондента — с авторучками в больших карманах рубашки, в очках и с кожаным футляром через плечо:

— Скажите, пожалуйста, где редакция «Почтовой ромашки»?

— А?.. — Он вздернул очки. — Редакция?.. Да вот, перевалишь горку и вниз по Второй Раздельной. Там в конце улицы направо...

— Спасибо!

И я стал подниматься по широкой улице, где через решетчатые изгороди свешивались гроздьи сирени, а впереди ярко белела церковь с зелеными куполами...

ГЛАВА 4

С пологого холма, от большой церкви (которая, наверно, называется «собор»), я оглядел город. То ли Инск, то ли Ново-Заторск... Город был ничуть не похожий на столицу. Уютный такой. Вдали, на севере, громоздились освещенные солнцем высотные кварталы, но вокруг холма улицы были с небольшими домами и густой зеленью. Тут и там белели колокольни. Горели золотые маковки. И над зелеными куполами собора тоже сверкали маковки под крестами. Я посмотрел на них, когда перестал наконец разглядывать город. Блики были ослепительные, я зажмурился, в темноте сразу затанцевали фиолетовые следы вспышек...

Я открыл глаза. К церковному высокому крыльцу (паперти?) неторопливо шли старушки... Интересно, как там внутри? Я никогда не был в церкви и ни за что в жизни не посмел бы зайти туда. Я даже не знал, крестили меня после рождения или нет, и про религию ничего толком не знал, хотя в интернате и в спецшколе перед нами несколько раз выступали священники (это было довольно скучно). Однако сейчас.. что-то теплое толкнулось внутри. Я подумал, что в этом городе не встретил ни одного плохого человека. И мне захотелось... ну, как бы поблагодарить судьбу и попросить ее о дальнейшей милости. Я снова посмотрел на купола. Креститься открыто я стеснялся (да и не знал, имею ли право). Я сунул под нагрудник комбинезона, под клетчатую рубашку и майку ладонь, сложил там щепотью пальцы и мелко перекрестил сердце, которое теплело и неровно стучало под ребрами.

«Господи, помоги мне... И... помоги еще Пузырьку и Тюнчику... если можно...» Я не решился даже мысленно сказать «если они живы». Чтобы не накаркать...

Время шло к середине дня, и день этот решительно набирал знойную силу. Конец мая, а солнце палило, как в июле. Моя курточка осталась в чемаданчике (где он теперь?), но и без нее мне было жарко. Хотя жара не казалась утомительной, она была даже ласковая.

Я обошел собор и оказался в тени. После яркого солнца тень была густая, синяя и прохладная. Отсюда я еще раз оглядел город, увидел блестящий изгиб реки, а потом — совсем

недалеко — лестничный спуск, ведущий с холма. У начала спуска торчал столбик с белой стрелкой-указателем: «2-я Раздельная». Ну, как все здорово складывалось! Будто кто-то нарочно подсказывал мне путь...

Я спустился по деревянным ступеням, над которыми нависали цветущие яблони. По сторонам улицы стояли двухэтажные каменные дома с витринами всяких магазинчиков, с коваными перилами балконов. Народу было немного. Обогнали меня несколько мальчишек-велосипедистов. Их велосипеды тряслись и весело позванивали — дорога была не асфальтовая, а булыжная...

Шел я, шел и наконец на правой стороне улицы увидел над широкой дверью с блестящим колокольчиком вывеску: «Почтовая ромашка».

Странная вывеска — не «редакционная». На жестяном щите была намалевана карета с тройкой лошадей. Ну... может, здесь так полагаются? Я постоял у двери, набрался смелости, вздохнул и вошел (колокольчик звякнул).

Внутри не было никакой редакции. Были столики и буфетная стойка (словно повторялась история с пристанью!). За стойкой стоял пожилой дядька с красным, как у Деда Мороза, носом и седыми кудрями. В белом переднике.

— Тебе чего надобно, отрок? — возгласил он тонким, как у молодого певца, голосом. — Прохладительной жидкости или жевательную резинку в соответствии со вкусами нынешнего юношества?

— Мне... Я думал, здесь редакция. Газета...

Старый буфетчик не удивился.

— Тебя, отрок, ввела в заблуждение округлая буква «ю», начертанная на вывеске и прочитанная тобою как «о». Заведение наше именуется не «Ромашка», а «Рюмашка». Естественно, «Почтовая». Ибо в давние времена ямщики почтовой службы, собираясь в дальний путь, имели обычай заглядывать сюда и принимать рюмашку водки для бодрости духа... Тебе же водка еще не положена, поэтому держи... — И он бросил через все помещение апельсин.

Мне оставалось только поймать его и обалдело сказать спасибо. «А редакция?..» — хотел спросить я, но буфетчик опередил:

— Почтенный и уважаемый в Инске орган печати, который ты ищешь, расположен гораздо ниже по улице, почти у самого берега. Туда и ступай...

Я снова сказал спасибо и спиной вперед выкатился на улицу. Глянул на вывеску. В самом деле «Рюмашка!» Мне стало весело. И опять показалось, что дальше все будет хорошо. Я очистил апельсин и зашагал вниз по 2-й Раздельной, капая соком на комбинезон. Когда апельсин кончился, я увидел редакцию.

Она располагалась в кирпичном одноэтажном доме с изгородью из чугунных завитков. И вывеска здесь была солидная — над раскрытой узорчатой калиткой черная доска с медными буквами названия. За калиткой я увидел гранитное крыльцо, на нем по краям лежали два каменных льва. Морды львов такие, что сразу было ясно: всю жизнь эти звери питались только картофельными котлетками. Я погладил правого льва по косматой голове и потянул медную ручку. Дверь не поддавалась. Дернул еще, еще. Напрасно. Что было делать-то? На резной деревянной створке белела кнопка. Я потоптался, поскреб затылок и нажал (не идти же обратно!). Подождал, хотел надавить кнопку снова, и тут створка двери отъехала. Выглянула женщина в синем халате. Она показалась мне похожей на пристанскую буфетчицу.

— Ты чего трезвонишь, беспокойная душа? — Это она без досады, по-доброму.

— Мне... в редакцию...

— Понятно, что в редакцию. Ну, входи...

В полутемном вестибюле пахло незнакомо, по-особенному. Скорее всего, это был специальный газетный запах — от бумаги и типографской краски.

— А по какому ты делу-то?

Наверно, это была уборщица. Излагать ей мое дело, конечно, не имело смысла.

— Ну... посоветоваться хотел...

— А! — обрадовалась она. — Небось решил на каникулах стать распространителем, торговать «Ромашкой» на улицах? Чего ж, неплохая работа... Родителей-то спросил?

— Не... я не торговать...

Она почему-то обрадовалась еще больше (жизнерадостная тетенька!):

— Тогда знаю! Наверно, стихи сочинил и принес, чтобы напечатали! Оставь, я передам в отдел, там рассмотрят...

— Я не стихи... Посоветоваться хотел. С редактором...

Она огорчилась:

— Редактора нет. Подписал газету и уехал в типографию. А остальные по домам разошлись, до понедельника. Завтра и послезавтра выходные...

Тьфу ты! Куда же мне теперь...

— Приходи в понедельник, Федор Федорыч, редактор наш, будет с самого утра...

— Ладно... — вздохнул я. И подумал: «Как-нибудь прокантуюсь тут трое суток...» Отказываться от своего плана с газетой я ни за что не хотел. Это была единственная надежда.

Тетушка вдруг взяла меня за ляжку комбинезона:

— Не жарко тебе, голубчик, в такой робе? Лето на дворе, время опасное. Взмокнешь на солнце, а потом вмиг прохватит на сквозняке. Мой Вовка до вчерашнего дня парился в этих джинсах окаянных да в кофте адидасовской, а сегодня с утра горлом сипит...

Не знаю почему, но меня крепко укусила досада. Я дернул плечом.

— У меня другой робы нет, я детдомовский.

— Ох ты бабушка! Прости меня за язык... А только из какого ты детдома-то? У нас в Инске их, домов этих, нету ни одного...

— Я приезжий.

— Вот я и смотрю... А жить-то у тебя есть где?

— Есть, конечно, — жизнерадостным тоном успокоил я заботливую тетеньку (было неловко за недавнюю грубость). — Все в порядке, вы не волнуйтесь.

Я не врал. Вспомнил, как меня приглашала на ночлег буфетчица на пристани. Наверно, и правда можно там пристроиться... Хотя нет! Мерцалов, когда вернется (а ведь вернется, гад!), начнет искать меня прежде всего на пристани и на вокзале. А попадаться ему я сейчас никак не хотел. По крайней мере, пока не поговорю с редактором... Мои надежды теперь уводили меня далеко. Может, газета поднимет шум:

вот, мол, издеваются над мальчишкой, пытаются неизвестно о чем, укол опасный для жизни вкатали. Какое имеют право?! И вдруг какая-нибудь комиссия по охране детства вмешается, отберут ампулу у Мерцалова, а меня выпустят из спецшколы! Ведь попал-то я в нее даже без всякого суда. За что? Подумаешь, стрельбу открыл! Те, кто меня ловил, были без погон, я мог принять их за бандитов, значит, имел право на защиту. И не по ним же я стрелял, а в сторону...

Я думал про это, когда ушел из редакции и шагал куда глаза глядят. Нет, на пристань не пойду. Пересплю три ночи где-нибудь под мостом, на трубах теплотрассы. Или в пустых ящиках на какой-нибудь свалке. Не пропаду. Город хороший, добрый, и ментухаев совсем не видать...

Заросший густыми кленами переулочек (так и назывался — Кленовый) вывел меня на Оборонную улицу, а та — к полуразваленной каменной стене. С двух сторон поднимались круглые башни с черными окнами-щелями. Ух ты, какая старина! Прямо как в кино про всяких там рыцарей! Вот ползти бы здесь: вдруг отыщется какой-нибудь клад...

Но сейчас ползать по развалинам не было настроения. Солнце пекло все старательней. Редакционная тетушка оказалась права: я начал страдать от жары. Искупаться бы... И мне повезло (словно кто-то опять повел меня по этому городу за руку). Я свернул на улицу 1-ю Раздельную, и она привела меня на высоченный берег.

Подо мной громоздились похжие на заросшие горные склоны откосы, под ними блестела большая река, а у воды желтела песчаная полоса. Я увидел в травяных джунглях тропинку и стал вприпрыжку спускаться к песку. навстречу полетел влажный воздух. Чертополох и бурьян шумно хлестали по штанинам.

Внизу, на песке, было пусто. Валялись кое-где автомобильные шины. Неподалеку подымался штабель бревен, от него пахло сырой сосновой корой.

Хорошо, что никого нет. Не увидят, что пловец я совсем фиговый (а где мне было учиться-то?).

Я с удовольствием скинул комбинезон, рубаху, майку. Лучи облизали меня горячими языками. А речной воздух — прохладными. Я обнял себя за плечи, пошел к воде. Понятно

было, что вода еще холодная — лето лишь начиналось. Ну, ничего. Скомандую себе «Раз-два-три!», сожму зубы и бултыхнусь. Сразу все солнечное обжигание слетит с меня, как шелуха... Я осторожненько ступил в воду... Нет, она оказалась не холодная. Не поверив, я зашел по щиколотку (дно было твердое, ровное). Да, вполне терпимо... Зашел по колено... Еще дальше (намокли трусы). Стало наконец зябко. Но ведь так бывает и в середине лета, если с непривычки. Главное — не топтаться, не дрожать, как боязливый цуцик. Набрать воздуха, зажмуриться — и вперед!.. «А-а-а! Ой-ёй-ёй!» Вода наконец обожгла холодом. В первый миг. Но я этот миг преодолел! Запрыгал, забултыхался, несколькими взмахами сплавал от берега и обратно. Встал по грудь в воде, попрыгал еще. И снова сплавал туда-сюда. Холод отступил, стало так здорово! Весело! Я побегал, поплюхался, побарахтался, как сбжавший на свободу дошколенок (все равно ведь никто не видит!). Потом пошел на сушу. Думал, как здорово шлепнуться на горячий песок, подгрести его под грудь...

Когда воды стало опять по колено, я помотал головой, чтобы вылетели из ушей капли, стряхнул с ресниц солнечные брызги. Постоял, поморгал. И увидел на берегу девчонку.

Девочку...

Она сидела на шине, шагах в десяти от моих разбросанных на песке шмоток. Натянула на колени край бело-синего клетчатого платица. И смотрела на реку, на пробегающий катерок. Не на меня. Но я сразу почувствовал, что она меня *видит*.

Я и так продрог, а тут меня потрянуло дополнительным ознобом. Сразу вспомнил, какое у меня тощее, белое, без «героической» мускулатуры тело. Хорошо хоть, что трусики нормальные: аккуратные такие, синие, с белым якорьком у пояса. Годились и для купания, и чтобы просто так носить. Их нам в апреле выдали вместо казенных, «семейных», когда однажды повели в городской бассейн. А потом забыли отобрать (дисциплина дисциплиной, а бестолковости в спецшколе тоже хватало — к нашей радости). Но сам-то я — глиста глистой.

А ведь надо было выходить. Не плюхаться же обратно в воду — и глупо, и дрожь пробирает все сильнее. И я пошел на песок (куда деваться-то). Бухнулся животом рядом со штанами. Наверно, случайно так получилось, что я упал головой в ее сторону... в девочкину... Закрыл глаза, а потом не утерпел, глянул сквозь ресницы.

Она теперь, уже не скрывая этого, смотрела прямо на меня. Потом встала, пересела на шину, которая лежала поближе. Опять натянула на колени подол...

Ну... девочка как девочка (я не мог почему-то думать «девчонка»). Обыкновенная. Наверно, моего возраста. С короткими волосами, про которые говорят «льняные». С носом-клювиком, острым подбородком, с бирюзовыми шариками на мочках. И глаза, кажется, такие же (я опять вспомнил ребятишек у пристани). Эти глаза она теперь не отводила от меня. Но взгляд был без лишнего любопытства. Ничуть не нахальный, а... ну, с капелькой беспокойства, что ли.

Так она смотрела с полминуты, а потом сказала:

— Здравствуй.

Я от неловкости уткнулся подбородком в песок и пробормотал:

— Здравствуй... — Больше ничего не оставалось. И зажмурился снова. И опять услышал ее негромкий голос:

— Ты не здешний, да?

Пришлось открыть глаза. Я не хотел говорить сердито, но получилось именно так:

— С чего ты взяла?

Она не обиделась на мой тон. Объяснила спокойно:

— Здешние ребята не купаются в одиночку.

Я приподнялся на локтях.

— Почему?

— Ну... не принято. Мало ли что может случиться. Тем более когда разлил...

Я не видел разлива. Река была, конечно, не маленькая, однако песчаные отмели лежали широко, вода их не покрывала. Но не спорить же... Я спросил:

— А кто запрещает купаться, если один?

Она чуть улыбнулась. Наверно, моей непонятливости.

— Никто не запрещает. Просто... ну, обычай такой. Не оставлять одного...

Я подумал, что это ведь хороший обычай. И проговорил, как бы извиняясь:

— Я не знал.

Девочка понимающе кивнула:

— Ну, ничего... — И вдруг сказала: — Теперь-то ты не один, купайся сколько хочешь.

— И ты меня спасешь, если что?.. — Я спросил это без подковырки, просто не сдержал удивления. Она опять кивнула:

— Я хорошо плаваю.

— А я никудашно... — вырвалось у меня. Да нет, не вырвалось, а просто высказалось. Грустновато и честно. И я ничуть не застеснялся такого признания. И сам удивился этому.

Сколько себя помню, я жил готовый к отпору. Когда встречал незнакомых, сразу будто обрастал панцирем с колючками. Жизнь приучила. Иногда появлялись приятели, с которыми можно было общаться по-доброму, без опаски, но их было мало. А с девочками я вообще не имел дела. Только, помню, когда было года три-четыре, играл с кудрявой Вале́й Капустиной, но ее скоро перевели куда-то... Ну, по правде говоря, порой мне нравилось смотреть на девочек, если они были симпатичные, но это издалека. А вблизи они почти всегда оказывались подлыми и опасными. С хихиканьем и подначками... Другие мальчишки в интернате девочками интересовались больше. Рассказывали про них всякие истории, даже про то, как будто бы лазили к ним в постель. Но мне это было по фигу. Мне нравились девочки из книжек. Вроде Ассоль (и не мог же я думать про Ассоль что-то *такое!*). И эту свою книжную привязанность я держал глубоко-глубоко в себе, иначе задолбали бы насмешками...

В спецшколе разговоры «про девиц» были похлеще, чем в интернате, но именно разговоры, потому что «лазить» к ним было невозможно — школа-то абсолютно мужская...

Девочка на берегу не была похожа на Ассоль. Но и на интернатских вреднюг не была похожа. Я ее *не боялся*. И вспомнил снова, что в этом городе у меня вообще ни разу не возни-

кало опасения. Ни перед взрослыми, ни перед ребятами. Ни перед самим городом. Не было случая, чтобы захотелось влезть в «панцирь».

— Больше не пойду в воду, — сказал я. — Продрог малость.

— Понятно, — отозвалась она. — Еще ведь даже не лето, а весна. В прошлом году в это время случился снегопад.

— В столице тоже... — вспомнил я.

— Ты из столицы?

— Почти оттуда... Я из спецшколы. Меня повезли в другой интернат, в какой-то Горнозобойск, а по дороге я отстал. Воспитатель, который меня сопровождал, уехал, а я здесь. Он, наверно, сейчас бегаёт, кукарекает. Ну, пусть, сам виноват...

Не знаю, почему я все это выложил. Может, боялся вопросов и решил опередить их. Лучше коротко сказать правду, чем потом хитрить и выдумывать. Врать мне отчего-то совсем не хотелось.

Девочка свела коротенькие светлые брови.

— И что теперь?

— Понятия не имею, — беспечно отозвался я. — Пусть ищут. Это их проблема...

Она встала, подошла совсем близко, села передо мной на песок (я вспомнил фотоснимок с Русалочкой в городе Копенгагене). Глаза и правда были бирюзовые. Она потрогала согнутым мизинцем подбородок, провела кончиком языка по губам и сказала:

— Меня зовут Света. А тебя?

У меня внутри все заметалось — от растерянности, от стыдливости.

— Меня... Вообще-то у меня много прозвищ. А настоящее имя — Григорий. Но оно мне не нравится. То есть непривычное...

— Можно ведь — Гриша...

— Ну, да... — будто через силу согласился я. Гришей меня звали очень редко. И я... будто толкнуло меня, и я, как бы подавшись девочке навстречу, решил назвать свое главное, никому не известное имя. Тут же царкнула горькая память: «Как же никому не известное? Ты же назвал его, когда пере-

сказывал письмо! *Они знают!*» Но я сердито сказал себе: «Знают, но ни разу не называли меня так. Значит, не запачкали. Все равно оно — мое...» — А можно еще — Грин...

ГЛАВА 5

Девочка Света не удивилась. Поправила сбившееся выше колен платьице, пошевелила светлыми бровками (Света — светлыми...), подумала. И серьезно согласилась:

— Грин — это хорошо.

И во мне затеплела благодарность. Я не пожалел, что проговорился.

А она помолчала, глянула опять внимательно так и спросила:

— А что же нам теперь делать, Грин?

— Что? — удивился я. — С кем? — И мысленно добавил: «Как это *нам?*»

— С тобой, — сказала она.

— А что со мной?.. Ничего...

— Как это «ничего»? Нельзя тебе одному... — Света вскопчила, отряхнула песок. — Вот что. Пойдем, я познакомлю тебя с братом.

В общем-то я был не против. Если брат... если он такой же, как она. Только вот придется одеваться, а мне стыдно было натягивать при Свете свою «спецшкольную» робу. Издалека-то она ничего, вроде как джинсовая, а вблизи видно, что казенная дерюга. Да еще с номерным клеймом на заднем кармане.

Но Света сказала:

— Он здесь недалеко, на берегу.

Я подумал, что если на берегу, то можно пока шагать так. Свернул комбинезон, рубашку и майку в муфту, подхватил за шнурки ботинки. Трусики были еще совсем сырые, с них побежали по ногам щекочущие капли. Света глянула и спокойно так (может, как брату) предложила:

— Ты пойди за бревна, выжми там...

Мне бы застесняться, съежиться, засопеть... а я не застеснялся. Сказал «ага», сходил за штабель, выжал трусики и вер-

нулся почти в сухих. И понял: мне уже наплевать на то, что я «глиста». Подхватил шмотки и башмаки, оглянулся.

— А куда идти? — Кругом ни одного человека.

— Вон туда...

Мы обогнули штабель бревен, и Света пошла дальше. Я за ней. В сотне шагов лежал на берегу перевернутый катер с дырчатым днищем. Прямо за катером, не видный издали, сидел на корточках мальчишка. С такими же, как у Светы, «льняными» волосами — длинными, ниже ушей. В похожих на мои трусиках. Незагорелые лопатки мальчишки деловито шевелились, он что-то лепил из песка. Песок был сырой, рядом стояло синее пластмассовое ведро.

Мальчишка, видимо, спиной ощутил наше появление. Сказал, не обернувшись:

— Привет.

— Привет, Май. У нас гость...

Тогда ее брат Май оглянулся. Посмотрел на меня. И сказал, как Света:

— Здравствуй.

— Здравствуй... — выдохнул я.

Имя его не показалось мне странным. Наоборот, я сразу ощутил, что оно очень подходящее для этого мальчишки.

Он был похожий на сестру. В общем, обыкновенный... Только в этой обыкновенности и в том, как он смотрел, было что-то такое... ну, такая ясность, что я... В общем, если бы у меня вместо груди был шкафчик, я бы в один миг растворил нараспашку обе дверцы. Навстречу этому Маю. С готовностью сделать для него все, что он хочет, и с жалостью, что сам я *не такой*.

Конечно, это длилось только секунду-две. Но теплота в моем «шкафчике» с того мига осталась навсегда.

— Май, это Грин, — сказала Света.

Он, как и сестра, не удивился моему имени.

— Здравствуй, Грин... Это как писатель, да?

— Да, — согласился я и понял, что не чувствую неловкости. Было только желание подольше оставаться со Светой и Маем. Через плечо Мая я посмотрел на песчаную постройку. Решился на вопрос: — Это что?

— Это такой старинный собор, — охотно отозвался Май. —

Морской. «Кафедраль де ла Мар». В пятнадцатом веке в Испании жил зодчий Хосе Энрике Навеганте. Он хотел построить собор на высоком берегу, чтобы моряки видели его издали и чтобы на нем горел огонь, как на маяке. В общем, храм, который всегда помогает мореплавателям. Можно молиться о безопасности и правильно выбирать путь... Но Хосе Энрике успел только сделать чертежи и умер... Эти чертежи были потеряны, да оказалось, что не совсем. Недавно я наткнулся на них в Информатории, ну и вот... Пусть будет хоть маленький, но все же построенный храм...

— Май у нас по уши в архитектуре, — сказала Света. Без усмешки, ласково даже. И он согласился, только с поправкой:

— По макушку...

— Закончил уже? — спросила Света.

— Почти... Надо фонарь еще... — Май на коленках обогнул маленький песочный собор — удивительно красивый, с острыми сквозными башенками (как они только не рассыпа лись?). Я вспомнил, что, кажется, такой стиль называется «готический» — учили по истории.

Мы тоже обошли собор. Под главной башней, посреди круглого узора, Май укрепил в песке янтарную бусину. В ней сразу засияла солнечная искра. Май откинулся, уперся сзади в песок ладонями, посмотрел на меня и на Свету.

— Вот теперь все...

— До чего красиво. Будто настоящий, — сказал я. Не ради похвалы, а потому что по правде собор был очень красивый.

Кажется, Май слегка порозовел. Бормотнул дурашливо:

— Да, я старался...

— Жаль, что он ненадолго, — вздохнула Света. — Ты его сфотографируй.

— Сейчас... — Май, все так же, на четвереньках, добрался до пластмассового ведра, достал оттуда серебристую коробочку (похоже, что мобильник с фотоаппаратом). И начал ползать вокруг своей постройки, прицеливаясь крохотным объективом и щелкая кнопкой. Потом выпрямился, встал над собором, как тонконогий Гулливер. Сообщил: — Вас я тоже снял. Вместе с «Кафедраль де ла мар». На память... — И вдруг спохватился, смутился даже: — Если ты, Грин, не против. А то я сотру.

Я замотал головой: не стирай! Это ведь здорово, что я останусь на снимках у Светы и Мая. Поглядят потом и вспомнят встретившегося на берегу Грина. Получится, что я опять с ними.

— Теперь давай мы снимем тебя, — сказала Света. — Зодчий и его творение.

— Давай! — Май протянул ей аппарат. А мне стало хорошо от того, что она сказала «мы». То есть она и я.

Света нацелилась, пощелкала. После этого мы, сдвинувшись головами, поразглядывали на откидном дисплее готовые снимки. Я там был совсем рядом со Светой, мы сидели у «Кафедраль де ла Мар», почти касаясь плечами. Жаль, что у меня не будет такой карточки...

В это время коробочка дрогнула и заиграла музыку про тореадора. Май прижал аппарат к уху.

— Да, это я... Сейчас спрошу... — И повернулся к сестре. — Мама спрашивает: наше затяжное отсутствие — это сознательная голодовка или обычное разгильдяйство?

— Обычное, — сказала Света.

— Мама, это обычное! — радостно закричал в аппарат Май. — Не надо, мы хорошие! Почти образцовые дети... Нет, где *те* образцовые, мы не знаем, шастают отдельно... Сейчас идем!

— Скажи, что втроем, — вмешалась Света.

— Мама, мы придем втроем! Один мальчик... Ну, какой-какой! Как мы! Зовут Грин... — он помолчал и глянул на меня. — Мама спрашивает: Грин любит картофельные котлеты с грибным соусом?

Мне бы поупрямиться хотя бы ради приличия: мол, что вы, я не хочу, неудобно как-то... Но я, обалделый и размякший, опять заболтал головой, на этот раз утвердительно: да, очень люблю (хотя не помнил, когда такие котлеты пробовал).

Май сунул мобильник в ведро, а оттуда вытащил белую майку, натянул. Я тоже надел свою, тоже белую и пока что чистую. Со вздохом развернул проклятый казенный комбинезон. Май удивился:

— Зачем тебе этот скафандр? Толкай его сюда!.. — Он ловко свернул и погрузил в ведро все мое имущество. Даже

ботинки. А следом затолкал туда и свои кроссовки. Света поглядела на нас и отправила в ведро свои пластмассовые босножки.

Я не спорил. Если у здешних ребят принято гулять вот так, по-летнему, значит, и я могу. Мне хотелось быть как они. Пусть на короткое время, но стать «своим».

Мы двинулись было к откосу, но меня зацарапало беспокойство. Я не удержался, спросил Мая:

— А ты не боишься, что с ним что-нибудь случится? С собором...

— А что? Дождя пока не обещают.

— Ну... а если разломает кто-нибудь?

— Кто? — удивился Май.

Однако Света поддержала меня:

— Май, в самом деле! Начерти границу. Чтобы не подходили вплотную, когда будут смотреть.

Май не спорил. Подобрал шепку, обвел вокруг собора по песку широкий круг. Рядом с этой линией нарисовал с десятка больших восклицательных знаков.

— Ну вот...

«И это — всё?» — чуть не вырвалось у меня. Но я смолчал. Им, жителям города Инска, виднее...

Стали подниматься по извилистой тропинке. Всякие кушачие сорняки иногда цапали за ноги, но я делал вид, что не чувствую. Потому что Света и Май не обращали на укусы внимания. Света двигалась впереди, я за ней, Май за мной.

Он вдруг сказал мне в спину:

— Грин, а как ты попал в наши края? Ты ведь не из Инска...

— Из... издалека. Я Свете уже говорил.

Она оглянулась:

— Грин, ты только чуть-чуть говорил...

Я ничего не хотел скрывать от этих ребят. Вернее, просто не мог. В общем, опять — как дверцы... И я стал говорить опять. Тропинка была длинная, откосы высокие, шли мы не быстро, и я успел рассказать про себя многое. Без больших подробностей, но по порядку. Только про пистолет не упомянул — чтобы не подумали, будто я какой-то уголовник. И отцовского письма не стал касаться, и про ампулу, конеч-

но, не сказал. Чтобы они за меня не тревожились без пользы и чтобы не сглазить задуманное (вот посоветуюсь в газете, узнаю, не помогут ли, и уж тогда...). Объяснил, что в спецшколу попал за побег из детдома, а в Горнозавойский интернат меня направили, сам не знаю почему...

— Велели собираться, посадили в вагон. Лишних вопросов задавать не положено...

— Свинство какое, — сказала Света. — Грин, ты к ним не возвращайся, раз вырвался...

Эх, если бы я мог!

Дальнейшие события побежали, как в кино. Это когда проходит всего час, а в него вмещается множество времени, дел и встреч.

...Дом, куда мы пришли, стоял в глубине просторного зеленого двора, за украшенными резьбой воротами. Был этот дом деревянный, обширный, с фигурными столбами у трехступенчатого крыльца.

На крыльце нас встретила мама Светы и Мая. Большущая, с высокой черной прической, цыганскими серьгами и крепкими руками. Грозная. То, что грозность эта — лишь на первый взгляд, я понял через полминуты.

— Явились красавцы! — заявила она, подбоченясь. — Умываться и за стол!.. А ты, значит, Грин? Прекрасно. А я тетя Маруся... Не известно ли кому-нибудь из вас, где болтаются еще два юных охламона?

— Приблизительно известно, — сообщила Света. — Они ищут шары. Грета обещала им, что запишет в отряд, если найдут хоть один... Только не велела соваться на болото.

— Хорошо, что не велела... Ну, марш к умывальнику...

Умывальник был на дворе. Этакая труба с несколькими кранами. Мы умылись, дурачась и брызгая друг в друга (надо же, я совсем осмелел!).

Потом уселись за длинный, покрытый зеленой клеенкой стол в широкой комнате, где со стен улыбались деревянные маски, качали медный маятник старые настенные часы, в углах стояли высоченные фикусы, а между окон подымались к потолку книжные стеллажи (вот добраться бы!).

Появилась высокая девушка с веселым лицом, с длинной

косой. На руках она держала годовалого малыша. Тот дергал девушку за косу и выговаривал неразборчивые слова.

— Это наша старшая, Любаша, — сказала тетя Маруся. — А это самый младший, Евгений... Перестань безобразничать, Евгений, поздоровайся с мальчиком.

Евгений жизнерадостно гукнул, оставил Любашину косу и жестом полководца поднял сжатую в кулачок руку.

— Мальчика зовут Грин, — сообщила ему Света. — Евгений, скажи: «Привет, Грин».

— Гы! — сказал Евгений. За него поздоровалась Любаша (запросто так, будто знакомы давным-давно):

— Привет, Грин... А где юные следопыты?

— Знать бы, — отозвалась тетя Маруся. — Вот придут, я им задам...

— А папа придет? — спросила Света.

Тетя Маруся досадливо качнула серьгами:

— Ну да, нашего папу дождешься. По-моему, они собрались там ночевать...

Май (он сидел со мной рядом) сказал мне вполголоса:

— Папа резчик по дереву. Их бригада сейчас устанавливает новый иконостас в Михаило-Архангельской церкви. Они торопятся, чтобы успеть к Троице...

«Троица — это праздник такой», — сообразил я.

Из синего с золотом фаянсового горшка тетя Маруся всем разлила по тарелкам борщ. С таким обалденным запахом! Я вдруг почувствовал, что оголодал. И начал работать ложкой без стеснения, только старался не фыркать и не чавкать... Потом были поджаристые котлеты из картошки, политые чем-то невероятно вкусным (ах да, грибным соусом!).

Тетя Маруся сказала:

— Любушка, принеси компот...

Любаша отдала Свете Евгения (который никак не хотел слезать с рук) и вышла из комнаты. В это время снаружи слышались частые шаги, хлопанье дверей и веселая переключка.

— Толь-Поли явились, — с удовольствием сообщила Света. — Уж компот-то они не пропустят.

Зеленые «Толь-Поли» возникли в широком дверном проеме. Я заморгал от изумления.

А впрочем... не от такого уж изумления. Где-то глубоко внутри у меня с утра сидело ожидание, что я еще встречу этих пацанят. Хотя, конечно, чтобы вот такое совпадение...

«Толь-Поли... Тополята»... — шевельнулась внутри у меня усмешка.

Они сразу увидели меня. И... кажется, тоже не очень удивились. Толя коротко возгласил:

— Ура!

Девочка (видимо, Поля) деловито спросила:

— Ты к нам насовсем?

На секунду возникло молчание. Но тетя Маруся тут же его прогнала:

— Не лезьте к мальчику с вопросами, не мешайте обедать. Мойте руки и за стол!.. Не надо бы кормить прогульчиков, да уж ладно, на первый раз...

— Ага, «на первый», — сказала Любаша, которая принесла стеклянный жбан с компотом. Толь-Поли, радостно оглянувшись на меня, ускакали.

— Вы что, знакомы? — спросил меня Май.

— Утром виделись на пристани. Вместе ели разбитый арбуз... — Я теперь себя чувствовал как и вправду среди старых знакомых.

Зеленые Толь-Поли вернулись, с шумом влезли за стол напротив меня, Мая и Светы, сообщили, что «суп мы не будем», узнали от тети Маруси, что «сейчас кто-то пойдет в угол», уставились на меня веселыми глазами и приготовились расспрашивать... Но опять послышались шаги, и на пороге встала девочка...

Вот уж про эту девочку точно можно было сказать — «красивая»! Я даже снова застеснялся, что такой нескладный и «глиста».

Девочка была очень смуглая, стройная, как маленькая балерина. В серой складчатой юбочке выше колен, в ярко-желтой рубашке с погончиками, нашивками и значками, в черной пилотке на курчавых волосах. Ее талию перехватывал широкий ремень с какой-то форменной пряжкой. И еще два таких же ремня висели на плечах.

— Грета! — возликовали Поля и Толя.

— Всем салют! — сдержанно приветствовала нас Грета.

И все (кроме меня, конечно) сказали наперебой: «Салют!»

— Греточка, будешь обедать? — спросила тетя Маруся.

— Спасибо, я не могу. Режим, — деловито объяснила та.

— Умница. Талию бережешь, — похвалила Любаша.

— Берегу, — согласилась Грета. Обошла стол и уселась на подоконник между стеллажами. У нас за спиной.

Мне было неловко оглядываться на нее, и все же я не выдержал, один раз оглянулся. Будто случайно. Грета скинула сандалетки, одну ногу в желтом носочке поставила на подоконник, другую опустила и начала ею покачивать. На ноге я разглядел косые светлые царпины.

— У нас новый мальчик, — сказала Грете Света. (Странно — не «гость», а «новый мальчик».) — Его зовут Грин.

— Салют, Грин, — отозвалась Грета. И у меня появилась причина оглянуться еще раз, чтобы пробормотать: «Салют...»

Толя шумно глотнул суп (которого «не будем») и спросил:

— Грета, а ремни зачем? Ты их *нам* принесла? Будешь нас записывать?

— А вы нашли хоть один шар?

— Но мы найдем...

— Тогда и поговорим... А ремни я отобрала у Игоря и Миньки.

— Зачем? — опасливо спросила Поля.

— Я их посадила под домашний арест.

— За что ты их, Греточка? — пожалела неизвестных Игоря и Миньку тетя Маруся.

— Вы не поверите, — с легким стоном сообщила Грета. — Эти ненормальные *подрались!*

— Святые угодники... — охнула тетя Маруся.

Света, кажется, тоже испугалась по правде:

— С ума сойти... Из-за чего они?

— Да какая разница!.. Пошли разрисовывать боковую стенку на доме у водокачки, в Катерном проезде, сейчас конкурс такой. Ну и не поделили чего-то. То ли места не хватило, то ли заспорили, о чем картина... Минька двинул Игоря локтем (говорит «отодвинул»), у того краска из банки на ногу плеснула, он Миньку кисточкой по носу... Ну и пошло... В итоге у Миньки синяк на скуле...

— Творческий конфликт, — сказала Любаша.

— Ага, «творческий»! Скандал на весь Инск... Мимо парень с камерой проходил, практикант с телестудии. Говорит: «Повторите, пожалуйста, эту сцену, я сниму сюжет для вечерних новостей. Сенсация для города». Они повторять не стали, но он все равно кое-что снял: картину недорисованную и фингал... Хорошо, что я узнала, позвонила Вите, а он в городскую управу... Теперь сидят. Еще и завтра будут сидеть...

«Командирша!» — подумал я. Даже с опаской. И шепотом спросил у Мая:

— А как это «домашний арест»?

— Ну, как. Скучают в доме, носу не высовывают. Пока она не выпустит...

— А кто караулит?

Он удивился:

— Зачем караулить, сами сидят. Раз виноваты...

Я подумал, что готов был бы все дни подряд сидеть под домашним арестом, если бы можно было остаться навсегда в городе Инске...

После обеда Грета увела Свету по каким-то делам, а меня Май спросил:

— Хочешь посмотреть альбом со старинными городами? Мне подарили недавно...

Я все хотел, если рядом с ним. Но вмешались Толь-Поли и заявили, что мы должны помочь им достроить индейскую хижину.

ГЛАВА 6

Мы построили хижину. В маленьком саду позади дома. Юные следопыты ни о чем не расспрашивали меня. И Май не расспрашивал. Рассказывал сам: про то, какие хижины и всякие другие жилища бывают у туземных племен в разных местах планеты.

— Май, откуда ты столько знаешь? — уважительно сказала Поля.

— Господи, да в Информатории можно выкопать все, что хочешь! Вот научу вас забираться в него, сами будете...

Я, чтобы не молчать все время, спросил:

— Май, а чем Информаторий отличается от Интернета? Или ничем? Я в этом вопросе ни бум-бум...

Май будто обрадовался:

— Очень даже отличается! Прин-ци-пи-ально! Интернет — это сеть, которая создана и обслуживается людьми. А Информаторий... он, говорят, возник сам по себе. Даже ученые пока не разобрались полностью... Понимаешь, как бы сама Земля стала впитывать в себя информацию. Особенно в свои кристаллические массы. Наверно, чтобы всю память сохранить на будущие времена. И каждый человек может в эту память внести все, что хочет. Любые свои тайны...

— А потом эти тайны выудят другие! — вырвалось у меня.

— Никто не выудит, если не знает пароля...

— Есть эти... хакеры... которые взламывают любые пароли, — вспомнил я.

— Это в Интернете! А с Информаторием такое дело не проходит! Нужен пароль не на математическом, а на совсем другом уровне. На эмо-цио-нальном. Тут как бы надо влезть в чужой мозг и в душу. А для этого надо про такую душу что-то знать... Вот если узнаешь, тогда Информаторий может сделать выброс. Но такое было всего два раза в человеческой истории. Да и то с согласия самих, кого испытывали. Эксперимент...

«А может, поэтому *они* так выматывают меня про письмо?» — мелькнуло у меня. И сразу все мысли — назад, про спецшколу, про допросы, про ампулу. Про то, «что же будет дальше». Я будто очнулся от счастливого сна. Чуть не завыл от отчаяния. Выпрямился и сипло от подкатившихся слез сказал:

— Мне, наверно, пора...

— Куда? — удивились все разом.

— Ну... Май, ты же знаешь... Меня, наверно, ищут.

— Пусть ищут, — небрежно сказал Май. — Это ведь *им* надо. А не тебе...

Не мог я все объяснить. Поэтому пробормотал:

— Все равно ведь найдут... и сгребут...

Прямо на меня, снизу вверх, взглянула маленькая Поля. Seriously так удивилась:

— Кого это можно *сгрести* в городе Инске?

— Да! — сказал Толя.

А Май будто засмутился и спросил:

— Разве тебе у нас плохо?

«Ох, не побежало бы из глаз», — подумал я. И... кажется, все-таки побежало. Чуть-чуть. Я закусил губу и стал смотреть на свои босые ноги. Тогда Май сказал полупрошепотом:

— Грин, ты не спеши. Может, все получится как надо... — И взглянул так же, как первый раз, там, на берегу. Мне опять захотелось «распахнуть дверцы». И я понял, что надо слушаться судьбу. Пусть все идет, как идет. Хуже, чем было, не станет все равно...

Толя обстоятельно разъяснил:

— Мы с Полиной будем ночевать в этой хижине. Все лето, для следопытской закалки. А ты, Грин, спи на моей кровати, в нашей с Маем каюте.

— Умница, — с облегчением сказал Май. И пальцем хлопнул Толю по носу: — Искатель шаров...

Через забор нас окликнула тетя Маруся:

— Индейцы! Папа так и не пришел, надо ему отнести обед!.. Иконостас — великое дело, но я не понимаю, зачем Богу надо, чтобы этим занимались на голодный желудок.

— Бог тут ни при чем, они сами, — возразил Май. — Они ходят в столовую «Три поросенка», она рядом.

— Знаю я этих... «поросенков». Только желудок портить, у отца и так гастрит...

— Я отнесу! — И Май глянул на меня: — Хочешь со мной? Посмотришь иконостас...

— Хочу! — Я хотел хоть куда, хоть зачем, лишь бы с ним, или со Светой, или со «следопытами»! Лишь бы все шло, как идет!

— Только наденьте штаны и рубашки, — посоветовала тетя Маруся. — А то строгие бабушки в церкви заворчат: чего явились, как на стадион.

— Да ничего не заворчат, я уже ходил так...

— Не спорь, — сказала тетя Маруся. — Сам храмы строишь, уважать должен...

Май дурашливо развел руками: мол, с этим не поспоришь. А я поежился, вспомнив казенный комбинезон. Май,

однако, повел меня в дом и в комнатке с двумя деревянными кроватями растворил настенный шкаф. Кинул на кровать кучу одежды. Прыгнул в короткие, до колен, штаны (кажется, называются «бермуды» или «бриджи»), натянул вместо безрукавной майки серую футболку с отпечатанным на ней храмом. Многоэтажные, песочного цвета башни храма были похожи на великанские сталактиты.

— Это храм Святого Семейства в Барселоне, архитектор Антонио Гауди, — объяснил Май, поглаживая грудь. И кивнул на койку: — Выбирай, что хочешь...

Я хотел быть как он. И не спорил. Выбрал такие же, как у Мая, штаны и похожую футболку, только не с храмом, а с рыцарским замком. Май сказал, что это Шато де Реньи, и вытащил из-под кровати плетеные сандалии.

— Примерь. Тут ремешки, можно регулировать...

Регулировать не пришлось, сандалии оказались впору. Мы с Маем вообще были одного размера, во всем. Поэтому и одежда оказалась будто купленная для меня. Я посмотрел в зеркало на шкафу. Не удержался:

— Потом будет противно в свою робу влезать.

Май слегка удивился:

— Ну и не влезай. Это же теперь твое...

Он сказал это... ну совсем не так, как будто бы «вот тебе подарок», а словно поделился одним на двоих пирожком, разделил пополам. И хотя мне стало неловко, но еще «неловчее» было отказываться. Я только спросил:

— А мама... тетя Маруся, она не рассердится?

Май забавно так почесал в затылке.

— Она... наверно, рассердится. Если ты откажешься... Вот бейсболка. Хочешь?

Я хотел и бейсболку. И натянул ее на свои белобрысые вихры — синюю, с желтым солнышком и надписью «Инскь». Глянул опять в зеркало и понял, что совсем не похож на себя прежнего. Если даже (не дай бог!) встретимся на улице с Мерцаловым, едва ли Ефрем Зотович узнает меня...

Мы вышли на просторную Матвеевскую улицу и сели в полупустой трамвай музейного вида. Он весело позванивал. Я увидел старичка-кондуктора в мундире с серебряными шнурами и сунул руку за деньгами (мерцаловскую сдачу я

переложил из комбинезона в карман бриджей). Май понял меня.

— Не надо, Грин. Ребята здесь ездят бесплатно...

Мы проехали три перегона, вышли на остановке «Фонтан «Лебеди» и от этого брызжущего фонтана (со вскинувшими крылья бронзовыми птицами) зашагали вверх по Луговскому проезду. Здесь опять цвела над заборами сирень. А желтые одуванчики расстилались вдоль тротуаров коврами. И, как малыши-детсадовцы, галдели в ветках воробьи. Неотвязная моя мысль «а что же будет дальше?» все больше съезживалась, пряталась где-то далеко позади нынешней радости. Мне было хорошо, и я наконец решил: «Не стану маяться раньше срока, пусть будет вот так славно хотя бы сегодня...»

Михаило-Архангельская церковь стояла среди больших берез, в конце Луговского проезда. Она была узорчато-причудливая, как с картинки в «Русских народных сказках». У крыльца беседовали несколько старушек. Двери были открыты, за ними темнела таинственная глубина. В ней мерцали лампочки.

Я вдруг обрел.

— Май, ты иди один... Я тут подожду...

Он не удивился. Не стал ни уговаривать, ни огорчаться. Просто сказал:

— Тогда и я не пойду. Сейчас позову папу... — Вытащил свою «коробочку», понажимал кнопки. — Па-а! Мы принесли тебе гуманитарную помощь! Чтобы ты не исхудал окончательно, так мама сказала...

Отец Мая почти сразу появился на церковном крыльце, почти бегом спустился по ступеням. Он был сухонький, невысокий (наверно, ниже тети Маруси на полголовы), с похожими на стружки кудряшками, в которых запутались и настоящие стружки. Помахал нам рукой (а рука-то о-го-го какая! — длиннющая, и сразу видно, что с пальцами, как железо).

— Хвала вам, кормильцы!

— В сумке кастрюля с картофельными котлетами, в термосе борщ... Папа, это Грин.

В лице у папы не мелькнуло ни малейшего вопроса, будто

ему уже подробно растолковали, кто есть кто (а возможно, и правда?). Он плотно и бережно пожал мою ладонь.

— Здравствуй, тезка великого сказочника. А я Анатолий Андреич... Может, зайдете, посмотрите, что у нас получается?

— Па-а, мы после, — быстро сказал Май.

— Ну, после так после. Понимаю — дела... Маме скажите: я сегодня немного задержусь...

— Ага, «немного»... — пронизательно вздохнул Май.

Анатолий Андреевич развел ручищами: такая, мол, судьба моя.

Обратно мы до самого дома шли пешком. Неторопливо перепинывались найденной в траве жестянкой из-под черных маслин (два беззаботных мальчика города Инска). Май вдруг спросил:

— Грин, а что тебе больше всего нравится... у Грина?

Я сказал сразу:

— «Комендант порта» и «Корабли в Лиссе». Это печальные рассказы, но все равно... они такие...

Май тут же кивнул. Сразу видно, рассказы он читал и, *как* они, понимал...

Я стал рассказывать, как приучился к чтению.

— Когда я в первом классе был, у нас появилась воспитательница младшей группы, злюка такая. Элиза Борисовна. Мы ее шепотом звали «Клизма Крысовна». Меня она почему-то терпеть не могла. Чуть что — или «без телевизора», или бряк по затылку. Это если за какую-нибудь мелочь. А когда я в столовой тащил поднос с горой вилок и ложек и грохнул его на пол, она сама чуть не грохнулась в обморок, схватила меня за шиворот и отволокла на «отсидку». Только не в специальную конуру (маленьких туда не сажали), а в библиотеку. Библиотека была пустая, читать почти никто не хотел. «Будешь тут сидеть до ночи, без обеда и ужина, дебил безрукий!»

Ну, мне что делать-то? Походил, поразглядывал корешки. Смотрю — «Приключения Буратино». Вспомнил: кино такое есть. Вытащил, картинки посмотрел, потом стал читать первые строчки, стало интересно. Читал-то я уже неплохо, меня

еще в дошкольном детдоме воспитательница Вера Матвеевна научила...

С той поры, если в чем-то провинюсь и она хватит за шиворот, я начинал вопить: «Только не в библиотеку!..»

— Как Братец Кролик: «Только не бросай меня в терновый куст!» — засмеялся Май.

— Да!.. А она, видать, совсем тупая была, радовалась: «Посиди, посиди, может, наберешься ума...» Я и набирался. Сколько перечитал там, сейчас и не сосчитаешь... И однажды наткнулся на книжку «Корабли в Лиссе». Май, знаешь, я даже ревел, когда читал ее... Такая тоска по морям и кораблям, о которых там написано. — Я сказал это без всякого стеснения, «дверцы» были нараспашку...

— Я понимаю... — шепотом ответил Май.

— А потом пришел новый директор, Михаил Гаврилович, Гнида малость присмирела. Все сделалось по-хорошему... Ну а если я в чем-то случался виноват и меня тащили к директору, я снова вопил: «Только не в библиотеку!» «Именно в библиотеку этого бездельника!» — грозно приказывал он и улыбался в усы. И даже подмигивал мне иногда: мол, шуку бросили в реку...

Скоро в библиотеке появилась специальная работница, она стала отыскивать для меня самые интересные книжки. И Грина тоже... А директор в позапрошлом году, когда мне исполнилось одиннадцать, подарил толстую книгу «Алые паруса». В серии «Библиотека приключений»... Жаль, что потом потерялась...

Дальше я рассказывать не стал, дальше было печально. Я побоялся, что Май спросит: а почему ты бежал из такого доброго интерната? Он не спросил: видно, почуял что-то. Мы пришли домой (Господи, «домой»!), помогли тете Марусе перемыть посуду, поразглядывали альбомы со всякой старинной (просто сказочной!) архитектурой. Света тоже разглядывала, тихонько дышала у нас за плечами. Май объяснил:

— Это папины. Я читать учился по надписям под картинками.

Мы поужинали оставшимися от обеда картофельными котлетами и молоком. Света сказала, что сейчас будет заме-

чательное кино «Хозяин морей», про морские приключения. «Я его просто обожаю...»

Евгения уложили, а остальные сели перед телевизором (не очень новым, с небольшим экраном). Тетя Маруся попыталась турнуть Тополят: скоро спать пора. Но они в два голоса заявили, что «помрем, но не пойдём».

— Вот подождите, придет папа... — пригрозила тетя Маруся. Но папу «юные следопыты», кажется, ничуть не боялись. К тому же он все не приходил...

Кино и правда оказалось замечательное. По-моему, было в нем даже что-то гриновское. Шло оно долго, и когда кончилось, за окошками был совсем синий вечер. Я вдруг понял, что отчаянно хочу спать. И не помню, как оказался в постели. А когда оказался... сонливость пропала. Я стал ждать, что вот придет и ляжет на соседнюю кровать Май. Но пришла тетя Маруся. Села на край постели. Тронула мои волосы.

— Ну и как тебе у нас, Гришенька?..

С ума сойти! Давным-давно никто меня так не называл! Это было... да, не хуже, чем «Грин». Я засопел. Потому что почувствовал: сейчас опять побежит из-под век, так же как днем.

— Мне у вас... лучше всего. Только все равно придется... туда...

— А чего тебе в этом «туда»? Насильно не утащат...

Она не знала про ампулу.

Я всхлипнул.

Она опять прогладила меня по волосам:

— Не грусти. Поживем — увидим...

Ушла, и сразу появился Май. Шумно улегся. Свет был выключен, однако в сумерках я разглядел, что Май вытащил мобильник.

— Хочешь посмотреть новости?

Чтобы он не догадался о моих слезинках, я сказал «ага». Думал, он повернет ко мне маленький экран «коробочки» (которая, видимо, не только телефон и фотокамера, но еще и телевизор). Но Май шелкнул кнопкой, и в белую дверь ударил свет, нарисовал там большой кадр. Будто кино!

В кадре выступал Регент. Давал интервью толпе журнали-

стов. Длинноволосая девица — кокетливая, но, видать, не трусиха — задорно спросила:

— Ваше высокопревосходительство, у многих нарастает и крепнет вопрос: у нас Империя, а когда же будет император?

— Хе-хе... — сказал круглолицый, с гладким пробором и бородавками на щеке Регент. — Вопрос на первый взгляд закономерный, но... не столь уж, сударыня, актуальный. Зачем вам император, если есть я... Шутка... А если всерьез, то проблема разрабатывается. К выборам основателя династии следует подходить со всей серьезностью и обстоятельностью, чтобы не повторился печальный прецедент...

Большинство журналистов дружно закивало, на девушку заглядывались.

Все знали, что несколько лет назад Андрей Первый, выбранный из старинной семьи Мстиславичей, — четырехлетний кудрявенький Андрюша — умер от скоротечного лейкоза (некоторые шептались: «От лейкоза ли? И умер ли?»)...

Мне до лампочки были Регент и династия. Маю, судя по всему, тоже. Он переключил программу, запрыгали мультишные гангстеры...

— Какая удивительная у тебя штука, — сказал я. — И связь, и фото, и Тэ Вэ, и кино...

— Да, и не только! — охотно откликнулся Май. — В ней куча всего! Говорят, что даже бельё можно стирать, если засунуть в резиновый пакет и опустить в бак. Нет, правда... И легко всякие игрушки прокручивать, в Интернет выходить и даже в Информаторий. Конечно, только в открытую зону...

— Я даже не знал, что такие бывают...

— И я не знал! Это новое поколение электронной техники, такие штучки пока не продают. Мне дали ее зимой за первое место на конкурсе макетов, от общества «Большой союз».

— А что за конкурс?

— Для всех, кто хотел... Надо было построить макет старинного, как в прошлых веках, Инска... Я почти полгода сидел — мастерил да клеил... Мне знаешь почему первый приз дали? Я в макете соединил сразу несколько веков. И крепость, как новая, и церкви, которые стояли в Инске в разные времена, и всякие дома и памятники... Некоторые сперва

спорили: это, говорят, исторически неправильно. Но главные судьи сказали: пусть неправильно, но достоверно...

Май, наверно, спохватился, что я подумаю, будто он хвастается. Замолчал, опять нажал переключатель. На двери появилась красная пустыня, а вдали треугольная пирамида под желтым небом. Два человека — кажется, мальчик и взрослый — шли к пирамиде и несли какую-то тяжесть. Мне вдруг почудилось, что от картины веет сухим зноем.

— Это что?

— Это... игра такая... — как-то напряженно сказал Май. — Непонятно, откуда взялась. Некоторые говорят, что просочилась прямо из Информатория... Надо на вершину пирамиды донести чугунный шар и опустить в жерло. Чтобы спасти весь мир. Вроде бы простая задача, а ни у кого не получается... А Грета сказала, что это не только игра...

По мне почему-то холодок прошел.

— Май... ребята поэтому и стараются найти шары?

— Ну... наверно, и поэтому. Про это как-то неохотно говорят... В Инске вообще много загадок, у него запутанная история...

— Но он хороший, — сказал я.

— Еще бы! — И Май включил новую картинку.

Я увидел кирпичную церковь с высокими башнями (похожими на те, что у маленького песочного храма).

— Это польский костел. В позапрошлом веке в Инске жило много ссыльных поляков, после их восстания. Вот они и построили. Он и сейчас действует, хотя нынче католиков здесь немного. Там органа хорошего, многие ходят послушать...

— Май... ты, наверно, про все храмы на Земле знаешь?

Он засмеялся и выключил проектор.

— Никто не знает про все храмы, даже академики. Да и зачем? Тут ведь смотря у кого какой интерес. Если архитектура, тогда можно изучать и рассматривать до бесконечности. А если храм ради веры... Тогда, по-моему, нужен один стиль. Потому что верят по-разному, но Бог все равно один...

Май сказал это не прежним голосом, а приглушенно. И так, будто раздумывал: говорить или нет?

«Говори», — мысленно попросил я. Потому что понял: он

делится тайной. Значит, я для него не просто случайный гость...

— Я это допридумывал только вчера. Такой проект... Поэтому никому еще не говорил, тебе первому...

«Спасибо, Май...»

Он негромко и отчетливо сказал:

— Грин... как бы люди ни придумывали всякие хитрости и украшения, а самая совершенная форма все равно одна. Это шар. Шар и больше ничего. Громадный, вылитый из хрустала. Он должен висеть в воздухе, как планета. Надо только придумать систему антигравитации, чтобы Земля не притягивала эту тяжесть...

Я сразу будто увидел этот космически-великанский шар — над деревьями, крышами, башнями. Он был прозрачный, переливался. Весом в миллион тонн и... невесомый. Но...

— Май, если он сплошь из стекла... как в него будут попадать люди?

— А им и не надо... Они будут смотреть снаружи. И каждый сможет в шаре увидеть храм, какой хочет...

— Но внутрь-то человек никак не сможет... — осторожно сказал я.

— Человек не сможет, а душа его сможет. Ведь лучи света свободно проникают в прозрачность. И там живут, искрятся на ее переливах... А душа — это ведь тоже свет.

— Разве у каждого? — сказал я еще осторожнее.

— Ну... хоть капелька света есть у каждого в душе. Вот она-то и волеется туда... А если даже капельки нет, зачем такому человеку храм?

«Да и человек ли он тогда?» — мелькнуло у меня.

Но сказать я этого не успел, на меня тяжелой ватой опять навалилась сонливость. Я только пробормотал:

— Май, храм замечательный... но я уже сплю...

— Спокойной ночи... — Он протянул руку и пожал мою ладонь. Пальцы были теплые и твердые.

...Мне приснился громадный хрустальный шар над красными песками и пирамидой. Он повис над миром, будто специально для нас, поэтому в пустыне было ничуть не страшно...

Утром я встал с ощущением, что надо мной висит сверкающий шар — невидимый, но настоящий. И твердо сказал себе, что сегодня, в этот воскресный день, не буду думать ни о чем плохом. Ни о каком черном будущем. Запрещаю, вот и все!

После завтрака тетя Маруся распределила домашние дела. Маю и Тополятам выпало перекладывать поленицу в сарае, а Света и я были посланы на рынок за овощами. Не на тот рынок, что у пристани (и слава богу, а то еще напорюсь на Мерцалова!), а на центральный. Мы ухватили хозяйственную тележку на колесиках и замаршировали по Театральному бульвару, по Рыночному проезду. Света рассказывала про подружку Грету и ее следопытский отряд, который ищет повсюду всякие редкости. И про ее брата со странным именем Лыш, который пытается строить из старых стульев летательные аппараты. Аппараты пока не получаются, потому что стулья надо предварительно дрессировать, а они, негодные, едва только научатся летать, сразу удирают...

— Как это? — не поверил я.

Она смешно развела руками:

— Может, Лыш и понимает «как», а кроме него никто.

Я рассказал ту же историю, что вчера Маю, — как причился к чтению. Света слушала, кивала, но сама ни о чем не спрашивала. История кончилась. Тогда спросил я (надо ведь о чем-то говорить):

— Толь-Поли близнецы, да?

— Да... — кивнула она и посмеялась. — Ох уж эти индейцы...

— А вы... Май и ты? Тоже близнецы? Похоже, что вам одинаково сколько лет...

Света быстро глянула на меня сбоку и стала смотреть вперед.

— Грин, нет... Мы ведь не кровные братья и сестры. У мамы и папы родные только Любаша и Женька. А мы четверо приемные... Ну, у каждого по-разному получилось. Младшие, они еще из дома малютки, я из детдома (когда четыре года было), Май... ему тоже около четырех лет было. Вообще-то тут долгая история...

Я не решился спрашивать: что за история? И чтобы не прерывать разговор, сказал:

— У него хорошее имя...

Света улыбнулась:

— Вообще-то у него другое имя, только его почти забыли... А получилось так. Когда мама и папа с ним знакомились в малышом интернате, они спросили: «Ты кто?» А он не выговаривал тогда «эл» и «эр», вот и говорит: «Майчик...» То есть «мальчик». Ну и пошло с той поры: «Майчик», «Май»...

«Он и правда как май», — уже не первый раз подумал я, но вслух, конечно, не сказал. Тем более что было мне ужасно неловко, я заспотыкался даже. И, наверно, покраснел. Идиот! Думал, что я один со своими несчастьями, а здесь так же!.. Хотя нет, не так же. Все-таки они счастливые. Все вместе и как родные...

Я пробормотал:

— Значит, у вас семейный детский дом?

Она опять глянула быстро и неулыбчиво.

— Просто... *наш дом*.

«Счастливые», — опять подумал я. Но без капельки зависти. Хорошо, что счастливые...

На обратном пути, когда мы катили тележку с капустными вилками и картошкой, встретили тех самых Грету и Лыша. Каждый из них тащил на спине обшарпанный гнутый стул.

— Света, Грин, салют!.. Лыш, это Грин.

— Я догадался, — буркнул он. Потом все же сказал хриловато: — Здравствуй... — и стал смотреть в сторону.

Нелюдимый такой, стриженный ежиком, худой и нескладный.

— Он меня замучил, — пожаловалась Грета. — Не только я, а весь наш отряд ищет для него мебельный утиль...

— А я для вас шары... — проворчал Лыш.

Грета была в той же, что вчера, форме, только без чужих ремней на плечах. Я поколебался и спросил:

— А где арестанты?

— Сидят, — с удовольствием сообщила Грета.

— Бедняги, — сказала Света. — Ты, Генриетта, какая-то... совсем несгибаемая.

— Я сгибаемая. Только им — полезно. И все равно сегодня суббота. По выходным к памятнику не ходят, это же не аттракцион...

Я не понял, что за памятник, и подумал: не спросить ли? Но в этот момент Лыш тонко завопил:

— Куда?! Стой, паразит!..

Мы все аж подскочили. А дальше я увидел такое... ну просто сон какой-то! Стул, который Лыш только что держал на плече, теперь скакал по заросшему дикой травой газону. Подпрыгивал, удирал, путаясь в лопухах и бурьяне тонкими ногами. Как дурной жеребенок! Лыш стремительно догнал его, ухватил за спинку, дал шлепка по сиденью и водрузил беглеца снова на плечо... И все это никого не удивило. Кроме меня. Но и я не стал ахать и расспрашивать. Подумалось даже: «Если здесь бывают такие чудеса, то, может, и мне подвернется какое-нибудь чудо... счастливое...»

А дальше время вдруг запрыгало, как тот непослушный стул-жеребенок. Удивительно резвыми скачками. Пообедали, отнесли еду Анатолию Андреевичу (хотя и выходной, а бригада в церкви работала), погуляли по городу вместе с Гретой и Толей-Полей, искупались недалеко от песочного храма «Кафедраль де ла Мар» (близнецам купаться Света не позволила — холодно еще, — и странно: они почти не спорили). Храм оказался целехонький. Нынче здесь было немало народу, вокруг храма — множество следов, но ни одного следа внутри начерченного круга...

— Вечером придем сюда снова, — шепнул мне Май. — Если в янтаре будет огонек, значит, все в порядке.

Я не стал расспрашивать: что в порядке и какой огонек? Было хорошо, что он шепнул так доверчиво...

И мы пришли на берег снова, вечером. Света, Май, Грета, Лыш и я («индейцы» решили остаться в своей хижине). Народу здесь было больше, чем днем. Всюду горели костры. Неподалеку я услышал песню:

Поднявший меч на наш союз
Достоин будет худшей кары...

Вспомнилось, что ее сочинил поэт Булат Окуджава.

Мы подошли к песочному храму. Май сел на корточки, мы рядом. Вставленная в круглый узор бусина светилась желтым огоньком.

— Вот, я же говорил, — шепнул мне Май.

Мы помолчали. Грета сказала:

— Пойдемте, разведем свой костерок. Вон там, в сторонке.

Мы пошли. От обрывов пахло множеством теплых трав, от реки — сосновыми плотами и мягкой сыростью.

Света негромко окликнула:

— Грета...

— Да выпустила я их, выпустила! — вполголоса взывала. — Да что толку? Все равно будут дуться, пока... — А что «пока», объяснять не стала.

Мы набрали шепок, прошлогодних стеблей репейника, сухостоя в береговых кустах. Май и Грета умело развели маленький огонь. Тепло пошло по ногам... Возникли из сумерек два взрослых парня. Один — в форме, похожей на милицейскую (я напрягся, но оказалось — зря). Окликнули Лыша. Лыш отошел, поговорил с ними, вернулся. Его не расспрашивали, о чем был разговор. Он постоял немного с нами и сказал, что ему пора домой. Грета заворчала на брата. Но он опять сказал, что «мне надо». А дальше... опять начались чудеса. Лыш выволок из кустов стул, уселся на него верхом и умчался на нем вверх по откосу, как на Коньке-Горбунке.

— Вот это да... — не удержался я. Но понятно было, что сильно изумляться нет смысла.

Света негромко сказала мне:

— Видишь, ты уже столько всего знаешь про нас... Расскажи и про себя.

— Но я ведь рассказывал...

Май с другой стороны проговорил:

— Грин, ты не обижайся, но ты ведь говорил не все. Расскажи нам про *главное*...

Я больше ни секунды не сомневался. Сказал «сейчас» и стал рассказывать про все. И про ампулу. Подробно...

Часть третья

СТРЕЛОК

ГЛАВА 1

Маму я, конечно, не помню. Снится иногда, но туманно, отрывочно, и лица не разглядеть...

Мы жили в поселке Рудаково рядом со столицей. Дом был наш собственный, небольшой, одноэтажный. Он сгорел, когда мне было полтора года. Мама погибла от угарного газа, а меня сумели вытащить. Отец в это время был в командировке.

После пожара отец снял квартиру в столице, и мы жили там с тетей Анютой, которая ведала нашим хозяйством (она была нам все равно как родная). А через полгода отца арестовали. С тетей Анютой мы вдвоем жили еще полгода, потом у нее случился сердечный приступ (она пожилая была), ее уложили в больницу, а меня отправили в дошкольный детский дом, в Заозерные Сельцы. И обратно тете Анюте не отдали. Мол, не имеет она на меня права, по документам-то совсем чужая. Говорят, сперва я ревел отчаянно. Ну а потом, что делать, привык постепенно... Тетя Анюта навестила меня только через год (раньше не могла разыскать). Я эту встречу запомнил хорошо, был мне уже четвертый год. И тетю Анюту узнал сразу. Мы сидели рядышком, и я все повторял: «Возьми к себе. Возьми обратно...» А она говорила, что обязательно, только вот сперва надо выхлопотать документы, поэтому мне придется немного потерпеть. А когда уходила, сказала мне очень отчетливо: «Гришенька, ты пока маленький, но одно тебе надо запомнить крепко, как большому: твой папа ни в чем не виноват. Ты это знай на веки вечные. И не верь никому, кто будет говорить другое. Запомнил?»

И я сказал: «Да». И запомнил. И решил, что теперь буду каждый день ждать тетю Анюту.

Но тетя Анюта больше ни разу не пришла в детский дом. Мало того, она и к себе домой не вернулась. После той на-

шей встречи она поехала в столицу и пропала. Так мне сказали потом, когда подрос.

В том, в первом, детском доме было не так уж плохо. Взрослые нас почти не обижали, лупили редко и не сильно, случались всякие праздники, летние поездки на дачу, где лес и речка... Была у меня подружка, Валя Капустина (она никогда не звала меня «Дуня», только «Гришечка»). Но потом ее перевели в другой детдом. Вот слез было... Я вообще был слезливый пацаненок. Может, потому, что сидела во мне вечная (хотя и самому не всегда понятная) тоска по родному дому, а может, просто характер такой. Близко сдружиться ни с кем не умел, а если обижали, начинал хныкать, а то и ударялся в громкий плач. («Маргарита Ивановна, Дуня опять ревет непонятно из-за чего...») Но бывало и так, что, доведенный до большой злости, я кидался на обидчиков. «Зоя Игоревна-а! А Седой распахивался, на всех махается табу-реткой!»

Так и жил. В семь лет перевели в детдом-интернат со школьным обучением. Там стало хуже. Особенно сперва. Большие ребята помыкали нами по-всякому. И не пикнешь. Если пожалуешься, потом еще хуже будет, да и от воспитателей вместо защиты лишняя нахлобучка. Было, конечно, и похорошее. Праздники там всякие, походы в цирк и в театр, а особенно — библиотека. Но свою любовь к чтению я никому не выказывал, а то задразнят, да и «библиотечных отсидок» не будет. В третьем классе подружился я с Владиком Егоровым и Митей Кравцовым. Но у Владика появились приемные родители, увезли в Канаду, а у Мити открылась болезнь под названием «лейкоз», отправили его в больницу, и больше он не вернулся. А у меня в ту пору, кстати, тоже появилась болезнь, название я забыл. Чтобы не помер, научили самого делать себе уколы (чтобы не страшно было, говорили не «укол», а «инъекция»). Но это было недолго. Появился новый директор интерната, Михаил Гаврилович, худой высокий дядька с рыжими от курева усами и басовитым (сперва казалось — грозным) голосом. Первым делом выгнал нескольких воспитателей, любивших распускать руки, а также перевел в другие интернаты и училища больших парней, которые вместе с этими воспитателями правили в интернате по

своим законам. Затем устроил повальный медосмотр с помощью каких-то очень опытных врачей. Больных оказалось много, зато мне сказали, что опасной болезни у меня нет, и наша горластая тетка-врач со свистом вылетела с работы. Правда, наша Гнида Крысовна осталась. По-прежнему, если я на самоподготовке не решал задачки, а рисовал кораблики или мастерил бумажных голубков, она хватала меня за шиворот и волокла в директорский кабинет.

— Михаил Гаврилович, у меня сил нет! Опять бездельничает! Его надо в интернат для олигофренов!

— Та-ак! — грозно говорил директор. — Ладно, в тот интернат пока подождем, у них нехватка мест, а под арестом пусть посидит! В библиотеку его!

Если там была Галина Павловна, наша библиотекарьша, она хитро улыбалась мне, давала переносную лампочку, и я забирался в дальний уголок за стеллажи, в таинственный запах книжной пыли. А часто я сидел совсем один. И это было самое лучшее время жизни. *Мое...* Не обязательно я читал. Бывало, что просто думал о всяких вещах и делах. Иногда — о том, как окажется на свободе и отыщет меня отец. Я ничего о нем не знал, но рассуждал так: есть же он где-то на свете! И не может он забыть родного сына!..

Один раз Гнида опять привела меня к директору, и он сурово сказал:

— Оставьте нас. Я поговорю с ним один на один.

Гнида с удовольствием оставила (может, надеялась, что я получу ремня). А Михаил Гаврилович сделался какой-то другой, озабоченный и печальный.

— Вот что, Григорий Климчук. Есть дело, о котором обещаю молчать... Обещаешь? Иначе сильно подведешь меня.

Я ничего не понял, но сразу закивал: обещаю, мол, изо всех сил.

— Перед ужином, в семь часов, выйди на двор, в дальний конец, за гараж. Там за забором будет стоять мужчина в коричневой куртке, он тебя окликнет. Есть у него к тебе разговор. Только не долго... Понял?

Я опять закивал. Расспрашивать не посмел и до вечера изводился от ожиданий и догадок.

Была осень, октябрь, в семь часов уже стемнело, но по ту

сторону решетчатого забора, на улице, горела на столбе лампочка. Вокруг нее реяли дождевики. Я вздрагивал. От столба отделился (словно полоска тени) человек, сказал негромко:

— Гриша Климчук?

— Ага... — выдавил я и даже икнул от волнения.

— Возьми пакет. Это письмо от твоего папы. Я не могу сказать, где он сейчас, но ты знай: с ним все в порядке. Он помнит про тебя. Остальное в письме. Старайся никому не показывать его... — Сквозь рейки забора мужчина протянул мне конверт и сразу ушел, потерялся в сумерках.

Я почему-то завсхлипывал. Затолкал письмо под куртку, под рубашку, под майку, к самому телу. И побежал в школьный корпус. Оглянулся в коридоре, поскребся в библиотечную дверь. Я редко приходил сюда «по своей воле» (чтобы не разоблачили), но сейчас попросил Галину Павловну:

— Можно, я посижу до ужина? Очень надо!

— Посиди, голубчик. Я никому не скажу.

За стеллажами я засветил переносную лампочку.

Конверт был белый, без надписи. Я все еще вздрагивал. Надорвал уголок, сунул палец, рванул. Вытащил сложенный вчетверо лист. Он был голубоватый, линованный.

Отец писал небольшими, но четкими, почти печатными буквами. (Я уже потом подумал: может, он боялся, что я неважно читаю, и старался, чтобы я разобрал все до последнего словечка?)

Вот что было в письме.

«Здравствуй, Гришенька!

Здравствуй, мальчик мой любимый.

Прости, что я не могу написать, где я теперь. Но я жив и здоров. Придет время, я тебя обязательно найду, и мы будем вместе. Это я обещаю.

А пока я тебя прошу: помни, что у тебя есть папа. И вообще старайся не забывать все, что помнишь хоть самую капельку. Может быть, даже вспомнишь маму. Она тебя очень любила.

Я каждый день вспоминаю, как мы жили вместе. Как ты любил ездить у меня на плечах.

А еще ты любил играть с рыжим котом Юшиком, бросал на пол бумажные шарики, Юшик прыгал за ними, а ты хохотал...»

(Я сразу вспомнил кота с торчащими, как иглы дикобраза, рыжими прядками. Они были колючие на вид, а на самом деле мягкие. Юшик любил забираться ко мне на постель и укладываться в ногах. Что с ним стало?)

«Еще помню, как мы встречали Новый год, последний, когда были вместе. Губить живую елочку не хотелось, и мы с мамой купили маленькую искусственную. Я соорудил для нее специальную полку высоко на книжном стеллаже. И даже сочинил песенку:

*В лесу нашли мы ёлочку
С искусственной хвоей.
Поставили на полочку,
А дальше — ой-ёй-ёй...*

Ой-ёй-ёй — потому что Юшик прыгал внизу как сумасшедший и подвывал от досады, что ему не удастся цапнуть игрушки. А ты сидел у мамы на руках, слушал песенку, смотрел на кота и смеялся.

Мама тоже смеялась. Сначала она спорила, что надо петь не «хвоей», а «хвоей», но я ее убедил, что так будет нескладно. Она согласилась и стала тоже петь, но не как я, а на мотив своей любимой песни «Уралочка». И даже Юшик успокоился. Не помнишь?»

(Этого я, разумеется, не помнил. Мне же было тогда чуть больше года. Но я вспомнил гимн спортивного клуба «Уралочка», его иногда исполняли по телевизору, если показывали соревнования. «Уралочка» была знаменитая, часто выступала на общеимперских турнирах. А слова такие: «Полощут флаги яркие, и шум со всех сторон, выходим из-под арки мы опять на стадион...» Ну, или что-то похожее, точно не помню. Главное, что мотив подходил. И я потом повторял песенку про елочку с этой мелодией очень часто. Но только про себя, конечно...)

«Мы с мамой очень любили тебя, мой хороший. Мы звали тебя Гришенька, Гришук и договорились, что, когда подрастешь и, может быть, начнешь стесняться слишком ласковых

имен, станем звать тебя Грин. Есть такой замечательный писатель. Постарайся найти его книжки и прочитай. Не поленись.

*Целую тебя и обнимаю.
Твой папа».*

Я не поленился. Прочитал письмо несколько раз, опять спрятал его, вытер слезы. Выбрался из-за стеллажей и тут же попросил у Галины Павловны что-нибудь писателя Грина, которого читал и до этого. Теперь хотелось не здесь читать, а взять с собой. И она дала мне книжку «Гнев отца», где оказалось несколько рассказов, которых я еще не знал. А в рассказе, по которому названа книжка, не было никакого гнева, а только отцовская любовь... И я читал — будто переговаривался с отцом...

А потом (я уже рассказывал про это) директор подарил мне «Алые паруса».

Я старался никому не показывать эту книгу, читал в укромных уголках. И только от одного мальчишки не прятался. Это был семилетний пацаненок по прозвищу Пузырек. Появился в интернате он недавно (первоклассник же) и часто ходил с мокрыми глазами. Наверно, вспоминал свой дом (как я когда-то). Отец у него спился и умер в больнице, мать посадили за воровство, а он загребел вот сюда. И хотя на воле жизнь у Пузырька была не сладкая, он все равно тосковал по ней...

Был он затюканный, тощий, больше ротый, ни на какой пузырек не похожий. А прозвали его так потому, что на губе у него часто вскакивал белый волдырик и потом лопался... Однажды я распинал по сторонам двух третьеклассников, которые прискребились к Пузырьку на перемене (сам-то я был уже в пятом). И он потом смотрел на меня, как преданный щенок. Но не липнул, только иногда выжидательно так улыбался со стороны. Нельзя сказать, что меня это радовало, казался он каким-то слишком уж хлипким и унылым. Но однажды я увидел, как он роняет слезы в раздевалке за вешалкой, и он меня увидел и глянул будто через жидкие стеклышки. И прикусил губу с пузырьком. Я спросил «ты чего», а он только шмыгнул носом и головой мотнул. Наверно, и сам не знал «чего». Как объяснишь, если тоска? Тогда я сказал:

— Пойдем.

Привел его в спальню, посадил рядом на койку, а дальше... Я сам не знал, что делать дальше. И спросил:

— Хочешь, книжку прочитаю?

Он закивал (даже брызги полетели с ресниц). Я достал из-под матраса книжку, увел Пузырька в библиотеку за стеллажи и там стал читать вполголоса «Алые паруса». Он слушал приоткрыв рот. Я думал, он мало что понимает и сидит рядом, потому что со мной ему не так тоскливо, как одному. Но когда я дочитал до половины и надо было идти на ужин, он потрогал языком свой волдырик и прошептал:

— А потом... считаешь еще?

— Ладно...

Оказывается, он понимал все как надо и даже запомнил все имена. Когда «Паруса» закончились, Пузырек опасливо поспел и спросил:

— А Грей взял к себе и к Ассоли Лонгрена?

— Конечно! Он же обещал!

— Тогда хорошо... — И Пузырек заулыбался. Не так, как раньше, а без боязни...

И потом я еще не раз читал Пузырьку рассказы Грина...

ГЛАВА 2

А в апреле случилась беда.

Однажды после самоподготовки (это когда делают «домашние» задания) меня окликнули в коридоре: «Клим, тебя Гаврилыч зовет, велел, чтобы немедленно. Ты чего натворил?»

Я ничего не натворил и не ждал плохого. Но Михаил Гаврилович встретил меня сумрачно.

— Садись, Гриша... Даже не знаю, как начать. Плохие новости...

Я начал обмирать, вцепился в сиденье стула. Я почти догадался, о чем пойдет речь. И он понял это.

— Да, Гриша... Папы нет в живых...

Я помолчал, все еще надеясь, что это ошибка, что директор сейчас поправится. Потому что иначе... как я буду жить-то? Ведь все время после письма я жил надеждой. Она была

неотступная, почти как песенка про елочку. Он меня отыщет, возьмет к себе, он же обещал...

Но директор молчал, и я наконец выговорил:

— Почему... нет?..

— Я расскажу... Я не имею права, но... если я не скажу тебе это, больше никто не скажет. А меня здесь скоро не будет...

То, что его скоро не будет, я пропустил мимо ушей — до того ли мне было. А Михаил Гаврилович стал говорить дальше (сидел за столом, смотрел вниз и отражался в большом настольном стекле):

— В общем, так... Твоего папу, Юрия Львовича Климчука, обвиняли в заговоре против имперской власти. Думаю, что не против власти он был, а против «Желтого волоса», такая гнусная партия набирала одно время у нас в стране силу. Прямо скажем, преступная... Потом эту партию запретили, только сторонников у нее осталось немало. А твой папа знал про эти дела очень много. Как говорится, владел базой данных. Потому что дело было связано со сложными технологиями, с хранением информации, а он же работал в научном журнале... Эту информацию у него старались добыть, но он ее упрятал надежно. Посадили в тюрьму, он бежал. Скрывался за границей, а недавно вернулся, и его раскрыли. Обнаружили, в общем. Он отстреливался, его ранили, он умер в больнице... Не спрашивай, откуда я это знаю. Но это, к сожалению, правда...

Я не спрашивал. Я отвернулся, лег щекой на спинку стула и заплакал. Директор меня не останавливал. Я плакал долго. Потому что все рушилось в жизни. Впереди теперь не было ничего... Но в конце концов слезы кончились, и я опять услышал Михаила Гавриловича:

— Может быть, хоть немного тебя утешит одна мысль. Что твой отец герой, он дрался за справедливость. Ты вырастешь и разузнаешь про него всю правду...

Я всхлипывал и молчал. Я не хотел вырасти. Я ничего не хотел...

Михаил Гаврилович подошел, погладил по плечу.

— Я понимаю, как тебе тяжело... и как на все теперь наплевать. И это будет долго, да... Но все же послушай совет...

Я шевельнул плечом: какой еще совет? Расти умным, честным, достойным? Зачем?..

— У тебя есть отцовское письмо. Знаю, оно тебе очень дорого. И все же... Я не смею настаивать, но... тебе следовало бы его уничтожить. Если найдут, может быть много неприятностей. Даже трагедий...

И опять я дернул плечом: не боялся я никаких трагедий. Директор сказал:

— Не у тебя. Тебе-то что... У многих людей. У меня в частности, но это не главное. У других... Пойми, я не могу сказать... Я ничего не требую, но все же подумай... Гриша Климчук...

Я потом, конечно, думал, думал, думал... Об отце, о письме. О том, как жить дальше. Жить не очень-то хотелось, но совсем умирать не хотелось тоже.

Надо сказать, что об отце я горевал меньше, чем, казалось бы, должен горевать. Может, потому, что я его почти не помнил. А может, внутри включились какие-то тормоза. Гораздо сильнее была печаль о рухнувших надеждах на будущее: никогда не будет у меня родного дома, родных людей... Но вскоре планы на будущее появились опять. Уже совсем другие. Такие, о которых я думал, стискивая зубы.

Я вырасту! Назло всем врагам! И разужнаю про отца всё-всё, всю правду. И напишу книгу про то, какой он был герой. Я даже знаю, какое будет название. «В лесу нашли мы елочку...!» По строчке из песни, которую он пел мне в забытом детстве...

В общем, впереди опять что-то засветилось... Но меня грыз постоянный страх из-за письма. Почему в нем какая-то опасность? Почему могут пострадать какие-то люди? В том числе и директор... Может, пойти расспросить? Но я не решался. А вскоре у директора начались неприятности.

Его куда-то вызывали, чем-то грозили (ходили такие слухи). Стали появляться всякие комиссии. Нас приводили в кабинет, задавали вопросы. Не делал ли Михаил Гаврилович с нами что-то плохое? Многие таких вопросов просто не понимали. А кто понимал, плевался в ответ, потому что директор делал нам только хорошее. Но на плевки и грубости

спрашивающие тети и дяди не обижались, продолжали беседу как ни в чем не бывало. Обещали награды за «обдуманнные ответы». Кое-кто, наверно, купился...

Я стал бояться еще сильнее. Вдруг у меня найдут письмо и оно добавит директору всяких бед? Да и мне заодно... Я прятывал его в разные места, но все они казались ненадежными. Я носил его под майкой, но казалось, что бумага подозрительно шуршит.

В конце концов я струсил окончательно. Решил, что надо от письма избавиться навсегда. Ночью я ушел в туалет (будто приспичило), заплакал, перечитал письмо последний раз и разорвал его на мельчайшие клочки... Но у меня не хватило духу бросить крохотные бумажки в унитаз и смыть их. Это было бы уже не подлостью, а сверхподлостью. И я, давась слезами и бумагой, сжевал, сглотал изорванное письмо и запил водой из умывального крана.

Я утешал себя, что помню письмо наизусть до последней буквы и не забуду никогда в жизни. Но все равно гадостный осадок остался у меня внутри. Как от ржавой, пахнувшей хлоркой воды...

А директора убрали. Я не знаю, что с ним стало. Просто он однажды не появился на работе. Его заместительница — похожая на квашню, пугливая Елена Маркеловна — потерянно бродила по интернату и вздрагивала, когда ей задавали вопросы. Потом появился новый директор. Его сразу прозвали Майором. Кто-то пустил слух, что раньше он был ментушаем. Он был прямой, тощий, с колючим лицом и кашляющим голосом. Ходил в пиджаке, похожем на мундир. Стал заводить порядки, как в кадетском корпусе, велел каждый день заниматься строевой подготовкой, и всех, даже малышей, сажали теперь не в библиотеку, а в настоящий карцер.

Гнида Крысовна расцвела, как пахучая гортензия на невозной клумбе. Ходила генеральшей. Руки распускала на всю катушку. Однажды за то, что не успел вовремя заправить койку, она врезала мне по шее и привычным путем отволокла в директорский кабинет.

— Вот... Совершенно отбилась от рук!

— А драться можно, да?! — попробовал я «качать права».

— Ма-алчать! — заорал Майор. И потом кашляющим го-

лосом долго орал еще. О том, что для бывших директорских любимчиков здесь больше не будет сладкой жизни, и что он еще дознается в подробностях, чем тут со мной занимался этот «Михал Гадёныч», и что сыночкам всяких террористов в интернате вообще не место и скоро я отправлюсь туда, где давно мне полагается быть...

После этого я понял, что пора уходить. Куда угодно, лишь бы подальше. И стал готовиться. Никто про это не догадывался. Только Пузырек. Однажды, когда остались вдвоем, он спросил шепотом:

— Клим, ты книжку возьмешь с собой, да?

Я не стал притворяться.

— Конечно...

Он спросил еще тише:

— А меня?

Я обмяк. Вот еще подарочек...

— Пузырек. Но я же сам ничего не знаю. Как все получится... Куда ты со мной...

Он прошептал книжную фразу:

— Хоть на край света...

И заплакал.

Ну, что я мог сделать? Бросить его и после маяться всю жизнь? У меня на совести и так было уже одно предательство — уничтоженное письмо...

Мы ушли среди ночи. Ночь была светлая, начало июня. Мы выскользнули из спального корпуса, пробрались за гараж. Там, недалеко от места, где незнакомец передал мне конверт, был в изгороди пролом. Через полчаса мы оказались на железнодорожной станции. Забрались в электричку в пустой вагон с тусклыми лампочками. Никто нас не заметил, не выгнал. Еще через час мы оказались в столице.

Раньше я никогда не бывал в бегах (потому что внутри оставался «домашним мальчиком»). Но от других слышал, конечно, немало о беспризорной жизни. Знал, что в громадной столице немало такого «вольного» народа и что «не пропадешь, если думалка на плечах в рабочем режиме». И что найти сбежавших пацанят очень трудно, да никто и не станет искать. Разве что случайно вляпаешься...

Несколько суток мы болтались по рынкам, свалкам и задворкам складов. Выпрашивали (а раза два и стащили на базаре у южан) еду. Ночевали в ящиках за какой-то фабрикой, укрывались изодранными мешками. Пузырек не жаловался. Только иногда смотрел виновато: «Я для тебя обуза, да?» Я обещал ему, что вот осмотримся, устроимся продавать газеты или разгружать мелкие товары, подзаработаем денег и рванем на Юг, поближе к теплему морю и кораблям. Грин-то крепко сидел внутри у меня. Да и у Пузырька, видать, тоже. Каждый раз в ответ на мои слова Пузырек радостно кивал.

Но вместо южных стран мы оказались в крепкой компании беспризорников.

Однажды на привокзальном рынке к нам подошел парнишка чуть постарше меня, решительный, неплохо одетый, с цепкими глазами опытного человека. Спросил дружелюбно:

— Вы дикие, да?

— Сам ты дикий, — малость ошетинился я.

— Да ты не гоношись. Я в том смысле, что не столичные и без коллектива. А в одиночку здесь долго не живут, закон джунглей. Хотите в нашу бригаду? Сытые будете...

Я глянул на исхудавшего чумазого Пузырька. Мы не ели со вчерашнего дня. Я сказал:

— Хотим...

Бригада оказалась не такая, как я представлял «кодлы» беспризорников. Никто не ходил оборванцем, никто не «коллолся», не нюхал клей. Даже курить разрешалось только старшим. Ну, я-то уже мог, если бы захотел, а Пузырек — ни-ни...

Было нас человек пятнадцать. Пацаны лет от семи и до четырнадцати. Кто-то исчезал, на его месте появлялись новички, но «ядро» оставалось долговременным. Жили мы в подвале обшарпанной девятиэтажки, она стояла в глубине двора недалеко от Стрелецкого вокзала. Подвал был обширный, со всякими закутками. Горело электричество, работал водопровод. Стоял в углу портативный телевизор. Была даже бетонная конура с унитазом и самодельным душем. В общем, не притон, а общежитие. Спали мы на топчанах, на разбол-

танных раскладушках, на разбитых диванах, притащенных со свалки. Постели полагалось заправлять одеялами, кусками парусины, старыми оконными шторами — у кого что было. За порядок и чистоту отвечала крашеная симпатичная девушка, которую звали Марлен (совсем не похожая на жительницу трущоб). Она любила тискать младших ребят, следила, чтобы мы умывались, чистили зубы и раз в неделю ходили под душ. Но Марлен была не главная, она была подружка «бригадира». Они жили вдвоем в отдельном «бункере».

Командовал бригадой парень лет двадцати по имени (или по кличке) Морган. Он в самом деле был похож на пирата Моргана из американского кино «Карибские паруса». Худой, с темными усиками, с продолговатыми непонятными глазами. Иногда они были обыкновенные, даже ласковые, но если кто-то делал что-то не так... ого, какие становились глаза!

Впрочем, не всегда Морган злился на провинившихся. Иногда говорил добродушно: «Отшлепаю, голубчик...» Казалось бы, шутка, но провинившийся обмирал.

В общем, Морган держал нас в строгости. Мы «работали» целыми днями. Выпрашивали у пассажиров на перроне, у прохожих на улицах деньги, рассказывали при этом трогательные истории, будто «я вовсе не беспризорный, а просто так получилось, что папа погиб на стройке, мама в больнице, а я приехал в столицу за помощью к тете, а она здесь уже не живет, и надо как-то добираться обратно в свой город...». Ну, или еще что-нибудь душещипательное. Главное — придумать жалостливо и правдоподобно, тогда многие верили. Я умел придумывать такие «сюжеты», и Морган меня ценил.

Он запрещал ходить «на работу» оборванцами. «Сейчас таким не доверяют. Жалуют попавших в беду, но не любят тех, кто скатился на дно. И я вам скатиться не дам, нашей славной Империи маргиналы не нужны».

Почему-то Моргану не нравилось, когда старшие часто общаются с малышами. Поэтому я и Пузырек не всегда бывали вместе. Пузырек стал ходить с другим таким же «малышником», только еще более затюканным и боязливым. Звали того Тюнчик. (Я догадывался, что Пузырек пересказывает Тюнчику гриновские истории; не знаю только, понимал ли Тюнчик хоть что-нибудь.) Они, когда отправлялись за «уло-

вом», изображали братишек, оставших от родителей на вокзале. «Мы пошли в милицию, а там на нас накричали и хотели остричь машинкой. Мы убежали... Дайте, пожалуйста, денежек на билет до Степановска, там наш дом...»

Детки были совсем «мамины-папины», в аккуратных костюмчиках и новых сандалетках, в которые их обряжала Марлен. Взрослые совали пацанятам деньги, даже не подумав: кто таким мелким продаст билеты?

Все собранные деньги полагалось сдавать лично Моргану. До последнего грошика. Иногда он выдавал нам кое-что на мелкие расходы и обещал, что к сентябрю «подведет баланс» и тогда каждому выдаст заработанный за лето «справедливый процент». А пока...

Помню, как один раз он, принимая выручку, вдруг похлопал по широкому джинсам девятилетнего Зяблика и вытащил у того из кармана пятирублевую монетку. Улыбнулся. Нехорошо так.

— А это что, детка?

Даже при желтой лампочке видно было, как Зяблик побелел.

— Я... она нечаянно... Она застряла... Я не хотел... Я не заметил...

— На запчасти захотел, мальчик? — прежним улыбчивым тоном спросил Морган.

— Я... нет! Я больше... никогда...

— Иди, Зяблик, — сказал Морган. — Я подумаю, что с тобой сделать...

Ничего он с Зябликом тогда не сделал, но все видели, как несколько дней бедняга мается от страшного ожидания. Это было хуже, чем немедленная кара.

На следующее утро я пошел за «уловом» вместе с Юркой Лунатиком, пацаном лет двенадцати, как я. Кажется, я Лунатику чем-то нравился, он то и дело старался оказаться рядом, даже раскладушку свою в бункере перетащил поближе к моему топчану. И сейчас, похоже, был доволен, что мы вместе.

Я спросил:

— А чего это вчера Морган про какие-то запчасти Зяблику на темечко капал? Это как?

Лунатик выкатил глаза, часто задышал от возбуждения.

— А ты не знаешь?.. Ну, Гриня, ты лох... Не обижайся. Говорят, у Моргана договор с клиником. С тайной. Если там нужен донор для пересадки, он туда может кого-нибудь из пацанов, особенно из мелких... Потом говорит: устроил на усыновление... А по правде распотрошат такого на детальки для богатых больных деток. Одному сердце, другому почки, третьему селезенку... А могут что-нибудь перепутать, пришить какой-нибудь Люсеньке. Ту привозят домой, а мама с папой: ах-ах, мы вам девочку давали, а это...

Мне захотелось врезать Лунатику, но я стерпел. А он радовался, что так много знает, даже брызги летели с губ.

— Гриня, но это я только тебе. Не вздумай заложить...

— Не вздрагивай, — хмуро сказал я. И подумал, что с таким языком Лунатик в бригаде долго не проживет. — Брехня это...

— Не знаю. Так многие шепчутся. И Морган про это знает и не говорит, что брехня. А на усыновление он правда несколько мелких отдал и не сказал кому. Мол, по закону это тайна...

«Неужели такая сволочь? — думал я на ходу. — Ведь в общем-то совсем как человек. Ну, строгий иногда, а бывает, что и добрый, заботится, разговоры ведет интересные, рассказывает про всякое».

Ко мне Морган особенно благоволил. Никогда не пугал, порой разговаривал о книжках, не ругал, если я в своей добыче не дотягивал до нормы. А однажды оказал мне и еще двум ребятам постарше особое доверие. Достал свой пистолет, объяснил, как вынимается и вставляется обойма, как надо снимать предохранитель, передергивать затвор и нажимать спуск. А потом в глухом подвальном коридоре дал каждому пальнуть по пустой консервной банке.

Ох и грохало! Но я все-таки с пяти шагов продырявил жестянку, а два других промазали.

— Гриня, ты способный мальчик, — снисходительно похвалил Морган. — Далек пойдешь... — И спрятал небольшой плоский пистолет в боковой карман куртки. Он всегда носил его в этом кармане, будто не боялся, что заметят.

Кажется, Морган вообще ничего не боялся. Я сперва удивлялся, как это ментухаи до сих пор не разнюхали про на-

ше убежище, не нагрянули с облавой. Спросил про это Лунатика, а он захихикал:

— Ну, Гриня, ну тебя как с крыши уронили... У Моргана все охранники в этой округе купленные...

И вот что было сперва непонятно: если они все купленные, почему же Морган так испугался, когда увидел у Тюнчика заводную машинку?

То есть она была не заводная, а, видимо, с батарейкой. Красивая такая модель гоночного «Гепарда» размером с мою ладонь. Вишневого цвета. Она ездила по бетонному полу широкого помещения, которое служило нам «прихожей». Я, Лунатик и Морган спустились с улицы и увидели, как несколько «мелких» пританцовывают и увертываются от машинки — двигалась она непонятными зигзагами. Видимо, никто не знал, как ею управлять. Пузырька среди ребят не было. Я хотел спросить у Тюнчика, где его друг-приятель, но Морган вдруг оттолкнул меня, подскочил к машинке и своим блестящим башмаком ударил по ней сверху вниз. Как по ядовитой твари. Раз, другой. Потом выхватил пистолет и «добил» запищавшую модель «Гепарда» железной рукояткой. Выпрямился. Вытер со лба капли. Хрипло спросил:

— Чье... это?

В наступившей тишине послышался опасливый выдох:

— Вот... его... — Один из «мелких» показал на Тюнчика.

— Где взял? — Морган пробил Тюнчика взглядом, как гвоздями.

— Я... ее... — залепетал Тюнчик. Сразу почувствовал, что сотворил ужасное.

— Где взял?! — гаркнул Морган, и в голосе его прорезался какой-то крысиный визг.

— Она... на улице... я взял... поиграть...

Морган вцепился Тюнчику в плечи. Голубой костюмчик вздернулся вверх, а самого Тюнчика, будто легонькую куклу, Морган поднял в воздух. Тот слабо задергал цыплячьими ногами в белых носочках, сандалетки упали на пол. Тюнчик зажмурился, но тут же отчаянно распахнул глаза.

Морган отчетливо выговорил:

— Разве. Я. Не. Объ-яс-нял. Что. Нельзя. Подбирать. Непонятные. Вещи?.. — И гаркнул опять: — Отвечай, сволочь!

— Я... об... я больше не... Я думал... это игрушка...

Морган отшвырнул Тюнчика. Тот быстро отполз в угол и сбежился, подтянув разбитые в кровь колени. Морган оглядел всех.

— Слушать меня тихо! Нынче никому из подвала не выходить. Марлен, поставь у дверей дежурных, пусть сразу загоняют сюда тех, кто вернется с улиц...

ГЛАВА 3

Пузырек был среди тех, кого дежурные загнали с улицы. К счастью, он в тот день «работал» не с Тюнчиком.

Тюнчик по-прежнему всхлипывал и ежился в углу. Пузырек бросился к нему, но Морган рывкнул:

— Не лезь туда!

Двум самым старшим ребятам (звали их Колун и Деревня) Морган приказал:

— Эту бактерию запирайте в кладовку у входа.

Колун и Деревня подхватили обмякшего от жутких предчувствий Тюнчика и оттащили в комнатку с железной дверью. В двери было зарешеченное оконце. Пузырек смотрел на все на это (и на меня, и на Моргана) широченными отчаянными глазами. А когда дверь лязгнула, он совершил небывало храбрый поступок. Деревянными шагами он подошел к Моргану, вскинул голову и тонко сказал:

— Морган, не надо. Там же крысы!

Морган был уже прежний, самообладание вернулось к нему. Он ласково улыбнулся:

— Страдаешь за дружка? Хочешь туда же?

Тогда Пузырек встал прямо, вытянул руки по швам, вскинул голову еще выше и сказал:

— Да!

Все замерли. Но Морган погладил Пузырька по волосам.

— Храбрый мальчик. Не страдай. Скоро устроим твоему Тюнчику воспитательный момент и отпустим... А пока всем сидеть и ждать!

И мы расселись на своих топчанах и подстилках, стали

ждать. Пузырек прижимался ко мне. Лунатик сидел неподалеку.

— Грин, а что с ним будет? — прошептал Пузырек.

Я не знал. И спросил Лунатика:

— Что Морган с ним сделает?

Всезнающий Лунатик опасливо огляделся и хмыкнул:

— Что... Скорее всего, «столик»...

— Какой столик?

— Ну, ты как с крыши... Такая воспитательная мера. Если кто нарушает главные правила... Переворачивают стол, а к его ножкам, к самым концам, привязывают виноватого. За руки, за ноги, нарастяжку. И во-от таким прутом... Кто один раз попробовал, помнит всю жизнь...

Меня тряхнуло, как током. В моей детдомовской жизни мне, конечно, доставалось не раз, но чтобы такая жуть... И он же совсем кроха!

Пузырек смотрел на меня, округлив рот и глаза. Будто я что-то мог сделать! А что?

Но... не мог же я быть боязливее Пузырька!

Я встал и пошел по бетонным помещениям искать Моргана (меня проводили опасливыми взглядами).

Морган в укромном закутке с лампочкой под потолком и уютной настольной лампой на тумбочке сидел в обнимку с Марлен. Сразу отпустил ее, злобно уставился на меня. Потому что я совершил небывалую дерзость: явился в их личное помещение без спроса. Но тут же он переключил гнев на дружелюбие:

— А, Гриня! Тебе чего?

— Морган, — сказал я, — не надо его бить. Он же совсем цыпленок...

Морган сделал глубокий вдох. Покивал: я, мол, тебя понимаю, но...

— Гриня, сядь... — Он подвинулся на топчане. Я сел рядом. — Слушай и вникай... Ты хоть знаешь, что он принес?

— Игрушку... Чего здесь такого?

— «Игрушку»... Ничего ты не понимаешь пока, и другие не понимают... Это миниатюрный робот-разведчик новейшей конструкции. Для наблюдения за всякими антисоциальными группами. Знаешь, что такое «антисоциальные»?

— Примерно, — бормотнул я.

— Их запускают в подозрительные для властей места и компании и качают информацию... Потому и велено было: никаких незнакомых предметов не подбирать, не принести... К нам чуть не приклеили «хвост». Теперь усёк?

— Да... — прошептал я. — Но, Морган... Ты же не боишься ментухаев. Чего уж так-то...

— Да если бы это ментухаи, — выговорил он с непритворной горечью. — У них и техники такой нет. Это какая-то спецслужба. То ли имперская безопасность, то ли вообще непонятно кто... В том-то и страх, что непонятно...

Я впервые услышал от Моргана слово «страх».

Но у Тюнчика-то какой сейчас страх! Там, в клетке...

— Морган, да Тюнчик-то при чем? Он же просто еще глупый. Ну, отругали, посадили, и ладно...

Морган печально сказал:

— Разве в Тюнчике дело? Дело в остальных. Все должны увидеть, что бывает с теми, кто нарушает обычаи бригады. Это, братец мой, диктуют законы выживания. Ты же начитанное дитя и должен понять: в такой ситуации суровое взыскание не-из-беж-но. — И вдруг он подзряк, придвинул меня к себе доверительно так. — Да не бойсь, Гриня, не такое уж оно суровое. Отлежится малёк за пару суток. Я его сам-то и не буду, вот Марлен займется. Она это любит. Разденет голубчика и отсчитает, сколько решим общим голосованием...

Марлен стояла теперь напротив лампы, ее «киношное» лицо блестело, как лаковое. Она заулыбалась:

— Обыкновенное детское наказанье... — И прочитала нараспев:

Провинился мальчик-чик,
Будем мальчика чик-чик,
Чики-чики-шлёпки
Прутиком по попке...

«Гадина, садистка, б...» — подумал я, и меня замутило. Морган сидел вплотную, карман его куртки прижимался к моему бедру. Сквозь тонкую замшу и брюки я чувствовал твердость пистолета. Я скользнул рукой между мной и Морганом и быстро вынул пистолет из кармана. Морган хлопнул себя по боку, но я был уже у дверей.

Читал я в прошлом году книжку про барабанщика. Про то, как он с «браунингом» вышел навстречу врагам. Там были примерно такие слова про пистолет: «И только я до него дотронулся, как стало тихо-тихо. И раздался звук, будто кто-то задел певучую струну...» Вот и со мной так же. Но струна была не певучая, а с резким звоном... А время замедлилось. Я видел в этом замедленном времени, как меняются лица Моргана и Марлен.

— Сидеть, Морган, подлюка, — хрипло сказал я. — А ты, Марлен, стоять! Замри, блин, проститутка!.. — Я передернул затвор. — Оба замрите! Или пристрелю! Клянусь, вот... — Пистолет я держал в правой руке, а левой косо и неумело перекрестился. Теперь звона в ушах уже не было. Морган в тишине хрипло дышал. Он все же стал подниматься. — Сидеть!! — Я выстрелил по лампе. Руку сильно толкнуло назад, но я попал! Стекланный абажур взорвался осколками. Морган откинулся к стене. В навалившейся ватной глухоте он зашевелил губами. Я разобрал:

— Ты чего хочешь-то? — Видно, он понял, что я и правда могу выпалить в него.

— Встань, Морган! — Голос у меня прорезался тонко и отчаянно. — Оба идите в коридор! Откройте кладовку! — И я отпрыгнул за порог. Издалека смотрел, как они вышли, оглядываясь, и двинулись к дверце с решеткой. Марлен ненатурально подвывала. Морган сказал через плечо:

— Ну, Гриня... ты понимаешь, что ты покойник?

— Не раньше, чем ты... — И я добавил, как охранник в гангстерском фильме: — Не разговаривать! Вперед! Делать, что сказал! — (Мне казалось, что я не сам действую и говорю, а будто смотрю такое вот кино. Или вижу сон...)

Морган откинул тяжелый засов. Оттянул дверь.

— В сторону! — велел я. И позвал: — Тюнчик, выходи.

Он опасно шагнул наружу. Не Тюнчик, а бледное привидение с черными от запекшейся крови коленями. Мимо меня к нему сразу прыгнул Пузырек, рывком оттащил в сторону.

— Марш в кладовку! — велел я Моргану и Марлен.

— Ну, Гриня, ну ты... — опять начал Морган.

— Марш! — И я пальнул мимо него в черную пустоту за дверь. Морган и Марлен разом съежились и юркнули в кладовку. В навалившейся опять глухоте я сказал: — Пузырек, закрой дверь, заложил засов.

Он прыгнул к двери. Налег на железную тяжесть всем телом. Грянул щеколдой.

Только тогда я оглянулся. Увидел бледные, размытые в желтом свете лица ребят. У всех были одинаково приоткрыты рты.

Я ощутил, как на меня валится вязкая усталость. Дернул плечами.

— Вы... вот что... Идите к себе и сидите тихо. Пока мы не уйдем... Не вздумайте сразу выпускать их... Зяблик, возьми под моим одеялом книгу, принеси... Шевелись!

Зяблик рысцой убежал, принес «Алые паруса», с которыми я не расставался. Протянул опасно, издалека, и сразу отскочил.

— Идите, ребята, — насупленно сказал я снова. Все попятись. Кроме Пузырька и Тюнчика. Им я велел: — Найдите на вешалке ваши куртки, оденьтесь.

Они сразу поняли.

Коридор от нашей «прихожей» отделяла обшитая жестью дверь, почти как у кладовки. И снаружи был такой же засов. Когда мы оказались за дверью, я придавил ее плечом, а засов плотно вложил в скобу. Я знал, что из подвала есть другой выход и что очень скоро пацаны выпустят Моргана и Марлен. И что будет погоня. Если не ради нас самих, то ради пистолета! Но несколько минут в запасе все же было.

Пузырек и Тюнчик стояли уже одетые. Я дернул с крюка свою куртку.

— Уходим...

Стоял конец августа, был поздний вечер, темно и звездно. И зябко.

Мы кинулись в сумрак переулков. И сразу нам повезло. По Стрелецкому проезду катил грузовой трамвай — открытая платформа с лебедкой. Ехал он медленно.

— Бежим! Скорее!

Мы догнали платформу, я посадил на задний борт Пузырька и Тюнчика, забрался сам. Никого здесь не было. Ми-

мо бежали назад фонари. Трясло. Из-за крыш выглянула круглая луна. Мы легли у дощатого ограждения. Я обнял пацанят за плечи.

— Ничего, ребята... Главное, что ушли...

Мы ехали долго. И спрыгнули, когда увидели впереди за поворотом арку трамвайного депо. Нырнули в боковую улицу. Здесь был район каких-то складов, бетонных изгородей, ангаров и пустырей. Стали пробираться по ямам, завалам и буеракам. Пацанята обдирали ноги в колючках, но я ничем не мог им помочь. Надо было скорее найти укрытие.

Наконец опять нам повезло. При свете луны мы увидели что-то похожее на круглую конуру. Это был короткий, вроде бочки, кусок бетонной трубы метровой ширины. С одной стороны его заслоняла стенка из гнилой фанеры, с другой — занавесь из дерюг. Наверно, это бомжи устроили себе временный приют, а потом оставили его. Внутри валялся дражный ватник. От него пахло не по-хорошему, но мы свалились на эту подстилку, будто на долгожданную постель. Тюнчик и Пузырек съежились, стали вздрагивать. Я велел им снять курточки, закутать ноги, а сверху укрыл своей распахнутой брезентовой ветровкой. Остался краешек — чтобы кое-как укрыться и мне.

Ребята быстро засопели (Тюнчик — со всхлипами), а я лежал и смотрел в просвет дерюжного «полога». Снаружи громоздились черные скрещенные балки, между ними царствовала белая луна. Будто одна она была на целом свете. И все казалось каким-то инопланетным, нездешним.

Но я думал о здешнем. Что делать дальше? Был бы один — проблем в сто раз меньше. А куда я с таким «семейством»? И осень на носу... Думал, думал, и ничего в голову не лезло, кроме «гриновского» варианта: «К морю...»

Утром я сказал голодным неумытым малькам:

— Вот что, парни. Будем двигать на Юг. К теплу. Сперва надо только подкормиться.

Я велел им умыться у ржавой трубы, из которой бежала чахлая струйка. Потом, на рынке у ближней товарной станции, мы выпросили у нескольких добрых дядек и теток деньжат («дайте на хлебушек, два дня не ели»). Купили три булочки

и банку фасоли в томате, которую я вскрыл карманным ножом. А еще — бутылку простой питьевой воды. Поели, записали. И пошли искать подходящий товарняк. Для начала — любой, лишь бы ехал хоть примерно в южную сторону. И здесь, казалось бы, нам повезло третий раз. Мы увидели, как по крайнему пути, среди бурьяна, движется состав. То есть его хвост. В самом хвосте была платформа, на которой громоздились желтые рулоны (похоже, что бумага).

— Догоняем!

Ехала платформа тихо, но и мы не могли бежать быстро: у Тюнчика плохо сгибались колени с засохшими коростами. Наконец я подхватил его на руки. Догнал платформу, поставил Тюнчика на буфер, потом толкнул через борт. Пузырек ловко забрался сам.

— Клим, скорее!

Но в этот миг я услышал:

— А ну стой, сукины дети!

Трое мужиков с карабинами, в сизых полувоенных куртках бежали за нами. Они бежали быстро, а платформа хотя и набирала ход, но все еще двигалась медленно. Ясно было — достанут.

...И опять стало как в кино или во сне. И звон в ушах. Я сказал:

— Ребята, не бойтесь, я вас догоню. — Задрал рубашку и вынул из-под брючного ремня пистолет.

Просто я не мог придумать ничего другого.

Надо было задержать их. Ведь, если поймают, загремим в приемник.

— Стойте, пожалуйста, — сказал я. Даже не сказал, попросил. Но пистолет направил на них.

— Ах ты... — Они заматерились на бегу, и один скинул с плеча карабин.

Я понимал: стрелять по пацанам они не будут, пугают. И хотел одного: рассчитать момент, когда я смогу догнать убегающую платформу, а они уже не смогут. Но тут стрелок жажнул в воздух, и у меня палец сам собой нажал на спуск. Пуля (слава богу) рванула землю в стороне от стрелков, между шпалами. Сам не зная зачем, я выпалил туда же, далеко

перед охранниками, еще два раза. Они остановились. Я оглянулся, увидел далекую уже платформу, лица Пузырька и Тюнчика, вцепившихся в дощатый борт. И в этот миг меня накрыла мягкая чернота...

ГЛАВА 4

До сих пор я не знаю, что это было. Или оглушили меня сзади, или какой-то непонятный обморок...

Я пришел в себя в больничной палате (потом оказалось — изолятор детприемника). Отлеживался пару дней, затем оказался в «группе временного содержания». Начались допросы-расспросы. Два следователя — лысый дядька в штатском и противно-ласковая тетка в ментухаевском мундире с погонами штабс-капитана вытягивали из меня: что и как... А я ничего и не скрывал! Все выложил. И про прежнюю жизнь, и про Моргана, и про Пузырька с Тюнчиком. Нажимал на то, что Морган, возможно, торгует пацанами для подпольной клиники. Следователи понятиливо кивали и переглядывались. Однажды дама в мундире шепотом сказала дядьке: «Маниакальный бред»... А еще я просил узнать, что стало с Пузырьком и Тюнчиком. Это меня мучило больше всего. Они опять кивали и обещали выяснить. Но не выяснили, перестали появляться.

Зато однажды пришли два строгих мужика в прокурорской форме и сообщили, что комиссия по делам малолетних нарушителей закона приняла на мой счет решение. Поскольку я оказывал вооруженное сопротивление представителям власти, меня следует поместить в спецшколу закрытого типа. Там будут меня учить и воспитывать до совершеннолетия, чтобы превратить в полезного для Империи члена общества.

Тут же они усадили меня в машину (я впервые ехал в такой роскошной, в «Нассахате») и отвезли в поселок Постышево, на территорию за колючей проволокой. Там стояло четырехэтажное школьное здание и несколько двухэтажных казарм.

Ну, в общем-то обычная колония для «мелкого народа», хотя и называлась школой. За проволоку не вздумай сунуться! Учиться заставляли всерьез (может, это и хорошо, мень-

ше скучаешь), за двойки попадало крепко. И всё — по струночке. На любой вопрос надо отвечать, как требует устав. А самому вопросов лучше не задавать. Вся жизнь, от подъема до отбоя, — по расписанию, в школу, в столовую — строем. Телевизор — только два раза в неделю. Зато работа в мастерских — маркировка упаковочных ящиков — каждый день...

Ну а внутри казармы власть была, конечно, у больших парней, у «генералов» — не поспоришь, не пикнешь. Но ко мне «генералы» относились неплохо. Да и другие ребята тоже. Поскольку я был Стрелок. Известия о моих приключениях просочились в школу. Попытка отбиться от ментухаев с помощью оружия (а охрана дороги считалась все равно что ментухай) выглядела делом геройским. И то, что я защищал не только себя, но и мелких пацанят, мне тоже засчитали в заслугу. В общем, понемногу привык я к такой жизни. Давила на мозги только жуть однообразия да еще тревога за Пузырька и Тюнчика: что с ними стало? Грызла мысль, что это я виноват в их несчастьях.

Плохо было и то, что потерялась книга «Алые паруса». Когда я очнулся в детприемнике, ее со мной не оказалось.

Конечно, в спецшколе была библиотека, но совсем не было времени и возможности, чтобы где-то спрятаться с книжкой, отвести душу. Иногда только на самоподготовке сунешь под учебник «Гека Финна» или «Человека-амфибию», малость расслабишься...

Учился я в шестом классе. Осень прошла и зима, весна подкатила. Весной тоска, она самая нестерпимая... В начале апреля я попробовал рвануть из школы. Думал — окажусь на свободе, помотаюсь по разным местам, узнаю, может быть, что-то про Пузырька и Тюнчика... Поймали меня почти сразу, в километре от школы, на автобусной остановке. Ну и... в общем-то ничего страшного. Начальник группы наемкнул «генералам», чтобы повоспитывали меня резиновым шлангом, но те ко мне отнеслись снисходительно (Стрелок же!), «учили» вполсилы, со смешками. Потом я отсидел трое суток в штрафном изоляторе (при этом разрешалось читать) и думал, что все обошлось.

Но в середине апреля меня вызвали к начальнику школы.

То есть отвели. Кроме начальника по прозвищу Турнепс (голова редькой вверх) там были двое не из школьного начальства. Оба худые, очкастые, в одинаковых гладких костюмах. — Господин начальник школы. Воспитанник группы номер шесть Климчук по вашему...

Турнепс махнул рукой: отставить рапорт. И сказал очкастым:

— Вот он, перед вами...

Один из незнакомцев проехался по мне очками и будто подвел итог:

— Значит, эта белобрысая бестия — тот самый Григорий Климчук...

«Кранты, Стрелок, — сказал я себе. — Поедешь в штрафной интернат на Белорыбье...» Об этом воспитательном учреждении, что на Белорыбинском озере в Северо-Замойском уезде, ходили жуткие слухи.

Второй, с гладкой блестящей прической, воткнул в меня взгляд очков, будто канцелярские кнопки.

— Твой отец — Юрий Львович Климчук?.. Можешь называть меня «господин инспектор».

— Так точно, господин инспектор. Юрий Львович Климчук.

— Что тебе о нем известно?

«А что вам от меня надо?»

— Он... работал в журнале, а когда мне было два года, его почему-то арестовали, господин инспектор. А год назад он... умер в больнице...

— Откуда тебе это известно?

— Я... это мне... — «Господи, я же сейчас выдам Михаила Гаврилыча!»

— От директора прежней школы ему это известно, — сказал «блестящеголовому» другой очкастый. — Тот зачем-то проинформировал юношу, перед тем как... ну, в общем, ясно...

Инспектор опять уставился «кнопками»:

— У тебя были какие-то связи с отцом?

— Никак нет, господин инспектор.

— А ты врешь, голубчик, — невыразительно произнес напарник Инспектора. — Ты получил от него письмо.

«Вот оно что!»

— Но... письмо... это же не связь... господин начальник. Я же не отвечал на него. Даже не знал, куда...

— А как попало к тебе письмо? — вдруг вмешался Турнепс.

— Я... был на прогулке во дворе, господин начальник школы. Меня сквозь решетку, то есть сквозь забор, окликнул какой-то человек. Сунул конверт и сразу ушел. Я его не запомнил, господин начальник школы...

— Конспиратор... — все так же невыразительно заметил Инспектор.

— Будешь выкручиваться — пожалеешь, — пообещал Турнепс.

— Никак нет, я не выкручиваюсь, господин начальник школы. Я говорю все как есть. Зачем мне выкручиваться?..

— А где письмо? — тусклые «канцелярские кнопки» на миг сверкнули, как ртуть.

— Я его... съел, господин инспектор.

Все трое одинаково мигнули. Напарник Инспектора не поверил:

— Что за бред!

— Никак нет, господин начальник. По правде съел. Честное слово...

— Зачем?! — почти крикнул Инспектор.

— Я... не хотел, чтобы оно... чтобы кто-нибудь другой его увидел. Стали бы лапать, разглядывать. А оно... было мне дорого... — Я даже не добавил «господин инспектор».

Кажется, у меня получилось правдоподобно. Однако они не поверили. Напарник Инспектора даже усмехнулся.

— Наверняка директор наплел мальчишке, что в письме какая-то опасность.

— Никак нет, господин начальник! Михаил Гаврилович даже не знал про письмо!

— Молчать, когда не спрашивают! — рявкнул Турнепс. — В изолятор захотел?

— Виноват, господин начальник школы.

Инспектор спросил:

— А что было в письме?

Я ответил не сразу... В письме не было ничего про посто-

ронных. Никаких чужих имен, адресов, дат. Ну, ничегошеньки такого, что могло кому-то повредить. Опасность могла быть в самом факте, что *письмо есть*. Ну, может, в отпечатках чьих-то пальцев на гладком листе, в начертании букв, в цвете бумаги или чернил, в конце концов... Но никак не в словах! Что там? Секретные данные про kota Юшика? И я решил, что нет смысла отпираться. Тем более что я отчаянно боялся. До боли в животе. От двух очкастых незнакомцев исходила какая-то замораживающая душу угроза...

Турнепс рявкнул опять:

— Ты что молчишь, как заткнутый! Отвечай!

— Виноват, господин начальник школы. Я вспоминаю... Да, я помню всё. Даже наизусть...

— Вот как! — обрадовался Инспектор. — Ну, излагай. — Он шевельнул на краю стола блестящий аппаратик. Видимо, диктофон. И я... стоя навывтяжку и глядя мимо всех лиц, стал излагать.

Едва я начал говорить, сделалось тошно. Стало понятно, что я предаю отца, себя, свое тайное имя Грин, самого писателя Грина... и вообще все хорошее... Даже kota Юшика (а он мне здесь, в школе, стал сниться иногда; будто приходит в темноте большой ласковый кот, укладывается у меня в ногах, урчит негромко, и я знаю, что это именно Юшик). Но я не мог остановиться. Слова выскакивали сами собой, их подталкивал сидящий во мне страх... И когда я кончил говорить, то не выдержал, побежали слезы.

Инспектор пренебрежительно сказал:

— Довольно, пусть идет... — И дежурный воспитатель сопровождал меня в казарму.

Я шел как оплеванный. Пробовал успокоить себя: «Никого же я не выдал, никому ничем не повредил...», но все равно тошнило от липкого отвращения к себе. Однако было и какое-то облегчение. От надежды, что теперь оставят меня в покое. Ведь я же сказал все, что знал! Почти...

Напрасно я надеялся.

Меня стали вызывать на допросы раз за разом. Заставили написать от руки содержание письма. Велели глотать горькие

таблетки, от которых наступало полное разжижение в мозгах и в теле, когда нет возможности хитрить и что-то скрывать. Так я признался в конце концов, что да, директор интерната предупредил меня про опасность письма. И что именно он отправил меня на встречу с тем, кто это письмо принес...

Впрочем, директор мало интересовал Инспектора и его напарника. Интересовали я и текст письма. Допытывались, не упоминались ли в строчках слова «ключ», «пароль», «информация», «адрес». Я клялся, что ничего такого не было.

— Я же все сказал, до последней буквы!

— В буквах твоих есть нестыковочки, — терпеливо разъяснял инспектор. — Когда ты читал письмо наизусть, то в песенке у тебя было: «Купил нам папа елочку», а в письменном варианте: «Принес нам папа елочку».

— Но, господин инспектор, это потому, что я не помню точно. Могло быть так и так!

Здесь я врал. По правде-то было: «В лесу нашли мы елочку...» Такую крохотную неточность я сохранял в себе, будто какое-то последнее оправдание. Понимал, что никакой роли она не играет, но было ощущение, что если обману дознавателей хоть в этой малости, значит, не самый полный предатель, значит, есть какой-то просвет...

— Я правда не помню! Я же не знал, что это важно!

— Здесь всё важно, Григорий Климчук... А что за мотив песни «Уралочка»?

— Спортивная песня, иногда поют по телику...

— Спой.

— Я... не умею петь, господин инспектор.

— Ты мне еще поломайся. Запоешь сейчас, как звезда эстрады, — пообещал Турнепс.

Что делать, я запел, давась от стыда, марш спортивного клуба. Инспектор выслушал один куплет, поморщился:

— Да, не Карузо... Ладно, в общем, ясно... Иди...

Но и это был не конец. Они меня вызывали снова и снова, выскребали до самого дна. Допытывались, не помню ли, хотя бы смутно, подробности домашней жизни. Выспрашивали про тетю Анюту. Про ее последнюю встречу со мной. И снова заставляли читать наизусть письмо и писать его карандашом...

А один раз я, кроме знакомых следователей, увидел еще одного, в белом халате. Он скучным голосом велел:

— Разденься до трусов и майки.

Я обмер, но спрашивать «зачем?» не посмел. Этот дядька (я назвал его про себя «Эскулап») раскрыл чемоданчик, там оказался прибор со стрелками и проводами. Эскулап велел сесть, прицепил ко мне всюду холодные присоски. Снова мне приказали читать наизусть письмо и смотрели, как ползет из чемоданчика бумажная лента с зубцами. «Детектор лжи», — подумал я.

Эскулап просмотрел длинную бумагу, пожал плечами.

Инспектор сказал напарнику:

— Значит, нужны иные меры. Завтра...

Назавтра меня повезли куда-то из школы. Куда, я не знал, окна фургончика были зашторены. Воспитатель нашей группы по прозвищу Скрипач каменно молчал. Мы подъехали к серому казенному дому, меня ввели в комнату вроде медицинского кабинета. Скрипач остался снаружи. Внутри оказались Инспектор, его напарник и снова мужчина в халате, но не Эскулап, а незнакомый. Присоски ко мне теперь цеплять не стали, приказали сесть на табурет у стенки.

Инспектор, блеснув глазами-кнопками, доверительно сказал:

— Тебе, Климчук, полезно посмотреть, как разговаривают с теми, кто пытается что-то скрыть.

Меня дернуло ознобом.

— Но, господин инспектор... Я же все... что помнил...

— А надо, чтобы вспомнил побольше... Сиди, сиди...

У другой стены стоял белый стол с приборами. Вошла женщина, похожая на инспекторшу детприемника — с привычно добродушным лицом. Села, придвинула бумаги. Оглянулась на дверь.

— Давайте мальчика...

В дверь быстро (будто его подтолкнули в спину) шагнул мальчишка. Чуть помладше меня. Босой, с торчащими, как сосульки, мокрыми волосами, с приоткрытым ртом. Он был в порванных джинсах и грязной белой майке. На миг мы встретились взглядами, и в глазах у мальчишки было... бы-

ла... какая-то совершенная безнадежность, полное прощание с белым светом. Дядька в халате шагнул к нему, но женщина помахала пальцем:

— Пока не надо, Яков Яковлевич. Мы поговорим попросту. Теперь Саша будет отвечать откровенненько, без хитростей. Мальчики должны быть честными. Верно, Саша? — Она глянула на стену, где в раме под стеклом висел портрет кудрявого пацаненка — императора Андрея Первого (ныне усопшего). И опять на обмякшего мальчишку.

Он то ли вздрогнул, то ли икнул:

— Я ведь и так... Я всё...

— Конечно, конечно. Только нужно, чтобы ты *совсем всё*...

— Я совсем... я правда...

— Хорошо, хорошо... Значит, ты говоришь, что не знаешь тех ребят?

— Я правда не знаю! Только рыжего видел один раз у зоопарка, случайно! Я правду говорю!..

— Ох, правду ли?

— Да! Ну, зачем мне врать? Я ведь все равно уже сказал, что вы хотели! Я же признался, что это я позвонил про бомбу! Это не я, но если вам надо, пусть я...

— Вот видишь, ты опять...

— Ну, я, я!.. Только, пожалуйста... Я больше не буду!

— Ты изрядный путаник, Сашуня. Вчера говорил одно, сегодня другое... Давай по порядку. Я стану спрашивать, а ты отвечай: да или нет...

Мальчик опять крупно вздрогнул и закивал.

— Ты был с ребятами у киоска газеты «Имперский вестник», когда он загорелся?

— Да!

— Ты принимал участие в поджоге?

— Нет!.. То есть да!.. Надо обязательно отвечать «да»? Вы скажите...

— Ты звонил в школу о бомбе?..

...В этом разговоре было что-то обморочное. Я перестал понимать содержание. «Да... Нет... То есть да, да... Я больше не... Я не хотел... Я же всех назвал, кого знал...» Мне казалось, что прошло не меньше часа...

Дядька в белом халате поморщился и сказал:

— Инна Порфирьевна, мне кажется, что уже...

Я увидел, что мальчик Саша сейчас упадет. И опять на секунду встретился с ним взглядом. Во взгляде этом была (или мне показалось?) мольба о помощи.

А что я мог сделать? Я сам был такой же...

Гад в халате мельком глянул на меня и потянулся к мальчишке.

— Не надо... — выдал Саша.

Инна Порфирьевна опять подняла палец.

— Да, голубчик Яков Якович, подождите. Мы еще не кончили...

Саша вдруг повалился на колени.

— Ну, пожалуйста! Я же все сказал!.. Я еще скажу, что хотите! Все, что надо!.. Ну, я же сдаюсь! Я абсолютно сдаюсь!.. — И съезженно замер.

Господи, что они хотят с ним сделать?

И со мной...

Ужас мальчика Саши стал вливаться в меня.

Все с полминуты как-то выжидательно молчали. Потом Инспектор улыбнулся мне почти по-приятельски.

— Видишь, дорогой мой, как бывает, если *плохо вспоминают*...

Ужаса не стало. Будто что-то вмиг сгорело внутри.

С отчаянной, резкой, как боль, тоской я пожалел, что сейчас у меня нет пистолета. Эх, если бы как тогда, в подвале у Моргана!..

Я встал.

— Вы не люди... Чтоб вы сдохли, сволочи! — Схватил двумя руками и взметнул тяжелый табурет...

И опять мягкая тьма, как тогда, на рельсах, накрыла меня, заслонив от всего на свете.

...Больше меня не допрашивали. И даже ничего не сделали за мою ругань, за отчаянный замах табуретом. Я сутки пролежал в медицинском изоляторе. Потом пошло все по-прежнему. Двадцать пятого мая закончилась учеба в шестом классе. А на следующий день был разговор с Мерцаловым про ампулу и приказ собираться в дорогу.

Что дальше — я уже рассказывал...

И все это я без утайки поведал новым друзьям в Инске, когда Май попросил рассказать о главном. Там, на берегу, у костра. Я говорил, говорил, а Света, Май и Грета стояли, взявшись за руки, слушали и не перебивали...

— Ну вот... всё... — Мне показалось вдруг, что я один на пустом берегу. Будто ребята отодвинулись далеко-далеко. Но это лишь на секунду. Нет, вот они, рядом! И Грета почему-то держит меня за локоть.

— Грин... Ты не обижайся, но, пока ты рассказывал, у Мая в мобильнике работал диктофон. Все записалось. Если хочешь, мы сейчас сотрем...

Я не знал, хочу ли я.

— А зачем вам... все это?

— Но ведь надо же что-то делать! — воскликнула Света.

— Что? — туповато спросил я.

— Много чего... — отозвался Май. — Тут сразу и не сообразишь...

— Жаль, что Витя ушел, — сказала Грета. — Ну, ничего. Сейчас позвоним...

Часть четвертая

ПЕСКИ И ПАМЯТНИК

ГЛАВА 1

Лыш не знал никаких научных терминов и выражений. Не запоминал их. Там, где образованные люди сказали бы: «Данные факты вызывают у меня цепь непредвиденных ассоциаций», Лыш изъяснялся проще: «В голове — опять завязочки»...

В тот день особых завязочек не было. Ну, подумаешь, встретил парня Валерия (студента, кажется), с которым у них стыковка насчет Песков! Что особенного, если у людей случаются одинаковые сны (тем более что в общем-то и не сны это)? А на белобрысого мальчишку по имени Грин Лыш сперва не обратил внимания. Решил, что это новичок из отряда сестрицы-командирши. И лишь в сумерках, когда летел домой, что-то шелкнуло в мозгах у Лыша. Он в один миг понял... нет, почувал... нервами ощутил: что-то здесь есть. Какая-то завязка, где в одном узелке Валерий, Грин, он (то есть Лыш) и странное, рассеянное в вечернем воздухе беспокойство.

Это требовало разгадки.

Прискакав домой, Лыш сжевал круто посоленную горбушку, запил молоком из холодильника и сел на табуретке в позе размышляющего йога. Он и правда размышлял. Мама сказала:

— Почему не поужинаешь по-человечески? На плите гречка и сосиски.

— Не-а. Пусть Гретхен их ест... Но она тоже не будет, бережет фигуру.

— Только мои нервы никто не бережет, — пожаловалась мама. — Кстати, где эта особа?

— Грета унд Света шпацирен, — доложил Лыш, который в третьем классе начал изучать немецкий язык.

— Позвони ей, пусть немедленно идет домой. Иначе я... не знаю, что сделаю.

Лыш выволок из кармана похожий на мыльницу мобильник.

— Генриетта! Мама сказала, что, если сию минуту не придешь, она оторвет тебе голову!

— Не говорила я этого! — жалобно возмутилась мама.

— Она не говорила... но оторвет... Что?.. Ма-а, она сказала, что, пока не пришла, оторви мне... Но я сейчас занят, я иду ночевать к Веткиным.

Веткины были Света, Май и все их большое семейство.

— Еще не легче! Зачем?

— Дела...

— Только тебя там и не хватало! У них повернуться негде, шестеро детей!

— Сейчас, наверно, даже больше. Но повернуться есть где. Толь-Поли построили вигвам, я лягу с ними.

— И что это за дела на ночь глядя!

— Те, что надо обсудить...

— Скорей бы вернулся отец, взялся бы за ваше воспитание.

Отец по контракту работал на норвежской нефтяной платформе.

— Ему будет некогда. Ты заставишь его делать ремонт.

— Тогда я сама в конце концов возьмусь...

— Тебе тоже некогда. У тебя курсы...

— Ох, верно. Мне надо еще три английских страницы перевести.

— Лучше посмотри телик, там сериал «Бразильская теща». А страницы я тебе завтра переведу...

— Что-о? Ты знаешь английский?!

— А чего такого? — сказал Лыш.

— Когда ты успел?

— Ну... я не специально. Как-то само. То в Информатории, то на британском канале...

— Ну-ка, скажи что-нибудь по-английски.

Лыш поморщил лоб и произнес фразу, из которой следовало, что сейчас ему пора убежать, а завтра он готов оказать

любимой маме всяческую помощь. Произношение было ужасное, но по содержанию вроде бы все верно.

— Чудовище, — простонала мама. — Почему же у тебя в школе-то одни тройки?

— Но там же не спрашивают английский. А таблицу умножения выучить все некогда. И зачем она, когда есть калькулятор?.. Ма-а, я поехал...

На крыльце Лыш тихонько свистнул. Тонконогий стул выбрался из кустов сирени, подскочил к ступеням.

— Хороший мой Росик, — шепнул ему Лыш. — Ну, давай. Напрямую, через заборы...

В доме Веткиных светилось только одно окно. Кстати, открытое. Лыш спрятал Росика за поленницу, подошел к окну. В большой комнате, у выключенного телевизора, сидели в одном обширном кресле Май и Света. Склонились над коробочкой Мая. Лыш ногтем стукнул по стеклу.

— Это я...

— Лезь, — не оглядываясь, позвала Света.

Лыш неуклюже, но проворно преодолел подоконник, потурецки сел на половик перед креслом.

— Чего хочешь? — сказала Света. — Чаю с вареньем или сока?

— Ничего... — вздохнул Лыш.

Тогда Май попросил:

— Лыш, скажи. Гравитация зависит от напряжения хронополя?

— Че-во?

— Ой... Ну, сила тяжести зависит от напряжения времени?

— Конечно! А то как бы стулья летали...

— Да, верно... А сколько стульев надо, чтобы удержать в воздухе миллион тонн?

— Ни фиги себе!

— Ну а все-таки? — терпеливо сказал Май.

— Считать надо. Включи калькулятор... Вот... Мой Росик поднимает меня и может еще двоих таких же, как я. Это примерно сто кэгэ. Миллион разделить на сто... Ты включил?

— Можно без калькулятора. Десять тысяч, — сказала Света.

— Ну вот... Тут надо полтайги на мебель извести, — обиделся за земную растительность Лыш. — Да еще не всякий стул годится... Вам такое дело зачем?

— Май хочет соорудить Всемирный Храм. Это должен быть литой шар из стекла, метров сто диаметром. Человеческие души будут проникать в него, как свет... и сами делаться светлыми.

— Не хило... — отозвался Лыш. Он уважал грандиозные проекты. — А зачем эта... антитяжесть-то?

— Потому что шар... храм то есть... должен висеть в высоте, — слегка стесняясь, объяснил Май. — Где-нибудь над полем или над озером...

— Или над Песками, — вставил Лыш. Май и Света кивнули, решив, что он про обычную пустыню.

— Да, если туда проведут дороги... — согласился Май.

Лыш размышлял с полминуты.

— А где взять столько стекла?

— Я уже думал... — сосредоточенно сказал Май. — Миллион тонн — это миллиард килограммов. На земле шесть с половиной миллиардов человек. Если хотя бы каждый шестой принесет килограмм стекла...

— Это сколько же бутылок надо найти! — вырвалось у Лыша.

— Ох, Лыш, — сказала Света. — Мы серьезно, а ты...

— И я серьезно... А бутылочное стекло и не годится. Оно мутное.

— Можно найти химические вещества, чтобы оно при переплавке стало прозрачным, как хрусталь, — упрямо сказал Май.

Лыш потер наморщенный лоб:

— А как сделать такой шар? Его ведь надо отливать...

— Ну да! — оживился Май. — Если убрать силу тяжести, это будет легко. Надо построить высокую, будто башня, печь, расплавить все стекло и выпустить его в пространство. В невесомости всякая жидкость принимает форму шара, это космонавты сто раз доказали... Вот и получится... А потом шар застынет.

Лыш озабоченно сказал:

— А если они не захотят?

— Кто? — удивилась Света.

— Что не захотят? — насупился Май.

— Миллиард людей. Ташить стекло...

— Ну... главное начать, — отозвался Май не так уже уверенно. Видимо, это сомнение было и у него. — А самое главное — это все-таки как убрать тяжесть...

Лыш взял себя за голову, покачался.

— Стулья тут не помогут. Нужна прямая энергия многих башен и пирамид...

— Это как в игре «Красные пески», что ли? — недоверчиво сказала Света.

— Это не игра, — нахмурился Лыш. — Многие думают, что игра, будто кто-то запустил ее по всем компьютерам. А это... что-то просачивается. По правде...

— Ты уверен? — тревожно спросила Света.

— Еще как...

— Ладно... — со сдержанным нетерпением заговорил Май. — Может, это и лучше. Лыш, а как управлять такой энергией?

Лыш пожал тощими плечами:

— Может, как в игре?

— Но там чушь какая-то и путаница! — вскинулась Света. — Бредут куда-то, катают по плитам какие-то шары, ищут их в песке...

— Не какие-то, а те, что ищет Гретхен, — отозвался Лыш. — Их не катать надо, а спускать в глубину этих... всяких сооружений. Тогда время делается послушной...

— Но Грета говорит, что это тоже игра, — напомнила Света. — Их, отрядная. И следопытство...

— Иногда она говорит наоборот... — неохотно отозвался Лыш. И сменил разговор: — Грин у вас?

Света слегка удивилась вопросу:

— Конечно. Только он уже спит.

— Вы не спите, а он спит? — усомнился Лыш.

— Не веришь? Посмотри сам. — Света кивнула на дверь.

Лыш спустил ноги с табурета. Не верить было нехорошо, но любопытство пересилило. Он осторожно подошел к открытой двери. В комнате на столике между кроватями горел желтый ночничок. Свет слабо отражался от потолка. На

кровати с откинутым одеялом, разметав руки-ноги, спал вверх лицом светлоголовый мальчик Грин. Видно было — умаялся за день. Узелки-завязочки потуже затянулись в голове у Лыша. А тут еще Май со своим шаром. И что к чему?..

Оглянувшись через плечо, Лыш сказал:

— Жалко... Я с ним поговорить хотел. Узнать...

— Ты, если хочешь, можешь и так про него много узнать, — утешила Света. — Он рассказывал, а мы записали это на «коробочку». Сейчас будем скачивать Вите, договорились уже. Будешь слушать?

Лыш кивнул. Май протянул ему крохотный шарик-наушник на тонком проводе...

Запись истории мальчика Грина тянулась минут сорок. Когда закончилась, был уже двенадцатый час. Лыш все выслушал молча. Никаких суждений не высказал, протянул Свете наушник.

— Я пойду спать к «индейцам». Дайте какое-нибудь одеяло...

Света принесла большущий клетчатый плед и диванную подушку. С этим имуществом в охалке Лыш отправился в сад, где темнел конус обширного вигвама. Лыш сунулся внутрь.

— Эй... можно к вам?

Толя-Поля не спали. Разом обрадовались:

— Давай!

Лыш, тихонько сопя, устроился между плетеной стенкой и Толей. Приготовился дремать и в этой дреме обдумывать все, что узнал. В состоянии полусна размышления — самые дельные и полезные. Но Поля спросила:

— Ты на Росике приехал?

— А на ком еще...

— Лыш, покатай! — выдохнули Толя-Поля.

— На ночь-то глядя... — отозвался он маминым тоном.

— Ну Лы-ыш...

— Только недолго...

— Ага! — близнецы радостно выкатились наружу.

Круглое сиденье было небольшим, но все же устроились втроем. Полю Лыш усадил перед собой, она спустила ноги

из-под спинки. Толя пальцами встал на кромку сиденья позади Лыша.

— Росик, не сердись, что тяжело, — попросил Лыш. — Мы недалеко...

Росик не сердился. Взлягивая ножками, он обвез седоков вокруг сада, потом скакнул через забор, прокатил по темной заросшей улице, где одуряюще пахло сиренью. Прыгнул обратно в сад. Прочно встал на четыре ноги: хватит, мол.

— Спасибо, Росик! — дружно сказали Тополята, а Лыш погладил его по спинке. Росик убежал в кусты.

Когда легли, Толя спросил:

— А почему ты, Лыш, назвал его Росиком?

— Сокращенно от Росинанта. Это был конь Дон Кихота.

— Ты читал про Дон Кихота? — изумилась Поля. — Такая толстенная книга...

— Я тонкую читал, пересказ для младших классов. И кино смотрел...

Опять подал голос Толя:

— Я тоже смотрел... Но ведь Росик не похож на Росинанта. Тот старый и костлявый...

— Зато он очень преданный. И Росик преданный, он мой друг... Все стулья удирают, едва отвернешься, а этот привязался навсегда. Ни разу меня не бросал...

— Может, потому, что в давние времена на нем сидел такой же мальчик, как ты... — догадливо сказала Поля.

— Может быть... Спим.

— Ага... — согласились Толя-Поля и послушно засопели.

Лыш тоже стал засыпать и при этом думать про «давние времена».

...Он увидел Пески. Их плоская красноватая поверхность была приглажена ветром. Но приглаженность выглядела не совсем ровной, а мелко-ребристой, будто стиральная доска, которую мама берегла в память о бабушке.

Кое-где из-под песка виднелись мраморные плиты со стертými письменами. Иногда в поле зрения торчали самые неожиданные предметы: мотоцикл без переднего колеса, безголовая статуя какой-то тетеньки, белый конский череп, мятый холодильник, зубчатое колесо великанских размеров,

хвостовое оперение самолета... Солнце светило с блеклого неба размытым неярким пятном, но тени от предметов были четкие и черные. При этом — удивительные. Мотоцикл был с двумя колесами, статуя с головой (и волосы ее развевались), вместо холодильника чернел на песке мохнатый медведь, вместо колеса — громадное число 908...

Сухой жар солнца был крепким, но не изнурительным. И тяжести чугунного шара Лыш не чувствовал, потому что не тащил его на плече, как раньше, а вез на Росике — держал на сиденье перед собой. Ехать было легко. Лыш, как обычно, сидел задом наперед, грудью к спинке стула, чиркал носками сандалий по песчаным гребешкам (он слышал где-то, что эти гребешки называются «свей» — ветер *свеял* песок в мелкую рябь). Ножки Росика иногда увязали в песке, но он выдергивал их и потом легко, по-жеребачьи, скакал, будто по травянистой лужайке.

Лыш левой рукой держался за спинку, а правой придерживал перед собой чугунный шар. Но делал это машинально. Думал он о другом шаре. О том громадном и прозрачном, что висел впереди над Песками, как хрустальная планета. Шар весил миллион тонн. И в то же время он был невесомым, потому что составлял часть пространства. Так погруженная в воду капля внутри этой воды не весит ничего. Лыш ощущал это и не удивлялся. Он просто радовался, что круглый Храм, оказывается, уже есть, что Май сумел сотворить его так быстро и что его, Лыша, знания про Время и невесомость здесь пригодились...

Шар в небе становился то почти невидимым, то наполнялся переливами света. В нем обнаруживались прозрачные слои, стеклянные изломы, на которых загорались миллионы искр. Хрустальные миры пронизывали тонкие, как струны, лучи.

«Может быть, это лучи людских душ, о которых говорил Май?» — мелькнуло у Лыша. И он метнул в прозрачность Шара *свой* луч. И сразу ощутил, как легко ему стало. Пропала память о всяких обидах и неудачах. Исчезла боль в суставах. Она и раньше почти не замечалась, потому что была постоянная и привычная, а сейчас вдруг по-новому проткнула, потрянула Лыша и... пропала совсем (неужели навсегда?) Ощу-

тилось ясно и с особой силой, как он любит всех: маму, отца, Грету (хотя та и вредничает порой), всех ребят (в том числе и почти незнакомого Грина). И вообще всяких людей тоже... И даже учительницу Эльзу Генриховну, которая вкатала ему «трояк» по немецкому за год...

«Спасибо», — сказал Шару Лыш... И увидел впереди шагающего человека. Тот шел навстречу. Он был с посохом, в широкой, как балахон, белой куртке и в похожей на морскую зюйдвестку шляпе. Шагал молодо, легко. Лышу сперва показалось, что это знакомый. Уж не тот ли Валерий, с которым повстречались накануне? Но, когда путник подошел, стало видно, что он пожилой. Лицом и правда напоминал он Валерия, но это был словно его отец или дед.

— Таа-ха, лана-кассан а лана-то, — чуть улыбнулся путник. («Привет тебе, юный всадник на маленьком коне».)

— Итиа танка, ната хоокко. («Прохлады тебе, добрый путник».)

— Тта токко-сата? («К Пирамиде?»)

— Тта иа («К ней»), — согласился Лыш, поскольку и правда держал путь к пирамиде, что черным треугольником торчала у горизонта.

И дальше они говорили все на том же языке.

— Как дела в городе Ча, мальчик? — спросил путник, опершись на посох.

— Не знаю, добрый странник, — смутился Лыш. — Я там не был тысячу лет.

Человек в зюйдвестке опять слегка улыбнулся:

— Ты ошибаешься, мальчик. Лет прошло не так уж много, и к тому же пески стирают их... Впрочем, это неважно... Скажи, ты уже бросал в Пирамиду шары?

— Бросал, добрый странник. И не раз... Может быть, поэтому... то есть немножко и поэтому... появился Большой Шар... — Невольная горделивость скользнула в голосе Лыша. Впрочем, чуть-чуть. Оба посмотрели на хрустальное чудо, которое теперь было главным в мире. Путник снисходительно согласился:

— Может быть, и так... Но сегодня ты хочешь бросить шар с другой целью?

Лыш до этого мига не думал, *зачем* он хочет бросить шар.

Он собирался сделать то, что делал уже не единожды, когда оказывался в Песках. Он поступал так — преодолевал знойный путь, подымался по каменным ступеням и посылал круглую тяжесть в глубину таинственных механизмов — потому что это было *надо*. Его сестра и ее ребята-следопыты старались делать в Инске что-то похожее, но Лышу казалось, что это не всерьез, а отголосок просочившейся откуда-то игры (как забава ребятишек-дошкольников, насмотревшихся кино про короля Артура и мастеровивших себе картонные щиты). А здесь, в Песках, это было *главным смыслом*. И зачем думать «зачем»?

Но сейчас, когда путник в широкой шляпе напомнил ему про город Ча, многое вдруг стало видеться по-иному и вспомнилось подробно.

ГЛАВА 2

В этом городе Лыш был вовсе не Лышем, а сиротой по имени Кки. И старше, чем сейчас. И не с темным ежиком жестких волос, а светлоголовый... как нынешний почти незнакомый Грин...

А город был молодой. Поставили его лет десять назад люди, которые долго отступали под напором другого, более сильного народа, уходили караваном в неведомую землю. И вот недалеко от моря оторвались наконец от преследователей, нашли подходящее место, построили дома и крепость.

...Дети сидели на внешнем гребне Стены, свесив ноги и постукивая сандалиями по камням. Здесь было тихо. Голоса не долетали, и спокойное море не шумело под обрывами. Щелканье твердых подошв об известняк было единственным громким звуком. Вечернее солнце грело спины.

Сидеть вот так и качать ногами над запретной землей — занятие само по себе приятное, от него сладковато обмирает душа. Но сейчас оно не было главным. Главной была игра в «махалки-леталки». Кки, Рыбка Или и Мышонок Олики отщипывали от куска влажной глины кусочки, скатывали из них шарики размером с вишню и насаживали на концы оре-

ховых прутьев. Сильный взмах — и шарик улетает в дальние дали. Потерявшись из глаз, падает в нетоптанные травы Чужого поля. И ты словно улетаешь за ним, причем полет этот замирательный и долгий, потому что упругая сила согнутой ветки как бы растягивает время, а того, кто летит, лишает тяжести...

Чтобы и правда не улететь (точнее, не слететь вниз), левыми руками они цеплялись за щели ракушечных брусьев, из которых был сложен гребень...

— Я — дальше всех! — задиристо сказала тошая, похожая на мальчишку Рыбка Или и приготовилась к спору. Кки снисходительно промолчал. Он был старше Рыбки и Мышонка почти вдвое: им шел восьмой год, а ему весной стукнуло двенадцать. Мышонок тоже молчал. Он был неловкий и понимал, что хвастаться бесполезно.

Чтобы приободрить Мышонка, Кки сказал:

— Олики сегодня тоже хорошо кидает. Гораздо лучше, чем раньше.

— Ф-фы, — сморщилась Или.

— И ничего не «фы», — сказал Олики и придвинулся к доброму Кки.

Наконец глина кончилась, остаток разделили на три порции. Последние шарики, мелькнув на солнце, улетели далеко за крепостной ров. Кки отложил прут-махалку, потянулся и вскочил. Качнулся. Или ойкнула. Олики вцепился в его щиколотку.

Кки засмеялся и прыгнул на утоптанную толщу стены. Белые волосы его взлетели и опять унали на уши. Малыши прыгнули следом (Олики при этом упал на корточки).

Когда люди Каравана строили заслон, они из пиленых известковых брусьев сложили две стены — каждая толщиной в рыбачий аршин. Промежутки между стенами — шириной в пять шагов — завалили глыбами ракушечника, засыпали щебенкой, песком и землей. Над утрамбованной полосой с двух сторон оставили каменное ограждение — взрослому воину по пояс, Кки по грудь, Рыбке и Мышонку по самый подбородок. Так и получилась могучая и неприступная Стена. Длина ее была полторы тысячи шагов. На севере Стена упиралась в скалистые откосы Буковой горы, на юге уступами

спускалась к морю. Там, у самой воды, стояла Квадратная башня. На ее верхней площадке после заката зажигали костер, чтобы рыбацьи лодки и грузовые лайбы в сумраке не потеряли пристань.

Отсюда, с середины стены, был виден лишь самый верх башни с зубчатым ограждением. Пристань же совсем пряталась за кромкой берега. Зато хорошо различима была мощенная квадратными плитами дорога, что вела через каменистую пустошь к городу.

Сам городок восточным краем примыкал к стене, а с других сторон опоясан был приземистым валом. Белые домики в окружении жидких виноградников рассыпаны были по склону холма. Невысокое, зависшее над холмом солнце освещало рыжую черепицу и серые сланцевые плитки плоских крыш.

Скоро солнце совсем уйдет с неба. Смотришь на его уход, и кажется, что оранжевый шар прячется за ближнюю холмистую складку земли. Но Кки знал (да и малыши знали), что за невысоким перевалом еще много обитаемого пространства. Там долина с рощами и обширными полянами, она тянется до Реки. А за Рекой... там, говорят, тоже обычная земля — луга, холмы, и лишь дальше начинается То, Где Ничего Нет. Именно туда и прячется на ночь солнечный шар. Хотя все это непонятно. Ведь Там, Где Ничего Нет, шар должен исчезнуть. Как же утром он появляется вновь? Да еще появляется с другой стороны — из-за края Чужого поля! Или каждый раз это другой шар?

...Впрочем, сейчас Кки не размышлял о загадках мира. Мысли его и желания были просты.

— Идем домой. Хочется есть.

По стене между гребней шла широкая тропа. Мышонок Олики и Рыбка Или послушно зашагали по ней. Рядышком. А Кки — в нескольких шагах позади. Шел и смотрел на малышей. Со спины они были похожи на двойняшек — оба темноволосые, коричневые, щуплые. В куцых ребячьих юбочках из серой холстины с широкой бахромой вокруг бедер. У Или только одно отличие: девчоночье ожерелье из мелких ракушек. И шагала Или вертляво, с заметной нетерпеливостью. А Олики прихрамывал. Когда-то, еще во младенчестве, он сильно повредил ступню и с той поры при ходьбе припа-

дал на левую ногу. Потому и прозвище — Мышонок. Известно ведь, что мелкие полевые мыши любят вставать на задние лапки и при этом ковыляют на них, как смешные человечки... А Или была верткая, резвая и плавала среди прибрежных камней лучше всех своих приятелей и приятельниц.

И на суше была она неутомнее многих. Вот и сейчас оставила Мышонка, ускакала вперед, присела у ракушечной глыбы — будто нашла что-то.

И правда нашла!

— Олики, смотри! У-у-у! Ы-ы-ы! — И к нему!

Олики обмер на миг. Заорал. Бросился назад, чуть не сбил Кки. Потерял сандалию, запнулся, растянулся на утоптанном гравии. Сел, съежился, заслонился ободранными лапками.

— Не надо! Уйди! Кки, чего она!..

Было отчего удариться в панику. Особенно боязливому Мышонку. Или с ехидной улыбкой несла за лапку черного паука-мохнатку. Громадного, величиной с кулак! Такие страшилища встречаются нечасто, живут они в каменных щелях и лишь изредка вылезают на солнышко. Они не ядовитые, но кусачие и злые.

Олики наконец заверещал так, что ушам стало шекотно. Зажмурился, брызнули слезы. Он, видимо, и ушибся крепко к тому же.

— Рыба, не смей! — гаркнул Кки со всей строгостью и полным правом старшего. И не просто старшего, а того, кто появился на свет еще в пути, в Караване — в отличие от этих малявок, родившихся уже здесь, в городе Ча.

Или сразу усохла, перестала улыбаться.

— Он же неправдашный! Я из травы слепила... чтобы попугать...

— Игрушечки... — проворчал Кки. Теперь он и сам видел, что мохнатка сделана из комка сухих водорослей с лапами-стебельками. Но на первый взгляд — будто настоящая.

Олики стыдливо сопел и моргал мокрыми ресницами. Потом взвизгнул, сжал кулаки. Бросился к девчонке.

— Дура, блин какашкин! Убью!

Никого бы Мышонок не убил, он и стукнуть-то не умел как надо. Но виноватая Или струхнула. И бежать! Олики,

сильно хромая, — за ней. Добежал до оброненной сандалии, схватил, в ярости запустил вслед обидчице! Рыбка оглянулась, закрыла голову локтем. Сандалия крепко ударила по твердому локтю и рикошетом ушла в сторону. За внешний гребень Стены.

Сразу все онемели.

Потом Олики заплакал. Уже не зло, а беспомощно.

Ох, Мышонок ты, Мышонок, до чего же невезучий! Ничего-то у тебя не получается. Даже бросить не можешь толком.

Сандалии у Олики были не то что у Кки или Рыбки. У этих двоих — старые деревяшки с матерчатыми полосками крест-накрест. А у него — новенькие, недавний мамин подарок, с кожаными подошвами, с узорчатыми бронзовыми пряжками, что чеканит (и продает недешево) местный мастер дядюшка Атти. Потерять такую обувь — о-го-го...

Втроем подошли к ограждению, животами забрались на широкие камни, свесили головы.

— Наверно, вон туда улетела, — покаянно вздохнула Или.

«Вон туда» — это в ров. На его крутой склон, в заросли дрока и ломкого дерихвоста с сухими шариками-колючками... Да не все ли равно! Пускай бы даже лежала на виду, на травянистой полосе между подножием стены и рвом. Все равно это уже *не наша земля*. Близкий, рукой подать, но чужой и запрещенный для посещения мир. Взрослые порой нарушали запрет, выходили крадучись за Стену (если была для этого очень уж крутая необходимость). Но детям запрещено это было раз и навсегда, строго-настрога. И никто не помнил, чтобы среди ребячьего населения в городе Ча нашелся хоть один храбрец и нарушил неписанный закон.

Дело была даже не в страхе наказания, а просто в *Страхе*. Во вьезшейся в душу суеверной боязни, что прямо вот здесь, из ближних зарослей, в любой миг могут возникнуть *они*. Те, кто годы назад преследовал Караван...

Да и все равно ребятам было не спуститься! Высота отвесной стены — три боевых копыя. Копье же, как известно, на локоть выше головы самого рослого мужчины.

— Ладно, чего уж теперь... Пошли домой, — пробормотал

Кки. Он был вроде бы ни при чем, но все равно виноватый: старший, не уследил за маленькими.

Олики, царапая живот о ракушечник, покорно сполз на тропинку. Кки и Рыбка прыгнули следом. Мышонок уже не всхлипывал, но глаза все равно на мокром месте. И был он такой понурый. Каждый понимал, *что* его ждет.

Или подобрала с земли брошенный прут-махалку.

— Возьми. Отец все равно пошлет за таким. А если увидит, что ты... сам... тогда, может, он не так сильно...

Это она без всякой насмешки, с искренней заботой о Мышонке. Но Олики не внял доброму совету. Он всхлипнул опять и сказал Поганой Тухлой Рыбе, куда она должна вставить этот прут себе вместо хвоста.

Кки, как ни огорчен был, не удержался, хихикнул. Или тут же перекинула на него и досаду свою, и виноватость:

— Чего смешного! Тебя-то лупить некому, потому и горя мало!

Это она правду резанула. Обычай не позволял взрослым трогать даже пальцем мальчишек и девчонок, если это не их дети. Только отец и мать могли учить озорников и неслухов, как это заведено с самого начала мира. Но мать Кки умерла через год после его рождения, а отец погиб в охранении, защищая тылы Каравана от последних набегов...

Кки жил по очереди в разных семьях, меняя их два раза в год, как предписывали обычаи. Был сыт и одет, в школу ходил, как все его ровесники. Одни семьи относились по-доброму, другие насупленно, однако никто сироту не обижал, не принято было. В крайнем случае посадят на денек в чулан и не дадут обеда, если сильно набедокурил. Но за Кки больших грехов до сих пор не водилось, только простые ребячьи шалости.

Кки не разозлился на глупую Рыбёшку за ее слова. Он просто стоял и копил в себе жалость к маленькому Олики. Чем больше жалости, тем больше у него, у Кки, права решиться на отчаянный поступок, о котором он думал не раз. Думал с обмиранием в душе и с желанием. Но раньше было только желание, а теперь *причина*. Разве не должен тот, кто рожден в Караване, защищать маленьких и слабых от всяких бед?

— Не хнычь, — насупленно сказал Кки Мышонку. И стал разматывать на себе ассахор.

Как у пастуха кнут, как у кузнеца кожаный фартук, а у каменщика рукавицы и зубило, так у рыбака и кормщика — ассахор. Прочный шнур с узелками через два локтя друг от друга. Носится вокруг пояса, сплетенный в плоскую косицу. Плетение такое, что снасть распускается и вытягивается на всю длину от одного умелого взмаха. Она, эта снасть, — для самых разных нужд. Ее бросают с борта на пристань для подтягивания лодки; ею крепят груз, когда волна раскачивает лайбу. Ею заменяют порванный шкот, на ней буксируют мелкие дощаники. С ее помощью смиряют хлещущую парусину, если ту шквалом сорвало с рейка.

Владеть ассахором считалось доблестью у мальчишек возраста Кки и старше. Кки владел. Ну, может, не так умело, как большие ребята, однако сейчас особого искусства и не требовалось. Закрепить шнур за каменный выступ, спуститься по узелкам на трехкопейную глубину — подумаешь! Самое трудное было — унять в себе жутковатое замирание и беспорядочное прыганье сердца.

Кки унял. Попросил у Небесной Девы прощения и помощи и... спустился.

И ничего не случилось. Только царапался дрок и цеплялись за дерюжную ткань мальчишечей юбки-чуммако шарики дерихвоста. Сладко пахло овражной травой-семицветкой...

Сандалия нашлась быстро, в листьях этой самой семицветки. Довольный Кки сунул ее за тугой пояс чуммако и без труда поднялся по ассахору на гребень Стены. Пока он лез, не смотрел наверх, смотрел на узлы, чтобы не пропустить их. А когда забрался и прыгнул с гребня на тропу... увидел перед собой двух стражников. Тех, что обычно несут вахту на Квадратной башне.

Родители, конечно, выдрали Мышонка и Рыбку. Но не всерьез, а так, для порядка (Мышонок даже не верещал). Потому что большой вины у малышей не было. Была она у Кки...

Главные люди города Ча собрались в Круглой палате Управы, чтобы решить: как поступить с мальчишкой? Привели и его самого. Кки стоял перед знатными лицами с опущенной

головой, теребил край чуммако, и все же в нем не ощущалось раскаяния. Спросили: как он посмел *сделать такое?* Он сказал, что пожалел маленького...

Стали ломать головы. Случай-то был такой, какого никто не мог вспомнить! А раз нельзя вспомнить, нелегко и придумать, что тут делать.

Наконец хозяин гончарных мастерских, толстый и добродушный дядюшка Пакси Ту, сказал, что готов усыновить сироту Кки, а уж после этого можно будет поступить по-отцовски и выдать негоднику все, что он заслужил. Но для этого надо было, чтобы мальчишка сам признал гончарного дядюшку папашей, без такого согласия усыновление недействительно. А Кки не признал, буркнул:

— Вот еще...

— Тогда будешь до осени сидеть в подвале Управы и молиться, чтобы Небеса простили тебе твое беспутное поведение, — пригрозил советник Шук.

— Не буду, — угрюмо сказал Кки.

Знатные люди запереглядывались.

— Как же ты не будешь, если мы подпишем вердикт? — выразил общее недоумение советник Шук. — Ты живешь в этом городе и обязан чтить его обычаи.

— А я не буду жить в этом городе, — вздохнул Кки. — Я уйду.

Какое-то время все молчали (и опять переглядывались, конечно). Потом несколько человек разом спросили «куда?».

— Куда глаза глядят...

Опять помолчали. Наконец жалостливый хозяин трактира «Хорошая девочка» по-женски пригорюнился:

— Сгинешь...

— Там поглядим, — сказал Кки. Он понимал, что сгинуть может запросто. Но... и гордость в нем была, и какой-то голос все сильнее звал в дорогу.

Знатные люди развели руками. Если решил уйти — дело хозяйское. Родителей у мальчика нет, значит, он человек вольный. А вольному, как говорится, воля.

К вечеру добросердечные тетушки собрали путнику узелок: запасная одежонка, печеная курица, каравай, фляжка. Вытерли уголками платков глаза: «Храни тебя Небо...» Не-

сколько ребят, в том числе и Рыбка с Мышонком (в своих дорогих сандаликах), проводили Кки до ворот в городском валу. Помахали вслед. Кки тоже помахал им и пошел не оглядываясь (чтобы не заметили его мокрых ресниц).

Все думали, что он пойдет за холмы, в сторону Реки, где встречаются иногда крестьянские селения давних жителей этой страны. Кки и вправду сперва шагнул туда, на закат. Но, едва стало смеркаться, оставил дорогу, повернул к юго-востоку, вышел к морю, к полыхающей костром Квадратной башне, а от нее опять проник на Стену. Крадучись он скользнул мимо дремлющих на стене часовых и на ассахоре снова спустился в ров.

Сейчас было страшнее, чем первый раз, потому что в сумраке. Уже не сладко, а резко, пугающе пахло травой-семицветкой. Молодой месяц бросал на пустошь слабый зеленоватый свет. Дрожали в темноте крохотные огоньки (светлячки? или кто-то неведомый?). Далеко ухали ночные птицы.

Надо ли говорить, что испытывал мальчик, оказавшийся поздним вечером на Чужом поле? (Уж не вернуться ли, и пусть будет что будет?..) Но неведомое «что-то» звало Кки вперед сквозь все страхи. И он пошел наугад, через колючки и спутанный ползучий кустарник.

И шел, шел...

Месяц стал ярче, птицы вскрикивали ближе, усталости становилось больше, а страха все меньше: видимо, зловещие они не собирались охотиться за мальчишкой. Наконец Кки ощутил под ногами лужайку без колючек, с мягкой травой, завернулся в старенький плащ, лег и уснул.

Когда проснулся, солнце стояло высоко и припекало изрядно, хотя светило оно сквозь сероватую дымку и казалось размытым пятном. Травянистой пустоши вокруг не было, Кки увидел, что лежит на красноватом песке. И кругом во все стороны был этот песок. Местами над ним торчали скальные обломки, каменные идолы.

Горизонт был ровный и пустой. Только в одном месте чернел вдали треугольник — то ли острая гора, то ли громадная постройка.

Кки был такой голодный, что съел почти всю курицу и половину каравая. Запил из фляжки. И пошел к дальнему

треугольнику. Ведь надо же было куда-то идти, а это хоть какая-то цель. Солнце светило справа, слева от Кки шагала его тощая тень. Четкая и ломкая. Странно, что двигалась она не в такт с хозяином, а как бы сама по себе, иногда убегала вперед. Кки не очень удивлялся — мало ли что может быть в неведомом краю.

На пути оказался толстый каменный столб с выбитыми непонятными знаками. На границе его тени Кки заметил что-то круглое, словно полузарытый в песок чугунный гладкий шар.

Оказалось, и правда шар. Небольшой, можно обхватить двумя ладонями, но тяжеленный. Ничуть не ржавый, тускло отражающий солнце. Кки покачал его в руках и — что с ним делать-то! — хотел снова опустить в песок. И... то ли сам шар, то ли похожая на человека тень камня, то ли кто-то внутри самого Кки сказал неслышно:

«Не бросай...»

— А... куда его?

«Отнеси на Пирамиду...»

— Это вон туда, что ли?

«Туда...»

В незнакомом мире свои правила, пришельцу спорить с ними не с руки. Пришлось уложить шар в узелок вместе с половинкой каравая, фляжкой и свернутым плащом, вскинуть груз на плечо. Ого!.. А до пирамиды (до Пирамиды!) путь-то еще вон какой...

Чтобы шагалось легче, Кки поднял с песка сухую палку длиной до плеча. Пошел, опираясь, как пилигрим на посох (видел он таких иногда в городе — явившихся неведомо откуда). Удивительное дело — палка почти не вязла в песке. Туго изгибалась, будто намекала, что из нее можно сделать лук. Помогала мальчишке. В ее гибкой напряженности ему чудилось ускорение времени. По крайней мере, гораздо раньше, чем Кки ожидал, высоченная Пирамида (уже не черная, а желто-серая) выросла перед ним, раскатав до неба широкий треугольный склон. По склону уходила в высоту узкая лестница.

«Шагай вверх», — сказал утомленному Кки *кто-то*.

Спорить Кки не помышлял. Спрашивать «зачем» — тоже. Тем более что Кки чуял: тот, кто командует, не желает ему зла. Скорее просит о помощи, только не жалобно, а как бы приглашая в общее дело.

Ох какие высокие были ступени, как отяжелел в тряпичном узле шар. Дрожали от слабости ноги, по-комариному звенело в ушах. Но Кки добрался до узкой квадратной площадки на вершине. Здесь его обдало прохладным ветром, усталость растаяла. В центре площадки Кки сразу разглядел круглое отверстие. Стало ясно без подсказки, как надо поступить. Кки рядом с отверстием встал коленками на острую каменную крошку, развязал узел, взял в ладони теплую лютую тяжесть. Подержал секунду над круглой чернотой и развел руки.

Внутри Пирамиды коротко прогудело, звякнуло, задрезало, залязгало, и Кки почти что наяву увидел медный механизм со множеством рычагов, зубчатых колес, узких желобов и полукруглых чашек, по которым скачет чугунный мяч. Скачет, двигает шатуны, заставляет оживать внутри Пирамиды таинственные силы.

Кки встал. Узелок с остатками еды и плащом куда-то исчез. Палка вдруг встала торчком, изогнулась, подпрыгнула и улетела в сторону размытого солнца.

«Теперь спускайся», — сказал *кто-то*.

И Кки пошел вниз — уже по другой лестнице, по другому склону, лежавшему в прохладной тени. Вниз — не вверх, он легко прыгал со ступени на ступень, оглядывал раскинувшуюся внизу землю. Там были не пески, а город. Не Ча, другой, но странно знакомый...

У подножия Пирамиды отражала желтые облака синяя лужа. Кки нагнулся, чтобы смыть с коленей прилипшие острые крошки, увидел себя... Себя? Узкоплечего мальчишку с круглой, поросшей темным ежиком головой, в сизой мятой одежке. Рядом возникло другое отражение — девочка в желтой рубашке и в пилотке с латунным значком.

— Лыш, — сказала девочка, — где тебя носит? Ты сказал маме, что придешь через полчаса, а сам...

Кки выпрямился, стремительно вспоминая, кто он на самом деле. Вовсе не Кки, а Лыш, который был послан в мага-

зин за сахаром и замечтался по дороге, вспоминая недавний удивительный сон. Вот и сумка с двумя пакетами песка (не красного, а сахарного, конечно).

Но сумка сумкой, а откуда на коленях маленькие красные ямки, словно в кожу впивались крохотные осколки известняка?..

Потом Лыш не раз бывал в Песках. Правда, ему уже не снилось, что он Кки, но мальчишку, которым он был тысячу лет назад, Лыш помнил хорошо. Бывало даже, что мысленно разговаривал с ним... В Песках Лыш много раз носил шары к Пирамиде, в которой жило Время. Нелегкая работа, но она не угнетала. Она была необходима — всем на свете, Времени и самому Лышу. Может быть, именно Пирамида научила мальчика Лыша ощущать в напряжении сухого изогнутого дерева энергию Времени. Ту, которая помогала одолеть силу тяготения...

В Песках Лыш встречал разных людей. Иногда они тоже несли шары — не к Пирамиде Лыша, а к своим пирамидам и башням. Иногда шли просто так. Они всегда встречали мальчика по-хорошему, и он быстро научился языку Песков. Тем более что язык был похож на тот, которым пользовались жители города Ча, только более певучий и без длинных фраз...

Но раньше Лыш всегда шел по Пескам пешком, а нынче впервые оказался здесь на своем верном Росике. Сам не понимал почему...

И вдруг он встревожился. Снова глянул на путника в зюйдвестке.

— Скажи, добрый странник, а Пирамида примет шар, если я заберусь на нее не пешком, а на Росике?

— Конечно, примет, Кки, — улыбнулся путник. — Тем более что конь твой такой славный. Посмотри сам... — и кивнул на тень.

Тень была такая, будто маленький длинноволосый всадник сидел на ладной тонконогой лошадке, которая нетерпеливо переступает копытами.

— Аакса танка, ла на-касаан... — опять улыбнулся странник.

— Итиа танка, ната хоокко...

Тень всадника рванулась вперед. Лыш дрыгнул ногами, и Росик рванулся следом. Пирамида придвигалась, как на экране большого кино. Может быть, потому, что Лыш на этот раз *точно знал*, зачем он спешит!

Странник напомнил, что Лыш — это Кки. Пусть в давние века, но все равно Кки. И возникла «завязочка». Лыш вдруг сообразил, что Кки чем-то очень похож на мальчика Грина. Не только белыми волосами. Может, еще своим сиротством, нелегкой жизнью... А теперь над Грином висела опасность. Та проклятая ампула! То есть наоборот — то, что этой ампулы у Грина нет. А есть угроза жизни...

Так ясно же, что он, Лыш, нынче оказался в Песках для помощи Грину. Недаром же — с Росиком!

На площадку Пирамиды Лыш взлетел на Росике, как на крылатом скакуне. Ухнул шар в глубину. Выпрямился и стал ждать. Он был уверен, что *кто-то* задаст вопрос.

И *кто-то* спросил:

«Чего ты хочешь, мальчик Лыш?»

— Я Кки...

«Это все равно. Чего ты хочешь?»

— Линию, — нервно сказал Лыш.

«Ты уверен?»

— Да!

«Ты сумеешь?»

— Да!

«Ну, попробуй...» И возникла перед Лышем уходящая из бесконечности в бесконечность струна, тугая, как натянутый асахор.

Чего там пробовать! Надо сразу! Это же просто: метнуться по Линии Времени назад на несколько дней. Нервами нащупать место, где проклятая спецшкола Грина. Сделаться невидимым (в прошлом времени это нетрудно), просочиться в ту гадостную *ампуло-торию*, за две минуты до укола ухватить из-под рук фельдшерицы злополучную ампулу. Конечно, тетка повернется, поищет, возьмет другую и все равно сделает укол. Зато у Лыша будет ампула-спасительница. Он прикачет, протянет ее на ладони: «Грин — вот...»

Лыш послал по Линии верного Росика, в точности как посылает навстречу подвигу коня отважный рыцарь. И все

сперва было, как он ждал: встречный воздух превратился в прозрачные шестеренки, которые с шелестом завертели назад секунды, минуты, часы... Но вдруг врезался в этот механизм черный клин. Зазвенело в ушах. Завертелось пространство. В накатившейся темноте Лыш ударился о что-то твердое, упал. Полежал. Постонал от боли во всем теле. Открыл глаза. Увидел, что лежит, уткнувшись подбородком в красный песок. Сел...

Тонкая струна, лопнув, свивалась в пространстве спиралями, разбрасывала искры, таяла.

Росик огорченно топтался рядом. Лыш сел верхом, грудью и щекой лег на спинку.

Он понимал, что в чем-то очень виноват. Наверно, в том, что нарушил закон Времени. Может быть, в прошлое соваться запрещено (так же, как спускаться со Стены на Чужое поле), а он сунулся — и вот... Или просто у него не было опыта...

— Поехали домой, Росик... — горько сказал он.

Однако ехать не пришлось. Через секунду Лыш понял, что он в хижине рядом с посапывающим Толей (солнце пробивалось сквозь ветки). А Поля не спала, она сидела, и глаза у нее были круглые.

— Ой, Лы-ыш! Откуда у тебя на подбородке такая ссадина?

— Не знаю... — пробормотал он. — Может, вчера зацепился за ветку.

— Но она свежая...

— Не знаю... — опять сказал он и засопел, потому что не любил врать.

— Я сейчас помажу йодом. У нас тут аптечка...

ГЛАВА 3

Валерию в эту ночь тоже снились Пески. Но не так, как Лышу, а спутанно, урывками. Видимо, это и вправду был только сон, а не *присутствие*. А причина спутанности в том, что день перед этим полон был неожиданных впечатлений и встреч. Кроме того, и половина ночи оказалась бессонной. Валерий провел ее за разговорами с Юноной...

Вернувшись с берега, он совсем уже решил улечься в постель, но вдруг захотелось еще подышать летним воздухом. За открытым окном громоздились заросли тропической герани — сейчас они казались почти черными. Валерий перебрался через подоконник в огород. Под окном тянулась низкая, уютная такая завалинка (будто в старой деревне). Валерий сел, прислонился затылком к подоконной доске. Вдохнул цветочный запах. Посмотрел, как дрожит в светлом небе зеленая звезда. Опустил глаза. Увидел над грядами девичью фигурку в сарафане. Даже в сумерках сарафанчик был светлым.

— Добрый вечер, — сказал Валерий.

Юна от неожиданности ойкнула. И засмеялась:

— Не вечер, ночь уже. Ты чего не спишь?

— Перевариваю события...

— Много было?

— Хватило на первый раз... А ты чего бродишь тут?

— Лейку искала. Днем оставила, а сейчас спохватилась.

Баба Клава проснется, разворчитя: куда девала? Это ее любимая...

— А плитку-то она выключила?

— Ох, выключила... То и дело забывает. Да это, может, и хорошо. От ее плитки во всем Инске комары пропадают. Смотри, ни одного...

Валерий вспомнил, что и правда за весь вечер не слышал комариного звона.

— А лейку ты нашла?

— Нашла. Вот...

— Ну, тогда садись рядом. Поговорим... Авось Васильевна... Не обижайся, это шутка.

Она опять засмеялась тихонько:

— Я не обижаюсь. Мальчишки всегда любят прозвища приклеивать... — И тоже села на завалинку. Поправила сарафанчик, откинула, как Валерий, голову.

«Мальчишки...» — усмехнулся про себя Валерий. И почувствовал себя Валеркой одиннадцати лет, который сидит с соседской девочкой Люсей. Днем вдвоем гоняли на велосипедах и купались в пруду у плотины, а теперь, перед сном, болтают о всяких пустяках. Давние друзья-приятели...

И сейчас они с Юной стали болтать о том о сем. Валерий рассказал, как забыл адрес и дорогу — хорошо, что встретился Виктор... Юна сообщила, что у них на заводе «сверхурочная запарка».

— Управление-то не Инское, а Ново-Заторское, перед начальством ходят на лапках. Да и заказ выгодный. Разрисовать полтыщи фаянсовых блюд портретами Регента и маленького императора... До того однообразная работа! Ну, Андрюшу-то хоть приятно рисовать, славный мальчонка, а эту рожу...

— А для чего столько?

— Какая-то опять предвыборная кампания...

— Ну, с Регентом ясно. А мальчик-то им зачем? Раз уж... нет его...

— Я тоже не понимаю... Мало того что не уберegli такую кроху, так и после этого не дают покоя...

Валерий вдруг с легкой тревогой вспомнил про Лыша (совсем не похожего на кудрявого малыша, в четыре года возведенного на императорский трон и почти сразу погибшего от загадочной болезни).

— Юна, нет ли у вас где-нибудь в кладовке старых и ненужных гнутых стульев?

Она не удивилась.

— С Лышем успел познакомиться?

— Ага. У него сегодня опять стул сбежал...

— Беда с этим изобретателем... Завтра поищу на чердаке...

Разговаривали еще долго. И так попросту, будто и вправду двое соседских ребятишек после шумного летнего дня. Ну... нельзя сказать, чтобы Валерий совсем не ощущал ничего *такого*. Хотелось порой придвинуть ее поближе, взять за тоненькое голое плечо. Но, по правде говоря, такое бывало и с Люськой. И он, случалось, делал это, и она не удивлялась, улыбалась, как сестренка. А теперь не решился...

Утром Юна постучала и вдвинула в дверь обшарпанный тонконогий стул с круглым сиденьем и со спинкой из выгнутых дугой палок.

— Вот. Пусть приходит и забирает.

Валерий обрадовался: теперь был веский повод, чтобы не мешкая позвонить Лышу и встретиться. Но он не успел. Мо-

бильник сам встряхнулся от рассыпчатого сигнала. Значит, «изобретатель» опередил!

Но это был не Лыш!

Официальный, хотя и с жизнерадостной ноткой голос спросил:

— Не могу ли я побеседовать с господином Валерием Зубрицким?

— Можете, — с беспокойством откликнулся Валерий.

— Это вы?

— Это я...

Голос еще заметнее повеселел:

— В таком случае доброго вам утра! Возможно, я не вовремя, но решил рискнуть. Прошу прощения...

— Охотно прощаю. Но кто вы и откуда знаете мой телефон?

— Телефон — от Виктора. То есть подпоручика Петряева, вам уже известного. А я — Александр Сумочкин, в просторечии Саныч. Староста учебной группы номер четыре, к какой со вчерашнего дня приписаны и вы. На данном основании позвольте вопрос...

— Позволяю... — вздохнул Валерий, догадываясь, что вольной жизни приходит конец.

— Вы очень заняты сегодня?

Валерий посмотрел на стул и вздохнул опять:

— Ну... допустим, не очень...

— В таком случае не могли бы вы осчастливить нас знакомством, не особенно откладывая это событие? Мы находимся в так называемой Крепости. Вкальваем помаленьку, готовим помещение для лаборатории рассеянных излучений типа «Тэ». День, конечно, воскресный, но времени в обрез, рабочих рук мало, и...

— Понятно. Я должен «осчастливить» вас прямо сейчас?

— Если это не ломает ваши планы. В противном случае...

— Понятно, — повторил Валерий и снова посмотрел на стул. Ладно, не убежит, еще не дрессированный. И Лыш никуда не денется. А начинать знакомство с будущими коллегами отказом было бы глупостью. И свинством. — Сейчас пожую что-нибудь и двинусь...

— Спаситель наш! — радостно взвыл в трубке староста

группы номер четыре. — Ваше имя золотыми буквами врежут в стену цитадели! А жевать не надо, у нас тут кое-что есть! Главное, жми скорее!.. Сам понимаешь, парадная одежда не нужна, придется малость поворочать пыльные балки...

— Да уж понимаю...

Староста Саныч оказался курчавым носатым субъектом в драном свитере и парусиновых коротких штанах, из которых торчали густоволосатые ноги. Другие члены группы были столь же колоритны. Упитанный Вова Кротов с пиратской косынкой на голой груди, очкастый (похожий на голодного ботаника) Игорь Симочкин в напоминающем старую пижаму костюме, маленький, как восьмиклассник, Юрочка Блик, накрытый сверху драной соломенной шляпой, и громадный, как штангист, Матвей Карайский (ласково именуемый Мотей) в растянутой могучими плечами камуфляжной футболке. Присутствовали и две представительницы прекрасного пола. Крепкая рыжая девица в комбинезоне по имени Раиса и ее щуплая кудрявая подружка Аллочка в шортах и легкомысленной безрукавке с попугаями...

Валерий «врос в коллектив» сразу. Будто грыз науку с этими парнями целый год. Не испытал никаких комплексов. О нем, видать, кое-что слышали и не спрашивали. Дали два великанских бутерброда с бужениной, налили из термоса кофе. Валерий слотал завтрак и деловито спросил:

— Ну а чего ворочать-то?

...Это лишь с улицы представлялось, будто Крепость состоит из стены и двух башен. А оказалось, что с внутренней стороны к стене примыкают два приземистых здания. Под зданиями же прятались просторные помещения, в которых и располагались лаборатории разных направлений. Некоторые — уже оборудованные, а другие — «вот вроде этого кошмарного хлеба» (по словам Аллочки с попугаями).

Саныч разъяснил, что целая стена лаборатории рассеянных излучений типа «Тэ» должна представлять собой фильтрующий экран, образованный сложным пересечением про-

водов и кабелей разного сечения и качества. Их следовало натянуть и переплести.

— Сам понимаешь, Валера, эту работу мы не можем доверить дилетантам.

— Дык ведь я-то самый что ни на есть дилетант! Вернее, профан...

— Вникнешь, старик, — ободрил Валерия Юрочка в растрепанной шляпе. — Тем более что первый этап заключается в разборе вон тех дров у стены... Мотя, я, по-твоему, должен один тащить этот стопудовый брус?..

Начали разбирать и переносить двухметровые сырые балки. При этом изрядно зубоскалили. Валерий ухитрился вернуть деловой вопрос:

— Коллеги, не могли бы вы ввести неопита в курс кое-каких нынешних проблем?

— Каких именно, коллега? — кокетливо откликнулась Аллочка (она мужественно волокла увесистую доску).

— Разнообразных. Пространства смещаются, города перепутываются, компьютерная виртуальность переплетается с ночными видениями. Стулья летают, бабкина электроплитка насыщает эфир непонятными излучениями, банальная стычка двух пацанов потрясает общественность. Несчастливого курсанта Зубрицкого из столицы почти за шиворот перемещают в неведомый ему Инск и объявляют студентом столь же неведомого ему ИИССа. С одной стороны, занято, однако же хочется и понять...

— Поймешь, старик, — пообещал Юрочка в шляпе. — Если примешь за основу факт, что здесь город Инск.

— Ага... — Валерий свалил с плеча двухпудовый брус. — Для начала понять бы: Инск и Ново-Заторск...

— Ну, здесь может быть несколько объяснений! — Саныч с готовностью к разговору уселся на брус.

— Только не надо школьных... — Валерий с той же готовностью сел рядом.

— «Школьных» — это каких? — спросил Саныч подозрительно.

— Ну, вроде таких... «Вы знаете, что вселенная в некоторых случаях рассматривается как замкнутый в бесконечное кольцо кристалл, где каждая грань образует многомерное

пространство, и вот, если эти грани в силу определенных условий совмещаются с соседними, тогда все пространства соединяются в одно...» И так далее...

— Ну а если и правда соединяются, сволочи... — вставил реплику «атлет» Мотя.

— Есть еще более простая схема, старик, — тонко вплелся в разговор Юрочка. — Про дискету... «Представьте, дети, что вы имеете дело с компьютерной дискетой и привыкли работать с ней в одной известной вам программе. Но вдруг вы случайно нажимаете какую-то кнопку, и оказывается, что есть еще другие программы и на дискете записано немало до сей поры неведомых вам файлов. И вдруг в силу какого-то технического сбоя эти файлы начинают просачиваться друг в друга, демонстрируя переплетение ранее существующих в разных мирах компьютерного мира картин...»

Валерий зевнул.

— Существует совсем другая версия, — вмешалась Аллочка и кокетливо присела на перевернутое ведро с засохшей краской. — Совершенно ненаучная, но мне нравится... Будто этот город несколько лет назад построили дети. Несколько мальчишек. Сперва он был игрушечный, из кубиков, жестянок и яичной скорлупы. Но детки вложили столько вдохновения, что город стал расти, заполнять сопредельные пространства и превращаться в настоящий. Причем старательно отторгал пакостные качества обычных городов. Они, естественно, просачивались, но в малых дозах...

— Поэтично. Однако нестыковочка, — сказал Валерий. — Построили несколько лет назад, а здесь древняя крепость и храмы...

— Дак ведь построили и придумали вместе со всей старинной, с историей, — разъяснил могучий Мотя, который был явно умнее, чем казался. — Именно потому он таков...

И вдруг вмешался подошедший «ботаник» Симочкин:

— Господа, зачем вы пудрите мозги новому коллеге. Известно, что у него за плечами реферат «Развертка несовмещенных поверхностей в ограниченной области четырехмерного континуума». Полагаю, он не хуже нас разбирается в хитростях нестандартных пространств... если допустить, что в них вообще можно разобраться.

— Ну, что реферат... — почему-то сильно смутился Валерий. — И откуда вы про него...

— Женечка успела нас просветить, — с басовитой ласковостью сообщил пухлый Вова Кротов и дурашливо потерел на груди косынку. — Женечка старается, чтобы люди были в курсе...

«А она-то откуда знает?» — мелькнуло у Валерия. Он сообразил, что речь идет о зеленоволосой секретарше из деканата. Но сказал другое:

— Реферат — просто игра школьного ума. Сплошная теория. А здесь-то реальность...

— Еще какая! — радостно отозвался Саныч. — Ее до сих пор не принимают чиновники Ново-Заторска и столицы. Нет, мол, никакого Инска, и все тут! Что, в общем-то, порядочным людям только на руку. По крайней мере, не лезут ни с налогами, ни с военным призывом...

— Не лезут, потому что Инск в составе СВГ, — сказал трезвомыслящий Игорь Симочкин.

— Не только! — вскинулся Юрочка в шляпе. — У Инска многоплановый заслон!

— Каковой мы призваны в меру сил укреплять. Для чего, в частности, необходим и фильтрующий экран! — спохватился Саныч. И вскочил, дрыгнув обросшими ногами. — А мы преступно тратим время на псевдонаучные диспуты. Вот придет Женечка посмотреть, как мы работаем.

— Придет — пусть сама потаскает балки, — обидчиво предложил Юрочка. — Это не справки писать.

— Мальчик, ты не прав, — увесисто возразила рыжая Раиса в комбинезоне (сама довольно увесистая). — Женечка тянет работу, которая нам и не снилась. Одна за дюжину делопроизводителей. Причем без единой накладки... Мотя, убери балку, которой ты прижал мою ногу. Она расплющилась.

— Балка? — неторопливо обеспокоился Мотя.

— Нога, дубина!

— Тогда ничего. Если балка, это хуже. Ей надлежит стать основой несущей конструкции...

— Сам ты несущая конструкция! Убери!..

— Убрал...

— Трудимся, бакалавры, — велел Саныч.

Стали снова работать. Но в процессе «поднимания и таскания» Валерий ухитрился задать новый вопрос:

— Еще одно непонятно. Меня-то, многогрешного, с какой стати прислали сюда?

— Уж будто бы тебе непонятно, — откликнулся Саныч. — Некий Меркушин вздумал вербануть тебя в пользу «Желтого волоса». Накололся. Глухов решил тебя убрать подальше... от греха... Не ты первый, не ты последний...

— Видимо, я был изрядным теленком... Да и сейчас такой...

— Не печалься, старик, все такими были поначалу, — утешил его маленький Юрик.

— А «Желтый волос» — это так серьезно? Я думал — давняя авантюра...

— Вполне современная, — насутился Саныч. — И худо то, что в отличие от властей эти гады не считают Инск несуществующим. Наоборот... Совсем недавно рядом с крепостью нашли их излучатель...

— Причем не мы, а дети, юные следопыты, — уточнил очкастый Игорь. — Хорошо, что отдали нам.

— Поскольку он и на фиг им не нужен, — заметил Вовочка. — Они ищут только шары...

— Про шары я тоже слышал, — насторожился Валерий. — Зачем они ребятам?

Саныч сказал «перекур» (хотя курящих не было; Юрочка было вытянул пачку, но рыжая Раиса пообещала: «Уши оборву»). Сели.

— У этой истории глубокие корни, — солидно начал Саныч. — Крепость построена в начале восемнадцатого века. Для защиты от кочевников. Но никакие кочевники город не тревожили, все было мирно, пока не подступили пугачевские разьезды.

— Да какие пугачевцы в этих местах? — изумился Валерий.

— Представь себе. Есть свидетельства... Жители принимать сторону самозванца не захотели, гарнизон выкатил на стену пушки, начали палить, изводя многолетние запасы пороха и ядер. Нападавшие не решились на штурм, но подходили к стенам несколько раз, тоже стреляли, а доблестные ка-

нониры бабахали в ответ, резонно предвкушая награды матушки-императрицы... Дело было зимой, ядра падали на замерзшую пустошь. Так дело тянулось до весны. Потом пустошь оттаяла, пугачевцы отошли, ядра увязли в осоке и жиже, никто их, конечно, не собирал. До недавнего времени...

— Пока не появилась эта дурацкая игра, — вставила Раиса.

— Ну да... Где участники в какой-то красной пустыне должны отыскать среди песков чугунные шары, отнести их на высокие сооружения и опустить в какие-то механизмы... Уровень игры достаточно примитивный, но почему-то она принимает не всех... Цель у нее тоже непонятная...

— Да, в общем-то, понятная, — вставил Игорь Симочкин. — Запущенные шарами механизмы будто бы стабилизируют хронополь планеты, которую люди за время последней цивилизации раздолбали и загадили до последней степени, довели до угрозы всеобщей катастрофы... Но непонятно, какой выигрыш у победившего в этой игре...

— А если это не игра? — сумрачно сказал Валерий. «Ведь раньше-то я ничего не слышал про нее...»

Саньч не удивился.

— Кое-кто рассуждает так же. Мол, слишком сильно она просачивается в реальность, давит на мозги. По крайней мере, некоторым...

— Ребятишек сбивает с пути, — хмуро напомнила Раиса.

— Да, — кивнул Саньч. — Эти вот следопыты, например... Я говорил с их командиршей, она утверждает, что далеко посреди Пустоши есть каменные конусы вроде старинных плавильных печей. С отверстиями на макушках. И что, если в такое отверстие опустишь найденное ядро, сразу становится лучше жить. И обязательно случается какое-нибудь хорошее событие...

— Например, драка двух этих следопытов, — задумчиво вставил упитанный Вовочка Кротов.

— Не зубоскаль, — хмуро сказала Раиса. — Может быть, в их работе больше смысла, чем мы думаем... Не исключено, что Инск существует благодаря этим ребятам и шарам.

— А я чего... — смутился Вовочка.

— Раечка у нас максималистка, — продолжал речь Саньч. — Но в суждениях ее есть зерно... По крайней мере, эти

ребята — энтузиасты. Вообще-то не одобряется, когда дети шастают по Пустоши: мало ли там что. Вроде бы никто никогда не тонул, но все-таки... Однако для следопытов сделано исключение...

— Они сами себе его сделали, — хмыкнул Юрочка в шляпе.

— Ну, возможно... В общем, трудятся. Кроме ядер, нашли еще старинную пушчонку, видать, пугачевскую, несколько бердышей, отдали в музей. Там в восторге...

— Командиршу я видел, — вспомнил Валерий сестру Лыша. — Строгая девица в пилотке и шевронах.

— Да, этих ребят легко узнать по форме, — кивнула Раиса.

— И без формы легко, — уточнила Аллочка. — Вечно загорелые, и на ногах сплошь царапины от осоки. Когда-то я сама была такая...

— Ты и сейчас такая, моя девочка, — утешил ее Мотя.

— Нахал, — обрадованно сказала Аллочка.

«Пахали» целый день. Очистили стену. Пообедали окрошкой из эмалированной кастрюли («Раечка расстаралась, кормилица») и консервами. Размотали кабели, начали растягивать их по кирпичной плоскости, сверяясь с большущей, вычерченной на мятом ватмане схемой. Наперебой просвещали Валерия на предмет свойств каждого кабеля, хитростей переплетения, принципов экранирования и природы (пока неизученной) излучения типа «Тэ».

Солнце перестало светить в узкие окошки под потолком, ушло к западу. Включили два софита. Натянули последний кабель, полюбовались готовым экраном.

— Люди, мы титаны, — заявил Саньч. — Завтра с утра заслуженный отдых, работаем только после двух.

— Ура... — выдохнули титаны.

ГЛАВА 4

Валерий шел в «обитель бабы Клавы» с одной мыслью: вытянуться на кровати, постонать от усталости и крепко поспать. Не удалось. Баба Клава принялась кормить его кар-

тошкой с топленым молоком. Валерию было неловко: он ведь условился платить лишь за комнату, а о еде речи не было. Пытался что-то сказать на эту тему, но баба Клава ласково потребовала:

— Чтобы я больше не слыхала таких речей...

А когда он все-таки лег, сна уже не было, мелькали в голове всякие мысли: о Крепости, о шарах, о новых знакомых. О Песках, будь они неладны...

Когда подкрались поздние сумерки, Валерий снова выбрался из окна в заросли герани (в тропические запахи и вечернюю прохладу). И снова между грядок «проросла» Юна.

— Опять лейку потеряла? — окликнул ее Валерий. Она засмеялась и ничего не сказала. Подошла. — Садись... Авось Васильевна...

— Ты опять?

— Больше не буду, — моментально покаялся он.

— То-то же... — Она села. Не совсем вплотную, но почти коснулась локтем. Валерий ощутил некоторое «щекотанье нервов». Он его усмирил и храбро сказал:

— Юна, у тебя много ухажеров?

— Еще чего...

— А что такого? Это же обычное дело. Ты симпатичная....

— Вот-вот. На той неделе один так же подъезжал. Я о его голову раскокала блюдо. Сперва хотели из зарплаты вычесть, но потом не стали, потому что не расписанное еще, заготовка...

— То есть без Регента?

— Ну да...

— Неужели ты этого бедолагу огрела только за слово «симпатичная»?

Она тихонько посопела.

— Не только. Он хотел на мне «поправить ляпочку сарафана»...

— Какой ужас!.. Хорошо, что предупредила. Дело в том, что я собирался сейчас сделать то же самое.

У Юны выскочил пушистый смешок.

— Ну... сейчас-то блюда под рукой нет. И к тому же ты сид...

Валерий подчеркнуто плавным движением, пальчиками, поправил на теплом плече бретельку. И признался:

— Когда-то я так же ухаживал за соседкой по имени Люся.

— Красивая, да?

— Да. Только уши облезлые от загара. Ей было десять лет. А мне одиннадцать...

— У-у... А где она теперь?

— Не знаю. Жизнь раскидала... Юн...

— Что?

— Я сейчас пойду в своей наглости еще дальше... Что, если нам как-нибудь смотаться в кино? Видел афишу: в центре идет «Вечерний патруль»...

— Я смотрела. Чушь такая! Одни компьютерные трюки...

— Согласен! Тогда просто погулять...

— Можно на берег, туда, где костры. Только не сегодня. Я вымоталась на работе...

— И я... Тогда завтра?

— Ладно...

Они болтали еще долго, разговор получался о всяких пустяках, но сумерки были ласковые, и сидеть рядом (совсем рядом) было хорошо...

Проснулся Валерий около девяти утра. Баба Клава не выпустила его из дома, пока не позавтракает жареными карасями. Потом Валерий ухватил стул и двинулся на широкие дворы («Зеленые полигоны!»), где в субботу познакомился с Лышешем.

Разумнее было бы сперва созвониться с ним, договориться о встрече: «У меня для тебя трофей». Но Валерию показалось, что это какой-то «не тот» ход. К тому же могло случиться, что Лыш чем-то занят и сейчас пойти на встречу не может. Исчезла бы причина для прогулки по Дворам, а Валерию туда очень хотелось. Было предчувствие *событий*.

Валерий решил, что поищет Лыша прямо на «полигонах», а если не увидит, тогда уж позвонит...

Нынче он без труда нашел дыру в заборе, ведущую на крайний из «полигонов» (наверно, баба Клава выключила

плитку, на которой жарила карасей). Но дальше заплутал. Оказалось, что обширных зеленых дворов со старыми домами, сараями и поленницами больше, чем запомнилось вчера. Выйдешь на один, а там — проходы сразу на несколько... Валерий махнул рукой и пошел наугад.

Гоняли на велосипедах, перекидывались мячами, запускали пластмассовые вертолеты и скакали через прыгалки мальчишки и девочки разного «размера».

— Лыша не видели? — иногда спрашивал Валерий. Никто не удивлялся, но все отвечали, что «сегодня его тут не было».

Потом вдруг дворы стали пустыми. Только звон солнечной тишины да россыпи желтых одуванчиков. Валерий совсем запутался: куда идти? Спросить бы кого-нибудь... И заметил впереди старичка, похожего на гнома в ковбойской шляпе. Ну ясно же — вчерашнего знакомого! Догнал.

— Доброе утро.

— Доброе утро! — обрадовался старичок. — Я вижу, вы вняли моему совету и осваиваете для прогулок Зеленые дворы...

— Пытаюсь. Но, признаться, заплутал...

Старичок хитровато глянул из-под «вестерна».

— Судя по вашей ноше, вы ищете двор, где некий юный конструктор испытывает свои летательные аппараты. Так называемые лапы...

Валерий не стал опираться.

— Именно его...

— Вам надо вон туда, налево, за голубятню... Но сначала я посоветовал бы вам посетить двор с местной достопримечательностью. С так называемым Памятником. Если еще не видели его...

— Не видел...

— Рекомендую. Любопытное сооружение... Нынешние дети считают, что это плод именно их замыслов и трудов, но, конечно, ошибаются. Памятник существовал еще во времена моего почти доисторического детства. Только тогда он был из досок и стоял вплотную к стене, чтобы непосвященные зрители не вздумали рассматривать его с тыльной стороны и не пришли бы в замешательство...

— Обязательно посмотрю...

— Это вон там. Обойдете дом с лестницей на торце, увидите калитку...

— Весьма признателен... Извините, мы знакомы второй день, а я не представился. Валерий...

— Весьма, весьма рад. А я Максим Максимович. Запомнить легко, если иметь в виду роман Михаила Юрьевича Лермонтова «Герой нашего времени». Попадала вам в руки такая книжка?

— Помилуйте, Максим Максимович...

— Тогда рад вдвойне... — И старичок приподнял шляпу...

Двор за калиткой был обширен и пуст, как и соседние. Дальний край его замыкала обрушенная сверху кирпичная стена с несколькими проломами. По другим краям — заборы, фасад двухэтажного дома с заделанными окнами, сирень...

На полпути между калиткой и забором торчало непонятное сооружение. Тот самый Памятник?..

В общем-то, ничего поражающего воображение. Круглый постамент метровой высоты (похоже, что деталь бетонного колодца), на нем квадратная цементная плита, а на плите — сложенная из кирпичей буква «И». Квадратные столбики высотой метра полтора, наклонная перекладина (небось не просто было выкладывать ее — косую).

Валерий подошел. Недоуменно поразглядывал. Попытался уловить скрытый смысл и символику. Не уловил. Подумал, что, может быть, смотреть надо «на общем фоне», отошел шагов на двадцать. Поставил в одуванчики стул. Комфортабельно уселся, закинул ногу на ногу и приготовился созерцать рекомендованную Максимом Максимычем достопримечательность со всей пристальностью.

И увидел, как из пролома в стене один за другим скачут в траву ребята.

Их оказалось семеро — шесть мальчишек и девочка. Они ловко поддерживали друг друга, прыгая с двухметровой высоты. Девочка прыгнула последней. Валерий узнал командиршу Грету. Она была все в той же ярко-желтой рубашке с погончиками и в черной пилотке. Да и остальные — в похожей форме. Кроме двоих мальчишек. Те — «в штатском», но по длинным белым царапинам на коричневых ногах можно

было заключить, что и они имеют отношение к юным искателям шаров.

Грета издали увидела Валерия и пошла к нему. Мальчишки за ней. Серьезные, деловитые. Двое, в пестрых футболках, сразу откололись от компании и медленно двинулись к Памятнику. Загребали сандалиями одуванчики.

— Салют, — сказала Грета Валерию, будто ожидала его здесь увидеть. Мальчишки также сказали «салют». И Валерий им — тоже.

На Грете было сразу три широких форменных ремня. От этого ее талия казалась еще более тонкой, «членистой», как «раковая шейка». Грета села недалеко от стула в траву, мальчишки тоже расселись. Будто уговорились с Валерием участвовать в заранее назначенном зрелище. Валерий смотрел на тех, что ушли в сторону кирпичной буквы. Они стояли к ней лицом, спиной к остальным. В метре друг от друга. С опущенными плечами.

— Чего это они? — сказал Валерий с непонятной боязливостью.

— Это же Игорь и Минька, — отозвался самый маленький мальчик (в круглых очках с цепочкой) как о вполне понятном деле.

— Мирятся, — пояснила Грета.

Валерий постепенно вникал в ситуацию. Но...

— А почему здесь? Что это за буква «И»? Простите, я в Инске человек новый...

Мальчик с квадратным пластырем на пухлой щеке солидно растолковал:

— Она и есть буква «И». То есть памятник этой букве. Потому что союз «и» в нашем языке — знак содружества...

— Например, «Шурик и Даня», — серьезно сказал мальчик в очках.

— Оля и Павлик...

— Юлька и Надя...

— Митя и Сережка... — поддержали его несколько голосов. Озорно, однако без всякой подковырки...

— Мы и все... — более масштабно высказалась Грета. И добавила: — Памятник поставили три года назад, чтобы ребята не ссорились всерьез никогда. Хотя бы в Инске.

«Однако же случается...» — подумал Валерий и опять посмотрел на Игоря и Миньку. Те стояли друг от друга уже в полуметре. Потом, не поворачивая головы, один протянул вбок руку. Другой — навстречу. И они взяли друг дружку за ладони.

— Наконец-то... — проворчала Грета.

Игорь и Минька вдруг подскочили, будто угодили в крапиву. Обернулись, вприпрыжку помчались к остальным. Запыхавшись, остановились перед командиршей.

— Отдавай ремни! — потребовал тот, что в красно-черной футболке.

— Да! — поддержал его тот, что в желто-зеленой. — Мы уже... Да мы и не дрались по правде, да, Минь? Только зацепились чуть-чуть, а все сразу: ах, ох! Скандал, теленовости!.. Давай, тебе говорят!

Грета, поджав губы, сняла и протянула бывшим противникам два ремня. Они торопливо нацепили их поверх неформенных футболок.

— Еще и сидеть заставила нас... — пробубнил красно-черный Минька. И вдруг продекламировал:

Рассердилась наша Грета
И обьялась винегрета,
У нее болит живот —
Вот!

— Шпана, — с удовольствием сказала Грета. — Вот как врежу сандалем ниже копчика...

— А драться нельзя!! — ликующе возвестили Игорь и Минька.

— Это будет не драка, а воспитание... — Грета стала подниматься.

Игорь и Минька с хохотом помчались прочь. К стене с дырами. Остальные мальчишки за ними. И Грета. Потом она оглянулась, запоздало крикнула Валерию:

— До свиданья!

— До свиданья... Нет, подожди! Ты ведь сестра Лыша? Он сейчас где?

Грета вернулась:

— Он сегодня дома. Плечо разболелось. У него бывает

так: то суставы, то еще что-нибудь... Мама не велела ему нынче на улицу нос показывать. Даже мобильник отняла...

— Бедняга...

— Да ничего не бедняга. Постонал, а теперь прыгает по комнатам на своем Роське. Обещает, что все равно сбежит... А у тебя к нему дело?

— Стул ему раздобыл. А то вчера у него сбежал один...

— Если бы один... Хочешь, я отнесу ему? Он обрадуется.

— Отнеси. Скажи: от Валерия. А я потом позвоню...

Грета подхватила легонький стул, дурашливо отдала честь и умчалась за мальчишками. Они из пробоины в стене протянули руки, помогли забраться.

Валерий постоял с улыбкой внутри, встряхнулся. Что дальше-то? До обеда было далеко, можно гулять просто так. Искать двор, где Лыш вчера возился с лапом, теперь не имело смысла. И Валерий пошел туда же, куда убежали ребята. Не торопясь миновал памятник букве «И», потом оглянулся: «Вот ты, значит, зачем здесь...»

«Да...» — казалось, ответила кирпичная буква с достоинством... Буква «И»... Стоп, а почему сейчас-то она — «И»?

Валерий поморгал. Ведь он смотрел теперь с другой стороны, и по всем законам букве полагалось выглядеть как N! А она... так не выглядела. Была прежней.

Осторожно, словно здесь таилось колдовство (а оно и таилось!), Валерий обошел памятник по кругу. И откуда бы ни смотрел, выложенный из кирпичей знак оставался буквой «И»!

«Валерий и Лыш...» — подумал он.

«Валерий и... Юнка...»

«Валерий и ребята в Крепости...»

«Валерий и... город Инск...»

Осторожность вдруг сменилась весельем. «Так сразу и надо было объяснить!» — сказал Валерий Памятнику по-приятельски. Он ощутил себя мальчишкой в желтой форменной рубашке и с белыми царапинами на загаре. Разбежался, прошелся по траве колесом, подскочил к стене. Ухватился за край пролома и рывком взметнул себя в дыру. Ребят в поле зрения уже не было, а двор — такой же, как и позади.

Валерий глянул направо. А с левой стороны в этот миг раздался выстрел!

...Там, слева, у груды битых кирпичей, стояли двое. Одного Валерий узнал сразу, это был Витя. Он держал в опущенной руке маленький блестящий пистолет. Из тупого ствола сочился дымок. Другой — пожилой и мешковатый — стоял от Вити в трех шагах, руки его были нелепо вскинуты.

Витя мельком глянул на Валерия. Произнес громко и официально:

— Господин Зубрицкий! Если вас не затруднит, подойдите сюда! Я прошу вас быть понятым при изъятии у этого господина не принадлежащего ему имущества.

Валерий — странное дело! — не очень удивился. Будто была какая-то игра. Прыгнул из пролома, подошел.

— К вашим услугам, подпоручик...

Но «господину с непринадлежащим имуществом» все это не казалось игрой. Лицо его было серым. Он хрипло выговорил:

— Да что такое? В чем дело? Что вам надо?

Подпоручик муниципальной стражи Петряев сказал:

— Ампулу.

Часть пятая

СТЕКЛЯННЫЕ ШАРЫ

ГЛАВА 1

— Ампулу, — сказал Витя, и лицо человека с поднятыми руками стало совсем пепельным.

— Я... вас не понимаю...

— Прекрасно понимаете, господин Мерцалов. И не пытайтесь больше делать резких движений... И нерезких тоже. Итак?

Видимо, господин по фамилии Мерцалов все же сохранил капелечку самообладания. По крайней мере, в голосе его скользнул намек на ехидство:

— Как я могу, не делая движений, отдать вам то, что вы требуете?

— Логично, — согласился Витя. — Валерий Павлович, вы не могли бы выполнить небольшую просьбу?

— Охотно... — Валерия не покидало чувство некоторой нереальности происходящего. Похоже на забаву.

— Если вас не затруднит, осторожно подойдите к этому господину с правой стороны и столь же осторожно достаньте из его кармана пистолет... Господин Мерцалов будет при этом проявлять благоразумие.

Валерий не без удовольствия исполнил требуемое. Пистолет оказался маленьким вороненым «браунингом», Валерий протянул его Вите.

— Оставьте пока себе, — решил Витя. — И не исключайте полностью вариант, что его придется пустить в ход. Ответственность я беру на себя...

— Хорошо... — Валерий вдруг понял, что в нем шевелится смутная догадка: будто все это имеет отношение (хотя и не прямое) к Лышу. — Что, господин подпоручик, мне следует делать далее?

— Далее необходимо помочь господину Мерцалову осто-

рожно (очень осторожно!) снять пиджак. Господин Мерцалов опустит руки и...

— Это грабеж, — выдавил тот.

— Ни в какой степени. Это вынужденный досмотр. Пиджак будет вам возвращен. Как и оружие...

Валерий вежливо стянул пиджак с Мерцалова. Даже сказал «прошу прощения». От изрядно потертого пиджака пахло пивом, табаком и потом. Валерий ухватил его двумя пальцами за ворот и протянул Вите. Тот сказал:

— Господин Мерцалов соизволит отойти на семь шагов и по-прежнему будет проявлять спокойствие.

Мерцалов (в полосатой рубашке и подтяжках) «соизволил». В семи шагах опять стал лицом к Вите и Валерию.

Витя тщательно обыскал карманы, ощупал подкладку. Без интереса пролистал вынутые документы, сделал озабоченное лицо, глубоко сунул пальцы в еще один внутренний карман и вынул замшевую коробочку. Узкую, похожую на футляр маленькой дорогой авторучки. Уронил пиджак в одуванчики, открыл футляр. Валерий, не переставая следить за Мерцаловым, скосил глаза на Витину находку. Внутри коробочки в шелковых углублениях лежали рядышком запечатанный в целлофан шприц и прозрачная ампула с острым концом. На них блестели искры.

— Видимо, она... — сказал Витя то ли Валерию, то ли себе. Показал издали футляр Мерцалову, спросил громко: — Она?

— Вы ответите! — так же громко отозвался Мерцалов. — За нападение и присвоение... Вы не знаете, кто я такой!

— Прекрасно знаю, — сообщил Витя слегка утомленно. — Мерцалов Ефрем Зотович, штатный воспитатель Постышевской спецшколы, сопровождавший несовершеннолетнего Григория Климчука в подозрительную Горнозавойскую клинику и бездарно проворонивший его по дороге...

— Я офицер имперской безопасности.

Витя слегка зевнул:

— Да никакой вы не офицер. Вы чиновник регентской охранки, ее шестого подразделения, призванного якобы отвечать за борьбу с детской безнадзорностью. А на самом деле — сокращать по мере сил численность бесприютных ребята-

шек. И, конечно, агент «Желтого волоса»... Кстати, одно это дает мне основание задержать вас, а при малейшем резком движении пристрелить, как при попытке сопротивления. И я не поступаю так лишь в силу естественной человеческой безразличности...

— Какая чушь... Где мальчишка?!

— Понятия не имею, — с удовольствием признался Витя. — Где-нибудь развлекается с друзьями. — Вы не поверите, Ефрем Зотович, здесь очень дружелюбные ребята. Мальчик сразу вписался в компанию.

— Если ему вовремя не сделать инъекцию, он умрет.

— Сделаем, Ефрем Зотович, процедура несложная.

— Вы обязаны вернуть мне ребенка и препарат и обеспечить беспрепятственный отъезд.

— Вернем... но только имущество... Валерий Павлович, выньте из «браунинга» обойму и не забудьте патрон в стволе. Дайте патроны мне, а пистолет и одежду отнесите господину Мерцалову... Извините, что я обременяю вас такими неприятными просьбами.

— Ничего, — сказал Валерий и отнес Мерцалову «браунинг» и пиджак. Вернулся.

— Вы ответите, — пропыхтел Мерцалов, толкая руки в рукава. — Я узнаю, господин с пистолетом, ваше имя и напишу рапорт.

— Облегчу вашу задачу. Я подпоручик муниципальной стражи Петряев. Рапорт надлежит отнести на улицу Июньского полдня, дом три, Управа города Инска.

— Такого города нет, — мстительно выдал Мерцалов.

Подпоручик Петряев развел руками.

— Тогда не знаю, чем вам помочь. Если нет города, значит, нет Управы и стражи. И, следовательно, нет меня. Писать рапорт не на кого... Кстати, и мальчика по фамилии Климчук тоже, выходит, нет. Оказавшись в несуществующем городе, он, по законам природы, должен был раствориться в небытие... или в небытии? Как правильно, Валерий Павлович?

— По-моему, «и», — сказал Валерий и с удовольствием вспомнил Памятник на Зеленом дворе.

— Да... А Ефрему Зотовичу я бы советовал покинуть на высшем уровне стремительности несуществующий город Инск. Ибо, если человек не верит в реальность места своего нахождения, он может запросто провалиться в какой-нибудь межпространственный вакуум... или даже глубже, поскольку вакуум все-таки материален...

Ефрем Зотович Мерцалов не удостоил подпоручика ответом. Ссутулившись, он уходил со двора и скоро исчез в калитке, расположенной между двухэтажным сараем с кривой галереей и кирпичным строением, похожим на старинную конюшню...

— Уф... — Витя заметно обмяк. — Давай присядем где-нибудь. — Думаешь, у меня большой опыт участия в таких голливудских эпизодах? Я же главным образом администратор, а не оперативник... — Он оглянулся. — Вон там...

Под стеной с проломами кто-то соорудил скамейку из кирпичных обломков и доски. Витя сел, вытянул ноги в серых форменных штанинах, положил в подорожники фуражку. Задрал рубаху и затолкал под брючный ремень свой пистолет (на затворе сияли солнечные блики).

Валерий сел рядом.

— Никогда не думал, что стану участником детективной драмы...

Витя слегка развел руками: такова, мол, жизнь. Валерий осторожно спросил:

— Ты уверен, что... это... действовал строго в юридических рамках?

— Вполне. В рамках Конвенции по охране прав и безопасности детей, каковая имеет в городе Инске статус закона прямого действия.

— Да что за ребенок-то?

— А ты не в курсе? Вот те на! Я думал, ты вчера виделся с Лышем и он тебе поведал о недавних событиях.

— Вчера я вкалывал в Крепости. А сегодня сестрица Лыша мне сказала, что он чегой-то прихворнул...

— С ним случается... Ну, слушай тогда...

И, греясь под набирающим силу солнцем, подпоручик Петряев изложил второкурснику Зубрицкому историю двенадцатилетнего Григория Климчука, теперь известного под

именем Грин. Историю, которую он частично узнал из диктофонной записи, сделанной субботним вечером, а частично из разговора с самим Грином, с которым повстречался вчера...

— Хорошо, что я правильно рассчитал, — скромно похвалил себя Витя. — Подумал: этот тип, Мерцалов, вернувшись в Инск, пойдет по дворам, где играют ребята, начнет расспрашивать про незнакомого им пацана. И точно! Смотрю: движется, оглядывается. Грин его описал детально, мальчик с литературными данными. В папу...

— Кстати, о папе. Чего они вцепились в его письмо, чего пытали мальчишку?

— Во многом дело темное... а во многом ясное... Юрий Климчук, редактор научного отдела в известном журнале, собрал, видимо, немало материала о «Желтом волосе», об их секретных технологиях и не менее секретных планах...

— Это так называемая стерилизация общества?

— Ну да... Сперва благотворительные обеды для массы беспризорных ребят и бомжей, потом энергетические импульсы на секретной частоте. Занесенные в организмы этой кормежкой препараты резко снижают иммунитет. Люди начинают помирать пачками, но не так, чтобы в один день, а в зависимости от возраста, состояния здоровья и тэ дэ... При чем тихо и непонятно отчего... Поскольку они люди никому не нужные и нигде не учтенные, гибель эта зачастую остается незаметной. Особые команды заключенных по ночам собирают погибших, зарывают в укромных местах. Потом сами потихоньку отдают концы...

— Вить, я про это слышал. Но ведь раскрыли, пересадили гадов...

— Кого пересажали-то? Стрелочников...

— Но... ведь это было лет десять назад...

— А Юрий Климчук и начал копать под «Волос» десять лет назад... Видимо, он успел загнать весь материал в Информаторий под очень сложным паролем ударного уровня...

— Какого уровня?

— Боже, чему вас там учили в этом «спасательном учреждении»?.. Пароль ударного действия страшен для всяких за-

говорщиков тем, что, когда он срабатывает, вызывает информационный выброс. Моментально, на все студии и каналы планеты. И уже ничего не спрятать, не сдержать... Ну, помнишь, как было после гибели императора Андрейки?... Похоже только, что тогда это инспирировали сами заговорщики, чтобы застолбить права регентства... А если подноготная «Волоса» всплывет сейчас, будет драма имперского масштаба. «Волосных» агентов нынче внутри власти не считается. Ты знаешь, людоедские планы очень живучи. Идеи «стерилизации» потихоньку сочатся наружу вновь...

— Я, видимо, полный тупица, — горестно сказал Валерий. — Слышал кое-что, но думал, что это досужая трепотня...

— Не ты один... Большинство населения Империи думает так же. До политики ли, когда задача одна: выжить и прокормить детей... Проще не пугать себя, а уповать на Регента, который наш отец и надежда...

Валерий вспомнил виденную в субботу ребячью надпись на стене и хмыкнул.

— ...А Регенту и властям такое население на фиг не надо, — продолжал просветительскую беседу подпоручик Петряев. — Одна морока с ним: кормить, учить, лечить... Им-то, «судьбоносным», нужен кто? Они сами, родимые, и обслуживающий персонал. То есть силовая охрана, поставщики энергии и лакеи. А остальных куда? Беспризорников, пенсионеров, инвалидов, безработных... Знаешь, все эти вопли: «Ах-ах, рождаемость падает, Империя в опасности!» — они для дурачков. Идеологи правящего клана давно подсчитали: для их благополучной жизни надо, чтобы населения стало вполовину меньше. И понятно, кого следует убрать в первую очередь... Как ни в чем не виноватых куриц при подозрении на птичий грипп...

— Витя, — сказал Валерий. — Ты правда подпоручик муниципальной стражи?

— А чего? Ну... да... Видишь, народу в городе немного, порой приходится совмещать несколько должностей...

— Понятно...

Оба поулыбались.

— Витя, ну а все-таки при чем письмо-то?

— Личный пароль для Информатория — штука, практически не подверженная расшифровке. Никакие хакеры... Он строится где-то на подсознании, на разных эмоциях. Есть слабая надежда нащупать его, если вдруг ощутишь какие-то настроения его хозяина... Вот и пытались, видимо, эти настроения, интонации как-то уловить. Сам Климчук не сломался, вспомнили про сына. Здесь надежда, конечно, призрачная, но... что делать-то? Страх велик, надо использовать малейшие шансы. Потому так и возились с беднягой Грином. Даже сторожа вогнали...

— Какого сторожа?

— Ампула — это сторож. Делают один укол и объявляют «пациенту», что через месяц ему крышка, если не сделает второй. И это правда... Человек, особенно мальчишка, оказывается на психологической привязи. Не только боится убежать, но и боится *вообще*. Как говорится, слабеет духом... У этих сволочей в «Волосе» были хорошие лаборатории, особенно развита лекарственная отрасль. Есть препараты, не известные в обычной фармакологии.

— В том числе и этот, в ампуле?

— В том-то и дело. На стекле написано «Темпотоксин». Я немножко занимался такими вопросами, знаю, что в обычных условиях эту дрянь изготовить нельзя.

— Почему?

— Там, говорят, что-то замешено на свойствах времени. Вроде бы небольшая часть корпускул временно в потоке внутри препарата по какой-то причине начинает вращаться в обратную сторону. Это обуславливает особые свойства...

— Странно, — с ученым видом заметил Валерий. — Если учесть, что теоретики хронополя рассматривают корпускулы как частицы стабильные и в принципе неподвижные...

— Ну, не знаю, я здесь полный ноль... Попытаться изготовить это зелье можно было бы, если есть образец. А он — внутри стекла. Можно взять остаток из ампулы, когда вскрыешь для укола, а раньше — никак: жидкость почти сразу теряет свойства на воздухе.

— Таким образом, эта ампула у нас единственная?

— Увы. Дороже золота... Я запру ее в сейф и отдам Грину, когда подойдет срок...

— А где он сейчас? Грин-то...

— Наверно, у Веткиных. Их родители однозначно заявили, что «ребенок намотался по жизни и ему нужен нормальный дом». И пацан отгаивает. Младшие Веткины — Тополята — ездят на нем верхом, и он, кажется, счастлив. Похоже, что у него дар общения с малышами... Кстати, я закинул удочки насчет его друзей, Пузырька и Тюнчика. По своим каналам...

— Bravo, подпоручик. Когда ты успел?

— Служба такая...

— Витя, а ты не боишься, что всякие там органы постараются забрать Грина отсюда?

Витя сказал:

— О Господи. Из *Инска*?

ГЛАВА 2

К мальчику Грину пришли счастливые дни.

Порой счастье казалось непомерным — это как будто пытаешься вдохнуть весь окружающий тебя радостный воздух и не хватает легких. Радостей было много. Это и ощущение *своего* дома — прочное, похожее на недавно истопленную кирпичную печь (Грин иногда как бы прижимался к ней, впитывая тепло и вздрагивая от запоздалого, уже нестрашного озноба). Это и понимание, что есть братья и сестры. И чувство прочной безопасности. И память о том, что спасительная ампула в крепких дружеских руках... Порой царпала тревога за Пузырька и Тюнчика, но подпоручик Витя Петряев (такой простоватый, даже слегка забавный на вид, но, видимо, всемогущий) пообещал: «Постараемся найти...»

Было еще и восторженное изумление от того, что все это свалилось на него за какие-то два дня и все равно *абсолютно по правде*...

Конечно, никакое счастье не бывает полным. Иногда приходил страх. «*Этого* слишком много. *Такое* не может быть надолго...» Делиться тревогой с кем-нибудь в своей новой семье Грин не смел. Ведь они могли принять его слова за обидное недоверие. А боязнь порой делалась мучительной. И Грин один раз не выдержал: поделился с Лышем.

Потому что Лыш был не так близок, как остальные. Он держался в сторонке, в долгие разговоры не вступал и, похоже, все время думал о своем. Но не был он и угрюмым, не огрызался на вопросы...

Вечером Грин пришел к Лышу на двор. Лыш сидел у сарая, на козлах для пилки дров, и приматывал цветным проводом к стулу отвалившуюся ножку (стул был не Росик, другой). Грин сел рядом. Здраваться было ни к чему — сегодня виделись уже не раз. Лыш глянул искоса и вопросительно. Тогда Грин тихо сказал:

— Лыш, я боюсь...

Тот не удивился. Откусил конец провода и спросил:

— Чего именно?

— Что все это кончится...

Лыш опять не удивился. Понял.

— Не-а... Это у тебя остатки прежних страхов. Пройдет.

Он, иногда съезженный и нескладный, временами был мудр. И все же Грин виновато спросил:

— А если не пройдет? Как-то все это... неправдоподобно...

Лыш отставил починенный стул, повернул к Грину щетинистую голову на тонкой шее и решил слегка удивиться:

— Что неправдоподобно?

— Все, — опасно сказал Грин. — Даже вот это... ампула. Как-то легко Витя раздобыл ее...

Кажется, Лыш слегка рассердился. По крайней мере, набычился:

— Откуда ты знаешь, что легко?

— Ну...

«А в самом деле, откуда я знаю? — виновато спохватился Грин. — Я просто трус. Или этот... как его... неврастеник...» А Лыш вдруг заговорил тоном усталого взрослого:

— Напрасно ты думаешь, будто один Витя охотился за твоей ампулой...

— А кто еще?.. — пробормотал Грин.

Лыш сказал:

— Я.

Почему он признался? Трудно понять. Непростая у Лыша душа (да еще соединенная с душою мальчика Кки). Может, в

Лыше тоже сидела какая-то боязнь и он решил избавиться от нее, поделившись недавней своей неудачей... А может, просто хотел отвлечь Грина от страхов своим рассказом... Или вдруг ощутилось какое-то их — Лыша и Грина — единение, о котором не сказать словами, но которое можно усилить откровенностью...

— Ты ведь уже слышал про шары?

— Конечно, — сказал Грин.

— И про игру, и про Пустошь, и... про то, что не всегда это игра. И не всегда сны...

— Конечно, — повторил Грин с легким обмиранием.

— Ну вот... Я недавно опустил такой шар в Пирамиду и попросил... Линию... по которой можно по Времени туда-сюда...

Грин слушал без капли недоверия. В Инске возможно все...

— Я попробовал ускакать на Роське по этой Линии назад. На несколько дней. Чтобы ухватить там эту ампулу и принести тебе... А меня как шарахнуло...

— Почему? — испугался Грин. Не за ампулу, не за себя, только за Лыша!

— Не знаю... Наверно, это нельзя, соваться в прошлое. По крайней мере, если не умеешь... Вон, до сих пор ссадина... — Лыш потрогал подбородок.

Грин молчал, погружаясь в смесь виноватости и тепла. А Лыш проговорил:

— Хорошо, что Витя успел... Теперь-то все в порядке...

— Лыш... — сказал Грин.

— Что? — он отвернулся и концом откусанного провода стегнул себя по сандалиии.

«Ты тоже мой брат», — хотел сказать Грин. И сказал:

— А что ты будешь делать с этим стулом? Думаешь, нога удержится?

— Я крепко привязал... Гретхен просит, чтобы я для нее воспитал такого же, как Росик... Но я не знаю... Чтобы научиться ездить, нужен ведь не только стул...

— А что еще?

— Надо чувствовать, что это *на самом деле* можно. И не бояться. И не думать даже, а просто... поехал, и всё...

— У меня сроду не получится...

Лыш не стал утешать. Сказал умудренно:

— Это у кого как... — И снова стал молчаливым, будто отодвинулся.

Но Грин не ощутил обиды...

Да, Лыш был такой. Ничего он специально не скрывал, но и не очень-то откровенничал с другими. Только с Валерием они вели долгие разговоры.

Лыш встречал Валерия у Крепости после работы, они шли не спеша по улицам и дворам и говорили про Пески. Рассказывали, кто что знает. Валерий — про Башню, Лыш — про Пирамиду. У каждого было свое, но встречались в их воспоминаниях и общие моменты. Места, которые видел на пути и тот и другой. Одинаковые тени от камней, идолов и брошенных в Песках предметов. Оба припомнили полузасыпанный песком большой колокол — его нетронутый окисью верхний край сверкал как золото...

Они вспоминали и встреченных в песках людей, и слова *того* языка. И, бывало, говорили на нем. А главное, в них было понимание, что все это — не случайно и не зря... И память о мальчишке Кки, которым Лыш был в давние времена, — тоже не зря.

— Наверно, все мы были кем-то и когда-то, — понимающе сказал Валерий.

Лыш однажды спросил:

— А ты что-нибудь приносил *оттуда*?

— Что?

— Ну, хоть что-нибудь? находку какую-нибудь или даже камешек? Для доказательства, что все это *есть*...

— Как-то в голову не приходило, — признался Валерий.

— А мне приходило... Но не получалось. Только шишки и царапины, но они ведь не доказательство. И в дело не пустишь...

— А какое дело?

Лыш нахмуренно сказал:

— Я хотел добыть песок. Нагружал им карманы, так, что штаны чуть не сваливались... — И он поддернул джинсовые шортики, будто они и сейчас поехали вниз под тяжестью

песка. — А вернешься, и в них пусто. Даже в швах ни одной песчинки нету...

— Лыш... а для какого дела песок-то? — повторил Валерий осторожный вопрос.

Тот посопел на ходу и отвернулся:

— Есть в голове завязочка... Ты не сердись, я не могу пока сказать. Потому что это... не мое...

Валерий не сердился. Лыш и без того открыл ему немало...

Однажды разговор о шарах зашел у Валерия с Гретой. И с ее следопытами. Утром он шагал на работу в Крепость, и его догнала компания Гретиных следопытов.

— Салют! — хором сказали они (в том числе и Минька с Игорем, которые теперь, как и все, были в форменных рубашках).

— Салют!.. А чего это вы ее... как императрицу?

Дело в том, что мальчишки несли свою командиршу на широкой доске, которую держали на плечах. Грета сидела на доске верхом и с удовольствием качала длинными, коричневыми, как копченые воблы, ногами.

— А они проспорили, — сообщила Грета. — Мы нашли сабельный клинок, и я сразу сказала, что это не казачий, а татарский, а они не верили. А Максим Максимыч подтвердил...

— Это похожий на гнома старичок в шляпе?

— Да, — солидно сказал самый маленький следопыт в очках. — Только он не гном, а историк, член Музейного совета.

— Прошу прощения... Грета, а можно вопрос, касаемый вашей поисковой деятельности?

— Можно. Мы в наших делах ничего не скрываем. Наоборот... Только я спущусь, доска занозистая. Специально такую выбрали, чтобы долго меня не тащить.

— Неправда! — возмутился Игорь. А Минька продекламировал:

Недовольна наша Грета:
Вся с занозами карета.
Ехать дальше не могу,
Лучше пёхом побегу...

Грета спрыгнула на тротуар и показала Миньке кулак. («А драться нехорошо!» — сразу взвыли Игорь и Минька.)

— Что за вопрос-то? — сказала Грета.

— Мы тут говорили с коллегами... Они утверждают, что внутри построек, куда уходят шары, есть механизмы. Они, мол, стабилизируют хронополь. Это так?

Ребята запереглядывались.

— Как-то слишком *академически* звучит, — отозвалась командирша. — Мы *этого не проходили*... Просто опустишь ядро, и делается хорошо. Верно, люди?

Люди дружно загалдели, что верно.

— А самое главное, что открываются новые тропинки. Те, которые ведут к Большому Кругу, — весомо уточнила Грета.

— Что за круг? — Валерий почему-то ощутил нервный укол (не сильный, правда).

Грета глянула на мальчишек — те уже оставили доску у забора и тесной группой шли рядом с Гретой и Валерием.

— Если я неправильно объясню, вы уточните...

— Ты все правильно объяснишь, ты у нас самая ученая, — пообещал Игорь. — Чего ты *смотришь*? Я же серьезно говорю!

Грета повернулась к Валерию.

— Когда-то через Пустошь проходила рельсовая линия... Никто не верит, потому что как же, мол, там ведь болото, но она правда там проходила. Верно, ребята?

Те хором подтвердили, что «да, правда!».

— Мы сами видели остатки рельсовых путей, — сказал мальчик в очках. Грета продолжала:

— Но колея у рельсов странная. У ж, чем обычная, но шире, чем узкоколейка.

— Может, как за границей? — сказал Валерий.

— Нет, еще уже. Мы уточняли в Интернете...

— Может, пугачевцы прокладывали путь, чтобы подтягивать резервы? — решил состричь Валерий.

Грета не приняла шутку.

— Нет, не пугачевцы... Однажды Горошек... — она кивнула на мальчика в очках, — и Шурик, — кивок на длинного мальчишку с круглыми веснушками, — нашли в бумагах Шуркиного деда старый лист со схемой. На схеме — рельсы, которые ведут к поворотному кругу... Ну, знаете, бывают та-

кие круги на станциях. На них загоняют вагоны и локомотивы, когда их надо развернуть...

— Знаю, — кивнул Валерий. — В давнем детстве с другом Сережкой мы даже разок прокатились на таком. По знакомству с деповскими рабочими... Но вам-то зачем этот круг? Его небось и не повернешь там...

— Главное — найти, — сказала Грета. — В схемах было написано, что от Круга начинается Дорога. С большой буквы... Ты, Валерий, знаешь, что такое Дорога?

— Ты имеешь в виду теорию Великого Кристалла?

— Да. Нам про это зимой в школе рассказывал один профессор. Евгений Евгеньевич Волоков. Он у нас лекцию про природу космоса читал... Говорил, что у Дороги масса загадочных свойств и что она спасает от всяких бед, хотя это еще не доказано...

— И вы хотите доказать?

Грета пожалала плечами:

— Сперва надо найти... Но мы знаем, что это будет скоро. Что тут можно было возразить? Следопытам виднее...

В Крепости, когда занимались отладкой напряжения в сети фильтрационного экрана, Валерий завел разговор про Поворотный Круг.

Саньч подтвердил, что слухи о рельсах и Круге еще во времена его детства «имели место».

— Рельсы изредка видели, а Круг никто не мог найти. Ребячий фольклор, наверно... Хотя на Пустоши чего только нет. В том числе и фантастика всякая...

— Никакой там нет фантастики, мы с ребятами на каникулах после пятого класса всю ее излазили, — заспорила Аллочка. — Только лягухи громадные. Красивые такие, радугой отливают. Я сперва боялась, а потом одну домой принесла, посадила в ящик с мокрой травой. Но эта бедняга всю ночь вопила, как потерявшаяся кошка, пришлось утром нести обратно...

...Вечером Валерий спросил про Пустошь и Круг Юну (они опять сидели под окном среди тропической герани). Юна сказала, что на Пустошь никогда не ходила, потому что лягушек боится пуще смерти.

— Я вообще ужасная трусиха... — И она потеснее прижалась к Валерию, будто он мог защитить ее от всех страхов. А может, и правда мог? Голова Юны пахла теплыми волосами, а пальцы — все еще красками, которыми Юна днем рисовала на блюде очередной портрет императора Андрюшки.

ГЛАВА 3

Среди старых Смоленских улиц была одна, которая не называлась Смоленской. Называлась она Колокольчиков проезд (или рынок). Потому что здесь торговали всяким удивительным товаром, среди которого блестело медью множество колокольчиков. Разных размеров. От тех, что величиной с наперсток, до таких, что уже не колокольчики, а колокола. Ну, не церковные, конечно, однако все равно немалые: со старинных пожарных машин, со всяких катеров и буксиров и, возможно даже, с парусных кораблей. Все это колокольное товарищество негромко перезванивалось на разные голоса, наполняя воздух причудливыми мелодиями. И медно-серебристо-бронзовая переключка была здесь, пожалуй, самым заметным и постоянным звуком. Потому что продавцы и покупатели отличались молчаливым и серьезным характером...

Улица сама по себе была удивительная. Покрытые резьбой, украшенные балкончиками двух- и трехэтажные дома там и тут соединялись на высоте переходами, мостиками и галереями. А местами разноцветно светились над тротуарами и мостовой геометрические узоры застекленных сводчатых покрытий. Под сводами висели кованые фонарики — они ради пушей красоты горели даже днем.

Давным-давно, в позапрошлом веке, инский купец Тележников — любитель искусства и старины — задумал устроить в этом квартале что-то вроде музея-заповедника — с выставочными залами для всяких редкостей, галереями для художников и театром для местных артистических талантов. Кое-что сделать он успел, но скоро наступили времена, когда стало не до редкостей и не до искусства... Лишь с недавних времен стараниями инских поэтов, актеров и живописцев — при всяческом содействии главы города, Петра Конд-

ратьевича Столетова, — Колокольчиков проезд начал снова становиться таким, каким был задуман больше сотни лет назад.

— Только вот некоторые дома обветшали, — озабоченно говорила Света. — Папа сказал, что, когда закончатся работы в церкви, их бригада займется здесь реставрацией. Не везде сразу, конечно, а хотя бы в самых важных местах...

Света, Май и Грин, а также неразлучные Толь-Поли брели по Колокольчиковому рынку, то задирая головы на фонари и цветные стекла, то разглядывая на длинных прилавках и скамьях необыкновенные товары. Волосатые художники, коллекционеры профессорского вида, интеллигентные дамы в пенсне, бойкие простоватые старушки, похожие на отставных матросов дядьки и слегка поддатые шетинистые мужички торговали... чем только они не торговали! Картинами, статуэтками, подсвечниками, моделями кораблей, древними самоварами, медными ручками от старинных дверей, сшитыми из лоскутков куклами, деревянными игрушками, свистульками, пуговичной мелочью, оловянными солдатиками, монетами и марками для коллекций.

В отдельном ряду расположились продавцы изделий из камней-самоцветов. Здесь тоже было на что посмотреть. Письменные приборы и рамки из малахита, зверюшки и шахматы из оникса и змеевика, брошки, бусы, браслеты, друзья горного хрусталя и золотистого пирита... Особенно много было всяких шаров. Это хрустальные и многоцветные глобусы на медных подставках и просто шары из камней всех оттенков. Считалось, что в них скрыта энергия жизненных сил. Многие покупали. Верили, что положишь такой шарик под подушку, и будет у тебя меньше хворей и больше радостей...

Среди этого круглого разнообразия царил хрустальный шар. Величиной с те чугунные ядра, которые отыскивали на Пустоши Гретины следопыты — в диаметре сантиметров десять. Все окружающее отражалось в нем, цветные огоньки стеклянной крыши горели, будто крохотные елочные лампочки. И в то же время шар был чудесно прозрачен.

— Ух ты... — выдохнул Май. И нагнулся над шаром. Грин и Света стояли рядом и понимающе молчали. Знали, о чем

Май думает, глядя на хрустальное чудо. Только неугомонные Тополята ускакали куда-то... — Можно подержать? — шепотом спросил Май продавца.

Продавец казался непонятым. Было в нем что-то и от художника, и от уволенного в запас десантника. Прическа ежиком, крепкие руки, заросшие худые щеки, прицельный взгляд. К просьбе он отнесся с пониманием. Вынул из-под прилавка белую тряпицу, протянул:

— Вот, возьми в нее, чтобы пальцами не наследить...

Май взял шар в тряпицу, как в пеленку. Поднял его на ладонях на уровень глаз. Помолчал. Сказал тихонько:

— В нем будто всё на свете...

Грин и Света смотрели тоже. Шар чуть шевелился, в глубине его иногда обнаруживались внутренние изломы с горящими искрами, волнистые слои, радужные переливы. При новом шевелении он становился абсолютно прозрачным. А потом опять возникали контуры неведомо чего — то ли причудливых скал, то ли удивительных строений...

— Смотрите... То Нотр-Дам, то Покровский собор, то буддийские пагоды... — опять выговорил Май.

Грин и Света не разглядели ни соборов, ни пагод, но не спорили: Маю виднее...

Он опустил наконец тяжеленный шар до уровня груди, оглянулся на его владельца:

— А сколько он стоит?

— Ну, братец ты мой, — недовольно сказал тот, — эта вещь не для игрушек, хрусталь чистейшей пробы. И деньги тут нужны не детские...

— А все же... — сказал Май еле слышно.

— Мне за эту штуку вчера предлагали мобильник новой марки. Я подумал и не стал...

Май осторожно положил шар с тряпицей на край прилавка. Растегнул на боку сумку с латунной бляшкой-корабликом. Сумка была увесистая: в ней лежали яблоки, купленные в продуктовом киоске, и литровая бутылка лимонада. А еще лежала серебристая «коробочка» Мая.

— Май, не надо... — жалобно сказала Света.

Но он уже держал коробочку на ладони.

— А вот на этот... поменяете?

Хозяин шара цепко глянул на Мая, на его аппарат. Взял коробочку. Осторожно понажимал кнопки, поднес к уху. Поразглядывал дисплей с заплясавшими цветными фигурками. Бережно нажал выключатель. Положил мобильник рядом с шаром.

— Ну, малец, ты даешь... Я о такой системе даже не слышал. Аппарат будущего. Он сто и сотни таких шаров...

— Значит, меняемся! — обрадовался Май (хотя Света держала его за рукав, а Грин досадливо морщился).

— Да как же я могу... — хозяин шара виновато обмяк. — Я даже права не имею. Скажут, обманул ребенка... И родители тебе за это дело голову свинтят...

— Ничего не свинтят! Это полностью моя вещь! Мой приз на конкурсе...

— Нет, нельзя так, — хмуро и решительно сказал продавец. — Не по-честному это... Будь у меня побольше денег, я купил бы твою штучку, чтобы тебе был и шар, и остальная сумма в придачу. Но я сейчас столько не наскребу. Извини...

— Тогда... можно я еще раз посмотрю? — шепотом попросил Май. Похоже, что в голосе шекотнулись тайные слезинки.

— Да смотри на здоровье...

Май поднял шар выше лица, вскинул голову. По светлым длинным волосам пробежали цветные пятнышки. Он смотрел, смотрел... наконец опустил хрустальную тяжесть на прилавок.

— Спасибо...

— Да не за что, — неловко сказал продавец.

— Грин, Света, Май! — вдруг отчаянно зазвенели в отдалении Толь-Полины голоса. — Идите сюда! Скорее!

Трое кинулись на зов. Уж не случилось ли чего?

Страшного не случилось. Просто близнецы усмотрели на столике перед веселой старушкой, торгующей куклами, тряпичного индейского вождя. Он полыхал десятицветным пестушиным оперением, сверкал засунутым за пояс томагавком, сиял белозубой улыбкой, был не грозный, а совершенно дружелюбный. Когда его брали в руки, он веселым электронным голосом вопил:

— Да здравствует отважное племя гуммираков!

— Вот! — восторженно воскликнул Толя. — Давайте купим! Он будет охранять нашу хижину!

Стоил вождь гуммираков совсем пустяки (в отличие от шара). Но у Толь-Поли такой суммы не было. Оказалось, что и у Светы с Маем тоже — потратили на яблоки и лимонад. Тогда Грин полез в глубокий карман подаренных Маем бриджей и выудил деньги, которые остались от Мерцалова. «Арбузная сдача». (Казалось, так давно это было!) Едва ли Мерцалов когда-нибудь повстречается ему в жизни. А если повстречается и вспомнит про сдачу, Грин скажет, что проел ее, когда остался один. Имел право! И пусть он, Ефрем Зотыч, катится...

Радостный гуммирак перешел в Толь-Полины руки. И теперь, когда вся компания бродила по Смоленским улицам, клич индейского вождя то и дело пронзал воздух жаркого июньского дня. Так, что разлетались пушинки зацветающих тополей. Незнакомые ребяташки подбегали, спрашивали, что такое, просили поддержать индейца. Им давали, вождь голосил у них в руках. К общему удовольствию... Только Май был не улыбочив.

Чтобы Май меньше печалился о некупленном шаре, Света бодро предложила:

— Пойдемте в Кукушкин сад! Там водопад с мельничным колесом и пляшущими гномами, Грин еще не видел...

Май встряхнулся и сказал, что да, конечно...

Они часто гуляли по Инску, открывали город Грину. Грин радовался инским чудесам, загадочности старых улиц, путанице лестниц, струям шумных фонтанов, где барахталась малышня, белизне стоявших близко друг от друга колоколен и башен и все больше впитывал в себя ощущение, что это *его* город...

Из Кукушкиного сада вышли на Капитанский спуск, а оттуда на Вторую Раздельную. Пошли вниз, мимо редакции «Почтовой ромашки», в которую Грин больше так ни разу и не заглянул (сейчас вдруг что-то царапнуло, но не сильно, на миг). По Кленовому переулку и Оборонной дошагали до крепостной стены.

— Давайте навестим Валерия, — предложила Света. — Они там какой-то вакуумный ускоритель ставят, вчера со станции привезли...

— Как это со станции? — насторожился Грин. — Поезда же не ходят.

— Товарные ходят, — объяснил всезнающий Толя.

Май сказал, что не надо мешать людям, когда они работают. Лучше забраться на башню и посмотреть, не пасутся ли на Пустоши неутомимые Гретины следопыты. Идею одобрили. По прижавшимся к башне кирпичным ступенькам поднялись на площадку с разрушенными зубцами. Здесь росли кустики осота с желтыми цветами и пахло нагретым камнем. Солнце жарило с высоты. Май, Толя и Грин стянули футболки.

Пятнисто-зеленая Пустошь с проблесками лужиц широко раскинулась в три стороны. Далеко за ней громоздились корпуса города, который в основном был уже Ново-Заторском (хотя кто в этом разберется до конца!). Далеко от Крепости, посреди Пустоши, желтели ребячьи рубашки. Издалека они казались мелкими лютиками.

— Во, унесло их нынче... — сказала Света. — Туда и ядра-то наверняка не долетали.

— Они ищут Большой Круг, — напомнил всезнающий Толя.

— Говорят, что вот-вот найдут, — вставила Поля.

— И тогда усвижут вообще неизвестно куда, — недовольно заметила Светка. — По открывшейся Дороге. Генриетту только помани новым маршрутом...

— По Дороге нельзя усвистать, — негромко объяснил Май. — По ней уходят всерьез. Или насовсем, или очень надолго...

— Откуда ты знаешь? — опасливо спросила Света.

Май шевельнул колючим, уже загоревшим плечом.

— Говорят...

Света оживилась:

— Май, сними их для видика! У тебя в камере двадцатикратное увеличение, они будут как на ладошке. Покажем — удивятся!

— Ладно... — Май полез в сумку. — Ой... Вот балда!

— Что? — разом испугались все.

— «Коробочку»-то я оставил там, на прилавке...

— И правда балда, — не удержалась Света. — Не будет Грете сюрприза...

— Ну так идем скорее! — забеспокоился Грин. — Потребуем «коробочку». Может, тот мужик не отпопрется!

Толя-Поля непонятно фыркнули.

— Да ладно, успеется, — сказал Май. — Они там работают до шести... Давайте лучше сбегаем на берег, искупаемся. И надо «Кафедраль де ла Мар» посмотреть, наверно, размыло дождем. Ночью вон как хлестало.

— Жалко... — опечалилась Света.

— Он ведь и так две недели простоял, — утешил ее Май. — Даже удивительно... Надо только шарик найти, а то кто-нибудь увидит, решит, что ничей...

Они спустились с башни и двинулись к реке. Кажется, судьба «коробочки» никого не волновала, кроме все еще не совсем привыкшего к инским нравам Грина, но он разумно помалкивал.

День был самый «купальный», на пляже оказалось немало народа. Ребячьи визги и брызги. Но рядом с остатками песочного собора — никого. Май покопался в «руинах», достал янтарный шарик (в нем горела искра). Подышал на него, вытер о намотанную вокруг пояса футболку. Посмотрел сквозь него на свет, улыбнулся, протянул на ладони Грину.

— Возьми. Насовсем...

— А почему... мне?.. — пробормотал Грин.

— Просто так. На счастье...

Может, он думал при этом: для чего мне этот шарик-крошка, мне нужен *тот*... Но нет. Он просто дарил другу янтарную искру.

— Спасибо... — И Грин зачем-то, как и Май, подышал на шарик.

Искупались, пожарились на солнышке, искупались опять. Побросали в воду с размаха, за руки и за ноги, орущих от радости Толю-Полю. Съели яблоки, запили лимонадом. И наконец двинулись обратно.

На Колокольчиковом рынке было уже не так многолюдно. У прилавка с камнерезным товаром вообще пусто. Хрустальный шар выделялся среди других вещей величиной и блеском. Словно чего-то ждал. Его хозяин скучал, поглядывая поверх голов.

Ребята подошли.

— Простите, мы тут мой мобильник днем оставили... — сказал Май. — Помните?

Продавец глянул на него со смесью досады и удивления.

— Ну, ты... чудо волосатое. Бросаешь такую ценную вещь посреди рынка. А если *что*?

— А что? — слегка удивился Май.

— Мало ли... Вдруг на моем месте оказался бы какой-нибудь ново-затарский жлоб?

— Да их здесь не бывает! — послышался звонкий Толин голосок.

Продавец помотал головой, словно отгоняя наваждение. Достал из-под прилавка «коробочку».

— Держи...

— Спасибо, — рассеянно отозвался Май. А сам все смотрел на шар. Наверно, хотел сказать: «А можно еще посмотреть?» — и не решался.

Продавец поскреб щетинистую щеку и как-то скомканно спросил:

— А что, паренек... *он* тебе очень нужен?

— Уж-жасно нужен, — честно и горестно сказал Май. Мельком глянул на продавца, потом на ребят. Положил «коробочку» в сумку. Тряхнул волосами. — Пошли домой. — И спохватился, оглянулся на хозяина шара опять: — Извините за беспокойство...

— Подожди... — В руках продавца снова появилась тряпица, он обхватил ею шар. — Ты вот что... значит, забирай его. Вот... — И протянул.

— Да ну... — выговорил Май. — Как это...

— В подарок. Бери... У меня такого добра еще хватает, а тебе, я смотрю, без него никак... Ты, видать, такой же прозрачный, как он... — Глаза продавца были теперь не прицельными, а с янтарным отсветом, будто шарик, подаренный Грину.

Отказаться от подарка было выше сил. Да и надо ли?

— Спасибо, — прошептал Май и взял сокровище в ладони.

— Спасибо... — вразной проговорили остальные.

Тихо звонили по всему рынку колокольчики...

ГЛАВА 4

К дому шли без шума, тесно друг к дружке. Казалось, от хрустального шара (Май нес его в сумке) идет невидимое излучение, от которого у всех и тихая радость, и непонятное смущение, и в то же время тревога. Поэтому говорили мало.

Толь-Поли в своих ярко-зеленых костюмчиках шагали впереди. Толя вдруг заспешил. На бугристом, проросшем по дорожникам асфальте блестела коричневым лаком вещь — то ли игрушечный заводной жук, то ли компьютерная «мышка» с оборванным проводом. Толя сверху вниз ударил по находке подошвой. Потом схватил «мышь» за хвост-обрывок, раскрутил и швырнул за дощатый забор.

— Зачем ты? — поморщилась Света.

— Это же шпион! — звонко объяснил Толя.

— Все равно он уже дохлый, — брезгливо сказал Май.

Толя не поверил:

— С чего ты взял?

— Ну, чувствуется же... Наверно, баба Клава опять включила плитку...

— Или Максим Максимыч раскочегарил свой самовар... — хихикнула Поля.

Грин, конечно, сразу вспомнил электронную модельку и Тюнчика. И Пузырька. И новая тревога (а с ней и неуверенность) шевельнулась в нем.

— Неужели эти паразиты пролазят и в Инск? — спросил он, стараясь говорить небрежно.

— Иногда, — отозвался Май. — Да они здесь не опасны, дохнут почти сразу...

— Неблагоприятная среда обитания! — вдруг возгласил тряпичный вождь гуммираков, которого несла Поля. Все с облегчением рассмеялись...

Ворота, за которыми стоял в глубине двора дом Веткиных, были удивительные. Грин не уставал любоваться ими. Створки покрывал накладной деревянный узор из корабликов, солнышек, звезд, улыбчивых рыб и похожих на водоросли переплетений с цветами. Столбы украшены были фигурами русалок и добродушных пиратов. Анатолий Андреевич

Веткин поставил ворота недавно, весной, и с них еще не сошла светлая желтизна. Грину казалось даже, что узоры пахнут свежим деревом.

Такой же запах чудился Грину и внутри дома — от некрашенных дощатых стеллажей, от веселых резных масок под потолком, от узорчатых рам с большими фотографиями старинных городов, где у пристаней стояли крутобокие корабли с фигурами рыцарей, султанов и греческих богинь... Анатолий Андреевич иногда говорил, что если бы он жил в прежние времена в каком-нибудь приморском городе, то наверняка стал бы одним из мастеров, которые делали деревянные скульптуры для кораблей...

Когда Анатолий Андреевич узнал, что у Грина в начале июля день рождения, он пообещал приготовить для него подарок — деревянную фигурку Бегущей по волнам, укрепленную на форштевне. Это потому, что он видел не раз, как Грин устраивается в уголке с книжкой, в которой были роман «Бегущая по волнам» и повесть «Алые паруса». Этот синий томик с кораблем на обложке Грин нашел на полках среди множества других книг (расставленных, кстати, в изрядном беспорядке).

Грин заранее думал об ожидаемом подарке с радостью. Но жило в нем и беспокойство. Потому что за неделю до того, как исполнится ему тринадцать, должно случиться другое событие. Придет срок сделать прививку, чтобы навсегда убрать из себя угрозу темпотоксина. Ампула хранилась у подпоручика Петряева, в сейфе муниципальной стражи, и Витя обещал доставить ее в дом Веткиных за два дня до ожидаемого момента. И «держат наготове очень симпатичную медсестру Люсеньку», хотя Грин уверял, что сумеет сделать укол сам. «Сам-то сам, а присутствие специалиста не помешает», — заявлял Витя...

«А вдруг не получится?.. Вдруг лекарство не работает?.. А вдруг... меня уже не будет, когда наступит день рождения?» — иногда тугими толчками взрывался внутри страх. Грин замирал, переглаживал накатившую тревогу, ждал, когда она ослабеет, угаснет. «Да нет же! *Здесь* не может быть плохого...»

...Шар выложили на стол в комнате, где стояли кровати Мая и Грина. Хрустальная сфера впитала в себя проникший в окно вечерний свет, мягко засияла желтыми, розовыми, голубоватыми красками.

Пришла Любаша с лодырем Евгением на руках. Тихонько восхитилась. Евгений произнес:

— Ых... Вых, дых... — судя по всему, он хотел сказать: «Эх, вот это да...»

Света принесла из кладовки узорчатый подсвечник с застывшими наплывами стеарина. Когда-то в него вставляли толстую свечу, но сейчас он был пуст.

Света установила подсвечник посреди столика.

— Клади...

И Май бережно положил шар на причудливый медный стакан.

Получилось — будто хрустальная лампа с круглой головой на старинной подставке. Шар ласково сиял. В нем порой возникали дрожащие, слабо различимые видения: то ли башни в облаках, то ли оснащенные парусами мачты...

— Ох, а представляете, если такой же, только громадный, будет висеть над городом или полем... — прошептала Света.

Сперва все молчали. Май — потому что, конечно же, представлял. Света — тоже. А остальных, наверно, смущала мысль: как удержать эту небывалую тяжесть над поверхностью Земли? Грина, по крайней мере, очень смущала. Но Толя вдруг звонко развеял сомнения:

— Лыш придумает, чтобы он не падал. Да, Май?

— Может быть... — шепотом отозвался Май.

Лыш оказался легок на помине. Молча и деловито проник в комнату. Остановился перед шаром. Почесал на макушке темный ежик, сунул пальцы в кармашки джинсовой безрукавки, покачался на ломких ногах, присел так, чтобы шар стал виден на фоне окошка, на просвет. Ежик Лыша заискрился, уши розово засветились.

Все молчали, словно пришел авторитетный эксперт, от которого зависело крайне важное решение. Но Лыш тоже молчал, наклоня голову то к одному, то к другому плечу.

— Ну, что скажешь? — наконец спросила Света. Но Лыш ничего не сказал, потому что в этот миг шелкнула и разнесла

музыкальный удар «коробочка» Мая. Она лежала на краю стола. Крохотный объектив выбросил широкий луч. Тот ударил в некрашеную стену и высветил на ней рядом с окном овальное пятно. В пятне возник оранжевый пейзаж: покрытые ветровой рябью пески, башни и пирамиды на горизонте, скалы и разбитые статуи, от которых падали черные ломаные тени. Среди этих теней шагали две фигурки — не то дети, не то гномы, не разглядишь...

Грину показалось на миг, что он узнал Пузырька и Тюнчика. Но фигурки растаяли, весь экран занял рыжий песок.

— Тьфу ты! — возмутился Толя. — Опять это занудство!

— Безобразие какое-то, — поддержала его Любаша (и Евгений поддержал, только неразборчиво). — Почему эта игра то и дело сама собой лезет в компьютеры и телевизоры? Наверно, телецентр в Ново-Заторске на корню запродавал все каналы ее организаторам...

— Это не телецентр. И теперь совсем уж не игра... — сказал насупленный Лыш.

— Похоже, что так, — согласился Май.

Всем стало неудобно.

— Послушайте, а кто-нибудь пробовал играть в эту штуку всерьез? — спросила Света. — Мы с Гретой пытались, но сразу перепутываются уровни и начинают выскакивать надписи на непонятном языке.

— Все пробовали, — сказал Май и посмотрел на Грина. — В самом деле, невозможно понять условия. А когда начнешь разбираться, она вдруг обрывается...

— А то вдруг включается сама собой. Как сейчас, — пожаловалась Поля. — Мы с Толей вчера смотрели пятую серию «Тайны гибели Юрия Семецкого», а эта штука — бах и оборвала кино...

— Неужели вы смотрите эту дурацкую «Тайну»? — возмутилась Света.

— Да, потому что там показывают подводную суперлодку «Зеленый кит», — разъяснил Толя. — Чудо новейшей техники...

— Это же компьютерная конструкция, — вставил свое слово Грин.

— Ну и пусть компьютерная. Все равно как настоящая, — не сдался Толя.

Из глубины дома донесся голос тети Маруси:

— Эй, население! Кто хочет горячей картошки с молоком, пусть идет на кухню! И побыстрее! А то мы с папой съедем и выпьем всё!

Все поняли, что проголодались. Только Лыш сказал, что не хочет есть, поужинал дома.

— Я здесь побуду... — И он опять принялся разглядывать шар.

Май выключил коробочку, но она тут же включилась опять.

— Бестолковая... — Май махнул рукой.

Все, кроме Лыша, ушли. А он...

Он повертел головой перед шаром, потом посмотрел на овальное пятно с песками. Посмотрел еще... Что его толкнуло, какая догадка? Едва ли он понимал это сам. Но знал, что действует правильно. Так же, как в своей работе с летучими стульями. Он взял с подоконника несколько книг (в том числе и гриновский томик с корабликом), сложил стопкой на столе, поставил на стопку «коробочку». Так, чтобы луч из нее падал не прямо на стену, а проходил сквозь шар.

Шар налился золотистым светом. Но луч не увяз в хрустальной массе, прошел сквозь нее и снова высветил на ровных досках овальный экран...

Хотя нет, это был теперь не кран. Скорее растворенный иллюминатор с размытыми краями. За ним явно ощущалось иное пространство. Оттуда несло запахами чужого мира, теплом нагретых камней и песка. Лыш понял: он может выбраться в отверстие и окажется там. И который уже раз повторит путь с найденным шаром на вершину Пирамиды!

Но Лыш хотел теперь не этого. Он только просунул в мир пустыни руки. И пальцы его погрузились в теплый сыпучий песок. Лыш взял его в пригоршню. Качнулся назад, вместе с наполненными песком ладонями. И песок не исчез! Он был теперь здесь, в пространстве города Инска, в мире, где Лыш обитал постоянно!

Ему удалось то, что никогда не получалось раньше!

Лыш суетливо высыпал песок с ладоней в боковые кар-

машки на шортах. Потом сбросил безрукавку, стянул майку, узлом завязал ее нижний край. Получился мешок с лямками. Лыш, то ныряя по поясу в отверстие на стене, то шараясь обратно, начал высыпать в майку пригоршню за пригоршней. От частых сгибаний и разгибаний у него заныла спина (остатки давней болезни), однако Лыш работал, работал, пока маленький белый мешок не стал полным и тугим. Тогда Лыш связал лямки, выпрямился окончательно и убрал «коробочку» с книг, а книги на подоконник. И «коробочка» вдруг выключилась сама собой, не стало ни иллюминатора, ни оранжевого экрана.

Лыш натянул на голое тело безрукавку. Постоял, подумал. Взял из кармана щепотку песка, высыпал на клеенку стола. Здесь же лежала и тряпица, в которой принесли завернутый шар. Лыш очень осторожно взял белым лоскутком скользкую тяжесть, придвинул ее вплотную к песку. Шар теперь был совершенно прозрачным. Его выпуклая масса, будто очень толстая лупа, увеличила песчинки до размера камушков для рогатки. И стало видно, что это не только крупинки кварца и других минералов (бурых и красноватых). Здесь были обломки ракушек, а иногда и крохотные целые раковины — плоские, шипастые, завитые. Ясно, что когда-то на месте Песков царствовало море... А еще было время, когда в Песках стояли города. По крайней мере, Лыш различил крупинки мрамора, у которых одна сторона была очень ровной, словно это обломки гладкой стены. Показалось даже, что видны значки, похожие на незнакомые буквы. Конечно, трудно было поверить, что строители стали бы украшать мрамор микроскопическими письменами, но... кому ведомы тайны древних миров...

«Из такого песка не сварить стекло для Шара», — подумал сосредоточенный Лыш. Но без огорчения. Он знал (давно уже знал!), что песок из пустыни с башнями и пирамидами годится для другой цели. И сейчас вновь убедился в этом.

— Ахата тиа... Вик та, Сеаста... — шепотом сказал мальчик Лыш (и мальчик Кки). — Сплошная загадка... Мир вам, Пески...

Он выбрался на двор через открытое окно и ушел, ни с кем не попрощавшись.

У себя в сарае Лыш вытащил из-под верстака фанерный ящик со стеклянным запасом. Рыжее, совсем уже вечернее солнце падало в открытую дверь. При его свете Лыш стал вынимать из ящика прозрачные круглые пузырьки и насыпать в них песок из мешка-майки. Пузырьков было восемь. Лыш наполнил четыре, а еще четыре оставил пустыми. Потом пустые с полными соединил стеклянными трубками. А эти пузырьковые пары укрепил в проволочных вилках на деревянных подставках (все у Лыша было подготовлено заранее):

Получилось четверо песочных часов.

Лыш на каждом повернул полные колбочки вверх. Потекли неслышные сухие струйки. Лыш почесал мизинцем подбородок. Расставил часы по углам воображаемого квадрата (шириной в полметра).

Он все это делал на щелястом полу сарая, рядом с верстаком. А фанерный ящик лежал на краю верстака. И вдруг он приподнялся и плавно ушел по воздуху в угол сарая. В другом углу радостно подпрыгнул Росик.

— Ахата тиа... — шепотом сказал Лыш, но без растерянности.

Снаружи резко потемнело.

— Лыш, ты где? — закричала с крыльца Грета. — Иди домой! Смотри, какая туча, сейчас гроза будет!

— Гретхен, у тебя найдется чугунный шар? Не насовсем, на минутку!..

— Под крыльцом лежат два!.. Лыш, но ведь гроза!

— Гроза подождет... — рассеянно отозвался Лыш.

Валерия и Юну гроза настигла в сотне шагов от дома (они возвращались из парка, с концерта группы «Капитан Лист»). Дождь начинался осторожно, по плечам ударили всего несколько капель. Юна и Валерий вбежали в сени, шелкнули выключателем. Ожидали услышать встревоженно-заботливые причитания бабы Клавы. Но в доме было пусто.

— Наверно, задержалась у соседки, — прошептала Юна.

— Пойдем ко мне, — тоже почему-то шепотом сказал Валерий. — У меня там чай в термосе. Ты озябла...

— Да ни капельки...

— Все равно... пойдём...

Они вошли и остановились посреди комнаты. За окном неярко мигало, ровно рокотало и нарастал ливень.

— Ты промокла насквозь, — выдохнул Валерий. — Ты это... сними платье, надо высушить...

— Не выдумывай... Всего несколько капель...

— Не несколько, а много... Давай помогу...

— Валерка, перестань... бессовестный...

— Но я же просто помогаю...

Потом они сели рядышком на кровать.

— У тебя рубашка тоже мокрая...

— Ага... — и завозился. Затем придвинул Юну к голому плечу.

— Вот придет баба Клава... — прошептала она.

— В такой-то дождь... *Авось* не придет...

— Еще и дразнится... Твое счастье, что под рукой нет фансового блюда.

Валерий тепло подышал ей в ухо.

— Ага... счастье...

И показалось, что рядом с ними неслышно прыгнул на кровать пушистый ласковый кот...

ГЛАВА 5

Утром было пасмурно и прохладно. Изредка моросило. Толь-Поли с неразлучным вождем гуммирабиков перебрались в дом. Ребята собрались в большой комнате у телевизора, включили. Но ни на одном канале не нашлось ничего, кроме стрельбы и мордобоя. Только Инская студия передавала последние новости, но и там — скукота.

— Активизация бывших функционеров «Желтого волоса» в правительственных кругах не может не настораживать всех трезвомыслящих жителей Империи и Вольных городов. Однако Регент на последней встрече с журналистами оптимистично заявил, что поиски консенсуса между бывшими политическими антагонистами являют собой позитивный процесс, который...

— Да здравствуют гуммираки! Регент дурак! — известил всех индейский вождь на руках у Поли.

— Еще один политик, — сказала Света.

Грин взял книжку Астрид Линдгрэн «Мы на острове Сальткрока» и ушел в угол к торшеру. Но почитать не удалось. Появились Грета и Лыш.

Лыш был молчаливей обычного, зябко потирал колючие локти, но думал явно не о холоде, а о чем-то далеком от погоды. А Грета — как раз о погоде:

— Пришлось отменить из-за дождика вылазку на последнюю дистанцию. А Круг совсем рядом, это понятно всякому.

— Да... а ведь нынче солнцестояние, макушка лета, — поддержала Света недовольство подруги. — В такое время должна стоять безоблачная погода...

— А мы растяпы! — вдруг отчетливо заявил Толя.

Все, конечно, захотели узнать: с какой стати растяпы?

— Потому что в прошлые годы, когда летняя макушка, мы смотрели елочные игрушки!

— В самом деле! — обрадовался Май (и даже как-то просветлел). — Правила нельзя нарушать! — И обернулся к сидевшему в сторонке Грину. — У нас такой обычай! Когда наступает самый длинный день в году, мы вытаскиваем коробку с елочными украшениями и разглядываем, перебираем их. Чтобы не забывались зимние сказки. И чтобы игрушки не заскучали совсем... Может быть, тебе тоже будет интересно?

— Конечно! — быстро отозвался Грин (заранее знал — будет!).

Толпой полезли по внутренней лестнице на чердак. Тетя Маруся просила быть поосторожнее, чтобы не свихнуть шеи и чтобы не насторожить Евгения, который тоже запросится наверх и там «наведет свой порядок».

Видимо, Грета и Лыш были знакомы с обычаем семейства Веткиных, потому что без расспросов приняли участие в «зимней вылазке». Впрочем, Лыш не проявлял энтузиазма. Забрался последним и сразу сел в сторонке на перевернутый бачок. И все думал о чем-то...

Такая задумчивость Лыша почему-то беспокоила Грина. Это беспокойство непонятно смешивалось с другим — с памятью о двух темных фигурках, которые он вчера заметил на стене, в светлом пятне от луча «коробочки»-проектора.

На чердаке пахло пылью (но в то же время — свежим деревом, как во всем доме). Под наклонной крышей, среди ба-

лок, тайлся сумрак. А сквозь него из чердачного окна проникал пасмурный день. В этой неяркой серости лишь Толь-Полины свежее-зеленые рубашки были как вымытая дождем листва.

Толя щелкнул выключателем, и дождливый дневной свет смешался с другим — от яркой лампочки над головами.

— Рассаживайтесь, — предложила Света, как хозяйка, пригласившая гостей на пирог.

Расселись кто где — на старый сундук, на свернутый в трубу (и, наверно, побитый молью) ковер, на древний телевизор с маленьким выпуклым экраном. Грета прыгнула на толстую балку и привычно закачала длинными следопытскими ногами. Только Май не сел, он с натугой потащил из-за кривого письменного стола картонную коробку от пылесоса. Все вытянули шеи. Грину вдруг почудилось, что он присутствует при странном таинственном действе.

Май откинул картонные клапаны. Внутренность коробки выбросила наружу мелкий искристый блеск — от шаров, бус, мишуры...

Май открыл плоский фанерный ящичек.

— Смотрите-ка, сколько свечек осталось... Хватит еще на одно Рождество...

Грин увидел тонкие свечи, похожие на цветные, источенные наполовину карандаши (только вместо грифелей — черные закорючки обгоревших фитильков).

— На Новый год мы зажигаем на елке лампочки, а на Рождество настоящие свечки, — шепнула Света Грину, словно посвящала в тайну. Они сидели рядом на сундуке, Светин шепоток шекотнул Грину ухо.

— А не опасно? — спросил Грин, чтобы что-то сказать и заглушить непонятное смущение.

— Ничуть, — отозвалась Света. — Мы все внимательно следим и держим рядом воду... Да они и недолго горят, лишь в начале праздника...

Май стал доставать игрушку за игрушкой, они пошли по рукам. Ватные, обсыпанные блестками снеговик и зайчата, витые блестящие сосульки, картонные домики со слюдяными окнами, зеркальные шары, тонкие кубики и пирамидки, собранные из стеклянных палочек...

— Здесь есть совсем старинные игрушки, еще прабабушкины... — снова шепотом сказала Света. — Вот эта, например... — И закачала на петельке склеенный из двух выпуклых половинок серебристый месяц — глазастый, носатый, улыбочивый...

— Дай... пожалуйста... — выдохнул Грин.

Она положила невесомую игрушку ему на ладонь.

— Я помню... — тихо сказал Грин (и кашлянул, потому что царапнуло в горле). — У нас был такой же...

Воспоминания — беспорядочные, несвязные, но подробные — сыпались на Грина, словно содержимое коробки вывалили на него разом... Да, их елочка была маленькая, и украшений, конечно, было меньше, чем здесь, но... так похоже, так знакомо... А сквозь это шелестящее серебристое дрожание сказки — память про мамины руки, папин голос, снежный солнечный день и прыгающих за окнами снегирей... На открытые колени Грина упала мягкая мишура и защекотала кожу, будто шерсть кота Юшика. Грин погладил ее...

А папина щетинка на лице (не успел побриться) тоже была щекочущая, только пожестче кошачьей шерсти. Как искусственная хвоя распушившейся на полке елочки...

«Юшик, не вздумай прыгать на елку, а то будет ой-ёй-ёй что...»

В лесу нашли мы ёлочку
С искусственной хвоей.
Поставили на полочку,
А дальше ой-ёй-ёй...

Странно, что знакомые слова вдруг перестали укладываться в привычную мелодию спортивного марша... Грин сердито мотнул головой...

— Можно, я посмотрю этот шарик? — вдруг попросил со стороны Лыш. Непривычно звонким (будто не своим, а Толиным голосом). И потянулся с бачка к золотисто-зеркальному, украшенному синими звездочками шару. Не шару, а именно шару — величиной с большущее яблоко.

— Возьми... — Поля дала ему хрупкую игрушку из ладоней в ладони.

— Только не разбей, — предупредила Грета. — Это старинный шар. Можно сказать, исторический экспонат. Да, Май?

— Лыш не разобьет, — пообещал Май.

Лыш уже другим, вредным, голосом сообщил на ломаном немецком языке:

— Ди швестер Гретхен видер лере зайне унглоклихе брудер... — Это примерно означало: «Сестрица Грета снова учит своего несчастного брата».

— Дер дойче болтун, — сказала Грета. Поправила край куцей складчатой юбочки и опять закачала ногами — в ритме песенки, которую неразборчиво мурлыкала себе под нос. Грин глянул на нее, встретился глазами. Грета отвела глаза, поправила юбочку снова и вдруг выговорила с непривычной робостью: — Грин, ты не обидишься, если я спрошу про ту песню?

— Какую? — бормотнул он, почуяв странное совпадение.

— Про которую ты рассказывал... Которая в письме твоего папы...

— Я... не обижусь... — и легонький озноб прошел под футболкой. — А чего... спрашивать-то?..

— Ты уверен, что твой папа пел ее на *ту спортивную мелодию*?

— Я... не знаю... Но он же сам написал...

— Да, он написал, что «Уралочка». Но ведь пел-то он ее не меньше десяти лет назад. Больше даже... А марш спортивного клуба «Уралочка» сочинили гораздо позднее. Я проверяла по Интернету...

— Ну... и что? — пробормотал Грин, удивляясь навалившемуся тревожному нетерпению. Кожа покрылась пупырышками, как от озноба.

— Дело в том, что есть еще одна «Уралочка». Очень старая песня. Мы со Светой пели ее в прошлом году в школе на концерте в День Победы... Помнишь, Свет?.. Там как боец на фронте вспоминает свою невесту, она родом с Урала... Вот...

Грета помолчала (видимо, прогоняла смущение) и вдруг пропела негромко и очень чисто:

Моя подружка дальняя,
Как ёлочка в снегу.
Ту ёлочку-Уралочку
Забуть я не могу.

Давно ушел я из дому,
Но помню до сих пор
Ее совсем особенный
Уральский разговор...

Грин сжал губы и зажмурился. Воспоминание накрыло его, как мягкая лавина. Теперь казалось: эту мелодию не забывал он никогда...

— Еще... пожалуйста... — не открывая глаз, попросил он шепотом.

Грета сказала:

— Свет, давай вместе...

Грин почувствовал, что Света соскочила с сундука и, видимо, скакнула на балку, села рядом с Гретой.

— Грета унд Света зинген, — сумрачно известил всех Лыш. Явно не из вредности, а чтобы ослабить напряженность странного ожидания.

— Лыш, помолчи, пожалуйста, — строго попросила маленькая Поля.

— Пожалуйста, — буркнул Лыш.

Грета и Света запели. Слаженно и ласково:

Моей далекой весточке
Не так легко дойти,
Но ты, моя невесточка,
Работай, не грусти...

«Господи, как я мог забыть?.. Это же была *мамина* песня. Любимая».

Грин помнил теперь мамино лицо, руки, запах ее волос. Ее голос. Тот, которым она пела вот это:

А если встанет в горле вдруг
Непрошенный комок,
Ну что ж, моя Уралочка,
Поплачь и ты чуток...

Комка в горле не было, но щеки стали мокрые, Грин знал это и не стеснялся. Лишь бы песня не кончалась подольше... Но она кончилась. Такими вот словами:

...И сына светлым именем
С тобой мы назовем...

«...Когда подрастешь и, может быть, начнешь стесняться слишком ласковых имен, станем звать тебя Грин».

Он глубоко вобрал в себя и шумно выдохнул воздух. Тыльными сторонами ладоней вытер щеки. И лишь тогда открыл глаза. Света спрыгнула с балки и опять села с ним рядом.

— Грин...

— Я вспомнил... — выговорил он, глотая последнюю слезинку.

— Ну... это же хорошо... Ты не горюй...

А он и не горевал. В печали его не было боли. Был в ней ласковый свет. А еще — тихая гордость: «Значит, я все-таки не выдал письмо *полностью*».

И чтобы не подумали, будто он в какой-то скорби и слезы его — горькие и безутешные, он заулыбался и — мало того! — решил малость подурочиться: мне хорошо, я даже весел, вот... И он стал наматывать вокруг шеи щекочущую мишуру, словно превращая себя в карнавального персонажа. Но эту шутку не успели оценить: послышался звук, будто лопнула электролампочка.

Через несколько секунд трагического молчания Грета произнесла голосом классной дамы («ди кляссенфрау»):

— Этого следовало ожидать. Я предупреждала...

Никто никогда не узнал: случайно Лыш выпустил скользкий шар из пальцев или решил пожертвовать им, чтобы отвести внимание от заплаканного Грина (впрочем, эта догадка появилась позднее). Теперь Лыш повесил голову и, сокрушенно рассматривал на половицах осколки. Остальные собрались в кружок и рассматривали тоже. Толя-Поля сели на корточки.

— Гуммираки не сдаются... — заявил в руках у Поли лоскутный вождь, но как-то неуверенно...

— Хорошо, что здесь нет Любаши. Это был ее любимый шар, — не сдержала огорчения Света.

— Да ладно тебе... — шепотом одернул ее Май. Потому что, хотя и жаль было шара, еще больше было жаль несчастного Лыша. В нем не осталось ни капли обычной сдержанной уверенности. Он встал на колени над осколками и смот-

рел на них, кажется, с горьким размышлением: «Что тут можно сделать, как починить?»

Ничего нельзя было сделать. Лежала на доске половинка с уцелевшей жестяной головкой и петелькой, а вокруг нее сверкала чешуя мелких осколков.

— Можно будет повесить на елку половину, — предложил страдающий за Лыша Толя. — Если повернуть разбитой частью назад, получится, что шарик целый.

Но Поля, которая спорила редко, здесь выразила печальную правду:

— Это все равно что ставить на стол вместо торта пустую коробку от него...

— Не пустую коробку, а половину торта! — возмутился Толя. Наверно, хотел таким спором заглушить общее огорчение. Но Поля только махнула рукой.

И тогда нашел решение Грин.

— Смотрите! Можно сделать прожектор! И пускать им по елочным веткам зайчиков, будет как салют! И получится, что шар не погиб!

В самом деле, внутренность половинки шара сияла, как рефлектор. Снаружи-то шар был желтый, а внутри — как чистейшая зеркальная амальгама. Словно отражатель фары сказочного автомобиля. Казалось, он просил: дайте мне света, и я оживу!

— А ведь правда... — улыбчивым шепотом откликнулся Май и благодарно посмотрел на Грина.

— Надо лампочку от фонарика, — деловито сказала Грета. — И батарейку. Найдется?

— Можно свечку, — посоветовал Грин. Он понимал, что предлагает пусть крошечное, но все-таки волшебство. — Как в кулибинском фонаре. Да, Май?

— Да, — сразу понял его Май. — Шар елочный и свечка елочная, они найдут общий язык...

— Тогда нужны спички, — рассудила Света. — Толя, сбегай на кухню...

— Не надо, у меня есть, — насупленно оживился Лыш. Встал (на его коленках блестели прилипшие чешуйки шара, золотистые и серебристые). Оттопырив локоть, полез в карман безрукавки, вынул коробок.

— Откуда у тебя? — старательно встревожилась старшая сестрица. — Ты что, куришь за сараями?

— Не за сараями, а на Рыбкином пустыре, — прежним сумрачным тоном ответил брат. — И сигареты я закуриваю зажигалкой. А спички, это чтобы ковырять в зубах у дракона Дрыни, который там живет в пустой бочке.

— Балаболка, — с облегчением сказала Грета.

ГЛАВА 6

Выбрали свечку подлиннее, слегка расплавили снизу, прилепили на край сундука. Постепенно обретающий прежнюю деловитость Лыш зажег фитилек. Пламя было маленьким, ярким и чуть колыхалось от общего дыхания.

Света забеспокоилась:

— Дом не спалим?

— Нет, — сказал Май. — Толя, выключи свет. Грин, бери отражатель. Твоя идея, ты и пробуй...

Грин взял за проволочное ушко невесомую половинку шара. Присел у сундука на корточки. Осторожно-осторожно придвинул рефлектор к свечке — так, чтобы дрожащий огонек оказался в фокусе отражателя.

Дальше случилось удивительное.

Из половинки шара метнулся золотым лезвием луч. Пробыл чердачный полумрак и горящим пятном лег на дверцу облезлого платяного шкафа. Пятно было круглое, сияющее, как спустившееся с неба солнышко.

От елочной свечки — такая светоносная сила!

— Мамочка моя... Гиперболоид... — выдохнула Грета.

У Грина дрогнула рука. «Солнышко» заметалось по чердаку и вернулось на прежнее место.

— Ну и прожектор. Даже не верится... — прошептала Света. Боязливо подставила под луч ладошку, засмеялась: — Ой, как тепло. Пушисто даже...

Все по очереди (даже Лыш) «потрогали» ладонями невысвеченный луч, его осязаемую мягкую теплоту.

— Это... даже вопреки законам физики... — пробормотала Грета.

— Наверно, здесь другие законы, — тихонько отозвался Май.

— Какие? — так же тихо спросил у него Грин (хотя догадывался).

— Потому что сказка, — ответил вместо Мая Толя. — Шар впитывал елочные сказки много лет подряд, и вот...

— И разные истории слушал, — продолжила брата серьезная Поля. — И песни... Сказка сильнее физики.

— Может, она просто усиливает физику, — недовольным тоном заметил Лыш.

— Правильно, Лыш, — обрадовался Май. — Ты всегда точно объясняешь!

И Лыш наконец улыбнулся.

Подал голос и Грин:

— Физика — это полезно. Только электричества не надо. Пусть всегда будет свечка, чтобы сказка не терялась...

И Май обрадовался опять:

— Правильно, Грин! Здесь нужен живой огонь!

Ободренный Грин стал развивать идею:

— Хорошо бы все это как-то закрепить. А то ведь стекло совсем хрупкое. Дыхнешь не так — и осколки...

— Надо сделать прибор. Вроде гиперboloида... — опять вспомнила книжку Алексея Толстого Грета.

...Прибор соорудили быстро.

Техническим руководителем сделался Лыш. Первым делом он велел разыскать пустую консервную банку, убрать с нее крышку, выровнять края. Потом сказал Маю, что нужен скульптурный пластик — тот, которым иногда пользовался в своих работах Анатолий Андреевич. Май принес. Пошли на двор, там на костре из щепок разогрели пластик в жестянке, он стал жидким, как кисель. Теперь предстояло самое главное...

— Сделаешь? — спросил Грина Май. Но Грин оробел:

— Давай лучше ты. У тебя пальцы умелые...

Май не спорил. Очень бережно стал погружать половинку шара выпуклой стороной в жидкий пластик. Все перестали дышать: «Ох, не лопнул бы...» Хрупкий рефлектор не лопнул, послушно ушел в «кисель» до краев. Пластик быстро загустел, затвердел в снятой с огня банке. Тоненькое стекло те-

перь оказалось в прочной оболочке. Май пинцетом подровнял зубчатые краешки отражателя.

Вернулись на чердак, нашли дощечку, жестяной полоской закрепили на ней банку с рефлектором — «в стоячем на боку положении». Из той же тонкой жести сделали подсвечник (Поля назвала его «тюльпанчик»). Приделали «тюльпанчик» к доске так, чтобы головка свечи оказалась в фокусе отражателя. Причем укрепили его на гибкой жестяной подставке, чтобы свечку можно было перемещать: ведь она будет сгорать, а огонек всегда должен быть в середине рефлектора.

Решили назвать изготовленный аппарат лучементом. Название «гиперboloид» никому, кроме Греты, не нравилось. Во-первых, язык сломаешь, во-вторых, гиперboloид принадлежал инженеру Гарину, а тот был порядочная скотина...

Лучемер наладили, свечку вставили.

Зажгли...

Снова сияющий луч прошел сумрак чердака.

Теперь можно было управлять лучом, посылать его куда хочешь. Держи дощечку в ладонях, поворачивай как угодно (смотри только, чтобы огонек не погас)...

— А далеко ли он берет? Наверно, как прожектор, — нетерпеливо сказал Толя.

— Давайте попробуем! — Май вынес лучемер к окну. Приладил дощатую подставку на подоконнике.

На дворе было пасмурно, однако все же день. Но и в свете дня луч был ясно различим, в нем искрились редкие дождединки.

Яркая полоса уперлась в дальний забор позади огорода, на досках зажглось все то же солнышко. Из окна оно казалось горячей точкой, а на самом деле оставалось, видимо, прежней величины — как диаметр шара.

— Это что же, луч вовсе не рассеивается? — озадаченно спросил у себя и у всех Май. — Так даже у лазеров не бывает...

— Я же говорила — гиперboloид, — сказала Грета, словно взяла реванш.

— Надо посмотреть, докуда он достает! — подпрыгнул Толя. — Май, направо вон на ту трубу.

Далеко над крышами торчала кирпичная труба старой пекарни.

— Если и достанет, мы отсюда не разглядим, — рассудил Май. — Толь, слетай за папиным биноклем...

Толя «слетал» и вернулся через минуту.

Май сказал:

— Давайте я нацелюсь, а вы смотрите. По очереди...

Первым в очереди оказался Грин. Он пригнулся, укрепил локти на подоконнике, прильнул к окулярам. Отыскал в пасмурном пространстве трубу. Бинокль был сильным, красное тело трубы приблизилось так, что стал виден каждый кирпичик — с царапинами и выбоинами.

А «солнышка» сперва не было.

— Не так-то легко попасть, — виновато объяснил Май. — Надо потом сделать прицельное устройство. Оптическое... Ну, не видно?

— Не ви... Ой! — Яркое круглое пятнышко прыгнуло на кирпичи. Затанцевало на них (у Мая от напряжения дрожали руки). Потом на миг замерло...

«Солнышко» было тех же размеров, что и прежде, — луч, видимо, и в самом деле ничуть не расширялся. Секунды две оно посидело на кирпичах неподвижно, как уставшая бабочка, потом опять метнулось и оказалось правее и гораздо дальше трубы — на глухом торце высокого каменного дома. Посреди узкой стены висел красно-черный киноплакат с белыми буквами: «Вечерний патруль». Бледное лицо злодея-людоеда многообещающе смотрело с высоты на крыши и на прохожих. Еще неделю назад глава города Инска распорядился такие зловещие афиши с улиц убрать, чтобы не пугали младенцев и бабушек, но до этого плаката у муниципальной службы, видать, не дошли руки.

«Солнышко» пометалось по афише, зацепило белое людоедское ухо и словно приклеилось к нему! Ухо съезжилось и вспыхнуло. Огонь в две секунды разбежался по трехметровой афише, и она запылала, как пропитанная бензином.

— Ну и салют! — вырвалось у Грина...

Май, случайно зацепивший лучом злобного киногероя, нервно спросил:

— Грин, что там? — Ведь он-то издалека, без бинокля, ви-

дел только непонятно отчего вспыхнувший огонек. И остальные тоже... Толя-Поля, Грета и Света нетерпеливо тянулись к биноклю: «Дай взглянуть!» Только Лыш сохранял хладнокровие. Грин дал бинокль Маю. Тот посмотрел и все понял.

— Значит, чем дальше, тем больше луч набирает силу! — И он уткнул золотистую линию света в огородные грядки. На всякий случай...

В конце концов каждый понял, что же случилось. По очереди глянули на догорающий плакат в бинокль, испуганно поудивлялись. Грета снова сказала с удовольствием:

— Я же предупреждала — гиперболоид.

— Мы так спалим весь город, — поежилась Света.

— Ничего не спалим, — успокоил Май. — Стена отсыревшая, картон у плаката тонкий, сейчас догорит, вот и все... А больше далеко нацеливать не будем. Договорились?

Все разом сказали, что договорились. Ясно было — с такими игрушками не шутят. Лишь Поля задумчиво предположила:

— А может, луч сжигает только плохое? А ничему доброму не вредит?

— Может быть, — рассудил Толя. — Но пока разберешь, где плохое, где хорошее, могут остаться одни головешки...

Свечка между тем невозмутимо горела и потихоньку укорачивалась. Лыш протиснулся к подоконнику. Деловито вернул огонек в середину отражателя, взял опасный лучемет в две ладони.

— Лыш... — сказала Грета.

— Я пушу зайчика в небо, — хладнокровно объяснил Лыш. — Там ничего, кроме туч, а они не горят. И они же не плохие и не хорошие, просто явление природы... Посмотрим, что будет.

Луч из чердачного окна ушел наклонно вверх, и «явление природы» никак не прореагировало на это. Золотая струна просто увязла в серой пелене. Но... это лишь на несколько секунд. А потом пасмурную муть прочертила белая, клубящаяся барашками пара линия...

— Мама... — ахнула Света.

— Лыш, не смей! — качнулась к брату Грета.

— Не мешайте! — нервно сказал Лыш. Клубящаяся линия

сломалась, от ее конца ушла под прямым углом другая. А от нее — третья. И все поняли, что Лыш чертит в облаках квадрат.

Квадрат, замкнутый кипящими полосами, получился кривым и громадным. Какой именно ширины, сказать было трудно — ведь он висел на большой высоте. Но ясно, что его размеры были несоизмеримы с привычностью окрестных дворов.

— Лыш, зачем? — спросил Май без боязни, но осторожно.

— Не мешайте... — повторил Лыш. — Сейчас...

Луч заметался внутри квадрата. Часто и беспорядочно. Так иногда штрихуют на экране компьютера замкнутые в контур участки плоскости. Клубящиеся паром линии сливались, серая хмарь превращалась в белую четырехугольную овчину. Потом эта гигантская шкура порвалась на клочки, они стали ежиться, таять и улетать в стремительно открывшуюся синеву. И квадрат чистого неба возник прямо над городом Инском. Из-за косматой границы небесного окна удавило солнце...

— Ура... — шепотом сказала Света.

Толя-Поля и вождь гуммираков тоже сказали «ура».

Лыш ничего не сказал, деловито дунул на свечку. Протянул Маю лучемер.

— Спрячь куда-нибудь.

Грин был согласен: лучше бы убрать «игрушку» от греха подальше. Но никакого страха не было, только радость от хлынувшего на Инск солнца.

— Мы поставили весь город на уши, — заявила Грета. — Сейчас начнутся разговоры и слухи об инопланетянах...

— Ага! — радостно сказали Толя-Поля.

На лестнице раздались шаги, возник Валерий.

— Привет, люди! Видите, какие эксперименты устраивает здешняя метеостанция? Наверно, решили, что грешно допускать пасмурную погоду в день солнцестояния! Молодцы повелители неба...

Толя-Поля фыркнули. Тогда засмеялись и остальные. Даже Лыш. Все громче, громче... Валерий вертел головой.

— Чегой-то я, господа, не могу уяснить причин коллективной радости.

От Валерия ничего не скрывали — он был друг Вити и Лыша. Наперебой рассказали об открытии. Продемонстрировали, как прыгает по дальнему забору «солнышко» (только поджигать ничего не стали).

Валерий отнесся к лучемеру серьезно.

— Вообще-то нарастание энергии светового потока в зависимости от расстояния наблюдалось еще профессором Караслоновым. Но не получило подтверждения...

— Дело не в профессоре, а в сказке, — ревниво сказала Поля.

— Ну дак одно другому не мешает, — примирительно отозвался Валерий. — Энергетический потенциал сказок тоже поддается измерению и анализу, если взяться осторожно, а не грубыми немывтыми лапами...

— Тогда... — Май обвел глазами ребят. — Может, пусть Валерий заберет лучемер в институт? Для изучения... Мы, если надо, сделаем еще, шариков и свечек пока хватает...

Все согласились, что пусть. Нельзя же такое открытие держать под секретом, оно должно приносить пользу человечеству.

— Спасибо, прометеи, — обрадовался Валерий. — Только с этим чуть позже. Сейчас у нас великая запарка и всеобщая мобилизация, студентов отзывают с каникул. Дружину формируют...

— Война, что ли? — наивно спросила Поля.

— Войны, конечно, нет. Но стало известно, что бывший «Желтый волос» добился разрешения на разные научные эксперименты. Новые технологии отработывают. И есть подозрение, что это связано с их прежними делами, с излучением, которое понижает иммунную систему. По крайней мере у тех, кому когда-то были введены запрещенные препараты. Министры кричат, что это досужие сплетни, однако...

Он вдруг наткнулся на тревожный взгляд Грина.

— Да нет, Инску-то ничего не грозит... — И усмехнулся: — В крайнем случае баба Клава включит свою плитку, а Максим Максимыч разожжет самовар.

— А дядя Петя на Кузнечной пристани запустит старинную кофеварку, — серьезно сказала Грета.

— Да, блокада обеспечена, — кивнул Валерий. — Но ведь надо думать не только об Инске... Лыш, я за тобой пришел. Ты говорил, что нужна консультация, а сам куда-то пропал...

— Мобильник сел...

— Идем в твоё логово сейчас же, через три часа я уже буду замотан до чертиков.

— Идем! — вскочил Лыш.

Они из чердачного люка помахали всем ладонями.

— Тайны у них всякие... — заметила недовольная Грета.

— Никакие не тайны, Лыш сказал, что все объяснит, — заступился Грин. — Только позже, когда наладит своё изобретение до конца.

— У него каждый день изобретения... — не сдалась Грета.

— Это же хорошо, — примирительно сказал Май.

В кармане его бриджей заиграла «Марш тореадора» «коробочка». Май вытащил, прислонил к уху... Удивленно приподнял брови.

— Да... Здравствуйте, Максим Максимович... Да... За чем?.. Ну, хорошо...

И посмотрел на ребят.

— Максим Максимыч просит прийти в музей. Там появились члены какого-то конкурсного совета. Хотят, чтобы я принял участие в выставке, построил бы для нее новый макет города...

— Это же интересное дело! — обрадовалась Света.

— Не знаю... — почему-то усомнился Май.

— Если не хочешь, не ходи, — сказал Грин. — Переживут...

— Неудобно. Ждут же люди...

— Мы пойдем с тобой, — решила Света. — Чтобы веселее...

— Ладно! — обрадовался Май.

Когда шагали к музею, Света сказала:

— А вот бы придумать, как над новым макетом подвесить хрустальный шар. На какой-нибудь незаметной нитке. Получилось бы, будто твой Всемирный Храм над городом. А, Май?

— Н-не знаю... Все станут смотреть на шар, а на макет никто и не взглянет...

А над улицами разгорался ясный день — самый длинный в году. Солнце набрало полную силу. Горожане, судя по всему, не очень удивились, что в тучах возникло квадратное окно (которое, впрочем, уже исчезало вместе с тающими облаками). Видимо, как и Валерий, решили, что это — старания метеорологов...

Похожий на деловитого гнома в шляпе Максим Максимыч встретил их на музейном крыльце.

— Тут, друзья мои, некоторая проблема. Члены этой комиссии намекнули, что хотели бы побеседовать с будущим конкурсантом кон-фи-ден-ци-ально.

— А это не опасно? — решила пошутить Грета.

— Ни в малейшей степени. Просто они не хотят пока широко обнародовать условия конкурса. Поэтому, если позволите, я покажу вам новую экспозицию — панораму «Охотники на мамонта», а Май в это время обсудит с высокими гостями свои проблемы.

Май виновато посмотрел на друзей и развел руками.

— Если начнут мучить, кричи громче, прибежим, — решил пошутить и Грин.

В кабинетике Максима Максимыча, увешанном старыми картами и фотографиями, ждали Мая трое. В одинаковых серых костюмах. Май не изменился в лице, но внутри затвердел. Он быстро прошел от двери к широкому окну и уперся поясницей в подоконник. И молча смотрел на троих. Как бы показывал, что высказывать обратно за порог не будет, но и к беседе не расположен. «Члены комиссии» видели его на фоне летнего дня тонким силуэтом с просвеченными солнцем длинными волосами. А Май видел их во всех подробностях.

Один — высокий, с тонкими губами и гладкой кожей на костистом лице. Второй — круглолицый, с залысинами и добродушным прищуром. Третий — с бородкой и в очках, похожий на академика Тимирязева со школьного портрета.

— Что вам угодно, господа? — сказал Май с большим, не мальчишечьим утомлением.

Трое стояли, наклонив головы.

— Мы хотели бы попросить вашего позволения на еще один разговор, — вполголоса разъяснил похожий на академика. И наклонил голову так, что чуть не упали очки.

— Сколько можно, господа? — сказал воспитанный мальчик Май со скрученным раздражением. — Мы переговорили уже обо всем...

— И тем не менее... — выговорил худой, нервно шевеля опущенными пальцами. — Еще одна беседа. Последний раз...

— Ну, говорите... — хмуро сказал Май.

— Было бы удобнее разговаривать сидя, — вполголоса напомнил похожий на академика.

— Ну так садитесь, — пожал плечами Май. — Вон стулья...

Круглолицый чуть улыбнулся:

— Но мы не можем сидеть, если не соблаговолите сесть вы... ваше величество.

Часть шестая

ПЕСНЯ ПРО ЁЛОЧКУ...

ГЛАВА 1

Май спиной вперед прыгнул на подоконник. Сел, поставил правую ногу на батарею под окном, а левой заболтал у пола. Обхватил колено. Проговорил, глядя на оконный косяк:

— Вы хотите сообщить что-то новое, господа?

— Ну-у... возможно, что и нет, ваше величество, — признался похожий на академика, присаживаясь на шаткий конторский стул (остальные тоже сели). — Но мы надеемся, что на сей раз наши аргументы будут более весомыми, а вы, ваше величество, более... вдумчивы.

— Боюсь, у меня это не получится, профессор...

— Может и получится... при желании, — ласково, как дошкольнику, сказал круглолицый.

— У меня нет желания, господин депутат, — отозвался Май, покачивая ногой в стоптанной кроссовке. — Что еще?

— Но ваше величество... — человек с худым лицом сел прямо, как деревянный. И голос казался деревянным. — Кроме личных желаний и нежеланий, есть веления судьбы. Вы потомок древнейшего рода, носитель множества титулов, легитимный самодержец... Вы офицер, в конце концов...

— Последний аргумент, полковник, особенно весом... — В голосе Мая скользнула не то ехидная нотка, не то слезинка (или то и другое?). — Те, кто едва не угробил меня восемь лет назад, тоже были офицерами. Спасибо *неофицеру*, штатскому врачу Евгению Гореву, который вместо цианида ввел снотворное. И двум капралам, которые вместо уснувшего пацаненка бросили в шахту куль с ветошью...

— Они все будут достойным образом награждены, когда ваше величество вернется на престол.

— Не вернусь я на престол, — сказал его величество с ко-

ротким зевком. — Я семиклассник Май Веткин, и мне это нравится. У меня есть братья и сестры, друзья, мама и папа. Я живу в вольном городе Инске, где не нужны ни императоры, ни регенты, ни... вся эта дурацкая возня вокруг власти... А вы... Оглянитесь наконец, посмотрите, как все это глупо и бесполезно. Мой друг девятилетний Лыш, который учит летать старые стулья, в тысячу раз полезнее для людей, чем все на свете политики, чиновники, правители... те, кто не делают *ничего хорошего*, а только грызут друг другу глотки, чтобы захватить место повыше остальных...

— Ваше величество несправедливы к нам, — с достоинством сообщил профессор. — Вы, может быть, невольно, однако наносите нам незаслуженную обиду...

— Да я не говорю лично про вас. По отдельности каждый из вас, наверно, хороший человек. Но вы засунули себя в эту... в этот политический механизм, который вертится неизвестно для чего. И вы в нем вертитесь и забыли, для чего живете...

— Мы живем для возрождения великой Империи, — тихо, но очень веско сообщил полковник.

— А зачем людям это самое *величие*? Люди хотят жить, чтобы не бояться за себя и за тех, кого любят. И не голодать. И радоваться всякой красоте. Добейтесь этого, тогда и величие у Империи появится... А то как у «Желтого волоса». Они тоже хотели великую страну, только подсчитали, что для этого надо уморить половину народа...

У депутата исчезла последняя тень улыбки.

— Проводя параллель с проходимцами из «Желтого волоса», ваше величество почти что оскорбляет нас и демонстрирует свое незнание обстановки... А мы ведь старались в прошлый раз ввести вас в курс дела...

— Да вошел я в этот курс, — поморщился Май. — Не совсем же младенец... И понял, что вам нужна кукла. Так же, как и тем, кто выкопал меня, совсем маленького, в дальнем городке на краю страны, уморил моих прежних родителей, чтобы не мешали, объявил меня потомком древних Мстиславичей...

— Вы им и являетесь. Это доказано... О, простите, что перебил, государь, — вставил реплику профессор.

— Ничего, профессор. Дело не в этикете, а в сути... Есть такая книжка, «Король Матиуш Первый». Там в одном государстве некоторое время вместо короля-мальчишки была похожая на него кукла. И всех устраивала. Умела махать рукой, улыбаться... Так же было и со мной. Но потом Регент решил, что и кукла опасна, решил убрать. Спасибо добрым людям, спрятали, отдали в дальний приют...

— Но сейчас-то на престоле будет не кукла, а живой мальчик с ясным умом и понятиями чести, с любовью к людям! — воскликнул депутат. — Скоро вы станете энергичным юношей, затем полным государственных планов и забот о стране мужчиной...

— «В полном расцвете сил...» — хмыкнул Май.

— Именно, ваше величество, — не заметил намек на Карлсона профессор. — Таким, какого ждет страна.

— Страна ждет не императора, — сказал Май. — Она ждет, когда чиновники перестанут грызть себе и людям глотки и начнут выполнять законы.

— Вот вы и поможете выполнять их, государь, — сказал полковник. — Для того и призываем вас.

— А я не успею, — вздохнул Май. — И вы это знаете. — Вы уберете Регента и поставите меня, а как только я попробую что-то сделать без спросу, меня пристрелят или отравят. Вы или ваши сторонники. Или даже противники. Кто сумеет раньше...

— Ваше величество трагически ошибается, — горько говорил депутат.

— Вы же знаете, что не ошибаюсь, — сказал Май. — Ну и кроме того... мне просто не нравится быть императором. Да же подумать тошно...

Полковник сел еще прямее.

— Но если человек избран судьбой, он должен думать прежде всего не о себе, а о государстве. Должен осознать, что у него есть *миссия*.

— А она у меня и так есть. Но другая... — тихо сказал Май Веткин.

Наступило молчание. Более долгое, чем, казалось бы, следовало. Наконец профессор с осторожностью поинтересовался:

— Ваше величество имеет в виду идею Хрустального Храма?

— Откуда вы знаете?! — вскинулся Май.

Профессор обвел очками остальных.

— Господа, я полагаю, наступило время быть откровенными до конца... Государь, мы знаем о вас практически все. Не бойтесь, это никогда не станет достоянием широкого круга. Но... наш подарок до сих пор давал нам возможность слышать ваши разговоры и видеть многое, что происходило вокруг вас...

— Какой подарок? — по-настоящему испугался Май.

— Тот, что мы внедрили вам под видом приза. Вы называете его «коробочка», — впервые позволил себе улыбнуться профессор.

В следующий миг выхваченный из кармана и зажатый в пальцах аппарат описал дугу и грохнулся о батарею — с тем чтобы из «коробочки» превратиться в обыкновенную покоренную жестянку с разбитыми деталями внутри. А она... даже не поцарапалась.

Три «члена комиссии» одинаково улыбнулись.

— Не стоит портить подарок, ваше величество, — разъярил депутат. — Уникальная вещица. Ее практически невозможно вывести из строя. Разве что утопить или расплавить. Но лучше оставьте на память...

— Таскать в кармане вашего шпиона!! — вознегодовал Май.

— Она скоро перестанет быть шпионом, ваше величество, — доброжелательно, как пожилой учитель, разъярил профессор. — Через два часа наш спутник-наблюдатель выйдет из тени. Ровно в четырнадцать часов нажмите кнопки «решетка» и «Эф», и функция слежения отключится навсегда...

— Так я вам и поверил!

— Напрасно не верите, голубчик, — снисходительно разъярил депутат, и на это «голубчик» вместо «ваше величество» никто не обратил внимания. — Если бы мы хотели обмануть, то не сказали бы и сейчас об истинной цели «коробочки»... Но теперь, когда ясно, что вы отказались окончательно, нет смысла что-то скрывать от вас.

— А до этого скрывали и шпионили... — презрительно напомнил Май. — И толковали про честь, долг, благородство...

— Данный метод был продиктован высшими интересами Империи, — глядя перед собой, объяснил полковник.

— Тьфу на вас... — в сердцах сказал Май, словно был он не Маем, а маленьким братишкой Толей, сильно обиженным на кого-то.

— Тьфу на нас, — простецки согласился депутат и встал. — Возможно, вы правы... А «коробочку» все же не выбрасывайте, пригодится...

— Чтобы вы продолжали шпионить!

Профессор и полковник тоже встали.

— Мы обещаем не шпионить, — проговорил профессор с заметным сожалением. — Только не забудьте про кнопки. «Решетка» и «Эф»...

— Не забуду!.. И вы больше не станете искать меня?

— Даю слово члена Императорской академии.

— Слово офицера имперской гвардии, — сказал полковник.

— Клянусь мамой... — с печальной улыбкой добавил депутат.

После этого они одинаково наклонили головы и один за другим вышли из кабинета. Май подождал полминуты и вышел следом.

ГЛАВА 2

Мы шли и разговаривали про то, что случилось с Маем. Май дал нам послушать разговор в кабинете, который записала «коробочка».

Чудно как-то: вот этот растрепанный и какой-то виноватый пацан в мятой футболке — его величество император Андрей Первый?

— А многие про это знают? — спросил я.

— Не многие, — отозвалась вместо Мая Света. — Мама, папа... Когда они усмотрели Мая в Ермиловском приюте, им там кто-то шепнул... Ну и все мы, Веткины, знаем, конечно. И друзья...

— Но это же все ерунда. Никакого значения... — пробормотал Май и пнул на асфальте скорлупу грецкого ореха.

Кажется, он чувствовал себя виноватым передо мной: все друзья знали его тайну, а я был в неведении...

— Грин, ты не думай, что скрывали специально. Ты все равно скоро узнал бы. Просто как-то не было случая заговорить про это... Ну, не очень и хотелось про такое...

— Май, не бери в голову...

Мне было не до обиды. Все слова и объяснения звучали где-то позади главной нарастающей тревоги. Вот они идут, болтают, не догадываются... Никто-никто не понимает, что у гранаты выдернута чека... Дети города Инска! Ведь, как и все на свете, смотрят боевики, читают про бандитов и террористов, играют иногда в «стрелялки», а все равно будто младенцы... Я сказал:

— Давайте прогуляемся до Крепости.

— Зачем? — удивилась Света. — Мы там все излазили...

— Потом скажу. Сюрприз...

— Нам некогда, — сообщил за себя и сестру Толя. — Надо хижину чинить, крыша течет.

— Тогда шагайте домой, — быстро согласился я. Потому что это хорошо, если рядом не будет младших. Они улетели, как два подхваченных ветром листика.

— Грета, дай записную книжку, — попросил я. У нее в кармане форменной рубашки всегда лежали маленький блокнот и карандашик.

Грета, наверно, удивилась, но дала без вопроса. Я приложил палец к губам и написал на чистой страничке:

«Тише. «Коробочка» шпионит!»

— Да зачем ей теперь-то? — не поверил Май. (Вот наивность! А еще император!)

Я снова прижал к губам палец. Написал: «Автоматически». Потом жестами показал: «Дай «коробочку» мне. Май, видно, понял, что я знаю больше, чем он. Дал. Я засунул ее в свой карман — на таких же, как у Мая, широких штанах. Опять показал знаками: «Ни слова, ни вопроса!» (А сердце колотилось с частотой трещотки.) Потом я оглянулся.

Вот удача! Навстречу нам ехал на велосипеде по тротуару мальчишка. Небольшой, вроде Лыша (только не с темным

ежиком, а со светлыми кудряшками). Велосипед был ему велик и вилял. Я обогнал ребят.

— Мальчик, подожди! У меня смертельно срочное дело. Дай на часик велосипед. Я его потом пригоню, куда скажешь... Пожалуйста!

В другое время, в другом месте мне бы и в голову не пришло обращаться к незнакомому пацану с такой бредовой просьбой. Но я три недели (а казалось — целый век!) прожил в Инске и уже знал характеры здешних ребят. Мальчик сразу прыгнул с седла.

— На... — И в глазах была тревога (не за свой велосипед, за мое «смертельное дело»).

— Спасибо! Куда его прикатить?

— Успенская улица, шесть. Во дворе поставь, у сарая, где пустая бочка лежит. В ней собака живет, но она не кусается. Ты ей скажи: «Коржик, ты хороший», и он сразу заматает хвостом.

— Спасибо! — еще раз крикнул я. Оглянулся на ребят: — Я на Хребет, догоняйте! — И «оседлал коня».

Ездок из меня так себе (где было учиться-то?). Но сейчас ожидание беды с такой силой нажимало на меня, что я мчался, будто олимпийский гонщик. По переулкам, по спускам, которые вели левее Крепости, туда, где берег недалеко от реки уходил к Пустоши пологими скосами. По этим скосам, по тропинке среди хлещущего по плечам иван-чая пролетел я к болоту, к началу Хребта.

Мы называли Хребтом обломки сложенной из неровных камней стены. Возможно, это были остатки укрепления, прикрывавшего Крепость с левого фланга. Теперь стена почти целиком ушла в болотистую почву — над осокой, камышом, лужицами и кувшинками торчали только серые каменные зубцы. Слово сорокаметровый ящер залег на дно, но не сумел из-за малой глубины спрятать спинной гребень...

Верхушки «гребня» то совсем укрывались в траве и болотной жиже, то высывались метра на полтора. Я положил велосипед в стебли осота и полез по камням — вперед, вперед. Дважды провалился в теплую хлябь, несколько раз ободрал ноги, чуть не утопил кроссовку. Но все же очень скоро выбрался на высокий кубический камень — самый дальний от

берега. Встал, оглянулся. Берег позади был безлюден. На Пустоши — тоже никого. За ней, далеко, белели корпуса многоэтажных кварталов. Искрились на солнце мелкие синие стрекозы, носились коричневые бабочки. Я вдруг успокоился. Чего бояться-то? Если *они* следят и слушают, значит, понимают: «коробочка» не у Мая, а у меня. А я, Грин Климчук, ни на фига не нужен этим полковникам, профессорам и депутатам (чтоб они сдохли!). Им нужен только Май Веткин (бывший Андрей Первый). Они будут ждать, когда «коробочка» вернется к нему и он в четырнадцать ноль-ноль нажмет кнопки...

Никто их не нажмет!

Впереди перед камнем, среди зарослей тальника и рогоза, синело небольшое пространство чистой воды. На нем торчали только две кочки, похожие на заросшие макушки присевших водяных.

Я встал прямо, развернул плечи. Достал из кармана «коробочку». Подумал злорадно: «Если вы сейчас наблюдаете через объектив, полюбуйте последний раз пейзажем...» Размахнулся и по дуге пустил серебристую «коробочку» над водой. Будто гранату! Как можно дальше!..

Ну до чего же я невезучий! Думал, булькнет она, уйдет на дно, и засосет ее болотистый ил. Навеки... А «коробочка», пролетев метров двадцать, угодила прямо на дальнюю кочку. И ехидно так заблестела среди травяных волокон.

Вот скотина! Я чуть не заревел. Придется теперь добираться до кочки — то ли по брюхо в иле, то ли вплавь, — доставать, кидать снова.

А если *они*, увидев такое дело, решат отомстить? Меня тряхнуло ознобом, как голого перед прорубью. Впору было зареветь, но я сцепил зубы, сбросил кроссовки и начал расстегивать штаны...

— Грин!!

Я оглянулся. У начала Хребта с двумя велосипедами стояли Май и девочки. (Уже после мне рассказали, что велосипеды они раздобыли, как и я, у первых встречных.)

— Не ходите сюда! — крикнул я. Но они, конечно, тут же полезли по камням в мою сторону. Тогда я опять натянул сырые кроссовки и полез навстречу.

Встретились на плоском камне среди головок рогоза.

— Грин, что случилось?! — резко сказал Май. Он, кажется, злился, и я видел это впервые.

— Плохо случилось, — сразу ответил я. — Хотел ее утопить, а она попала на кочку. Вон туда... — Я кивнул назад, и они тоже разглядели серебристый блеск.

Света распахнула глаза:

— Грин, зачем?

Тогда и я разозлился:

— А вам нужна бомба на взводе?!

Май понял, что дело может кончиться ссорой.

— Ребята, подождите... Но ведь скоро два часа. Я нажал бы кнопки, и всякая связь отключилась бы...

Я опять чуть не заревел.

— Ну, детский сад!.. Вы что, с другой планеты? Она, конечно, отключилась бы! Вместе с тобой! И потом долго собирала бы твои клочки для крематория...

Май и Света одинаково заморгали. До них что-то доходило, но медленно.

До Греты дошло быстрее: все-таки командирша, понимает, что такое опасность.

— Грин, ты думаешь, они... смогли бы?

— Почему нет? Если император отказался, он уже не император, а помеха, лишний свидетель. Таких убирают. Так делается по всей Земле... Ну, вы же сами смотрите новости, в Интернет заходите...

Май наконец уяснил всё. Или почти всё. Мотнул головой так, что разлетелись волосы.

— Грин... но они же все-таки люди...

— Люди они каждый по отдельности, — вспомнил я записанный «коробочкой» разговор. — А когда начинается политика... Господи, Май! Ты же сам это им только что говорил!

Он опять мотнул волосами.

— Да... я полный лопух. Но... они же дали слово... Я опять «детский сад», да?

— Да! — безжалостно подтвердил я. — И потом... какое слово они дали? Что не будут шпионить. После двух часов. И не стали бы. Потому что — *за кем...* ваше величество?

Он мог здорово обидеться, но не стал. Вернее, не обратил

внимания на мой тон. Сказал с таким печальным удивлением:

— Тогда непонятно. Зачем ждать спутника и двух часов? Могли ведь нажать кнопку и сами. Дистанционно...

Однако у меня был ответ и на этот вопрос:

— Могли, но не хотели. Получилось бы, что они, академики и офицеры всякие, стали бы убийцами. Даже *царевубийцами*. А тут мальчик Май Веткин случайно подорвался на непонятной штучке, никто не виноват...

— Сволочи... — прошептала ласковая девочка Света.

— Люди, а ну пошли отсюда! — вдруг сказала (вернее, приказала) Грета. — Быстро, быстро. Мало ли что они думают *теперь*... Мы ведь не знаем, какой у *нее* разлет осколков... Марш вон туда! — И она показала на кирпичную стенку с оконными проемами. Это были развалины старинного пакугауза.

— Это вы «марш», — боязливо вспомнил я. — А мне-то надо на кочку. Взять эту штуку и забросить подальше.

Грета посмотрела на меня продолговатыми коричневыми глазами.

— Дер кнабэ ист кранк? — сказала она тоном брата Лыша (и это, очевидно, значило, что я спятил).

— А что делать-то? — спросил я, чувствуя себя кругом виноватым.

— А кто-то обзывался «детский сад»? — Грета, вытянув шею, опять глянула на кочку с яркой искрой. Потом, видимо боясь «дальней прослушки», выхватила блокнотик и написала в нем корявое слово:

ГИПЕРБОЛОИД

Май и Света укатили за лучеметом, а мы с Гретой затаились в развалинах склада. Изредка поглядывали через окно-амбразуру на кочку с проклятой «коробочкой». Было по-прежнему безлюдно («пусто на Пустоши»), но мало ли что! Вдруг по закону «подлых совпадений» появится кто-нибудь, полезет в воду. Например, пацанята за рогозом с бархатными коричневыми головками. Или полудикие инские гуси решат поплавать, поохотиться за рыбками. Придется отгонять...

Мы были как часовые. За кирпичной стеной мы чувствовали себя в безопасности. Стало казаться даже, что все случившееся — вроде игры... Мы сидели у окна друг против друга, прижимаясь плечами к стене. Грета беззаботно (хотя беззаботно ли?) хлопывала себя черной пилоткой по сандалиям. Ноги у нее были совсем как у индейца, царапины на коже выделялись частыми белыми нитками. Впрочем, и у меня почти так же. Только у меня еще была свежая ряска. Я начал стирать ее ладонью, скатывал в тонкие зеленые валики и внимательно разглядывал их. Почему-то стеснялся смотреть прямо на Грету.

А она все щелкала пилоткой и мурлыкала неразборчивые слова на мотив «Уралочки». Потом спросила:

— Грин, это ничего, что я пою твою песенку?

— Почему же мою? Она ведь... общая. Всех, кому нравится...

— Но строчки-то те самые... из письма. Запомнились почему-то... — И она спела понятнее:

В лесу нашли мы ёлочку
С искусственной хвоей...

— Пой на здоровье... Мне даже нравится... — И я, почти не стесняясь, допел вместе с ней:

Поставили на полочку,
А дальше ой-ёй-ёй... —

и оба посмеялись.

— Грин... а других слов ты не помнишь? Ещё?

— Я вспомнил еще немного. Недавно... А может, придумались. Но это уже из середины песенки, жалоба Юшика, когда он под полкой:

«Зачем меня вы дразните?
Хочу, хочу наверх!»
Дадим ему на праздник мы
Серебряный орех...

Грета опять засмеялась. Уже без меня спела эти строчки вполголоса (сразу запомнила!). Надела пилотку и стала смотреть мимо меня.

— Грин...

— Что? — Я слегка испугался.

— Грин, а мы ведь нашли тот Круг... Рядом с которым проходит Дорога. Самая дальняя и бесконечная.

Мне стало не по себе. Не страшно, а как-то... будто лицом к лицу с открытым космосом. Я поверил сразу. Шепнул:

— И что *на ней?*

— Не знаю. Наверно, все, что угодно... Кроме смерти...

Я хотел спросить, почему «кроме». Но она заговорила опять:

— Грин, я сейчас еще скажу... Только ты про это никому. Про Круг можно, а про *это* не надо... И лучше сам сразу забудь. Потому что это не имеет значения, только я должна сказать...

— Что? — прошептал я и почувствовал, как теплеют уши.

— Вот что... Ты мне очень-очень нравишься, Грин... И ничего не говори в ответ...

А я и не знал, что сказать.

Ну да, Грета мне тоже нравилась. Однако не так, чтобы «очень-очень». Не больше, чем Света. Они обе нравились, но без всяких там сердечных страданий с моей стороны. И если бы пришлось выбирать, я бы... просто сбежал куда-нибудь.

Но бежать не пришлось. К великому моему счастью, раздался звон велосипедов и появились взмыленные Май и Света. Май — с клеенчатой хозяйственной сумкой. Он осторожно вынул оттуда лучемер.

Грета деловито (словно и не было только что разговора со мной) спросила:

— Спички не забыли?

Май похлопал по карману.

Грета взяла у него лучемер, без лишних слов пристроила в нижней части кирпичного проема. Скомандовала:

— Зажигай...

Май зажег свечку.

При солнце огонек был бледным, а луч совсем неразличимым. Но когда мы по очереди подставили ладонь, то ощутили сильное тепло. Чем дальше, тем оно будет сильнее... Но хватит ли этой силы, чтобы запалить взрывчатку? Я поделился сомнением:

— Не слишком ли маленькое расстояние?

— Если не сработает, пойдем на башню, пустим оттуда, — решил Май.

Приглядевшись, мы все же стали различать луч: там, где он проходил, воздух делался светлее и как бы струился. Но это было заметно лишь вблизи. А как попасть по «коробочке» оттуда, с сотни метров? Тем более что никакого прицела мы не успели смастерить...

Май сказал, что можно целиться, глядя вдоль дощатой подставки: ее край параллелен лучу.

— Вот и давай, — решила Грета.

— А вы далеко не высовывайтесь. Не знаем ведь, с какой силой грохнет, — сказал Май. И присел перед лучемером.

Мы перестали дышать.

Сперва ничего не было видно. Лишь через минуту на том боку кочки, что был в тени, загорелось яркое пятнышко. Потом пропало. Загорелось опять. Это понятно, у Мая подрагивали руки. Наконец «солнышко» лучемета утвердилось на кочке и поползло влево и вверх. Серебряная «коробочка» сверкнула ярче обычного. Раз, другой. Но и только...

И вдруг меня осенило: «Да ты просто трус и выдумщик! С чего ты взял, что там какая-то взрывчатка! Насмотрелся детективного кино! Никто не собирался взрывать бывшего импе...»

Ух, как шарахнуло! Мы разом дернулись головами за кирпичи. Потом осторожно выглянули. Дымный шар с тонкой ножкой висел над тем местом, где только что зеленела кочка. Он был похож на модель ядерного взрыва.

— Мамочки мои... — выговорила Света. — Сколько там было... этой начинки?

— Немного, — жестко отозвалась Грета. — Всего-то чтобы снести голову одному мальчишке. Тонкий расчет...

Май вытер ладонью лоб, часто подышал, будто скинул тяжесть. Положил руку мне на плечо.

— Грин... у меня сегодня второй день рождения.

— Поздравляю, — буркнул я. — Только подарка не приготовил, не знал...

Я тут же испугался, что получилось как-то недружелюбно, будто с обидой. Но Май закинул голову и засмеялся весело и

заливисто. И тогда мы все тоже засмеялись и побежали к велосипедам...

По тропинке, ведущей вверх, на колесах было не проехать. Пришлось вести велосипеды руками. Скоро мы увидели нескольких студентов, тех, что работали каждый день в Крепости, однокурсников Валерия (правда, самого его с ними не было). Бригадир Саныч склонил курчавую и носатую голову к плечу, умно посмотрел на нас и сказал:

— Дети мои! Что за пиротехнический эффект имел место пять минут назад у оконечности Хребта? Станете ли вы утверждать, что не имеете к оному явлению никакого касательства?

Мы не стали утверждать. Но и правду говорить не стали. Грета мгновенно выдумала объяснение:

— Мы взорвали там старые новогодние петарды. Сегодня нашли их на чердаке и подумали: не возгорелись бы они от просроченности. Ну и вот...

— А чего такого? — добавил я. — Там ведь никого нет, безопасно. И мы были в укрытии...

— Молодцы, — одобрил Саныч. — Но большая просьба: в дальнейшем ликвидируйте устаревшие боезапасы подальше от Крепости. А то у нас все самописцы разом взбесились и отметили аномалии трех категорий. А робот-аналитик Нейроныч авторитетно сообщил о падении метеорита на южной окраине Инска. Он такой нервный...

Мы сказали, что больше не будем тревожить самописцы. А Света пообещала принести Нейронычу валерьянку.

— И нам заодно... — попросила симпатичная девушка Аллочка.

ГЛАВА 3

Я отвел велосипед во двор на улице Успенской, номер шесть. Двор был обыкновенный, рядом с деревянным домом, над которым лениво шевелилась вертушка с жестяным самолетиком. Внутри было пусто и зелено. И полным-полно одуванчиков. Одни еще цвели золотистыми звездочками, другие уже стояли с пушистыми шариками. Чуть колыхались на веревке разноцветные мальчишечьи майки...

В конце двора стоял покосившийся сарай, у двери лежала в лебеду большая бочка. Я покатил к бочке велосипед. Из нее вылез кудлатый лопоухий пес — черный с рыжими заплатами. Глянул вопросительно.

— Коржик, ты хороший... — сказал я.

Пес махнул хвостом. Я прислонил велосипед к щелястой двери. Коржик опять махнул хвостом.

— Скажи хозяину спасибо, — попросил я.

Коржик махнул хвостом несколько раз подряд и смотрел, будто чего-то ждал. Глаза у него были желтые и чистые, как янтарный шарик, который мне подарил Май... Я вдруг почувствовал, что люблю этого пса. И всё вокруг люблю — этот двор, с одуванчиками и пестрыми майками, и небо с белыми клочкастыми облаками, и клены у забора, и ближние улицы... И дальние тоже. И весь город Инск. И всех, кто в этом городе... Тепло подкатило к горлу. Я сел на корточки, притянул за уши голову Коржика и поцеловал его в черный мокрый нос. Коржик не удивился, лизнул меня в щеку.

— Ты хороший... — опять сказал я ему и пошел со двора, моргая мокрыми ресницами.

Потом я шел к нашему дому, и меня по очереди накрывали то радость, то печаль и тревога. Перемешивались... Какое счастье, что судьба привела меня в Инск и что есть Май, Света, Толя, Поля, малыш Евгений, Любаша, Лыш, Грета, тетя Маруся, дядя Толя... Но где Пузырек и Тюнчик? Мне-то хорошо, а им?.. Жить бы всегда-всегда в этом городе, где нет никакой враждебности и страха! Но... а получится ли *жить*? Сработает ли ампула? Витя держит ее под рукой и готов по первому сигналу примчаться с ней, прихватив с собой «симпатичную опытную медсестру»... А вдруг не успеет? Надо его попросить: пусть все-таки отдаст ампулу мне. Ведь до этого момента осталось несколько дней, и он может наступить неожиданно...

Нет, зря я паникую! Все будет, как задумано! Скоро придет освобождение от последних страхов, скоро Витя, разославший запросы «по своим каналам», получит сведения о Пузырьке и Тюнчике, скоро дядя Толя подарит мне «Бегущую по волнам»... а впереди еще больше половины длинного безмятежного лета...

Господи и все святые, защитите от бед меня и всех, кого я люблю...

Я вспомнил, как недавно, в праздник Троицы, мы ходили в Михаило-Архангельскую церковь. Никто специально не говорил, что это надо. Получилось как-то само собой. Все засоборались, и Май спросил меня:

— Пойдешь?

— Конечно, — сказал я.

Тетя Маруся дала мне новую белую рубашку. Я оставил дома свою сине-белую бейсболку (чтобы случайно не забыть снять ее у входа в церковь), и мы пошли все вместе. Тополята были непривычно причесаны. Любаша несла на руках принаряженного лодыря Евгения, который мог бы идти сам, но не желал.

Церковь была внутри украшена свежими березками. Было много народу. Горели свечки. Пахло непривычно — сладко и празднично. В окна широкими лучами входило солнце. Светился позолотой большой иконостас, который сработали дядя Толя и его помощники. Среди узоров из виноградных листьев и цветов я видел Богородицу с мальчиком Иисусом, множество святых с золотыми обводами вокруг голов, ангелов с крыльями... Я не различал подробностей, все как-то смешалось, плыло перед глазами под звуки церковного пения. Так, наверно, и должно быть, когда ты рядом с Чудом... Я поднял глаза, глянул выше иконостаса, на своды. Они, расписанные разными картинами и образами, тоже слегка плыли. И вдруг из них как бы выступили, сформировались из красок, света и мелодии Три Ангела с задумчивыми лицами, в которых были и грусть, и радость... Я вспомнил! Я видел таких ангелов, когда рассматривал альбом Мая со старыми храмами и образами. Май сказал тогда, что это знаменитая икона...

Вот она какая, Троица! Не маленькая, не на альбомном листе, а как бы распахнувшаяся под широким сводом. *Настоящая*... Я понял, что наступил очень важный миг. Что сейчас должна возникнуть минута *особой связи*, которую нельзя пропустить. Я сделал шаг назад, за спины тех, кто был рядом, чтобы оказаться один на один с Тремя Ангелами. (По правде говоря, еще и потому, что стеснялся, не хотел, чтобы

увидели, как я молюсь, но это была не главная причина.) Не отрывая глаз от Троицы, я неумело перекрестился несколько раз и прошептал одними губами:

— Пожалуйста... пусть все будет хорошо... Пожалуйста. Я очень прошу. Я *молю*...

И потом до конца дня я ходил с ошущением, что Три Ангела невидимо реют надо мной в широте неба. И смотрят на меня. Причем смотрят сквозь чистоту и прозрачность громадного хрустального шара, который повис над всей планетой...

С той поры, когда страх вдруг догонял и прижимал меня, я, как за спасение, хватался за память о Троице. И тогда появлялось чувство, которое, видимо, называется Надежда...

И сейчас, после того как отвел велосипед, я возвращался домой с этим чувством. Оно в конце концов прогнало болязнь.

На крыльце я увидел Любашу с Евгением на руках. Щеки Евгения были измазаны вареньем. Он был полностью доволен жизнью. А Любаша — не полностью.

— Гришенька, все разбежались куда-то. Ты не мог бы с полчаса повозиться с этим обормотом, я должна залезть в Интернет, надо готовить контрольную по «Евгению Онегину»... Никуда от этих Евгениев не денешься, хоть волком вой.

Любаша училась в заочном пединституте.

Я протянул к Евгению (не Онегину, а Веткину) руки.

— Иди ко мне...

Тот охотно пошел.

— Почему ты такой лентяй? Надо не ездить на других, а ходить самому, большой парень уже... Пойдем вместе! Ты топ-топ, и я топ-топ...

— Не-а... — сказал Евгений.

— Ты бессовестный.

— А-га... — согласился бессовестный Евгений.

Я поставил его на ступеньку.

— Ну-ка, шагай...

Евгений сделал вид, что собирается зареветь. Я снова сказал, что он бессовестный, и сдался:

— Ладно. Давай прокачу на плечах...

— Гы-ы! — просиял Евгений.

Я посадил его (довольно увесистого) на плечи и вышел за калитку.

— Пошли папу встречать, он скоро придет на обед.

Евгений не возражал.

Анатолий Андреевич (дядя Толя) и в самом деле вышел из-за угла нам навстречу. Радостно удивился:

— Это что за генерал Скобелев на белом коне? Опять лентяйничает?

— Ы-гы... — жизнерадостно согласился младший Веткин.

Дядя Толя снял его с моих плеч, понес, усадив на левый локоть.

— Кто самый ленивый младенец в городе Инске, а?

— Й-я... — гордо сказал Евгений.

Конечно, в тот же вечер мы рассказали Вите про встречу Мая с «членами комиссии» и про взрыв («вызвонили» его по мобильнику Греты и встретились на пустынном дворе у памятника букве «И» — Света, Май, Грета и я).

— Господа искатели приключений, — сказал Витя озабоченно. — В связи с вышеизложенным обращаюсь к вам с настойчивыми просьбами. Первая: не посвящать в эти события никого из окружающих. До поры до времени. Даже родителей — чтобы не терзать лишними заботами их чувствительные сердца...

— Валерия и Лыша тоже не посвящать? — спросил я.

— Их можно. Тем более что им наверняка и так все известно...

— Откуда? — удивились мы хором.

— Ха... — непонятно сказал Витя. — Вторая просьба. Пусть его величество в ближайшие дни поменьше болтается по улицам. И уж ни в коем случае не ходит в одиночку... Едва ли, конечно, они после всего случившегося решатся на что-то серьезное, но все-таки...

— А третья просьба? — спросил Май.

— А третья такая: не устраивайте пока новых экспериментов с вашим лучеметом... Вообще-то следовало бы его сразу реквизирировать, но вам ведь ничего не стоит соорудить новый, сами говорили...

— Это был не эксперимент, а необходимая защитная мера! — обиделась Грета.

— Ну да, «мера». Надо было сообщить мне, а не грохать машинку так сразу. Теперь никаких следов и доказательств.

— А если бы «машинка» грохнула Мая? — сказал я. — Не дожидаясь сообщения...

— Не грохнула бы, если бы вы... А впрочем, какой смысл теперь обсуждать: как бы да чего бы... — Подпоручик Петряев махнул рукой и стал задумчиво смотреть на памятник букве «И». По памятнику прыгали воробьи. А мы сидели неподалеку от него на самодельной лавочке. Меня опять зацарапала тревога. Я сказал Вите про ампулу. Мол, пусть лучше будет у меня. Думал, Витя заспорит, но он сразу согласился:

— Ладно, завтра утром занесу, только надо будет убрать в надежное место... Да ты не волнуйся, у тебя еще не меньше недели в запасе.

А я волновался уже о другом:

— Витя... а Максим Максимыч... Вдруг он заодно с теми? Ведь это он устроил встречу...

Света, Май и Грета посмотрели на меня, как... ну, будто на пострадавшего. А Витя увесисто сказал:

— Максим Максимыч — кристальный старик. Честнейшая душа. Только чересчур наивный. Поверил этим «депутатам», будто и правда речь пойдет о конкурсе... Кстати, я с ним уже поговорил...

«Витя, а про Пузырька и Тюнчика ничего не слышно?» — чуть не спросил я. Но постеснялся. Если было бы слышно, разве он не сказал бы!

Следующим утром все наше семейство (кроме лодыря Евгения и дяди Толи) полело грядки. У тети Маруси был за сажаем огородик — «чтобы свежая зелень всегда под рукой». Здесь нас отыскал Валерий — все с тем же вопросом:

— Лыша не видели?

Мы сказали, что сегодня не видели.

— Гретхен сообщила, что умотал куда-то на своем Роське. И на вызовы не отвечает, наверно, опять посадил аккумулятор, — сокрушался Валерий.

— Гретхен может и соврать, — вдруг мрачно заявил Толя.

— С какой стати?! — изумилась Света. — Она никогда не врет!

— Ага, «никогда»! Мы нашли ей два шара на пустыре за вокзалом, а она все равно не записывает в отряд. Говорит: «В таком возрасте еще рано лазать по болотам...»

— Но ведь форму-то она вам разрешила носить! — сердито напомнила Света.

— А зачем она, форма, если нельзя ходить в поиск? — заступилась Поля за брата.

— Я с ней поговорю... — пообещала Света. — Валерий, а лыш тебе зачем? Опять изобретательские секреты?

Валерий уклонился от ответа и сказал, что для нас у него тоже есть секрет. Вернее, серьезный разговор.

— Марья Алексеевна, можно мне ребят на десять минут? Важное дело...

Тетя Маруся махнула рукой: гуляйте, мол.

Мы уселись на крыльце.

— Проблема в том, что эти сволочи все же запустили спутник-излучатель, — как-то неохотно проговорил Валерий.

— «Желтый волос»? — вскинулся Май.

— Ну да... Так что нужна осторожность.

— Но ты же говорил, что Инску он не опасен, — напомнила Света.

— В общем-то не опасен... Во-первых, мы ставим нейтрализаторы. Ну а кроме того... — Валерий чуть улыбнулся, — плитка бабы Клавы и все такое... Но все же стопроцентный заслон гарантировать нельзя... Тем, кто здоров, излучение не сможет сильно повредить, только вот Грин...

— А что я... — И сразу холод пошел по коже.

— В тебе ведь эта зараза. Темпотоксин... Никто не знает всех его свойств. Вдруг как-то среагирует. Поэтому ты пока старайся не выходить из дома. Железная крыша — это дополнительная защита...

— И долго мне сидеть взаперти? — уныло спросил я. Представил, какая «сладкая» жизнь меня ждет отныне.

— Да недолго. Сделаешь вторую прививку, тогда — свободен...

Ничего себе «недолго»! Еще не меньше пяти дней! Сиди, терзайся ожиданием и носа не высовывай...

— А как правительство разрешило запуск? — насутился и Май. — Или они нахально, без спросу?

— В том-то и дело, что «со спросом». Вполне официально. Даже зарегистрировали его в каталоге разрешенных, не секретных спутников. Потому что, мол, это обычный аппарат-отражатель для информационных целей. Знаем мы эти «цели»...

— Если отражатель, значит, он неподвижный, в одной точке? — спросил Май.

— Ну да, как в телесистеме. Повис над матушкой-планетой в строго определенных координатах. Примерно в сорока градусах над горизонтом славного города Инска. На северо-западе...

— Вот дрянь, — сказал Толя.

— Если не сказать хуже, — согласился Валерий. — В общем, такие вот дела, имейте в виду. А я побегал, наш И-Эс-Эс нынче как на казарменном положении... Лыша увидите, скажите, чтобы зарядил мобильник, обормот...

И он ушел, а мы остались на крыльце. Но ненадолго. Света посмотрела на меня и сказала:

— Пошли, ребята, под крышу...

И мы пошли. Расселись в большой комнате, где обеденный стол и телевизор. Деревянные маски клоунов, леших, курносых ребятишек и добродушных пиратов нынче смотрели на нас неулыбчиво. Сочувственно.

Все молчали. Всем было неловко. Я понимал — из-за меня. Надо бы возвращаться на грядки, кончать прополку, а мне теперь нельзя. И ребятам оставлять меня одного не хочется, нехорошо это... И мне сидеть дома все время — это значит быть лодырем вроде Евгения... Прямо хоть беги в музей и проси у Максима Максимыча напрокат железные доспехи, будет защита вместо крыши. Я уже хотел дурашливо предложить это, но язык не повернулся. Было не до шуток. Я всеми нервами, всей кожей, каждым волоском ощущал — надвигается что-то плохое. Причем оно все растет, растет...

Кажется, и другие это чувствовали.

Май, глядя в пол, тихо сказал:

— Надо ведь что-то делать, ребята...

— Что? — спросила Света.

И тогда Поля — самая маленькая из нас, самая смиренная и покладистая — вдруг сказала голосом решительного мальчишки:

— А давайте сшибем эту гадость лучеметом!

ГЛАВА 4

Сперва не засмеялись, просто чтобы не обидеть Полинку. Потом... не засмеялись, потому что... Нет, а в самом деле! Это был проблеск надежды!

Хотя сначала Май горько возразил:

— Как ты попадешь отсюда в эту небесную точку...

— И разве луч до нее достанет? Это же тыщи километров... — сказала Света.

— Чем дальше, тем горячее, — напомнила Поля и независимо покачала на руках вождя гуммираков. Я, мол, предложила, дальше решайте.

— Надо только сделать прицел, — поддержал сестренку Толя.

— А куда им целиться-то? — растерянно спросил я, но уже чувствовал: наступление опасности сделалось не столь решительным.

— Подождите-ка... — наморщил лоб Май. — Валерий сказал, что у спутника есть координаты. Если их знать, можно определить по звездной карте. Рассчитать угол прицеливания...

— Думаешь, Валерий их помнит наизусть? — усомнилась Света.

— Но в институте-то знают наверняка! — возбужденно сказал Май.

Света покачала головой:

— Неудобно звонить Валерию. Им там всем теперь не до нас...

— Нам неудобно, а Лышу удобно, — возразила умница Поля. — Они с Валерием друзья.

— С Лышем нет связи, — напомнил я.

— С Лышем нет, а с Гретой, наверно, есть! — сообразила Света. — Надо спросить: может, братец уже появился дома. И вообще без Греты нельзя решать такие дела.

— И без Лыша, — сказал Толя.

Тут же позвонили со Светинового мобильного Грете. Было слышно, как она ответила:

— Салют! Какие новости?

— Лыш не вернулся? — спросил в трубку Май.

— Вернулся. И учит меня ездить на своем брыкалистом Роське...

— А она верещит, — услышали мы голос Лыша.

— Вот что! Мчитесь оба к нам! — с непривычной решительностью скомандовала Света. — Немедленно! Важное дело!

— Очень важное? — опять услышали мы Лыша.

— Не «очень», а «супер-супер-очень», клянусь моим скальпом! — вдруг на повышенной громкости заявил вождь гуммираков. Лыш и Грета его услышали.

Они примчались верхом на Роське. Скорее всего, это был первый в истории опыт езды двух человек на одном скачущем стуле. И, наверно, эти всадники ошарашили на своем пути немало прохожих. Но нам было не до таких пустяков. Мы наперебой рассказали Грете и Лышу о последних событиях. И о нашем фантастическом плане. И все вместе:

— Лыш, позвони Валерию!

Грета сказала, что все мы (кроме Лыша) неграмотные олухи.

— У вас же оба компьютера с выходом в Интернет!

Да, у нас было два компьютера: один в комнате у Любаши, второй в нашей с Маем. И оба «с выходом». Любашин был помощнее, но она готовила на нем контрольную, поэтому набились в наш «кубрик».

— Включите, — велела Грета. — И пустите меня...

Минут пять она шелкала на клавиатуре, а мы с почтением смотрели через ее плечо с черным погончиком на экран. Мелькали буквы, цифры, картинки. Грета мурлыкала на мотив «Уралочки». Наконец появилась надпись — почему-то латинскими буквами:

S DANNOGO MOMENTA SWEDENIYA
O SPUTNIKAH SVYAZI, TV I DRUGIH
TELEKOMMUNIKACIJ YAVLYAYUTSYA
ZAKRYTYMI

— «Йявляються закритими», — передразнила Грета корявую надпись. — Кретины... Лыш, войди в Информаторий, я не умею...

Лыш, прихрамывая, подошел к столу, Грета уступила место. Он сел и сразу уперся в стол локтями, обнял голову. Пробормотал:

— Еще одну блокировку поставили... Ну ладно... — Он посидел с минуту, покачивая охваченной ладонями головой и тихо бормоча. Мы почтительно молчали: не каждому дано пробиться в Информаторий, минуя всякие запреты, заслоны имперской контрольной службы и требования паролей...

Наконец вспыхнул посреди экрана знак Информатория — синий глобус в опояске орбиты, состоящей из маленьких букв «i». Звуковые колонки качнуло мягким музыкальным ударом. А затем вполне живой мужской голос произнес:

— Слушаю вас...

Лыш защелкал над плечом пальцами: дайте микрофон. Май суетливо сунул ему в руку подключенный к компьютеру черный шарик.

— Добрый день, — чисто и отчетливо произнес Лыш (будто не замурзанный нескладный пацаненок, а опытный ведущий детской телепередачи). — Пожалуйста, информацию о спутниках, запущенных в последние трое суток. На экран, будьте добры...

— Пожалуйста, — в тон ему откликнулся голос. И на сером экране вспыхнули несколько желтых и красных строчек. Всякие буквы, цифры, значки. Я понял, что ничего не разберу, хоть бейте меня обухом по башке. Кажется, и остальные не поняли ничегошеньки. Лыш деловито повел курсором по строчкам, но, кажется, и он малость растерялся.

— У вас затруднения? — осведомился Информаторий. — Постарайтесь сформулировать вопрос конкретнее.

— Вчера запустили... — быстро шепнула Света.

— Да! — закивал Лыш. — Запущен вчера. С территории Империи. Объявлен спутником-отражателем, но есть информация, что приспособлен для излучений неизвестного характера... — (Ай да Лыш! Сразу видно, не первый раз общается с Информаторием!) — И еще... сведения могут оказаться некорректными, но они важны...

— Говорите, — подбодрил голос.

— Есть информация, что в запуске принимали участие люди из распущенной организации «Желтый волос»...

Тонем, казалось бы, совершенно не свойственным громадной информационной системе, голос произнес:

— Вот оно что... Ясно. Вот он, голубчик... — На экране появилось четкое изображение аппарата, похожего на летающую тарелку, ошестиненную антеннами и радарами. — Спутник типа «Ю-два, Универсал». Совмещение функций излучения и отражения сигналов любого уровня. Положение стабильное. Высота над уровнем океана по вертикали двенадцать миллионов четырнадцать тысяч сто двадцать один метр...

Май тихо присвистнул.

— Координаты. На экран, пожалуйста... — напряженно попросил Лыш.

— Пожалуйста... — Под картинкой загорелись красные цифры и буквы.

— Благодарю вас, — произнес Лыш голосом самого воспитанного мальчика на планете. — Если не затруднит, сохраните на диске...

— Не затруднит... — Надпись слегка мигнула, а голос продолжил: — Мы будем рады в дальнейшем помогать вам, молодой человек. Ваша способность к информационному контакту говорит о незаурядных способностях... — Видимо, Информаторий испытывал к Лышу явную симпатию.

— Спасибо. — Лыш откинулся к спинке стула, вытер ладонью взмокший лоб. Оглянулся на нас. — Спишите координаты на всякий случай...

Грета выхватила блокнотик...

Я же ничего не соображал в компьютерных делах. Толь-Поли, и те разбирались в сто раз больше меня. Поэтому я смотрел на происходящее со стороны, будто кинозритель. А остальные действовали и переговаривались, понимая друг друга с полуслова.

— Карту... — сказала Грета.

Я думал, побегут в большую комнату, где на верхних полках стеллажа лежали рулоны всяких географических и астро-

номических карт. Но Лыш понажимал кнопки, и на экране появилось черное пространство с белыми и желтыми точками звезд.

— Контуры... — сказал Май. И звезды соединились тонкими пунктирами, которые обрисовали фигуры созвездий. По крайней мере, я узнал Большую Медведицу.

— А у нас есть программа поиска? — неуверенно спросила Света. Лыш хмыкнул. Две белые линии — горизонтальная и вертикальная — скрестились, и это скрещение поползло по космическим провалам среди звезд (а красная строчка с обозначением координат то разгоралась, то почти гасла внизу экрана). Потом она перестала мерцать, замерла, а на перекрестье линий загорелась желтая звездочка.

— Вот он... — сказала сквозь зубы Грета.

— А как мы по нему попадем? — спросила Света. — Мы и в кочку-то попали с трудом...

— Тем более что тут вслепую... — озабоченно согласился Май.

Лыш, не отрываясь от клавиатуры, проговорил:

— Нужен микрометрический механизм, как у телескопа. И датчик. У нас таких нет...

— Что бы вы без меня делали? — слегка самодовольно (так мне показалось) произнесла Грета. И снова взяла трубку. — Горошек!.. Горошечек, срочное и ужасно важное дело... Нет, не шары. Нужен твой телескоп. С прибором поиска. Помнишь, ты нам показывал? Ну вот... Я не могу сейчас рассказать, это не по телефону. Надо найти одно... небесное светило... Ты погрузи все хозяйство на багажник и вези к дому Светы Веткиной, мы тебя встретим... Спасибо! Ты самый лучший Горошек на планете!..

Я впервые слышал, чтобы Грета говорила с мальчишками таким просительным, даже подхалимским тоном. Она выключила телефон и обвела нас блестящими глазами.

— Наш Вася Горошек — открыватель звезд, победитель всяких олимпиад. Ему родители подарили телескоп, которому завидует даже Матвей Семеныч, учитель астрономии. Васенька приделал к этой трубе еще кучу всяких накруток... Пошли встречать, он близко живет!

Мы выскочили на улицу. Издалека шагал по тротуару не-

большой очкастый мальчишка в следопытской форме. Я его немного знал — видел несколько раз в Гретиной компании. Остальные тоже знали. Горошек вел за руль велосипед, у того на багажнике был приторочен коричневый чемодан. Мы кинулись навстречу — помогать... Втащили чемодан в дом.

У Греты от ее ребят не было тайн. Значит, и у нас не было. Грета быстро и толково объяснила серьезному Васильку, что к чему. Он не удивлялся, молча кивал. Только один раз рассудительно заметил:

— Если узнают, нам влетит по первое число...

— Вася, ну кто поверит, что дети с помощью елочной свечки сбили космический спутник? — ласково сказала Света.

— Да, Горошек! — добавила Грета.

— Логично, — согласился он, аккуратно поправляя очки. А Грета довольно замурылкала:

В лесу нашли мы ёлочку
С искусственной хвоей...

И не оставляла эту песенку все время, пока мы настраивали аппаратуру. (Хотя какое там «мы»! Я аккуратно торчал в сторонке, чтобы не мешать. Толь-Поли, кстати, — тоже.)

Сперва я думал: придется все хозяйство (и компьютер!) тащить на чердак или крышу, и уж тогда я пригожусь. Но оказалось — не надо. Наше окно смотрело на северо-запад, в ту часть неба, где висел невидимый нам спутник «Ю-2, Универсал» (будь он проклят!).

У окна встала толстая трубчатая стойка. На ней Горошек и Май закрепили метровую трубу (слегка похожую на ствол миномета, какие я видел в фильмах про горячие точки). Проверили всякие винты и рукоятки (видимо, это и был «микрометрический механизм», о котором говорил Лыш). Горошек прикрепил к трубе сбоку пластмассовый пенальчик и протянул от него к компьютеру провод. Лыш тут же защелкал кнопками клавиатуры. Недовольно сказал:

— Нет совмещения...

— Сейчас будет, — отозвался Горошек и покрутил медные головки.

— Ага... — бормотнул Лыш. — Давайте излучатель...

Май (под охраной Тополят) с чердака принес в коробке из-под ботинок лучемер. Открыл. Мне кажется, все посмотрели на это «орудие» с почтительной боязнью. А у меня вообще не переставая бегали по коже от шеи до пяток холодные колючие шарики. (А Грета все пела: «В лесу нашли мы ёлочку...»)

— Ребята, а спутник не свалится кому-нибудь на головы, когда мы его грохнем? — спросил рассудительный Толя.

— Не успеет, сгорит в атмосфере, — успокоил его Май (мне показалось, что не очень уверенно).

— Гуммираки не сдаются! — крикнул на руках у Поли индейский вождь. Видимо, давал понять, что отступать поздно.

Горошек достал из чемодана хитрые струбины с винтами. Он и Май начали укреплять ими дощатую подставку лучемера поверх телескопной трубы. Возились, возились... Грета им помогала. И пела:

«Зачем меня вы дразните?
Хочу, хочу наверх!»
Дадим ему на праздник мы
Серебряный орех...

«Дадим ему на орехи!» — подумал я про «желтоволосатый» спутник, но не ощутил прилива храбрости. Не верилось, что все кончится хорошо. Хотя... в то же время и верилось...

— Включайте, — сказал серьезный Горошек. — Надо проверить совмещение осей.

Май зажег свечку перед рефлектором. Золотистый луч ушел из окна вдаль над крышами.

— Надо для проверки пустить зайчика куда-нибудь подалее, — потребовал Горошек.

— Вон туда, на петуха, — предложила Света. Далеко над невысокими домами торчала старинная водонапорная башня с флюгером-петухом (еле различимым издали).

— Расплавится, — опасливо сказал Май. — Он жестяной.

— Не расплавится, — успокоила Поля. — Луч сжигает только плохие вещи. А петушок хороший.

Поле поверили. Луч был сказочный, а в сказках Полюшка разбиралась лучше нас...

Долго не могли попасть «солнышком» в петуха, вертели

винты. Наконец зажглась на флюгере искра. То есть из окна казалось, что искра, а в телескоп (мне дали посмотреть) видно было, как на ржавом боку жестяного растрепанного петуха горит ярко-желтый кружок. Я понял, что случилось долгожданное совмещение луча и оптической оси телескопа.

Теперь что? Теперь оставалось добиться «совмещения» луча и спутника. «Вот шарахнет!» — пробила через мой страх злорадная мысль. Хотя, конечно, я не был уверен, что шарахнет. И остальные не были. Ведь луч от маленькой свечи и половинки елочного шара мог тысячу раз рассеяться в космическом пространстве, мог потерять силу, мог просто не найти спутник...

Горошек оглянулся на компьютер, пошевелил губами, еще раз считывая координаты. Бормотнул:

— Примерно вон туда... — Он знал то, чего не знал никто другой. Он плавно навел трубу в известный лишь ему участок неба. Она сильно поднялась вверх.

Лыш прыгнул со стула:

— Подождите! Свечка наклонилась, будет капать на рефлектор!

— В тот раз не капала, когда ты вспарывал облака, — сказала Грета.

— Капала. Но я следил... — Он аккуратно поправил свечу в жестяном зажиме, поставил ее вертикально. Пошевелил, чтобы огонек снова оказался в фокусе отражателя. Ладонью проверил, идет ли от него тепло. И снова сел к столу с клавиатурой. — Готов...

— И я готов. Теперь не дышите... пожалуйста, — сказал Горошек.

Он и Лыш были сейчас главными, и мы послушно перестали дышать. Только Грета продолжала петь. Довольно громко и отчетливо: «В лесу нашли мы ёлочку...»

— Есть? — спросил Горошек у Лыша.

— Нету...

Горошек шевельнул трубой.

— Есть?

— Нету... Ой, есть! Только мечется!

По экрану запрыгал крохотный желтый зайчик. Горошек оглянулся.

— Поверни экран, чтобы я видел. И замрите все... пожалуйста...

Лыш развернул монитор к Васильку, и тот, глядя через плечо, опять начал вертеть микрометрические винты. Зайчик вздрагивал, но перестал метаться (наверно, потому, что мы замерли, будто каменные; только Грета продолжала петь, но еле слышно). Дрожащий зайчик начал подбираться к скрещению белых линий с координатами спутника. Ближе, ближе... прыгнул в сторону, вернулся... Было ужасно тихо, но я все же слышал (или ощущал?) песню Греты: «В лесу нашли мы ёлочку...»

Желтый зайчик посидел на месте, потом сделал двухсантиметровый скачок и оказался точно в перекрестье. Я сжался в отчаянном предчувствии. Показалось, что сейчас монитор зальется белым пламенем взрыва. Но... он просто погас.

Мы не успели ни огорчиться, ни испугаться, ни подумывать что-то. На экране появился голубой глобус в орбите из маленьких букв «i» Тут же из колонок ударил тугой музыкальный вызов. И это была та самая мелодия «Уралочки!» «Елочки!» Она мягко угасла, а знакомый голос Информатория произнес:

— Вниманию станций, студий и всех средств связи. По требованию автора пароля номер три семь два четыре шесть каталог эф эф зэт ноль ноль ноль ноль Информаторий открывает данные, касающиеся всего населения планеты. Всем носителям памяти записать архивированный вариант. Далее — тексты сообщений. Сообщение один... Четырнадцать лет назад на территории государства, ныне именуемого Империей, была создана организация «Желтый волос», инициаторы которой во имя своих корпоративных планов поставили цель путем использования известных только им технологий добиться сокращения населения Империи, что, по их мнению, способствовало бы резкой стабилизации экономического и политического положения страны... Сообщение два. Перечень документов, свидетельствующих о действиях и планах «Желтого волоса», которые были собраны автором пароля, журналистом Климчуком Юрием Львовичем, и регу-

лярно дополнялись до последнего момента в связи с заданной автором программой накопления «Инфоавтоматика-Аллес»... Документ первый, «Благотворительные обеды...»

— Грин, не плачь... — шепнул оказавшийся рядом Лыш.

...Так рухнули все планы «Желтого волоса», рухнул он сам.

ГЛАВА 5

Рухнул и спутник. Но не долетел до Земли, сторел. Однако перед этим он сделал очень доброе дело — вместо тех злых дел, которые должен был совершить. Он отразил на Землю наш луч! Луч с паролем моего отца!

Паролем была песенка про ёлочку. С папиными словами и с мелодией старой песни про Уралочку. Песенка, которую пела Грета, когда луч уходил в космос. Луч подхватил слова и мотив, унес к отражателю спутника, вернул к Земле, и тогда отозвался Информаторий...

Но всё это узнали и во всем разобрались мы, конечно, позже, когда с Валерием, его друзьями-студентами и с Витей обсуждали, перетряхивали в уме и в разговорах детали и каждую мелочь случившегося.

А первые полчаса мы просто обалдело смотрели на экран — тот выплескивал на всю планету информацию о бедах, которые готовили людям «желтые волосатики».

Экстренные сообщения рвались в эфир, заставляя вздрагивать радио- и телеприемники всей Земли. Мы поняли это, когда включили в большой комнате телевизор. Оказалось, что Информаторий ввел в действие принудительный прием всех студий и сетей, и некуда было деваться от лавины сведений...

— Господи, жуть-то какая... — охала тетя Маруся.

Любаша была сердита: при чем тут какой-то дурацкий «Желтый волос» и вся политика, когда ей нужно готовить контрольную, а компьютерная сеть заблокирована! Это наверняка происки ново-зоторских провайдеров!

— Кажется, на сей раз Регенту кранты. Он был тесно связан с этой лавочкой, — сказал пришедший на обед дядя Толя.

Хорошо, что они не знали, *кто* устроил такую заваруху.

Но некоторые люди *знали*. Следом за дядей Толей пришли Валерий и Саныч. Они поманили нас из большой комнаты в нашу, маленькую, и Валерий сказал, как завуч, поймавший первоклассников за игрой в орлянку.

— Ну? Будем признаваться сразу или поотпираемся для порядка?

Отпираться не имело смысла: ведь телескоп с лучеметом еще не были убраны и смотрели в ту часть неба, где недавно торчал на космической высоте «Ю-2, Универсал».

— Имейте в виду, чистосердечное признание смягчает кару, — предупредил носатый и курчавый Саныч. — Если изложите все детали, нахлобучка будет не столь суровой...

— А чё мы такого сделали? — дерзко сказал Лыш.

— Да, — поддержала его Грета. — Мы сделали то, что не смогли всякие спасатели. Пока они чесались и настраивали свои фильтры и защиты, мы просто сбили паршивую жестянку почти что из рогатки...

Саныч проглотил критику и спросил уже другим тоном:

— А позволено ли будет нам, коллеги, узнать принцип действия вышеупомянутой рогатки?

Мы сказали, что позволено. И Горошек с Лышем начали демонстрировать устройство...

А монитор все выбрасывал и выбрасывал информацию. А в большой комнате уже что-то кричал из телевизора ведущий главного имперского канала. Потом кричали другие — дядя Толя переключал каналы.

А мы перебирали всякие варианты, обсуждали «технические стороны», и вот тогда-то Валерий догадался, что паролем была именно песенка...

Саныч сказал очень серьезно:

— Твоему папе, Грин, следует поставить памятник. И тебе...

— И Грете, — вмешался Май. — Это ведь она пустила песенку в космос...

— Причем в нужной тональности, — добавила Света.

— Да ну вас, — сказала Грета и совсем не по-командирски засопела. — Если уж кому ставить, то Васильку и Лышу. За их технику... И Грину, за то, что запомнил письмо...

— Ладно, всем поставим, — решил Валерий. — А лучше не

надо. Чтобы не разглашать технологию. А то ею может воспользоваться кто-нибудь еще. И не со столь благородными целями...

— У *кто-нибудь еще* не получится, — очень серьезно сказала Поля. — У них нет сказочных шаров.

— Умница! — восхитился Саныч. — Но все-таки надо помнить: молчание — золото...

— Вот и помолчи... — вмешался вождь гуммираков. Наверно, приревновал к Санычу Полю.

...Ну, мы еще много чего обсуждали тогда. И днем, и вечером. Ночью мы с Маем тоже говорили про то же самое.

— Теперь ты точно сможешь написать про отца книгу, — вдруг сказал Май.

Я не знал, смогу ли. Ведь я его почти не помнил. И все же теперь казалось, что вспоминаю больше и больше... Только вот песню о ёлочке я боялся повторять даже мысленно: сразу начинало щекотать в горле. Но самым главным во мне тогда было чувство победы. Прочное такое, спокойно-гордое. Я знал: мой отец выполнил то, что хотел, а я с друзьями помог ему.

Спасибо добрым елочным сказкам...

На следующий день весь эфир, как и накануне, бурлил скандалами, сенсациями и разоблачениями. Где-то арестовывали тайных агентов «Желтого волоса» (и скоро выяснялось, что многие из них никакие не агенты). Партии и организации, которые назывались «оппозиция», обвиняли в связи с «желтоволосатиками» свои правительства и грозили «разноцветно-фруктовыми» революциями: лимонными, банановыми, вишневыми, яблочными и даже огуречными (хотя, как известно, огурец не совсем фрукт).

Выступал Регент. Говорил, что он возмущен, полон самых решительных намерений расследовать коварные планы, обвинял иностранных империалистов и внутренних врагов. Выступали противники Регента и заявляли, что он сам виноват и что у него «физиономия в желтом пуху». Опять выступал Регент и говорил о происках «так называемых республиканцев» и о том, что спасение страны в том, чтобы все люди проявили солидарность и на всеобщем референдуме поско-

рее выбрали нового императора. А за всеми его словами так и прыгала одна-единственная фраза: «Я ни при чем, я ни при чем...»

Тетя Маруся сказала:

— Евгений спит, Любаша учится, отец на работе, я пошла на рынок. Оставшийся народ пусть выделит добровольцев, которые вымоют кастрюли и тарелки. Хватит заниматься политикой...

Мы бросили жребий на пальцах: кому мыть? Выпало Свете и Маю. Май сказал, что Света могла бы справиться одна, там работы — раз чихнуть. А он позавчера в одиночку чистил большущий медный таз для варенья.

Света сказала, что, если Май будет спорить и плохо себя вести, мы выберем его на всеобщем референдуме обратно в императоры. Май сказал, что тогда он велит всех нас принудительно назначить пожизненными судомойками. Кроме Евгения, потому что он неисправимый лодырь... Так мы слегка позубоскалили, а потом Света вдруг посмотрела внимательней.

— Май, ты чего?

— А чего? — сказал он.

— Ты... как-то загрустил.

— Нисколько...

— Я же вижу. Обиделся на «императора»? Ну прости, я больше никогда...

— Да при чем тут это... — скомканно проговорил и правда погрузневший Май. — Я... просто подумал...

— Про что? — шепотом спросили вместе Толя-Поля.

Май обвел нас глазами. Улыбнулся слабо и виновато. Мотнул головой, откидывая отросшие волосы.

— Да так... все про то же... Вот сейчас целые миллиарды людей сидят у телевизоров и ждут: наверно, что-то изменится, наверно, будет лучше... А ведь ничего не изменится, кого ни выбирай, кого ни назначай. Все так и будет, пока... — И он замолчал.

— Что «пока»? — спросил я, чтобы Май не молчал. Тревозно мне было от его молчания.

— Ну... пока все люди на Земле не станут относиться друг к другу... как люди... — выговорил он, будто делая усилие.

Наверно, он хотел сказать «будут любить друг друга», но постеснялся.

— И для этого нужен Шар... — не то спросила, не то просто сказала Света.

Май шевельнул плечом и почти неслышно выговорил:

— Мне кажется, да...

Видимо, все мы разом представили висящий над Землей хрустальный шар необъятных размеров. Храм-планету, в который человеческие души входят, как лучи, и делаются светлыми, очищаются от всякой хмари и мути...

Но как сделать такую громаду?.. Ну ладно, допустим, это получится. Но разве можно найти силу, которая держала бы эту великую тяжесть над поверхностью Земли, в невесомости?

...Оказалось, что можно и это. Верхом на Росике въехали прямо в большую комнату Лыш и Грета. Встрепанные, взволнованные. Соскочили. Лыш прижимал к груди картонную коробку. Росик, стуча «копытцами», ускакал в угол и притих там, как обыкновенный стул. А Лыш выдохнул:

— Получилось... Сейчас покажу...

Не говоря больше ни слова, он пошел в нашу с Маем комнату. Мы — ничего не понимая — за ним. Лыш отдал коробку Грете, покрутил головой:

— Где шар?

Хрустальный шар Мая был на подоконнике. Держался на большом подсвечнике, как на подставке. Сверкал и переливался. Лыш решительно перенес его на край стола. Отодвинул монитор и клавиатуру, чтобы освободить побольше места. Ухватил с полки десяток разных книг, тоже положил на стол — высокой стопкой. На этой стопке он и утвердил подсвечник с шаром. Шар засиял еще радостнее. Мы смотрели и ни о чем не спрашивали. Ясно было, что Лыш творит что-то необыкновенное. Он часто дышал. Грета загадочно молчала.

Лыш повернулся к сестре, дернул с картонной коробки крышку, достал... какие-то блестящие вещицы, поставил рядом с книжной стопкой. Это были самодельные песочные часы! Два аптечных флакончика, соединенные стеклянной трубкой и укрепленные на проволочной подставке. Из верх-

него флакончика в нижний бежала сыпучая красноватая струйка.

Света почему-то тихо ойкнула.

Лыш достал еще одни такие же часы. И еще, еще... Он расставил их вокруг книжной пачки с подсвечником и шаром как по углам квадрата. Постоял, подумал, поправил. Затем осторожно вытянул из стопки самую толстую книгу — «Двадцать лет спустя». Стопка стала ниже. Подсвечник слегка опустился... Мы не сразу увидели, что случилось. А когда увидели, не сразу поверили глазам... Да, подсвечник опустился, но шар остался на прежней высоте! Он висел в воздухе, не касаясь верхнего края медного стакана.

— Мама... — шепотом сказала Света.

Лыш убрал подсвечник с книг на угол стола. Потом убрал и книги. Шар продолжал висеть в воздухе, пересыпая в себе солнечные искры и огоньки, отражая разгоревшийся за окном день.

— Не может быть... — шепнула Света.

— Я так же сказала, когда он мне это показал рано утром, — с гордостью за брата отозвалась Грета.

— Лыш, как это? — тихонько спросил Май.

Без всякого хвастовства, будто разъясняя устройство простенькой игрушки, Лыш сказал:

— Это просто. Как опыт с теннисным шариком. Ну, знаете, когда из пылесосного шланга пускают вверх воздух и шарик в этой струе вертится, держится и не падает. Потому что его обтекает воздушный поток. А этот шар обтекает поток времени. И время убирает тяжесть...

Мы молчали, удивляясь, как это в самом деле просто. И не веря. И не понимая...

— Почему же до этого никто не додумался раньше? — жалобно спросил наконец Май.

— Ну... — сказал Лыш слегка смущенно. — Здесь ведь нужен расчет. И главное, чтобы песок был *тот самый*...

— Какой? — вместе спросили Толя-Поля.

— Который оттуда, где пирамиды и башни... — ответил Лыш непонятно. И вдруг заторопился: — Там его немерено! Можно сделать сколько угодно громадных часов! Это будут генераторы! Май! Тогда твой Большой Шар ничего не стоит

поднять хоть на какую высоту... Надо только придумать устройство... чтобы вовремя переворачивали часы...

Он вдруг замолчал, будто очень устал. Вытер вспотевший лоб. Оглянулся, куда бы сесть, присел на край моей кровати.

Я сказал:

— Весь институт Валерия будет в отпаде от этого открытия...

Лыш слабо улыбнулся.

А шар висел над столом, неподвижный, переливающийся светом. И это завораживало. Мы смотрели... не знаю сколько времени. Наконец Лыш толчком поднял себя с кровати.

— Песок кончается... — Он перенес шар на подсвечник, сдвинул песочные часы друг к дружке. А мы все сидели, и казалось, что другой шар — Хрустальный Храм — висит над нами, над домом, над городом Инском...

Мы еще посидели, помолчали. Наконец Света встряхнулась:

— Да... но посуду мыть все равно придется. Май, пошли...

— Мы помоем, — вдруг великодушно решили Толя-Поля. — А вы сидите и обсуждайте... И переживайте...

Да, понимающие ребята...

— Я с вами! — вдруг вскинулся Лыш. — Помогу. — И объявил тревожно поднявшей голову сестре: — Мне надо это... развеяться...

Когда Толя-Поля и Лыш ушли, Грета сказала:

— Он всю ночь провел в сарае, колдовал там. А утром позвал меня: «Смотри...»

«Сколько всего случилось за сутки...» — подумал я.

Да, случилось столько, что отодвинуло мои прежние сомнения и страхи. Я даже перестал думать про ампулу. А сейчас вдруг вспомнил, но подумал беспечно: «А, ерунда! Еще несколько дней в запасе. Надо только напомнить Вите, чтобы принес завтра-послезавтра, не забыл...» Мне теперь казалось, что все кончится легко и просто. Подумаешь! Ткну шприцем в плечо — и прощай, прежние заботы. Главное, не прозевать момент, когда появится *тот самый* прыщик. Мерцалов говорил, что сперва должно зачесаться...

Будто в ответ на свои мысли, я ощутил на плече легкий зуд. Усмехнулся: вот как нервы откликаются на всякие стра-

хи. Оттянул ворот футболки. Что это?.. Точно в том месте, куда однажды ткнул пальцем Мерцалов, светился алый бугорок. Словно ягода-брусника...

Сразу, без всяких «а может, не то, а может, случайность, совпадение», понял я, ощутил всеми нервами, что это *оно*.

— Света... Май... вот... раньше срока... — И откинулся, уперся в кровать локтями. Замутило...

Не помню, кто звонил Вите. Но примчался он моментально. То есть, наверно, минут через пять. Вместе с девушкой, которая уже в дверях начала натягивать белый халат. Славная такая девушка, темноволосяя, темноглазая, похожая на Грету.

Я к этому моменту уже пришел в себя. А чего было раскидаться? Ну, «начался процесс» чуть раньше рассчитанного срока, что страшного? Сейчас, через минуту, все будет в норме. Вот медсестра уже отломала кончик ампулы, втянула в баллон шприца прозрачную жидкость. Теперь шприц в одной руке, а в другой набухшая пахучим спиртом ватка.

— Сиди, сиди...

Но я встал. Ватка холодком прошлась по коже выше локтя.

— Не напрягай руку. Не бойся, это не больно...

— Дайте, я сам! Я умею... Ну, пожалуйста...

Мне казалось, что сделать это я должен именно сам. Тогда уж точно все будет хорошо. И, наверно, был в моем голосе такой отчаянный звон, что медсестра на миг растерялась, шприц оказался у меня. Игла с капелькой лекарства — вверх, большой палец — на поршне. Я посмотрел на блестящую от спирта кожу над локтем. Ну вот...

За дверью что-то стукнуло, упало. И долетел плачущий Полин голос:

— Ребята, скорее! Лыш без памяти!

Нас всех как волной вынесло из комнаты, мы оказались на кухне.

Лыш, непривычно длинный, с побелевшим лицом, лежал наискосок половиц, глаза были полузакрыты, ноги неловко согнуты, руки раскинуты. Расстегнутая безрукавка оказалась распахнута, будто крылья бабочки, лямка белой майки съехала с плеча. Под ключицей (там же, где и у меня!) расплзлось красное, похожее на раздавленного паука пятно. Куда там

моему прыщу! Сразу было видно — у Лыша нет лишних минут. Он хрипло дышал сквозь зубы...

Где он подхватил эту заразу? За что его так ударила судьба?.. Как теперь быть? Нас двое, а доза одна. Как выбрать? Кому жить на свете?.. Конечно, ему! Это ведь он должен помочь Маю построить Хрустальный Храм, а я-то что?.. Но ведь лекарство — мое! По всем законам судьбы — оно мое! С самого начала ампула была *моя*! И жить так хочется. Особенно сейчас, когда столько радостей, когда есть свой дом и друзья!.. А ему не хочется?.. Но я же не виноват, что и с ним случилось *такое же*!.. Не все ли равно теперь, кто виноват!..

Такие мысли колотились во мне... Но колотились уже потом, когда я уходил, прощался с Инском. А сейчас мыслей не было, никаких. Лыш был мой брат.

Я все еще держал шприц иглой вверх. Я быстро сел, левой рукой уперся в пол, а правой воткнул иглу Лышу пониже плеча и мягко надавил поршень...

ГЛАВА 6

Кто-то выхватил у меня шприц, но я не помню кто. Что-то говорили, но я тоже не помню. Зато я увидел, как раздавленный красный паук стал вбирать лапы, уменьшаться на глазах. Съежился, превратился в коричневую коросточку — безобидную, я это понял сразу. И дышать Лыш стал ровно. Зашевелились веки...

И мне стало легко-легко. Я знал, что очень скоро со мной начнется то же, что с Лышем, и, наверно, скрутят меня боль, тошнота, потом придет беспамятство. Но все равно сейчас было легко. Потому что я сделал то, что сделал, и не надо было ничего выбирать...

Меня рванули за плечо:

— Бежим! — Это была Грета.

— Куда? — сказал я с расслабленной улыбкой.

— Бежим! Дурак!..

Ох и сильная девчонка! Двумя рывками выволокла меня из кухни, из дома, на крыльцо. Там танцевал на тонких ножках Росик.

— Садись! — приказала Грета.

— Зачем?

— Затем, что иначе умрешь! — кажется, она заплакала.

Я ничего не понимал. Подумал: «Так и так умру...» (кстати, почти без страха подумал). Сказал:

— Он не поднимет двоих...

— Поднимет! Да садись же!.. Смотри, у тебя уже начинается, как у него! — Она дернула на мне ворот, я глянул на плечо. Там на месте ягоды выросла красная паука. Тут я сильно испугался. И быстро сел на Росика задом наперед, грудью к спинке (будто это могло меня спасти!). Грета оказалась сзади — я почувствовал, как металлические пуговицы ее форменной рубашки впелись мне в спину. Горячий шепот Греты шевельнул мне волосы на затылке:

— Вперед... — Видимо, это был приказ Росику.

Мы рванулись со ступеней, и первые несколько секунд я думал об одном: не полететь бы кубарем с деревянного конька. Швыряло из стороны в сторону, я вцепился в спинку, зажмурился. Потом открыл глаза.

Воздух с тополиными пушинками бил по щекам. Я не понял, где мы мчимся. Видимо, по огородам и пустырям. Хлестали по ногам верхушки высоких трав. Потом перестали. Оказалось, что Росик несет нас по воздуху, выше репейников и кленовых зарослей. Теперь движение стало ровным и мысли — тоже ровнее.

— Куда мы? — громко спросил я.

— На Круг! Там начинается Дорога. На Дороге не умирают...

«Это хорошо, что не умирают... А что там делают?..»

Мы помчались по Второй Раздельной, мелькнул знакомый дом с редакцией «Почтовой ромашки» (где я так и не побывал). Потом — стена Крепости. Росик взметнул нас выше стены и снова канул вниз (все ухнуло внутри). Теперь мы летели над Пустошью — над проблесками воды, над осокой и тростником. Опять захлестало по ногам.

Сколько летели — не знаю. Наконец скорость уменьшилась. Деревянные ножки Росика застучали по твердому. Он остановился. Грета прыгнула, потянула меня:

— Слезай...

Я неуверенно встал на ноги. Под ногами оказались доски.

Даже не доски, а плахи. Щелястые, местами прогнившие. Кое-где росла в щелях трава с мелкими белыми цветами. Я оглянулся. Мы стояли на круглой площадке среди зарослей ольховника. Через площадку тянулись ржавые рельсы на кривых истлевших шпалах. «Вот он, Круг», — понял я.

— Он скоро повернется... — шепотом сказала Грета. — И тогда ты иди... — Она смотрела в сторону, и щеки ее были мокрые.

— Куда? — тоже шепотом спросил я.

— Сперва по рельсам. Потом как получится... По Колее...

— Зачем?..

— Чтобы не помереть... дурень... — Она всхлипнула и посмотрела мне в глаза.

— По какой колее? — пробормотал я, моргая.

— Ты почувствуешь... Колея — это часть Дороги. Она спасет...

— И долго идти? — спросил я, холодея. Потому что вплотную подступило *Расставание*.

— Не знаю... Наверно, долго...

— А можно будет вернуться?

— Не знаю... Если можно, Колея выведет сама. А ты не пытайся повернуть назад. По Дороге не ходят обратно, такой закон...

Тогда я рассердился:

— Откуда ты знаешь?!

Она сказала виновато:

— Сама не понимаю. Знаю, вот и все... — И опустила голову.

— А если я все-таки пойду назад?

Она снова глянула мне в лицо мокрыми глазами.

— Тогда... наверно, свалишься, как Лыш.

Да, Лыш... И моя тревога перекинулась от меня на него:

— А почему с ним случилось... *такое*? Ведь ему-то не делали прививку! Может, он заразился от меня?

— Не говори чушь... — слабо отмахнулась Грета. — Он сам виноват. Из-за своих опытов со Временем...

— Из-за часов? Но тогда ведь...

— Да при чем тут часы! Они безопасны. В них ведь нет обратного хода. А Лыш захотел однажды сунуться назад по Вре-

мени, за твоей ампулой, ты же знаешь. Он мне про это рассказывал и уже тогда сказал: «Боюсь, добром это не кончится...» Наверно, там он и схватил заразу. Обратное время опасно. В твоём этом препарате тоже ведь были частицы с обратным вращением, вот и получилось, что вы одинаково... Его ты спас, а сам... — И она заплакала уже в открытую.

— Да ладно... — пробормотал я. — Может, обойдется...

А что еще я мог сказать? Я знал, что не обойдется. Что сейчас я уйду в какой-то другой мир. Если даже и не погибну (а красный паук жег мне плечо), то все равно никогда не вернусь в город Инск. Больше не увижу тех, кого люблю. Тех, без кого я не могу («ну не могу-у-у же никак!»). Но я скрутил в себе этот крик, эти слезы. Не потому, что стыдился, а потому, что *было бесполезно*.

И наступила тишина. Даже Грета не всхлипывала. Только потрескивали крыльями стрекозы. Им-то, стрекозам, было все по фигуре. И я очень захотел сделаться одной из них — летать и ни о чем не думать, не помнить...

Грета смотрела вниз, на доски. Я тоже. Доски вдруг шевельнулись — и будто качнулось все пространство. Я взмахнул руками, выпрямился. Круг поворачивался, ветки ольховника медленно плыли мимо нас. Между ними появился просвет, в нем лежала такая же рельсовая колея, как на Круге. Рельсы соединились, и Круг замер.

— Вот туда и шагай... — Грета слабо махнула вдоль рельсового пути.

— Уже... сейчас?

— Скорее. Через минуту рельсы разойдутся, и потом надо будет ждать сутки. Ты не протянешь...

— Ладно... — глупо сказал я.

— Грин... поцелуй меня, — тихо попросила Грета.

Я понял — так надо. Сделал короткий выдох, обнял ее за колючие плечи, ткнулся губами в мягкие мокрые губы и сразу шагнул назад. Грета улыбалась:

— Ну, иди... Грин, скорее!

Я сделал шаг с Круга на «ту сторону», на гнилую шпалу. Шпала была такая же, как на Круге, но уже в *ином мире*. Шагнул и сразу оглянулся.

Грета все так же улыбалась, но будто из какого-то сна или

из прошлого. И я всеми нервами потянулся к ней. Ведь надо было столько спросить! Вот пойду я, а *что дальше?* Встречу ли кого-нибудь? Что буду есть и пить по дороге? Поворачивать нельзя, но можно ли ступить в сторону с Колеи? А можно ли послать откуда-нибудь письмо или позвонить?.. Глупые вопросы. И, конечно, Грета все равно не смогла бы ответить. К тому же я понимал: из другого мира не шлют вестей...

Круг дернулся, Грета качнулась и как-то сердито замахала мне руками. Слово требовала: не смотри! Но я не моргая смотрел, как уплывает в заросли ольховника длинноногая девочка в желтой рубашке с погончиками и черной пилотке... Скрылась...

А если встанет в горле вдруг
Непрощеный комок...

Я проглотил такой вот комок, вытер глаза. Толчком повернулся и зашагал по рыхлым шпалам, вдоль тянувшихся через ольховник рельсов...

Часть последняя

КОЛЬЦО

ГЛАВА 1

Через несколько минут настроение непонятным образом изменилось. Будто кто-то со стороны скомандовал мне: «Переключись!» Наверно, это была спасительная защита нервов, которые охраняли меня от нестерпимого горя.

Я подумал, что, может быть, ничего страшного и не случилось.

Жжения в плече уже не было. Я посмотрел — красный паук превратился опять в ягоду-бруснику, и она была даже меньше, чем раньше. Ну и ладно. Это уже плюс.

А еще плюс — и самый важнейший! — что Лыш жив. Теперь можно сколько угодно размышлять, выбирать, бояться, жалеть о сделанном, гадать, правильным ли было мое решение, — ничего уже не изменить. И слава Богу! И не буду я жалеть и гадать! Потому что благодаря Лышу случится *главное*. Май в конце концов сумеет соорудить в пространстве свой Хрустальный Шар, где люди смогут увидеть все храмы мира. Всё доброе, что в этих храмах есть. Поможет ли это людям стать добрее? Я не знал... Но Май *знал*, а я ему верил...

И к тому же я ведь, как и Лыш, живой! По крайней мере, пока. А к переменам в жизни, к ее всяким вывертам разве мне привыкать?

«Ладно, поглядим, что за Дорога, что за Колея...» — подумал я с проснувшейся бодростью. Стало даже интересно.

Кусты давно кончились, рельсы тянулись теперь по усеянному ромашками и клевером лугу. Луг был бескрайний, не было видно ни Инска, никаких деревень и поселков. Лишь несколько строений, похожих на элеваторы. В густо-синем небе висели белые кучевые облака. Солнца они не закрывали, и воздух дрожал от нарастающей жары.

Рельсы неожиданно кончились, и вместо них потянулась в траве утоптанная тропа. Да, утоптанная, широкая, но нико-

го на ней не было, только шагала рядом со мной моя неотступная тень. Летали над цветами мелкие пичуги, негромко вскрикивали. А я шагал. Долго ли — не знаю. Часы, которые подарила мне тетя Маруся, остались дома. (Нет, не надо про дом, про тетю Марусю, про всех, кто *там остался!* Иначе тоска опутает по рукам, по ногам, славит горло. Она ведь, несмотря на мою нынешнюю бодрость, совсем рядом, почти как тень.) Я не чувствовал усталости в ногах, но начали утомлять однообразие и зной. Это что же, так и будет тянуться такое поле? *Без конца?*

Наконец появилось хоть какое-то разнообразие. Вдали я увидел серую стену. Тропа приблизилась к ней. Оказалось, это трехметровый бетонный забор, составленный из отдельных секций. А что с другой стороны? Секции внизу вращались в землю — не просунешься. И наверх по гладкому бетону не заберешься. А мне казалось, что по ту сторону какой-то совсем другой мир. Более интересный и... более прохладный...

Наконец я увидел то, что могло мне помочь. У стены стояло косо прислоненное к бетону большущее колесо. Ростом с меня. С могучим, расслоившимся от старости ободом, с брусьями-спицами крест-накрест, с похожей на маленькую мортиру ступицей. Я с разбегу взлетел на ступицу, вскочил на верхний край обода, встал на цыпочки... За стеной было то же самое поле. Ровная зелень, на которой местами лежали мохнатые тени облаков.

Я разочарованно прыгнул с колеса. И... увидел двух мальчишек. Они сидели неподалеку, прислонившись голыми спинами к бетону, и по очереди глотали из пластиковой бутылки газировку. Посмотрели на меня, улыбнулись, разом сказали:

— Привет.

— Привет... — растерянно сказал я.

Мальчишки были по возрасту вроде Лыша. Отчаянно загорелые, босые, с лохматыми светлыми головами, очень похожие друг на друга. Только на одном — зеленые трусики, а на другом — желто-пестрые.

Тот, что в зеленых, понимающе спросил:

— Заглядывал на ту сторону?

— Да... — признался я.

— Ничего там нет...

— А вот если пройти через пролом... — непонятно добавил другой мальчишка.

«Какой пролом?» — хотел спросить я, но промолчал. Будто мог лишним словом спугнуть этих ребят. Мне было хорошо-хорошо видеть их — ведь они в точности такие, как мальчишки в городе Инске. Может, и правда оттуда? Благодаря им Дорога (или Колея — как точнее?) перестала для меня быть чужой.

Тот, что в зеленых трусиках, протянул мне бутылку:

— Хочешь?

— Да... — Я и правда хотел пить.

— Пей до конца, — сказал тот, что в пестро-желтых. — Нам уже хватило.

В бутылке оставалось не меньше половины. Я присосался и втягивал в себя прохладную шипучую жидкость («Зорянку» или что-то похожее), пока не кончилась.

— Спасибо... — Я поставил пустую бутылку на бетонный выступ внизу забора.

Тот, что в зеленых, достал из-под локтя школьный рюкзачок, вынул отломанную половинку батона.

— Бери, мы уже поели...

— Спасибо, — опять сказал я и взял.

Они вспрыгнули из травы. Подхватили рюкзачок и пошли по тропе в ту сторону, откуда пришел я (им-то можно!). Отлянулись, помахали мне. И я помахал — зажатым в пальцах батонком. Потом тоже зашагал. На ходу откусывал от батона. Он был очень свежий, мягкий, с хрустящей корочкой. Вкуснота...

Я долго не решался оглянуться, а когда все же посмотрел назад, ребят на тропе уже не было...

И опять я шел, шел. Усталости не было, а встреча с мальчишками прибавила мне бодрости. Я думал о них, потом стал думать о Пузырьке и Тюнчике. Как хорошо, если бы мы оказались на Колеее втроем! Тогда никакая печаль не страшна!

А что, если я их встречу? Здесь, на Дороге! Вдруг она, Дорога эта, решит подарить мне чудо? Если спасает от гибели, то, может быть, спасет и от одиночества?..

Но пока она не спасала. Я шел час за часом и больше никого не встретил. Небо затянулось пепельной дымкой — тонкой, не спасающей от жары. Через дымку светило яркое пятно. Нет, это было не солнце. Оно угадывалось слева, а этот свет был прямо впереди — словно сквозь пленку сухого тумана пыталась пробиться большая лучистая звезда.

Эта звезда вовсе не казалась мне зловещей. Наоборот! Было хорошо, что она горит, — будто дает какую-то надежду. Я представил между звездой и землей висящий в пустоте громадный шар из стекла. Звезда разбилась в нем на сотни радужных огоньков, искр и змеящихся ручейков света. Эти ручейки вдруг обрисовали в стекле контур знакомой Михаило-Архангельской церкви, где стоял сработанный дядей Толлей золоченый иконостас и где я однажды увидел Святую Троицу. Мне показалось, что я вижу ее и сейчас. Я моргнул. Шар в небе исчез, и звезда светила теперь в одиночку, сама по себе. Но, наверно, она была добрым маяком, потому что тропа вдруг уткнулась прямо в стену и я увидел в бетоне пролом — как раз такой, чтобы пролезть мальчишке размером с меня.

Я и пролез.

Теперь за стеной не было ровного поля. Вплотную подступил мелкий березняк. Тропа повела через него, прыгая по заросшим кочкам. Сквозь листья, слева от себя, я все еще иногда видел звезду, но реже и реже, потому что по сторонам стали появляться большие деревья — развесистые березы и косматые сосны. Постепенно они слились в сплошной лес. Запахло грибной сыростью, сделалось прохладно и сумрачно. «Вечер уже», — понял я.

А что я буду делать ночью? Идти в темноте? Не разгляжу тропу. Да и ноги уже ныли от усталости. Даже подумалось: может, прилечь на краю тропы, под сосной, свернуться калачиком... Но ведь будет, наверно, зябко, да и комары, чего доброго, учуют добычу. Эх, раздобыть бы одежду поплотнее: куртку, длинные штаны (только не интернатский комбинезон, лучше уж оконечеть!). Но где ее раздобудешь?

Я пошел дальше. Подумал: «В конце концов, свалиться от усталости никогда не поздно...» И в эту секунду, вроде бы без

всякой причины, упала на меня, скрутила, забила горькой ватой горло совершенно непобедимая тоска.

Та, которой я боялся весь день и которую старался не подпускать.

Она взяла меня врасплох, и я понял, что совершенно не способен сопротивляться.

Я увидел наш дом, увидел всех, кто теперь изводится от тревоги за меня. Если бы хоть кто-то оказался рядом! Пусть даже любой человек из города Инска! Пусть даже... почти незнакомый пес Коржик, которого я недавно целовал в мокрый нос! Я бы прижался к нему, будто к лучшему другу! Как к спасению...

И я рванулся назад! Нет, не мысленно, а по правде! Пусть я околею через несколько часов, только бы хоть на миг оказаться еще раз дома! Вдохнуть запах свежего дерева, услышать, как лопочет мой годовалый братишка Евгений...

Я пробивался обратно — к березовому перелеску, к стене с проломом. Именно пробивался, потому что воздух стал тугим и плотным, приходилось расталкивать его плечом, как встречное течение воды... Потом стало легче. И я понял, что иду через широкую лужайку, освещенную вечерним небом. Дымка в небе исчезла, и похожая на серебряное лучистое солнышко звезда светила очень ярко. Она светила... опять слева. И я понял, что по-прежнему иду не к дому, а *вперед*.

Дорога не давала мне погибнуть, но и не пускала обратно. Видимо, у нее была одна цель: сохранить мне жизнь. «А она мне нужна, *такая* жизнь?» И я заплакал взахлеб.

Однако плачь не плачь, а надо было как-то... существовать. Ну, не головой же о крепкий ствол, чтобы разом конец. Да и не получится, наверно...

Всхлипывая, побрел я дальше. И... тоска тоской, а «природа» себя давала знать: сказывалась выпитая газировка. Я боялся обидеть Дорогу нехорошим делом и подумал, что, наверно, тропа мне позволит отойти на несколько шагов в сторону, в кустики. Тропа позволила. Я сделал свое дело, вернулся на нее, прошагал еще немного и увидел на обочине полуразвалившийся шалаш. Такой, какие строят на одну ночь рыбаки и лесные путешественники.

Ну и ладно. Шмыгая носом, забрался внутрь, в щекотанье

и запах березовых и сосновых веток. Нашупал какую-то дерию, сквозь нее пружинил хвойный настил. Так же на ощупь отыскал брезентовые лохмотья, пахнувшие табаком, — наверно, остатки большого плаща. Лег навзничь, натянул брезент до подбородка. Тоска немного отступила. Я вспомнил, как в прошлом августе ночевали мы с Пузырьком и Тюнчиком на пустыре, в конуре из бетонной бочки. Похоже... Ребята, где вы теперь?

Я стал смотреть в щели между ветками. Синевато светилось небо. Звезду я не видел, зато в большую дыру заглядывал молодой желтый месяц. Словно хотел утешить...

Потом показалось, что мягко прыгнул откуда-то и улегся у меня в ногах увесистый пушистый кот. Защекотал шерстью торчащую из-под брезента шиколотку. Я не удивился, спросил:

— Юшик, это ты?

— Мр... — тихонько сказал кот.

Впрочем, это я уже, наверно, спал.

ГЛАВА 2

Мне приснился зеленый двор, на котором Лыш соорудил из прирученных стульев большущий летательный аппарат «Лап-2». И велел всем, кто столпился вокруг:

— Садитесь.

И все мы — Май, Света, Любаша с Евгением на руках, теть Маруся, дядя Толя, Тополята, Валерий, Витя, Саныч, Грета, Горошек и все Гретины ребята-следопыты, и те мальчишки, что дали мне на дороге воды и хлеба, и мальчик, который уступил мне на улице велосипед, и еще многие-многие люди стали рассаживаться внутри тонкого каркаса, и всем хватало места.

Мы взлетели плавно и легко. Лыш сидел впереди и двигал всякие рычаги. Вниз тянулся шнур, он был привязан к спинке Росика, и тот скакал по траве, тянул нас на буксире. И время от времени превращался в рыжего жеребенка.

«Так вот кто ты на самом деле!» — мысленно сказал я Росику. И перегнулся через круглую палку, чтобы разглядеть

жеребенка получше, помахать ему. Сильно перегнулся, не рассчитал. Потерял равновесие и полетел вниз.

Я ничуть не испугался. Падал медленно, это было не страшно, даже весело. Я приземлился на четвереньки в мягкую траву, сунул носом в головки клевера, ощутил его запах и вскочил.

Далеко ли улетел наш «Лап-2»? Скоро ли вернется за мной? Видимо, не скоро, потому что в небе никого не было. Я стал оглядываться: на каком дворе оказался? Но был вокруг не двор, а бескрайнее поле с ромашками и желтыми цветами львиный зев. И опять я не испугался, потому что знал: все равно меня хватятся и полетят искать.

Испугался я, когда из травы поднялся мне навстречу Мерцалов. Он держал в каждой руке вороненый пистолет и улыбался... Ух, как он улыбался. Я сразу ощутил, как возвращаются ко мне спешкола, неволя, все страхи и горечи.

— Воспитанник Климчук! Где ты болтался? Почему ты без формы?.. Руки за спину, и... Ай!

«Ай!» — потому что из травы лохматым комом вылетел пес Коржик и морда у него была сейчас вовсе не добродушная. Коржик с тигриным рыком вцепился в штаны Мерцалова, и тот, подвывая, завертелся, начал палить в пса из двух пистолетов. Но выстрелы были безвредными хлопками. Мерцалов бросил пистолеты, упал на колени, вскинул руки и тонко завопил:

— Я сдаюсь! Я абсолютно сдаюсь! Пожалейте!

Тут же вспомнился мне измученный мальчишка в кабинете у следователя!

— А нас вы жалели? — сказал я Мерцалову. В руках у меня оказался лучемер...

— Не надо, Грин... — двойным шепотом сказали у меня за спиной Игорь и Минька (откуда они здесь?). — Гиперболоид бьет только издалека. Да и ну его, этого тюремщика...

Я и сам знал, что не надо (ну его, Ефрема Зотыча, в...).

И сказал Коржику:

— Прогони...

Коржик снова вцепился в штаны Мерцалова. Тот вскочил, выпрыгнул из брюк и помчался прочь, мелькая широкими камуфляжными трусами. Коржик, гавкая, с полминуты

гнал его по траве, потом вернулся и сел передо мной, улыбаясь розовой пастью. Будто спрашивал: «Я все правильно сделал?»

— Молодец! — сказал я и сел на корточки перед псом (родным таким!). И хотел опять поцеловать его в черный нос. И Коржик ждал этого, махая хвостом по головкам клевера. Но что-то яркое кольнуло мне глаза, и я проснулся...

Глаза кололи пробившиеся сквозь ветки лучи. И мне сразу показалось, что мои горести — не такие уж страшные и можно ждать впереди еще немало доброго. Я лежал на боку и смотрел, как солнце разукрашивает листья и ветки в стенке шалаша. И все было хорошо (по крайней мере, в эту минуту), только что-то маленькое и твердое болезненно давило мне бедро. Я повозился, потом догадался, сунул руку в карман. И... нащупал там гладкий шарик размером с ягоду смородины. Вытащил...

Это был янтарный шарик Мая!

Господи, почему вчера-то я про него не вспомнил?! Про свой талисман... Он бы помогал мне в пути, утешал бы и успокаивал. И казалось бы, что Май рядом. Но я, ошарашенный, замотанный, раздавленный бедой, совершенно забыл про шарик-огонек из песочного собора «Кафедраль де ла Мар»!..

— Прости... — улыбнулся я шарикку. И стал смотреть сквозь него на солнечный свет.

Кота Юшика, разумеется, в шалаше не было, но я все же мысленно сказал ему: «Кыс-кыс...» И показалось даже, что услышал в ответ короткое «мр-р...». А вот человеческие голоса не показались, они были настоящие. И, кажется, жизнерадостные. Не успел я ничего по этому поводу подумать, как сквозь ветки просунулась голова. Она была большущая, лохматая и бородатая. Голова сказала:

— Приветствую вас, юноша... — А потом уже не мне, а кому-то снаружи: — Искомый субъект обнаружен. Он изволил почивать, не подозревая, что стал предметом всяких тревог и волнений... — И опять мне: — Сударь, вас не затруднит покинуть этот дортуар и представиться леди и джентльменам, которые имеют к вам некоторые вопросы?

Какие вопросы? Может, этот бородач лишь притворяет-

ся добряком, а выйдешь, и: «Воспитанник Климчук? Руки назад!..»

Но разве такое может быть на Дороге?

Я опасливо выбрался из шалаша. Если что — сразу стрелану!

Неподалеку стояли четверо: бородач, худой очкастый парень и две девушки — одна маленькая, смуглая, а другая полная, высокая, с желтой косой. Все в ярко-синих комбинезонах с непонятными нашивками. Нет, они не были похожи на тех, кто «руки назад!». Были похожи на друзей Валерия из Крепости. И... на Мая! Потому что смотрели, как смотрел иногда Май, если хотел сказать что-то важное и ласковое. У него тогда глаза делались такими, будто он знал больше других. И у этих были именно глаза Мая. Внимательные и одинаково светлые, даже у смуглой девушки.

Впрочем, почти сразу появились в глазах насмешливые искорки. Очкастый глянул на меня, как биолог на редкого представителя животного мира, и возгласил:

— Отрадно видеть искомого юношу, однако следует уточнить. Для формальности. Григорий Юрьевич Климчук?

— Ну... — сказал я. — А чё такого? — У меня опять шевельнулись подозрения.

— Да «ничё такого», — широко улыбнулся бородач. — Уточнение и знакомство. Ты, выходит, Грин... А я — Боря. А это Эдик, Маргарита и Алёна... Дорожный спецпатруль, практиканты ИИССа... Алёнчик, глянь, как там у него...

Смуглая «Алёнчик» решительно шагнула ко мне, бесцеремонно оттянула ворот футболки.

— У-у... да ничего уже...

Я скосил глаза. Там, где раньше набухала «ягода-брусника», теперь оттопыривалась плоская коричневая коросточка. Сморщив нос, Алёна легко оторвала коросточку и бросила в траву. На коже осталось розовое пятнышко.

— Однако инъекция все же необходима, — сказала рослая Маргарита. — Для гарантии.

— Да, вы уж постарайтесь на все сто, девочки, — попросил «биолог» Эдик. — Чтобы никаких упущений.

Алёна ушла в большую палатку, что зеленела в десяти шагах от шалаша. Рядом с палаткой стоял в траве раскладной

пластмассовый стол, а на нем большой компьютер и какие-то аппараты. Дальше среди кустов я увидел серый запыленный джип... Алёна вернулась, она была теперь в сверкающем белизной халатике. И держала иглой вверх приготовленный шприц.

— Иди сюда, голубчик...

Я пошел. Я был уверен, что в шприце тот темпотоксин, что мне так и не ввели в Инске.

— Ну-ка, задери футболку, путешественник, — велела Алёна.

— Ну, зачем... Можно же в руку. Дайте, я сам, я умею...

— Цыц! — сказала Алёна тоном тети Маруси, когда та утихомиривала Толю-Полю. — Порассуждай еще, дам по загривку...

Я торопливо вздернул подол футболки до «загривка». Ощутил под лопаткой холодное касание ватки со спиртом и стал ждать. Наконец спросил:

— Ну, скоро?

— Все уже, — хмыкнула Алёна. — Хватит обмирать...

Надо же! Ну и мастерица!.. Я торопливо одернул футболку. Бородатый Боря подошел и дружески поинтересовался:

— Лопать хочешь? У нас есть пшенная каша с тушенкой и какао.

Я почувствовал, что ужасно хочу «лопать». Но...

— Можно я только на минутку... куда-нибудь...

— Вон туда, за сосны, — понимающе посоветовал Боря.

Я догадывался, что все они имеют отношение к Дороге, к ее тайнам и законам. И осторожно спросил:

— А ничего, что я отойду далеко... от Колеи?

— Ничего. Здесь везде Колея... — сказал Боря. — Да к тому же теперь это неважно...

Я быстро вернулся, и мне дали ложку и миску с теплым варевом. И себе взяли. Мы сели не у стола, который был заставлен приборами, а прямо в траве. Я глотал кашу, заедал куском черного хлеба, запивал горячим какао из эмалированной кружки. Могло показаться, что мы в беззаботном турпоходе. Однако во мне сидело много-много вопросов, которые сливались в один большой вопрос: «А что бу-

дет дальше?» Но я не спрашивал. События развивались, и я боялся неосторожным вопросом толкнуть их в худшую сторону.

Наконец позавтракали. Я выдохнул «спасибо». А что теперь?..

— Ручей вон там. Это к вопросу о посуде... — сообщила Алёна. Я вскочил:

— Давайте помою! — Это чтобы задобрить не столько патрульных, сколько судьбу.

Но Алёна сказала:

— Дежурный у нас нынче Эдик. А ребенку пора в путь...

«В какой путь? Опять одному? — Я стиснул в кармане янтарный шарик. — Помоги!»

Бородатый Боря поднялся, потянулся, глянул на меня с высоты.

— Григорий Юрьевич по прозвищу Грин! Надеюсь, вторжение медицинской иглы в твои спинные мышцы не помешает тебе комфортабельно устроиться на автомобильном сиденье?

— Не... не помешает... А куда ехать?

— Странный вопрос, — отозвалась Алёна. — Ребенок не знает, что ему давно пора домой?

«Домой?!» — все рванулось во мне. А Эдик вдруг настороженно спросил:

— Не рано ли? Разве *он* уже идет?

Маргарита подошла к столу, глянула на компьютерный экран (который мне был не виден). Негромко сказала оттуда:

— Идет... Что ему еще делать теперь...

Я не понял, кто такой *он*. И не стал задумываться. «Домой! Домой! Домой!» — колотилось во мне.

— До свиданья, Грин, — сказали мне Маргарита, Алёна и Эдик, будто я и правда возвращался домой из небольшого турпохода. А Боря поманил меня и пошел к джипу. Я за ним...

— Садись...

В нагретой кабине было душно, пахло бензином. Боря успокоил:

— На ходу проветрится...

И мы выехали на тропу, которая почти сразу превратилась

в проселочную дорогу. Я боязливо молчал минуты три и наконец не выдержал:

— Но дом... Инск... он же остался позади. А говорили, что по Дороге назад нельзя...

— Правильно говорили, — с удовольствием подтвердил Боря. — Мы и не едем назад. Только вперед. Но, как известно, Великий Кристалл мироздания смыкается в кольцо. Слышал об этом?

— Слышал... маленько... Но ведь Дорога-то не смыкается...

— Это как когда. Порой она идет параллельно Кольцу...

— Но оно же бесконечное...

— Умница! Конечно, бесконечное! Но, как известно, в бесконечности невероятно длинные и невероятно малые расстояния равновелики. Поэтому Дорога сама решает, какой длины будет Колея, выбранная ею для того или иного путника. Тебе, Грин, повезло...

Дорога была ухабистая, меня сильно встряхивало на сиденье рядом с Борей, но последствий иглы я не ощущал. Подумал об этом и спросил:

— А в том шприце был *тот самый* препарат?

— Тот самый, — охотно подтвердил Боря.

— А где взяли? Ведь была только одна ампула...

— В ампуле сохранилась капля. Взяли анализ, приготовили...

— Так быстро!

Боря искоса глянул на меня и опять стал смотреть на дорогу (на Дорогу?).

— Дома разберешься, что там быстро, что не очень...

Навстречу джипу бежали мелкие сосенки и березы. Иногда на ветках мелькали желтые листья — от жары, что ли, увяли? Потом проселочная дорога вывела нас на шоссе, мы поехали ровно и быстро. Я высунул из открытого окна голову, ветер отбросил волосы.

Неужели мы правда едем в Инск?

Это была правда! Я различил вдали знакомые колокольни, водонапорную башню (у которой флюгер-петух), корпуса нового района, телевышку...

Потянулись по обочинам огороды, деревянные домики

окраин. Скоро мы переехали мост над рекой. И оказались недалеко от Крепости!

Боря затормозил.

— Грин... Мне надо зайти в лабораторию... по всяким делам. А ты двигай теперь пешком. Надеюсь, помнишь куда? Шагай и... адаптируйся к обстановке. Будь здоров! — Он протянул мне широкую, как лопата, горячую ладонь. Я пожал ее и спиной вперед выкатился из машины. Ура!..

ГЛАВА 3

Чего мне было адаптироваться-то! Всё как всегда. Знакомые улицы, знакомые дома. Я прошагал по Второй Раздельной (мимо «Почтовой ромашки»), потом по всяким переулкам и оказался среди Смоленских улиц.

Я решил идти к дому дворами.

Стояло хорошее нежаркое утро, но уже не раннее, как на Дороге, а с высоким солнцем. Дворы были пустынные и зеленели, как заброшенные стадионы. Я шел через них и думал, что все теперь будет хорошо. Я возвращался домой. Дышал воздухом Инска. Я был как узник, которого несправедливо упрятали в тюрьму, но скоро выпустили, потому что праведный суд решил: «Невиновен!» И теперь я на обычные вещи смотрел глазами счастливого, которому вернули всю его жизнь...

В небе над заборами показалось что-то летучее... Не просто «что-то», а знакомое! И от него тянулся вниз черный шнур. Я заскользил по шнуру глазами и увидел бегущего по траве мальчишку.

Лыш?

— Лыш!!

Он замер. Бросил веревку. Побежал навстречу. Остановился в двух шагах, глянул блестящими глазами. Счастливо заулыбался, шагнул, взял меня за локти.

— Грин... наконец-то...

Это был Лыш... и будто бы не совсем Лыш. Он стал выше, волосы уже не торчали ежиком, а сильно отросли, превратились в темные локоны (когда успели?). Сделался Лыш стройнее и... как-то красивее даже. Еще когда он бежал, я за-

метил, что нет у него прежней хромоты и нескладности. Это что же, так повлияло *то* лекарство?

— Лыш...

— Грин... А мы ждем, ждем...

Я наконец сообразил:

— Сколько же времени прошло, Лыш? Мне казалось, что всего сутки...

Он перестал улыбаться:

— Что ты... сегодня двадцатое августа. Почти два месяца...

— С ума сойти...

— Да... — сказал он.

— Давай сядем, — попросил я. Загудели ноги, будто я и правда два месяца шагал по Дороге. Без остановки... Рядом лежала колода — очищенный от коры обрезок давно спиленного тополя. Толстенный. Мы подпрыгнули и сели рядом.

— Лыш, а дома... все в порядке?

— Да... — сказал он как-то рассеянно. И вдруг опять улыбнулся: — Только Гретхен и Светхен недавно поссорились. Даже чуть не подрались...

— Они что, спятили? — перепугался я. — Из-за чего?

Лыш глянул искоса и сказал, кажется, с тайным удовольствием:

— Из-за тебя...

— Это... как? — Я почувствовал, что наливаются горячим соком уши.

— А так... Тебя ищут, ждут, а Светка причитает: «Ну, где он, ну когда же?..» А Гретхен терпела, терпела и говорит: «Чего ты, в конце концов, так изводишься? Будто он тебе дороже, чем всем другим!..» А та: «Да, а ты!.. Сперва утащила его в какое-то болото, а теперь в ус не дуешь...» Ну они и сцепились... Да сейчас-то уже все в порядке. Но пришлось водить к Памятнику, чтобы помирились...

«Ну вот, опять проблемы...» — замелькали неприятные мысли. Грета и Света... они мне обе нравились. Но Света была скорее как сестра, а Грета... Я вспомнил прощание на краю круга. И вдруг понял (хотя сам испугался этого), что теперь поцелую ее с большой охотой...

А Лыш сказал простодушно:

— Ты не бойся, они не будут тебя делить. Светка недавно

стала заглядываться на Владика Савойского, это новый мальчик в отряде у Гретхен...

Я стыдливо засопел и сказал небрежным тоном:

— Значит, у следопытов теперь пополнение?

Лыш кивнул:

— Ага, и немалое. Толю-Полю она тоже записала наконец. А еще ведь — Вовчик и Егорка...

— А это кто?

Он глянул удивленно:

— Ну, Тюнчик и Пузырек... Ох, ты же не знаешь!.. Грин, ты прости, я стал такой несообразительный, часто забываю про многое. Наверно, это остатки болезни. Я ведь тогда, после укола, немало провалялся в постели, потому что был запущенный случай. Если бы ты опоздал на пять минут, была бы крышка...

— Лыш, да ладно! Главное, что сейчас ты в порядке... А откуда появились Пузырек и Тюнчик? Витя нашел?

— Да нет же, не Витя. Это когда была заваруха на вокзале...

— Какая заваруха?

Он опять улыбнулся, виновато так:

— Да, ты же не знаешь... Месяц назад открылось, что «Желтый волос» поставил в Инске несколько излучателей. В скрытых местах. Спутник-то загремел, а излучатели, которые он должен был отражать, остались. Ну, их почти все быстро нащупали и взяли, а один был спрятан в разрушенной части вокзала. Ново-Заторского... Когда его хотели тоже обезвредить, «волосатые» устроили оборону, со стрельбой. С гранатометами даже. Витина бригада, студенческая дружина и добровольцы их окружили, а те загородились заложниками...

— Какими заложниками? — спросил я, чувствуя нехорошее.

— Там пришел как раз вагон с ребятами из дальнего детства, их перевозили в Горнозавойск, и получилась задержка... Вот, «волосатые» их привели на вокзал, устроили баррикаду и давай кричать про всякие условия... Ну, наши их отбили...

«Никто не погиб?» — хотел спросить я и побоялся. Успокоил себя: если бы такое случилось, Лыш сказал бы.

— А где они сейчас? Эти два обормота? — Я шутильной бодростью хотел унять беспокойство.

— Обещали сюда прибежать, когда в отряде кончится тренировка...

— Да я не про то. Где они вообще? У кого живут? — И догадался: — У наших? У дяди Голи и тети Маруси?

Лыш удивленно свел брови.

— Да нет же! Юрий Львович сразу их забрал к себе, когда узнал, что они твои друзья... Ой...

— К... кто забрал? — выговорил я.

— Ой, Грин. Ты прости... мне все кажется, что ты вернулся давно. А ты ведь...

— Лыш, кто забрал?

— Ну... твой папа... Он оказался здесь с отрядом добровольцев, которые вырвались из ново-заторской тюрьмы, они ее разгромили. И они тоже стали отбивать заложников у «волосатых» и отбили. И стали разбираться, какие ребята откуда, и твой папа узнал...

У меня свистело в ушах, как на сильном ветру.

«Этого не может быть!..»

Но ведь это было! Значит, Михаил Гаврилович ошибся! Его обманули! *Мой папа — живой!*

— Лыш... он где?

— Сейчас на работе, наверно. В «Почтовой ромашке»...

Меня рвануло с места. Но... рвануло внутри. А на самом деле я, ослабевший, остался на колоде, рядом с Лышем. Только закрыл глаза ладонями.

— Грин, ты не плачь... — сказал Лыш. Как тогда, когда проснулся Информаторий...

Я не плакал, я молился:

«Лишь бы это был не сон! Лишь бы не сон! — Я лихорадочно сунул руку в карман, нащупал янтарный шарик. — Лишь бы не сон...»

Летающий стул, укладывая шнур спиралью, приземлился недалеко от нас. Мы посмотрели на него, и я неуверенно сказал:

— Лыш, я пойду. В «Ромашку»...

— Конечно! Хочешь, я тебя провожу?

— Хочу...

— Или... давай дождемся Вовчика и Егорку! Они вот-вот прибегут! И пойдем вместе...

— Конечно... давай...

«А ведь я даже не знал их настоящих имен...»

— Они знаешь как работали, — уважительно сказал Лыш. — Лучше всех в отряде. Когда началась «шаровая атака»...

— Какая... атака?

— Ну... так называлась операция, когда заряжали шарами темпоральные стабилизаторы. Это спасатели из Крепости сказали, что нужен заряд как можно крепче, чтобы Дорога пустила на себя поисковые группы. Когда начали искать...

Я почувствовал себя отчаянно виноватым.

— Лыш, а что за стабилизаторы?

— Гретхен разве не говорила? Среди пустошей, далеко, есть такие конусы, вроде термитников. Надо в них опускать шары. Чем больше, тем лучше. Тогда улучшается всякая обстановка. Энергетическая...

— Да, она говорила... И теперь это *было ради меня*?

— Ну да... Рассчитали, что надо не меньше сорока шаров. Все их искали, искали... А когда не хватило одного, Май опустил в конус свой шар. Тот, хрустальный...

— Жалко... — шепотом сказал я. Было и правда жаль. Почти до слез. Я же помнил, *чем* был для Мая этот шар.

— Да ничуть не жалко! — вскинулся Лыш. — Потому что шар вернулся! Мы пришли, а он снова на подсвечнике как ни в чем не бывало!

«Чудеса», — чуть не сказал я. Но не сказал, потому что это были не чудеса, а неведомый, но добрый закон Дороги.

— Стой! — вдруг отчаянно закричал Лыш. — Стой, паразит! Кому говорят!

Усыпивший наше внимание стул, оказывается, тихонько поднялся в воздух и теперь уже на высоте реял в сторону забора. Лыш помчался следом, стараясь ухватить веревку. Но она взмыла над травой, он не допрыгнул.

— Дезертир чертов, — сказал вслед беглецу Лыш. И пришел назад, сел на колоду.

— Он вернется, — утешил я его.

— Ага, жди... Ни один еще не вернулся.

— Они где-то сбиваются в стаю. И потом прилетят все разом.

Лыш глянул с недоверием и надеждой.

— Правда? Я хочу приручить еще такого, как Росик. Потому что нам с Гретхен мало одного...

— Вернутся, — повторил я. — Потому что все возвращается. И всё возвращается. Даже шар к Маю вернулся...

Лыш сидел с опущенной головой. Тербил ремешок сандалии. Глянул на меня сбоку и сказал тихонько:

— Да... но Валерий-то не вернется...

Вот так. Не бывает на свете полной радости. Не бывает войны без чьей-то гибели. Не бывает счастья без слез.

...Когда «волосатые» отступали через железнодорожные пути, студенческая группа во главе с Валерием пошла наперерез. Нельзя было оставлять на свободе гадов, которые способны на что угодно. И один из этих гадов ударил из гранатомета по цистерне. Теперь никто не знает, что в ней было. Но рванула она, говорят, как бомбовый склад. Несколько студентов обожгло и сильно поранило. А Валерия просто не нашли, он был к цистерне ближе всех.

Это и рассказал мне Лыш, отворачиваясь и вытирая мокрые ресницы.

Нельзя сказать, что я испытал такое уж большое горе, ощущение небывалой потери. Валерия знал я не очень хорошо, виделся всего несколько раз. Но он был друг Лыша. А Лыш был мой брат.

Я притянул его поближе, обнял за плечо.

Чем я мог утешить брата? Только сидеть вот так рядом и молчать...

Эпилог

ТЕПЛОХОД «ШАР»

Лыш ошибался. И все ошибались. Валерий не погиб.

При взрыве тугая горячая волна унесла Валерия неизвестно куда, и он провалился в черное ничто. Через неизвестно какое время он открыл глаза, увидел над собой темно-синее звездное небо, а на фоне этой звездности — несколько силуэтов.

— Оклемался, студент? Вставай...

Валерий не мог встать. Не чувствовал ног, не чувствовал всего себя. Похоже, что его просто не было.

— Вставай, вставай, — снова сказал размытый силуэт. — Эк ведь занесло парня... в вакуумную щель между различными субстанциями мироздания. Так это называется, ребята?

— Не болтай, друже... — остановил его другой силуэт. — Давай-ка лучше...

Валерия подхватили под несуществующие локти.

— Идти можешь?

— Не знаю... А надо?

— Это тебе решать... Наверно, все-таки надо. Снова провалиться в тартарары успеешь всегда...

Валерий ощутил, что руки и ноги все-таки есть. И голова... В голове гудело, но состояние было ничего, сносное. Как после некоторого возлияния с Санычем и Вовой Кротовым в подвале лаборатории нестандартных фильтров, когда первая одурь уже прошла и появилось понимание, что жить еще можно...

— Ну а теперь шагай, студент, — сказали ему. — Если хочешь существовать... Хочешь?

Валерий, кажется, хотел.

— А где я? Как добраться до города?

— До Инска? Забудь, друже... — услышал он мягкий от-

вет. — Нынче путь у тебя один. Топай по дороге, а наткнешься на развилку, выбирай левую сторону. Левая колея всегда надежнее...

— Не болтай, сам выберет, — остановили опять разговорчивого незнакомца. И вывели Валерия под руки на мощный тракт. В отшлифованных бульжниках искрились отражения звезд. Пахло остывшими травами...

— Это Дорога? — понял наконец Валерий. Он знал про Дорогу. Не раз говорили про нее в подвале лаборатории, когда приходило время «оттянуться» после насыщенного дня. И ведь именно на нее уволокла Грина сумасшедшая (или находчивая?) сестра Лыша.

«Бедняга Лыш. Я тебя никогда больше не увижу...»

Но главная мысль была о Юне:

«Как же это так? Значит, навсегда... Юнона?»

«Авось...» — будто усмехнулась она в ответ, словно давая капельку надежды. Правда, крохотную...

— Это Дорога? — повторил Валерий, поскольку спутники молчали.

— Она... — проговорил наконец один. — Иди, не спрашивай. Кто выходит на нее, не знает, *что будет потом*. У каждого свое. Многое зависит от человека. И от нее тоже...

— Понял, — сказал Валерий. Спутники сразу исчезли. И Валерий пошел. Тело было теперь легким, голова ясной. Веяло навстречу запахом земляники.

Он шагал под звездами, которые отражались в твердых бульжниках, и как было не вспомнить!

Выхожу один я на дорогу (на Дорогу!),
Преодо мной кремнистый путь блестит...

Скоро, однако, путь перестал блестеть. Шоссе раздвоилось. Влево, среди смутно белеющих ромашек, пошел немощеный проселок, вправо — неширокая асфальтовая лента. И Валерий, конечно же, — вопреки совету и назло себе и судьбе (но не Дороге, которая предоставила равноправный выбор), повернул на асфальт. И тот почти сразу привел его в город. На знакомые Дворы.

Но нет, они были не совсем знакомые. И город был... то ли Инск, то ли просто Город из давних снов. Уже всходило солнце, розово красило множество белых колоколен, кото-

рые толпились за сырыми от росы заборами. Слева маячили серые башни Крепости — неразрушенные и более высокие, чем раньше...

И не было никого, даже кошек — любительниц ранних прогулок. Только где-то свистнула, подчеркивая тишину и пустоту, нерешительная птаха. И Валерий очень удивился, услышав позади суетливый голосок:

— Валерий Павлович! Подождите, голубчик...

Его догонял старичок в ковбойской шляпе.

— Максим Максимыч?

— Я, голубчик, я... Не чаял догнать... Как хорошо, что вы свернули именно сюда. Значит, судьба... — Он остановился рядом и часто дышал. Валерий ждал. И понимал, что к Скворцовскому переулку он отсюда все равно не выберется.

— Раз уж так оно вышло... — сбивчиво и виновато заговорил старичок. — Я подумал вот что. Вам ведь шагать и шагать, назад не повернешь. А недавно ушел туда мальчик, Гришенька. Грин то есть... У мальчиков всегда есть шанс, вы могли бы помочь ему вернуться...

— Как? — Валерий помнил все, что касалось Грина.

— Дорога так просто не вернет его, у нее свой закон равновесия. Но если бы вы заменили там мальчика... раз уж вы повернули направо. Тогда...

— Как заменить-то? — перебил Валерий нетерпеливо и, кажется, не очень вежливо. — Что я должен? — Существование опять приобретало определенный смысл.

— Это просто, голубчик. Вам не надо его догонять. Только...

— Что?

— Видите ли... вам придется стать таким, как он. И внешне, и... вообще... Как говорится, вернуться в отроческие годы. Однако там, на Дороге, не все ли равно...

«А Юна?» — прыгнула мысль. И тут же другая: «Какая теперь Юна...»

— Ладно, — горько сказал Валерий. — Куда ж деваться...

— Значит, вы согласны? — тихо возликовал старенький член Музейного совета.

— Я спасатель, я обязан...

— Вы изумительный спасатель! — искренне восхитился

Максим Максимыч. — Ваша операция на вокзале... Вам, Валерий Павлович, наверняка поставят памятник...

— А оно мне надо? — хмыкнул Валерий. — Лучше скажите, никто из наших ребят не пострадал?

— Ну... — замылся старичок. — Есть пострадавшие. Но они выживут, врачи это утверждают однозначно...

— А заложники? Ребятишки?

— Там всё слава богу...

— Слава богу, — сказал и Валерий. — А куда мне теперь идти-то?

— Лучше всего вон в ту калитку. Сразу окажетесь на шоссе. Справа потянется бетонная стена. Вам придется прошагать вдоль нее достаточно долго, но... в конце концов увидите в стене дверь. Запертую. Сейчас я дам ключ... Вот. Не обижайтесь, что такой музейный экспонат, другого нет. Видите, какой старинный предмет... — Максим Максимыч протянул Валерию ржавый ключ с хитрой многозубчатой бородкой и узорчатым кольцом. Большущий, длиной сантиметров тридцать.

— Сказка про Буратино... — усмехнулся Валерий и взял. Ключ был очень тяжелый.

— Да. Поворачивайте его вправо. И... спасибо вам, голубчик... — Максим Максимыч вдруг неловко обнял Валерия за талию, прижался на миг лицом к его прожженной клетчатой рубашке. Откинулся назад. Шляпа его упала. Валерий быстро поднял ее, протянул старичку.

— Открою дверь, а что дальше-то?

— А дальше — ничего. Шагнете в нее и... ступайте. Там — как повезет. И мальчику, и вам...

— Прощайте, Максим Максимыч... — осторожно сказал Валерий. И, не оглядываясь, пошел к калитке. Краем глаза он заметил, будто слева, вдали, виднеется памятник букве «И», но присматриваться не стал — знал: зацарапает сердце...

За калиткой сразу открылся узкий асфальтовый тракт, ведущий через пустое поле. Над полем пересвистывались утренние птицы. Скоро асфальт затерялся в траве, потянулась вместо него широкая тропа. А вдоль тропы, справа, встала бетонная стена. Все как предсказано...

Солнце светило сзади, перед Валерием шагала длинная

ть. Потом она стала делаться короче, уклоняться вправо. А тропа и стена все тянулись, тянулись, утомляя однообразием. Ключ тяжелед, ржавчина щипала вспотевшую ладонь.

«А есть ли она вообще, эта дверь?»

Солнце жарило спину, потом левое плечо. Но в конце концов оно стало тусклым, увязло в сероватой дымке. Зато впереди засветило через дымку яркое пятнышко — словно за пепельным слоем пряталась лучистая звезда (лучи иногда прокалывали пелену). Это нравилось Валерию, вносило в душу какую-то новизну...

Один раз Валерий разглядел прислоненное к стене громадное колесо. Рядом стояла на бетонном выступе пластиковая бутылка. Почему-то вспомнилась другая бутылка — сплюснутая бортом катера о причал и потом старавшаяся обрести прежнюю форму.

«Старайся и ты, Перекос...»

Двери в стене, однако, не было. Заметил он только узкий пролом, за которым угадывались прохладные березовые листья. Но пролом — не дверь, и Валерий не стал нарушать предписание (да и не пролез бы, пожалуй, в такую тесную дыру).

Дверь обнаружилась, когда он потерял счет времени (часов не было, их сорвало взрывом). Монотонность стала похожей на полудрему. И возникшая в стене дверь была как удар, который эту полудрему вмиг развеял!

Дверь впечатляла. Сводчатая, из тяжелых плах на шипастых чугунных петлях, с железным кренделем вместо ручки и тускло-медной пластиной, в которой чернела замочная скважина. Под стать ключу.

Валерий воткнул ключ. Стал поворачивать вправо. Как и полагается в таких случаях, ключ заупрямился.

«Ты мне поупирайся, скотина», — сказал Валерий и надавил двумя ладонями. Видимо, ключ обиделся на «скотину». Уперся — ни взад, ни вперед.

«Ну, ладно, я погорячился, извини...» Ключ, однако, не прореагировал на извинение.

«Ржавый утиль...» — И Валерий, стиснув зубы, налег на кольцо изо всех отчаянных сил.

Никакого результата. Оказалось даже, что и вытащить нельзя, засел.

Валерий мучился с полчаса. Плюнул. И наконец сообразил: нужен рычаг. Огляделся. Неподалеку торчал из стены арматурный прут. Валерий вцепился в него, как в спасение. Начал качать, гнуть, ломать. Прошло, наверно, еще с полчаса, прежде чем на железе обозначился излом. Потом излом увеличился, заблестел свежим металлом, и прут отвалился.

«Ну, теперь держись...» — злорадно сказал Валерий ключу. Всунул ребристую железину в узорное кольцо. Ключ повернулся неожиданно легко... Нет, не ключ повернулся, а только его кольцо! Оно повисло на пруте, отломившись от четырехгранного толстого стержня.

Валерий отшвырнул железяку с кольцом на десять метров.

«М-м...» — И он добавил еще несколько слов. Было ясно, что дверь не открыть.

Валерий неожиданно успокоился. «Значит, не судьба...» Потом подумал: «А может, вернуться к пролому и попытаться пролезть? Или перебраться через стену?» Нет, ничего толкового не получится. Валерий понимал это ясно, не зря же он в свое время копался в хитростях межпространственных конфигураций...

«Ну торчи здесь до конца дней», — сказал Валерий ключу и назвал его словом, которое не произносят при детях.

И услышал за спиной:

— Привет, «недядя»!

Это были два коричневых «лягушонка». Те самые загорелые пацанята, которых он встретил на речном откосе, когда впервые появился в Инске. Он сразу узнал их! Тем более что они опирались на знакомый чугунный штурвал от старинного парохода. Тот, который Валерий помог им дотащить до «рулевой рубки» на обрыве.

Валерий заулыбался. У него не просто губы расплылись в улыбке, а он будто весь растекся в ней, как масло по теплой сковородке. В радостном ожидании, что сейчас случится что-то хорошее.

— Привет, капитаны! Вы тут откуда?!

— За тобой шли, — деловито сказал один.

— Еле догнали, — добавил другой. — Думаешь, легко тащить эту бандуру? — И он качнул рулевое колесо.

— А зачем... тащили-то? — все улыбался Валерий.

— «Зачем»... — слегка удивился «лягушонок» в зеленых трусиках. — Сам не понимаешь?

А тот, что в пестро-желтых, разъяснил:

— Ты нам тогда помог? Помог. Ну и мы теперь. Ты спасатель, и мы... тоже... Ну-ка, давай...

Валерий сразу понял, что надо делать. В ступице штурвала было четырехугольное отверстие для оси. Как раз для такой, как стержень ключа. Они втроем подняли рогатое колесо, и оно точно наделось на обломанный ключ.

— Теперь поворачивай! — дружно сказали оба «лягушонка».

Валерий надавил на деревянную рукоять штурвальной спицы. Ключ не посмел противиться напору могучего колеса, повернулся вместе с ним. Дверь сама собой, как от пружины, отошла наружу с заливистым визгом.

— Ну, вот и все. Теперь шагай... — серьезно сказал один из близнецов.

— А вы... как вы обратно с такой тяжестью-то?

— Нам не привыкать! — засмеялись они оба. А потом тот, что в зеленых трусиках, посерьезнел:

— Шагай скорее. Время-то сыплется...

И Валерий шагнул в дверь.

Он тут же оцарапал голую ногу шиповником, зацепился джинсовой безрукавкой (как у Лыша!) за колючие ветки, дернулся. Он ничуть не удивился своему превращению — словно всегда был *таким*. Оглянулся на дверь, чтобы еще раз увидеть коричневых близнецов, сказать: «Спасибо, ребята...»

Двери не было. Был кругом невысокий частый лес. И мальчик Валерка пошел через этот лес — с печалью и тревогой в душе и... с нерешительным любопытством: что же будет впереди?

Впереди были Пески.

Они открылись неожиданно, сразу когда кончился березняк. Перед мальчишкой возникло ровное красноватое пространство, покрытое ребристым свеем. Знакомое такое...

Валерка оглянулся. Сзади не было опушки, был тот же песок. Пустыня лежала везде — жаркая, но не страшная, привычная.

Остатки незнакомых механизмов, каменные идолы, обломки скал, черные тени от них. Размытое в сероватом небе солнце.

Подъехал всадник в белой накидке.

— Аакса танка, ла на хоо жо... (Удачи тебе, маленький путник.)

— Итиа танка, лоя касса н.. (Прохлады тебе, добрый всадник.)

— Тта то жа? (К Башне?)

— Тта на а.. (К ней...)

— Кхада а, лана-та... (Садись, храбрый мальчик...)

— Нитта. Саа но окка болла... (Не могу. У меня еще нет шара.)

— Оэ... Оката со таа, лана хоокко... (Вот оно что... Иди тогда в ту сторону, маленький путник...) — И всадник махнул коричневой рукой.

— Олана... (Благодарю...) Итиа танка, лоя касса н..

Всадник ускакал, а Валерка пошел, куда было указано. Растоптанные кроссовки иногда увязали, и Валерка, дрыгнув ногами, сбросил их. Шагать босиком по теплому песку было легко, ноги почти не проваливались. Потом из-под песка появились шестиугольные серые плиты — остатки тракта. Тракт был древним, а взятые для него плиты еще более древними. На них проступали непонятные письмена и рисунки. В их бороздках поблескивали песчинки.

Валерка нащупал в джинсовом кармашке на бедре гладкий выпуклый кружок — маленькую линзу, которую всегда носил с собой. Встал на твердый камень коленками. Глянул на песчинки сквозь стекло. Так он делал уже не первый раз. Стало видно, что эти крошки — осколки строительного мрамора, высохших ракушек (и даже целые крохотные ракушки), крабьих панцирей, чьих-то косточек, чешуйки металла с воинских доспехов, кусочки прозрачных кристаллов и похожие на хрустальные снежинки звездочки...

— Тандра-йа дии сандаа... — шепнул им Валерка. — Песчинки Времени...

У него душа замирала от понимания, сколько всего хранит в себе каждая песчинка. Историй, жизней, цивилизаций. Про любую песчинку можно было бы написать толстую книгу. В каждой, если уметь, можно было прочесть множество мыслей. В каждой таилась неисчерпаемая энергия и сила... Но в этом пока разбирался до конца только Валеркин друг Лыш. Хотя, конечно, нет, и он не до конца! Но все же больше других...

Где он теперь, Лыш?

Впрочем, Валерка догадывался где. Он встал и оглянулся. На востоке белел у края пустыни далекий город Ча. Валерка знал, что в нем он может встретить мальчика Кки, если тот еще не ушел бродить по свету. Но знал Валерка и то, что не пойдет в город Ча. Не потому, что нельзя двигаться по вектору Времени назад. Валерка понимал, что можно. Да и Лыш теперь это понимал. Просто первый раз у Лыша не хватило умения... Но Валерка не пойдет назад, его и без того изрядно отодвинуло против течения. И надо было искать на Дороге свою Колею.

Теперь Колеей был тракт из древних плит, и Валерка, слушаясь звучащей внутри себя струнки, снова пошел по плитам, наблюдая, как тонкая тень его нетерпеливо убегает вперед.

Тень ускакала шагов на пять и оглянулась: иди сюда. Валерка увидел слева от плит невысокий песчаный бугор. Забрался на него, проваливаясь в сыпучий песок по щиколотку. Оказалось, что под песком спрятано чугунное орудие — вроде тех, с которыми воевали во времена Бонапарта. Валерка стал отрывать его. Из песка выскакивали белые скелетики мелких ящериц и удирали, теряя хвосты и лапы. Валерка не вздрагивал, он видел такое и раньше.

Скоро он отыскал то, что хотел. Сложенные в пирамидку ядра. Они были ничуть не тронуты ржавчиной, туманное солнце отразилось в гладком чугуне круглыми зайчиками.

Диаметром ядра были как хрустальный шар Мая. В самый раз!

Валерка поднял верхнее ядро.

— Пойдем. Это лучше, чем лететь, чтобы все разрушать и дырявить...

Шар не спорил, теплел в ладонях.

Валерка сдернул безрукавку, снял тонкую белую майку, завязал ее нижний край узлом. Получилась сумка с лямками, Валерка уложил в нее ядро. Надел безрукавку на голое тело, поправил крестик на шнурке, спустился от пушки на плиты. Оглянулся.

Он чувствовал, что Колея для него кончилась, Дорога разрешала мальчишке выбирать путь самому.

А чего было выбирать! На северо-западе он видел очертания знакомой, похожей на карандаш Башни и знал, что идти должен только туда.

Валерка шел и смотрел вперед. Но краем глаза он заметил, что слева, на ровном песке, возник бугорок. Такой же рыжий, как песок, но... живой. Бугорок подрос, дернулся, отряхнул песчинки и превратился в кота с торчащими прядками шерсти. Валерка не удивился. Он понял, что это кот Грина, заплутавший среди темпоральных потоков и перепутанных пространств.

— Ты Юшик?

Кот, видать, устал от одиночества.

— Мр-р! — сразу откликнулся он. Подошел, потерял локматый боком о ногу Валерки.

— Пошли вместе. Я тебя не брошу.

И они пошли рядом. Тень Юшика была то обычной тенью кота, а то превращалось во что-то похожее на пушистую ёлочку.

Ядро оттянуло тонкий трикотаж, волочило по песку. Валерка наддел лямки на плечо. Они слегка резали, ну да ничего, терпимо.

Валерка знал, что будет дальше. То же, что случилось не раз. Он поднимется на Башню, пустит ядро по желобу в черное отверстие, послушает, как оживают шестерни и рычаги механизма Времени. Потом оглянется и увидит вдали родной город Кольцовск. Где мама и друзья-приятели.приятели, конечно, завопят: «Ура, Перекос вернулся!»

Только лучший друг Сережка Иванов не завопит «Перекос». Улыбнется тихо: «Здравствуй, Валер... Ух, какой кот. Где ты его взял?»

Надо будет сделать всё-всё-всё, чтобы Сережка раздумал

идти в школу юных водителей, пусть лучше идет, как соби-
рался сначала, в кружок речных капитанов. Тогда он не ста-
нет военным шофером и его не пошлют в Хаса-Тельпу. И,
может быть, однажды капитан Сергей Иванов придет на сво-
ем теплоходе в город Инск и навестит там Валерия Зубриц-
кого, аспиранта Инского Института Спасательных Служб.

...Они появятся на пристани втроем, но чертенок Лыш,
застеснявшись, ускачет на Роське к дальнему краю причала.
А Юнка прижмется к Валерию и будет задумчиво смотреть,
как приближается бортом к причалу теплоход с названием...
ну, скажем, «Шар». Да, пусть будет «Шар».

Капитан прыгнет с трапа, заулыбается, а Валерий скажет:

— Серега, привет... Это моя жена Юна... Юнона. Не прав-
да ли, корабельное имя?..

...«Ты дождешься меня, Юнона?»

Она смотрела через непомерные толщи расстояний и лет.
Потом шевельнула улыбчивыми губами:

— Авось...

7 января — 27 мая 2006 г.

СТРУНА И ЛЮСТРА

*Мысли и заметки
о ребячьих отрядах*

Немного о вечности...

Так или иначе всё упирается в вопрос: зачем живет человек?

Ответов множество. Полного и стопроцентно ясного — ни одного. Потому что, как ни вертись, а сумрачное и боязливое «зачем?» остается внутри любых философских обоснований. Зачем, если жизнь конечна? Накопленное добро за грань бытия с собой не унесешь, самая безграничная власть (если ты ею обладаешь) развеется с твоим уходом, радости и удовольствия, которые ты испытал, останутся в прошлом времени. (Рассуждения о загадках Времени, возможном бессмертии души, всякого рода реинкарнациях и гипотетическом существовании в иных мирах — это отдельная тема. Мы сейчас говорим о жизни на нашей грешной Земле.)

Обретение смысла (если не полностью, то все же в изрядном объеме) может дать ощущение человеком своего бессмертия. Приобщение к бессмертию. Оно возможно тем сильнее, чем крепче личность ощущает себя частью человеческого сообщества. «Я живу лишь определенное время, но человечество — вечно, а я его неотъемлемая часть, значит, вечен, и я». (Суждение, что человечество тоже может оказаться не вечным, опять же вынесем пока за скобки.) Однако человек бессмертен не оставленной после себя памятью, славой и величием, а своими живыми делами, опытом, вдохновением, отданной людям радостью. Тем, что из прошлого перенесено в наши дни и перейдет в будущее и всегда будет оказывать живое влияние на множество поколений. Способствовать их пользе и дальнейшему развитию.

Бессмертны знаменитые мастера, художники, поэты, музыканты, поскольку радость, красота, богатство чувств, вдохновение, которое они подарили людям, всегда с нами и ока-

зывают воздействие на нашу жизнь. Но так же бессмертны и те, кто во все времена пахал землю и сеял хлеб, строил корабли и дороги, сочинял бесхитростные, но мудрые сказки для своих детей и внуков, пас стада, обжигал кирпичи для будущих домов. Потому что их опыт и дела рождали новые опыты, дела, вещи, понятия и продолжают оказывать живое влияние на нынешних людей.

В душе ребенка, впервые увидевшего чудесный храм и распахнувшего от изумления глаза, оставляют свой след, живут неисчезающей жизнью не только великий зодчий, задумавший это строение, но и тысячи безвестных каменщиков, возводившие его...

Пора извиниться за это затянувшееся и, казалось бы, далекое от основной темы вступление. Но дело в том, что в течение трех с половиной десятков лет, когда я был руководителем и главным наставником в ребячьем отряде «Каравелла», я много раз говорил с детьми на эту тему. Не специально, не на лекциях, а в разных, порой неожиданно возникавших беседах «о жизни и мироздании». Бывает, что высказанные как бы случайно и между делом суждения оседают в сознании прочнее, чем услышанные на специальных семинарах... И судя по всему, они и вправду иногда оседали, поскольку творческих людей из «Каравеллы» вышло немало.

Я говорю «творческих», имея в виду не столько профессии, сколько отношение к жизни.

У меня есть книга, подаренная Вадимом Константиновичем Паустовским, сыном замечательного писателя, доброго и мудрого человека. В примечаниях к трудам Константина Георгиевича сын вспоминает, что писатель находил очень удачным выражение поэта Велимира Хлебникова, который делил людей на две категории — «изобретателей» и «приобретателей».

«Изобретатели» — все те, кто трудится, мыслит, разочаровывается, но следом за этим шаг за шагом снова овладевает культурой — то есть умением на каждом этапе пути отбрасывать худшее, неприемлемое и «культивировать» все ценное, оправдавшее себя (так пересказывает В.К. мысли отца).

«Приобретателям» все это не нужно. Они вполне довольствуются «лицом зверя»...

Оставим «приобретателей», тем более что, по мнению Паустовского, их на свете все же меньше, чем «изобретателей», хотя именно «приобретателям» часто удается захватывать в жизни командные высоты.

«Для «изобретателей», напротив, власть сама по себе не имеет никакой цены. Более того, они ее презирают, так как процесс развития культуры полностью занимает их силы. Он воспламеняет их и приносит то удовлетворение жизнью, что является высшим уделом человека. Они усердно служат ему у заводского станка, у письменного стола или в кабине космического корабля».

Трудно не согласиться с этими мыслями. А согласившись, следует принять и ту истину, что культура создается творческими людьми.

Культура же — это основа цивилизации.

А цивилизация — это сфера существования человеческого сообщества, тесная причастность к которому и дает человеку ощутить себя в какой-то степени бессмертным. Ощутить — для пользы всем людям, для понимания смысла жизни, для радости бытия.

Культура — это не просто опыт и знания. Они — сами по себе ничто без определенного состояния души. Проникновение в тайну атомного ядра принесло не только понимание многих загадок природы, но и чудовищную опасность. Строится цивилизация в течение колоссальных времен, а погибнуть может от нажатия кнопки, до которой дорвется какой-нибудь спятивший «приобретатель».

По-настоящему творческий человек (творческий по состоянию души) не потянется к кнопке. Он ощущает (иногда осознанно, иногда интуитивно), что является одним из тех, кто причастен к строительству гармоничного Мироздания. То есть такого мира, который и должен быть создан во вселенной по Генеральному Замыслу (Творца или Природы — оставим эту тему философам, главное, что такой Замысел во всеобщем пространстве ощутим).

По мнению некоторых ученых, нынешняя цивилизация на нашей планете — не первая. Из-за чего исчезли прежние? Остается гадать. Но одна из догадок та, что развитие технологий опередило рост культуры и что нравственные начала

оказались недостаточным тормозом для тех, кто ради решения своих эгоистичных замыслов дотянулся до «кнопки». Неужели и с нами повторится то же самое? И все опять придется начинать с нуля?..

Надо в конце концов, чтобы люди с творческим началом, с ощущением, что доброта и товарищество — главные человеческие ценности, с пониманием, что лишь всеобщими усилиями, без вражды, мы сможем уцелеть на нашем земном шарике и построить мир, который даст людям ощутить максимальную радость жизни и приобщение к вечности, — чтобы эти люди оказались сильнее.

А сделать это можно лишь при всеобщем содружестве.

А содружество начинается с детства.

Вот и приехали. От разговора о вечности к отрядным делам...

I. ОТРЯД

Как она начиналась (не вечность, а «Каравелла»...)

Не могу похвастаться, что на первом этапе создания своей «Каравеллы» я был озадачен упомянутыми выше глобальными проблемами. Приходилось решать вопросы весьма скромные по масштабу и весьма практические. Например, отучить мальчишек от дурацкой привычки — подскочить к однокласснику или приятелю-соседу со спины, опрокинуть, дать пинка и отпрыгнуть с обрадованным хихиканьем. Вроде бы невинная забава («А чё, я просто пошутил!»), но были в ней зачатки вероломства и стремления отыграться за счет того, кто слабее.

Народец-то был довольно дремучий — дети пригородного поселка с частными домами и огородами, с остатками «куркульской» психологии, с отнюдь не «лицейскими» нравами в украинной школе...

Это были приятели и одноклассники моей племянницы (я, свежеепеченный выпускник журфака, еще холостой и полный юношеской бодрости, жил тогда в семье старшей сестры). Ребята приходили ко мне в комнату, забавлялись моим фехтовальным снаряжением, дурачились, слуша-

ли мои истории из недавнего детства, рассказывали свои (стиль изложения был, прямо скажем, не салонный). Коротче говоря, происходило то, что в нынешнее время называется «тусовка». Мне, автору детских рассказов, было интересно с ребятами, им было интересно со мной. Но между собой они общались на каком-то совершенно диком уровне: с гвалтом, криками, вечной возней (в которой порой проскальзывала нешуточная агрессивность), с прозвищами и «подначками»... Им все это казалось естественным. А мне не казалось. Помнились свои детские компании, где тоже хватало «всякого», но в то же время имели силу и какие-то, пусть и далекие от школьно-пионерских, кодексы ребячьей жизни...

Однажды я спросил прямо:

— Люди, а вы зачем ко мне ходите?

— А чё... Нам это... с тобой хорошо. Интересно...

— Этого, братцы, мало... — сказал я с умудренностью двадцатидвухлетнего наставника. — Надо для нормальной жизни, чтобы вам и друг с другом было интересно...

— А нам интересно!

— Надо, чтобы не только интересно, но и хорошо...

— А нам хорошо!

— Врете вы! Вам хорошо, как дикарям, не умеющим цивилизованно относиться друг к другу. Сперва поиграли вместе, потом скушали...

— Гы-ы... А как это цви... ви...

И я стал понемногу объяснять...

Они были в общем-то славные ребята и девчонки, их этакая нахрапистость и вредность служила им чем-то вроде оболочки. Я по годам ушел от них недалеко, держался приятельски, поэтому меня слушали с достаточным доверием. Привычка наскакивать сзади исчезла за несколько дней. Глядь, и нормальные имена стали звучать чаще, чем клички, и в речах поубавилось этакой уличной задиристости...

Тем более что я гнул свое:

— Вы же решили устроить игру в парусный корабль. А в экипаже судна без товарищества не обойтись, булькнете на дно при первом шторме... Ну и что же, что игра? Игра тем интереснее, чем больше в ней правды...

...И вот уже оказывается, что совсем не противно, а даже хорошо сидеть у костра под одной ветровкой с восьмилетним соседом (которого зовут Васька, а вовсе не «Косой»), хотя он то и дело хлопает носом. Простыл, вот и хлопает, а приткнулся к тебе потому, что малость опасается каких-то непонятных шорохов в темных кустах за спиной, а в тебе видит защитника. И поддразнивать его за это не надо, тем более что и самому было бы не по себе, если бы рядом не сидели Вовка, Стасик, Андрюшка...

И никто не называет тебя «нянькой из детсада», не хихикает, когда ты на берегу Патрушихи начинаешь с ворчанием растирать своей сухой майкой перекупавшегося до посинения шестилетнего Сёгу.

И вовсе не «тили-тили-тесто», а обычное дело, когда в лесной вылазке забираешь у Ольги или Лены отяжелевший рюкзак. И им хорошо, и... тебе как-то приятно даже...

И жить без постоянных подначек, дразнилок, забав-свалок, где «каждый за себя», без «эй ты, шас получишь в глаз» легче, свободнее, интереснее. Не надо бояться, потому что рядом не просто соседские пацаны, от которых можно ждать чего угодно, а товарищи...

Мало того, оказывается, товарищей можно найти не только в своем окружении, но и «на стороне», если не смотреть вокруг ошестиненно. Однажды пошли мы с нашим «экипажем» (еще не отрядом) в поход с ночевкой, встали лагерем на лесной поляне. Прихватили с собой две пневматические винтовки (в начале шестидесятых эти штучки продавались свободно и по пустяковой цене). Устроили стрелковые соревнования. И в это время появились на поляне пацаны из ближнего поселка. Смотрели настороженно, хотя и с любопытством. Мои ребята тоже напряглись: чего им тут надо, на нашей стоянке? Может, кликнул на подмогу своих поселковых да устроят драку?

Один из наших старших мальчишек, Саня Бабушкин, повел себя умнее всех:

— Эй, народ, идите к нам! Постреляем вместе!

И через четверть часа все уже вели себя, как давние приятели. Провели общий стрелковый турнир. Даже приз нашлся — банка сгущенки, которую потом высосали все вме-

сте (о, где вы были, инспекторы санэпидстанции!), пообедали сваренной на костре «пшенкой-тушенкой», до вечера сидели вместе у костра, делились школьными заботами и пересказывали друг другу новые фильмы... Пусть не надолго, всего на полдня, но возникло содружество — маленькое общество, в котором относиться друг к другу по-товарищески, с доверием, было гораздо радостнее, чем по привычной схеме: «Ну, чё вы к нам приперлись?» И весомая гиришка упала в ребячьем сознании на весы, качнув их в пользу простой истины — той, которую впоследствии сформулировал мудрый кот Леопольд («Ребята, давайте жить дружно»).

Нельзя сказать, что возникновение ребячьей команды с такой вот «гуманистической» психологией было однозначно воспринято окружающим миром.

Первой «учуяла опасность» местная шпана. Хватало вокруг подростковых компаний, живущих по законам блатного мира. (Миссионерская деятельность на основе проповедей кота Леопольда в этих сообществах — утопия; даже могучему, многоопытному и мудрому Макаренко случалось порой терпеть в таких делах неудачи). Были стычки, засады, насмешки. Хулиганская братия громила оборудованные нами костровые площадки, привязывалась к нашим ребятам на улицах, устраивала всякие пакости, сваливая потом вину на «Бригантину «Бандерилью» (так стала тогда называться наша группа). Вскоре подключилась местная школа.

Настороженные нервы классных руководителей и завучей ощутили в ребятах «Бандерильи» что-то *не то*. Слишком самостоятельными стали полтора десятка Вовок, Санек и Наташ. Ладно бы еще, если бы заступались друг за дружку перед драчливыми одноклассниками, а то ведь *требуют справедливости от учителей*. (Ну, подумашь, обозвала завуч тихого, безответного Юрика «моргающим идиотом», а физрук на уроке вдделал Сережке по шее! «Учителя тоже люди, у них нервы! Сами довели педагога! Что значит «все равно не имеете права обзывать и драться»? Права-то вы знаете, а вот обязанности... Вот подожди, вызову отца!»)

Родители тоже смотрели на «экипаж» по-разному. «Ну и что же, что вам вместе интересно! А школа важнее! Почему

на вас Анна Ивановна жалуется?! Как это сама виновата?! Вот наставят тебе двоек за год, пойдешь в самое зачуханное ПТУ!»

И постоянно — то шушуканье вездесущих «бдительных» соседей, то хор «педагогического коллектива» и «местной общественности»:

— А что это у них там за командир? Кто такой, откуда взялся? Мало ли что в газете работает? Знаем мы эти газеты! Надо разобраться, что у него на уме и кто ему разрешил работать с детьми!

А мне никто не разрешал. Они сами пришли ко мне однажды и расхотелись не хотели. А у меня не хватало духу их отставить (хотя порой и появлялись такие мысли, человек слаб). Это было бы все равно, что капитан парусника (в данном случае «Бандерилья») однажды удрал с корабля на шлюпке, оставив на произвол судьбы беспомощный, не знающий навигации экипаж. Я не мог сделаться дезертиром. Хотя, конечно, не мог тогда и представить, в какой хомут и на сколько лет впрягаюсь...

Впрочем, отвлекся. Сейчас речь не о трудностях, не о «сопротивлениях среды», не о нападках на мою дерзкую, но малоопытную особу, а о попытках осознать *суть сообщества*.

Теоретик я тогда был никакой (впрочем, и сейчас тоже, только практики прибавилось). По ночам, ворочаясь на жесткой холостяцкой постели, я размышлял:

а) на кой черт мне все это надо? и

б) раз уж связался с пацанами, то в чем суть моей возни с ними?

Может, поднаскребу материала для новых рассказов? Но это слишком тяжкий и хлопотный путь, да и на фига мне материал? У меня его в памяти на двадцать книжек, потому что прекрасно помню свое недавнее детство.

Нет, дело не во мне, а в них — в Ваське Беляеве, в Сеге и Валерке Стадухиных, в Альке с удивительной фамилией Сидоропуло, в Саньке Бабушкине, в Лене Кукушкиной, в Игорьке Егорове... — во всех, кто почему-то не отлипает от меня. *Им-то* что я могу дать?

И наконец шевельнулась догадка (ничего другого не мог

придумать — и слава Богу!): надо просто стараться, чтобы у них было интересное детство. Не хуже, чем было у меня. Такое, которое бы навсегда осталось у них в памяти, как радостная, полная хороших событий, многому научившая их пора.

Вспомнились чьи-то умные слова (в самом деле *чьи-то*, не я придумал): «Детство — фундамент жизни; на плохом фундаменте не построишь хороший дом. То есть построить-то можно, только долго ли он простоит?»

Я считал, что мое детство было хорошим, хотя и не лучезарным. И юность — хорошая. И стал учить ребят тому, чему научился в детстве и юности сам. Читать и обсуждать замечательные книжки, строить модели парусников, клеить воздушные змеи, фотографировать, ходить в походы, писать заметки в стенгазету и — это было очень важное для ребят и для меня умение — спортивному фехтованию. Для мальчишек (да и для многих девочек тоже) стальные звонкие рапиры — такая притягательная сила!

Компания отказалась от прежнего названия «Бандерилья» и стала именоваться «БВР» (для придирчивых педагогов — «Берег веселых робинзонов», а для внутреннего пользования — «Братство Веселого Роджера»), потом — «Мушкетер»... Теперь мы уже официально именовали себя отрядом. В шестьдесят четвертом году появились сигнальная труба и флаг («Вы видели, видели?! — негодовала «общественность». — У них флаг не красный, а рыжий, и на нем не пионерский значок, а хулиган верхом на акуле!»).

Под флагом цвета походных костров в отряде кипели игры. Уже тогда я догадывался (а может, снова где-то вычитал), что игра — естественный образ жизни ребенка. И что детство — это не только (а может, и *не столько*) подготовка к будущему взрослому бытию, а своя полноценная, самостоятельная, полная проблем, открытий, драматических коллизий, горестей и радостей жизнь. Ничуть не менее насыщенная и трудная, чем у взрослых (и даже более опасная, поскольку у мальчишек и девчонок мало опыта и умения для защиты от разных бед). То есть дети живут с полной отдачей, радуясь нынешнему времени, а не только помышляя о будущих эпохах...

Самуил Яковлевич Маршак замечательно сказал по этому поводу:

Существовала некогда пословица,
 Что дети не живут, а жить готовятся.
 Но вряд ли в жизни пригодится тот,
 Кто, жить готовясь, в детстве не живет.

А ведь сколько взрослых готовы превратить детство своих отпрысков в сплошное учение уроков и накапливание всяких умений для будущих лет, не понимая, что такое «воспитание» ведет не к обретению, а к утрате опыта.

Положительный опыт детства во многом обретается в игре, в постижении товарищеских отношений, в умении ощущать красоту и радость бытия среди ежедневных, неожиданных (хотя на первый взгляд и не очень важных) открытий.

Значит, следовало делать детство ребят как можно более интересным. И это опять же могло получиться лишь при воспитании в них доброго отношения друг к другу. Только ощущая локоть товарища, можно жить полной жизнью...

Однако как далеко от обычной дружеской компании (пусть даже называющей себя отрядом, живущей интересно и весело) до сообщества, которое осознаёт себя ячейкой человечества и понимает, что надо вносить свою лепту в общее добро, в общую пользу, и видеть в этом смысл существования! Конечно, тогда (да и сейчас тоже) никто из нас не говорил столь многомудрых и значительных слов. Дело было не в словах, а в постепенном (и долгом!) осознании, что у нас, живущих вместе и дружно, должен быть какой-то более высокий смысл этой жизни и что он, видимо, кроется в принесении пользы другим людям и миру вообще.

...Мы договорились с местным лесничеством и стали охранять подступающий прямо к домам лес. Нередко пожары возникали от костров, которые разжигали и оставляли бестолковые любители пикников. Наши патрульные группы, называвшие себя «Лесная звезда», вразумляли «шашлычников» беседами о технике безопасности, заставляли окапывать костровые площадки и держать рядом ведра с водой. С упрямыми доходило до скандалов, приходилось грозить милицией и лесником (хотя как их дозовешься — о мобильниках-то

никто и не слышал тогда; правда, были в запасе одна-две сигнальные ракеты, и выпущенные в воздух просто так, для остротки, они заставляли присмиреть скандалистов...). В общем, дело было хлопотное и не всегда безопасное. Зато давало ощущение своей «общественной значимости». Тем более что польза от лесных патрулей и в самом деле была реальная.

Порой случались комедийные эпизоды. Однажды наткнулись мы на благопристойное интеллигентное семейство, которое поджаривало рыбу на костерке, разложенном среди сухой хвои. Мальчишки индейским шагом выступили из кустов, стали вокруг и начали решительную беседу, предварив ее вежливым «Вы, конечно, извините, но...».

Глава семейства засуетился, признавая, что он, «уввы, и в самом деле недосмотрел» и что «сейчас примем меры». И «ах, какие вы, ребята, молодцы...». Я подошел чуть позже и обнаружил, что нарушитель — не кто иной, как известный писатель-натуралист Борис Рябинин. Узнали друг друга, рассмеялись, он опять покаялся и начал хвалить ребят. Когда расставались, десятилетний Алька в нахлобученной старой пилотке и с зеленой нашивкой «Лесной звезды» на рукаве, сказал:

— Борис Степанович, у вас хорошие книжки про собак, я их люблю...

— Книжки или собак? — поинтересовался польщенный автор.

— И то, и другое, одинаково. Но вы ведро с водой все же не забудьте поставить у костра, такое правило...

В этом уже прорезалась бескомпромиссность отрядных принципов — та, за которую впоследствии то хвалили, то (чаще) ругали пресс-центр и флотилию «Каравелла».

Видимо, эта бескомпромиссность (вкупе со стилем отношений внутри отряда и его умением быстро подниматься на разные дела) понравилась приехавшему ко мне в гости Володе Матвееву, тогдашнему заместителю главного редактора журнала «Пионер», в котором я раз за разом уже печатал свои рассказы и повести. Володя (в будущем — один из инициаторов и создателей известной «педагогики сотрудничества») сказал, что из такой «дружной ватаги» может получиться настоящий отряд юных корреспондентов, и для начала попросил сделать коллективный материал о проектах будущих

городов. Сделали. В редакции ребячьи рисунки и заметки понравились... Так появился в Свердловске детский пресс-центр, подчиненный непосредственно центральному журналу, органу ЦК ВЛКСМ.

Сколько истерик это вызвало у всякого областного начальства («Почему не согласовали?! Кто разрешил?! Зачем они снова лезут в конфликтные ситуации, лучше бы на себя посмотрели!...») — это опять же отдельный разговор. Да и написано про те дела уже немало. Вопрос в другом. Как крепло и осознавало себя ребячье сообщество. Чем оно было полезно. Как и за счет чего сумело выжить в самые трудные времена?

Ведь проходили десятилетие за десятилетием, исчезали и возникали государства, менялись генсеки и президенты, политические режимы и понимания жизненных ценностей, поколение за поколением, вырастая, расставались с отрядом (который с 1968 года стал называться «Каравеллой»), а это ребячье сообщество продолжало существовать, хотя порой становилось мне уже совсем немого. Бывало, что и я, грешный, и мои взрослые помощники (обычно из выросших членов отряда) приходили к выводу, что «всё, кранты, пора завязывать это дело, ребята». Но другие ребята, еще не выросшие — барабанщики, юнкоры, матросы, штурманы и капитаны построенных своими руками парусников — вставали на дыбы и отказывались «открывать кингстоны». «Жили и выживем снова!»

Так в чем же причина живучести?

Причин несколько, и, рассказывая о них, я возможно, буду говорить не по принципу их важности и весомости, а о том, что приходит в голову в первую очередь (ну, не теоретик же я, черт возьми, предупреждал ведь! А те, кто придумал термины «крапивинская система», «крапивинская педагогика», пусть сами и облачают их в научные формы).

Сначала я снова хочу сказать о *товариществе*.

Когда мы вместе...

Мне, а потом и моим помощникам (и воспитанным в отряде, и пришедшим со стороны энтузиастам) приходилось учить ребят многому (предварительно выучившись самим):

фехтовальным приемам, туристским навыкам, фотоделу, киносъемкам, такелажным премудростям, элементам навигации, морским сигналам, умению владеть инструментами при постройке яхт и шитье парусов, токарному мастерству, стихосложению, журналистским жанрам, выступлениям на сцене, игре на сделанных своими руками «суворовских» барабанах и... да и не перескажешь всё. Однако самой трудной наукой было воспитание человеческих отношений. Во все времена. Так, чтобы ребята относились друг к другу по-доброму.

Может возникнуть недоуменный вопрос: как же это получается, ведь традиции товарищества вы заложили в ребячьею компании еще в самом начале и дальше они должны были работать автоматически, по инерции, поддерживая в коллективе необходимую атмосферу! Разве не так?

Так-то оно так, но... если в топку разогнавшегося паровоза не подбрасывать уголь, он долго не проедет. Несмотря на инерцию. И если не проветривать самую замечательную квартиру, воздух в ней потеряет свежесть. Ведь приходили новые ребята с привычными уличными и школьными замашками, где отношения типа «эй ты, конопатый, ну-ка подвинься, здесь мое место, я чё сказал...» были обыкновенны, как летний дождик. И довольно заразные. Их надо было нейтрализовать и менять внутри отрядной атмосферы. А для этого атмосферу нужно было поддерживать в «постоянном режиме». Иногда незаметно: «Саня, поговори-ка осторожно с Игорьком, чего-то малыш утром в палатке носом хлюпал, может, по маме заскучал...» или «Анютка, вечером спой у костра про барабанщиков, наш новичок Шурик по этой песне просто обмирает...» А иногда прямее и жестче: «Братцы, вы пришли в отряд недавно и должны запомнить сразу: здесь *никто никогда никого* не дразнит, никого не обижает, ни на кого не замахивается, не показывает силу. И никаких кличек и прозвищ...»

— Ага, «никаких», — иногда возражали новички. — А вон Сережку зовут Рыжиком.

— Но это ласковое прозвище, оно ему самому нравится. Одно дело «Рыжик», другое «Рыжий». Уловили?

— Ага...

— Вот и молодцы. А теперь шагайте, помогите девочкам дошивать паруса.

— А мы не умеем!

— А они покажут. Будете люверсы обметывать.

— А если не получится? Смеяться будут...

— Да *никто не будет смеяться*. Покажут, как надо... А если люверсы не обметать как следует, парус под ветром — р-раз и на мелкие клочья. Так же, как отряд, если в нем не дружба, а вредность. Ясно?..

Вроде бы не хитрые нравоучения, а делали свое дело. Но, конечно, не только они, а общий настрой отрядной жизни. Понимание, что без чувства локтя друг друга «вымрем, братцы, как динозавры», и ощущение, что жить гораздо легче и смелее, когда ты «свой среди своих и равный среди равных»...

Вот, пожалуй, подходящая иллюстрация.

Двадцать лет назад, в 1986 году, «Каравелла» по заказу одного московского издательства подготовила книжку «Здравствуй, отряд!». В ту пору пионерская организация жила уже с ощущением близкого кризиса, и наиболее умные руководители искали пути ее сохранения (понимали, что вообще без детской организации стране никак нельзя). И хотели обрести какие-то примеры жизнестойкости. Вот и вспомнили про «Каравеллу». Решили получить книжку про отряд, действующий не по указаниям методистов Минпроса и завучей по воспитательной работе, а по инициативе и в интересах самих ребят.

Общими усилиями юнкоры и инструкторы пресс-центра книжку «склепали» (примеров-то и опыта хватало!). На мой взгляд, если убрать из текста слова «пионеры», «пионерский» (чтобы не шокировать нынешних борцов с «излишней заидеологизированностью»), эта ребячья книжка и сейчас могла бы во многом быть полезной для сохранившихся и возникающих вновь разновозрастных внешкольных объединений. Но сейчас я хочу поместить здесь только маленькую главу — о том, как ребята в отряде понимали (и понимают нынче) отношения внутри своего сообщества. Называется глава «Товарищи». Вот она (даже с эпиграфом).

...Жил, играл, книжки читал и думал, что у меня всё хорошо, лучше некуда. Потом пришёл в отряд... и оказалось, что ещё лучше. С настоящими товарищами — лучше в сто раз!

Митя Кононов.

(Из рассказа в ребячьем журнале «Синий краб»)

В отряде «Каравелла» новички не сразу становятся полноправными членами своего экипажа и получают нашивку с якорем. Сначала они — кандидаты. Ребята неназойливо, но внимательно приглядываются: что за люди, не подведут ли? Потом совет отряда решает, кому закрыть кандидатский стаж, а кому — подождать.

...В сентябре пришли к нам два пятиклассника — из одной школы, из одного класса. Приятели. Месяц прошёл, совет обсуждает:

— Ну что, можно закончить кандидатский стаж Павлику и Витьке?

— Можно. Работают вроде бы нормально, задания выполняют...

И вдруг Лариска Коробицына, одна из главных командиров «Каравеллы» (она с четвёртого класса в отряде, а теперь уже комсомолка), говорит:

— С Витей надо бы подождать, ребята...

Переглянулись наши капитаны и штурманы: чем пятиклассник Витька не понравился Лариске?

— Я вчера в их группе была на занятиях по фехтованию. Новичок Илюшка к Вите подошёл, попросил помочь защитный жилет застегнуть, а тот говорит: «Да ну тебя, некогда мне. Попроси кого другого...»

Опять переглянулись ребята. И... ни один не поднял руку, чтобы проголосовать за Витьку.

Витька, конечно, очень огорчился. И удивился:

— Подумаешь! К такому пустяку придрались!

— Из таких пустяков иногда характер складывается, — сказали ему.

— При чём здесь характер? А если этот Илюшка мне не нравится!

Ребята усмехнулись. И два шестиклассника — Валерка и Андрей — тоже усмехнулись. У Валерки на скуле был синяк. Де-

ло в том, что Валерке очень не нравился Андрей. Спорили они часто, считали друг друга болтунами, выскочками и очень неважными матросами. Даже просили развести их по разным экипажам. Но вчера на улице увидел Валерка, что Андрея поймали на углу двое незнакомых мальчишек. Один держит Андриюшку за руки, а второй пытается содрать с рукава якорь...

В общем, хоть и здоровые были парни, а бежали они от Валерки и Андрея очень быстро. Бежали после короткого боя с двумя товарищами, которые умеют постоять друг за друга.

Хорошо бы, конечно, рассказать, что после этого случая Валерка и Андрей стали друзьями. Но это была бы неправда. Не подлаешь: разные бывают люди, часто случается, что один другому не нравится. Не каждый может стать твоим другом, с которым всё в жизни пополам — и счастье, и горести, и которому можно любую тайну открыть, любую мечту доверить. Но товарищами в отряде должны быть все. Потому что товарищ — это такой человек, с которым у тебя общая работа, общая цель. И на которого можешь положиться в трудную минуту. Пусть он и не друг твой, но тащить тяжёлый рюкзак в утомительном походе поможет. В опасности не струсит, выручит. И если ты несправедливо обижен — он заступится. Потому что товарищество нужно и тебе, и ему, и всему отряду. Хорошо стоять в строю, чувствуя, что рядом надёжные люди. Хорошо жить на свете, когда знаешь: есть у тебя верные товарищи, в любом хорошем деле поддержат...

А как это сделать?

Прежде всего старайся быть хорошим товарищем сам.

Возможно, эта маленькая главка кому-то покажется излишне нравоучительной и придуманной специально для книжки. Но она отражает искренние воззрения ребят и опыт отрядной жизни. Как говорится, что было, то было...

Так или иначе, но в конце концов отряд обрел ту атмосферу товарищества и дружелюбия, когда среди ребят нет ошестинности, столь свойственной многим уличным компаниям и школьным классам, в которых многое держится на силе и

кулаках мускулистых и агрессивных «лидеров». Атмосферу, где все живут с ощущением равенства и безопасности. И это, по правде говоря, я считаю своим главным достижением в работе с ребятами за все годы. Гораздо большим, чем построенные парусники, написанные в отряде книги, снятые filmy, массу всяких дел и обретенные членами «Каравеллы» профессиональные навыки.

Бывало не раз, что боязливые и неумелые мальчишки и девчонки, «затюканные» во дворе и на улице, признанные безнадежными тупицами в школе, буквально расцветали, оказавшись в «Каравелле». Помню один случай. В начале семидесятых появился у нас тошенький остролицый третьеклассник с репутацией ошестиненного, неуживчивого (в классе) пацаненка, с длинным шлейфом заработанных в школе двоек. Рыжий, сумрачный, с трудом разговаривающий из-за постоянного заикания... Через месяц он вел на областном телевидении передачу о «Каравелле», а отрядные альбомы и альманахи украшал великолепными «мультижашными» рисунками. Стал смелым и жизнерадостным и на многие годы обрел веселое (совсем не обидное) прозвище Бец (то есть Бес, Бесенок)... А что касается той телепередачи, то ребята радовались не столько своему проникновению в телеэфир, сколько Сережкиным успехам...

Не обходилось, конечно, без накладок и срывов. Было несколько раз, что украшенный нашивками и регалиями штурман или капитан, выйдя из строя и сопя от виноватости, просил прощения у новичка, которого сгоряча обругал, а то и наградил подзатыльником. Впрочем, это в крайних случаях, чаще примирение достигалось в «частном порядке», где-нибудь в уголке: «Послушай, ну я же не нарочно, просто не сдержался. Ну, если хочешь, стукни меня тоже...»

Главное, чтобы не было обиды...

Запомнился один эпизод (сейчас его участники — люди солидные, предприниматели и компьютерщики). Любимец отряда и командир барабанщиков Вовочка однажды проводил тренировочное построение перед каким-то парадным сбором. Один из его ровесников и человек в отряде не менее заслуженный, Андриюшка, чего-то отвлекался и дурачился в строю. Вовочка глянул и вдруг скомандовал:

— Два шага вперед! Иди вон туда, в угол, и — десять отжиманий!

Строй замер. Андрюшка... он мигнул, простоял секунду и пошел. И сделал десять отжиманий от пола, вернулся в строй и с мокрыми глазами замер в шеренге. Мне, наверно, следовало вмешаться. Однако (ради дальнейшей пользы) я решил дать событиям развиваться до конца. Впрочем, ничего особенного больше не случилось. Тренировку закончили, все разошлись, только какие-то чересчур молчаливые. Я переглянул ся со своей взрослой помощницей Натальей, которая тоже была свидетельницей происшедшего.

— Что будем делать? — шепотом спросила она.

— Подожди... — Прежде всего надо было разобраться с Андрюшкой. Он стоял в коридоре у вешалки и уже откровенно ронял слезинки. Когда такое происходит с мальчишкой, которому почти двенадцать лет, значит, дело серьезное.

— Почему ты не отказался и не потребовал немедленно совета? — спросил я (потребовать отрядного совета для защиты от несправедливости всегда имел право любой член «Каравеллы»). Андрюшка удивленно глянул мокрыми глазами:

— Да ну... устраивать скандал перед всеми. Перед новичками...

Видимо, вьезшаяся в суть Андрюшкиного характера дисциплина — не уставная, а внутренняя, на уровне этики — не дала ему скомкать ссорой и враждой отрядное дело. И в этом была своя логика. Но больше логики (на мой взгляд) было бы тогда, когда Андрюшка отчетливо заявил бы: «Не имеешь права. Так не делают в нашем отряде, пусть собирается совет!»

Об этом я и сказал Андрюшке. Он смотрел нерешительно: как поступить?

Я сказал в открытую дверь:

— Наташа, быстро совет в кают-компании...

На совете прежде всего Вовочке (уже почувшему неладное) инструкторы ласково сказали:

— Ты, голубчик, встал бы как следует, не у бабушки в гостях... А теперь объясни: где ты нахвтался таких воспитательных методов?

Выяснилось, что нахвтался он у ветерана Димы, который недавно вернулся из армии и взялся вести у младших ребят занятия по самбо. Мол, такой у него стиль обращения с воспитанниками... Ну ладно, старшие инструкторы в доверительной беседе объяснят Диме неуместность казарменных привычек в отряде и быстро вернут его в лоно каравелловских традиций. А вот как быть с Вовочкой? Видно было, что «мальчишка малость занесло».

— Почувал сладость командирства? — спросили его. — Забыл, что командовать надо для пользы дела, а не ради того, чтобы показать власть над человеком? Скажи спасибо Андрюшке, что он не ответил тебе перед всеми, как ты того заслуживаешь... А если он, когда будет вахтенным командиром, поступит с тобой так же?

— Ну и чё... — буркнул, цепляясь за остатки упрямства, поникший Вовочка. — Если я заслужил...

— Да ты чего-то совсем дремучий стал, — сказали ему. — Как бы кто бы ни сделался виноват, а унижать нельзя. Небось, понравилось, что твоей дури подчиняются без спора?..

— Не... — сказал Вовочка (а глазу уже набухали, как недавно у Андрюшки).

Только немалые заслуги Вовочки перед «Каравеллой» (а также заступничество Андрюшки) позволили незадачливому командиру сохранить капитанские шевроны. Было видно почти что простым глазом, как с него слетает недавно обретенная «дембельская» шелуха.

— Перед Андреем догадаешься извиниться сам или напомнить на общем сборе? — спросили его в заключение.

— Дрюня, извини, — выдохнул капитан Вовочка. Судя по всему, искренне.

— Да ладно... — сказал великодушный Андрюшка.

Через полчаса капитан Вовочка и штурман Андрюшка с хохотом гоняли полуспушенный волейбольный мяч по пыльному полу отрядного помещения, именуемого «муравейник». А десятилетний командир вахты, барабанщик и подшкипер Алешка грозил каждому вляпать по два наряда вне очереди (на что в данном случае имел право) или огреть нарушителей шваброй по кормовой части (на что права не имел, но знал: совет его не осудит).

От семи до семнадцати...

В общем-то в отношениях между ребятами в отряде всегда было немало забавной мешанины. С одной стороны, жесткие требования устава (связанные с безопасностью парусных плаваний, выполнением серьезных корреспондентских заданий и обращением с оружием) требовали быстрого и четкого подчинения командирам. С другой стороны, это не мешало маленьким матросам в свободное время ездить на своих капитанах верхом, подвергать их зубастой критике и вместе дурачиться, напрочь отменяя всякую субординацию.

Видимо, это естественно в ребячем сообществе, где с самого начала одним из принципов была *разновозрастность*.

Основной состав «Каравеллы» — от девяти (а то и от семи) до шестнадцати-семнадцати лет. Так сложилось изначально. Ребята приводили в компанию братишек и сестренки, за старшими увязывались младшие соседи по двору и подъезду... Сразу было установлено: маленьких не обижать «ни действием, ни словами».

— Ты пять лет назад был таким же, как он. Нравилось тебе, когда не берут с собой, цыкают, отшивают от игры?

— Ну а если он мяч пнуть не может толком!

— Научи...

Учили. И начинали понимать, что в этом есть своя радость: охранять, заботиться, обучать разжиганию костров и фехтовальным приемам, следить, чтобы не продрогли при купании, шепотом утешать, когда в дальней поездке заскучал по дому...

Это потом уже начали складываться «теоретические положения», которыми набравшие опыт и ставшие журналистами инструкторы делились с читателями и зрителями в интервью и телепередачах:

«Принцип разновозрастности дает возможность коллективу существовать теоретически неограниченное время. Старшие вырастают и расстаются с отрядом, на их место встают те, кто еще не так давно был в младшей группе, и сами принимают новичков. Маленькие привыкают видеть в более взрослых ребятах наставников, помощников и защит-

ников (причем не сурово-назидательных, а заботливых, терпеливых, никогда не хвастающихся преимуществом своих лет и опытности). Старшие обретают опыт наставничества и навсегда впитывают в себя (буквально на уровне инстинкта) ощущение ответственности за тех, кто меньше и слабее. Причем ни это «почтение» маленьких к большим, ни эта опека старшими младших почти никогда не вытекают наружу, да, пожалуй, и не осознаются в повседневном быте. Они просто *есть*, вот и все. Тем более что в постоянной круговерти общих дел ребята разных возрастов всегда вместе, и разница в годах часто не играет роли. Вот при обшивке каркаса яхты девятилетний Геночка вбивает молотком шурупы, а идущий следом четырнадцатилетний Игорь коловоротом ловко вкручивает их в фанеру — оба *строят судно*. Вот при съемке фильма пятнадцатилетний помреж Володя обстоятельно объясняет десятилетнему Сережке — д'Артаньяну, по какой линии проскакать на деревянном коне, а тот, преисполненный осознанием своей миссии, высказывает встречные соображения. Оба заняты одним важным делом... И в таких вот делах, где «всё зависит от всех», вырабатывается уважение каждого к каждому, независимо от возраста и числа полосок на отрядных шевронах... И никакому ветерану не придет в голову снисходительно усмехнуться, когда на линейке флотилии назначенный строевым командиром самый маленький из матросов чеканно произносит: «Флотилия, внимание! На флаги...» И ему, юному командиру, не приходит в голову, что кто-то небрежно и расхлябанно отнесется к его команде. Ни большущий Борис, который вчера нес его на плечах (как слон кузнечика) с водной станции на трамвайную остановку, ни строгая Ольга, которая накануне прикрикивала на него, как на детсадовского малыша, когда бинтовала ободранный на камнях локоть («Ну-ка, не пикачь! Я вот покажу тебе «зараза к заразе не липнет»! Тоже мне герой!..»).

Да, рассуждения на эту тему стали появляться уже после, когда приходилось объяснять посторонним «принципы отрядной жизни». А в самой этой жизни, и в начале, и потом, было проще. Например, в походе:

— Младших в цепочке поставьте впереди, чтобы не отставали...

— Сега, что у тебя рюкзак больше тебя самого? Какое еще запасное одеяло бабушка положила? Конечно, ей самой-то этот тюк не тащить... Ну-ка, перегружай ко мне...

Или на парусной тренировке:

— Наталья, объясни еще раз своей Леночке-красавице, что ничего страшного при опрокидывании не случится, в жилете не утонет. А то будет верещать, как в прошлый раз...

— Она не в воде верещала, а уже на берегу, когда я ее растирала насухо...

Случались порой и забавные ситуации, когда пришедшие в отряд двенадцатилетние новички оказывались в каких-то делах под командой у десятилетних «старожилов» флотилии. И ничего, «притирались», поскольку очень быстро понимали: главное не «в выяснении отношений», а в пользе отрядного дела. И что в общем-то все здесь равны...

Кстати, то, что я сейчас рассказываю, характерно отнюдь не для одной «Каравеллы». Такие отношения складываются в большинстве разновозрастных детских коллективов, где ребята заняты общим интересным и важным делом. Независимо от направленности этого дела.

Недавно из Нижнего Новгорода, из детской театральной студии «Синий краб», мне прислали кассету с записью постановок «Тополиная рубашка» и «Бременские музыканты». Оба спектакля я посмотрел с большим удовольствием: играли девчонки и мальчишки талантливо и вдохновенно — как говорится, от души. Там же была и запись студийного сбора, посвященного работе над пьесами, и ее я смотрел с неменьшим интересом, чем спектакли. Казалось, что нахожусь прямо среди этих юных актеров и постановщиков. Потом, при телефонном разговоре с руководительницей студии, я сказал:

— Знаете, Елена Алексеевна, меня все время не оставляло ощущение, что я давно знаю ваших ребят. Что-то очень знакомое в них: характер общения, интонации, взгляды. Мне кажется, у вас очень дружный народ.

— Очень дружный, — понимающе отозвалась Елена Алексеевна. — Одно дело делаем, вот вместе нам и хорошо. Поэтому, наверно, каждый чувствует друг друга и вместе радуемся удачам...

Это лишь один пример. А за три с лишним десятка лет встречаться с подобными ребячьими сообществами мне приходилось немало. Такими, «где каждый чувствует друг друга и вместе радуются удачам». Это были и коммунарские отряды шестидесятых-семидесятых годов, и клубы юных следопытов, и детские театральные студии, и юнкорские группы, и, конечно, ребячьи флотилии вроде нашей «Каравеллы». Похожи друг на друга они были не родом своих занятий (часто очень разных), а стилем внутреннего общения, уважением ребят друг к другу, радостью общения, увлеченностью своим делом.

Интересно, что такие коллективы легко «нащупывают» друг друга. Как говорится, «рыбак рыбака...». Они, как молекулы одного вещества, несут в себе «общие главные свойства» и при достаточном сближении готовы слиться в одно целое. Как маленькие капли на клеенке стола охотно соединяются в большую. Такое соединение, кстати, не раз происходило и происходит на межотрядных сборах и слетах, при организации общих дел в разных городах, при запланированных и случайных встречах... Это стремление к дружеским контактам, к постоянному общению, к объединению стоит всячески учитывать, использовать и делать главным стимулом, если речь заходит о создании детской организации в большом регионе или даже в стране... Но о возможности (и необходимости) такой организации речь пойдет позднее. А пока мне хочется вернуться в отряд и порассуждать еще о его внутренних свойствах.

Дело и польза

Итак, основа — *товарищество*. Товарищество особенно крепко там, где оно складывается между ребятами *разных возрастов*. Но — на основе чего?

На основе общих дел.

Каких?

Очень важное дело — игра. Она в детстве — образ жизни (извините, если повторяюсь). В ней приобретаются и много-сторонний опыт, и умение строить отношения, и всякие знания. Но у игры есть разный уровень «позитивной насыщен-

ности» (простите за наспех придуманный термин). Иногда игра — просто развлечение. Иногда — в ней рождается реальная польза для окружающих людей (бывает, что немалая и для многих). Уже банальный и миллион раз использованный пример — Тимур и его команда. Никогда и никуда от этого примера не уйдешь, он частица истории нашей страны. В тимуровской жизни хватало тайн, приключений, ребячьего азарта, риска, от которого замирают детские души, но был и весомый практический результат. Особенно в дни, когда страна содрогнулась от общей беды. Результат, который невозможно списать в небытие, несмотря на вальяжные и многоумные суждения нынешних критиков и литературоведов о «заидеологизированности творчества Гайдара» (некоторые такие «критики» в прежние времена старательно славили и воспевали этого писателя). А он вовсе не был рабом большевистской идеологии. С детства искалеченный войной, он был человеком трагической судьбы, светлой души и большого, до конца не раскрывшегося таланта. И его заслуга в том, что он создал образ детского содружества, в котором сочетались животворная романтика, чистота помыслов, настоящее товарищество и желание помогать людям.

Вольно или невольно потом, в разные времена, эти принципы возрождались во множестве детских самодеятельных коллективов страны (возникавших, как правило, без «санкции сверху» и потому уничтожаемых властями всех уровней, чиновниками от педагогики и «местной общественностью»; впрочем, возникавшие «по санкции» тоже часто уничтожались, на всякий случай).

Опять отвлекся... Значит, речь идет о деле, связанном с пользой для окружающих. Что ни говорите, а понимание причастности к *такому* делу дает мальчишкам и девочкам ощущение, что они в конце концов включены в общий процесс усовершенствования мира и созидания гармонии. Разумеется, едва ли ребятам приходят в голову такие формулировки. Это ощущение — на уровне подсознания. Но оно дает возможность небольшому по возрасту человеку ощущать себя как личность, понимать, что уже сейчас он живет не зря и оставляет в общей жизни пользу и след.

Далеко не всякие дела «Каравеллы» в глазах «обществен-

ности» выглядели нужными. Ну ладно, лесное патрулирование или сбор денег и вещей для помощи вьетнамским детям можно, скрепя сердце, признать имеющими какую-то пользу. А остальное? Сплошная «развлекаловка»!

Не раз возникали дискуссии со взрослыми скептиками и оппонентами.

— Ну и какой людям прок от ваших занятий фехтованием?

— А какой вообще от спорта прок? Для физического развития, — парировали ребята.

— Но ведь это развитие только *для вас самих!*

— Неправда! Мы научили фехтованию ребят в нескольких отрядах, поделились оружием, наладили там регулярные занятия!.. А еще фехтование нужно нам для съемок мушкетерских фильмов.

— А эти фильмы опять же — для кого? Сами снимаете, сами крутите для себя в своем «муравейнике»!

— Опять неправда! Мы их многим людям показываем! Родителям, ребятам из разных школ, в разных городах! В «Орленок» и в «Артек» возили! За них у нас даже грамоты есть...

(Кстати, сейчас, с развитием технологий, со всеми этими кассетами и дисками, фильмы «Каравеллы» пошли по стране так далеко, что уже и не уследишь.)

— Все равно это несерьезно. Так же как и ваши паруса. Строите свои фанерные яхточки, сами катаетесь на них по ближайшему озеру, а что дальше?..

— Мы не катаемся! Мы учимся морскому делу — и когда строим, и когда водим парусники! Наш Алешка Васильев сделался инженером-кораблестроителем, Димка Стражников закончил мореходку, Слава Гулевич стал капитаном первого ранга, Сергей Кузнецов служил на крейсере... А знание корабельных конструкций вообще полезно всем. Морское искусство — часть человеческой истории!

— Вы лучше бы историю в школе учили как следует! А то вот вашего Сергея Коробова учительница по этому предмету оставила на осень!

— Не оставила, а пыталась оставить! У него по истории ни одной двойки нет, а она его за споры, в «воспитательных целях»! Пресс-центр тут же поднял шум!

— Ох уж ваш пресс-центр с его вечными конфликтами! Хотите сказать, что от него тоже польза?

Единого положительного мнения о пользе пресс-центра «Каравелла», разумеется, нет. Слишком много было критических выступлений, шумных дискуссий, споров с ревнителями тоталитарной, авторитарной и всякой другой подобной педагогики. А то, что в свое время спасли от неприятностей сотни школьников, этим ревнителям какое дело? Наоборот... Но так или иначе, а в течение многих лет и в областных газетах, и в центральных, и в журнале «Пионер», и на ТВ «Каравелла» доказывала, что дети — полноценные личности, что ученики должны иметь свои права, что они вправе требовать уважения к себе... Можно сказать, что корреспонденты «Каравеллы» не раз выступали в роли юных правозащитников и до сих пор вспоминают это с гордостью. Правда, в наше время деятельность правозащитников опять все больше подвергается сомнению (и все чаще это слово употребляют с эпипетом «так называемые»), но пресс-центр продолжает жить. И принципам не изменил...

Была ли в деятельности юных корреспондентов польза? Безусловно! Возьмите подшивки газет и журналов за многие годы, убедитесь. Была ли в то же время в этом игра? Конечно! Озорные стенгазеты, конкурсы, соперничество юных авторов, только что постигших на занятиях азы журналистских жанров... Были и волнения при серьезных заданиях редакций.

Давно еще по просьбе журнала «Пионер» в «Каравелле» сочинили «Марш юнкоров». Там есть такие слова:

Работа наша — не парад.
С гвоздя срывая аппарат,
Не раз ты проклинал сигнал тревоги...

Конечно, в этих строчках — романтическое преувеличение. Редко приходилось вот так стремительно подыматься по тревоге и хватать свои пластмассовые двенадцатирублевые «смены». Однако ощущение тревожности и важности корреспондентского дела жило в ребятах всегда. И не раз выпускники пресс-центра несли заявления о приеме на журфак и кончали его. Сейчас уже трудно сосчитать, сколько журнали-

стов с «каравелловским» багажом работают на Урале и в столице. Один пример. Девочка Ника Куцылло, которая в конце семидесятых получила в «Каравелле» начатки корреспондентских навыков, потом в Москве, при недоброй памяти осаде Белого дома, под огнем, провела там все эти беспощадные дни и написала о них книгу...

Опять я отвлекся от «теории». Но это из желания показать, что *игра и серьезное дело* в добром ребячьем коллективе бывают тесно сплетены и что польза такого дела обладает свойством крепкого цементирующего начала.

Всякое общее дело — результат усилий коллектива, но коллектив-то состоит из личностей. Очень непохожих, со своими характерами, устремлениями, вкусами, интересами. Если в школьном классе (на практике, не в теории) усилия замороченных, вечно утомленных, лишенных нормальной зарплаты педагогов сводятся к уравниванию этих индивидуальностей, чтобы легче добиться двух простых вещей: послушания и отсутствия плохих оценок, то в добровольном разновозрастном ребячьем сообществе такая задача была бы абсурдна.

Задача — иная. Рассмотреть скрытые в мальчишках и девочках способности и таланты, постараться, чтобы они «расцвели пышным цветом», и по мере возможности обратить на пользу общего дела. Те или иные таланты в детях всегда есть (хотя порой прячутся глубоко). Часто бесполезные в школьном классе, во дворе и на улице (с их вечной насмешливой агрессивностью), они всегда могут пригодиться в коллективе, где сложились хорошие отношения. Особенно там, где всяких дел много и всегда найдется точка приложения для самых разных способностей.

Возьмем для примера детскую киностудию.

Каких разных умений требует работа над фильмом! Прежде всего — сценарий. Кто-то пишет основной текст, кто-то сочиняет для него песни и стихотворные вставки, кто-то, отправившись «на разведку», ищет подходящие места для съемки (кстати, увлекательное занятие, знаю по своему опыту), кто-то использует свои знания по истории, разрабатывая эскизы костюмов и оружия; кто-то дрессирует знакомого

черного кота (в которого по сценарию превращается колдун), кто-то мастерит макеты и рисует декорации, кто-то возится с аппаратурой и освещением...

Я уже не говорю об «актерах», которые, преодолев изначальную стеснительность, «въезжают» в роли, где надо уметь всерьез вникать в «жизненные ситуации», а также петь и танцевать, драться на шпагах и прыгать через заборы, произносить монологи, а иногда и плакать по-настоящему. И порой здесь сквозь скорлупу скованности и робости вдруг прорываются такие вспышки мастерства, что диву даешься...

Обычно процессом руководит взрослый (хотя и не профессиональный, конечно) режиссер, но сколько помощников учатся у него этому делу!

А сколько хлопот с озвучиванием фильма: подбор музыки, всякие шумовые эффекты, пение! (Например, Володька прекрасен в своей главной роли, но петь совершенно не умеет, и тогда пусть его песню за кадром исполняет Андрюшка, у которого вообще-то в фильме совсем другая роль. Потому что все знают — голос у него замечательный.)

А дублеры! Их способности порой не менее важны, чем таланты главных исполнителей. Есть в одном фильме эпизод, где коварные пираты похитили на улице пятиклассницу Наташу и привезли на необитаемый остров. Но ведь не будешь во время съемок два часа таскать девочку по кустам в пыльном мешке, не по-рыцарски это, не благородно (хотя искусство и требует жертв). И вот на выручку самоотверженно приходит Антошка — забирается в мешок, выставив наружу обутые в Наташкины башмаки ноги, и... бедные пираты! Уж что-то, а сопротивляться, извиваться, барахтаться и орать Антошка умеет, как сразу сто самых вредных Наташек! Правда, отснятый эпизод займет в фильме всего пять-десять секунд, зато сколько во время такой съемки радостей и смеха!..

А как много творческой возни с титрами названий, с текстами и рисунками внутри фильма, с мультипликацией! Здесь простор для всех, в ком живет талант живописца и графика...

И в этом сплетении самых разных призваний, умений, вдохновения, азарта, неожиданного раскрепощения неведомых

ранее способностей вдруг являет себя долгожданный и в то же время неожиданный результат: *наш фильм!*

Последний (на этот раз) всплеск вдохновения — большущая разноцветная афиша: «Скоро премьера!» Событие одинаково радостное и для исполнителей главных ролей, и для восьмилетнего Валерика, который при озвучивании вдохновенно гремел стеклами в жестяной коробке, изображая битье посуды в таверне «У Бубновой дамы»; и для строителей макета пенопластового замка; и для «пиротехников», заставивших стрелять сувенирную модель бронзовой пушки; и для гримерши Леночки, талантливо рисовавшей актерам синяки на скулах и «красивые ссадины» на локтях; и для участников самодеятельного пиратского хора, подарившего фильму зловещую, но и самокритичную песню о своей флибустьерской доле:

Жизнь послушного теленка
 Нам была не по нутру:
 Убегали мы с продленки
 И не мылись поутру.
 Мы могли чужую кошку
 Подстрелить из-за угла.
 Эта скользкая дорожка
 Нас в пираты привела...

...Да, я увлекся, ностальгически окупившись в давние эпизоды деятельности отрядной студии FIGA (Фильмы Интересные, Героические, Артистические). Но ведь это не только прошлое, студия снимает кинокартины и сейчас. Да и не в одной лишь «Каравелле» увлекались и увлекаются этим делом. Какие замечательные киноленты я смотрел в гостях у пятигорского отряда «Пламя», которым руководил талантливый вожатый Женя Филиппов! Какой славный фильм «Камешек с берега моря» прислали недавно мне в подарок из живущего в Пермской области отряда «Эспада»! С каким интересом я два раза подряд крутил кинокомедию «Мушкетер и фея», снятую в Екатеринбурге группой ребят под руководством инструктора Юрия Никитина. А видеофильмы калининградской студии «Солнечный сад» и томского отряда «Странник»! А фильм «Рыцарь», который весной 2006 года

подарили мне четвероклассники-москвичи на конференции «Роскон»... Ну, мой интерес — это дело, как говорится, субъективное. Но каждый раз я думал об интересе ребят, с которыми они отдавались этой киносьемочной затее. Сколько способностей и вдохновения вложили в нее, сколько получили удовольствия и как многому научились друг у друга (может быть, не столько конкретным навыкам, сколько радости общения при большом увлекательном деле)...

Опять же я все про кино да про кино. А ведь во множестве коллективных дел в самых разных ребячьих сообществах важны непохожие друг на друга таланты мальчишек и девчонок. Например, в походных и поисковых отрядах — от способности распознавать минералы и найденные экспонаты до умения лихо отчищать с помощью песка и золы закопченные на огне ведра, от знания разных способов разжигать под дождем костер до артистического дара таинственным шепотом рассказывать в палатке после отбоя «душеобмирательные» истории про нечистую силу (несмотря на притворно-строгие покрикивания ночного дежурного)...

Ну и так далее. Примеры длинные, а мысль в общем-то проста: чем больше в коллективе самых разных ребят с непохожими характерами и способностями (которые порой приходится старательно «раскапывать»), тем больше у такого коллектива возможностей жить интересно, творчески и... дружно. Да, потому что умение жить по-товарищески чаще всего возникает в среде творческих индивидуальностей, объединенных общей целью. Если в уличной компании, где наибольшей ценностью считается агрессивная сила, или в классе, где изначально царит убеждение, что «надо быть как все», непохожесть часто вызывает насмешки и отторжение, то в нормальном творческом коллективе (в дальнейшем для краткости буду именовать его «отрядом», хотя далеко не всегда это отряд) всегда живет интерес к индивидуальности. Приходит новичок, и у остальных — радость, что есть пополнение, и любопытство: а какой ты, что ты умеешь, что интересного принес нам? Это не столько прагматический интерес, сколько интуитивное желание живого организма-сообщества обогатить себя, сделать общение внутри коллектива еще более увлекательным.

Каждый и все вместе

В отряде, объясняя новичку нормы общих для всех требований, пункты устава и неписанные традиции, в то же время никто не станет от него требовать быть «похожим на других». Отрядные нормы — это как стебель растения, один для всех, но ветки и листья на нем могут быть самые разные и цветы могут вырастать всякого размера и красок, хотя и питаются «одним соком». Прошу прощения за этот несколько неуклюжий, излишне цветистый образ-сравнение, но его придумал не я, а много лет назад так рассуждала на сборе инструкторов «Каравеллы» вдохновенная девушка с флагманскими нашивками, ныне весьма почтенная дама, известный в стране журналист...

Короче говоря, можешь цвести всеми оттенками радужных красок, всеми формами лепестков. Только не отрывайся от общего стебля — и сам увянешь, и всему растению вред...

Подобное отношение ребят друг к другу и всего отряда к каждому члену сообщества возможно лишь при достижении определенного уровня товарищества (опять я об этом же, но куда денешься!). Такого, когда естественным, вжившимся «в плоть и кровь» коллектива становится *уважение к личности*. Добиться «обратной связи» — уважения личности к коллективу — в общем-то легче. Постановка вопроса здесь более проста — ты пришел к нам, тебе с нами хорошо, значит, следуй нашим традициям, нашему пониманию жизни. А вот суждение, что «ты к нам пришел, и мы тебе рады и готовы принимать твой характер, и ценить в тебе все хорошее, и уважать даже твои слабости, если они не вредят остальным», — это дается потруднее. Но без *этого* нельзя, если хочешь, чтобы в отряде были доброта, искренность и доверие.

Итак, надо стараться усмотреть в человеке самое хорошее, ценить его именно за это и сделать это хорошее достоянием всех.

Разные люди в отряде. Что-то не ладится у Игорька на занятиях по фотоделу, но зато какой веселый репортаж он сочинил для газеты «Гардемарин». Не получаются у рассеянной и малость неповоротливой Катерины повороты фордевинд на яхте, но ведь она недавно сшила удивительные платья для постановки «Золушки»...

Однажды озабоченный папа привел в отряд двенадцатилетнего худого нерешительного мальчугана. Неловко объяснил, что у мальчишки после давней болезни остался нарушение координации в движениях. «Но ему так хочется к вам... Столько книжек про паруса прочитал...»

Ну, если прочитал, если хочется... У нас ведь не училище с медкомиссией и отбором. При плаваниях можно определить новичка на двухмачтовую яхту, где экипаж помногочисленнее, там проследят, чтобы мальчишка не растерялся при откренке, не запутался в снастях... Конечно, трудно ему участвовать в фехтовальных турнирах, но быть боковым судьей в таком турнире он может вполне (а это ведь тоже *участие*), и в массовках фильма, где кипит лихая схватка мушкетеров с гвардейцами, вполне можно помахать рапирой... А зато какие стихи он сочиняет! И какие рисунки появляются из-под его не всегда послушных пальцев!.. И как он улыбается на встречу тем, кто искренне рад его стихам и вообще тому, что *он есть*... А за то, что на целый час задержал обещанную заметку для «Флибустьера», можешь и нахлобучку получить от дежурного редактора, не жди снисхождения. (И в этом, если хотите, тоже уважение к его, к Сережкиной, личности.)

«Старайтесь, ребята, понять каждого, — постепенно складывается в отряде неписанный закон. — В том числе и непохожих...»

Несколько лет назад появились в отряде трое братьев-погодков — светлоголовых, курносых, голубоглазых, а фамилия Гофман. Славные такие ребята, дружелюбные, будто давно знакомые, только одно поначалу казалось странным: всегда ходят в плоских круглых шапочках на темени (называется «кипа»). Ну и что? Старшие, наиболее понимающие ребята символически показали младшим и любопытным кулаки: не суйтесь, мол, с расспросами. А инструктор Сева сказал другому инструктору, Евгению, составлявшему недельное расписание вахт:

— Ты зачем эту лихую тройку записал на субботу? Сообщать надо...

Бывает, что уважение следует проявлять в терпеливом внимании старшего к младшему. Был в отряде Алешка, старательный матрос, рассудительный книголюб, общий люби-

мец. Один у него имелся «недостаток»: очень любил пересказывать прочитанные сюжеты. Однажды он с помощью мамы (тоже «той еще читательницы»!) осилил совсем не детский и громадный роман «Унесенные ветром». Потрясенный этой эпопеей, он напрашивался «волонтером» (то есть сверх экипажа) в какую-нибудь яхту или в дежурный катер и начинал во время плавания повествовать о похождениях Скарлетт и ее друзей и недругов. Народ стонал про себя, и случилось, что под каким-нибудь убедительным предложением командир судна старался избавиться от рассказчика. Но пока Алешка говорил, матросы, подшкиперы, штурманы и капитаны самоотверженно слушали, понимая, как он страдает персонажам этого американского эпоса. И не знаю случая, чтобы кто-то сказал: «Да помолчи ты, пожалей нас, несчастных».

Кстати, Алешка через год ушел из отряда. Без обид, без какой-то особой причины — просто изменились у него в жизни интересы, бывает такое. Проводили его с сожалением, но без всяких упреков, с пониманием. Через месяц он пришел на занятия, улыбнулся, как прежде, доверчиво и ясно:

— Я по вас соскучился.

— Молодец, что пришел! Мы по тебе тоже соскучились, — раздалось сразу несколько голосов. — Ты заходи почаще!

И Алешка стал заходить. Просто так. Иногда принимал участие в занятиях и плаваниях («волонтером», по старой памяти), иногда опять рассказывал про книжки... Этакое светлое пятнышко в памяти у всех... А у меня он остался не только в памяти, а еще и на обложке журнала «Уральский следопыт», где печатался роман «Острова и капитаны». Там он снят в обнимку с большущим глобусом, в роли одного из героев романа, второклассника Ванюшки Ямщикова. Было это два десятка лет назад...

Впрочем, я отклонился от сюжета, потянуло на лирику. А возвращаясь к теме уважения личности, хочу заметить, что не обходилось и без осложнений. Когда с одной стороны эта самая личность со своими справедливыми взглядами, а с другой — отряд — тоже со справедливостью своих требований и традиций.

В начале «перестроечных» времен возникла вдруг в «Ка-

равелле» непредвиденная ситуация. Командир группы барабанщиков — всеми уважаемый, заслуженный, рассудительный и авторитетный Тимка (двенадцати лет) вдруг заявил, что не будет больше носить красный галстук. Не шумно заявил, не декларативно, а так, в узком кругу инструкторов. Вроде и виновато и в то же время твердо. И с вопросом: «Как теперь быть?»

— Да что случилось-то? — не на шутку встревожились командиры.

— Мы с отцом разговаривали. Про веру. И я понял, что, раз я верю в Бога, галстук носить не должен. Пионеры ведь боролись против религии...

Времена были не нынешние, и само по себе заявление мальчишки о своей приверженности к вере требовало определенной смелости. Но, впрочем, не столь уж большой — в «Каравелле» к таким явлениям всегда относились понимающе. Больше смелости нужно было пойти вразрез со сложившимися за три десятка лет традициями отряда.

— Но, Тима, — осторожно сказал я, — при чем здесь твоя вера? Это твое личное дело. А галстуки — отрядное, это форма. Сказано ведь, что Богу Богово, а кесарю кесарево. И к тому же наши галстуки давно уже не имеют отношения к большевизму, они — символ алых парусов. На эмблеме флотилии — сделанные из галстуков три красных кливера...

— Я понимаю. Но все равно...

— Что «все равно»? Некоторые ребята носят крестики под каравелловскими галстуками, и одно другому не мешает...

— Я знаю. Но я не хочу. Не могу... Будем собирать совет, да?

— Этого еще не хватало, — сказал кто-то из инструкторов.

— А что делать? — угрюмо спросил Тимка.

Мы не знали, что делать. И знали Тимку. Мы... пожали плечами, и никто не стал принимать никакого официального решения. Только один из инструкторов, знаток романов Вальтера Скотта, сказал:

— Однажды в рыцарском лагере случилось ЧП: кто-то похитил королевское знамя. Разгневанные рыцари требовали казни часового. А король Ричард рассудил: знамя, даже всякое героическое и славное, все-таки лишь кусок ткани.

А жизнь человека — это жизнь человека, ее не вернешь. И нельзя отнимать ее из-за куска материи.

Аналогия была так себе, неуклюжая. Но почему-то после этого разговора никто больше не поднимал вопроса о командире барабанщиков. И он ходил без галстука. И все делали вид, что не обращают на это внимания, даже члены его лихой барабанной команды. Так он и барабанил на всех линейках, пока не подошло время ему передать барабан одному из младших ребят.

Не знаю, правильным ли было наше «решение не принимать решения». Но, по крайней мере, уважение к Тимке было проявлено, понимание тоже, отряд не пострадал, а молчаливое снисхождение порой лучше суровой принципиальности. По крайней мере, оно во многих случаях помогает ребятам сохранять доверие к отряду. А отряду — доверие к каждому из ребят.

От этого тезиса можно плавно переехать к вопросу именно о доверии.

«Я обещал...»

Опять же речь идет о том уровне отношений, который достигается постепенно, по мере развития и становления отрядного коллектива. Возникает атмосфера, в которой ребята чувствуют себя уверенно, в безопасности, в понимании, что никто их не обидит, не обманет, не подведет и они не обманут, не подведут, не обидят. (Разумеется, бывают горькие исключения, досадные недоразумения, сбои, но мы пока рассуждаем не о них, а о закономерности.) Такая атмосфера возникает из уважения друг к другу и к отряду в целом (об этом уже говорили), из глубокого понимания дисциплины, когда она уже не перечень требований, за невыполнение которых может влететь, а внутренний стержень, нормы этики, нарушение которых делает твое мироощущение очень даже некомфортным. А еще — и это, пожалуй, прежде всего — из впитанной в душу простой истины, что нам хорошо вместе и это «хорошо» будет крепким лишь тогда, когда мы верим друг другу...

Проявляется влияние такой атмосферы чаще всего незаметно, в мелочах. Если инструкторы флотилии поручили

проводить по домам задержавшихся допоздна маленьких новичков, они, эти инструкторы, уверены, что ребяташек доставят до дверей и «сдадут с рук на руки мамам и бабушкам». Барабанщики знают, что никто не возьмет без спросу их барабаны и не станет забавляться с ними, как с игрушками, потому что «так у нас не делают». Командир вахты понимает, что никто не полезет в оружейную кладовую, которую открыли для приборки, и не станет баловаться с фехтовальными клинками и пневматическими ружьями, потому что... ну, так нельзя! Получится, что нарушишь общий закон и *обманешь всех*.

Маленький матрос перед выходом под парусом знает, что, если рулевой проверил на нем, на матросе, спасательный жилет, значит, все застегнуто и завязано, как нужно. А рулевой, командир экипажа, знает в свою очередь, что этот маленький матрос, назначенный в походе на ночную вахту, не уснет, не оставит дежурство. Ну, разве что на несколько секунд сунет голову в палатку и прошепчет ему, командиру:

— Гена, подежурь со мной немножко, а? Мне как-то это... неуютно... — И, отважившись на такую откровенность, он в свою очередь будет уверен, что его командир (может быть, и чертыхнувшись в душе) вылезет из палатки и они станут обходить территорию лагеря вдвоем...

И знают ребята, что в разных трудностях, в стычках на улице, в школьных конфликтах и прочих неприятностях они могут ждать помощи от отряда. Потому что сами никогда отряд не подведет. Ни в пустяках, ни в трудном деле.

Помню случай в 1986 году. Снимали фильм «Манекен Васька». Ваську играл одиннадцатилетний Андрюшка, играл замечательно (может быть, потому, что судьба «киногероя» в чем-то перекликалась с его собственной нелегкой судьбой). Можно сказать, на нем, на Андрюшке, держался весь фильм. А время поджимало, график съемок трещал по швам (ну совсем как у киношников-профессионалов). И вот собрались на берегу озера, чтобы снять эпизод, когда найденный на свалке маленький магазинный манекен впервые начинает осознавать себя живым мальчишкой — потому что рядом друзья... Ждем, ждем, Андрюшки же все нет. Начинаются всякие панические мысли. Может, что-то случилось по доро-

ге? Или дед, у которого Андрюшка тогда жил, крепко рассердился на внука и запер его?..

Наконец подлетел взмыленный старенький «москвиченок». Андрюшкин дед, высунувшись из кабины, закричал сердито и жалобно, что «провалилось бы оно куда подальше это кино, из-за которого внук уже совсем помирает!».

Андрюшка полулежал на заднем сиденье, розовый от жара, с каплями на лбу, со сжатыми губами.

— Он же стоять не может, у него ангина страшная! — чуть не плакал дед. — Я ему велю: «Лежи, не дергайся!», а он мне: «Вези на озеро, а то поеду на трамвае!»

— Ты с ума сошел! — завопили на Андрюшку несколько голосов. — Зачем ты? Ведь еле дышишь!

— Но я же обещал... А вы ждали...

Прибежали девочки с аптечкой, сунули Андрюшке градусник. Оказалось — тридцать девять с половиной.

— Домой! — сказал я деду. — С заездом в поликлинику.

Андрюшка вскинулся на сиденье.

— Нет, я буду сниматься. Иначе все сорвется...

Он понимал: мы ему *доверяли* и это доверие он не мог обмануть. И в этом понимании было *его доверие* к отряду... Запутанно излагаю, да? Но дело не в словах, а в тогдашнем ощущении, что мы не имеем права пренебречь нынешним героическим усилием Андрюшки — он как бы старался перебороть свою неласковую судьбу. И ждал от нас помощи в этом. (Черт с ним, с фильмом, но Андрюшку обмануть было нельзя.)

— Вылезай, — решил я. — Снимем крупный план, остальное сделает дублер. Тебе надо будет только взглянуть на ребят и выговорить пару слов...

Съемка заняла минуту. Андрюшка взглянул и выговорил все, как надо. И улыбнулся. Потом пошел к кустам, сел там в траву, его затошнило, беднягу, крошками недавно проглоченного аспирина. Тут же Андрюшку на полной скорости увезли.

Похожий на Андрюшку темноволосый мальчишка натянул такие же, как у него, брюки и рубашку, мы сняли его то со спины, то издалека, то в гуще ребят — в общем, выкрути-

лись. И получилось хорошо, только все это время в каждом из нас сидела тревога: а как там наш Андрей?

К счастью, через несколько дней он поднялся на ноги и скоро с удовольствием просматривал эпизод со своими крупными кадрами и с дублером. Говорил, улыбаясь чуть виновато: «Никакой замены и не видно, везде будто я...» И ничуть не гордился своим подвигом, хотя имел право...

На мой взгляд, фильм «Манекен Васька» — лучший среди сделанных на студии FIGA. И, кстати, последний, который снимали на киноплёнку. Дальше началась «эпоха видео»...

Потом, лет через десять, я спросил у взрослого Андрея:

— Помнишь, как ты вынудил своего несчастного дедушку везти тебя, почти бесчувственного, на киносъёмку?

Он совсем по-ребячьи сморщил нос:

— А что было делать? Обещал же...

Вот такое «обещал же...» достаточно крепко сидело (да и сейчас сидит) во многом, что касается отрядной жизни. Оно будто раз и навеки данное друг другу слово.

В прежние времена (сейчас такого обычая, кажется, уже нет) некоторых нарушителей и склонных к разгильдяйству личностей командиры отправляли на сутки или двое под домашний арест: сиди дома, обдумывай свое поведение и не высывай на улицу носа! И в голову не приходило кого-то проверять, следить: не злоупотребил ли «грешник» доверием, не отправился ли гулять, пользуясь отсутствием всякого «караула». Лишь один раз объявился нарушитель: он сам признался на совете, что мама вынудила его пойти в магазин за покупками.

— Она сказала: «Мне на ваши законы наплевать. Если не пойдешь, совсем заберу тебя из этой вашей «Бригантины», — всхлипывая, каялся оказавшийся в безвыходном положении мальчонка. — Я говорю: «не «Бригантины», а «Каравеллы». А она: «Все равно заберу»...

Да, замороженную домашними заботами и далекую от отрядных традиций маму можно было понять. Ее сына — тоже...

— Сколько времени ты ходил в магазин? — спросила умудренная многолетним каравелловским и житейском опы-

том флагман отряда Иринка Чеснокова (в дальнейшем сотрудница «Пионерской правды» и «Учительской газеты»).

— Ровно час... — шмыгнул носом несчастный.

— Ну вот, иди и досиживай этот час дополнительно, — решила Иринка.

— Ладно! — возликовал «арестант».

Тогда все засмеялись.

— Лучше топай к вахтенным и помоги им вытащить мусор, — сказал кто-то из капитанов. — А то «снова вмешается мама и будет ужасная драма»...

Слово «данное раз и навсегда» во многом определяет стиль жизни сообщества.

Например, никто в отряде (кроме самых «новеньких новичков», еще незнакомых с правилами) не вздумает направлять на человека даже игрушечное оружие. («Мало ли что деревянное! Иногда и оно стреляет! А кроме того, так нельзя, вот и все!»)

Никто в походе или на водной станции не пойдет купаться без разрешения. Был только один случай, еще в семидесятых годах, когда недавно принятый в отряд мальчишка во время плавания на дальнее озеро улизнул в сторонку и побултыхался у берега. Его не ругали, не прорабатывали. Только спросили:

— Ты же знал, что нельзя?

— А чё... Я маленько... Там же неглубоко...

К нему приставили на всякий случай дежурного, а вернувшись из похода, отвели к родителям:

— Извините, но отряд не может отвечать за человека, которому не доверяет. И который не доверяет нам...

Мама и папа заохали. Папа предложил самый простой вариант:

— Давайте я его выпорю, и он все поймет, а вы возьмете его обратно. А если он что-то опять, я его снова...

Ну как объяснить такому папе, что на угрозе быть выпоротым доверие не рождается?

— Не трогайте его, пожалуйста. Пусть пока поживет без нас, подумает. И, если что-то поймет, пусть приходит осенью.

Осенью мальчик не пришел. Боюсь, что папаша все же не внял нашему совету и применил к сыну «испытанный способ». А это, как правило, никогда не приводило к добру. Ребята, которых дома регулярно воспитывали ремнем, не часто удерживались в «Каравелле». Это и понятно. Они ведь приходили в отряд с опытом своей жизни в семье, а опыт, основанный на постоянном страхе унижения и боли, отнюдь не помогает вписаться в нормальный коллектив. Впрочем, бывали исключения. Однако они тоже не приносили полного благополучия. Знаю, как один мальчишка замахнулся стулом на «поддатого» отца: «Не смей больше трогать ни брата, ни меня!» Папочка сник. Но о победе говорить не решаюсь: вскоре отец ушел из семьи. Братья вздохнули с облегчением, а мать, говорят, страдала...

А вот еще один давний пример — из истории вполне «благополучного» семейства. Один третьеклассник (назову его Стасиком) казался самым аккуратным, дисциплинированным, старательным среди новичков. Записался он в сентябре. А в октябре стали происходить странные события: начали исчезать в отряде вещи. Карманная кинокамера, фотоаппарат «Зенит», всякие мелочи и наконец пневматическое ружье из запертого и неумело вскрытого шкафа. Когда дело коснулось оружия, пришлось заявить в милицию. Мы были уверены, что все это — результат «войны», которую постоянно вели с отрядом компании окрестной шпаны. Так оно в общем-то и было, но «непосредственным исполнителем» оказался Стасик. Шпана умело и незаметно прибрала его к рукам, выведала, что излишне доверчивые «отрядники» не очень следят за имуществом, и проинструктировала, как этим имуществом овладеть. Для опытного участкового не составило труда разобраться, «кто, что и где», когда стало известно про аппарат, который «маленький мальчик принес большим мальчишкам»...

Для меня это было большим (хотя, увы, не первым) потрясением. Не мог поверить, что такое вот симпатичное существо в белых гольфиках и с новеньким красным галстуком (только что приняли в пионеры) могло обворовывать тех, с кем рядом играл, учился фехтовальному бою, отдавал салют отрядному знамени! Мелькнуло даже в голове беспощадное слово: «Вероломство!» Ну, молодой еще был, идеалист во

многом, хотя, казалось бы, пора поднабраться горького опыта. Думал, что если ты к кому-то с доверием, то и они к тебе тоже — все и всегда. Особенно такие вот доверчивые и бесхитростные на первый взгляд детки. А они — вот...

Стасик при объяснении с нами даже не особенно смутился, тут же понятно снял пионерский галстук, сказал, что «большие парни меня заставили, пугали», и убедительным шепотом попросил:

— Папе не говорите...

А чего там «не говорите», если отца вызвали в милицию...

— Ох и врежет ему опять папа... — горько вздохнула Стаскина сестра-пятиклассница, когда мальчишку отпустили со сбора.

— Как врежет? Почему опять? — сразу напряглись старшие ребята, капитаны.

— Да он его всегда так... Если что не так...

— Ты вот что, пригласи-ка папу в отряд. От разговора все равно не уйти, — сказал я сестре Стасика.

Папа откликнулся на приглашение через три дня. Этаким ладный (только малость кругловатый) майор артиллерии в тугих сапожках и ловко подогнанной форме, преподаватель военного училища, что располагалось неподалеку от «Каравеллы», на краю Уктусского леса. Держался вежливо и с пониманием ситуации. Принес извинения за сына. Признался, что опасается неприятностей, если «инцидент» станет известен командованию, но...

— Что заслужил, то заслужил, деваться некуда. Остается одно: усилить воспитательные меры. Раньше я этого голубчика тоже учил крепко, потому что и прежде замечал за ним *всякие склонности*. Но от случая к случаю. А теперь начал регулярно и ежедневно.

И этот гладковыбритый папа в погонах начал подробно, с деталями излагать, какие теперь применяет меры. Как сын, запертый в комнате, сперва обмирает в ожидании «процедуры», как потом эта «процедура» готовится и как протекает.

По правде говоря, я холодел. И думал: «Сволочь, это же *твой сын*». И сдерживал вполне отчетливое желание вляпать по округлой блестящей щеке. Потом остановил разговорившегося папашу, который возбужденно облизывал розовые губки.

— А вы не пробовали хоть раз поговорить со Стасиком по-доброму?

— А как «по-доброму»? Он сжимается, будто мышонок, и талдычит: «Больше не буду»... Вот и приходится добираться до ума через другое место...

— Вот что, майор... — (так и сказал, без «товарищ»). — Сына вы успели поломать изрядно. Вряд ли сейчас его можно вернуть в отряд, не приживется после всего, что было. Но одно для него я все же сделать могу. Если я узнаю, что вы еще раз ударили мальчика, я гарантирую вам свидание с военным прокурором. Я, помимо всего, корреспондент центральной прессы и обладаю определенными полномочиями.

Розовость несколько спала с майорских щек. Он не возмущился, не заспорил. Пообещал, что примет во внимание мои слова, и распрощался.

Сестра говорила, что больше он Стасика не трогал. Впрочем, скоро она ушла из отряда. Боюсь, что из-за брата: трудно было вспоминать случившееся.

А про Стасика его одноклассники рассказывали, что с ним «вроде все нормально». Учится не хуже других, ни в чем плохом не замечен. Вскоре опять стал ходить в пионерском галстуке...

Мне, однако, от такой «нормальности» было не легче. Я понимал, что во многом виноват отряд и прежде всего я сам. Надо же, придумал тогда: «Вероломство!» Никакого вероломства не было, был страх задерганного, не наученного доверию к людям мальчонки, зажатою ужасом между собственным папашей и живущими по соседству хулиганами. Ему бы рассказать в отряде, как грозит ему шпана, однако *доверия к себе отряд воспитать у мальчишки не успел*, соседские хулиганы и жулики были ближе, грозили реальной опасностью, страх (который и дома, и на улице) заслонил все на свете...

Женька

Впрочем, Стасик — это все же только грустный эпизод давнего прошлого. В конце концов, и в отряде-то этот мальчишка был всего полтора месяца. Другой пример, который помнится и сейчас, через тридцать с лишним лет, гораздо

драматичнее. Никак не назовешь его эпизодом. Потому что Женька был в «Каравелле» несколько лет, со второго класса по седьмой. Казалось — кровь от крови, плоть от плоти отряда.

Недавно один из взрослых друзей «Каравеллы», работающий на киностудии, отыскал там в архивах документальный фильм «Ветер и паруса». Двадцатиминутная лента, снятая в 1970 году, о набирающем силу ребячьем парусном отряде (на яхтах мы тогда ходили только первый год). Хороший фильм, он, говорят, даже взял тогда какой-то приз в Мурманске, на конкурсе документального кино про море (хотя моря в нем ни капли, только наше Верх-Исетское озеро). Ну и вот, смотреть бы сейчас на себя, молодого, на ребятишек того времени (у некоторых теперь уже внуки), предаваться сладкой ностальгии по прошлому и радоваться, что отряд жив до сих пор. Но... там в кадрах везде горнист Женька.

Без него невозможно было представить тогда отрядную жизнь. Вот он в фильме про Золушку играет лихого чертенка, вот он на палубе балтийского тральщика дует в блестящий горн, подавая сигнал к началу морской игры; вот несется под парусом над волнами; вот смеется вместе с друзьями-мушкетерами, салютуя рапирой летнему утру... Фотоснимки, кадры хроники, игровые фильмы... Он был с нами в Москве, в Риге, в Севастополе на барке «Крузенштерн», где тогда снимался гриновский фильм «Рыцарь мечты». Веселый нрав, готовность взяться за любое дело, обаятельная улыбка. Артисты на «Крузенштерне» звали его «Джон Ланкастер», потому что вторым Женькиным именем было веселое прозвище Джон...

Севастополь был в шестьдесят седьмом, фильм «Ветер и паруса» в 70-м, а через год Женька стал мрачноватым, замкнутым, каким-то уклончивым... Переходный возраст? Ну так что же? Его ровесники в отряде тоже достигали этой «опасной черты» — и ничего, обходилось без неприятностей. А Женька все чаще стал проводить время в блатной компании на улице Самолетной.

— А чего... — отвечал он на упреки. — Там нормальные парни, с ними тоже интересно. Они мои друзья, а друзей не бросают...

Друзей не бросают, но рано или поздно приходится делать выбор: где именно твои друзья? Женька сделал.

Пресс-центр «Каравелла» долго и старательно готовил для областной газеты материал о распоясавшейся уктусской шпане. Это была не просто хулиганская компания, а уже сложившееся сообщество с уголовной «философией» и соответствующими делами. Оно третирировало в округе и ребяташек, и взрослых. Женька знал о подготовке статьи, от него по привычке ничего не скрывали. Ведь несмотря ни на что — все же свой до мозга костей... А этот «свой» пошел к *тем* и подробно, с беззаботным смехом и в подробностях изложил им планы пресс-центра...

Статья в газете «На смену», разумеется, все равно вышла (помню, называлась «Сережа играет на трубе»), но эффект и результаты оказались, конечно, слабенькие. Да и никого в отряде уже не волновали эти результаты. Все были ошарашены Женькиным поступком. «Все равно что мина под днищем», — сказал барабанщик Вовка, бывший Женькин приятель...

Сейчас, вспоминая и сопоставляя события тех давних лет, я вдруг спохватываюсь: а ведь случай с Женькой-то был раньше истории со Стасиком. Почему же она, Стаськина история, тогда ударила меня, будто первый в жизни «педагогический провал»? Наверное, потому, что каждый мальчишка, каждая девочка, с которыми имеешь дело, не часть общей массы, а «отдельные», неповторимые личности, и всякая боль, связанная с ними, — новая, «самостоятельная» боль...

Конечно, предательство Женьки было не в пример страшнее воровских приключений запутавшегося мальчонки Стасика. Уж оно-то без всяких оговорок могло называться вероломством. Мы не раз обсуждали с ребятами Женькин случай, пытаюсь докопаться до причин.

В самом деле, что его на это толкнуло?

Трусом он не был. Дома не знал никакой «ременной педагогики», у мамы и папы — любимый сын. В отряде — товарищеская привязанность и уважение ребят. Множество инте-

ресных дел. И к парусам он, казалось бы, привязан был всей душой...

— Может быть, у него что-то с головой? Ну, это... психическое заболевание? — высказал предположение Валерик Кузнецов (кстати, будущий психиатр).

На лицах появилась надежда: если так, то хотя бы в какой-то степени Женьку можно оправдать.

— Да бросьте вы, — хмуро отозвался Саня Бабушкин (в ту пору уже курсант военного училища). — Заелся мальчик. Все ему стало привычно, неинтересно, захотелось в жизни «новенького»...

— Но не такой же ценой, — возразила Иринка Чеснокова.

В самом деле, случалось и раньше, что ребята, какое-то время состоявшие в отряде, потом, повзрослев, уходили и оказывались в сомнительных компаниях. Да, не часто, но случалось такое (незачем идеализировать и давнюю, и нынешнюю жизнь «Каравеллы»). Но никто из них не таил обиды на отряд и никогда не пытался вредить ему. Наоборот, бывало, сделавшись взрослыми, отслужив в армии, приходили по старой памяти в кают-компанию и на причалы, вспоминали, «как было тогда здорово и какие дурни мы были».

Как-то глухим осенним вечером несколько дышащих перегаром парней (из тех, кого «общественность» натравливала на «Каравеллу») обступили меня в безлюдном переулке. «Ну чё, писатель, поговорим без свидетелей?» И вдруг врезался в их окружение еще один, с яростным придыханием: «А ну отвали, сволочи! На кого лезете! Охренели, да?! — Раскидал несколькими движениями. А мне сказал, как давнему знакомому: — Иди, Слава, спокойно. Еще сунутся, пообрываю гадам все на свете...»

Оказалось, и правда знакомый. Бывший четвероклассник Юрий, которого я когда-то учил держать рапиру и ставить палатку. Недолго был в отряде, но, значит, что-то осталось в душе...

Впрочем, и у Женьки, видимо, что-то осталось. Однажды мы с ребятами увидели, как он, уже почти взрослый, остановился с двумя полупьяными дружками напротив отрядных окон (жил-то все так же неподалеку).

— Ты чего, Евгений? — спросил я (признаться, настороженно).

Он чуть улыбнулся (черт возьми, знакомо так):

— Да ничего. Детство вспомнилось...

Память детства не спасла Женьку. Скоро он за какие-то дела оказался в тюрьме. И — по разным сведениям — то ли умер там от болезни, то ли был убит сокамерниками.

Никто не стал убирать из отрядных альбомов Женькины снимки, вырезать из фильмов кадры. Да и невозможно. Несколько лет Женька был «наш», и никуда от этого не денешься. А потом... может, и правда болезнь? Какой-то сдвиг, заставивший мальчишку против воли забыть и бросить все, что раньше было дорого?

Таких горьких случаев за сорок пять лет отрядной жизни было несколько. *Всего* несколько на фоне в общем-то немалых славных дел, на фоне памяти о множестве замечательных ребят. А вот крепко сидят в голове, и печаль с годами не становится меньше.

Однажды (давно еще) ветеран отряда Алик Сидоропуло, иногда склонный к философским сентенциям, заметил по такому поводу:

— Оно как болячка на пятке у слона. Слон большущий, здоровый, крепкий, а болячка маленькая, но вот не дает покоя, и потому он больше думает о ней, чем о себе целиком...

Посмеялись. Но печаль, конечно, не исчезла.

Здесь сделаю отступление и коснусь темы, которой не раз (не без ехидной нотки) касались в беседах наши оппоненты. «Ну да, ваш отряд хорош, — говорили они. — Однако вокруг столько хулиганов, правонарушителей, по которым плачут спецшколы и колонии. Почему вы не работаете с трудными подростками?»

Отвечу сейчас так, как отвечал тогда, честно и с сожалением. Нам эта задача была не по силам. Окружавшая нас шпана была в основном старше по возрасту и достаточно прочно пропитана уголовной идеологией, агрессивностью, убеждением, что все хорошее достойно отторжения и осмеяния. Ребячья группа из трех десятков человек девяти-тринадцати лет и нескольких юных командиров вынуждена была

жить в глухой обороне. Тем более что и скандальные соседи, которым якобы мешали наши горны и барабаны, и даже школа склонны были поддерживать хулиганов, лишь бы «показать этим пионерчикам, что тут им не место...». Разные интеллектуальные уровни — с одной стороны корреспондентский отряд литературного журнала, с другой — парни с дремучим сознанием, для которых выпивка и сомнительные похождения были основным содержанием жизни (какие уж там книжки!) — практически не оставляли точек соприкосновения.

Иногда нам удавалось оттянуть от этих компаний младших ребяташек, но не часто. С другой стороны, и «противник», бывало, наносил нам потери — вспомним те же истории с Женькой и Стасиком...

Чтобы перевоспитывать таких подростков, которые оторвали у нас Женьку, нужен был Макаренко с его системой жестких традиций, рожденных жизнью четко организованного замкнутого коллектива. Или знаменитая в шестидесятых годах «Бригантина» тульского журналиста Евгения Волкова. Женя создал эту организацию специально для «перековки» четырнадцати-семнадцатилетних ребят, «подверженных растлевающему влиянию улицы». Человек волевой, талантливый, твердый, он многого добился в своем деле. Но, разумеется, партийно-комсомольские власти усмотрели в его работе излишнюю самостоятельность, «отход от принципов» и не простили такого «отхода»...

Что касается нашей «работы с трудными», то оппонентам мы отвечали так: «Мы берем к себе маленьких ребят, которые трудными стать еще не успели. И стараемся, чтобы такими они не становились никогда». Так оно и было на самом деле. И в большинстве случаев получалось, несмотря на отдельные горькие эпизоды...

О ЧЕСТНОМ СЛОВЕ

Вдруг спохватился, что, начав рассуждать на тему доверия, увлекся и написал об этом больше, чем обо всем остальном. Видимо, потому, что *доверие между сообществом и личностью* — одна из главных составляющих в жизни коллекти-

ва (во как стал выражаться, будто в диссертации!). А печальные примеры — так это как бы «доказательство от противного». Ну и опять же — «болячка».

Мало того, хочется коснуться еще одного грустного случая, тоже имеющего отношение к вопросу о доверии (вопросу, кстати, непростому и даже опасному).

Есть у меня рассказ «Штурман Коноплев», совершенно документальный. Только имя главного персонажа в нем изменено, однако я таким его здесь и оставляю: Сережка Коноплев. Суть рассказа в том, как одиннадцатилетний штурман ребячьей флотилии, скучая на вахте, подрисовал на фотоснимке в альбоме нескольким мальчишкам усы. Народ обиделся, стали выяснять, чьих рук дело. Командир потребовал: «Пусть каждый даст честное пионерское слово, что не виноват!» И Сережка вместе с остальными, с перепугу, дал такое слово: не я, мол. И почти сразу выяснилось, что все-таки — он.

Одно дело, когда обычное баловство, другое, когда ты даешь отряду честное слово и оно оказывается ложным (а в отряде пионерское слово ценилось ого-го как!)...

Все-таки пожалели Сережку, не исключили совсем. Но звания лишили и — самое тяжкое — потребовали снять галстук. За то, что нарушил общее доверие... И ходил Сережка неделю за неделей, мучаясь своей виной, пока однажды шквальный ветер не сорвал с отрядной мачты флаг. Сережка героически, рискуя, напрягая все силы, добрался до верхушки мачты и продернул в блок вылетевший фал. Делая это, он не думал ни о подвиге, ни о прощении, думал только о флаге. Но оказалось, что спустился на землю он уже с правом на прежнее штурманское звание и красный галстук.

Повторяю, что рассказ (невзирая на некоторую хрестоматийно-пионерскую назидательность) абсолютно достоверен. И, собравшись написать его, я даже спросил Сережку: можно ли рассказать эту историю, не обидится ли он? Сережка ответил в том смысле, что раз оно так было, то обижаться нечего... И рассказ потом печатали неоднократно, включали во всякие учебные сборники, даже выпустили по нему диафильм.

Но через какое-то время (не сразу, через годы) меня стало

грызть ощущение неправоты. Может быть, потому, что вдруг вспомнилась история из собственного детства.

Тогда у нас в пятом классе появилось увлечение «пистолетиками», сделанными из резинок и катушек для ниток. На уроках палили сухим горохом по чужим ушам и затылкам. Представляете, как весело было? Нам, конечно, а не учителям. Те пожаловались классной руководительнице. Она взялась за дознание. Тем, кто был «взят с поличным», пришлось каяться, но заподозренных оказалось больше, чем виноватых. Александра Ивановна вызывала подозреваемых к доске и требовала честного пионерского, что не стрелял. Те, кто был ни при чем, давали слово охотно. Но был среди них и виноватый (угрюмый белобрысый Владик, новичок), который тоже дал слово. Пробубнил, глядя в сторону. Слову его «классная» не поверила и вместе с другими стрелками «прописала» в стенгазете «За учебу!». А наш принципиальный председатель совета отряда Генка Николаев сказал:

— Эх ты! Стрелял ведь, а слово дал. Тебя за это надо из пионеров...

Но никто не поддержал председателя (да он и не настаивал). А второгодник Сашка Шуров сумрачно возразил:

— Это Александра виновата, а не он. Потому что она сделала... припиране к стенке. Так нельзя...

Странно, что эта история не вспомнилась мне при случае с Сережкой Коноплевым, а всплыла в памяти лишь потом, когда я перебирал детские фотоснимки. И я подумал: «А ведь в самом деле получилось «припиране к стенке». И понял (вернее, сперва почувствовал), что и в первом, и во втором случае *так* поступать было нельзя.

Потому что человеку не оставляли выбора. Он должен был или поступиться честью, или сам обречь себя на неминуемую расплату (пусть и заслуженную). И здесь ситуация строилась уже не на доверии, а на какой-то механической правде, как в шахматной партии, когда загнанный в угол король получает мат при любом из ходов. А ребенка загонять в угол нельзя, особенно когда это делают его же товарищи. Даже если он виноват. Даже если это делается (на первый взгляд) во имя справедливости. Механическая игра с норма-

ми морали несовместима с доверием, при котором только и возможна свобода нравственного выбора...

Хорошо, что у Сережки Коноплева этот случай не оставил большой отметины в душе. Сережка слишком доверял отряду, чтобы усомниться в справедливости его требований. И не заметил, что в отношении к нему настоящего доверия проявлено не было.

Честное слово должно даваться добровольно, а требовать его... нечестно.

Опять, кажется, съехал к диссертационному тону. И вообще затянул рассуждения. Но это — из желания помочь тем, кто в нынешние времена возьмется работать с ребятами. Хочется сказать: не играйте бездумно такими тонкими и сложными инструментами, как честное слово, клятва, торжественные обещания.

Вспомнив случай с пятиклассником Владиком и перелопатив в голове все соображения на этот счет, я в отряде стал удерживать инструкторов от попыток ввести для принимаемых в «Каравеллу» ребят всякие ритуальные обещания и присяги. Потому что дети есть дети. Мало ли при какой ситуации кто-то из них может не выполнить данную клятву? И что, после этого ходить клятвopеступником?

Вспомните, сколько «клятвopеступников» рождала пионерская организация.

Как там было при вступлении? Кажется, так: «Я, такой-то, вступая в ряды Всесоюзной пионерской организации имени Владимира Ильича Ленина, перед лицом своих товарищей торжественно обещаю: горячо любить свою Родину, жить и учиться, как завещал великий Ленин, как учит Коммунистическая партия, всегда выполнять Законы пионеров Советского Союза...»

Многие ли из девятилетних пацанят знали, что там завещал Ленин и чему учит партия? Все ли помнили законы пионеров и тем более все ли их выполняли? А любовь к родине? Как можно заставлять обещать заранее горячо любить кого-то или что-то? Любовь ребенка всегда ответна, она отклик на любовь матери и отца, доброго учителя, хороших друзей. Если родина заботлива и добра к детям, если они чувствуют ее

любовь, значит, будут любить и ее, родину. Без обещаний. Просто душой...

Когда в «Каравелле» вручают закончившему стаж кандидату шеврон полноправного члена флотилии, этим ему как бы говорят: мы принимаем тебя в наше содружество, значит, мы верим тебе. Этого достаточно. Доверие не требует клятв.

Мне кажется, те ребячьи сообщества: клубы, отряды, флотилии, студии, экипажи, команды, — которые станут возникать в будущем, не должны повторять ошибок пионерской организации, не должны ожидать, что доверие внутри таких коллективов возникнет в результате торжественных обещаний. Оно может возникнуть в результате общих совместных дел, товарищеских отношений, уважения каждого к каждому и к сообществу в целом.

Понимаю, что многие не согласятся со мной и в качестве контраргументов приведут мои же недавние грустные примеры. Но пожилые ветераны «Каравеллы» (иные уже с седой), которые нередко собираются вместе, чтобы вспомнить былое и подумать, чем они могут помочь нынешней флотилии, мне кажется, согласятся. Потому что, несмотря на многие сбои, ошибки и потери, сохранили доверие друг к другу и к отряду...

Хотим быть вместе. Но зачем?

С самых давних времен (уверен, что с неандертальских) детям хотелось быть вместе. Так им было интереснее жить, играть, узнавать об окружающем мире, учиться быть похожими на взрослых и в то же время создавать свою, ребячью вселенную, в которой жизнь течет по законам детства.

Главным в этой жизни была игра, если даже она содержала в себе дела нешуточные — например, шумовые эффекты при участии в облаве на мамонта, сбор пуль и ядер для защитников севаcтопольских бастионов или (увы) попытки обчистить соседний сад, угнать лодки с водной станции, сойтись в нешуточной драке с компанией из другого района... Жить интересно! А что в этом интересе полезного, что вредного — разобраться получается не всегда.

Судя по всему, так было и в античную эпоху, и во времена баронов и рыцарей, и в дни Тома Сойера. И так же оно сей-

час... Одинаково увлекательно совершать благородные поступки и пускаться в дела, где благородства ни на грош. Главное — щекочущий нервы риск, азарт, заражающая тебя лихость приятелей, ветер приключения... И никто не объяснил толком, что смелость хороша лишь там, где помогает справедливости, что всякое умение должно служить добру. Да и что такое это самое добро, всегда ли в детские годы осознано до конца?

Да, конечно, добру учили во все времена. Везде по-своему и со своих позиций. А детское сознание (порой достаточно эгоистичное и гибкое) умело находило свои контраргументы наставлениям пастырей, педагогов, родителей и вообще всех, кто пытался держать в узде и учить уму-разуму подрастающее племя.

В ребячьих мозгах жило понимание (иногда, кстати, вполне обоснованное), что «они нам вдалбливают свои правила и поучения, потому что это надо для удобства именно их (взрослых)».

А дети хотели жить по-своему. И в ответ на упреки всегда находили ответ. Начиная от примитивного: «А чё...» и кончая более развернутыми формулировками: «Вы только и знаете, что вдалбливать нам: делай так, не делай этого, а сами...» «Если вас слушать, можно вообще сдохнуть от тоски и усталости...»

То есть оправдания можно было найти во все времена и во всех ситуациях. Независимо от того, строились они на правде или хитрости.

Детство автора этих строк тоже далеко не безгрешно. Компания на тюменской улице Герцена, в которой я проводил большую часть своего «уличного» времени, отнюдь не была тимуровской командой. Грехов хватало. Однажды осенью, например, затеяли «партизанскую» игру: темными вечерами занимали позицию наверху забора, выходявшего на соседнюю улицу Дзержинского, и бомбардировали редких прохожих комками мерзлой грязи и щепками с ближнего дровяного штабеля. А потом, издав боевой клич: «Ура, бей фрицев!», удирали в глубину двора, за сараи и поленницы. Веселье и героизм!.. В глубине души и я, и мои приятели: Толька Рыжий, Вовка Покрасов, Семка Левитин, Амирка

Рашидов — понимали, что дело наше несправедливое. Но быстро соорудили для себя оправдательную формулу, что «все они (то есть взрослые) — *такие* (то есть подлые, вредные и вообще заср...) и так им и надо». В самом деле, разве они не такие? На днях какая-то горластая тетка выкинула из очереди за мукой Вовку, который эту очередь честно занимал; вчера соседка Рыжего Таисия Тимофеевна нажаловалась на него, будто он у нее под дверью стрелял охотничьими капсюлями (а он грохнул всего раз, да и то не у двери, а на лестнице); совсем недавно какие-то незнакомые дядьки явились в сквер у цирка и заорали на ребят, чтобы не смели играть там в футбол; а сегодня на уроке учитель немецкого по фамилии Цвиккер вкатал мне двойку только за то, что я забыл дома тощий самодельный словарь, хотя все слова я и без того знал наизусть... В общем, все они один другого стоят. И следовательно, все взрослое сообщество заслуживает мести...

Эту нашу аргументацию, однако, не воспринял один из лидеров старшей компании (по прозвищу Атос), к которой мы иногда примыкали для общих игр. Узнав о наших подвигах, он спросил в лоб:

— Вы что, о...ели? — И пообещал: — Еще раз узнаю, черта с два кого-нибудь возьму в команду, даже тебя, Рыжий!

Речь шла о команде для футбольных состязаний, которые не прекращались на окрестных лужайках и в скверах до зимы. Рыжий Толька — лихой и почти «непрошибаемый» вратарь — изрядно струхнул и сказал, конечно: «А чё я...»

А финальное слово произнес наш ровесник Вовка Пятеников, оказавшийся при этом разговором:

— Вы, парни, почто совсем спятили? Переутомились мозгами в школе, да? Те люди вам чего плохого сделали? А если бы на ваших матерей кто-нибудь вот так в темноте?..

Вовка был человек умный и начитанный, деревенское «почто» (вернее, «пошто») любил вставлять в свою интеллигентную речь только ради оригинальности и отличался здравостью суждений. Его аргумент про матерей возымел остужающее головы действие (я тут же представил маму под такой «бомбардировкой»). Сказать было нечего, оставалось сопеть с остатками независимости на рожах...

Прочитай нам кто-нибудь из взрослых мораль по такому поводу, едва ли она всерьез расшевелила бы нашу совесть. Но тут «воспитателями» оказались совершенно свои люди, представители нашего же уличного содружества. Как говорится, крыть было нечем, оставалось принять их логику, тем более что в глубине души мы ощущали ее изначально...

Потом, вспоминая детские годы и этот случай в частности, я думал: детский, сложившийся сам собой коллектив способен быть добрым, несущим в себе «позитивное начало», когда это начало внушают ребятам их же товарищи. Собственной убежденностью. Впрочем, такая убежденность может исходить и от взрослого лидера, но только в том случае, когда ребятам признают его за равного и, видя в нем старшего авторитета, в то же время с ним «на ты» (иногда в переносном, а иногда и в прямом смысле). Такое единство лидера и сообщества дает возможность вырабатывать совместные нравственные принципы и не вызывает ощущения, что кто-то большой, «назначенный сверху» навязал ребятам эти нормы. «Нет, — понимают те, — мы живем так, потому что решили это сами».

Так бывает обычно в более или менее сложившемся коллективе (или, используя принятый термин, в отряде).

До сей поры речь шла именно об отдельно взятом отряде. А сейчас, когда речь то и дело заходит о создании (или, если хотите, воссоздании) большой детской организации, встает вопрос о каких-то общих нормах (законах, постулатах, позициях, нравственных категориях — как хотите), которые объединяли бы отдельные ее звенья так же, как объединяют мальчишек и девчонок отряды.

II. ОРГАНИЗАЦИЯ

«Одуванчики»

Казалось бы, дело нехитрое. Кликни клич, и найдется немало «опытных специалистов», методистов с тридцатилетним стажем, отставных и «ныне востребованных» деятелей Минпроса и ностальгирующих по лагерным ритуалам тетенек-вожатых, которые тут же примутся разрабатывать струк-

туру, проектировать, вычерчивать схемы, расписывать положения и нормативы. Их, таких деятелей, кстати, все еще немало в тех остатках прежних детских союзов и объединений (существующих в основном формально), прижившихся при всяких администрациях и ведущих тихое нехлопотное существование. Но к старому возврата нет (и слава Богу!). А если говорить о нормах жизни *новой* организации, сначала надо задать себе вопрос: зачем такая организация нужна?

В общем-то мы уже говорили об этом: чтобы помогать детям расти творческими личностями, противостоять идеям злобы и агрессии, культивировать добро и жить для пользы человечества (звучит, конечно, чересчур глобально — но это для упрощенности изложения; и в целом все равно правильно).

«Вы что же, полностью хотите выкинуть за борт педагогики многолетний опыт пионерской организации? — слышится мне хор слегка очухавшихся после «перестроечных» потрясений оппонентов. — Да вы же сами столько лет работали под ее знаменами!»

Ничего я не хочу выкидывать. И пионерские знамена до сих пор с почетом хранятся в специальной комнате «Каравеллы». И выносятся перед строем на торжественных сборах. И не один десяток лет пресс-центр и флотилия официально числились отдельной дружиной пионерской организации. Во-первых, иначе существовать тогда было просто невозможно. Во-вторых, «Каравелла» действительно много доброго впитала в свой опыт из жизни и традиций пионери.

Мы всегда оставляли в стороне — как бы по общему согласию «выносили за скобки» — «классовую сущность» этой организации («мы пионеры — дети рабочих...»), не принимали во внимание попытки официального руководства внушать детям оголтелый атеизм, не обращали внимания на трескучие лозунги, что пионеры — смена комсомола, который в свою очередь — смена КПСС. Мы брали для себя поэзию костров и походов, память о юных партизанах и сынах полков, о тимуровских командах и фронтовых бригадах военного времени, о героической работе пионеров пятидесятих годов по озеленению городов и сел. Мы воспитывали в

мальчишках и девчонках верность красному галстуку как символу ребячьего содружества всей страны. Мы всегда любили песни о веселом ветре, об Орлятском звездопаде и юном барабаншике. (Впрочем, и своих песен подарили пионерской организации немало.)

И мы никогда не принимали казенного духа, политической зашоренности, искусственного бодрячества и всеобщей обязательности, насаждаемых центральным руководством ВПО и недремлющим Минпросом.

Мне пришлось читать немало статей о недавнем прошлом пионерии, и почему-то нигде я не встречал простого понимания, что организация была неоднородна. Если смотреть чуть пристальнее, то видно: фактически их было две.

Одна — та самая, которая волеизъявлением руководителей страны в тридцатых годах была отдана под власть школьного начальства. То есть директоров, завучей и соответствующих инструкторов наркомпроса. Были, конечно, в школе и вожатые отрядов (отличники и хорошисты старших классов, боящиеся вздохнуть без позволения учительницы), и старшие вожатые (чаще всего девочки на побегушках при завучах по воспитательной работе). Но реальная власть оказалась в руках классных руководительниц. Те вовсе не радовались этому обстоятельству — лишние хлопоты на их без того замороженную голову. Но деваться было некуда, и оставалось приспособить пионерское движение для своих насущных целей. Целей было две: 1) чтобы дети учились без двоек; 2) чтобы «делали то, что я сказала». При добросовестном выполнении этих требований отряду-классу были гарантированы всякие вымпелы, почетные звания («Спутник семилетки», «Маяк школы», «Передовик дружины» и т. п.), а классной наставнице благосклонность школьного руководства и, возможно, какие-то скромные награды.

Таким образом, школа полностью подчинила организацию ребят своим прагматическим требованиям. Тем более что и руководством всех мастей и рангов это одобрялось. С давних пор сидят в голове многозначительные строчки какого-то детского поэта:

Оценки в журнале — вот высшая мера,
Судить по которой должны пионера...

Ростки всякой ребячьей демократии были старательно выполоты, как сорняки с морковных грядок. Все было подчинено строгому школьному регламенту. Класс — отряд. Звенья в классе (не всегда, но часто) — по рядам парт. Если Марь-Иванна пересаживала вертлявого Петьку Иванова с одного ряда на другой, он автоматически переходил в иное звено. («Что значит *привык к тем ребятам!*? Сначала привыкни вести себя как следует, а потом рассуждай!») Были времена, когда командиры отрядов («председатели совета») назначались учителем. А если и выбирались, то, как правило, под нажимом того же классного руководителя.

Пионерские отряды двадцатых и начала тридцатых годов жили, проявляя свою инициативу, исходя из понимания интересов страны и времени (понимания часто ошибочного, максималистски детского, но порой и очень правильного; и, по крайней мере, с искренними устремлениями). Обучали азбуке неграмотных взрослых, боролись с пьянством отцов, клеймили на демонстрациях «ременную педагогику», собирали средства для иностранных безработных, возились с малышками-октябрятами, устраивали настоящие палаточные (без вхохчущих тетушек в белых халатах) лагеря, воевали со скаутами (хотя свидетели тех времен рассказывают, что пионерские и скаутские отряды иногда мирно существовали рядом друг с другом — и слава Богу)...

Пионерское содружество тогда вбирало в себя *тех, кто хотел*. Мальчик и девочка могли вступать в пионеры, а могли обойтись и без этого. Отряды были *добровольными объединениями*.

Попав под власть школы, организация лишилась абсолютно всех элементов добровольности. Она, по сути дела, перестала быть организацией, а сделалась возрастной категорией (так же как ее «подготовительная ступенька» — октябрята). В первом классе все ученики получали звездочки с портретом Володи Ульянова (который сам октябренок, естественно, никогда не был), а достигнув девяти- или десятилетнего возраста, хором зачитывали Торжественное обещание юного пионера и начинали носить красные галстуки. Эйфории хватало обычно на неделю-две. Затем начиналась рутина. Выяснялось, что главная задача пионера все та же:

«Учиться, учиться и учиться...» (а зачем тогда галстук?) Сборы похожи на дополнительные уроки и классные часы («Петров, тебя зачем принимали в пионеры? Чтобы ты чесал языком с соседом, когда твои товарищи по кл... по отряду готовятся к мероприятию? Сейчас пойдешь в коридор!.. Итак, начинаем сбор. Атрибутику к доске!.. Горнист и барабанщик — к доске, я сказала! Давайте сигнал к открытию сбора! Да не так громко, в соседнем классе урок...»)

Или так:

— Кто завтра не явится на сбор металлолома, пусть заранее готовит дневники! Для двойки по поведению за неделю!

В конце семидесятых мне пришлось (увы, не первый и не последний раз) «влезать» в заурядный школьный конфликт, связанный с директором, до того момента весьма ценным педагогическим руководством. Узнав про директора «много всего», я вынужден был пригласить с собой представительницу облоно и стремительно приехать в школу. (Потом была шумная статья «Смотреть не только в ведомости» в газете «Уральский рабочий».) Ошарашенный директор, в присутствии пострадавших школьников, был вынужден согласиться, что «да, случалось». Раздавал подзатыльники, таскал детей за волосы, насильно стриг, орал, оскорблял прямо на школьных собраниях и... ну, в общем, вполне характерный педагог советского времени. Он признавал «ошибки» и оправдывался: «Да, не сдержался... да, вспылил... ну, не так уж и часто... нервы, здоровье, жена болеет... они хоть кого доведут... обещаю, что впредь...» (О, сколько прочитавших эти строчки сейчас сочувственно пожимают!) Но в одном он не мог понять своей вины. Почему ему предъявляют претензии за то, что нескольким мальчишкам он выставил двойки по поведению в четверти — за то, что не участвовали в пионерской игре «Зарница»? Здесь-то что он сделал неправильно? Они злостно нарушили дисциплину, пренебрегли интересами школьного коллектива! Разницу между обязательной учебной программой и пионерскими делами директор просто не мог осознать. И мысль о том, что в данном случае поведение ребят должны оценивать не учителя, а сами пионеры, казалась ему, видимо, выходящей за рамки здравого смысла...

Практически так было в большинстве школ...

Не принятых в пионеры школьников соответствующего возраста были единицы. Выйти из организации по своему желанию или несогласию было немислимо. Поступивший так (или — что еще хуже — исключенный из организации за какие-то грехи) ученик становился изгоем. Самым страшным оказывалось даже не отношение окружающих, не родительские кары, а собственное чувство отлучения от ребячьего сообщества, от привычной среды, ощущение своей неполноценности. «Душевные муки» делались порой нешуточными. Об этом, кстати, есть написанная в давние сороковые годы пьеса С. Михалкова «Красный галстук» — совсем не такая «примитивная, лобовая и пропагандистская», как иногда пытаются представить современные «критики», а умная и актуальная для той эпохи. Хотя и вполне, казалось бы, поддерживающая систему той, официальной пионерской организации...

Но была еще *вторая* пионерская организация — с великими трудами, риском, потерями, но и с определенными успехами отстаивающая право на свое существование, право ребят быть *настоящими пионерами* — юными открывателями жизни, творцами, следопытами, строителями, теми, кто хочет творить добро по своему детскому вдохновению, по велению сердца.

Возникали отряды вне школ. Рождались клубы, кружки, экипажи, спортивные команды, где хозяевами были ребята и выбранные ими взрослые командиры. То на убыль шло, то возрождалось опять движение этих коллективов, появлялись методики, возникали союзы, делались *конкретные добрые дела*.

Естественно, и минпросовские, и партийные власти своими чуткими ко всяким неутвержденным новшествам нервами улавливали в этих объединениях опасность для своей чиновничьей заскорузлости, для стабильности замшелой педагогической системы (два основных требования которой я уже упоминал). «Самостийные» (и «полусамостийные») ребята объединения подвергались проверкам, запретам и разгонам, лидеры — санкциям всякого рода и отлучениям от работы с детьми. Но это было похоже на борьбу с одуванчиками в городе Екатеринбурге (объявленными, как и могучие

тополя, сорными и вредными растениями) — их каждое лето старательно уничтожают деловитые дяди с газонокосилками, а в каждом мае одуванчики на радость людям снова отважно усеивают городские лужайки и обочины.

Так же, несмотря на всякие «санкции», продолжали возникать выбивающиеся из официальных рамок, но истинно пионерские отряды.

Мне кажется, что именно опыт этих вот «одуванчиков» следует прежде всего учитывать, если речь пойдет о детской организации нового типа.

«Барabanчики, вперед!»

Взявшись писать этот текст (как его назвать: книжка, брошюра, статья?.. ну не исследование же, елки-палки — какой из меня научный работник!), я полез в Интернет и там наткнулся на статью Ричарда Соколова — давнего руководителя ребячьего форпоста имени Шацкого в Москве — об истории коммунарства и других подростковых объединений в шестидесятых-семидесятых годах. И охнул...

Господи, ну все это уже было! И не раз! Появлялись, падалились, возникали снова детские объединения очень разных направлений и профилей (но всегда с хорошими целями), потому что потребность ребят в своей организации диктовалась самой их ребячьей сущностью, их природой, стремлением видеть рядом надежных товарищей и делать в жизни что-то интересное и полезное.

Можно вспоминать следопытов и разведчиков Сетон-Томпсона и Баден-Пауэла, русских скаутов начала двадцатого века, Российское общество юных разведчиков, возникшее среди питерских детей, волею Гражданской войны брошенных в двухлетнюю безжалостную эвакуацию и совершивших вынужденное кругосветное путешествие под опекой энтузиастов Американского Красного Креста (об этой одиссее рассказано в замечательной книге Владимира Липовецкого «Ковчег детей»; а РОЮР потом оказало немалое влияние на юную пионерию Петрограда). Можно писать о лагере «Орленок», который, в отличие от «правильного», образцово-показательного «Артека», всегда был «рассадником оппозицион-

ных идей». Можно отыскать прекрасную книгу Любви Кабо «Повесть о Борисе Беклешове» про ребячью Академию наук (и про горести ее беззаветного руководителя), можно распотать сотни историй о жизни то знаменитых (вроде «Фрунзенской коммуны»), то совсем безвестных ребячьих коллективов — иногда с грехом пополам дотянувших до наших дней, а чаще — сгинувших под неумолимым натиском чиновничьей и педагогической систем. Ибо то, что нужно детям, *совершенно не нужно* этим системам.

В давней отрядной песне «Каравеллы» о барабанщиках есть строчки:

Горьким горнов молчанием
Будет память пропета
Всем сгоревшим отрядам —
Маленьким кораблям...

Они действительно то сгорали, то шли ко дну, потому что были не нужны системе. Мало того, рассматривались как «источник крамолы», поскольку власти всегда отчаянно боялись тех, кто несет в себе зародыши самостоятельных мыслей и творческого подхода к жизни...

Сохранить себя удавалось немногим.

Но те, кто выжил, несут в себе немалый опыт детского движения, и если создавать новую организацию для ребят школьного возраста, надо учитывать опыт именно этих выживших и закаленных отрядов — *знающих*, для чего они живут.

Их, несмотря на «попытки искоренения», все еще немало. Они выжили не за счет каких-то спонсорских пособий и благосклонного отношения администраторов, а благодаря собственному упорству, единению ребят, самоотверженности их бескорыстных лидеров и пониманию, что они нужны друг другу и людям вообще.

Думая о создании новой организации, надо опираться прежде всего именно на эти ребячьи сообщества.

Они очень разные. И вовсе не следует пытаться подчинить их единым нормативам, общей системе управления, одевать в единую форму. Следует обратиться к тем, кто возьмет за дело объединения: «Ребята, давайте подумаем, как жить вместе, чтобы от этого была польза и нашим отрядам, и

окружающим людям». И основой объединения должны стать самые общие принципы (о которых я надоедливо твердил на протяжении многих страниц):

- товарищество;
- уважение друг к другу, к коллективу и к людям вообще;
- доверие;
- стремление к творчеству;
- уверенность в том, что твое дело приносит людям пользу;
- отрицание агрессии и убежденность, что нельзя самоутверждаться за счет силы;
- стремление к добру и человеческому общению.

Совокупность и осознание этих качеств помогают отдельным ребячьим сообществам ощутить родство душ.

На обложке одного из каравелловских альманхов «Синий краб» есть прекрасный снимок: группа барабанщиков из разных городов играет сигнал открытия общего сбора (кажется, это 1982 год). В летнем лагере под Екатеринбургом собрались уральские, подмосковные, крымские ребята, чтобы создать объединение юнкоровских отрядов (называлось «Звезда»). И создали. И оно работало несколько лет. Ему бы хоть капельку внимания тех, кто отвечал тогда в стране за работу с детьми. Хоть чуточку помощи и защиты от равнодушных и подозрительных бюрократов — может быть, жило бы оно и до сих пор. Закручивали бы хорошие дела по всей стране, выпускали бы общие газеты, собирались бы в летних лагерях, звали бы к себе новых и новых ребят, чтобы показать, как жить осмысленно и без злобной ошестиненности. «Для блага всей Земли...», как пел Андрей Миронов в знаменитом фильме «Человек с бульвара Капуцинов»...

Кстати, и до того, и потом были попытки таких объединений. И общие слеты, газеты, совместные дела... И сейчас «Каравелла» каждый год проводит в загородном лагере операцию «Оранжевое лето» (никакого отношения к украинской политике!), куда собираются не меньше десятка отрядов со всей страны. Но это же такая капля в море! И на грани вечной опасности срыва, потому что в следующий раз могут не помочь, не пустить, запретить, объявить это дело ненужным... Потому что все это зависит от доброй воли местного начальства, которая (то есть воля) в свою очередь зависит от

настроений, склонностей и субъективного отношения отдельных чиновников. И от местного (якобы всегда чахлого) бюджета...

Я смотрю на снимок, на лица барабанщиков, которые вскинули палочки в едином порыве. Они, эти ребята, хотя и очень разные, чем-то похожи друг на друга. Если бы не различные нашивки и эмблемы на барабанах, может показаться, что из одного отряда. Они и в самом деле едины по духу. Мне уже приходилось упоминать, что такие вот ребячьи сообщества — с похожим восприятием жизни, с одинаковыми нравственными постулатами — очень легко, как маленькие капли на гладкой поверхности, сливаются в одну большую каплю. Потому что однородны по своему «идейному веществу».

Начиная создавать организацию, следует иметь в виду именно такие, уже существующие, детские объединения. (Повторяюсь, да? Но это специально.) Они могут стать основой, костяком организации. Надо не бояться их кажущейся разношерстности, различия в направлениях деятельности, возможных противоречий, надо находить в них элементы общего, единых принципов, заботливо вычленять их и использовать как цементирующее начало. Ни в коем случае нельзя пытаться вогнать эти разные отряды в рамки единой программы. Программа организации не должна сочиняться изначально, не должна выписываться методистами на гладких листах с фирменными бланками, ей следует рождаться постепенно, исходя из опыта отдельных сообществ, интересов ребячьей жизни, реальных факторов современности и разнообразия отдельных детских объединений.

Да, единство и разнообразие. Довольно простая диалектика, которую, возможно, тут же примут в штывки (не на словах, а на практике) деятели, привыкшие к тому, что гармония должна царить прежде всего в документах...

В создании большой детской организации недопустимы спешка и казенщина. Если за дело возьмутся опять люди, которые будут видеть основной смысл своих усилий в требовании отчетности и планов, в составлении общих методик, в проведении конференций, в насаждении «педагогических экспериментов», чьи сценарии рождены в уюте педвузовских

кафедр, можно ставить на деле очередной крест. Да, собственно говоря, он сам не замедлит поставиться.

Задача руководства новой организации — не в создании «налаженной административной структуры», а в живом общении с каждым отрядом. Это руководство должно прививать отрядам понимание (и подтверждать его делом), что они теперь одна большая семья. Задача — в практической помощи этой семье, в защите ее от тех, кто захочет ей помешать и поживиться за ее счет, в умелой организации общих дел, где ребята почувствуют, что они действительно «все вместе». А не в устройстве парадных, для внешнего эффекта, мероприятий.

Иначе придется вспомнить набившую оскомину, но все равно актуальную формулировку: «Хотели, как лучше, а...»

...Небольшое лирическое отступление, эпизод для примера.

Несколько лет назад екатеринбургские чиновники от педагогики спохватились, что, оказывается, дело воспитания катится куда-то не туда и что, кажется, ликвидировав пионерскую организацию, они «с водой выплеснули ребенка». Решили что-то реанимировать. А для этого нужно хоть несколько живых клеток организма («оставшегося от...»). Вспомнили, что, несмотря на все их прежние усилия, живет до сих пор (и активно живет — надо же!) «Каравелла» и есть еще несколько близких ей по духу отрядов.

— Вот она, настоящая пионерия! — воскликнули представители взбодрившегося педагогического анклава и кинулись собирать «конференцию по возрождению». На конференции тут же принялись обсуждать первое мероприятие: детский слет.

— Значит, так! — ощутив прилив прежней вожатской энергии, распоряжались эти дамы. — Все начинается с выноса знамен. В каждой группе — три девочки и два мальчика. Они выходят на сцену и...

— Позвольте, — перебила методистов нынешняя руководительница пресс-центра и флотилии Лариса Крапивина, не искоренившая в себе прежние «вредные» привычки. —

В «Каравелле» четыре знамени, а вся знаменная группа состоит из шести, а не из пяти человек. И девочка там, кстати, только одна.

— Ну и что?! Переформируете ради такого дела!

— С какой стати? — изумилась Лариса Александровна. — Вы понимаете хотя бы, что такое *знамена* и *знаменная группа* отряда?

— Ну вот, — застонали инициаторши слета. — *Опять эта «Каравелла»!* Со своими принципами! С вами каши не сварить!

— Так ведь сами позвали, мы не просились, — резонно ответствовала нынешняя командор «Каравеллы».

«Кашу» все-таки попытались сварить, слет провели. А после него что? Правильно, дискотека. Как без нее в наше время? Дети не поймут...

Но представители «Каравеллы» в зал, где ревели и брякали электронные инструменты, почему-то не шли.

— Ребятки, что же вы стоите? — ласково обратилась к ним одна из организаторш. — Давайте, давайте, все должны веселиться...

— Но мы не можем оставить знамена, их негде запретить, — возразили «эти непонятные дети».

— Оставьте в гардеробной!

— И что, прямо там выставить караул?

— Да зачем караул, что случится с вашими флагами?

— О, Боже... — сказали «ребятки». — Ладно, пошли домой...

...Людей, не понимающих, что невозможно оставлять знамена в гардеробной (ни ради дискотеки, ни ради других столь же насущных дел), нельзя подпускать к работе в новой организации. Но ведь полезут же. Избежать этого — одна из многих задач...

Но более масштабная задача — рост состава организации. Чем больше мы увидим барабанщиков разных отрядов, играющих общий веселый марш, — тем лучше. Это, конечно, символический образ. Но хорошо, если он будет иногда и реальным...

Однако здесь все ох как не просто...

Те, кто появятся сейчас...

Существующие нынче отряды могут создать ядро организации. Но ведь задача — сделать ее массовой, чтобы как можно больше ребят набирались позитивного опыта и для нынешней, и для будущей жизни. Следовательно, надо создавать новые объединения. А это дело — потруднее объединения уже существующих отрядов.

Создание детского сообщества с «положительным зарядом» — дело более трудное, чем может показаться на первый взгляд. Это более или менее просто, если речь идет о формировании отрядов в летних лагерях. Такие отряды могут быть относительно дружными и совсем не дружными, активными и ленивыми, дисциплинированными и разгильдяйскими — все равно в ребятах и воспитателях живет понимание: это ненадолго, так или иначе скоро, через месяц-два, все кончится, нам вместе детей не крестить... А если необходимо создать дружное объединение, в котором придется «крестить детей» (иногда не только в переносном, но и в прямом смысле, поскольку представители отряда имеют обыкновение вырастать и порой жениться друг на друге), то здесь нужен совсем иной подход.

Прежде всего недопустима спешка. Процесс сплочения имеет свои законы, и нарушение их приведет к созданию формального, способного развалиться при первых трудностях сообщества. Я уже рассказывал, сколько времени понадобилось для создания относительно прочного, с элементами товарищества, коллектива в будущей «Каравелле». Возможно, у кого-то более опытного и профессионально подкованного это получилось бы скорее и легче, но думаю, что все равно не за месяц и даже не за год. Если, конечно, говорить о действительно сплоченном отряде.

Сплоченность крепится собственными правилами, традициями — не взятыми со стороны, а, можно сказать, «выстраданными» в жизни. Конечно, чужой опыт и методики тоже ценны, но их применение дает пользу только в сочетании с тем, что обретается собственными усилиями. А для такого вот, собственного, опыта необходимо время, это закон природы, и спешить здесь бесполезно (морковку не заставишь расти быстрее, сколько ни тяни ее вверх за ботву).

Как создаются нормы жизни, можно опять же увидеть на примере «Каравеллы», ее устава. Там нет ни одного пункта, который был бы взят с потолка. За каждым — или какой-то случай, или практика серьезных дел.

Вот первый пункт — не общие слова о верности отряду, дисциплине, программе, а сразу: «Ветер и волна не прощают никаких ошибок, и во время шквала учиться поздно. Учись морскому делу заранее». Мало того, что этот пункт выстрадан трагическим морским опытом тысячелетий. Понадобилось несколько драматических ситуаций с яхтами «Каравеллы», чтобы убедиться в незыблемой истине: штормовой погоде нет дела ни до того, сколько тебе лет, ни до того, что ты не успел выучить порядок действий при срочном повороте фордевинд. И что в школе невыученный урок может в худшем случае обернуться двойкой в дневнике, а в плавании какое-то незнание или небрежность в виде плохо завязанного узла на шкоте приведут к... впрочем, ну его, не надо об этом. Поняли, и ладно...

А пункты о точности и добросовестности в выполнении корреспондентских дел появились после того, как из-за легкомыслия одного бестолкового третьеклассника сорвалась наша телепередача, планируемая на область (несколько сотрудников ТВ схлопотали выговоры).

А слова «Я вступлю в бой с любой несправедливостью, подлостью и жестокостью» оказались в уставе в результате многочисленных разборок с окрестной шпаной, с любителями «трясти» деньги в школе из карманов младших ребятешек, со «скорыми на руку» учителями, с хамящими в автобусах водителями и контролерами, с претендентами на отрядное полуподвальное помещение («Здесь будет бильярдная для местных жителей!») и даже с милицией, которая «в упор не видела» настоящих хулиганов, но тащила в отделение оторпевших пацанят за невинную игру в снежки...

Жесткий пункт об оружии «Взяв в руки оружие, я буду помнить, что в нем заключена смерть...» тоже появился не сразу. То есть о технике безопасности при упражнениях с ружьями и клинками говорили постоянно и не раз приводили известные по рассказам трагические случаи. Но надо было, чтобы Санька Бабушкин в ночном карауле у походного

костра по своему разгильдяйству (иначе не назовешь) разрядил пневматическую винтовку себе в сапог. До смерти, конечно, не дошло, и вообще все кончилось бескровно: пуля прошла между указательным и большим пальцем ступни, оставив легкую царапину. Однако дырка в сапоге и эта царапина, а главное — четко высказанное кем-то понимание, что «на три миллиметра в сторону, и... да фиг с ним, с твоим пальцем, но отряд из-за этого случая разогнали бы на все четыре стороны, а Славу (то есть автора этих строк) отправили бы за решетку», оказалось сильнее всех слышанных и читанных примеров. Прямо там же и внесли добавление в устав, в десять раз усилив после этого осторожность при обращении с отрядным арсеналом...

Откуда появилось в уставе обещание «Я никогда не обижу того, кто меньше или слабее, всегда буду помощником и защитником младшим ребятам», я не помню. Судя по всему, оно было одним из первых — как естественная необходимость для существования нормального ребячьего коллектива... Любопытно вот что. Накануне (то есть за день до того, как пишу эти строки) пришла с отрядного причала моя шестнадцатилетняя племянница Даша, выросший с пеленок в «Каравелле» ветеран и флаг-капитан. Я спросил:

— Что нового?

— Гости приходили. Из какого-то уралмашевского форпоста, мы их катали под парусами.

— Что за форпост? Вроде отряда?

— Вроде...

— Похожего на наш?

— Не похожего, — веско сказала Дарья. — Они плохо относятся к младшим. Насмешничают, цыкают на них...

Дальше вопрос о «похожести» обсуждать не имело смысла. Пусть хоть какие одинаковые с «Каравеллой» дела обнаружилась бы у гостей...

Надо учитывать и то, что детское сообщество может удачно формироваться лишь вокруг какого-то достаточно интересного и серьезного дела (или дел). Если есть стремление создать отряд, если этого требуют взаимные симпатии ребят и желание постоянного общения, а чем заняться, не ясно,

нужно как можно скорее искать общее дело, ибо только оно придает существованию сложившейся группы мальчишек и девчонок реальный смысл, не дает ей распасться.

Опять обращаюсь к собственным примерам. В начале существования нашу уже достаточно сложившуюся компанию не раз подстерегали всякие кризисы, смысл которых формировался просто: «Ребята, а чем заняться?»

Лесное патрулирование было делом летним, эпизодическим и не столь уж частым. Походы по окрестным лесам и берегам приносили определенное удовольствие, но оно было похоже на удовольствие выбравшихся на пикник городских обывателей (хотя и давало некоторый туристский опыт). Игры и развлечения в ближнем лесу были только забавами. Коллективное чтение книжек и пение песен у костра тоже не могли стать основой коллективного бытия. Даже фехтование на рапирах (оставшихся у меня после занятий в университетской секции) не способно было поглотить всю энергию юной энергичной команды. Тем более что состязания шли только между собой, для участия в настоящих соревнованиях не хватало ни умения, ни снаряжения, ни опыта. Я ведь не был спортивным тренером — так, любитель! Да и превращать отряд в спортивный клуб не было желания: одно дело устраивать с ребятами игры в атосов-портосов, другое — изнурять их и себя на тренировках для достижения «звездных» результатов. Для этого нужен особый талант. И такая вот неопределенность в делах изрядно портила нам настроение. Пока у меня не оказалась крохотная любительская кинокамера «Экран». С ней, оказывается, можно было творить чудеса: снимать с ребятами игровые и документальные короткометражки, учить народ проявлению, монтажу, мультипликации, затеять большой фильм (тут дел столько, что продохнуть некогда)... А вскоре подоспело и еще одно важное занятие — корреспондентские заботы. Оказалось, что все это — на долгие годы...

Проблемы комиссаров...

От вопроса о делах, которыми занят отряд, — плавный переход к теме руководителей. Обычно главное направление деятельности отряда зависит от того, *что именно знает и умеет*

его руководитель, чему он может научить ребят. Руководитель, как правило, не педагог-профессионал, он приходит к детям не по разнарядке пединститута, а по велению души. И естественно, прежде всего старается передать им собственный опыт. Такой человек может быть сведущ в технике, музыке, туризме, железнодорожном транспорте, фотоделе, спорте, астрономии, археологии, геологии... да еще Бог знает в чем. Мало ли на свете профессий и талантов! Главное, чтобы у человека был еще один талант: умение общаться с детьми и передать им свой интерес к делу. Тем и определяется стержневое направление возглавляемого им ребячьего сообщества.

Правда, если такой человек работает с ребятами всерьез и долго, ему дополнительно приходится осваивать немало умений и навыков. Автору этих строк, например, вместе со своими юными подопечными пришлось изучать самые разные предметы (извините, повторяюсь): от проектирования малых судов до азов режиссерского мастерства и от работы на токарном станке до хитростей навигации. Впрочем, когда это делаешь с мальчишками и девчонками, во время игры и составления «фантастических» планов на будущее, дело не столь уж утомительное. Наоборот — увлекательное и полное веселого азарта...

Умение заразить такой увлеченностью окружающих детей — это особый дар, одна из тех черт, из которых «слеплена» личность ребячьего лидера. Личности эти — «всякие», с непохожими характерами, разные по возрасту, увлечениям, темпераменту. Но у них одна общая черта: им интересно с детьми, и они хотят, чтобы детям было тоже интересно — жить, играть, расти, познавать мир, становиться лучше...

В разные времена таких людей называли (и называют) по-разному: наставники, инструкторы, вожатые, скаут-мастера, командоры, флагманы... Но мне до сих пор самым подходящим кажется появившийся в шестидесятых годах термин «ребячьи комиссары». Конечно, понятие «комиссар» изрядно скомпрометировано его связью с большевистскими политиками, но все же оно гораздо шире по смыслу и до сих пор несет на себе отсвет героической романтики. К тому же комиссар — это и командир, и носитель идеи в одном ли-

це. То есть то, что и надо для человека, взвалившего на себя нелегкий и не приносящий никаких жизненных благ и выгод труд воспитания «вот этого гвалтливового, непоседливого, любопытного племени», которому надо помочь вырасти хорошими людьми.

У меня в памяти многие десятки «ребячьих комиссаров», с которыми я был лично знаком и о которых можно было бы (о каждом отдельно!) написать увлекательные книги. Симон Соловейчик, Владимир Матвеев, Евгений Волков, Ричард Соколов, Сергей Петров, Наталья Соломко, Иван Иостман, Игорь Киршин, Борис Галенков, Владимир Карпов, Наталья Смартцелова, Олег и Аркадия Лишины, Евгений Филиппов... и много еще. Жаль, что никогда не хватит времени рассказать о всех. Впрочем, некоторые сами написали о своих идеях, делах и отрядах. Это преданные детскому движению люди, которые никогда не искали в нем чего-то лично для себя. Жившие и живущие в постоянных тревогах и заботах о растущем поколении...

Но сейчас речь пойдет не об успехах и радостях деятельности таких вот, утвердивших себя в этой должности и звании ребячьих комиссаров. Они были, они есть — и слава Богу!

А главный разговор — о том, что беспокоит. Чего не должно быть в новой организации, если она появится.

Когда комиссарские заботы не приносят человеку никаких весомых наград и благополучия, *зачем ему это надо?*

Видимо, здесь действует вечный закон природы. В одних людях меньше, в других больше (чаще всего в тех, кто не был собственное детство) живет потребность помогать детям, заботиться о них. Не только о своих, а о детях вообще. В теплом отношении к ребятишкам, в стремлении сделать им что-то доброе, приласкать, защитить от беды и от боли, поделиться радостью, а то и прикрыть собой от неожиданного несчастья — вечный инстинкт, заставляющий выросших представителей живого сообщества заботиться о тех, кто еще только подрастает. Согреть, накормить, научить полезному, уберечь, дать почувствовать любовь взрослых и уверенность, что они тебя не дадут в обиду... Это всегда было свойственно

даже не только человечьему племени, но любому более или менее организованному биологическому сообществу. Утраченное такой закон сообщество просто не выживет. (О том, что, увы, именно люди все больше его утрачивают в наше время и чем это может кончиться — тема отдельных философских и социальных исследований.) Таким образом, теплое отношение к любому ребенку — чувство, понятное всякому нормальному человеку.

Но непонятное нынешнему обывателю. То есть чрезвычайно прогрессирующей сейчас в человеческом обществе особи, основу которой составляют эгоизм и патологическая склонность к потребительству. То поведение человека, которое не демонстрирует в нем стремления к выгоде и личным благам, обывателю представляется выходящим за рамки здравого сознания.

И потому — подозрительным.

О подозрительности

«До сих пор не купил себе даже паршивого «жигуленка», а тратит свои деньги на мячи и палатки для этих сопляков!»

«Приличные люди едут со своими детьми в Анталья или, в крайнем случае, в Сочи, а *этой* опять претес с чужими обалдуями в поход на какие-то дальние озера...»

«Вы только подумайте! Взрослый мужик, а устроил на лужайке с малолетками какой-то карнавал и бегает среди них с видеокамерой! Говорят, что кино снимают!.. Не знаю, какие деньги ему за это платят...»

А когда выясняется, что *ему* за это не платят *никаких денег*, накал подымается до истерического визга:

«Понятно, понятно, зачем ему это надо! Вот недавно в газете писали, что один такой тоже придумал похожий клуб, а там... А по телевизору была передача, как мужик зазывал ребяташек к себе домой и...»

Да читали, видели, слышали! Про маньяков, извращенцев и сластолюбивых типов, которые подлю и гадостно «развлекаются» с детьми.

От этой темы никуда не уйдешь, если касаешься взаимоотношений ребят и взрослых в рамках детского движе-

ния. Писать об этом противно, однако зажмуриваться — нечестно.

Всяких гадов с «такими склонностями» развелось немало. Впрочем, судя по всему, их всегда хватало. А с развитием «гласности», с расширением Интернета сведений об этой сволочи стало больше, да и сама она получила неограниченные возможности для «обмена опытом».

Поневоле задумаешься: сколько же их — тех, кого дети интересуют «в таком вот ключе»? Если *этой тематики* так много в сети, значит, и тех, кому она нужна, немало. Да и в самом деле, известно, как люди подобного склада проникают и в школы, и в медицину, и в религиозные общества, и в большую политику. Не убережешь от них и внешкольные детские учреждения.

И что же теперь?

Есть два выхода.

Первый: быть внимательнее при подборе лидеров ребячьих объединений, стараться делать эти объединения максимально открытыми для родителей, прессы, властей и всех, кого интересуют детские проблемы.

Второй: отдалиться на откуп огульной подозрительности и уничтожить всякое внешкольное детское движение на корню, как из-за одного, заподозренного в птичьем гриппе петуха пускают под нож многотысячное куриное население птицефабрики.

Похоже, что вторая тенденция у нас в стране явно преобладает. Тем более что не требует ни усилий, ни затрат (а освободившиеся помещения подростковых клубов, студий и технических станций так жаждут получить представители ненасытного «новорусского» бизнеса и готовы платить за них чиновникам немалые суммы; а с пацанов что возьмешь?).

Висящая над головами ребячьих комиссаров подозрительность — вечный их гнет и проклятие. И прекрасная возможность свести с ними счеты.

Лет пятнадцать назад возник в нашем городе небольшой отряд (назовем его в целях деликатной анонимности «Баллада»). Организовал его студент, приехавший в Свердловск из Подмосковья (там он был инструктором в детском объединении и не потерял интереса к этому делу). Сперва попробовал

сотрудничать в «Каравелле», но дело не пошло в силу некоторой «психологической несовместимости», вот он и решил-ся на «автономную деятельность». Бедняга, знал бы он, к чему это приведет! Какая-то мамаша, недовольная, что ее сын чересчур много времени проводит в «Балладе» и «перестал слушаться», поделилась с представителями МВД «некоторыми предположениями». И вот однажды на рассвете к некоему большому дому подкатили brave милицейские патрули, похватили из постелей десяти-двенадцатилетних пацанят, отвезли в отделение и подвергли там старательному допросу. А те просто не могли понять, о чем их спрашивают и что этим суровым деятелям в погонах от них надо...

«Операция» была проведена с таким диким нарушением юридических и педагогических норм, что сведения о ней даже просочились в центральную прессу. Криминала не нашли. Перед командиром «Баллады», говорят, даже извинились. Вскоре он уехал с Урала в родные края и там сейчас, по некоторым сведениям, руководит «военно-патриотическим» отрядом, основанным на истории белого движения. Ну и ладно. Как говорится, его дело («Каравелла» никогда не увлекалась такой тематикой, потому и не было с тем деятелем взаимного интереса). Но один милицейский чин в частной беседе со мной потом убеждал меня:

— Все равно там *что-то такое* было. Просто не могло не быть. Мы же знаем: в подобных заведениях *это везде*...

— Это намек? — в упор спросил я.

Он заморгал:

— Ну что вы! Разве я имел в виду вас! При вашем авторитете, опыте, стаже, известности...

А что там известность и авторитет! Не раз приходилось читать и слышать, как *такое* с готовностью приписывают самым известным педагогам и литераторам. (Тем более что Интернету пасть не заткнешь, скрытых под «никами» авторов не притянешь к суду.)

Особенно часто встречаются «кивки» в адрес знаменитого доктора и писателя Януша Корчака.

«Вы знаете, у него даже не было семьи!» (Ну не удалась в этом плане жизнь у человека — так что?) «А во время Первой мировой войны он, будучи военным врачом, возил с собой

мальчишку-воспитанника!» (Конечно, было бы понятнее, если бы детский доктор выкинул бесприютного пацана на обочину.) «И вообще он...» (Действительно «вообще». Так закоренел в своей «порочной» привязанности к детям, что даже отправился с ними в фашистскую газовую камеру, хотя мог бы остаться — предлагали! Разве это укладывается в рамки поведения нормального человека?)

И еще пример.

В те же дни, что пишу эти заметки, я (для разрядки и отдыха — ибо сказано, что лучший отдых состоит в смене занятий) готовлю рисунки к своей повести «Нарисованные герои». Рисунки (в подтверждение названия) должны быть сделаны в виде черновых набросков на тетрадных листах, небрежно брошенных на старые газеты. Один из набросков изображает десятилетнего Витальку — мальчишку боязливого, но доведенного до отчаяния вредными девчонками и ворвавшегося с поднятыми кулаками в их компанию. Хотелось, чтобы газета-подкладка хоть немного соответствовала теме, и я полез в папку со старыми «Известиями» и «Комсомолками». И вот удача — наткнулся на страницу «Комсомольской правды» (за 11 марта 1998 года), где напечатан заголовок «И вновь продолжается бой!». Ну, точно для Витальки с его проснувшейся лихостью! Порадовавшись, я перевернул газету и увидел статью, которую (как вспомнилось) прочитал еще восемь лет назад, а потом, плюнув от отвращения, засунул в папку с газетным старьем.

Статья журналиста Сергея Рыкова называется «И девочки кровавые в глазах...». Посвящена она болезненному явлению — педофилии. «Эрудированность», «глубину» и «логичность» этого исследования можно оставить на совести автора (тем более — дело давнее). Но удержаться от цитирования одного абзаца все же не могу.

«В педофилии подозревался (а некоторыми специалистами подозревается и до сих пор) «великий педагог» Макаренко. Даже простой текстуальный анализ его произведений позволяет с высокой вероятностью заподозрить, что в колониях и «шкидках», где начальствовал педагог и писатель, педофилия была одним из главных движителей «социалистических методов перевоспитания».

Читаешь и думаешь:

«Даже простой текстуальный анализ...» — А где хоть слабая иллюстрация такого анализа?

«...в колониях и «шкидовках»... — Что кроется под презрительным термином «шкидовка»? Школа имени Достоевского, описанная в известной «Республике Шкид» Л. Пантелеева и Г. Белых? Но Макаренко никогда не руководил этой школой, и у его колоний и ШКИДа были весьма разные методики.

«...педофилия была одним из главных движителей «социалистического метода перевоспитания». — Это значит, порочную и преступную страсть (в которой автор обвинил педагога) можно сделать движущей силой многолетнего позитивного процесса в большущей организации в течение многих лет (а в позитивности результатов этого процесса сомневаться не приходится, живое доказательство тому — сотни спасенных от физической и моральной гибели подростков и юношей — выпускников макаренковских коммун)?

А дальше — еще интереснее. Новую подглавку своего исследования С. Рыков называет: «От Макаренко до Чикатило — один шаг?» Знак вопроса демонстрирует некоторое смягчение категоричности данного суждения. Но дальнейшее повествование о злодеяниях маньяков-убийц, очевидно, должно служить подтверждением мысли, что деятели, подобные Антону Семеновичу, вполне могут скатиться к связанным с детьми чудовишным кровавым преступлениям.

Вот так, одним взмахом пера, на уровне грязной сплетни, можно зачеркнуть многолетний самоотверженный труд человека, педагога, чьи труды изучают и чтят во многих странах. И сочинить пасквиль, чтобы найти поддержку в среде любящих жареные факты читателей.

«Все они такие!..» — вопят «всезнающие» обыватели.

«Почему *эти вот* не были женаты?!»

«Почему они столько сил тратили на чужих детей, а своих не завели?!» (А если завели, то «все равно чужие им дороже!»)

«Почему в их повестях только и речь о ребятне и ничего нет о сексе с женщинами!»

«Почему в их книгах столько раз упоминаются ребячьи испаранные коленки?!»

Ох уж эти коленки! По мнению «здравомыслящего человека», их частое упоминание несомненно говорит о скрытом стремлении автора видеть в ребенке субъект сексуального интереса. И нет того понятия, что побитые коленки пацанят — это всего-навсего одна из характернейших черт детства, от которой никуда не уйдешь, если пишешь о мальчишках и девчонках. Забывшим детство дядям и тетям уже неизвестно, что этими частями организма (которые совсем близко от земли) ребятишки воспринимают окружающий мир почти так же осязаемо, как зрением и слухом. Шелестящее касание травы, тепло солнца, прохладу речного песка, удары дождевых капель, шероховатость коры на дереве, по которому забираться с замиранием души... А поцарапанные и побитые они потому, что ими же юный житель Земли в первую очередь испытывает жесткость и неласковость окружающего мира: твердость попавшегося на дороге кирпича, занозистость заборов, ржавость железных крыш, крепкий удар сухой грязи на дороге, когда летишь на нее с велосипеда... Читал даже где-то стихи под названием «Счастье содранных коленок»; а еще — медицинскую статью, что в коже на ребячьих коленях есть особые рецепторы, позволяющие особенно чутко воспринимать среду, в которой дети обитают... Но ни лирика, ни медицина — не аргумент для обывателя. У них один аргумент: «А-а, знаем мы вашего брата!..»

А ни фига они не знают. Знают только себя — те, кто сами готовы пускать слюны при виде симпатичных пацанов и девчонок, и приписывают свои скрываемые склонности другим (очевидно, интуитивно, стараясь отвести подозрения от себя). Но позвольте, господа, если у вас при упоминании о выпирающих ребячьих ключицах, симпатичной мальчишечьей физиономии или тех же коленках возникает нервное подрагивание или затвердение в паху, при чем здесь дети, при чем литераторы, которые о них пишут, и художники, которые их рисуют, и режиссеры, которые снимают фильмы про героев в коротких штанишках? Обратитесь к сексопатологу и не валийте с больной головы на здоровую...

И не пребывайте в уверенности, что, когда взрослый инструктор смотрит на коленки своего подопечного, он мечтает о том, как бы затащить их обладателя к себе в постель. У него

иная забота — вовремя смазать на этих коленках йодом или зеленкой (а то и забинтовать) ссадины и царапины, чтобы, не дай Бог, не случилось бы какого-нибудь заражения.

Страх

Поскольку здесь промелькнули фразы о беспокойстве из-за ребячьих ссадин, мне показалось, что есть смысл именно в этом месте вставить только что написанную главу о страхе вообще.

Рукопись этой книжки была уже закончена, когда я понял: необходима еще одна глава. Та самая, которую вы читаете сейчас.

Я лежал на диване и смотрел в пасмурное окно. За окном дождь и восемь градусов «тепла». Начало июля! Ур-ральская погода, будь она неладна. Ветки кленов сердито мотались на ветру. И я вдруг ощутил тревогу — давнюю, привычную. Ведь, чего доброго, нынешние экипажи каравелловских яхт понесет нелегкая на воду. У них же гонки, график...

Я давно уже не командую этой парусной эскадрой и даже в роли гостя бываю на причалах и судах лишь изредка. Но постоянная тревога — которую проще и честнее назвать коротким словом «страх» — все еще не ушла из души. Видимо, она застряла там до конца жизни.

...Помню, было лето семьдесят девятого года. Мы на наших двухмачтовых «Мушкетерах» — «Атосе», «Портосе», «Арамисе» и «Д'Артаньяне» — шли по Верх-Исетскому озеру от мыса Гамаюн к себе на базу. Когда оставалось до нашей пристани мили две, начали сгущаться облака. Если бы обычного дождливо-серого цвета, тогда еще «фик с имя», как изящно выражались наши отважные капитаны. Но в этой серости стала проступать коварная лиловость, в которой мой уже достаточно опытный глаз усмотрел признаки близких шквалов. И тут же стало свистеть «в нехорошей тональности». До родного берега оставалось не больше мили, но я дал команду приткнуться к острову Барану, рядом с которым пролегал наш курс.

Приткнулись вовремя. Дунуло так, что сразу стало ясно: надо спускать паруса, пока не издрало. Спустили. В эти минуты сизо-серая вода вздулась крутыми волнами и украсилась пенными гребешками. Загремело, пошел неподалеку ливень, с кустов полетели сорванные ветки. Мы выволокли брезент, чтобы укрыться от дождя.

К счастью, грозовой ливень прошел чуть в стороне, нас зацепило лишь редкими каплями. Центр грозы отодвинулся к востоку, ветер стал ровнее, волна спокойнее. Капитаны наперебой оживились, заговорили, что «погодка в самый раз» и мы домчимся до наших причалов в три минуты. Это было бы очень эффектно — подлететь к базе при полной раздутой парусности на фоне сизой облачности.

Я дождался, когда они поставят все паруса, и сказал:

— Хорошо. Только уберем бизани и кливера и возьмем рифы на гротях.

— У-у...

— Никаких «у». Пижонство всегда выходит боком.

Никто, конечно, не спорил — такое «не предусмотрено уставом». Надулись, но сделали с парусами все, как было сказано.

Даже под уменьшенной вдвое парусностью мы курсом крутой бакштаг, среди пены и брызг, лихо подкатили к пирсу и умело прижались бортами к свешенным шинам.

— Видите, как здорово домчались, — сказал я капитанам с несколько искусственной бодростью. Те сопели и отводили глаза. Были явно недовольны моей излишней, по их мнению, осторожностью. А совсем юный капитан Санька Шардаков пробурчал:

— Если испугался, так бы и сказал... — Это он не мне, разумеется (такая дерзость «при исполнении обязанностей» была немислима), а какому-то другому капитану. Я, однако, услышал и посмотрел выразительно: пусть поймет, что я о нем думаю. Санька понял и надулся еще сильнее. Я в свою очередь тоже надулся, и мы «не общались» целые сутки.

Санька Шардаков (у которого сейчас в «Каравелле» ходит капитаном пятнадцатилетняя дочь Ольга) был в общем-то прав. Я действительно тогда испугался. Потому что знал: с

полной парусностью при таком ветре яхты могли опрокинуться. Они не обязательно опрокинулись бы, но «был шанс». А я без излишней необходимости не имел права рисковать. И дело было даже не в ответственности (вернее, не только в ответственности), а просто в страхе за этих десятидвенадцатилетних «флибустьеров», у которых инстинкт самосохранения и понимание разумной осторожности были гораздо слабее азарта, парусной лихости и уверенности в своих силах. У меня же ощущение «допустимой нормы риска» за десять парусных навигаций напоминало уже настройку чуткого прибора. И «гармонично» сочеталось с ощущением постоянного страха. И не только в парусных делах. Во всем, что касалось вот этой братии в лихо заломленных берегах, с которой «черт меня дернул однажды связаться, не предупредив, что это — до пенсионных лет».

Сперва я по наивности и неопытности думал, что такой страх — у меня одного. Мол, следствие давней детской боязливости, из-за которой я долгое время не мог решиться прыгнуть в воду с вышки и переплыть нашу Туру. Укорял себя, говоря, что надо быть посмелее, раз уж взялся командовать юным народом. И однажды, в минуту откровенности, поделился сомнениями со своим другом Володей Матвеевым, он работал тогда заместителем главного редактора журнала «Пионер». Вожатский стаж у Володи был к тому времени ого-го какой, не в пример моему!

Володя глянул на меня слегка удивленно и сочувственно.

— При чем тут твои детские страхи? *Сейчас-то* ты боишься не за себя?

— Ну... теперь уже не за себя. Я вообще боюсь... За них...

— Так пора уже сообразить: это на все время, пока ты с ребятами. А может, и на всю жизнь. Понимаешь, это неискоренимо, раз уж заставила судьба вляпаться в вожатское дело. Такой страх — у всех у нас... А как без него? Если вдруг почувствуешь, что он пропал, оставляй работу с детьми...

— Спасибо, утешил, — проворчал я, разом ощутив Володину правоту. И... успокоился: раз неискоренимо, то куда деваться? Так и жил с той поры.

Если кто-то из мальчишек-девчонок не пришел на заня-

тия, посылаешь к нему вахтенного (телефоны тогда были далеко не у всех): не случилось ли чего-то серьезного? В поездке на теплоходе или в вагоне несколько раз ночью встаешь, смотришь: не раскинулись ли во сне и не загремят ли с верхней койки? Кто-то сильно закашлял в палатке — думаешь: не простыл ли под шквалистым ветром? Или с много раз уже упомянутым Вовочкой Шардаковым (Санькиным братом) эпизод: он, бестолковая личность, изображая раненого барабанщика, покатился с горы не в ту сторону, к обрыву, и пришлось отбрасывать камеру, лететь к нему в лихом вратарском броске...

А вот с тем же Вовочкой еще случай (раз уж пошло одно к одному). В зимние каникулы 1983 года был слет юнкорских отрядов, ребята съехались из разных городов, поселились в одном из свердловских интернатов. Наша делегация, чтобы не отрываться от иногородних друзей, жила там же. Днем — всякие пресс-конференции, практические занятия, конкурсы, киносеансы. Вечером, оставив ребят с дежурным заместителем, я приходил домой и «вырубался», засыпал сразу. Но вот однажды — не могу уснуть. Точит какая-то нехорошая «пила». Вертелся почти до полуночи, потом встал. Сказал жене:

— Чую, что-то не так там. Поеду...

Та лишь вздохнула. Привыкла уже, как привыкают к ночным тревогам офицерские жены...

То пешком, то на «последнем случайном» троллейбусе добрался от дома до интерната. Вошел, спрашиваю у дежурного:

— Как вы тут? Все в порядке?

— Вообще-то в порядке... Только Вовка...

Оказалось, что Вовка лежит с температурой выше 39 — то ли с простудой, то ли с какой-то (не дай Бог!) инфекцией. У него уже суетится поднятый с постели по телефону молодой врач Андрюша Смирнов (одинаково преданный «Каравелле» и детской медицине). Здесь же врачи вызванной Андреем — на всякий случай — неотложки... Общими усилиями установили, что заразы нет, лишь какая-то лихорадка от перевозбуждения и усталости. «Будет жить...»

Потом «доктор Андрюша» обратился ко мне:

— А тебя-то чего принесло среди ночи?

— Не знаю. Интуиция...

Андрей подергал густую (тогда еще без седины) бороду. И поставил диагноз:

— Синдром повышенной тревожности, плавно переходящий в пожизненную паранойю. Долго не протянешь...

— Да хотя бы еще чуть-чуть... — просительно сказал я.

С той поры протянул почти три десятка лет. Но от «синдрома» не избавился...

К чему я вспомнил эти истории? Видимо, для того, чтобы «утешить» более молодых лидеров ребячьих сообществ: «Если у вас, ребята, в душе постоянно живет вот такой страх, не бойтесь его, это нормально. Бойтесь другого — если он вдруг исчезнет. Тогда лучше «завязывать» свое командирство, идти в дворники, продавцы или министры...»

В мае 2004 года, накануне Дня Победы, союз живущих в Екатеринбурге моряков-ветеранов наградил меня медалью, выпущенной к юбилею Российского флота. Вручал медаль Игорь Анатольевич Британов, капитан первого ранга, командир легендарной атомной подлодки К-219.

Я смотрел на него и думал: что же он испытывал, когда боролся за спасение своих матросов и офицеров, своего боевого корабля от смертельной опасности, от ядерного взрыва! Наверно, в нем тоже жил страх, и, конечно же, этот страх был на много порядков масштабнее моего. Однако, думал я, у обоих этих страхов один «химический состав» (и, по правде говоря, даже по-мальчишечьи погордился этим).

Вернувшись домой, я на несколько минут прицепил медаль на обшарпанный комбинезон своего тряпичного зайца Митьки — это мой давний талисман, спутник и друг, не раз бывавший в шквальных переделках.

Митька вопросительно глянул уцелевшим в штормах пластмассовым глазом: «За что?»

— За наш страх, — сказал я.

Митька смотрел понимающе...

О «благодарности» и «общении»

Ну ладно, пора продолжить разговор о лидерах (ребячьих комиссарах). Еще об одной стороне дела. Если всякие «отклонения», вопреки мнению ранее упомянутого автора «Комсомолки», среди лидеров встречаются редко, то другой грех (да и не грех даже, а черта характера) замечается чаще. Его можно назвать «синдромом ожидаемой благодарности».

Люди с такой чертой очень часто самоотверженны, талантливы, готовы отдавать силы и время работе с детьми и не хотят за то никаких материальных благ и наград. Но хотят от ребят адекватной (по их, этих людей, пониманию) ответной отдачи: благодарности, преданности, любви и даже обожаения. Желание в какой-то степени объяснимое, когда оно сидит внутри или проявляется в разумных и скромных пределах. Но, увы, часто (обычно со временем, когда накапливается утомление и начинает свербить опасный вопрос: «А для чего все это?») пределы размываются и «детская неблагодарность» предстает перед как бы очнувшимся наставником во всей своей «кошмарной масштабности».

И начинаются драмы, а порой и трагедии.

«Ах, я потратил (потратила) столько лет... Ах, я отдавала (отдавал) им всё, а они... Он вчера шел по улице навстречу и даже не поздоровался... Это крах моей жизни...»

Если не быть морально готовым к подобным «крахам», можно в самом деле однажды почувствовать себя банкротом. Но надо понимать, что, во-первых, такие случаи не столь и часты. А во-вторых, они вызваны обычно сугубо возрастными причинами старших подростков, когда у них начинаются всевозможные (в том числе и психические) ломки и гипертрофированная обидчивость, пересмотр «детских идеалов», разочарованность в прежних «кумирах» и стремление «поновому осмыслить действительность». Здесь немалое поле для конфликтов, обид, ощущений, что «меня не поняли», и даже для заявлений: «Я тебе так верил, а ты...» Иногда такие конфликты удается сгладить, но бывает, что кончается и хлопаньем дверью.

С давних пор я внушал своим помощникам и инструкторам, что мы работаем ради ребят, а не ради их признательности в свой адрес (признательность такая приятна, однако, ес-

ли ее не заметно, не надо впадать в депрессию). Как правило, это встречало понимание. Была в ходу даже особая формула, выраженная словами известной песенки: «Можешь совсем уйти, только свети, свети...»

Надо учесть, что нередко те, «кто ушел совсем», возвращаются. Иногда через год, иногда через три или пять, иногда через десять или двадцать лет. Уже без обид, а с доброй памятью о прошлом и с желанием помочь нынешнему отряду. Потому что как ни «открещивайся от прошлого» и как ни «пересматривай идеалы», а от собственного детства не уйдешь и то, что оно дало тебе, не вытравившись из души... И всегда тех, кто пришел, встречают, как друзей...

А вожатым и наставникам, трепетно жаждущим ответной привязанности и признательности, могу только сказать: главная ваша награда в том, что вы смогли много хорошего вложить в выросших ребят. Благодарность же их никуда от вас не денется. Вы рано или поздно ощутите ее, только не надо спешить...

Примерно эти слова я говорил год назад одному своему знакомому из далекого от Урала города, специалисту по электронике, руководителю то и дело создаваемых им компьютерных клубов. Он очень любит компьютеры, но еще больше любит заниматься с ребятами. Причем главным в этих занятиях, как я понял, не обучение профессиональным премудростям, а «роскошь человеческого общения» (по Сент-Экзюпери). Он собирает группу ребят и жаждет связать их прочными узами дружбы между собой и с ним, их лидером. (Не ищите здесь ничего *такого*, все в рамках добропорядочных отношений.) Он придумывает для мальчишек и девочек клятвы верности их союзу и даже предлагает уколоть пальцы, смешать капли крови с вином и выпить в знак «кровного родства»... А когда замечает в ребятах некоторое охлаждение («Он вчера обещал и не позвонил!.. Я с ним говорю, а он и слушать не хочет!..»), начинаются терзания шекспировского масштаба: «Это предательство! Мы поклялись, а он...»

— Ты ребят просто угнетаешь своими требованиями дружбы, — сказал я ему. — Требуешь неукоснительных демонстраций преданности, а это живые дети со своими характерами и отношениями. Пойми же наконец, что нормальные

товарищеские (и тем более дружеские) отношения не возникают по договору, подписанному кровью. А радость общения не может быть самоцелью...

— Но Экзюпери говорил, что роскошь человеческого общения — самая большая ценность!

— Экзюпери был летчик, писатель, журналист, солдат. Он радовался общению, возникающему в процессе полноценной жизни, активных дел, преодоления опасностей, достижения важных целей. А не в душевных беседах и доверительном заглядывании друг другу в глаза. То есть возможно и такое, но в отдельных случаях, а не как основная форма...

— А его «Маленький принц»!

— Там тоже во главе угла стояла *цель*. Надо было помочь друг другу, найти колодец, принять правильные решения. И летчик не устраивал никаких драм, когда Принц оставил его ради своего главного дела: спасти на маленькой планете одинокую розу. Была печаль, но не было трагедий и упреков...

Боюсь, что я не убедил своего знакомого. Такой уж склад характера. И, по-моему, в подобном характере кроется уже не просто обостренное требование ребячьей дружбы и благодарности, а то, что называется *энергетическим* или *духовным вампиризмом*. В точности формулировки не уверен, однако смысл именно таков. И в этой формулировке нет обвинительного или уничижительного оттенка, просто фиксация факта. Есть люди, которые не могут нормально жить, если не «подзаряжаются» чужой энергией, настроением, энтузиазмом, «излучением души» при активном общении с другими людьми. Среди тех, кто взялся работать с детьми и заражен таким «вампиризмом», его проявления порой бывают особенно болезненными.

Такие люди видят смысл существования в том, чтобы постоянно крутиться в гуще ребят, впитывать «ауру детской жизни», находить в этом ощущение нескончаемого праздника и благодаря такому ощущению поддерживать в себе душевную стабильность....

В чем причина появления таких людей? Наверное, их много, этих причин. Иногда просто такой склад души, какие-то «гены» виноваты. Иногда это люди, не нашедшие себя во

взрослой жизни... Но сейчас речь не о причинах, а о факте существования таких людей и о том, что они довольно часто просачиваются в сферу детского движения. Они могут быть даже в чем-то полезны — в силу своей эйфории, энтузиазма и преданности делу, если их в каких-то конкретных случаях делать помощниками «на подхвате» или назначать заместителями в тех делах, где не требуется квалификации. Но не приведи Господь, если они становятся во главе детского объединения.

Во-первых, потому, что опыта у них крайне мало и они почти ничего не умеют делать.

Во-вторых (а может быть, как раз во-первых), потому, что они не в состоянии всерьез думать об интересах детей и в работе с ними ищут прежде всего праздника для себя, той самой «роскоши общения» в чистом виде. Это неизбежно рано или поздно (как правило — рано) приводит к развалу возглавляемого ими сообщества и к разочарованию ребят.

Характерный пример такого развала — крах детского объединения АРДО («Ассоциация разновозрастных дружин и отрядов»).

Почему погасло «Лунное пламя»

На границе 80-х и 90-х годов вокруг «Каравеллы» стали «кучковаться» несколько отрядов (точнее, отрядиков), созданные в разных городах (Киеве, Симферополе, Первоуральске...) молодыми энтузиастами. Эти энтузиасты — естественно, много читавшие книги В.Крапивина — познакомились друг с другом во время своих «гостевых» приездов в «Каравеллу» (такие поездки тогда были несложными и недорогими) и возытели намерение обзавестись своими отрядами.

Вот как пишет об этом командир самого главного из этих отрядов — «Лунного пламени»:

«В большинстве случаев отряды создавались людьми, к педагогике отношения не имеющими. «А попробуем», — говорили они. И пробовали.»

Сразу хочется сказать: «Прежде чем пробовать, надо десять раз подумать: «Зачем нам все это и сумеем ли мы?» Не с овощами и фруктами, а с живыми людьми собираетесь иметь дело... Ну, ладно. Далее автор сообщает:

«А начиналось все примерно так. Молодой человек или девушка, «ушибленные одиночеством» (термин знаменитого Сергея Лукьяненко), решили круто переменить жизнь и стать Командором. Он или она создавали отряд — находили помещение, набирали детей — и вот перед ними вставали два вопроса — «что делать?» и «как удержать?»»

Ну, что делать — понятно, у ВПК (т.е. В.П. Крапивина) написано, а как удержать — что ли, почитаем того же Крапивина».

Молодые люди, любящие песни под гитару и тусовки у костров, были полны энтузиазма, но, кроме него, у них за душой не было ничего. И вполне объяснимо, что к делу они подходили на ощупь и явно не с той стороны.

Во-первых, они ошибались: в книгах ВПК не было написано, что делать. Даже в единственном тогда касавшемся отрядной жизни романе «Мальчик со шпагой» события разворачиваются не столько вокруг позитивных дел, сколько вокруг истории, как отряд «Эспада» недруги пытались сжечь со света и в конце концов сжили. Тут уж не до педагогической методики.

Во-вторых, там (в этих книгах) ничего не сказано, как удержать. Потому что об этом нет смысла говорить. «Удержание» мальчишек и девчонок в сообществе не может быть самоцелью. Удерживает их конкретное — интересное и полезное — дело, которое собирает вокруг себя ребят, как магнит собирает железные опилки (сравнение банальное, но точное). Конечно, возникшее вокруг этого дела товарищество, стремление оставаться в дружеской среде — немалый стимул для сохранения коллектива, но не на пустом же месте, не ради самой по себе этой «дружественности». Иначе получается как орех без ядра. Поначалу он кажется вполне нормальным, однако скоро скорлупа дряхлеет и разваливается (ей нечего хранить в себе), и все видят, что внутри пусто.

Так получилось и с отрядами АРДО (эта «ассоциация» на какое-то время тогда создалась вокруг «Каравеллы»). Приезжая к нам на Урал, «тусуясь» вокруг свердловского пресс-центра и флотилии, устроив однажды совместный лагерь, проводя разные сборы, затеяв общий альманах, «подпитываясь» у «Каравеллы» энергией, эти отряды еще как-то могли

сохранять видимость активной деятельности. Но ведь вечно жить под боком у «телки, которую сосешь», невозможно. Мы со старшими инструкторами не раз (сперва осторожно, а потом и решительно) пытались внушить молодым «комиссарам», что надо обретать серьезные навыки, заниматься не сюсюканьем с мальчиками и девочками, не пением у костров (или не только пением), не романтикой палаточного быта (она кратковременна и вторична), а искать дела, которые стали бы стержнем отрядной жизни, их идей и смыслом. А для обретения опыта в таких делах лидеры должны учиться сами. С пониманием всей важности этого процесса.

Но понимания мы не встречали.

Приходилось «Каравелле» общаться «и до и после» с разными отрядами — в Серове, Пятигорске, Москве, Первоуральске, Ивделе, Петрозаводске, Каменске-Уральском, в Крыму, в Тюмени... Сейчас всех сразу и не вспомнишь. И никогда мы не встречались с таким, как у лидеров АРДО, непониманием, что на одной эйфории и привязанности к детям деятельность ребячьего сообщества развивать нельзя. (Да в общем-то отряды из только что названных городов и не нуждались в советах, у них были те же взгляды, что у нас. И стремление к настоящим делам.) А в вновь объединении — ну, как о стенку лбом... Видя, что «каши не сварить», «Каравелла» вскоре вышла из АРДО. А создателя «Лунного пламени» еще до этого постарались деликатно отодвинуть от общения с пресс-центром и флотилией, поскольку возникло впечатление (возможно, ошибочное), что его стремление к излишне частому общению с юными матросами и юнкорами отвлекает ребят от насущных отрядных дел.

Ассоциация, разбросанная по разным городам, через некоторое время мирно почила, отряды один за другим сами по себе тоже распались.

А через несколько лет, в 1995 году, бывший командир отряда «Лунное пламя», взявший себе псевдоним «Т.В. Кертис», опубликовал о судьбе АРДО статью, полную ностальгической горечи, исповедальной грусти и гордой печали. Называется она «Система против» и «крапивинские дети».

Надо признаться, это была крепкая торпеда под днище «Каравеллы». Статью напечатал малотиражный альманах «Та

сторона», но она обрела шумную известность, попала в Интернет и до сих «висит» на многих сайтах. До недавнего времени руководителям отряда приходилось слышать от недоброжелателей подобные высказывания: «Да-да, есть одна статья, читали! Теперь все знаем про вас! Я ни за что в жизни не отдала бы своего ребенка в вашу эту самую «Бригантину»!»

В чем же суть сочинения г-на Кертиса?

Не избегая критики в адрес себя и своих коллег — командиров других отрядов, — автор, конечно же, возлагает вину за развал АРДО на «Каравеллу». Оно, в общем-то, понятно. Если уж потерпел крах, надо хотя бы найти виновника на стороне.

Вина «Каравеллы» и ее руководителя, оказывается, в том, что ими была создана «Система против».

В чем она?

Ну, разумеется, в противопоставлении «крапивинских детей» всему остальному миру. Здесь придется прибегнуть к развернутой цитате, чтобы показать, как г-н Кертис излагает постулаты этой якобы существующей «системы против». Излагает как бы от имени ребят и командиров «Каравеллы».

1. Мы не такие, как все. Мы обособленные и уникальные. Мы — надежда общества. Там — на улице — серость и грязь, только у нас в отряде можно быть нормальным человеком...

2. Вы — дети — не такие, как взрослые, вы лучше и честнее — ни в коем случае не должны стать похожими на них...

3. Мы уникальны, мы посланники света и должны бороться со злом, наполняющим мир.

Г-н Кертис неплохой стилист (правда, врет изрядно, однако в полемике это дело простительное), а от интонации и стиля зависит многое. В самом деле — о необходимости борьбы со злом, подлостью и жестокостью сказано в Уставе «Каравеллы» (кстати, скопированном многими отрядами). Но при чем здесь «зло, наполняющее мир»? И если бы какому-нибудь юному рулевому яхты или десятилетнему барабанщику сказали, что он «посланник света», тот решил бы просто-напросто, что говорящий спятил. А поскольку это говорит г-н Кертис, то... ну, ладно. Вот что он пишет дальше:

«И тут начинается деление «свой — чужой». «Свои» подерживаются всегда, даже если они где-то не правы, они «свои». А «чужие» — это вечные противники. И не имеет значения, кто это — дамы из пионерской организации, учителя в школе или соседний отряд».

В общем-то старая песня. Мы ее слышали, начиная с шестидесятых годов, от уличенных в рукоприкладстве школьных завучей и физруков, от комсомольско-обкомовских чиновников, негодующих по поводу излишней автономии «Каравеллы», от методистов Дворца пионеров, возмущенных, что «у них форма и барабаны не как у всех». И ничего здесь не было бы нового, если бы не слова «...или соседний отряд».

Обвинить «Каравеллу», которая

— в свое время раздарила половину своих яхт другим ребячьим флотилиям;

— много лет подряд забирала (и забирает) к себе на стажировку экипажи и просто ребят из разных отрядов;

— не раз проводила с такими отрядами летние лагеря и совместные операции;

— вместе с ними снимала фильмы;

— защищала их (хотя и не всегда успешно, поскольку — «бодался теленок с дубом») от чиновников, отнимавших у ребят отрядные помещения;

— мастерила по своей технологии для других объединений высокие «суворовские» барабаны;

— помогала в журналистских делах и

— никогда не делала разницы между «нашими» и «не нашими»;

...так вот — обвинить ее во вражде с другими отрядами было полным бредом.

Могли иногда спорить по всяким оргвопросам взрослые лидеры, но это никогда не сказывалось на отношениях между ребятами.

Кертис дает понять, что сначала АРДО-вские лидеры охотно восприняли каравелловскую «систему против», а потом «прозрели» и это стало причиной кризиса.

Но истинная причина невольно пробивается в откровениях автора статьи.

Г-н Кертис сообщает:

«Книги ВПК — опасное оружие в умелых руках. А люди, входившие в АРДО, были умелыми. Сейчас я общаюсь со скаутами, у меня огромное количество знакомых руководителей, но среди них почти нет людей, умеющих так управлять сознанием ребенка».

Может быть, они и умели управлять «сознанием ребенка», но книги Крапивина никогда к этому не звали.

И далее.

«Есть в «крапивинской» системе такой термин — «присоединение и ведение». Ввел его, кажется, Дима Лысенко... (иначе говоря, автор статьи, который взял псевдоним и пишет о себе в третьем лице; и обратите внимание: придумал термин Дима, но систему с его применением называет почему-то «крапивинской»). Суть этого метода сводится к тому, что командор сначала «присоединяется» к ребенку, ставя себя в «детскую» позицию, показывая, что он такой же, устанавливая дружеские («братско-отцовские»?) отношения, и после этого ведет за собой...»

Честное слово, иезуитство какое-то, бессовестный обман. Ставить себя в искусственную «детскую» позицию, чтобы завоевать доверие ребенка! И вести за собой (причем непонятно — куда?!). Сроду в «Каравелле» не было ничего подобного. Ни ваш покорный слуга, ни каравелловские капитаны и флагманы не обременяли себя установлением особых «братско-отцовских отношений» и никого за собой специально не вели. Скорее уж, нашу методику можно было выразить строчками известного поэта-фронтовика Венедикта Станцева — он в своей «Апрельской балладе» писал о двадцатилетнем комсоре, которому приказано поднять солдат в атаку:

Я никого не зову, не веду,

А просто встаю и к речке иду...

Мы в самом деле «вставали и шли», показывая ребятам — «делай, как я»...

Далее Т.В. Кертис переходит к самому (на мой взгляд) существенному:

«В «Лунном пламени», например, дети были достаточно разобщены внутри отряда, но не разбегались, так как были намертво завязаны на командоре, а позже еще и на других инструкторах».

Ну вот и добрались до сути! До причины развала.

Как может существовать отряд, в котором дети «достаточно разобщены друг от друга»? Каким совместным делом он может заниматься? И что это за сообщество, которое существует при условиях, когда ребята «намертво завязаны на командоре, а позже еще и на других инструкторах»? В чем здесь стимул жизнедеятельности? Ну, что касается лидеров, оно понятно — в наслаждении общением со своими подопечными, доставляющими удовольствие своей искренностью, непосредственностью, доверчивостью, ласковостью и тем, что видят в тебе «отца и брата». Для ребят — в своей привязанности к взрослому лидеру, который «друг, товарищ и брат». Ну а дальше-то что? Проводить время в задушевных беседах у костра и в палатке?

Автор сетует, что сейчас рядом с ним (нынешним скаут-мастером) *«нет в отряде второго Дэмы (видимо, имя такое), который мог позволить себе разбудить меня в восемь утра просто для того, чтобы пообщаться».*

Оно, конечно, трагедия, когда рядом не стало мальчика, чьим сознанием ты умело управлял и смог влюбить в себя ребенка, чтобы греть себе душу. Но при чем здесь роль командира отряда?

Еще цитата.

«Если посмотреть на АРДО-вские фотографии прошлых лет, вы удивитесь такому количеству «крапивинских» детей с их широко открытыми глазами, ободранными коленками (опять эти коленки — постоянный объект интереса и пуритански настроенных критиков, и личностей, сдвинутых на любовании детьми) — детей, созданных для «накидывания курточек...»

Почему их так много?»

Кертис покаянно объясняет, что первым принципом подбора ребят в АРДО-вские отряды была — «1. Симпатичность. Ну какой крапивинист станет работать с несимпатичными детьми?»

Именуя себя и единомышленников «крапивинистами» (и тем сознательно или несознательно пытаюсь разделить с «Каравеллой» и ее лидером свои грехи), Кертис демонстрирует

полное незнание простой истины: несимпатичных детей не бывает.

Любой ребенок становится симпатичен, если придать его жизни осмысленность. Всякое детское лицо привлекательно, когда в глазах живой огонек, когда во взгляде заметно понимание смысла своего существования, вдохновенность какой-то идеей и чувствуется доброе отношение к людям. Отсюда те самые «распахнутые глаза», «ясноглазость», о которых с ядовитым скепсисом не раз писали противники «Каравеллы» и критики книг ее Командора. А если мальчик или девочка еще и умеют держаться, четки в движениях (сказывается и знание знаменного строя, и мушкетерское изящество фехтовальной подготовки, и ощущение уверенности, когда ходишь, не сутуля плеч) да при этом одеты в подогнанную форму с флотскими поясами и аксельбантами — они становятся просто красивы. Независимо от комплекции, степени конопатости и курносости, лопухости и разреза глаз.

Не исключено, что симпатичность АРДО-вских ребят-шек на фотоснимках была вызвана именно такими причинами, а не природной большеглазостью и трогательной пощипанностью коленок. На какое-то время ощутив радость от пребывания в отряде, раскрепощенность и доверие к взрослым, которые пообещали им интересную жизнь и романтику, эти дети в самом деле «расцвели». Беда в том, что время «расцвета» оказалось непродолжительным.

«Да, дети выросли и начинали что-то понимать — ведь нам до них не было дела, мы не работаем с подростками и не «крапивинский» это возраст. Сами уже могут о себе позаботиться, а у нас новые дети, новые любимчики. Круг замкнулся».

Откровение потрясающее и могло бы послужить ярким предостережением всем, кто берется за руководство внешкольным коллективом. Однако дальше идет несусветный бред, что, мол, и в «Каравелле» те же проблемы: куда девать выросших ребят. Оказывается, у нас поступают так: *«И под барабанный бой плачущий от горя (или счастья) командор пинком вышвыривает бывших детей за дверь».*

На самом деле методика работы со старшими давно отработана, и достигшие «молодежного» возраста ребята всегда могут найти дело в «Каравелле» — по своим силам, умению и

времени, — если сохранили к отрядной жизни интерес. Хочешь — становись инструктором (их всегда не хватает), хочешь — помогай в конкретных делах: при киносъемке, ремонте судов, спортивных тренировках, проведении фехтовальных турниров, парусных занятиях и гонках — только именно помогай, а не ищи развлечений лишь для себя, поскольку ты уже большой и должен понимать свою ответственность перед младшими. Например, замдекана журфака Сева Доможиров, предприниматель и музыкант Рома Родыгин, бизнесмен и книгоиздатель Гена Ходжаев, астроном и фотомастер Володя Колесников, студент Женя Нуруллин, учительница Лариса Захарова (не всех, конечно, вспомнил и назвал, пусть простят) регулярно «вкалывали и вкалывают» в отряде, несмотря на чудовищную занятость. А без старшекласников трудно представить проведение парусных занятий и летних лагерей. Мало того, в 2006 году, когда отмечалось 45-летие «Каравеллы», ветераны разных лет начали создание своей организации «Узел», задача которой всегда помогать отряду...

Порой бывают со старшими «проколы», но как прожить без сложностей? И они не пример, а исключение...

Вернемся к судьбе «Лунного пламени» и его «союзных» отрядов. Мне кажется, автор статьи сам убедительно показал причину распада. Вместо поиска живых конкретных дел АР-ДО-вские лидеры упивались «радостью общения» с «симпатичными» детками и логично оказались у разбитого корыта.

Еще в начале статьи, утверждая, что «*крапивинской системы отрядов не существует и существовать не может*» (и затем противореча себе в рассуждениях о якобы существующей «системе против»), Т.В. Кертис сообщает:

«Действительно, методики нет. Есть художественные книги, есть «Каравелла» — можно прийти и посмотреть. В «Каравелле» есть дети, хорошие, «крапивинские». Можно сказать, так и хочется притаиться за дверью и накидывать на всех выходящих из отряда курточки. И провожать их домой и по дороге вести умные беседы...»

(В одном из вариантов статьи — кажется, на сайте «Технология альтруизма» — автор не обрывает фразу многоточием, а более подробно изъясняется по поводу интереса к каравел-

ловским детям: *«Можно сказать, так и хочется притаиться за дверью и накидывать на всех выходящих из отряда курточки. И провожать их домой, и по дороге вести умные беседы. И посадить на колени, ласково поглаживая по голове: «Ну что, не плачь, не всё так плохо...» Мечта педофила».* Обратите внимание, не я это написал, а сам автор статьи. И если он потом, в интернетной полемике по поводу помещенных в сеть фрагментов этой книги, сетовал, что его будто бы пытаются обвинить в чем-то нехорошем, то кто здесь виноват? Его просто процитировали. Надо быть сдержаннее в своих лирических высказываниях.)

Прежде чем продолжать, опять нужно сделать некоторые объяснения.

Во-первых, о курточках, будь они неладны. В своих книжках из цикла «В глубине Великого Кристалла» Командор «Каравеллы» имел неосторожность раза два-три упомянуть, как старшие ребята или взрослые накидывают на озябших маленьких мальчишек свои куртки (чаще всего объектом такой заботы оказывался маленький Юкки — вечный странник на звездной Дороге). Казалось бы, дело обычное. Мне трудно представить, как при внезапном холодном шквале или снежных зарядах (бывало такое) инструкторы «Каравеллы» оставили бы на себе свои штурманские куртки и не отдали бы их мальчишкам и девчонкам, оказавшимся в легкой летней форме. Но с точки зрения «критиков», в таких поступках кроется что-то непозволительное: то ли излишне сентиментальное, то ли даже порочное.

В связи с этим хочу сделать «декларативное заявление», обращенное к руководителям существующих и будущих отрядов: «Господа, товарищи и коллеги, не опасайтесь накидывать свои штормовки и ветровки на продрогших ребят, не бойтесь насмешек и подозрений, детское здоровье дороже!»

Теперь (то есть во-вторых) — о термине «крапивинские дети», «крапивинские мальчишки». Не знаю, какой недоразвитый теоретик впервые ввел это понятие, но оно многие годы кочует из статьи в статью, с сайта на сайт. А когда начинаешь перечислять черты и свойства «крапивинских детей», то обнаруживается, что это типичные признаки самых обычных ребяташек, которых миллионы и миллионы. Тех, у кого лю-

бовь к приключениям и занимательным книжкам, мечты о парусах и других планетах, тоска по маме, если впервые оказались далеко от дома; растрепанные волосы и торчащие под майками лопатки, обиды на несправедливости и стремление с этими несправедливостями воевать (неумело, но достаточно храбро); досадные двойки и тройки в дневниках и страсти к корабельным моделям, воздушным змеям и футбольным мячам (ах да, еще «поцарапанные коленки»; но тогда таких ребят на Земле просто миллиарды). Сами, что ли, не были такими? Или не встречали в детстве таких среди соседей и одноклассников? Подобных ребят полно в повестях Гайдара и Кассиля, Осеевой и Железникова, Юрия Яковлева и Радия Погодина, Веры Пановой и Сергея Иванова, Носова и Сотника, Лиханова и Алексина, Бреженера и Прилежаевой... Так чего приписывать В. Крапивину создание какого-то особенного типажа? Или то, что раньше воспринималось как нормальное, теперь уже не в ходу?..

По крайней мере, АРДО-вские лидеры ухитрились усматривать в обычных детях черты особой симпатичности и привлекательности, ощущая желание «прятаться за дверь», «накидывать курточки» и «проводить их домой и вести умные беседы» и т. д. (признание Т.В. Кертиса в этом уже процитировано выше).

Не знаю, насколько проникновенны были такие «беседы», но столь «сокровенное» общение с ребятами в «Каравелле» не одобрялось (на гостей, демонстрирующих подобный стиль отношений, смотрели холодно). Пока наши мальчишки и девчонки, скинув рубашки с аксельбантами, обдирали ладони и перемазывались шпатлевкой и краской при ремонте яхт, расшибали те самые «коленки», сгружая суда с машин на причалы, выматывались на тренировках и съемках, сочиняли репортажи и заметки по заданиям «Пионерской правды» и областных газет, АРДО-вские гости «прятались за дверь» и при первой возможности вводили юных барабанщиков, матросов и подшкиперов в свою компанию. Где-нибудь на лужайке или в укромном уголке вели те самые «умные беседы» и пели под гитару. Каравелловские песни АРДО-вцам нравились. Думаю, что кроме одной — той, где такие строчки:

Много на свете есть песенок о бригантинах,
О парусах невесомых и шелково-алых.
Те, кто поют их, за плечи обнявшись картинно,
Знают ли сами про жесткость пенькового фала?

Те, кому хотелось «прятаться за дверь», про жесткость фалов не знали. И знать не хотели. Поэтому их конец был предreshен...

Не стоило бы так подробно останавливаться на сочинении Т.В. Кертиса, если бы оно не служило доказательством простой истины: **с ребятами надо заниматься делом, а не пускаться вокруг них слюни** и не становиться энергетическими вампирами, получая «подзарядку» и удовольствие от общения с теми самыми детками — «симпатичными, беззащитными, с широко распахнутыми глазами».

Про союзников и «люстру»

Возвращаясь к вопросу, как избежать проникновения в организацию *тех самых* псевдолидеров и тем более (упаси Господь!) их воцарения там, хочу вернуться к мысли: все звенья организации должны быть предельно открытыми. И прежде всего для родителей.

Это дает немало преимуществ.

Во-первых, родители, имеющие возможность и право прийти в отряд в любое время, на любые занятия, вникнуть во всякие дела и проблемы, могут быть уверены, что с их детьми все в порядке.

Во-вторых, среди родителей (а также и других родственников) находятся замечательные помощники — спонсоры, мастера всякого дела, готовые поделиться своим умением; водители автомобилей (а как, например, обойтись без них при перевозке судов из мастерской на причалы?); художники и музыканты; плотники и портные (опытные руки для ремонта нужны? — нужны; для возни с ребячьей формой и шитьем костюмов «киноактерам» помощь нужна? — нужна). Люди, занимающие места во всяких властных структурах, то-

же полезны (простите уж за прагматизм, но такова жизнь). В общем «мамы (и папы) всякие нужны...».

И — очень важный фактор (это в-третьих) — хорошее знакомство родителей с ребячьей организацией, их проникновение в ее жизнь, очень помогает взаимопониманию родителей и детей внутри семейства. Поддерживанию того гармоничного быта, в котором мамы-папы и дочери-сыновья действительно одна дружная семья. Поэтому на праздниках «Каравеллы» всегда проблема — как разместить в «муравейнике» множество взрослых гостей, а в специальные «родительские» дни парусной практики на берегу (да и на яхтах) тоже полно «представителей старшего поколения».

Особенно хорошо налаживается взаимопонимание между двумя поколениями, если мама или папа в свое время тоже прошли школу «Каравеллы»...

Сейчас конфликты с родителями редки. В прошлые десятилетия было сложнее. Взрослые не сразу привыкали к пониманию, что у их отпрысков в отряде свои серьезные дела и программы и надо с ними как-то сочетать семейные интересы. Не отправлять детей в пионерские лагеря, пока во флотилии не закончена обязательная летняя программа. Согласовывать с этой программой свои отпуска и пребывание на дачах. И ни в коем случае не прибегать к аргументам такого типа: «Пока не прополешь всю клубнику, ни в какой отряд не пойдешь!» Потому что график летних занятий «Каравеллы» не зависит от произрастания на грядках ягод и овощей и подогнать его (график) к этому явлению невозможно.

Порой конфликты создавали трагикомические ситуации. Году в 72-м или 73-м мама и папа двенадцатилетнего штурмана Андрюшки Ш. (сейчас он штурман северной авиации) возымели намерение отправиться с сыном на юг.

— У меня же парусные гонки и зачеты! — завопил Андрюшка.

— Но в кои-то веки можно сделать исключение!

— Я не хочу! Не имею права! Я штурман флотилии!

— Обойдется флотилия без тебя! Один-то раз! Укладывай чемодан!

В квартире все было готово к долгому отсутствию хозяев.

Постели свернуты в тюки. Андрюшка сел на голую кровать с ромбической сеткой, пропустил сквозь эту сетку ноги и вцепился в проволоку. Утвердившись в такой позиции, штурман объявил родителям, что увезти его к Черному морю они смогут лишь вместе с кроватью. По некоторым (правда, непроверенным) данным, папа попробовал прибегнуть к «сильнодействующим» методам, но Андрюшка держался за сетку мертво.

Мама и папа кинулись в отряд.

— Повлияйте на него!

— Но у него же парусная практика. А вы подписывали в анкете обещание не срывать сыну летнюю программу, — отвечал я при молчаливом одобрении флагманов.

— Но мы... у нас горящие путевки!

— Сдайте Андрюшкину путевку обратно, а его оставьте с бабушкой...

— Но он никогда не видел моря!

— А он хочет видеть его *сейчас*?

— Значит, если мы его заберем, вы его отчислите?!

— Сперва попробуйте забрать... — хмыкнула как бы про себя флагман Наталья С. (ныне известная детская писательница).

— Дело даже не в том, что отчислим, — сказал я (дипломатично уклоняясь от «да» или «нет»). — Вы подумайте лучше, *какой* у вас будет отдых с Андрюшкой, если вы его все-таки увезете...

Папа подумал.

— Тьфу... — сказал он (это мне).

— Иди договариваться с бабкой, — сказал он (это жене).

— Пойду сдавать путевку, — сказал он (это в пространство).

Через час штурман Ш. появился в отряде — востроухий, сопящий, но довольный.

— То-то же... — заметила флагман Наталья. И велела вахтенному: — Принеси из аптечки зеленку... — потому что Андрей сердито растирал ссадины на загаре исцарапанных кроватной сеткой ног.

— Не надо! — малодушно взвыл только что проявивший незаурядное мужество и твердость штурман.

— Надо, — сурово решила Наталья. — От судьбы не уйдешь, это тебе не поездка на курорт...

После этого у отряда с Андрушкиными родителями всегда было взаимопонимание.

Теперь собираюсь вспомнить случай, когда взаимопонимания с родителями (по крайней мере, с некоторыми) так и не было достигнуто. Остановившись на «негативных» примерах, должен подчеркнуть снова, что, на мой взгляд, «доказательства от противного» действуют порой сильнее тех, которые «за»...

Мне довольно часто приходили (и приходят сейчас) письма от читателей, в том числе от педагогов. Особенно от молодых, только начинающих свою работу. К сожалению, не все они сохранились. Например, туго набитый рюкзак с конвертами 70—80-х годов безвозвратно погиб, когда в кладовке прорвало трубу с горячей водой — бумага превратилась в месиво. Конечно, очень многие из этих писем забылись, но одно я помню хорошо. Писала двадцатипятилетняя классная руководительница из города Горького — про четвероклассника Ромку, который был потрясен «предательством» родителей. Они обещали отправить его на летние каникулы к хорошему другу, недавно уехавшему в другой город, но в последний момент оказалось, что нет денег. Потому что их предпочли потратить на покупку роскошной хрустальной люстры, которая должна была чудеснейшим образом украсить интерьер.

Учительница сообщала, что Ромка не рыдал, забившись в угол, не устраивал шумных скандалов и не пытался разбить ненавистную люстру. Только он *«будто закаменел и перестал разговаривать с матерью и отцом»*.

«Понимаете, у него с этой дружбой было столько связано, — писала учительница. — Будто какая-то особая струна пела в душе. И она лопнула... Я не знаю, что сказать мальчику, что делать. Я даже предлагала свои отпускные деньги для Ромкиной поездки, но родители, конечно, отказались. Да теперь

уже не столько в поездке дело, сколько в том, что нет у него к родителям прежнего доверия и любви...» (Это я цитирую по памяти, но уверен, что близко к тексту.)

Я тоже не знал, что тут можно сказать мальчику. Так и написал учительнице, выразив сочувствие и ей и Ромке. А вскоре на родительском собрании в «Каравелле» я рассказал об этом случае отцам и матерям наших ребят.

Все-таки, несмотря на многочисленные «шишки» и «обломы», я все годы своего активного командорства оставался идеалистом. Точнее, идеалистом в большей степени, чем следовало бы. Поэтому, излагая Ромкину историю, я был уверен, что встречу у «наших» мам и пап полное понимание. И был крайне удивлен, когда увидел на лицах чуть ли не половины присутствующих этакую «затверделость» и отведенные в сторону глаза.

«...И было молчание».

— Видите ли, Владислав Петрович, — наконец взял на себя роль первого выступающего один папа, человек с высшим образованием и внешностью доцента. — Вы, как литератор (к тому же талантливый), усматриваете в данной ситуации нечто вроде книжного сюжета. Для этой цели ситуация вполне подходящая. Можно вызвать читательское сочувствие к мальчику Роме и развернуть сюжет в драматическом ключе: переживания, ночные слезы, бегство из дома к другу, дорожные приключения, возможное раскаяние родителей... ну и так далее. Но если смотреть с житейской точки зрения, родителей Ромы можно понять... Его душевная струна — вещь, так сказать, эфемерная, а люстра, для обретения которой они, родители, видимо, положили немало сил, представляет для них реальную и весомую ценность. Не только материальную, но и... как бы воплощение их давних стремлений и, если хотите, некий эстетический фактор. Эта сверкающая, украшающая жилище вещь, видимо, символизировала для них и красоту, и уют, и благополучие семейного бытия...

— Особенно — последнее... — не удержался я.

— Да чего там, дурь одна у пацана, — выразила свое мнение чья-то мама (не имеющая высшего образования). — Луч-

ше бы книжки, заданные в школе, читал, а не морочил отцу-матери головы...

Другая мама высказалась в том же ключе, хотя и не столь категорично:

— Мальчика жаль, но родители ведь тоже правы по-своему...

Мне стоило труда удержаться от цитаты Юрия Олеши по поводу учителя танцев Раздватриса: «Как видите, он был не глуп по-своему. Но по-нашему глуп...»

Я сделал ход конем и сослался на педагогический авторитет:

— Однако вот и учительница сочувствует ребенку и не одобряет решения родителей...

— Молодая, вот и не одобряет! — подвела итог мама, самая безапелляционная из всех. — Небось, у самой еще мужа-детей нет, вот и не знает пока, как оно горбатиться на пользу дому... А мальчишка сперва пусть научится зарабатывать, а потом решает, к другу ехать или покупать холодильники-телевизоры и все такое...

Логика была непрощаемая. Стало ясно, что убедить здравомыслящее собрание о преимуществе эфемерной «струны» перед реальной, увесистой и сверкающей люстрой нечего думать. Я осторожно свернул на другие рельсы — о необходимости добыть эмалевые белила для ремонта яхт по имени «Атос», «Портос», «Арамис» и «Д'Артаньян». Здесь понимания оказалось больше...

Думаю, что сейчас у многих, кто прочитает эту историю, появится снисходительная усмешка в адрес автора и понимание родительской правоты. Но дело происходило еще в «до-перестроечные» времена, до той поры, которая открыла для многих как бы официальное признание приоритета материальных ценностей над нравственными и полную оправданность неудержимого стремления к приобретательству.

И, по правде говоря, я был раздосадован...

А что стало с Ромкой, я, к сожалению, не знаю, учительница перестала писать. Может быть, тоже склонилась в пользу «люстры»? Впрочем, не думаю. Среди учителей я встречал

немало бескорыстных, понимающих детские души людей и не устаю это повторять, хотя среди некоторых критиков и педагогов бытует мнение, что «Крапивин и его отряд всю жизнь противопоставляли себя школе».

Отталкиваясь от этой своей «оправдательной» реплики, я имею возможность стилистически плавно перейти к «школьной» теме. То есть к теме отношений между школой и вне-школьной детской организацией.

Про гостью на «Дике Сэнде»

Школа есть школа. От нее детям никуда не деться. Другой вопрос: какая она нынче и сколько в ней плюсов и минусов? Касаться этого вопроса — значит уходить сейчас далеко в сторону от нашей основной темы. Но если даже предположить, что школа состоит из одних «плюсов», следует признать, что главная ее цель — дать ребенку знания. А получение знаний — процесс сугубо индивидуальный, поскольку индивидуальна цель учащегося: он (лично он) должен сделаться образованным человеком.

Попытки соединить обучение с воспитанием предпринимались с давних времен. Но делались они (несмотря на разные лозунги и декларации социального и общегуманистического плана) практически с одной целью: чтобы класс, в котором происходит обучение, был управляем и давал возможность наставнику нормально вести занятия. А показателем уровня этих занятий была успеваемость учащихся. По ней же, по успеваемости, ценился и сам ученик. Помните?

Оценки в журнале — вот высшая мера...

Ну и, конечно, еще «дис-ци-пли-на!». При спокойном поведении и отсутствии двоек (а желательно и троек) ученик имел стопроцентные шансы характеризоваться как благополучная во всех отношениях и перспективная в социальном плане личность.

Так, по крайней мере (если не на словах, то на практике), полагали (и полагают) школьные деятели.

Но власти — любого уровня и любой политической направленности — понимали, что этого мало. Поэтому и пытались возложить на учебные заведения роль воспитателя, призванного научить ребенка жизни в обществе, коллективным навыкам и нравственным понятиям, для данного общества и данного времени необходимым. Учебные заведения в полной мере справиться с этой задачей не могли, поскольку такая задача не стыковалась с основной целью — накачиванию своих питомцев знаниями.

Можно опровергнуть эти утверждения и привести обратные примеры (вроде, скажем, пушкинского Лицея или школы Сухомлинского), но они будут говорить об исключениях, а не о типичном положении дел.

Необходимость коллективного гражданского воспитания хорошо понимала и Советская власть. Именно поэтому в начале тридцатых годов она распорядилась передать школам пионерскую организацию, полагая, что таким образом будут гармонично соединены два процесса — индивидуальное обучение и то самое коллективное воспитание.

Такое соединение свело роль детской организации к минимуму: школа с ее сложившейся авторитарной системой подмяла пионерию под себя, фактически подчинив ее своим двум целям — чтобы дети хорошо учились и слушались (опять же извините за повторение).

Школу можно понять. У нее своя забота. Но можно понять и детей, которым школьной жизни мало. Они не могут жить, подчиняясь только жесткой школьной регламентации и превращая свой быт в сплошной процесс обучения. Это понимают и здравомыслящие педагоги.

Как-то очень давно, еще в советские времена, сидел я в кабинете у своего друга, директора одной московской школы Семена Иосифовича Аромштама (кстати, с него я «слизал» образ школьного директора Бориса Ивановича в цикле повестей «Мушкетер и фея»). И слушал, как он объясняется с бабушкой пятиклассника-троечника, вместе с остальными отпущенного на долгожданные весенние каникулы. Бабушка льстиво-жалобным голоском причитала:

— Вы уж поостроже с им, задайте ему на свободные-то дни

побольше, чтобы не болтался зря, а сидел над книжками, коли до этой поры толку не было...

Семен Иосифович дышал, «набухал» и вдруг взвыл плачущим голосом:

— Да вы ему кто?! Бабушка или... Он же ваш родной внук, почему вы его не можете пожалеть?!

Бабушка осела:

— Дак ведь... если троечник, тогда как? Учиться-то должен или нет?

— Учиться он должен в учебной четверти, а каникулы для того, чтобы отдыхать! Гулять на улице, читать фантастику, гонять футбол! Хоть троечник, хоть кто! Он ребенок! Он имеет право на нормальную детскую жизнь!

Бабуся мелко кивала и пятилась к двери — с таким видом, словно узрела перед собой нечистую силу. Когда она исчезла, Семен Иосифович простонал:

— Девяносто процентов родителей рассматривают своего сына или дочь исключительно как машину для приготовления домашних заданий, а все остальные их дела воспринимают как помеху к этому процессу. Если только это не музыкальная школа, гимнастика или фигурное катание... Сами абсолютно забыли, как были детьми...

— Сеня, гороно выгонит тебя из школы, — предрек я.

— Пробовали уже, обломались... — буркнул мой друг...

Дети имеют право на «нормальную жизнь». То есть на *свою собственную*.

Они не могут круглосуточно существовать под безапелляционным взрослым руководством. Они вправе состоять в сообществе, где чувствуют себя равными среди равных, получают возможность проявить себя в придуманных ими же делах, в творческих процессах, причем на основе *добровольности*.

Здесь принципиальный момент. В школу ребенка *приводят*, а в детское сообщество он *приходит сам*. Это уже изначально дает ему ощущение своей значимости и свободы. Он выбирает дело и образ жизни по вкусу, а может и совсем не выбирать, а просто уйти — если не понравилось.

Вот это ощущение добровольности и свободы всегда служило причиной, что за границами школы во все времена создавались ребячьи группы, команды, объединения.

Но здесь ребят часто поджидала другая беда. Уличные компании и ватаги далеко не всегда отличались демократизмом и доброжелательностью ко всем своим членам. Очень часто захватывал власть наиболее сильный неформальный лидер. Правила дворовой жизни были таковы, что приходилось или подчиняться чужим авторитетам, или отстаивать свое «я» дерзостью и кулаками (как, впрочем, нередко и в школьных классах). Это не устраивало и многих детей (особенно с более или менее развитым интеллектом), и взрослых, которые были равнодушны к детской жизни.

Потому и стали появляться детские организации — разновозрастные, объединенные интересами, выходящими за рамки учебных программ, проповедующие товарищество и права детей и, как правило, не подчиненные ни стихийным дворовым традициям, ни школьному руководству.

Естественно, учителям это не могло нравиться. Не потому, что школьная система таит в себе какую-то изначальную зловредность, а потому, что у нее свои задачи.

Школа вдруг спохватывалась, что некоторые из ее питомцев, оказывается, подчинены не только классным руководителям и завучам, но еще и находятся под влиянием каких-то иных взрослых людей — неких неизвестных педагогам лидеров, которых ребята к тому же называют на «ты» и ценят их авторитет не меньше (а то и больше), чем авторитет Марьи Ивановны и Анны Петровны.

Школа начинала сталкиваться с фактами, что дети ни с того ни с сего (а вернее, и «с того, и с сего» — из-за этого самозванного отряда!) начинают проявлять излишнюю самостоятельность суждений, а иногда позволяют себе даже высказываться в том смысле, что ученики должны иметь какие-то права... («Вы сперва научитесь себя вести, а потом уж...»)

Школа обнаруживала, что дети из этих самых отрядов подвергают сомнению и расшатывают незыблемость сложившейся системы: делают заявления, что не могут оставаться на продленку и участвовать в «добровольно-обязатель-

ном» школьном хоре, поскольку у них дела в какой-то подозрительной «Бригантине» или «Рапире».

Естественно, у школы возникала уверенность, что в этих «Бригантинах» и «Рапирах» учат *не тому*. Во-первых, *тому* учить могут лишь в школе с включенной в ее систему пионерской организацией и по утвержденным минпросовским планам занятий и воспитательной работы. Во-вторых, наглядное доказательство вредности этих «самостийных» объединений — испортившиеся характеры попавших туда школьников...

Я рассказываю не только об опыте «Каравеллы». Такая ситуация была характерна практически для всех разновозрастных самостоятельных отрядов, возникавших за рамками школы.

История внешкольных детских организаций богата и длительна по времени. Немалую часть в ней справедливо занимает скаутинг. Читая воспоминания скаутских лидеров, я не встречал упоминаний о конфликтах их отрядов со школами. То ли просто не наткнулся на эти эпизоды, то ли скаут-мастера не упоминали их из деликатности. Но мне кажется, что серьезных конфликтов там просто не было. Скаутские организации в Европе и Америке оказались почти сразу признаны населением и правительствами как одно из законных звеньев общества, призванных служить формированию будущих граждан. А потому признала их и школьная система (кстати, и не претендовавшая на монополию в деле воспитания).

Отсюда — простой вывод. Если в стране или в большом регионе возникнет массовая внешкольная организация, она должна быть признана властями официально, объявлена законным — наряду со школой — средством воспитания детей и подростков, должна получать от этих властей поддержку, как моральную, так и вполне материальную — финансирование, помещения для занятий, помощь в подготовке инструкторских кадров. Иначе не стоит и огород городить.

Когда школа будет на должном уровне проинформирована о легитимности возникшей организации, она (т. е. школа), привыкшая всегда жить по указаниям сверху, примет эту

организацию как данность (или пусть даже как неизбежное зло) и не станет ставить ей палки в колеса.

Это первый этап.

Второй же — налаживание контактов и возможных форм взаимодействия между организацией и школой, но на условиях творческого сотрудничества и равноправия, а не под патронатом системы Минпроса, мало что понимающего в детском движении, но всегда претендующего на главенство. То есть не так, как было у завучей по воспитательной работе, гонявших девочек-вожатых в магазин за канцелярскими скрепками и диктовавших им, этим вожатым, как проводить пионерские сборы...

Вернусь к скаутам. Думаю, что и у них не все было просто. По крайней мере, когда я в 76-м году беседовал в Варшаве с лидерами польских морских скаутов («харцеров водных»), выяснилось, что у них проблемы отношений со школами те же, что у нашей «Каравеллы». Те же обвинения в «отрыве от школьного коллектива», «пренебрежении учебой», «непонимании простой истины, что школа — прежде всего». Те же звонки родителям: «Как только он записался *туда*, стал хуже себя вести и снизил успеваемость»... Впрочем, тогда Польша была социалистической, и, возможно, взаимопроницаемость партийных традиций сказывалась и на таких вот воспитательных проблемах.

Однако в нынешней жизни России, счастливо избавившейся от «гнета социализма» (что получили взамен — отдельный вопрос), внутри школы — ослабшей, раздерганной, уставшей от постоянного экспериментаторства, с униженными чахлой зарплатой учителями — отношение к внешкольным объединениям не стало лучше. По крайней мере, не на словах, а на практике.

Согласитесь, очень удобно видеть вину в неудачах учебного процесса не внутри школы, а на стороне. И как соблазнительно воспользоваться удобным рычагом: «Мы вам советуем запретить вашему сыну (или дочери) посещать эту самую «Бригантину», пока он (она) не подтянется по английскому и геометрии...»

Впрочем, это уже не про «Каравеллу», а о более новых и неокрепших отрядах. «Каравелла»-то давно отучила классных наставников от такого метода. В давние времена бывало, что он действовал: родители накладывали «временное табу» на посещение своим отпрыском занятий пресс-центра и флотилии. Но здесь же сразу действовал и «контрметод»: родители официально ставились в известность, что сын или дочь отчислены из отряда, поскольку они, папа или мама, нарушили данное ими при записи ребенка обещание не препятствовать ему в прохождении программы «Каравеллы». После этого ребенок, как правило, устраивал дома такой «бенц», что родители спешили в отряд с просьбами о «повторном принятии» и заверениями, что «больше не повторится», а корреспондентская группа «Каравеллы» устраивала «бенц» школе — по поводу применения той незаконных и антипедагогических приемов.

Здесь опять хочу оговориться. Может возникнуть впечатление, что «Каравелла» всегда была со школами «на ножах». Это вовсе не так. О конфликтах речь пошла, чтобы подчеркнуть необходимость независимости самостоятельной детской организации от минпросовской системы. А на уровне «обычной жизни» мы много сотрудничали с разными школами, встречали у себя в гостях учеников и учителей, устраивали в школах киносеансы, помогали там выпускать стенгазеты, принимали подшефных третьеклассников в пионеры. К нам приезжали школьные экскурсии из разных городов, мы организовывали для этих ребят прогулки под парусами, показывали свои спектакли.

Еще в середине шестидесятых отряд подружился с начальными классами в поселке Северском, собрал для них библиотеку, затевал совместные дела.

Примерно в это же время возникла дружба с московским интернатом № 58. Ребята не раз ездили друг к другу в гости, даже создали общий пресс-центр, вместе выполняли задания журнала «Пионер»...

Все это воспринималось как самые обыкновенные дела, поэтому сейчас и перечень выглядит скучноватым, как в газетной заметке неопытного корреспондента. Драматические

ситуации запоминаются крепче в силу их неординарности и «нервотрепки».

Кстати, бывают случаи, когда педагоги, вначале воспринимавшие отряд в штыки, потом, познакомившись поближе, меняют точку зрения на сто восемьдесят градусов.

Еще в тех же давних шестидесятых у нас с местной школой в поселке Уктус разгорелся конфликт из-за грубости и рукоприкладства некоторых наставников. Дело кончилось статьей в областной молодежной газете, всякими разбирательствами и наказаниями виновных. Завуч Алевтина Леонидовна поначалу крайне возмущалась «этими самыми юнкорами и их писателем». Однако однажды, в разговоре с глазу на глаз, она сказала: «Чего мы только ругаемся, позвали бы к себе в гости, показали, как и что...»

Ребята охотно позвали и показали. Раз, другой... И скоро Алевтина Леонидовна стала союзником «Каравеллы». Неоднократно помогала во всяких делах. Однажды даже выделила из школьного фонда запас фанеры для строительства новых яхт. Мы друзья до сих пор и при встрече любим вспомнить «дни бурной педагогической молодости»...

А вот совсем необычный случай, в середине семидесятых. Были у нас отряде два брата, Боря и Рома, сыновья известного музыкального деятеля. Талантливые ребята. Они очень любили «Каравеллу» (кстати, и сейчас любят, хотя давно выросли), а папа ее не любил. Он считал, что отряд отвлекает сыновей от учебы и «противопоставляет детей взрослым». Однако характеры деток были таковы, что папа оказался не в силах категорически отрешить Бориса и Романа от флотилии, те выросли в нее всеми корнями. И папа пошел за помощью в школу.

Руководство к просьбе уважаемого человека отнеслось с пониманием (тем более что разделяло его взгляды). И применило особую тактику: послало в отряд «объективного представителя» — студентку-практикантку, — чтобы та «с независимых позиций» оценила ситуацию, разобралась в конфликтной схеме «папа-дети-отряд-школа», вынесла свой вердикт и способствовала нейтрализации дурного влияния «Каравеллы» на музыкально одаренных мальчиков.

К «независимости позиций» гости инструкторы отнеслись со скепсисом, однако встретили ее на водной станции вежливо и охотно рассказали об отрядных делах.

— Как видите, не пьем, не курим, занимаемся производительным трудом и общественно полезными делами, — комментировал коллективный рассказ пятнадцатилетний капитан Алеша Усов. — Смотрите, какой корабль отгрохали. То есть это не корабль в строгом понимании, а гафельный тендер, но тем не менее вполне морское судно...

Недалеко от причала, пришвартованный к плавучей бочке, покачивался на легкой волне наш недавно построенный «Дик Сэнд», очень похожий на суда восемнадцатого века.

— В самом деле красавец, — согласилась инспектирующая студентка.

— А внутри он еще лучше. Хотите посмотреть? — предложил Боря (потом он убеждал всех, что не таил никакого умысла).

Девушка (кстати, рослая, спортивного вида) хотела. Ей джентльменски предложили облачиться в брезентовый комбинезон и спасательный жилет. К пирсу подогнали сборно-надувную яхточку, которая служила тогда «разъездной шлюпкой». Сначала на «Дик» переправился его экипаж, затем Боря повез на него студентку.

Едва яхточка приблизилась к «Дику», девушка потянулась к нему и ловко ухватила за высокий планшир. Но накачанный борт «разъездной шлюпки» упруго ударился о твердый борт тендера, и она быстро отошла от «Дика» на полтора метра.

— Ай! — сказала студентка. Потому что оказалась в «подвешенном состоянии»: ладони ее лежали на планшире большого судна, ступни цеплялись за борт коварной яхточки, а туловище повисло над водой, как бы образуя прогнутый мостик.

Яхточка в таком положении оказалась неуправляемой, Боря суетливо замахал веслом.

— Ай... — опять сказала студентка (впрочем, без паники) и разжала руки. Плех!..

Ее довольно быстро, с охами, ахами и всяческими извине-

ниями (искренними, потому что перепугались) выволокли на «Дика».

— Боря, — скорбно сказал я с полубака. — Ты можешь уверять сколь угодно и часто, что сделал это не нарочно. Ни педагогическая общественность, ни один человек вообще не поверят тебе ни в какие времена.

— Ну правда же не нарочно! — взвыл он с интонацией, близкой к стопроцентной честности...

Единственным человеком, который полностью поверил Бориной клятве, была эта девушка. Отряхиваясь, как вылезший на сушу водолаз-нюфаундленд, она восклицала:

— Как здорово! Какая прелесть! Настоящее морское приключение!

И повторяла это, когда ее в рубке угощали горячим какао из термоса (вода в сентябре была не совсем для купания). Потом спросила:

— А можно поставить паруса?

— Можно! — радостно возгласил Боря и только потом взглядом спросил разрешения у меня...

Видимо, отчет «инспектирующей студентки» школьному начальству был вполне восторженным. По крайней мере, оно больше не предпринимало негативных действий. Да и папа на какое-то время успокоился. А девушка еще несколько раз была у нас в гостях...

Этим жизнерадостным эпизодом мне и хочется закончить главу о взаимоотношении ребячьих отрядов со школами, хотя в общем-то тема неисчерпаема и могла бы послужить основой для пухлой монографии.

Да или нет

(в смысле «быть или не быть»)?

Две ключевых темы — «Организация и семья» и «Организация и школа» — я уже «копнул» (удачно или нет — судить читателю). Остался последний из «трех китов» — «Организация и власть».

Но зайду немного со стороны.

Когда в прессе появились поспешные сообщения, что ав-

тор этих строк побывал у мэра своего родного города Тюмени и обсуждал с ним вопросы развития массового детского движения в Тюменском регионе, в Интернете и на всяких диспутах раздались панические вопли: «Это что же! Опять всеобщая обязаловка?! Новая пионерская организация?! Снова неукоснительные инструкции и разнарядки, по которым мы должны будем строить свою работу?! Крапивин мечтает превратить детское движение в «Каравеллу» глобального масштаба?! Наверно, он сам хочет стать его лидером!»

Судя по всему, это встревожились руководители и начальники всяких отдельных детских объединений и клубов, которые чиновникам еще не удалось закрыть.

Господа, успокойтесь. Я не хочу быть никаким лидером (да и раньше не хотел, судьба заставила). Мне хватило «телеги», которую я волок в упряжке со своими помощниками в течение тридцати пяти лет, теперь пусть тянут молодые. Единственное, чего мне хочется в мои годы, это лежать на диване, чесать брюхо любимому коту Тяпе, попивать из жестянки пиво и время от времени сочинять сказки, которые еще, слава Богу, пока печатают. И встречаться со старыми друзьями... А что касается организации, меня попросили поделиться мнением, вот я и делюсь: иногда при встречах с представителями властей, а еще — вот в этой книжке.

Беспокойство детских руководителей, напуганных прежними годами тоталитаризма, можно понять. Но не надо паники, уважаемые коллеги! Ведь речь-то идет об организации, одно из генеральных условий которой — сугубая *добровольность*. И если вам хочется пребывать со своим отрядом или клубом в полной автономии, то и пребывайте на здоровье.

Только эта автономия часто чревата шаткостью прав и положения, вечной нехваткой средств и зависимостью от прихоти властей самого низового уровня, а то и от капризов отдельных чиновников. Потому что полной независимости не бывает никогда.

«Каравелла» уж на что была автономна, а никогда не вышла бы без поддержки настроенных к ней по-доброму людей и организаций. Бытует легенда, что Командор содержал отряд исключительно на свои средства. Но никаких личных

средств здесь не хватило бы. Да, покупал ребятам форму и снаряжение, спортивное оружие, аппаратуру, кино- и фото-материалы. Бывало, что возил группы к морю и в разные города. Но ведь надо было еще оплачивать аренду помещений, всякие коммунальные услуги. Это делали домоуправления — сперва на Уктусе, потом в разных районах Свердловска. Эти же домоуправления из своих небогатых средств выделяли деньги иногда на полставки, а иногда и на полную ставку для моих помощников, занятых всякими «оргделами». В 1980 году один из свердловских заводов, где в ту пору работали несколько бывших воспитанников отряда, выделил «Каравелле» помещение заводского детского клуба (в ту пору совершенно «захащенного») и твердую ставку воспитателя. На эти деньги, например, почти десять лет существовала самоотверженно обитавшая в общежитии моя помощница — преданная отряду, умелая и не жалевшая для «Каравеллы» сил Наташа Смарцелова. Но, к сожалению (хотя, конечно, и к радости), к молодым женщинам рано или поздно приходит время обзаводиться семьей...

А морское оборудование! А материалы для строительства судов! Нас снабжали ими и местная морская школа ДОСААФ (ныне школа РОСТО, которой сейчас руководит выпускник нашей флотилии каперанг Вячеслав Гулевич), и соседние яхт-клубы. Фанера, такелажные тросы и детали, якоря и блоки, шлюпки — списанные, но вполне годные для занятий — все это шло от них...

А навигационные приборы, флаги, учебные карты, пособия, своды сигналов... Их дарили нам моряки самых разных пароходств — с Черного и Белого морей, с Тихого океана и Балтики...

В начале девяностых годов (уже после моей формальной «отставки») «Каравелла» вошла в состав «Социума» — объединения детских клубов Кировского района Екатеринбурга, и положение еще больше стабилизировалось. Не особенно докучая предписаниями и проверками, «Социум» в нынешние дни регулярно финансирует пресс-центр и флотилию. За что, конечно, достоин всяческой признательности.

Но, во-первых, до этой поры относительного благополу-

чия были тридцать лет, полных всяческих трудностей, бедности, иногда бесприютности, а то и кризисов... А во-вторых, это ведь удача одной, отдельной взятой «Каравеллы».

С другими отрядами дело обстояло и обстоит далеко не так хорошо. Иногда — совсем даже не хорошо. Их просто некому взять под свое крыло.

Будущая организация могла бы решить эти задачи.

Эта будущая организация (если когда-нибудь дело дойдет до создания) не предполагает централизации ни в методике, ни в руководстве. Пусть отряды (и объединения со всякой иной структурой) работают на местах в соответствии со своими планами и уставами. Пусть иногда собираются на общие сборы и слеты, чтобы познакомиться друг с другом, затеять (если возникнет желание) какие-то совместные дела, принять участие в больших соревнованиях и конкурсах, рассказать друг другу о своей жизни... Но главная их жизнь — у себя дома, по своим планам, в соответствии со своими интересами.

Нужна эта организация совсем не для того, чтобы ее высшие руководители и методисты (а попасть на эту должность захотят многие «дамы от Минпроса и бывшей пионерии») сочиняли для всех отрядов единые программы и «планы мероприятий», требовали отчеты о «проделанной работе» и «наполняемости контингента», прорабатывали неугодных им лидеров за отклонение от «утвержденной методики», убирали и назначали по своему вкусу «ребячьих комиссаров», устраивали себе в загородных лагерях праздничные «конференции по обмену опытом» и ездили для изучения такого опыта за границу...

Центральное руководство организацией (когда власти признают ее одним из законных институтов общества) необходимо для помощи своим отдельным звеньям — отрядам на местах. Чтобы поддерживать тех, кто существует уже давно, и помогать становиться на ноги тем, кто едва появился на свет. Чтобы не давать в обиду местным чиновникам руководителей отрядов и ребят. (А то ведь как бывает! Поспорил «ребячий комиссар» с деятелем районной администрации или за-

ступился за своих подопечных перед излишне ретивыми сотрудниками милицейского райотдела — и поехали на беднягу с возом компромата. Или отремонтировали мальчишки и девчонки вместе с родителями-энтузиастами добытый великими трудами полуподвал, и тут же на него «накладывают лапу» местные чиновники, чтобы устроить там свою контору или «подарить» помещение какой-нибудь фирме.)

Такая скрупулезная и мелочная деятельность, копание в судьбах маленьких объединений, а то и отдельных личностей, постоянные «защитные функции» — несущие только хлопоты и нервотрепку и не сулящие славы и наград — все это может показаться назначенному или выбранному на главную должность руководителю не приносящим радости и не сулящим карьерного роста делом. Возможно, оно и в самом деле так. Но тогда этому человеку надо руководить не детской организацией, а пивным заводом, акционерной компанией или конторой ритуальных услуг. А во главе организации должен появиться лидер, отчетливо понимающий (не как затверженную формулу, а всей душой), что дети — будущее страны. И не твердить эту формулу на митингах и в прессе, а пробивать в жизнь. Иначе все получится «как всегда».

«Пионерских генералов и генералыш» — в кокетливых бежевых пилоточках и с горизонтально лежащими на бюстах алыми галстучками — у нас хватало раньше. Они выглядели внешне энергичными, бодро улыбались и салютовали на телеэкранах, любили собираться в «Артеке» и были одержимы мероприятиями всеобщего масштаба — всесоюзными слетами, приветствиями и рапортами пионеров партийным съездам, грандиозными парадами «красногалстучного поколения» перед Мавзолеем, всякими фестивалями и смотрами. Не видевшие столицы Петьки, Васьки и Наташки где-нибудь в Верхней Салде или Нижнем Макарове если и принимались этими «генералами» во внимание, то не более как статистические единицы для общей отчетности...

Людам, которые со всей ответственностью и бескорыстием взвалют на себя руководство будущей организацией (хочется верить, что хотя бы несколько таких «донкихотов» среди многих миллионов найдутся), очевидно, будут понимать,

что их задача — не парады, а постоянная забота об отрядах, состоящих из упомянутых выше реальных Петек, Васек и Наташ. И главная задача — быть посредниками между вот этими маленькими звеньями организации и высшими эшелонами власти. Добиваться от властей внимания, помощи, защиты и все того же осознания простой истины, что без нормального, выращенного добрым, здоровым, исповедующим справедливые нравственные нормы поколения никакого светлого будущего у страны нет, нет и нет...

Не надо быть идеалистами и надеяться, что такое понимание быстро и легко будет достигнуто. Пришедший к власти, сформировавшийся на основе стремления к своим выгодам, крепкий и многочисленный класс чиновников не думает о детях. Естественно, кроме своих собственных, обучающихся в элитных колледжах и уже предопределенных на высокие посты и престижные должности. «Обычным детям» предстоит стать обслуживающим персоналом, пушечным мясом и добытками необходимых для пополнения капитала газовых и нефтяных богатств. Больше, по сути дела, никто чиновничеству (и слившемуся с ним классу бизнесменов) не нужен.

Кстати, в этих условиях делаются не совсем понятными призывы к повышению рождаемости. Ладно, можно, вдохновившись обещанными новыми пособиями, нарожать в два раза больше младенцев. А потом их куда? Их же надо растить, лечить, учить, воспитывать, обеспечивать рабочими местами, жильем, создавать нормальные условия бытия. Но как этого достичь, если и нынешнему-то количеству детей власть не может (или не хочет) эти условия предоставить.

Бесплатная медицина (в том числе и детская) все больше уходит в прошлое, образование — тоже. Выкачивание денег из семей школьников стало всеобщей традицией. Детские клубы, станции, бесплатные спортсекции остаются в воспоминаниях. В детских садах поселяются предприимчивые бизнесмены. Массовые, с миллионными тиражами, детские журналы, издательства и газеты канули неизвестно куда, а без них невозможно развитие детской литературы (которая не оставляла наших детей даже в трагические годы войны с фашистами). А без такой литературы невозможно полноцен-

ное воспитание, ибо при всех уровнях технологий и стремительных пертурбациях в политической жизни основой воспитания всегда остается Слово. Но сейчас Слово пытаются (и не без успеха) заменить агрессивными компьютерными играми и телевизионными сериалами, которые внушают детям, что главное дело в жизни — грызть друг другу глотки и стрелять, стрелять, стрелять...

Понимаю, что говорю общеизвестные вещи, однако это лишь затем, чтобы повторить вопрос:

— *А куда их, столько детей, если заботиться о них не можем, не умеем, не хотим?* Чтобы пополнить и без того колоссальную армию беспризорников, а потом взрослых бомжей? Чтобы все чаще появлялись сообщения о мамашах, выкинувших новорожденных младенцев в мусорные контейнеры? Чтобы росла армия малолетних карманников и токсикоманов? Чтобы увеличивалось количество безграмотной и неприкаянной молодежи, поскольку то и дело слышны разговоры, что «вузов у нас слишком много и не пора ли их...»?

Ох уж эти постоянные крики: «Население сокращается, народ вымирает, страна в опасности!»

Но ведь население — это не поголовье! Оно должно состоять из людей активных, грамотных, здоровых, занятых полезным трудом и творчеством и формирующих жизнедеятельную нацию!

Может быть, кто-то скажет, что такую нацию мы сейчас и выращиваем?..

В газетах и компьютерных сетях нередко появляются отчаянные призывы: спасите тяжело больных ребятишек! Лейкоз, онкология, патология... «Помогите, соберите хоть сколько-то денег, люди добрые, на срочную операцию!» Вот прямо сейчас, когда редактирую этот текст (7 сентября 2006 г.) и полез за справкой в электронную почту, на экране появилось фото маленькой девочки и текст:

Диана серьезно больна, нужна пересадка печени, в Бельгии. Я понимаю, сумма поднебесная — 85 000 евро только за операцию без проживания. Но даже если мы будем скидываться по тысяче, это даст некоторое увеличение общей суммы (на сего-

дняшний день собрано 17 500 евро), но я надеюсь и верю! Правда верю, что даже та маленькая лепта наших скромных финансов хоть как-то поможет малышке.

Возможно, найдется СПОНСОР.

Давайте поможем?!!

Возможно, спонсор найдется. Случается, что добрые люди собирают, помогают, успевают... Всегда ли? А власть, которая должна радеть о каждом российском ребенке, плотно сидит на колоссальных золотых запасах, и специалисты порой дискутируют: как рациональнее использовать средства стабилизационного фонда?

Но ведь малой доли этих резервов хватило бы для создания другого фонда — обязанного помогать всякому больному ребенку, если ему грозит летальный исход. В конце концов, ребенок, как и любой гражданин своей страны, имеет права на долю средств, полученных за счет наших недр, которые принадлежат *каждому* — в том числе и этому мальчику, этой девочке...

Однако *выгоднее* инвестировать за счет стабфонда иностранные компании. А потом можно рассуждать о православии и перед телеобъективами, с благостными лицами ставить в храмах свечки...

А отчаяние матери и отца, которые знают, что не хватит тех проклятых долларов и евро, чтобы спасти их малыша? А судьба самого этого малыша?

Но ведь «не мой же!» А на статистике отдельная потеря не отразится. Тем более что уже заявлено о запланированном повышении рождаемости. Только вот будут ли запланированные новорожденные более здоровыми, чем эти, обреченные? И с удвоением рождаемости не вырастет ли вдвое число трагедий?

Недавно в папке со старыми газетами (той же, в которой отыскалась статья о «кровавых девочках») обнаружил «Литературку» за 18 ноября 1998 года. Там целая полоса, посвященная бесприютным детям и подросткам. Есть там, кстати, в корреспонденции В.Хилтунена добрые слова про тюменский опыт Геннадия Нечаева, обосновавшегося в знаменитой водонапорной башне. Но главный материал полосы — статья Михаила

Хромакова «Подранки». С подзаголовком: «В стране миллионы беспризорных детей. Какое будущее мы себе готовим?»

То самое и готовим...

Статью, опубликованную почти восемь лет назад, можно цитировать, как написанную сегодня. Ни-че-го не изменилось. Разве что (если верить весьма раздерганной и неточной статистике) увеличилось вдвое число беспризорных. И потому не удержусь, процитирую хотя бы эти строчки:

«Общество сшибается в очередной схватке. Кризисы и банкротства. Выброшенных на край большого круга с каждым днем все больше.

Беззащитные гибнут первыми.

Неужели не знают этих цифр там, около престола?

Да в том-то и собака зарыта, что знают. И я знаю, что знают. Один из «ближайшего круга» даже сам про все это писал когда-то в «Алом парусе» «Комсомолки». Неужели и правда власть такая крутая отравя, что едва глотнул, и уже совсем не до людей, а только до себя? Только до себя и дело.

Попробовать докричаться?

Эй, там, наверху! Полегче на поворотах истории. С нами дети!

Не слышат...»

Хочется надеяться, что хоть кто-нибудь да услышит.

Да ведь и слышали уже — те, кто в Тюмени предложил мне заняться такими вот заметками. Кстати, это именно заметки, а отнюдь не методическое руководство с капитально аргументированными рекомендациями, как следует строить организацию нового типа.

В нескольких высказываниях, промелькнувших в сети (и приправленных слегка раздраженной интонацией), уже звучало: мол, никакой своей педагогической системы у Крапивина нет, чего он лезет в педагоги-новаторы? Господи, да я и не лезу! Я всегда говорил, что не занимался теорией, с уважением относясь к опыту Макаренко, первых пионерских вожатых, Януша Корчака, знаменитых скаут-мастеров, ребячьих комиссаров «Орленка», лидеров коммунарского движения... Мой опыт, опыт «Каравеллы» — чисто практический, а

если у кого-то есть нынче желание облекать его в научную форму (в статьях, дипломных работах, диссертациях), то мне лишь остается по мере возможностей делиться с авторами своими воспоминаниями.

И сейчас никакой особой системы предложить я не могу. И не считаю нужным. Чем более строго выстроена система, тем сильнее она ограничивает инициативу и творчество — особенно в начале создания организации (простите за такое спорное и дилетантское мнение). Нужны лишь несколько самых общих признаков у разных объединений и отрядов, которые (признаки то есть) дают возможность собраться под одним знаменем. С тем чтобы кто-то из ребят, встретив далеко от дома незнакомых мальчишку или девчонку с тем же, что у него, значком или шевроном, мог ощутить теплое чувство союзничества: «Мы одной крови! Мы рады тебе, мы готовы помочь тебе в трудном деле, готовы защитить тебя в беде, готовы порадоваться твоим успехам!.. И как хорошо, что нас, таких, много!»

А общие признаки — те, о которых здесь уже говорилось неоднократно:

- 1) Понимание (или даже ощущение душой) настоящего товарищества.
- 2) Уважение к личности каждого члена сообщества и уважение этой личности к сообществу.
- 3) Доброе сотрудничество между старшими и младшими.
- 4) Интересное и серьезное дело, которое придает смысл существованию сообщества, цементирует его.
- 5) Отрицание агрессивности в отношениях друг с другом и с людьми вообще.
- 6) Осознание, что лишь доброе взаимодействие между членами всего человеческого сообщества дает шанс сохранить цивилизацию и вообще планету.
- 7) Приверженность членов отряда истине, что духовные ценности имеют явный приоритет над материальными (то есть «струна» важнее «люстры»).
- 8) Готовность к сотрудничеству с другими детскими коллективами.

«Здравствуй!»

Ну, а как же практически начать создание общей организации? Начать так, чтобы не «наломать дров», не напугать уже существующие отряды, клубы, экспедиции, секции тем, что будто бы их хотят подчинить какому-то навязанному свыше начальству, заставить действовать по разработанным «знающими людьми» методикам, вогнать в русло чьей-то единой потребности создать союз детских объединений, нужный уже не детям, а взрослым тетям и дядям, затеявшим очередную кампанию?

Видимо, здесь нужна небольшая группа инициативных, бескорыстных людей-практиков, которые будут думать об интересах мальчишек и девчонок, а не затевать дискуссии о преимуществе той или иной методики или грызнуть за лидерство. (Я боюсь слова «штаб», достаточно дискредитировавшего себя за десятилетия и всегда пахнущего казенностью и формалистикой; у нас почему-то, затеявая любое дело, изначально создают «штабы» и очень часто на этом успокаиваются.) Где их взять, таких людей? Вообще-то это тема для отдельной книжки, дело не простое. Но, видимо, если начать искать, они найдутся.

А с самого начала...

Прежде всего нужна газета.

Большая, полноценная, с крупным тиражом, доходящая к ребячьему читателю в самые отдаленные уголки края.

При многих своих несогласиях с идеями В.И. Ленина, хочу сказать, что считаю его очень умным человеком, а одним из самых его умных дел — создание газеты «Искра», которая стала основой будущей партии. Высказывание Владимира Ильича, что «газета не только коллективный пропагандист и агитатор, но и коллективный организатор» (прошу прощения, если цитирую неточно — на журфаке учился полсотни лет назад), мне кажется верным на все времена.

Именно газета мне представляется изначальным организатором нового ребячьего движения.

Вспомните «Пионерскую правду» с ее десятиллионным тиражом (при числе пионеров двадцать — двадцать пять миллионов). При всей своей заикленности на школу и офи-

циоз она все-таки ухитрялась очень умело руководить акциями всесоюзного масштаба. Например, «Кожаным мячом», «Золотой шайбой», «Зарницей», следопытским движением, разными конкурсами, экспедициями. Ухитрялась помогать и отдельным отрядам, отдельным пионерам... Уважаемые боязливо-оппозиционные читатели этой книжки! Я совсем не призываю, чтобы новая газета тут же занялась организацией массовых мероприятий, которые будут объявлены обязательными и помешают собственным делам отрядов! Задача совсем в другом. Мне кажется, что газета (почему-то мне хотелось бы назвать ее «Здравствуй!» — то есть здравствуйте все, кто хочет жить вместе и дружно, все, кто пришел к нам!) должна прежде всего показать разным ребячьим сообществам, что они не одиноки, что их много и что при всем разнообразии у них похожие взгляды на жизнь, на свои задачи, значит, надо держаться вместе и помогать друг другу.

И побольше узнавать друг о друге. Ведь знаем-то мало и не о всех.

Вот досадный пример (в упрек самому себе). Столько раз бывал в Тюмени, встречался с разными детскими коллективами, а до последних дней ничего не знал о множестве инициатив и дел существующего в Тюменской области Объединения детских и пионерских организаций «Ребьячья республика», об их археологической экспедиции «Мамонтенок», об их проекте «Мы живем в Сибири». О «Ребьячьей республике», судя по всему, не раз писали газеты и журналы, но информация была рассеяна, не собрана воедино. А вот если бы существовала общая газета детских объединений...

Обмен информацией, переключки разных объединений, рассказы о своих успехах и проблемах, организация разных соревнований, знакомств, поездок друг к другу и в конце концов — широких интересных дел (подчеркиваю — добровольных!), которые могли бы дать возможность проявить свои таланты и навыки отрядам самой разной направленности, — вот главные задачи такой газеты на первом этапе существования. В дальнейшем задачи могут расширяться, опыт нарастать, идеи становиться шире, ярче и многообразнее. Но с самого начала газета должна стать не формальным, а под-

линным центром новой организации. Таким, куда мальчишки и девчонки — живущие поблизости и приехавшие из дальних мест — могли бы прийти как к себе домой. Прийти с радостью, и с заботами, и просто, чтобы встретиться, поговорить, увидеться с теми, с кем до сих пор были незнакомы, но знал, что «мы одной крови»...

Почему-то вспоминаются рассказы Константина Паустовского про газету «Моряк» в Одессе двадцатых годов — как она была центром притяжения всех моряков, оказывавшихся в этом порту, имела среди них тысячи корреспондентов и преданных поклонников. Редакция всегда была похожа на громадную кают-компанию, где встречались множество друзей с разных флотов и обсуждались новости «кругосветного» масштаба... Но это так, лирическое отступление...

Конечно, вместо названия «Здравствуй!» можно придумать другое и, возможно, более удачное. Но идея — «Здравствуйте, друзья!» — должна там быть главной. Можно было бы в самых дальних поселках организовать корреспондентские пункты газеты, которые сделались бы «местными редакциями», «кают-компаниями», притягивающими к себе ребят...

В газете могли бы появиться страницы с самой разной тематикой, в том числе и литературные, где взрослые и юные авторы имели бы возможность радовать читателей своими сказками, стихами, повестями, сценариями собственных фильмов, дневниковыми записями своих походов. Было бы прекрасно, если бы читатели с нетерпением ждали новые номера с продолжением увлекательных приключений полюбившихся героев...

Сколько было попыток объединения разных отрядов (в том числе и в истории «Каравеллы»), и всегда такие союзы рождали внутри себя газету, которая читалась ребятами с неизменным интересом («Ведь про нас же!»). Но обычно трудности оказывались сильнее энтузиазма: сперва — запреты на тиражирование, затем сложности с техникой, нехватка денег, неопытность «журналистских кадров» и т. д. Да и сами «союзы» держались лишь определенное время (несколько лет, а то и месяцев), а затем «таяли», не выдержав житейских сложностей и противостояния чиновничьей системы.

Если же организация станет официальным институтом общества, получит поддержку властей, то и газета с самого начала сможет заниматься своим главным делом — объединением ребят, — а не собиранием крох и копеек на поддержание полуживого существования, как это происходит сейчас со многими детскими изданиями.

Властям надо понять, что ради интересов нового поколения следует раскошелиться и не ждать от новой детской газеты выгоды, самоокупаемости, рентабельности. «Выгода» может проявиться лишь через годы, когда нынешние читатели этой газеты вырастут порядочными людьми. Результат с сегодняшних позиций многим покажется эфемерным, не подлежащим учету и не окупающим себя. Но без газеты новую организацию не создать. Причем газета должна быть не местом расположения рекламы жаждущих известности фирм, не обсуждением «тусовочных проблем» томящихся от разочарованности жизнью тинейджеров (некоторые газетки сейчас охотно приседают перед этой категорией читателей на корточках), а рупором организации, которая обещает ребятам действительно интересное существование. Кстати, ребятам всех возрастов. А то, сколько ни знакомлюсь с деятельностью всяких отрядов и клубов, в подавляющем большинстве там самым младшим членам и участникам не меньше двенадцати лет. Как-то очень неохотно принимают туда младших школьников: видимо, возни с ними много, а работать не так интересно, как со старшими. И получается, что целая армия ребят — от семи до двенадцати, — людей деятельных, стремящихся к познанию, любопытных, жаждущих интересной жизни, остается за рамками внешкольного движения. Ну да, таких в археологическую экспедицию или в сплавы по горным рекам не возьмешь, автомат Калашникова разбирать-собирать не доверишь (если даже считать это детской внешкольной деятельностью), в философские диспуты не вовлечешь... Другое дело — четырнадцатилетние!..

Чувствую, что многие могут возразить: зачем газета, проще и современнее создать компьютерный сайт!

Проще — да! Но далеко не везде есть Интернет, не в каждом отряде компьютеры. И кроме того, это может привести к

тому, что дело выльется в еще один вариант компьютерных знакомств и посиделок. Иных ребят и без того не оттащишь за уши от экрана, они отучились от нормального общения.

Сайт, на мой взгляд, может стать одним из подразделений газеты, вспомогательным средством, но печатное слово представляется мне гораздо более живым и действенным. Настоящая газета способна сделать своим корреспондентом и союзником любого из ребят...

Теперь, напоследок, еще один экскурс в историю.

В 1972 году в Свердловске вышла первая книга отряда: хотелось поделиться опытом с другими внешкольными сообществами. Книга называлась «Чем крепче ветер...». Там есть рассказ юнкора Саши Сергеева о нашей первой газете.

Наш не очень ручной «Тигренок»

Осенью 1966 года мы договорились, что вместе с общешкольной газетой будет выходить стенгазета нашего юнкоровского отряда. Мы думали, что получится интересное соревнование с дружинной редколлекцией: чей выпуск интересней и лучше?

В тот же день в отряде собрался совет капитанов. И началась дискуссия:

— Как назовем газету? Всякие «иголки», «ежики», «кактусы» надоели до чертиков.

— Что-нибудь зубастое! Какие звери бывают зубастые?

— Волки!

— Нет, львы!

— А может, крокодилы...

— Страшное, ужасное, полосатое животное тигр!

— Зачем так длинно? Лучше покороче... — тигренок, — ласковым голосом сказал редактор Сашка.

Капитаны, раздумывая, взглянули на него. И вдруг раздался чей-то обрадованный крик:

— Ура! «Тигренок Санька»!

Печальна была судьба первого номера «Тигренка». Редколлекция поместила в нем заметку «Искусство из-под палки». В ней было написано о том, что ребят заставляют ходить на занятия хора, не спрашивая о желании. Тем, кто отказывается,

грозят директором, записями в дневнике, двойками за поведение. Такой метод имел даже свое название — «добровольно-обязательный».

Директор снял номер со стены и унес в учительскую.

Газета провисела всего сорок пять минут, но вспоминали о ней очень долго. На школьных линейках.

Юнкорам сказали, что критиковать можно только с разрешения учителей.

— «Тигренок» — не киска, — сказали ребята.

— Значит, вы отказываетесь выпускать газету для школы?

— А первый номер можно повесить снова?

— Нет, это подорвет авторитет педагогов.

Второй номер «Тигренка» мы вывесили в Красном уголке нашего домоуправления № 49.

Все-таки мы выпустили в школе еще одну газету. Был объявлен новогодний конкурс, и для него мы сделали веселое приложение к «Тигренку» — «Пингвин». Когда ребята принесли его, чтобы показать учителям, директор спросил:

— А там нет ничего «такого»?

Ничего «такого» в газете не было. Были репортажи, шутки, фотографии, научно-фантастический рассказ, который сочинили сами ребята. Газету повесили. Но в конкурсе ее почему-то не засчитали. Сказали, что забыли.

Мы, конечно, обиделись. Но очень огорчаться было некогда, «Пионерская правда» в это время проводила всесоюзный конкурс на лучшую стенгазету. Снова собралась редколлекция, и снова ожил «Тигренок Санька». Три номера полетели в Москву. Ребята, конечно, очень старались, но никто не ожидал, что материалы «Тигренка» будут перепечатаны «Пионерской правдой», а представители отряда поедут на Всесоюзный слет юнкоров в «Артек».

С тех пор «Тигренок» не раз улыбался читателям своей задиристой улыбкой, глядя с фотографии, которая обязательно находится рядом с заголовком. Мы выпускали специальные номера для своих друзей в Москве и Перми, для студентов университета и пединститута. Иногда, когда группа новичков знакомится с правилами выпуска стенгазет, мы разворачиваем громадные рулоны ватмана со старыми номерами «Тигренка» и

тихонько говорим ему «здравствуй». Новички удивляются. Но мы-то знаем: побудут годик в отряде — и привыкнут к «Тигренку», как к настоящему верному другу. И уже от них будет зависеть, останется ли он таким же задиристым, смешным и зубастым...

Продолжая Сашин рассказ, хочу сказать, что потом в «Каравелле» выпускали еще множество газет: «Петушок», «Анкерок» (такой морской бочонок), «Мушкетер», «Барабанщики», «Гардемарин», «На бордаж!», всех уже не вспомню. Обычно выходило по номеру в неделю. Когда набиралась сотня номеров с одним названием, газете придумывали другое имя.

Вокруг каравелловской газеты нередко «кучковались» юнкоры других отрядов — чтобы обсудить и провести разные общие дела. И вот сейчас я думаю: если отрядная газетка могла заряжать энергией столько людей, то ребячья газета, выходящая в большом регионе, способна объединить миллионы...

* * *

Судя по всему, сказано пока достаточно. Хотя предвижу упреки, что автор опустил многие чрезвычайно важные пункты. Ну, я же говорю — не теоретик. И вполне согласен с прозвучавшим в беседе молодого журналиста с одним лидером тюменского поискового отряда высказыванием: «Крапивин работает в русле общечеловеческих ценностей и романтики. Что нового может он сказать тем, кто давно уже работает по тем же принципам?»

Да ничего нового! Кроме известных слов кота Леопольда (кстати, тоже старых как мир): «Ребята, давайте жить дружно!»

И, кстати, не следует, на мой взгляд, воспринимать романтику как особый, отдельный признак и принцип. Романтику не вносят в программы и уставы специально выделенным пунктом. Она возникает сама собой в процессе разных интересных дел и товарищеского общения. Вот когда острым курсом прешь под парусом сквозь шквальный свист и штормовые гребни — это романтика. Но как следует ощущается она, когда уже благополучно сошел на берег. А во время пла-

вания про нее как-то не думаешь, главное — удержаться на курсе, вовремя скрутить поворот, смотреть, чтобы матросы-новички не зевали на шкотах и (опаси Господи) не оказались за бортом...

А насчет общечеловеческих ценностей... Несмотря на ироническое отношение некоторых деятелей к такой философской категории, я глубоко убежден, что именно на их (этих ценностей то есть) основе в наши дни только и можно строить отношения между людьми. Всякие другие ценности, более мелкого масштаба — классовые, региональные, державные, кастовые, религиозные, антирелигиозные, цеховые, политические и т. д. редко оправдывали себя в истории человечества. И становятся все опаснее, потому что наш земной шар, как живая биологическая клетка (каковой он, возможно, и является), все болезненнее реагирует на увеличивающийся в обществе раздрай. Ему, земному шару, безразличны споры человеческих каст и лидеров, их претензии на главные роли в истории и владение абсолютными истинами. Планета вздрагивает, как живое существо, которому злые бестолковые пацанята бездумно царапают колючками шкуру. В конце концов гуманное отношение этого доброго существа к суетливой и жестокой мелочи может уступить место инстинкту самосохранения (да похоже, что уже и уступает, поскольку живая планета все чаще вздрагивает и «показывает зубы»).

Все это может показаться фразами из фантастического романа, однако реальность ситуации мы сможем испытать в недалеком будущем.

Не исключено, что все может кончиться довольно скоро...

И встревоженным предвыборными проблемами разных уровней политикам, и обеспокоенным погоней за дивидендами бизнесменам, и занятым борьбой за выживание «рядовым гражданам» пока что трудно осознать эту глобальную угрозу. Ее в наши дни ощущают лишь люди наиболее восприимчивые, понимающие, что планета — живой организм, чувствующие ее боль. Это, как правило, те, кто «струну» ценит больше, чем «люстру».

Мне кажется, детям объяснить эти истины легче. Если не

забивать им головы другими истинами — потребительского свойства и регионального масштаба.

А пока люди продолжают решать проблемы с помощью кулаков и новейшей техники. Когда видишь на экране, как мальчики с автоматами с одной стороны баррикады смотрят на таких же мальчиков по другую сторону, как они швыряют камни и кричат проклятия (храбрые, героические мальчики, каждый из которых уверен в справедливости только своей истины) и как их потом хоронят под рыдания и призывы к мести взрослые люди, начинаешь содрогаться опять.

Неужели непонятно, что *это* должно остаться в прошлом? Иначе сторим, как бенгальский огонь на новогодней вечеринке...

Рискуя навлечь на себя упреки в «хлипкой интеллигентности», «непонимании требований времени», «пренебрежении интересами государства» и «гнилом либерализме», я все же решусь посоветовать: программы всякого «военно-патриотического толка» следовало бы оставить за рамками организации.

«А как же воспитание у молодежи готовности к защите родины?! — сейчас раздастся многоголосый вопль. — Любви к отечеству?! Патриотизма?! Вы кто? Не россиянин?»

Да россиянин я, россиянин. Даже русский по национальности. Но я уже писал здесь, что, по моему мнению, любовь ребенка к своей стране возникает лишь в ответ на любовь страны к этому ребенку. Так же, как любовь к матери в ответ на материнскую ласку. И никакими лозунгами, рассказами о победах над другими народами (кстати, нынче входящими в состав России или поддерживающими с Россией добрососедские настроения), никаким примериванием древних шоломов и гусарских киверов такую любовь детям не внушить.

Кстати, почему если «патриотическое», то обязательно «военно...»? Почему нельзя учить школьников гордиться соотечественниками — учеными, зодчими, поэтами, великими артистами и художниками? Доблесть защитников России несомненна, однако их победы все более становятся достоянием истории. В будущем же...

«А что, в будущем защитники отечества не нужны?»

Нужны. Однако в наше время страна в первую очередь нуждается в защите не от внешнего врага, а от проворовавшихся чиновников, генералов, политиков, «оборотней» в погонах и «без», коррупционеров всех размеров и разного рода равнодушных типов, прорвавшихся к власти и наплевавших на всех, кроме себя... Борьба с ними требует не умения разбирать и собирать автомат Калашникова (какое умение постигается за пару часов) и не способности пробегать в противогазе длинные дистанции (дело для детей отнюдь не безопасное), а готовности к смелому поведению и честным поступкам в повседневной жизни. Требует высокой нравственной закалки, эрудированности, умения ориентироваться в общественной обстановке и достаточного бескорыстия.

Полагаю, что на воспитание этих сторон личности «ребячьим комиссарам» будущего и следует прежде всего обратить внимание.

Военные профессии остаются, конечно, востребованными, однако это прерогатива взрослых людей. Потому что только взрослый вправе брать в руки смертоносное оружие и возлагать на себя моральную ответственность за его применение. И учиться этому следует тоже при достижении совершеннолетия.

А поскольку все же есть сторонники военного воспитания ребят со школьных лет, то для этого существуют суворовские училища и кадетские корпуса. При согласии родителей и желании самого подростка туда и следует определять его. По крайней мере, в этих учебных заведениях работают опытные (военные и штатские) педагоги, которые, насколько мне известно, во главу угла ставят не умение поражать стрелковые мишени, наматывать портянки, дышать в противогазе и бездумно выполнять любые приказы, а воспитывают прежде всего моральную стойкость, высокие нравственные нормы и дают немалую общеобразовательную подготовку...

И если уж в сфере детских объединений то тут, то там возникают фигуры отставных профессионалов из всяких спецподразделений и профессионалы эти, ощутив в себе педагогическое призвание, рвутся поделиться своим опытом с деть-

ми, то... ну и пусть делятся, коли есть на то желание детей и согласие пап и мам. Только не уверен, что это на пользу детям. Поскольку привычка к оружию и овладение боевыми навыками приводят к необходимости видеть перед собой врага (иначе зачем эти навыки и оружие нужны?) — независимо от того, существует враг на самом деле или его следует искать...

Подросткам, хлебнувшим пороха (пускай и в переносном смысле), хочется свою энергию освободить, а навыки применить к делу. Конечно, к справедливому.

Помню, еще в недавние времена ребята из разных поисковых и туристических отрядов любили петь у костров про тоскующих о борьбе за справедливость мушкетеров:

Неужели никого спасать не надо?
Неужели все тревоги пронесло?..
Только слышите — за лесом канонада!
Это нас, ребята! — шпаги наголо!

Ну, а если окажется однажды, что канонады за лесом нет? Тогда что? Все равно найдем, «кого спасать»...

Заранее слышу хор упреков и возражений. И все же скажу: уверен, что в любом случае отрядам военизированного толка следует объединяться в свою, специфическую организацию, где и отрабатывать соответствующие программы.

Мне остается сказать немного.

Есть еще одно соображение, которое у многих вызовет протест. Меня смущают призывы сделать основой духовного воспитания российских школьников православие. Я человек верующий, крещен в православной традиции и отношусь к православию с величайшим уважением. Еще в давние, семидесятые годы я пересказывал ребятам истории из Нового Завета (немало рискуя при этом) и давал своим юным капитанам читать Библию. Но я считаю, что вера в Бога — дело сугубо личное, акт веления души, а делать религию политической силой и тем более стремиться придать ей роль одного из столпов государства — это подмена святой чистой веры грешной земной суетой, которая истинно верующим людям

и их духовным пастырям не несет ничего, кроме душевного ущерба.

У кого-то из классиков, в мемуарах читал мнение, что нет более эффективного способа воспитать атеистов, как ввести в учебных заведениях преподавание Закона Божьего. В самом деле, вспомните, как многие писатели рассказывают о таких уроках в гимназиях и школах — скука, зубрежка, угроза наказаний за невыученные молитвы, *страх*... Но разве можно воспитывать любовь к Создателю страхом? И разве можно превращать Святое Учение в часть унылой школьной программы, за плохое постижение которой ребенку грозит двойка? По-моему, это кощунство.

Увы, не все считают так. Кое в каких районах страны православные предметы в школах уже сделали обязательными.

Недавно мне на глаза попала газета «Уральский рабочий» за 16 сентября 2006 года. Там, в правой колонке первой полосы — корреспонденция Георгия Борисова «ВОЗБЛАГОДАРИМ ТВОРЦА». Не могу не согласиться с автором и позволю себе привести здесь несколько его мыслей.

«Приходится признать, что любая идеология опасна в нашей стране с нулевыми традициями толерантности и передаваемой из поколения в поколение склонностью любую идею доводить до абсолюта. Все нам подавай «единственно верное учение»... Раз детям преподают именно православие, они вправе сделать вывод, что это — главная религия страны. А тут уж недалеко до представления, что «главная и... единственная». Потому что зачем нам «неглавные» религии, второстепенные какие-то?

Придерживаться их будет позволено только представителям каких-то других народностей, отношение к которым будет соответствующее — а как еще можно относиться к людям, которые верят в неправильные вещи?! И это уже прямая дорога к шовинизму и погромам...

Так к чему мы идем? К расцвету духовности... или все-таки к искоренению инаковерия и инакомыслия?»

Да, великое дело, когда дитя проникается верой в Христа и истинностью его учения — это результат открытости детского сердца и доброй мудрости наставника. Но при этом ре-

бенок должен понимать, что, если Создатель дал людям Земли разные вероучения, в этом есть его особый замысел. И не должно у мальчика и девочки, приверженных православию, зарождаться ощущения своего превосходства над людьми других верований, ибо это рождает грех гордыни, самомнение и ложное чувство обладания абсолютной истиной...

На той же странице, где корреспонденция Г.Борисова, только слева, — заметка, хорошо, на мой взгляд, показывающая, «куда мы идем». О трогательном единении некоторых (излишне усердных, на мой взгляд) религиозных и военных идеологов. Автор не указан, а название — «Десант под сенью храма». В заметке говорится, что в селе Малобрусянском (недалеко от Екатеринбурга) при православном храме собираются открыть центр воздушно-десантной подготовки для подростков.

«По инициативе настоятеля прихода священника Валерия Шумкова здесь будут готовить к предстоящей воинской службе молодых людей из городов и сел Белоярского района. В честь открытия центра пройдут показательные выступления бойцов 12-й бригады спецназа из Асбеста, демонстрация полетов радиоуправляемых моделей, а также откроется выездная экспозиция екатеринбургского музея ВДВ «Крылатая гвардия» и выставка оружия десантников».

Возможно, писательское воображение подсказывает мне излишне гиперболическую картину, однако почему-то перед взором встает фигура пастыря, который однажды явится к детям прямо на урок с распятием в одной руке и учебным АКМ в другой. Боюсь, что это явление было бы положительно расценено некоторыми идеологами, готовыми видеть именно в такой фигуре образ «великой России».

Уверен, что величие России совсем не в том. Впрочем, это отдельная тема...

Государство есть государство, война есть война (увы, порой неизбежная), но необдуманное привлечение святой веры к решению политических проблем может сделать правосла-

вие (впрочем, как и всякую другую религию) прагматичным рычагом для достижения чисто земных (и не всегда праведных) целей.

И особая осторожность нужна здесь, когда речь идет о детях. Склонность детской натуры увлекаться любым интересным делом, конечно, позволяет заинтересовать ребенка и подростка оружием, а затем, с помощью нехитрых логических рассуждений и ссылок, связать этот интерес с религиозными догмами. Но ведь, по сути дела, такой прием — это соблазн детей. И ответственность здесь на взрослых.

Некоторые ревностно религиозные читатели моих книг, бывало, упрекали меня в излишне свободной (по их мнению) и спорной трактовке православных догм. Но я всегда старался в своих суждениях исходить из интересов детей. И помнил слова Спасителя: «Будьте, как дети». Убежден, что, пока люди не обретут способности к бескорыстной любви и открытости сердец, ни о Царстве Божьем на земле, ни просто о благополучной жизни на нашей планете говорить не приходится. Я не раз делился своими мыслями с православными священниками — молодыми и старыми, скромными пастырями и теми, кто занимает немалые посты в церковной иерархии. Это всё мои читатели. И вот эти-то читатели ни разу не упрекнули мои взгляды и мои книги в разногласиях с истинами православия. Ни там, где речь идет о детях, ни там, где я писал о священниках, опекающих детей. Они говорили мне за эти книги спасибо.

Отец Евгений, молодой священник одного из екатеринбургских храмов, несколько лет назад подарил мне репринтное издание «Нового Завета» с надписью:

*Пусть эта книга священная
Спутница Вам неизменная
Будет везде и всегда...*

Я не раз перечитывал ее. И сейчас, касаясь темы «Будьте, как дети», снова открыл 18-ю главу «Евангелия от Матфея». Помните слова, сказанные Иисусом ученикам? «Истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное...»

И дальше:

«...а кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской».

Тем, кто в силу своего честолюбия, ложно понимаемой «государственности», необходимости «мужского воспитания» и собственной приверженности смотреть на мир только через рамку прицела, соблазняет ребят военными игрушками и забавами, следовало бы помнить о «жернове». Кстати, как и тем, кто пытается уподобить духовное воспитание замшевым минпросовским программам.

Для воспитания религиозности в детях, истинной близости к Творцу, есть церковные воскресные школы, есть возможность проповедей в храмах и неформального общения священников с юными прихожанами на разных собраниях. Есть, в конце концов, православные гимназии... И прекрасно! А обычная школа в светском государстве должна быть сугубо светской. У нас, по-моему, еще не отменили свободу совести и принцип отделенности церкви от государства.

Светской должна быть и массовая детская организация.

Приверженность к какой-либо религии внутри детского сообщества сразу ограничивает его рамки и возможности, создает элемент некоего давления на ребят.

Никогда не видел возможности касаться преимуществ православия (или какой-либо иной религии) на собраниях своего отряда, где рядом сидели Митька Кононов, Гена Хабибрахманов, Лева Авербах, Саша Вайнштейн (с предками из Поволжья), Стасик Козловский (отмечающий праздники по католическому календарю)...

Опытные люди мне сейчас возразят, что можно заниматься религиозным воспитанием и при такой ситуации. Ну, не знаю... Смотря каким... Я не раз говорил ребятам:

— Ваша вера — ваше дело. Если вы ходите в храмы и соблюдаете традиции, рад за вас. Но помните, что эти традиции, различия в обрядах и толкованиях, многообразие религий и конфессий — в конце концов, результат человеческих противоречий, возникавших при развитии цивилизации. При всех этих противоречиях следует помнить, что

Бог — един. И Бог есть Любовь. Думаю, что при понимании этой простой истины у каждого из вас гораздо меньше шансов стать врагом другим людям...

Вместо заключения

После сказанного выше мне уже не хочется вдаваться в многословные рассуждения.

Считаю нужным только напомнить, что все написанное — не попытка преподать какую-то методику или создать инструкцию для будущей организации, а заметки (возможно, спорные и субъективные) с кратким изложением своего сугубо практического опыта работы во внешкольном разновозрастном сообществе и желанием дать несколько советов «ребячьим комиссарам» будущей организации, если такая в самом деле появится.

И с учетом возможности этого появления хочу напоследок сказать вот что.

Если бы я обращался к взрослым руководителям такого нарождающегося широкого сообщества, я бы составил солидные фразы:

«Исходя из ситуации, когда жизнь требует от общества повышения усилий в деле воспитания подрастающего поколения в целях его более активного вовлечения в жизнь страны и воспитания в детях понимания приоритета нравственных и творческих начал над проявлениями эгоизма, агрессивности, стремления к накопительству, я приветствую вашу инициативную группу, стремящуюся к созданию общественной, добровольной, светской, неполитической детской организации, состоящей из разновозрастных внешкольных объединений (отрядов, студий, клубов, команд и так далее), как существующих, так и тех, которые возникнут в будущем, — на основе товарищества, творческого отношения к жизни, стремления приносить пользу людям и понимания, что от нынешних детей зависит в будущем судьба страны и планеты в целом».

Для ребят и для тех взрослых, которые будут работать вплотную рядом с ними, делить заботы и радости отрядного бытия, можно написать иначе:

«Друзья, давайте жить интересно! Стремиться к творчеству и открытиям! Давайте по-доброму относиться к людям и в каждом, кто состоит в нашей организации, видеть верных товарищей. Давайте помогать друг другу и защищать друг друга от невзгод. Давайте стараться стать полезными для страны и всей планеты — в этом смысл и радость.

А еще — давайте помнить, что струна человеческой дружбы дороже самой блестящей хрустальной люстры...»

Октябрь 2006 г.

КРАПИВИНСКИЙ КАЛЕНДАРЬ

1938

Октябрь.

Появление на свет утром 14-го числа в замечательном тюменском роддоме № 1 (кому пришло в голову в начале XXI века снести этот дом?!). Семейная легенда утверждает, что в этот день — Праздник Покрова Пресвятой Богородицы — в Знаменской церкви рядом с роддомом звонили колокола и выпал первый в том году снег.

1939

Январь — декабрь.

Безмятежное существование в родном доме по адресу: ул. Герцена, 59.

1940

Январь — декабрь.

Продолжение безмятежного существования. Впервые услышанное слово «писатель» — по поводу висевших в квартире портретов М.Горького и Д.Фурманова.

Октябрь.

Первое расплывчатое впечатление о громадности окружающего мира. Прогулка с отцом к городскому музею, синяя даль за рекой. «Папа, там море?..»

1941

Июнь.

Сосед и старший приятель Павлик с деревянным ружьем. «Подрасту и тоже пойду на войну. А тебя не возьмут, ты маленький».

1942

Январь.

Третьего января рано утром отец ушел в армию (повестку принесли ночью, когда он с мамой был на новогоднем вечере в пединституте).

Июль.

Отец на один день, перед отправкой на фронт, приехал из Сарапула, где обучался в краткосрочной командирской школе...

В марте 2006 г. В.П. Крапивин по дороге в Москву проезжал через Сарапул, и у него (когда стоял у окна) сложилось такое стихотворение.

Едем мы... Город Сарапул.
И впечатление блёклое.
Что же вдруг так царапнуло
Памятью детства далекого?

Лето военное. Папа
С кубиком в пыльной петлице.
«Я на денек из Сарапула.
Завтра уже — на позиции...»

Скатка, ремень, обмотки.
«Ну-ка, сынок, взгляни-ка...» —
На полинялой пилотке
Звездочка-земляника.

Млея от счастья до слез почти,
Был до полночи без сна я:
Папа отдал мне звездочку —
Видно, была запасная...

Утром мы шли до вокзала —
Папе на фронт пора.
С папиных плеч не слезал я,
А скатку его нес брат.

«Смерть фашистскому зверю!» —
Звал плакат у завода...
Срок до Победы — не мерен.
До Сталинграда — полгода...

1943

Январь.

Создание первого литературного произведения — эпитафии о соседи Пашке. Здесь не цитируется по этическим соображениям. См. 30-й том собр. соч., М., Центрполиграф, 2001, стр. 373.

Январь—декабрь.

Знакомство с произведениями А.С. Пушкина по книге «Пушкинский календарь». Первые попытки самостоятельно чтения стихов и прозы. «Мама, а что такое «нерукотворный?» (о стихотворении «Я памятник себе воздвиг...»).

1944

Апрель.

Первое посещение с мамой краеведческого музея. Знакомство с громадным скелетом мамонта. «Мама, а правда он когда-то был живой?» Первые размышления о смерти и бессмертии...

1945

Март.

Первый построенный своими руками кораблик из сосновой коры, первое приобщение к парусам...

Май.

9 мая. Сосед-военный стоял на крыльце соседнего дома и на радостях палил в воздух из маленького черного браунинга. «Мама, а папу теперь не убьют?..»

Сентябрь.

4 сентября пошел в первый класс начальной школы № 19, что на ул. Ленина, рядом со Спасской церковью (где в ту пору была библиотека). Начать учебный год 1 сентября не удалось: не было обуви. Первый конфликт с системой народно-

го образования: хотел раньше срока уйти домой, а учительница вцепилась в плечо. «Завтра без мамы в школу не приходи!»

1946

Январь—декабрь.

«Приключения Гулливера», «Остров сокровищ», «Золотой ключик», «Два капитана», «Сын полка»... Великая радость общения с книгами. Первый проблеск мысли: «Если читать книги так интересно, то писать их, наверное, еще интереснее?»

Февраль.

«Папа будет жить не с нами, он уедет в Белоруссию...»
Война разлучала и живых...

Март.

Переезд с родной улицы Герцена на улицу Смоленскую, в комнату отчима. Тогда это событие представлялось эпохальным...

1947

Январь.

Попытка создания развернутого прозаического полотна — морского приключенческого романа «Остров привидения». Текст не сохранился, что, несомненно, является большой потерей для истории литературы...

Март.

29 марта родился братишка Олег (Лёка). Первое обретение опыта братской любви и ответственности за младшего.

Ноябрь.

Первая публикация в «большой прессе»: в «Пионерской правде» было напечатано четверостишие третьеклассника Славы Крапивина, посвященное Октябрьской революции.

1948

Март.

Участие в городском пионерском слете, который проходил в Областном драмтеатре. Ощущение невероятного торжества и приобщенности к красногалстучному братству: строй, знамя, горны, барабаны...

Июнь—август.

Великолепные каникулы на улице Нагорной, у лога и Туры. Получил разрешение ходить без взрослых на реку и купаться. Самостоятельно научился плавать. На ближней водной станции сдал нормы по плаванию на значок БГТО (Будь готов к труду и обороне) — пятьдесят метров в бассейне без учета времени. Ощутил себя «готовым»...

1949

Май—июнь.

Первые в жизни экзамены, окончание четвертого класса (в семилетней школе № 10) с похвальной грамотой по итогам года. В дальнейшем школьник Владислав Крапивин уже никогда не подымался до таких высот в постижении учебных программ.

1950

Январь.

Переезд с ул. Нагорной на ул. Грибоедова. Был записан в пятый класс «3» (!) школы № 25.

Первый раз прочитал книгу К. Паустовского «Далекие годы». Впервые пришло интуитивное понимание, что настоящее писательство — это колдовство.

Октябрь—декабрь.

Попытки вести первый в жизни «литературный дневник» с конспектами будущих произведений и стихотворными экспромтами. Например, такими:

Душа моя горько томится в темнице,
А нужен ей солнечный свет!
И к солнцу она неустанно стремится,
Но сил уже вырваться нет...

Чем не классика!..

1951

Июнь—август.

Горячее увлечение воздушными змеями. Мастерил, запускать с плоской крыши двухэтажного дома. Через пятнадцать лет пригодилось для повести «Та сторона, где ветер».

Этим же летом впервые глянул на родную Тюмень «широко открытыми глазами». Полюбил бродить по заросшим перелукам, разглядывать резьбу на домах, отыскивать «сказочные» места знакомого и все равно таинственного города...

1952

Март.

Седьмой класс. Драмкружок Дома пионеров. Первые «сердечные» проблемы. Впервые познал вероломство тех, кого считал друзьями. Стиснув зубы, преодолевал душевные терзания... Это — тема для еще не написанной повести.

Июль.

Впервые в жизни поехал в пионерский лагерь (недалеко, у деревни Падерино). Новые друзья и недруги. Тайная привязанность к веснушчатой девочке-горнисту. Был дружинным знаменосцем, излил тогдашнее мироощущение в строчках:

Девчонка-горнист разбудила народ,
А утро горит словно яркое пламя,
И я выношу перед строем вперед
Блестящее золотом алое знамя...

1953

Январь.

«Дело врачей», объявленных «врагами народа». Хотите верьте, хотите нет, но с самого начала понимал, что эти люди

ни в чем не виноваты (и все мои родные понимали). Появились строчки:

Радио слушать боишься с утра,
Все друг на друга глядят онемелые.
В каждом углу — шебуршащийся страх.
Родина, родина, что с тобой сделали...

Показал маме. Услышал: «Немедленно сожги и больше никому не показывай». Сжег и не показывал — до нынешних дней...

Март.

Надежда, что начнется новая жизнь...

Июль.

Поездка в Белоруссию, к отцу, первое самостоятельное (до Москвы) путешествие по железной дороге. Осознание, как громадна страна... Москва, Минск, Бобруйск... Отказ от предложений отца остаться у него. «Я не могу без моего города...» Потом — стихотворение «Домой!».

1954

Февраль—апрель.

Затяжное воспаление легких. Потом — «волевое» решение: в этом году учиться не буду, останусь на второй год, чтобы окрепнуть здоровьем и без помех заниматься стихотворчеством (в том и другом более или менее преуспел, хотя из-за «остаточных явлений в легких» в моряки потом не попал).

Май—август.

Оснастил мачтой и парусом подаренную отчимом плоскодонку. Первое приобщение к парусу, плавания по Туре.

Сентябрь.

Оказался в новом классе — 9 «В» все той же 25-й школы. С той поры не уставал благословлять судьбу, надоумившую

«повременить с учебой» весной. В классе оказались замечательные друзья и чудесная классная руководительница — Надежда Герасимовна Мусько.

Октябрь.

Первый «литературный успех школьного масштаба» — шумно одобренное учителями сочинение о поездке «на картошку»...

1955

Июнь—август.

Последние школьные каникулы. Плавание на парусной плоскодонке с друзьями Валерием Федюкиным и Юрой Рудзевичем. Несмотря на ряд драматических происшествий, привязанность к парусам осталась навсегда.

Октябрь—декабрь.

Выпускал классную сатирическую газету «Рыболов». Оттачивал, так сказать, перо...

1956

Март.

25 марта в газете «Тюменский комсомолец» напечатано стихотворение десятиклассника Владислава Крапивина «Весна» — лирические строки о близком расставании со школьными друзьями. Автор получил первый в жизни гонорар (25 рублей, на которые выкупил в магазине «Подписные издания» два тома Жюль Верна).

Июнь.

Прощание со школой. Последние «вольные деньки».

Июль.

Отправлены документы в Свердловск, в приемную комиссию Уральского государственного университета им. А. М. Горького, на отделение журналистики филологического факультета.

Август.

Приемные экзамены в университете. Удалось поступить, несмотря на троечный аттестат и отсутствие всякого трудового стажа (оказалось, что достаточно получить пятерки по всем предметам).

Знакомство со студентом филфака Виталием Бугровым — будущим писателем-библиографом, знаменитым специалистом по фантастике, другом на всю жизнь.

Начало самостоятельной жизни — вдали от родного дома и прежних друзей.

Сентябрь.

Традиционная студенческая повинность — «картошка» (в Красноуфимском районе). Там в случайно найденном старом журнале обнаружил повесть К. Паустовского «Золотая роза», прочитал и понял, что «обратного пути нет». Решение положить все силы, чтобы стать писателем, созрело окончательно.

Октябрь.

Первокурсник Владислав Крапивин осуществил «мушкетерскую мечту детства» — записался в университете в секцию фехтовальщиков. Особых лавров на этом поприще не обрел, но до второго разряда дотянул и однажды даже занял второе место на первенстве города по шпаге. А главное — масса удовольствия...

1957

Июль.

Студенческие каникулы. Плавание из Тюмени в Ханты-Мансийск, где жила семья старшей сестры. Сотрудничество в ханты-мансийской городской газете «Знамя коммунизма». Первое журналистское удостоверение (гордость необычайная!).

Август—сентябрь.

Работа в студенческом отряде на целине, в Хакасии. Там начал писать первую повесть — «Страна Синей чайки».

Дописал позже, через много лет, но в конце концов повесть была напечатана.

Декабрь.

Закончил большой рассказ «Камень с морского берега», который потом послужил основой для повести «Тень Каравеллы».

1958

Январь.

Стал складываться «тройственный союз» (Виталий Бугров, Владислав Крапивин, Леонид Шубин) из людей, увлеченных Грином, Паустовским, фантастикой, классической музыкой, стихами... Союз получил название «БВР (Братство Веселого Роджера)». Веселые студенческие посиделки с гитарой, песни собственного сочинения, придумывание коллективной повести, планы на будущее, вольные рассуждения о делах в стране... Тот факт, что жили на частной квартире, на окраине Свердловска, помогал быть свободными от бдительного идеологического ока деканата и парторганов... Содружество вдохновляло на литературные дела.

Октябрь.

Написан рассказ «Похищение агента». Действие происходит на берегах Туры и территории Троицкого монастыря. Перепечатан в «шесть рук» членами БВР в студенческом машбюро. Но предлагать его в печать (как и другие, написанные в ту пору) автор тогда не решился.

1959

Август.

Поездка с несколькими однокурсниками в Ленинград, на студенческую журналистскую практику в многотиражку завода «Полиграфмаш» (говорили — в обмен на два линотипа, которые завод предоставил университетской типографии). Знакомство с чудесным городом, впервые увиденные своими

глазами парусники... Впоследствии эти впечатления пригодились для одного из «тюменских» романов — «Стеклянные тайны Симки Зуйка».

Октябрь.

7 октября в газете «Вечерний Свердловск» напечатан рассказ «Восьмая звезда» (с этой даты автор начал отсчитывать свой официальный трудовой стаж, так как «Тюменский комсомолец» со стихами 1956 года был утерян). После «Восьмой звезды» рассказы В. Крапивина стали появляться в свердловских газетах часто...

1960

Май.

В журнале «Уральский следопыт» напечатан рассказ «Табакерка» (действие, как и во многих других рассказах, частично происходит в Тюмени). Эта была первая журнальная публикация автора. После нее связь со «Следопытом» не прерывалась никогда.

Август — середина сентября.

Студенческая практика после четвертого курса в газете «Комсомольская правда». Очерк «Стоит ли парню идти в вожатые?» (о московском школьном пионервожатом Валерии Золотарева). Выступить в «Комсомолке» с очерком означало для практиканта неизбежную отличную оценку...

Знакомство с замечательным журналистом и педагогом С. Соловейчиком, одним из будущих инициаторов знаменитой «Педагогики сотрудничества», который был тогда сотрудником «Комсомолки».

Сентябрь.

Первый приезд в Севастополь — город своей мечты. Он показался Владиславу именно *таким*, каким тот и хотел его увидеть. С тех пор поездки в Севастополь стали для будущего писателя частью жизни, и город этот — как и Тюмень — следился городом его книг.

Ноябрь.

Публикация очерка «Солнце над морем» (о севастопольских впечатлениях) в многотиражке журфака «Советский журналист». Очерк стал одним из материалов дипломной работы.

1961

Март.

16 марта два студента-пятикурсника — Вячеслав Шугаев и Владислав Крапивин — защитили на «отлично» свои творческие дипломные работы (кажется, впервые за историю университета в такие ранние сроки). Руководителем дипломов был известный в тюменских краях и на Урале журналист и писатель Евгений Ананьев.

Поскольку до госэкзаменов оставалось еще немало времени, «преждевременного» дипломника В. Крапивина взяли в штат газеты «Вечерний Свердловск». Там он остался и после окончания журфака.

Июнь.

В дни подготовки к госэкзамену по истории КПСС (сдавали в ту пору такой!) была написана маленькая повесть «Я иду встречать брата». Впрочем, и экзамен был благополучно сдан...

Июль.

2 июля на чердаке деревянного дома № 28 на улице Проиной (окраина Свердловска, поселок Уктус) собралась группа ребят вместе со вчерашним студентом Славой Крапивиним. Была сделана первая запись в вахтенном журнале придуманного корабля. Это стало началом ребячьего отряда «Каравелла», существующего и поныне.

Декабрь.

В «Уральском следопыте» — подборка новелл «Друзья-мальчишки» (из дипломной работы).

468

1962

Май.

В журнале «Урал» напечатан рассказ для ребят «Рубикон» — первая публикация в этом издании.

Июль.

Первый «производственный» отпуск. Путешествие с младшим братом Олегом в Москву и на Юг (Севастополь, Одесса). В Севастополе посмотрели чудесный фильм М. Калика «Человек идет за солнцем». Впечатление — на всю жизнь...

Июль.

В конце месяца с радостью перевелся из газеты на работу в любимый журнал «Уральский следопыт».

Август.

В «Уральском следопыте» наконец-то напечатана повесть «Я иду встречать брата», сразу поставившая автора в ряд молодых авторов-фантастов.

Декабрь.

Суровые дни так называемого «Карибского кризиса», когда дело могло окончиться нажатием ядерных кнопок. Горькие размышления молодого автора: «Мало того, что вся планета стгорит из-за этих идиотов, так ведь еще и моя первая книжка не выйдет». К счастью, кнопки не были нажаты и первая книга Владислава Крапивина — сборник рассказов «Рейс «Ориона» — благополучно вышла в Свердловском книжном издательстве. Ура!

1963

Май.

Участие в IV Всесоюзном совещании молодых писателей, в семинаре Л.А. Кассиля. Там занимались несколько авторов, впоследствии ставших известными писателями: А. Собо-

469

лев, А.Лиханов, И.Ефимов, Г.Михасенко, Ю.Мишаткин и другие...

После Совещания в Москве, воспользовавшись отпуском, отправился в путешествие по стране: Минск, Молодечно, Вильнюс, Севастополь, Крымское побережье, Батуми, Тбилиси, Баку, Астрахань, Волгоград, Казань, Пермь, Свердловск... В результате был написан очерк «Тень каравеллы» (не надо путать с почти одноименной повестью «Тень Каравеллы») о впечатлениях дороги и литературных делах (напечатан осенью в журнале «Урал»).

Июль.

Выступление в пионерском лагере «Искорка», под г. Сысертью, с рассказом об «Уральском следопыте». Случай сам по себе заурядный, но несколько дней жизни в лагере дали материал для повести «Оруженосец Кашка».

Сентябрь.

В Свердловске вышла вторая книга автора — «Брат, которому семь».

Ноябрь.

В издательстве «Молодая гвардия» вышел сборник «Фантастика, 1963 год», где вместе с бр. Стругацкими и другими знаменитыми фантастами был напечатан уральский автор В.Крапивин («Я иду встречать брата») — первая серьезная публикация в столице.

1964

Январь.

Купил крохотную любительскую кинокамеру «Экран». Сразу с ребятами из отряда приступил к съемкам документальных и игровых фильмов. Начало отрядной киностудии «FIGA» («Фильмы интересные, героические, артистические»). Этой камерой снимали до 1976 года. Сколько отснято километров пленки — не сосчитать. И до сих пор на кассетах — многие события 60-х годов.

Март.

В «Пионере», в юбилейном номере (сорокалетие!), напечатан большой рассказ «Капитаны не смотрят назад». Начало постоянных публикаций в этом журнале и многолетней дружбы с редакцией.

Май.

Приезд в Тюмень, встречи с родными и друзьями. Киносъемка на родной улице Герцена (словно в предчувствии, что скоро этого квартала не будет).

Поездка в Коктебель, Феодосию и Старый Крым (места, связанные с А.Грином).

Начало работы над повестью «Та сторона, где ветер» — по впечатлениям не столь еще далекого тюменского детства.

Июнь.

Отряд, который тогда назывался БВР (официально — «Берег веселых робинзонов», а для внутреннего пользования — «Братство Веселого Роджера»), обрел боевой оранжевый флаг и отправился в первый дальний туристический поход.

Июль.

Из Москвы пришло известие, что литератор В.Крапивин принят в Союз писателей СССР.

Август.

Шумная свадьба на зеленом дворе в поселке Уктус (у края леса) с участием всей редакции «Уральского следопыта» и других многочисленных гостей. В.Крапивин сочетался браком с молодой учительницей Ириной Васильевной (и остается верен этому браку до сих пор).

Дети из отряда роняли слезы: «Теперь ты нас бросишь». «Не брошу!» — клялся молодой автор детских книг. И не бросил...

Сентябрь.

Поездка в Москву для получения членского билета СП СССР. А оттуда как не заскочить в милый сердцу Севасто-

поль хотя бы на три дня! В Севастополе — несколько встреч, подсказавших темы для новых рассказов.

Октябрь.

Сдал в журнал «Пионер» повесть «Та сторона, где ветер».

Ноябрь.

В журнале «Урал» начала печататься повесть «Палочки для Васькиного барабана» — вещь, в которой автор впервые объединил тюменский и севастопольский материал.

1965

Январь.

Журнал «Пионер» стал печатать повесть «Та сторона, где ветер».

Март.

После нескольких безуспешных попыток заинтересовать московские издательства своей прозой решил зайти в «святая святых» — издательство «Детская литература». Познакомился там с редактором Л.Р. Баруздиной, которая на следующий день сообщила, что книжка Владислава Крапивина будет издана в *этом же году!* А говорят, что не бывает чудес...

Май.

Знакомство с детским театральным коллективом в московской школе-интернате № 58, который поставил на своей сцене спектакль «Та сторона, где ветер». Знакомство и начало многолетней дружбы с замечательным учителем-литератором этой школы Семеном Иосифовичем Аромштамом, который послужил прототипом школьного директора в цикле повестей о Джонни Воробьеве («Мушкетер и фея» и др.).

Май—июнь.

Дальняя поездка (Москва, Одесса, Севастополь, Белоруссия, Тюмень) с двумя девятилетними сорванцами — соседом

Игорьком и племянником Сережкой. Опыт пригодился для будущих путешествий с отрядом.

Июль.

Окончание работы над повестью «Оруженосец Кашка» (разве мог тогда помыслить, что эту книжку переведут на разные языки и будут переиздавать и через сорок лет!).

В Свердловск переехали мама и младший брат. Не стало причины для частых поездок в Тюмень. Но все равно ездил...

Август.

В «Пионере» напечатан рассказ «Такая была планета», проиллюстрированный художником Евгением Медведевым. С той поры началось многолетнее сотрудничество художника и писателя.

23 августа (в один день с А.Грином, но на много лет позже)

родился сын Павел — будущий барабанщик и флаг-капитан «Каравеллы», а потом дизайнер, газетчик, художник. Через тридцать лет он проиллюстрирует первое собрание сочинений отца.

Сентябрь.

Вышла первая книжка в Москве — «Звезды под дождем» (повести «Звезды под дождем» и «Та сторона, где ветер»). После этого В.Крапивин сделался постоянным автором издательства «Детская литература». Всего там вышло около тридцати книг. С учетом того, что в советские времена автору позволялось выпускать лишь одну книгу в год, это совсем не мало...

Октябрь.

Журнал «Пионер» взял под свое покровительство «беспризорный» отряд В.Крапивина, выдал ему (отряду, который тогда назывался «Ветер») удостоверение коллективного корреспондента журнала и объявил его подчиненным непосред-

ственно московской редакции — органу ЦК ВЛКСМ. Можно представить негодование областного начальства всех мастей — педагогического, комсомольского и партийного...

Ноябрь.

В. Крапивин распрощался со штатной должностью в «Уральском следопыте» (оставшись там членом редколлегии) и ушел «на творческие хлеба». Оно и понятно! Попробуйте писать книжки, командовать ребячьими экипажами да еще и ходить постоянно на службу! Редакция отнеслась с пониманием...

С тех пор писатель В. Крапивин нигде никогда не служил. «Как хорошо не иметь начальства и вставать не по будильнику, а когда захочется», — много раз повторял он. Впрочем, вставать рано приходилось все равно. Отряд-то никуда не девался, наоборот, набирал силу.

Декабрь.

Отрядная киностудия начала съемку игрового фильма «Три мушкетера». Наконец-то можно было реализовать фехтовальный опыт, получаемый в отряде.

1966

Январь.

Поездка в Тюмень с бригадой «Уральского следопыта» для выступлений перед читателями журнала. Ухитрялся в редакционной «Волге» дописывать повесть «Валькины друзья и паруса». Картины зимних тюменских улиц очень пригодились для повести.

Апрель.

Отрядная киностудия закончила съемки «Трех мушкетеров». Приехал из Тюмени школьный друг Валерий Федюкин, весьма одобрил этот кинодебют...

Май.

В «Пионере» стала печататься повесть «Оруженосец Кашка» с иллюстрациями Е. Медведева.

Июнь.

С юнкорами из отряда ездил для выполнения редакционных заданий «Пионера» по Прибалтике, Подмоскovie, черноморским городам. В результате поездок в журнале появились несколько юнкоровских очерков — ребята накапливали корреспондентский опыт...

Июль.

Турпоходы по окрестным горам и лесам. Открытие ко-мандира: «А ведь отряд действительно становится *отрядом*...»

1967

Апрель.

Получено известие о втором месте во Всероссийском конкурсе на лучшее художественное произведение для детей (второй период, 1966 г.) за повесть «Валькины друзья и паруса». (Первые премии достались авторам книг о Ленине, революции и большевистском подполье.) Премия, помимо всего прочего, приятна и потому, что многие педагоги «шипели» по поводу книжки, в которой «автор показывает отрицательные образы учителей». Впрочем, после премии «шипенья» не убавилось...

Апрель—июль.

«Пионер» печатает вторую часть повести «Та сторона, где ветер» — «Люди с фрегата «Африка».

Май.

В Болгарии вышла книжка «Звезды под джде» («Звезды под дождем»). Ходил и гордился — первое зарубежное издание... Потом их было немало: в Болгарии, Польше, Румынии, ФРГ, ГДР, Венгрии, Франции, Чехословакии, Японии... А если считать зарубежные сборники и книги в республиках СССР, и того больше. На трех с половиной десятках языков. Но первое — всегда первое, и потому самое радостное...

Июнь.

С группой юнкоров поехал во Всероссийский лагерь «Орленок». Ребята организовали там пресс-центр, который, по свидетельству нынешних вожатых, существует до сих пор.

Август.

С несколькими ребятами из отряда побывал в Севастополе, на барке «Крузенштерн», где в то время снимался фильм о юности А.Грина. В дальнейшем это очень пригодилось для романа «Острова и капитаны». Познакомился на «Крузенштерне» с уральским художником Евгением Пинаевым — профессиональным моряком, который в ту пору ходил на этом паруснике в должности корабельного плотника. Знакомство двух увлеченных парусами уральцев переросло в дружбу на всю жизнь. Е.И. Пинаев стал почетным командором «Каравеллы», не раз расписывал стены отрядных помещений великолепными морскими картинами и сделал рисунки к нескольким произведениям В.Крапивина.

1968

Январь.

Отряд «Ветер» переименован в «Каравеллу». Новая повесть, над которой усиленно работал автор («Тень Каравеллы») и о которой знали его юные друзья, здесь определенно оказала свое влияние. Отряд обрел имя, которое носит до сих пор, а его руководителя тогда впервые (еще в шутку) назвали Командором.

Май.

В газете «На смену» (4 мая) напечатана статья В.Крапивина «Право на принципиальность», где автор рассказывает о безобразном отношении учителей школы в поселке Уктус к ученикам и о том, как эти ребята пытаются протестовать. Гнев и возмущение классных руководителей и завучей напомнили цунами. «Как смеет этот «новоявленный Гайдар» клеветать на советскую педагогику! Настоящий Гайдар никогда не критиковал учителей!» Автор, защищаясь, напоминал,

что «настоящий Гайдар», приехав на работу в Свердловск в 20-х годах, первый же фельетон посвятил безобразным порядкам в Уктусской школе. Этот аргумент не помог, и с той поры педагогическая общественность объявила многолетнюю войну «Каравелле» и ее Командору...

Июль.

Поездка в Минск к заболевшему отцу. Долго побыть в Белоруссии не удалось: из Свердловска позвонили ребята, сообщили, что «местная общественность» и «партийные товарищи» изо всех сил стараются закрыть «Каравеллу». Пришлось мчаться домой. Возвращался через Москву. Здесь — еще одно печальное известие: умер любимый писатель Паустовский... Был на похоронах, стоял в почетном карауле...

«Так и не собрался я послать ему свою книгу...»

Октябрь.

Словно делая подарок своему автору к тридцатилетию, «Пионер» закончил печатать повесть «Тень Каравеллы» — первое большое автобиографическое произведение В.Крапивина, связанное с его тюменским детством.

1969

Апрель.

В «Пионере» — маленькая повесть «Бегство рогатых викингов», положившая начало большому циклу «Мушкетер и фея».

Июль.

Делегация «Каравеллы» приехала в Ригу для участия в большой игре «Нептун Балтийского моря» (нечто вроде морской «Зарницы»; кроме уральцев — москвичи, севастопольцы, рижане). Там впервые четко оформилась мысль: «Носим морское название, а своего флота не имеем! Пора кончать это безобразие!» Результат: осенью на юнкоровские гонорары купили польскую разборную яхточку типа «Мева» — первое настоящее судно флотилии «Каравелла». А с будущей

весны началось строительство судов своими силами. Писателю и Командору пришлось овладеть профессиями корабельного конструктора и плотника...

В Риге, на парусной шхуне «Кодор», познакомились со штурманом Захаром Липшицем, который стал крепким другом и почетным командором «Каравеллы» (а также персонажем нескольких произведений В.Крапивина).

Декабрь.

Журнал «Урал» напечатал повесть «Озерный царь» (в оригинале — «Лерка»), которую автор задумал еще в прошлом году, после знакомства с восьмилетним Валеркой в одном из пионерских лагерей под Тюменью.

1970

Январь.

Закончил «По колено в траве» — вторую часть повести «Тень Каравеллы». Писал с удовольствием, потому что тюменское детство всегда было любимой темой.

В январском номере «Пионера» напечатана маленькая повесть «Далекие горнисты», давшая начало трилогии «В ночь большого прилива».

Март.

Впервые участвовал в писательском съезде (III съезд писателей РСФСР). Велели выступить. Воспользовался случаем, высказал то, что наболело: о том, что надо понимать и уважать школьников, а не воспитывать из них безропотных болванчиков. Одобрили. Хлопали. Но наивная мечта автора, что его выступление может что-то изменить, не сбылась. Потом автор выступал на многих писательских съездах и говорил все о том же, и опять одобряли и хлопали. Но отношение к детям оставалось (и остается до сих пор) прежним...

Апрель.

5 апреля началась первая в истории парусная практика флотилии «Каравелла» — спустили на воду в устье речки

Патрушихи у Нижне-Исетского пруда яхточку «Мева». Ходили осторожно и вблизи берега — вода-то была ледяная...

На собрании местного отделения СП СССР получил медаль с длинным наименованием «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина». Было приятно — как-никак первая правительственная награда. Кроме того, медаль сослужила и практическую службу. «Местная общественность», постоянно жаждавшая изгнать «Каравеллу» из принадлежавшего домоуправлению полуподвала, сочинила очередную жалобу, что «эти самые крапивинцы опять затеяли скандал, вели себя вызывающе и оскорбляли уважаемых местных жителей». Далее шли подписи свидетелей, дата и время «вызывающего поведения». Вызванный на очередную разборку к партийным чинам, Командор воскликнул: «Но ведь именно в указанный день и час мне вручали ленинскую медаль!» Злопыхатели были посрамлены, Командор реабилитирован, а представители власти обещающе покачивали головами: «Ладно, в следующий раз так легко не выкрутишься...»

Июнь.

В журнале «Урал» — рассказ «Старый дом». Изложение мечты и сказки детства, история о том, как двухэтажный дом (вроде того, что стоял на углу улиц Герцена и Дзержинского в Тюмени), ощутив желание третьеклассника Вовки, улетает с ним к морю...

Июль.

Флотилия «Каравелла» перебралась с небольшого Нижне-Исетского пруда на Верх-Исетское озеро, на водную станцию Областной морской школы ДОСААФ. Первый же спуск на воду закончился переворачиванием недавно построенной яхты «Викинг», поскольку изрядно штормило. Однако все обошлось...

Ноябрь.

Первая заграничная поездка, с писательской делегацией в ГДР (хотя и бытовало изречение, что курица — не птица, ГДР — не заграница). Восточный Берлин и Веймар. Первый

гонорар за зарубежные издания. В маленьком кафе «Митропа» по дороге к Веймару встретил пожилого добродушного немца (не то владельца, не то официанта, который, будучи в плену, строил в Тюмени трехэтажный дом на ул. Республики («Республикштрассе»). Да, тесен мир...

1971

Апрель.

Стало известно, что занял второе место во Всесоюзном конкурсе на лучшее художественное произведение для детей — за повесть «Тень Каравеллы». Обрадовался, с благодарностью вспомнил родную Тюмень и тут же сел писать новую повесть с тюменской тематикой — «Алые перья стрел». Почти сразу к этой увлекательной работе подсоединился приехавший из Белоруссии старший брат Сергей Петрович (Сережино детство в Тюмени пришлось на предвоенные и военные годы).

В № 4 «Уральского следопыта» напечатана повесть «Баркентина с именем звезды». Здесь автор впервые решился на иллюстрирование собственных произведений. Не ради обретения известности художника-графика, а потому, что выяснилось: никто из работавших в журнале иллюстраторов не знает, как правильно рисовать баркентину...

Ноябрь.

Поездка с группой ребят из «Каравеллы» в Севастополь. Побывали на бригантине «Испаньола» (Ялтинской киностудии), на которой служил матросом в ту пору Евгений Иванович Пинаев. Командор был запечатлен за штурвалом славного парусника и этот снимок потом не раз использовал для хвастовства и рекламных целей.

1972

Январь.

В отряде «Каравелла» появился литературный альманах «Синий краб». Он издается и до сих пор. Небольшой, самодельный, но... из него вышли авторы, известные теперь всей стране.

Февраль.

В журнале «Пионер» с начала года пошла серия рассказов В. Крапивина о пионерах разных лет. Самый крупный — «Гвозди» — в февральском номере. Автор использовал впечатления военных лет в г. Тюмени.

Август.

Проездом в Тобольск (на писательскую конференцию) сумел заскочить в Тюмень. Прошел по знакомым кварталам. Родной дом на ул. Герцена стоял с заколоченными окнами, у старого тополя были обломаны ветви. Но случилось и хорошее: по ул. Семакова бежал сквозь дождевую морось мальчик с пластмассовым самолетиком, у которого вертелся пропеллер. Девочка в полиэтиленовой накидке крикнула от калитки: «Ты куда? Сыро ведь...» — «У меня важное поручение!» Вот так и возникают мысли о сказках... «Летчик для Особых Поручений»...

Октябрь.

В Средне-Уральском книжном издательстве вышла книга «Чем крепче ветер...» — коллективное творение юных корреспондентов «Каравеллы». Командор этой книжке радовался больше, чем своим (которых, кстати, к тому времени было издано около четырех десятков).

Ноябрь.

Поездка с писательской делегацией на Кубу — для участия в книжных выставках и дискуссиях о литературе. Масса впечатлений. Гавана похожа на Севастополь и... чем-то даже на Тюмень: по вечерам так же пахнет свежим хлебом, как от тюменской пекарни в сороковых годах. И так же мамы скликают из открытых окон заигравшихся ребятшек. Потом про это будет написано в рассказе «Вечерние игры»...

1973

Январь.

Кубинские впечатления толкнули было автора на работу над книгой о Гаване. Но... вдруг «потянуло на другое» — к

сказке «Летчик для Особых Поручений», где сплелась память о двух городах: Тюмени (Колокольцев) и Севастополе (Ветрогорск). А из путешествия к Карибскому морю в эту историю вошло только ощущение волшебных полетов...

Май.

«Пионер» начал публикацию повести «Всадники на станции Роса» — первой книги будущего романа-трилогии «Мальчик со шпагой».

Сентябрь.

Генеральский путч в Чили. События сразу врезались во вторую книгу романа «Мальчик со шпагой», над которой в ту пору работал автор. Отсюда в романе «Испанская песня» — «Не трогай, не трогай, не трогай товарища моего...»

Ноябрь—декабрь.

«Уральский следопыт» печатает сказку «Летчик для Особых Поручений». Иллюстрации сделала Евгения Ивановна Стерлигова. С той поры, уже более тридцати лет, длится неразрывное творческое содружество художника и писателя.

1974

Март.

Пятидесятилетие журнала «Пионер». «Вспомните, я начал печататься у вас ровно десять лет назад и никогда не переставал», — сказал на заседании редколлегии В.П. Крапивин. За это ему (а также всем членам пресс-центра «Каравелла») дали большой юбилейный значок.

Июнь.

Вторую книгу «Мальчика со шпагой» («Звездный час Се-режи Каховского») закончил печатать журнал «Пионер». Сразу — поток читательских откликов. Редакции даже пришлось в отделе писем выделить для автора специальный почтовый ящик...

Июль.

С ребятами «Каравеллы» плыли на старом колесном пароходе «Рязань» по Волге и Каме, от Москвы до Перми, и, оказавшись в конечном пункте, зашли в Пермское книжное издательство. Там узнали, что в эти дни писателю В.Крапивину присуждена Премия Ленинского комсомола. С формулировкой «за создание высокохудожественных произведений и большую работу по коммунистическому воспитанию пионеров и школьников». «Я всегда все узнаю про себя последним», — вздохнул Командор. И строго посмотрел на обжаренных солнцем и потрепанных «пионеров и школьников». «За ваше воспитание, обормоты, ясно вам?» Матросы и капитаны «Каравеллы» удовлетворенно сопели...

Август.

В Варшаве вышла книжка «Тень Каравеллы». Теперь и польские ребята смогут узнать, как жили тюменские мальчишки в сороковых годах двадцатого века...

Ноябрь.

Торжественное вручение Премии Ленинского комсомола в Москве. Все было в меру торжественно и жизнерадостно. Особенно радовалась мама писателя, почетный командор «Каравеллы» Ольга Петровна Крапивина (ее поздравляли не меньше, чем лауреата). А денежная часть премии, две тысячи рублей, очень пригодилась для строительства нового судна — стилизованного под старину гафельного тендера «Дик Сэнд» (потом он был описан под именем «Капитан Грант» в повести «Колыбельная для брата»).

1975

Май.

Спуск на воду построенной в отряде большой яхты «Дик Сэнд», очень похожей на суда XVIII века. Сенсация на акватории Верх-Исетского озера.

Сентябрь.

«Пионер» закончил печатать третью книгу «Мальчика со шпагой» — «Флаг-капитаны».

«Теперь ты можешь и отдохнуть», — деликатно посоветовал автору редактор, прикинув, сколько печатной площади в журнале ушло под эту трилогию. Но автор не стал отдыхать, он писал повесть «Ковер-самолет», в которой опять вспоминал свое тюменское детство.

А Центральное телевидение в эти дни снимало сериал «Мальчик со шпагой» по второй книге романа. Сериал вызвал у зрителей успех, но в перестроечные годы канул неизвестно куда...

Декабрь.

За трилогию «Мальчик со шпагой» журнал «Пионер» наградил автора премией имени А.П. Гайдара.

1976

Январь.

В.П.Крапивин принес в редакцию «Пионера» повесть «Ковер-самолет», посвященную своему сыну, барабанщику отряда Павлику. «Большая какая... — осторожно сказал редактор. — Ты ведь, кажется, хотел сделать перерыв?» «Сделаю, — пообещал автор. — А эту вещь надо напечатать обязательно. Тюменское детство — моя генеральная тема». Редактор смирился...

Май.

Командор «Каравеллы» отправился по писательским делам в Польшу. Там активно общался с читателями, издателями и переводчиками. Получил наконец гонорар за десяток изданных в Варшаве книг и приволок домой кучу тросов, блоков и прочих такелажных деталей для строительства яхт типа «Мушкетер», которое начиналось в отряде.

Июль.

Вспомнив свой опыт сценариста (сериал «Мальчик со шпагой» и др.), Командор сочинил стихотворный сценарий для кинодрамы «Приключения Робин Гуда» и прозаический — для пиратской комедии «На абор-рдаж!». Оба фильма были сняты в кратчайшие сроки, причем многопарусный «Дик Сэнд» оказался очень кстати. Это были последние фильмы студии «FIGA», снятые на восьмимиллиметровую пленку. После этого набирающая силы студия обзавелась шестнадцатимиллиметровой аппаратурой.

Август.

Издательство «Молодая гвардия» выпустило книжку ребят «Каравеллы» «Море в конце переулка» — о парусных походах и приключениях, о трудностях и радостях отрядной жизни, о друзьях флотилии.

Сентябрь.

Первую половину месяца стояла жара, хоть заново начитанная парусную практику. А ретивые завучи и классные руководительницы яростно требовали, чтобы дети не смели появляться на уроках без шерстяной формы. Командор (с подачи своих юных корреспондентов) 14 сентября напечатал в газете «На смену!» фельетон «Без курток?.. Не пускать!». Новые дровишки в негаснущий костер войны учителей с «этим зарвавшимся разрушителем советской педагогики».

Декабрь.

18-го числа у писателя В.Крапивина родился сын Алексей — будущий барабанщик «Каравеллы»...

1977

Январь.

Помня данное журналу «Пионер» обещание «сделать передышку», автор перенес свое внимание на «Уральский сле-

допыт» и взялся писать для него фантастическую повесть «В ночь большого прилива».

Май.

Флотилия «Каравелла» спустила на воду четыре новые яхты — «Атос», «Портос», «Арамис» и «Д'Артаньян». Вдохновленный этим событием, Командор дописал повесть «В ночь большого прилива», а Евгения Ивановна Стерлигова взялась за рисунки к этому произведению. Прочитавшие рукопись юные ценители литературы в «Каравелле» завели разговор, что надо бы снять на студии «FIGA» кино по этой повести. План был осуществлен, но позднее, когда «дозрел» до исполнения главной роли юный барабанщик «Каравеллы» Володька Шардаков...

Декабрь.

В «Уральском следопыте» появилась повесть «В ночь большого прилива». На радостях автор устроил в редакции вечеринку, которая положила начало следопытским «литературным средам», продолжавшимся до грустной памяти «перестроечных времен». Это был замечательный литературный клуб, где собирались журналисты, писатели, художники, режиссеры — как свердловские, так и приезжие. Однажды, когда катастрофически не хватало закуски, вдруг возник на пороге тюменский поэт, директор Областной научной библиотеки Анатолий Марласов — с громадным «поленом» замороженной нельмы, из которой тут же изготовили строганину. Чем не эпизод для мемуаров!

1978

Январь.

По договоренности с Центральным телевидением написал сценарий четырехсерийного телеспектакля «Та сторона, где ветер...».

Апрель—май.

Искали с режиссером ребят-исполнителей для «Той стороны». Обучали их обращению с воздушными змеями. На

роль Шурика взяли шестиклассника Павлика Крапивина — не потому, что сын сценариста, а благодаря его невозмутимости и интеллигентному нраву.

Июнь.

Всякие сложности в отрядной жизни. Пришлось перевести яхты на Волчихинское водохранилище, под наблюдение друзей из отряда «Алый парус» в городе Первоуральске.

Июль.

Начались съемки «Той стороны» под Москвой, у озера Сенеж близ города Солнечногорска. Места изумительные, ребята-актеры чудесные, а режиссура и операторское мастерство... в общем, сплошное расстройство. Зато в один из таких неудачных дней у Командора появился Митька — тряпичный заяц, купленный в одном из киосков Солнечногорска. Будущий спутник в дальних дорогах, друг, утешитель и персонаж нескольких книг. Для начала Митька запросился в повесть «Трое с площади Карронад», к которой автор приступил в сентябре этого года, после очередной поездки в Севастополь...

Сентябрь.

Севастополь. Школа № 3, в которой встретились ребята, подсказавшие тему новой повести о мальчишках с площади Карронад. А еще познакомился с третьеклассником Алькой Ветровым — представителем дружной семьи музыкантов и яхтсменов, с которыми сделались друзьями навсегда. О них — несколько рассказов и повестей...

Октябрь.

Надо же, сорок лет стукнуло! К этой дате, как подарок, появился чуть запоздавший сентябрьский номер «Уральского следопыта» с повестью «Вечный жемчуг» — последней частью трилогии «В ночь большого прилива». «Митька, смотри, я еще одну трилогию выдал в свет!» «Не последнюю», — пообещал заяц-оптимист.

1979

Январь.

Закончил «Трое с площади Карронад».

А в «Пионере» начала публиковаться «Колыбельная для брата», которую ухитрился написать в прошлом году в перерывах между парусными, телевизионными и прочими хлопотами. Ей суждено было вызвать новое неудовольствие педагогической общественности и массу писем от юных читателей. Первое автор игнорировал, второму радовался...

Март.

16-го числа в газете «Уральский рабочий» статья «Смотреть не только в ведомости». О том, как «неласково» обращался со своими учениками директор одной из свердловских школ. Когда автор узнал о «художествах» этого педагога, он без объяснений пригласил с собой сотрудницу облоно, посадил в машину и привез в школу. Директору куда деваться — признался во всем... Справедливость статьи подтвердили и облоно, и прокуратура. Но педагоги все равно наклепали жалобу в обком партии. Оттуда — письмо в Союз писателей: разберитесь с автором. Такова логика тогдашней жизни. (Впрочем, нынешняя лучше ли?)

Май.

У сына Павлика обнаружили нелады с печенью. Врачи предложили путевку в Пятигорск, в санаторий типа «Мать и дитя». «Матерью» предстояло стать папе, поскольку настоящая мама сидела с младшим сыном. Правила требовали, чтобы у сопровождающего родителя тоже была какая-то болезнь. Врачи подумали и вписали в карту: «Остеохондроз». Владислав Петрович прислушался к себе и тут же обнаружил внутри эту хворь. Сыну печень подлечили, а папин остеохондроз остался на всю жизнь. Впредь наука — не связывайся с медициной... Впрочем, боли в спине не помешали взяться за повесть «Дети синего фламинго».

Июнь.

Студия «FIGA» героически снимает фильм «Вратаренок Чип» по мотивам повести Командора «Баркентина с именем звезды». Впрочем, баркентины там нет, зато есть водяные, лешие и драки на деревянных мечах. Полное удовольствие...

Июль.

Парусную практику провели на Волчихинском водохранилище, а потом яхты все-таки вернули ближе к дому, на Верх-Исетское озеро. И добираться ближе, и времени требуется меньше. Появляются дни, когда можно посидеть над рукописью.

Сентябрь.

Традиционный сентябрьский приезд в Севастополь (на этот раз вместе с художником Женей Медведевым). Встречи с читателями в Центральной детской библиотеке им. Гайдара, в школах.

«Английская» школа № 3, та, «про которую» как раз печатается в «Пионерской правде» повесть «Трое с площади Карронад». Женя делает наброски для иллюстраций будущей книги. Ребята, которые «подарили» автору этот сюжет, — Вадик Хапаев, Саша Соляник, Артур Алейников, Максим Зайцев... «А в повести заяц Артёмка — это Митька? А вы его привезли?» Митька становится весьма популярной личностью в Севастополе. (А потом эта популярность распространится на уральские города, Тюмень, Москву, Ленинград, Белоруссию — везде, где Командор и Митька будут путешествовать вместе...)

Встреча с семейством Ветровых, отчаянный пятилетний матрос Никитос, выход в море на яхте «Таврия»...

Октябрь.

Наконец-то пустили в эфир «Ту сторону, где ветер». В «Кавалелле» ради просмотра отменили занятия. Командор-то видел спектакль раньше, на просмотре в студии, а отряд — первый раз. Впечатление сдержанное: «Ребята хорошие (нам

бы сюда таких), но как-то все там затянуто...» Андрюшка Зайцев («звезда» студии «FIGA»): «Мы бы, пожалуй, лучше сняли...» Что ж, ощущение творческих сил — вещь полезная...

Декабрь.

В последних числах месяца в Средне-Уральском книжном издательстве подписали в печать «Колыбельную для брата». (А в Москве, в ДЛ, эту «крамольную» книжку решатся выпустить лишь через восемь лет, после того, как она неоднократно будет напечатана на Урале и за границей и экранизирована на студии Горького...)

1980

Январь.

«Надо мной опять кружит тень...» — эта фраза с начала года засела в голове у автора. И стала толчком для работы над повестью «Дети синего фламинго...».

«Каравелла» с помощью ветеранов, работающих теперь на одном из свердловских заводов, обрела после долгих мытарств помещение пустующего детского клуба. Ура! Первым делом разломали в зале сцену, чтобы освободить место для фехтовальной дорожки. Соседи тут же пошли жаловаться: «Шумят, барабанят, непонятно, чем занимаются...» Все, как в давние времена на Уктусе... Е.И. Пинаев расписал целую стену кораблями, волнами, чайками и изобразил стоящих на пирсе маленького барабанщика и сурового моряка — связь поколений...

Апрель.

Надо бы работать над повестью, но... сел за сценарий для отрядного фильма «Жили-были барабанщики». В честь барабанщиков «Каравеллы», которые два года назад вытянули отряд из большого кризиса, не дали его распустить.

Июль.

Сразу после парусной практики взялись за съемки «Барабанщиков». Вовочка Шардаков (в роли Вовки) и Женя Бояр-

ских (в роли маленького короля) очень даже хороши. Да и остальные... Можно честно сказать, что фильм получился. Осенью на премьере некоторые родители от полноты чувств даже хлюпали носами... Сценарист (он же режиссер) преисполнился «чувства глубокого удовлетворения»...

Октябрь.

Закончена повесть «Дети синего фламинго». И, не теряя инерции, автор сразу взялся за «Шлем витязя» — четвертую повесть «эпопеи» про неунывающего Джонни Воробьева, начатой еще в 1969 году («Бегство рогатых викингов»). В общем, автор стареет, а герои остаются юными...

Декабрь.

Писателю В.Крапивину вручили значок «Отличник народного просвещения РСФСР» (хотя он порой и «негативно относится к педагогам», но от факта почти двадцатилетнего существования «Каравеллы» никуда не денешься). Церемония состоялась в редакции «Пионера». Вручала замминистра просвещения РСФСР Н.К. Балясная. Все прошло тепло и в меру торжественно. После акта неофициально отметили это событие в кабинете редактора...

1981

Январь.

«Уральский следопыт» начал публикацию фантастической повести «Дети синего фламинго» с иллюстрациями Е.И. Стерлиговой. И продолжал это дело до марта.

Автор тем временем закончил рассказ «Остров Привидения» — о тюменском детстве, о самодельных корабликах и о том, как в первом классе писал «пиратский роман». Как и давнюю «Тень Каравеллы», посвятил рассказ маме. Она в годы Славкиных первых литературных стараний была его лучшим читателем, критиком и другом... Сразу передал рассказ в «Пионерскую правду». Та начала его печатать в весенние каникулы...

Февраль.

Получены авторские экземпляры вышедшей в Свердловском книжном издательстве книги «Трое с площади Карронад» (повесть и два цикла рассказов). Потом книги в таком же одинаковом оформлении будут выходить в Свердловске ежегодно в течение десяти лет, как бы создавая единую авторскую серию. Ее кое-кто даже называл собранием сочинений. Но до первого настоящего Собрания было еще далеко — одиннадцать лет.

Май.

«Прописанный» врачами остеохондроз не оставлял писателя. От этой хвори появлялись боли, которые вызывали всякие нехорошие подозрения. В мае Командора уложили в больницу — проверить, нет ли у него чего-нибудь *не такого*. Пока искали *не такое*, Командор писал веселую повесть «Еще одна сказка о Золушке», которую в этом же году вставил в роман «Журавленок и молнии» (уже не такой веселый, как сказка). Окончив Золушкину историю, Командор переключился на кораблестроительные проблемы и в течение пяти дней начертил проект юношеской яхты придуманного им класса «Штурман».

Июнь.

Вырвавшийся из больницы Командор объявил начало очередной парусной практики. «Мушкетеры» ветшают, пожаловались ребята. Командор похвастался созданным в больнице проектом новой яхты. «После практики начнем строить».

Июль.

Отдохнувший в прошлом году от автора В.Крапивина журнал «Пионер» начал печатать его повесть «Шлем витязя».

Из издательства «Детская литература» пришло известие, что подписан в печать роман «Мальчик со шпагой» (в серии «Золотая библиотека ДЛ» — весьма престижное издание). Наконец-то роман выйдет полностью, сразу три части вместе, а не в отдельных книжках и сборниках.

Август.

В течение месяца был построен швертбот «Экватор» вместимостью три-четыре человека. Первым испытателем нового судна был шестнадцатилетний капитан Павел Крапивин. И он, и другие испытатели дали яхте весьма высокую оценку. (Кстати, «Экватор» на плаву до сих пор, четверть века.) «Я горжусь этим проектом не меньше, чем своими лучшими книжками», — с оттенком самодовольства сказал Командор. «А какие именно — лучшие?» — поинтересовались дотошные члены «Каравеллы». «Все», — уверенно сказал Командор. «А сколько их всех-то?» — «Сейчас...» — Командор наморщил лоб и стал загибать пальцы. «Отрасти еще несколько рук», — посоветовали заботливые подшкиперы и штурманы. «Я считаю десятками, — скромно объяснил писатель. — Свыше трех десятков на русском языке и свыше полусотни на других». — «Ничего», — снисходительно заметили матросы и капитаны. «Я написал бы гораздо больше, если бы девятнадцать лет назад не связался с вами», — сообщил им Командор слегка уязвленно. «Фиг, — ответили они. — Тогда бы ты вообще ничего не написал». — «Нахалы», — сказал Командор и пошел дописывать роман «Журавленок и молнии».

Сентябрь.

Севастополь. Приехал вместе с Е.Медведевым и его женой Валей. Плавание на яхте «Орион» с юными и взрослыми друзьями Ветровыми. Впервые управлял большим парусником. Семилетний матрос Никитос пошел в первый класс школы № 44. В этой же школе, выступая перед читателями, писатель В.Крапивин познакомился с третьеклассником Владиком Глушенко. Это знакомство — толчок к написанию повести «Сандалик, или Путь к Девятому бастиону». Нельзя сказать, чтобы Владик был полным прототипом главного героя, но помог автору очень. Переписывались несколько лет...

Октябрь.

«Каравелла» приступила к строительству сразу восьми яхт типа «Штурман». А Командор (в свободное от строительства

время) — к написанию повести «Сказки Севки Глущенко», поскольку тема послевоенных лет в родной Тюмени его не отпускала...

1982

Январь.

В первом номере «Пионера» — начало романа «Журавленок и молнии». Он будет печататься (с перерывами) по апрель 1983 года. Случай весьма редкий в журнальной периодике — один роман с переносом на следующий год...

Май.

Флотилия из девяти «Штурманов» готова. Можно начинать очередную летнюю навигацию. «Сказки Севки Глущенко» дописаны. Можно начинать новую работу. Какую? Приснился мальчишка, оказавшийся с автором в звездолете посреди бескрайнего космоса: зовет на солнечную поляну с голубятней...

Июнь.

Начало работы над повестью «Голубятня на желтой поляне».

Август.

В Москве подписана в печать книга «Трое с площади Карронад» со множеством двухцветных иллюстраций Е. Медведева. Не зря Женя трудился в Севастополе в 1979 году.

Сентябрь.

В Севастополе вместе с Е.И. Пинаевым. Старые и новые друзья. Владик Глущенко — рассудительный четвероклассник, рассказывает о домашних делах... Херсонес...

1983

Апрель.

13-го числа — праздник журнала «Уральский следопыт», двадцатипятилетие. В этот же день вручение премии «Аэли-

та», которую журнал учредил вместе с Союзом писателей РСФСР. Первый раз, в 1981 году, премию вручили братьям Стругацким и А.Казанцеву. В 1982-м — фантасту З.Юрьеву. На третий раз премии удостоился давний автор журнала Владислав Крапивин — за повесть «Дети синего фламинго»...

Май.

Из-за болей в позвоночнике опять угодил в больницу. Обещали, что «ненадолго». В течение этого «не долго» закончил повесть «Праздник лета в Старогорске». Дотошный читатель и друг Е.И. Пинаев прочитал и сказал: «Хорошо, но... здесь явная переключка с «Голубятней». Пиши третью книгу, чтобы объединить их...» Придется писать...

Сентябрь.

Снова с Женей Пинаевым в Севастополе. Сбор материалов для «Шестой Бастионной».

Игорек Лозовицкий из симферопольского отряда «Синий краб — зюйд» (союзника «Каравеллы»).

Девятиклассники в школе № 3 (те, кто пять лет назад «подарил писателю «Площадь Карронад»). Ох и выросли.

Пятиклассник Владик Глущенко награбил зайца Митьку значком «200-летие Севастополя». Митька весь в значках.

Знакомство с севастопольским писателем Б. Эскиным — он много рассказывал о маленьком артиллеристе Коле Пищенко...

Ноябрь.

Прислали из «Детской литературы» авторский экземпляр книги «В ночь большого прилива». Как говорится, «сбылась мечта!..» Еще в детские годы грезил иногда: «Вот стану писателем, и однажды у меня напечатают книжку в «Библиотеке приключений». Да, в той самой узорчато-золотой «рамке» на обложке! При виде этих обложек замирало жадное до головоломных сюжетов, путешествий и фантастики юное читательское сердце...

Декабрь.

Получил из Японии книгу «Мушкетер и фея» (третья повесть из историй о Джонни Воробьеве). Издательство с удовольствием взяло для оформления рисунки Е.И. Стерлиговой, японцы умеют ценить настоящих художников... Это первое издание автора в Японии. Потом будет еще несколько («Та сторона, где ветер», «Колыбельная для брата», «Тайна пирамид», «Дети синего фламинго»).

Студия «FIGA» завершает работу над фильмом «Вождь краснокожих — 83». Думали сперва, что будет забавная кинолента об озорном пацаненке и двух взрослых недотепах, и вдруг: «...Но даже сейчас, как и в прежние дни, бросают ребят эти «умные» взрослые...» По сути, кино о том, как два взрослых дядьки предали поверившего им мальчишку...

1984

Январь.

В «Уральском следопыте» начали печатать «Праздник лета в Старогорске».

Июль.

Командор с помощью отряда начал тяжкий процесс переселения на свое новое место жительства, в центр Свердловска (в ту пору писателям еще давали иногда бесплатные квартиры). **Масса бюрократических проволочек** при получении ордера натолкнула автора на мысль написать об этом большую книгу, но скоро он понял, что, не обладая талантом Зошенко или Ильфа и Петрова, не осилит столь многогранную тему... Утешил измученного литератора подарок Е.И. Пинаева к новоселью — картина «Путь в неведомое». Командор давно «раскатывал губу» на это полотно и даже описал его в романе «Журавленок и молнии».

Август.

В журнале «Урал» вышла многострадальная повесть «Болтик». В «Пионере» к ней долго принюхивались, мусолили и наконец сказали: «Опять у тебя, Слава, конфликт с педагоги-

кой, на этот раз со старшей вожатой. Сколько можно?» — «Столько, сколько в жизни», — ответил писатель Слава и не стал переделывать рукопись.

С бригадой «Уральского следопыта» поехал в Верхотурье, в колонию для несовершеннолетних правонарушителей — выступать, рассказывать о книжках. Расположенная в бывшем монастыре колония оставила гнетущее впечатление. Автор понял, что писать о ней сейчас не будет («не созрел»). А старинный город в верховьях родной Туры очень понравился... Выставка цветов. Большой букет оранжевых садовых лилий с темными крапинками — как растрепанный веснушчатый мальчишка. Сразу — название для будущей повести: «Оранжевый портрет с крапинками».

Октябрь.

В последних числах месяца сел за планы большого (такого, что самому страшно) романа «Острова и капитаны». Пока сидел в кресле и сочинял конспект, Е.И. Пинаев писал романтический портрет автора — с парусами — и тревожно замершим на заднем плане барабанщиком (явный Вовочка Шардаков)... Полотно с изображением Командора и сейчас висит в кают-компании «Каравеллы».

Ноябрь.

Двадцатого числа рано утром позвонил журналист Сергей Казанцев: «Слава, тебе дали орден Трудового Красного Знамени!» Командор спросил, моргая: «Кто дал!» — «Проснись! В газетах указ!» В самом деле — указ о награждении писателей орденами и медалями. В том числе и В.П. Крапивина. Пошел за коньяком — ясно же: сейчас гости нагрянут...

Декабрь.

Вручение орденов награжденным уральцам во Дворце молодежи. Зимний свет в высоченных окнах, громадная, приготовленная к Новому году елка. В общем, праздник. Вручал тогдашний первый секретарь обкома КПСС Б. Н. Ельцин. Пожимая руку, величественно сказал: «Как же, как же, читали, знаем...» Фотокорреспонденты сверкали блицами... Скоро в местном отделении Союза писателей появилась большу-

щая фотография, отражающая исторический момент вручения. Позднее, когда Ельцин оказался в опале, снимок хотели снять, но писатель-орденоносец сказал: «Не вздумайте». Из принципа. Так снимок и висел до той поры, пока Союз писателей не раскололся на два. При дележе имущества фотография куда-то пропала.

1985

Январь.

В «Уральском следопыте» пошла третья книга — «Голубятни» — «Мальчик и ящерка» (которую непонятно как успел написать в прошлом году).

Начало работы над «Хронометром» — первой книгой «Островов и капитанов». В этой теме опять сошлись вместе два любимых города: Тюмень и Севастополь. Работа растянулась ровно на год. Но в перерывах между написанием отдельных частей этой книги будут еще «Оранжевый портрет с крапинками» и рассказы для «Шестой Бастионной».

Апрель.

«Пионер» кончил печатать «Тайну пирамиды» (начало — в феврале). Название переврали — правильное: «Тайна пирамид». Но все равно приятно: наконец-то завершилась многолетняя эпопея о Джонни Воробьеве...

Сентябрь.

Севастополь.

Шквал во время выхода в море на яхте «Фиолент». Ряд остросюжетных событий, вошедших впоследствии в повесть «Заяц Митька». Прощание с друзьями Ветровыми, уезжающими на Камчатку...

1986

Январь.

Закончил работу над «Хронометром». И сразу надо приниматься за вторую книгу — за «Гранату», тем более что еще свежи севастопольские впечатления (а книга должна быть сплошь «севастопольская»).

Март.

В «Пионере» началась публикация севастопольской повести «Сандалик, или Путь к Девятому бастиону». Е.Медведев сделал прекрасные цветные иллюстрации.

Июнь.

Студия «FIGA» закончила съемки очередной «выдающейся киноленты» — «Три мушкетера, или Двадцать лет спустя». Во время съемок было побито много посуды и получил удар кувшином по голове Игорек Бессонов, игравший юного Д'Артаньяна. Но все обошлось. Главная идея фильма: к сожалению, коварные кардиналы и королевы не исчезли и в наши дни...

Июль.

В «Уральском следопыте» кончили печатать автобиографическую повесть-сказку «Тополиная рубашка». Она была написана еще в позапрошлом году, когда после очередной поездки в Тюмень вдруг опять всколыхнулись воспоминания о детстве, о давних друзьях, о старом тополе...

Сентябрь.

Закончена работа над рукописью «Гранаты» — второй книги «Островов и капитанов».

Октябрь.

Приезжал (не первый и не последний раз) в гости к отряду «Каравелла» и Командору капитан дальнего плавания Захар Липшиц. Его рассказы о плаваниях и морских приключениях можно слушать часами...

Ноябрь.

Средне-Уральское книжное издательство выдало «Каравелле» авторские экземпляры коллективной юнкорской книги «Барабанщики, вперед!». Это наиболее полная история отряда к тому времени. Естественно, были требования убрать самые «колючие» места. Командор и ребята не сдали ни одной позиции.

Декабрь.

В московском издательстве «Малыш» тиражом в 150 тысяч вышла книга «Каравеллы» — «Здравствуй, отряд!». Это рассказ о том, как строить ребячьи отряды не формально-школьного образца, а свои — боевые и самостоятельные. Много великолепных цветных иллюстраций почетного командора «Каравеллы» Евгения Медведева.

1987

Март.

В Петрозаводске, в издательстве «Карелия», подписали в печать красивую, с цветными картинками Е. Медведева, книгу «Мушкетер и фея». Это первое издание всех пяти историй о Джонни Воробьеве под одной обложкой (до сих пор выходили то тут, то там, по частям). Вид у книжки вполне столичный, тираж тоже — 150 тысяч. Позвонил Е. Медведеву: «Дженя», я тебя поздравляю...»

Апрель.

Было много возни со сценарием и подготовкой отрядного фильма «Манекен Васька». Идея возникла, когда один из друзей «Каравеллы» принес в отряд выброшенного из магазина безрукого мальчишку-манекена. Руки приделали, «найденыша» обрядили в форму барабанщика, а потом решили: что ему бездельничать, пусть работает киногероем.

Май.

«Уральский следопыт» начал печатать первую книгу «Островов и капитанов». Автор же к этому времени поставил точку в третьей книге («Наследники»), то есть во всем романе полностью. Появилась возможность заняться делами отрядной студии, парусами, поездками и... новой рукописью, потому что впереди уже маячили планы первой повести из цикла о Великом Кристалле...

Хватило времени и для полемики в «Литературной России» (в летних номерах) по поводу попыток представителей

консервативной педагогики навязать школам «новый» устав. От такой новизны у Командора волосы встали дыбом, и он не удержался...

Август.

«Пионер» завершил публикацию повести «Оранжевый портрет с крапинками». Впервые для текста В. Крапивина в «Пионере» иллюстрации (цветные развороты) делала Е. И. Стерлигова. Много было работы, даже художественный редактор журнала приезжал в Свердловск, но дело того стоило. Кто посмотрит — убедится...

Октябрь.

Издательство «Детская литература» наконец-то решилось выпустить в свет повесть «Колыбельная для брата».

Декабрь.

В отрядной студии закончены съемки «Манекена Васьки». Это последний фильм «Каравеллы» (за исключением кинохроники), снятый на киноплёнку. Дальше был перерыв, а потом пришло время новых технологий — видеокамеры.

1988 •

Январь.

Получил грамоту — поздравление редколлегии «Литературной России» по поводу присуждения годовой премии за статьи, опубликованные в прошлом году.

Февраль.

«Пионерская правда» начала печатать отрывки «Гранаты» — второй книги «Островов и капитанов». Но отрывки они и есть отрывки. Автор ждал полной публикации. Ее начал через два месяца «Уральский следопыт».

Март.

Из Москвы прислали книгу «Голубятня на желтой поляне», изданную в серии «Библиотека научной фантастики»

(в той самой золоченой «рамке»!). Обложке сердце радуется, но внутри пришлось убрать сцены с выпивкой и курением (ужас какой, робот курит!). Борьба за трезвость и нравственность. Потом придется вставлять эти абзацы обратно...

Июнь.

10-го числа в «Литературной России» напечатана статья В.Крапивина «Наболело!» — в поддержку материалов тюменских авторов о судьбе Свято-Троицкого монастыря. В городе нашлись «новаторы», возымевшие намерение установить в православном Троицком соборе орган! Как было не вмешаться...

Июнь, двадцатые числа.

Участие в XIX партийной конференции. Ужасно не хотелось ехать (парусные дела с ребятами, рукопись повести «Гуси-гуси, га-га-га...»), но... «как же так, тебя же выбрали!»

И вот Кремль. Записка: «В Президиум XIX Всесоюзной партконференции. Пока, за два дня работы партконференции, никто из выступавших не коснулся вплотную проблем детства... Прошу предоставить слово. В. П. Крапивин, детский писатель, г. Свердловск». Думаете, предоставили? Впрочем, не огорчился. Не отпускало ощущение, что власть агонизирует...

Октябрь.

Начал готовиться к юбилею (а куда деваться?). Но на станции Сортировочная грохнул могучий взрыв, пострадали люди, дома. При всеобщей печали — какой праздник? На семейном совете решили: деньги, собранные на банкет, передать пострадавшим. Но поздравления и подарки все же, конечно, были. Например, газета «На смену!» подарила синее пластмассовое весло — с пожеланием новых плаваний. После этого оставалось одно — вновь окунуться в «Глубину Великого Кристалла».

1989

Январь.

Володя Вафин, сержант милиции (прототип Михаила Гаймуратова в «Островах и капитанах»), напечатал в «Челябинском металлурге» очерк «Подросток в наручниках». Читаешь — и комок в горле. И впечатление, что никому, кроме таких вот, вроде Вафина, мечущихся энтузиастов, дела до гибнувших от равнодушия страны и общества ребят совершенно нет... Взрослым некогда, они вершат свои дела. Политика, митинги, Армения, Азербайджан, НКАО, высосанные из пальца планы на будущее, перестройка...

Март.

Областной пионерский слет. Судорожные попытки властей сохранить в ребячьей организации все как было (конечно, под прикрытием речей о «нововведениях» и «детской демократии»). Естественно, «Каравелла» в оппозиции...

Апрель.

Сообщение о награждении писателя В.Крапивина орденом Дружбы народов... Да, считаешь газеты — та еще «дружба». И неизвестно, куда канула книга «Голубятня на желтой поляне», которую собирались издать в Литве. Видимо, и с Вильнюсом, который автор любил всей душой, дружба уже не прежняя...

Июнь.

Писатель В.П. Крапивин удостоился большой чести. Госкомитет по печати сообщил ему, что разрешает выпуск двухтомника «Избранное» (без такого позволения издать два тома было нельзя). И вот — свершилось, выпустили. Хотя, конечно, при том литературном багаже, который накопился у автора за три десятка лет, двухтомник — капля в море...

Сентябрь.

Опять осень, опять «Дети, завтра вы поедете на картошку!». Добился от Президиума правления Областного детского фонда, чтобы тот выступил в газете «На смену!» против такой

вот «сельхозпрактики». А то «перестройка, перестройка», а ребят все равно срывают с уроков и гонят в холод и слякоть. Едва ли это выступление сильно помогло, но потом ситуация пригодилась для романа «Бронзовый мальчик» (хоть какая-то польза).

Октябрь.

Письмо от переводчицы Мицуко Накагоме от 1-го числа. «...С радостью сообщаю Вам, что самая влиятельная газета в Японии «Асахи» положительно рецензировала нашу «Тайну пирамид», отмечая ее художественность, забавность разговоров и умелое описание, в месячной колонке...»

1990

Февраль.

Журнал «Пионер» допечатал повесть «Застава на Якорном поле» и тем завершил публикацию трех повестей о Великом Кристалле, которой занимался с октября позапрошлого года. Дальнейшие книги цикла станут печататься в «Уральском следопыте» и «Урале».

Март.

10 марта появилась на свет внучка Дашенька...

Скоро выяснилось, что ревучую девицу лучше всех умеет успокаивать дед: внучку надо поднять к потолку и позвенеть подвесками люстры. Рев сразу стихает...

Май.

Закончил писать «Лощмана». Эта повесть — последняя в цикле о «Великом Кристалле».

Июнь.

С женой и сыном Алешей отправился на теплоходе «Юрий Андропов» в путешествие по Волго-Балту (от Москвы до Ленинграда, с заходом на Валаам, Кизи, в Петрозаводск...). Погода холодная, с дождями, но все равно масса впечатлений... Гулял по палубам, укрываясь от заботливой мамы, большеглазый пацаненок лет девяти и однажды спро-

сил шепотом: «А вы правда писатель?» Командор не стал отпираться и начал рассказывать мальчику про маяки и бакены... Потом он сделал этого третьеклассника Саней Салазкинским в «Бронзовом мальчике»...

Август.

Еще год назад Командор официально передал руководство «Каравеллой» молодым инструкторам («Пора, брат, пора»). Понимал, что будет немало сложностей и всяких «критических ситуаций» (и они были), но понимал и то, что должна крепнуть «командирская смена». Однако сразу отойти от дел не сумел. Вот и в нынешнем году опять: киносьемочные дела, парусные гонки, испытания нового двухмачтового судна по имени «Гек Финн»...

Сентябрь.

Пятого числа приступил к «пиратскому» роману «Портфель капитана Румба». Много лет никак не мог за него взяться, и вот — «пришла пора»...

Декабрь.

Закончил многострадального «Капитана Румба». Долго «запрягал», а взялся и закончил за четыре месяца. Предстоит чтение в отряде...

1991

Февраль.

Приступил к большой повести «Синий город на Садовой». Садовая — это ул. Дзержинского в Тюмени. «Опередил события», описывая реставрацию храма у реки, — надеялся, что ремонт Ильинской церкви над Турой не за горами...

Июнь.

В «Уральском следопыте» началась публикация повести «Белый шарик Матроса Вильсона» — самого «тюменского» произведения в цикле о «Великом Кристалле». Сочетание космических фантазий с реалиями давнего детства...

Июль.

С сыном Алешей поехал в Тюмень — показать родные места. Гуляли, слетел с откоса и сломал любимую трость. Новую добывали в аптеках с помощью местных педагогов и выпускника «Каравеллы», тюменского журналиста и писателя Кости Тихомирова.

Выступление в пионерском лагере у Верхнего Бора. Саня Палкин (в 80-х годах он был замечательным инструктором в «Каравелле»), руководитель местного отряда, похожего на «Каравеллу», позвал к ребятам на водную станцию. Ходили на яхтах по Андреевскому озеру.

Были в гостях у Надежды Герасимовны Мусько — классной руководительницы Славы Крапивина, выпустившей его «в жизнь» вместе с другими ребятами 10-го класса «В» тридцать пять лет назад. Ей девяносто третий год, но она помнит каждого выпускника...

Конец июля.

У соседки журналиста С. Казанцева Командор и сын Алеша выбрали себе рыжего котенка с загнутым кончиком хвоста. Назвали Максом. Через несколько дней Макс забрался под диван, и беднягу придавило. Пришлось вызывать ветеринарную «Скорую помощь». Было опасение, что кот останется инвалидом. Но Макс оправился. И стал замечательным другом (и даже персонажем нескольких повестей) Командора.

Сентябрь.

Закончил «Сказки о рыбаках и рыбках» — повесть, где звездные сюжеты переплетаются с суровыми реалиями наших дней. Эта вещь — тоже из «Великого Кристалла», но будет помещена в цикл прежде «Лоцмана» — таковы требования композиции.

Декабрь.

Журнал «Пионер» закончил публикацию романа «Портфель капитана Румба». Увы, больше автору В. Крапивину не

придется печатать свои крупные вещи в этом журнале: таково следствие «перестроечных времен», когда прежним журналам-великанам стало «не до жиру, быть бы живу...».

1992

Январь.

В первые дни года поставил точку в романе «Бронзовый мальчик». Это в какой-то степени продолжение «Мальчика со шпагой». Речь идет о выживании отряда «Эспада» в «перестроечную эпоху». Но не только об этом. Еще и «о вечном» — о трусости и смелости, о предательстве и дружбе, о парусах и стремлении людей к справедливости.

Февраль.

Все-таки нынешняя свобода от постоянных командорских обязанностей в отряде имеет свои преимущества. Прежде всего — свободное время. Сразу после «Бронзового мальчика» сел за план романа «Черные пароходы» («Кораблики, или Помогите мне в пути...»).

Март.

Отложил «Кораблики», взялся за конспект большой повести о дружбе крохотного инопланетянина Капа с земными мальчишками и девочками. О преодолении силой дружбы космических расстояний...

«Уральский следопыт» закончил печатать повесть «Лоцман» (с иллюстрациями сына писателя, Павла Крапивина).

Апрель.

Все-таки метание от одного сюжета к другому даром не проходит. У автора полная неуверенность в себе и в голове сплошная каша. Оставил все, что хотел писать прежде, и решил приступить к «легкомысленной» сказочной повести для младших ребят «Чоки-Чок...» — о первокласснике Леше, Рыцаре Прозрачного кота. Эта вещь «сидела в мозгах» давно, и теперь стало ясно — пора писать...

Некоторое утешение среди сумятицы и разброда: журнал «Урал» напечатал в четвертом номере «Синий город на Садовой».

Май.

В руках у автора первый (сдвоенный) том его первого в жизни настоящего собрания сочинений, которое взялось выпускать екатеринбургское частное издательство «91». Ожидаются девять томов. Иллюстрирует собрание Павел Крапивин. Интересно, по-новому и с большим пониманием текста.

Июнь.

Автор заканчивает редактирование рукописи об инопланетянине Капе — «Серебристое дерево с поющим котом». Совершенно непонятно, когда он успел ее написать...

Поездка с сыном Алексеем в Москву. Хождения по редакциям и издательствам. «Трудные времена...»

Август.

Автор закончил повесть «Чоки-чок...».

В своем дневнике автор поместил список «болтунов» — представителей издательств, которые обещали ему публикации, а потом «нажали на тормоза». Они — в Москве (двое), Ставрополе, Челябинске (двое), Екатеринбурге (двое), Тюмени (увы!), Краснодаре, Красноярске... «Трудные времена!..»

Сентябрь.

Горькое понимание, что роман «Острова и капитаны», несмотря на договор и готовую верстку, никогда не будет напечатан в детиздатовской «золотой рамке». Где ты, легендарная эпоха времен редактора Лайнэ Ричардовны Баруздиной («Слава, вашу книгу мы ставим в план этого года...»)?

Октябрь.

Третьего числа сделал первые наброски романа «Сомбро» («Лужайки, где пляшут скворечники»). (В голове звучит торжественная фраза: «Так начались истории Безлюдных странств!»)

Ноябрь.

Журнал «Урал» стремительно выпустил одиннадцатый номер, отдав его исключительно повести «Чоки-чок... При-

ключения в стране, которая рядом». (Спецвыпуск!) Автору пришлось столь же стремительно — в течение недели — делать рисунки (ни один художник проиллюстрировать повесть тремя десятками картинок за такой срок не брался). Это был второй (после «Баркентины с именем звезды» в 1971 году) случай автоиллюстрирования. Впоследствии, когда издательства «стонали», что нет времени для оформления книги, автор нахально заявлял: «Я могу сделать картинки сам». И делал, говоря при этом: «Я дилетант и потому ответственности за свои рисунки не несу»...

Декабрь.

В Средне-Уральском книжном издательстве автору дали экземпляр книги «Белый шарик Матроса Вильсона» — второй том трехтомника «В глубине Великого Кристалла». А еще известили, что третьего тома не будет. Вразумительных причин не изложили. Ведь и верстка уже готова, и даже гонорар автору выплачен, и читатели ждут! В чем же дело? Дело было, видимо, в непонятных издательских амбициях. На этом тридцатилетнее сотрудничество автора с данным издательством прекратилось навсегда.

1993

Февраль.

В «Тюменской правде» — история под названием «Как лает собачка» — отрывок из повести «Пошел все наверх!..».

Март.

Московский журнал «Лепта» начал печатать повесть «Сказки о рыбаках и рыбках» (закончил лишь во втором номере следующего года).

Июнь.

Второго числа — первые прикидки повести «Самолет по имени Сережка».

Июль.

В «Тюменской правде» — маленькая автобиографическая повесть «Босиком по Африке». Автор как бы после долгого отсутствия возвращается в родной город.

Октябрь.

Тюменская газета «Наше время» публикует автобиографическую повесть «Пошел все наверх!» или Воспоминания эрудита» — смешные и грустные истории из жизни ученика начальной школы № 19 г. Тюмени. Многие тюменские публикации — результат стараний давнего друга, подвижника и добровольного «литагента» Константина Тихомирова.

Ноябрь.

Закончена повесть «Самолет по имени Сережка». Вместе с написанной в этом году «Дырчатой Луной» они могут образовать основу нового цикла — о Безлюдных пространствах.

Декабрь.

В Журнале «Урал» закончен роман «Кораблики».

1994

Февраль.

Издательство «Нижкнига» в Нижнем Новгороде начало выпуск собраний сочинений В.Крапивина. Обещано четырнадцать томов.

Апрель.

Закончил повесть «Битанго» из автобиографического цикла «Золотое колечко на границе тьмы».

Приступил к работе над словарем «Кратокрафан» (Краткий толкователь крапивинской фантастики) — чтобы читатели не путались в героях и географии «Великого Кристалла», «Безлюдных пространств» и прочих книг, которые за многие годы успел насочинять автор. А главное — потому, что самому стало интересно. Как здорово: среди фантастических персонажей есть даже герой на букву Ы! Ыхало...

Май.

Отправил книги в Музей К. Г. Паустовского, в Москву. Музей интересуется произведениями, где так или иначе упоминается Константин Георгиевич. А у В. Крапивина такие книги есть...

Август.

Девятого числа наш тюменский друг Костя Тихомиров, критик В.Лукуьянин, поэт Альвред Гольд и В.Крапивин на «Волге» отправились из Екатеринбурга в Тюмень.

В Тюмени — выступления перед читателями вместе с поэтами И.Иргеньевым и Б.Чичибабиным.

В гостях у поэта Александра Гришина.

Вечернее плавание по Туре... Воздух родного города. Встречался с ребятами в Областной детской библиотеке, рассказывал о новых повестях про Тюмень, читал стихи про Вовку из повести «Клад на Смоленской улице»...

Побывал во дворе на Грибоедова, 31. Хорошая встреча со старой соседкой тетей Люсей...

Сентябрь.

Отредактировал и отнес в «Уральский следопыт» новую повесть «Лето кончится не скоро» — еще одну из цикла о «Безлюдных пространствах»...

Ура, купил телевизор-двойку, то есть с видеоманитофоном. Теперь можно смотреть записанные на кассеты фильмы, которые снимала студия «FIGA» в течение двадцати с лишним лет, и наслаждаться сладкой ностальгией...

Октябрь.

С сыном Алешей сходили на Птичий рынок и там купили у пожилой симпатичной тетушки черно-белого неугомонного котенка. Так у командорского кота Макса и зайца Митьки появился юный друг Тяпа...

Ноябрь.

Еще одно «современное» приобретение. Обзавелся видеокамерой «Sony». Теперь можно перегнуть с экрана вось-

мимиллиметровую кинохронику давних лет. В том числе и кадры с нетронутой тогда улицей Герцена, снятые в 1964 году...

Декабрь.

Двадцатого числа подписан в печать двенадцатый том собрания сочинений в Нижнем Новгороде. На этом издательство намерено пока остановиться. Экономические трудности. Спасибо и за то, что успели сделать — двенадцать томов в течение года. Хорошие книги с цветными обложками. Издательство не нумеровало тома, но в аннотациях подчеркивало, что это — собрание сочинений. При иллюстрировании немало потрудился вместе с другими художниками Павел Крапивин («Голубятня на желтой поляне», «В ночь большого прилива», «Остров Привидения», «Баркентина с именем звезды», «Портфель капитана Румба», «Сандалик...» и др.).

1995

Январь.

В начале месяца автор закончил повесть «Я больше не буду», или Пистолет капитана Сундуккера». Только вот где печатать? «Трудные времена» в издательских сферах набирают силу...

Февраль.

В конце прошлого месяца с сыном Алексеем приехали в Москву на 70-летний юбилей сестры Командора Людмилы Петровны. И застряли в столице на две недели. Директор издательства «Юнпресс» С.Б. Цымбаленко (в прошлом — один из активных инструкторов «Каравеллы») предложил Владиславу Петровичу написать популярную книгу для школьников про устройство парусных судов и о прочих корабельных хитростях. «Тебе же это пара пустяков, ты все это внушал ребятам на занятиях целую четверть века!» Командор посоветовался с сыном и решил приступить к работе, «не сходя с места». За две недели была написана литературная часть книги...

Конец февраля.

Двадцать третьего числа купили компьютер. Командор после поездки в Москву сказал, что в наше время литератору без компьютера жить невозможно. Через сутки он проклял современную технику и себя, пытаясь набрать на клавиатуре коротенький текст... Процесс постижения компьютерных премудростей был долгим и тяжким. Однако было понятно: «Обратного пути нет»...

Апрель.

«Пионерская правда» взялась печатать отрывки из «Пистолета капитана Сундуккера». Это в какой-то степени утешает, поскольку книг никто не печатает.

Май.

«Уральский следопыт» напечатал «Лето кончится не скоро» (начал в марте).

Июль.

Месяц прошел в тяжелой работе по компьютерному макетированию книги о морском деле «Фрегат «Звонящий» (масса рисунков, схем, которые надо было привязать к конкретным строчкам). Наконец закончили. А 29-го числа компьютер отказался открывать готовый макет. Никакие усилия и приглашенные специалисты не помогли. Два сына держали Командора за руки, чтобы он не расколотил «этот подлый сундук»... Потом пришлось все начинать сначала.

Ноябрь.

Отредактировал новую «тюменскую» повесть «Мой друг Форик, или Опаляющая страсть киноискусства». Сразу отнес в «Урал». Обещали немедленно запустить в печать.

Декабрь.

«Урал» напечатал повесть «Мой друг Форик...». Это несколько примиряет с суровой действительностью...

А вообще-то год был у Командора нелегкий. Впервые за три десятка лет у него в течение всех двенадцати месяцев не

вышло ни одной книги (если не считать попытки неудачливого частного издателя выпустить «Портфель капитана Румба» — из четырех запланированных выпусков вышел только первый). Ладно. Зато на пузе у автора лежит рыжий кот Макс, облизывает юного Тяпу и урчит ободряюще: «Переживем»... И автор, назло судьбе, начинает сочинять роман «Бабушкин внук и его братья».

1996

Январь.

Написал повесть «Взрыв Генерального штаба». На работу над текстом ушло всего двенадцать дней. Но сколько все это предварительно копилось в памяти и планах, теперь и не вспомнить...

«Уральский следопыт» запустил в печать «Пистолет капитана Сундуккера».

Май.

Шестилетняя Даша Крапивина на Всероссийском конкурсе юных талантов «Призвание» в номинации «Поэзия» заняла первое место. Узнав имя победительницы, Сергей Владимирович Михалков спросил: «А скажи, Дашенька, ты не родственница?..» «Внучка...» — скромно ответствовала юная поэтесса, одергивая форменную каравелловскую рубашонку. Узнав о случившемся, дед Командор прослезился от полноты чувств.

Июнь.

В конце месяца «Пионерская правда» начала печатать главы из повести «Взрыв Генерального штаба».

Приезжал в гости капитан дальнего плавания Захар Липшиц. Автор посвятил ему повесть «Пистолет капитана Сундуккера», которая готовится к изданию отдельной книгой.

Июль.

Написал слова песни для фильма «Легенда о Единороге», который снимает отрядная студия по рассказу Алексея Кра-

пивина. «Как спасение, как спасение, к нам приходят ясные дни...» Снимают ребята очень даже неплохо. Особенно хорош главный герой — маленький Андрюшка...

Хотя Командор и в отставке, а полностью от отрядных дел уйти не удается. Пришлось принимать участие в корабельной практике и судействе парусных гонок...

Август.

Из-за хронического безденежья начал продавать монеты из своей коллекции. «Время собирать камни, время разбрасывать...»

Сентябрь.

Тринадцатого числа написал «Предупреждение» к повести «Заяц Митька» и тем самым завершил работу над историей о своем любимце (и о многих событиях, имеющих к Митьке прямое и косвенное отношение).

Декабрь.

В екатеринбургском издательстве ООО «Экспресс» подписана в печать книжка «Я больше не буду», или Пистолет капитана Сундуккера — с цветной обложкой Павла Крапивина и с иллюстрациями автора (опять пришлось рисовать срочно, в последний момент).

Издательство «Нижкнига» подписало в печать два тома «Островов и капитанов». Эти издатели, несмотря на трудности, выполнили обещание достойно завершить собрание сочинений В.Крапивина.

1997

Январь.

С первого числа сел писать повесть «Тени как шпалы». Воспоминания о тюменских мальчишках в 1950 году — что-то от биографии, что-то от сказок. Хотел назвать эту вещь «Мальчик и тьма», но услышал где-то, что книгу с таким названием недавно написал Сергей Лукьяненко...

Февраль.

Журнал «Урал» закончил печатать роман «Бабушкин внук и его братья» (начало публикации в январском номере).

Март.

Участие в жюри городского детского литературного конкурса «Дебют». Много интересных работ, талантливые ребята...

Апрель.

Наконец-то автор увидел воочию экземпляр многострадальной книги «Фрегат «Звонящий» (Москва, Издательский дом «Прибой» и Агентство Юнпресс, рисунки и схемы Павла Крапивина, Алексея Крапивина и автора). Было понятно, что книга очень пригодится как учебное пособие для ребят из «Каравеллы» и других морских отрядов. Правда, вскоре выяснилось, что половину десятитысячного тиража непонятно куда сплывили книготорговцы, которых не удалось найти. Но, в конце концов, не сожгут же. Есть надежда, что так или иначе книга доберется до читателей.

Июль.

«Уральский следопыт» напечатал «Взрыв Генерального штаба».

Сентябрь.

Автор начал подготовку обширного цикла «Командорская каюта» для «Уральского следопыта». В течение будущего года планируется напечатать ряд очерков, воспоминаний, эссе и давних, ранее не публиковавшихся текстов, а также словарь «Кратокрафан». (Так потом и случилось.)

Ноябрь.

Издательство «Детская литература» вспомнило про писателя В.Крапивина. Спасибо писательнице Наталье Соломко (которая в начале семидесятых была в «Каравелле» инструк-

тором и одним из главных редакторов альманаха «Синий краб»). Она составляет для ДЛ серию «Опасный возраст» и решила поместить туда повести «Взрыв Генерального штаба» и «Самолет по имени Сережка».

1998

Январь.

Начал писать повесть «Рассекающий пенные гребни» — по историческим и нынешним материалам Севастополя, но с изрядной долей фантастики.

Позвонили из Москвы, сказали, что в издательстве «Центрполиграф» подписана в печать книжка «Лето кончится не скоро» (кроме «Лета...», в ней еще повесть «Лоцман»; серия «Классическая библиотека сказочных приключений»). Наконец-то пробита издательская блокада! А то непонятно было, куда ткнуться. Спасибо Киру Бульчеву, это он свел автора с «Центрполиграфом», хотя и предупредил, что «отношения с этими издателями могут оказаться непростыми»... Они и правда потом оказались непростыми, но все же с 1998 по 2001 год «Центрполиграф» выпустил пятьдесят одну книгу В. Крапивина, в том числе тридцатитомное собрание сочинений.

Февраль.

«Уральский следопыт» (в рамках журнального проекта «Командорская каюта») начал печатать повесть «Страна Синой Чайки», которую автор взялся писать еще сорок лет назад, в 1957 году, и не закончил. Теперь пришлось срочно и коротко заканчивать и, кроме того, снабжать собственными иллюстрациями. Перечитывал старый текст и ворчал на себя: «А почему тогда-то не дописал, лодырь? Была бы не хуже других...»

Март.

Журнал Всероссийского детского фонда «Школьная роман-газета» напечатал повесть «Тридцать три — нос утри». Так автор назвал то, что раньше именовалось «Тени как шпа-

лы»: руководителю фонда А.Лиханову прежнее название показалось неудачным. Автор придумал новое и пришел к выводу, что оно и впрямь лучше того, что было.

Апрель.

Великое переселение народов: семьи Владислава Крапивина и Павла Крапивина разъезжаются по разным квартирам, поскольку стало тесно и ожидается появление внука... Вот будет морока с переадресовкой и новым телефоном: придется сообщать всем редакциям. Хорошо хоть, что новая квартира Командора недалеко от прежней, номер дома сменился на единицу...

Май.

Отрывки из «Рассекающего пенные гребни» пошли в «Пионерской правде». Цветные рисунки Евгения Медведева, как всегда, великолепны.

Июнь.

«Уральский следопыт» напечатал «Однажды играли...» — фрагменты из литературного дневника, которые редакция обозвала повестью. А может, и правда повесть? Вполне укладывается в цикл «Золотое колечко на границе тьмы», поскольку там и там немало о давних тюменских временах.

Июль.

27-го появился на свет командорский внук Петя. Сразу был зачислен (как дворянский отпрыск в гвардейский полк) в резерв флотилии «Каравелла».

Август.

В ночь на 5-е, во время бессонницы, моментально и ярко вспыхнувший сюжет (бывает же такое!) — «Полосатый жираф Алик»! За двадцать дней, к 24-му числу, текст написан и перепечатан. Строчка из дневника: «Теперь, слава Богу, на некоторое время (надеюсь!) оставит меня ощущение творческой несостоятельности».

19 августа у Надежды Герасимовны Мусько (классной руководительницы 10-го «В» тюменской 25-й школы в 1956 году) юбилей, она родилась в 1908 году. Отправил письмо и книгу. Поделился радостной новостью о рождении внука.

Октябрь.

Хлопотные дни шестидесятилетнего юбилея (с постоянной мыслью: «Скорей бы все это кончилось»). В преддверии упомянутой выше даты автор сочинил длинное стихотворение, в котором описывал давнее детство, а взрослый жизненный путь изложил так:

А дальше жизнь была короткой —
Романы, драки, поезда...
Писал, печатался, пил водку,
Шил паруса и строил лодки —
И так наматывал года...

А что? Ёмко и правдиво...

Ноябрь.

Вел переговоры с московским журналом фантастики «Если». Они просят для публикации «Полосатый жираф Алик», но хотят, чтобы автор сменил название на «более взрослое». Автор пожал плечами и предложил: «Трава для астероидов». Обрадовались...

Декабрь.

Хлопоты по поводу пенсии. Опять пожалел, что не Зощенко, не Ильф и Петров и не Салтыков-Щедрин. Общение с чиновниками — неисчерпаемая тема. Выяснилось, что за последние восемь лет писателю не засчитывают трудовой стаж — таковы хитрости современного законодательства («А кем вы работали?»). А может, и правда не работал? Посчитал. За это (не учтенное для стажа) время написано три романа, семнадцать повестей и книга о парусах. Ну и что? Кому до этого дело...

1999

Февраль.

Автор начал делать наброски повести о том, как любовь передвигает континенты, — «Мальчик девочку искал». Причем впервые заставил себя работать на компьютере. Это не от хорошей жизни: просто почерк испортился от вернувшегося из детских времен ревматизма...

Март.

В.П. Крапивину вручили Премию губернатора Свердловской области — за повесть «Самолет по имени Сережка» в книге «Взрыв Генерального штаба», которая вышла в ДЛ в прошлом году. Вообще-то автор представлял на рассмотрение книгу целиком — как дилогию, но похоже, что жюри решило повесть о Генеральном штабе осторожно оставить в стороне: лучше не касаться произведения, где автор ругает генералов (пусть даже сказочных).

Май.

Закончил делать рисунки к повести «Полосатый жираф Алик» — для «Центрполиграфа». Рисунок с парусником, планетой и собаками понравился даже самому себе.

Июнь.

Вышел четверенный (3—6-й) номер «Уральского следопыта», в котором напечатана повесть «Дело о ртутной бомбе».

Июль.

Читательский клуб «Лощман» и группа энтузиастов в Новосибирске готовят к печати собрание стихов В.Крапивина. Будут три книжечки в бумажной обложке, тираж небольшой, зато «Собрание» почти полное... Вот уж никогда не считал себя поэтом!

Август.

Восьмого числа поставил точку в романе «Лужайки, где пляшут скворечники». Тем самым поставлена точка и во всем в цикле «Сказки и были Безлюдных пространств».

В издательстве «Росмэн», в серии «Читаем в школе и дома», вышла книжка «Оруженосец Кашка». Приятно, конечно, что повесть, написанную три с половиной десятка лет назад, продолжают печатать. Но такое впечатление, что составители всех этих серий для домашнего и внешкольного чтения искренне считают, что, кроме «Кашки», автор ничего дельного не написал. Толкают бедного «Оруженосца» во все антологии и сборники. «Ах, эта книжка у вас такая милая...» Естественно, «Дело о ртутной бомбе» школьникам они не порекомендуют...

Сентябрь.

По распоряжению какого-то начальства в городе рубят старые могучие тополя. В том числе и на ближней к дому писателя улице Сакко и Ванцетти. Поднял шум в мэрии. Вроде бы рубку приостановили, но оказалось, что не надолго.

Октябрь.

В Екатеринбурге, в Издательском доме «Уралтранс», вышла наконец книга «Полосатый жираф Алик». Это единственный результат долгих переговоров и обширных планов по изданию серии «Сказки о парусах и крыльях». Дальше издательство «не потянуло». Одно утешение — прекрасные цветные иллюстрации Е.И. Стерлиговой.

Ноябрь.

Не хватает рисунков для новых вещей. Друзья-художники прилагают немало усилий, но «Центрполиграф», затеявший многотомное «Собрание», торопит. Приходится «подключаться». Сделал картинки к «Бабушкиному внуку», «Делу о ртутной бомбе», «Тридцать три — нос утри...». Очень выручает сын Павел. 21-го числа отправлены в издательство его рисунки к «Корабликам», «Дырчатой Луне» и еще несколькими повестям...

Декабрь.

Издательство «Центрполиграф» наконец-то выпустило первый том («Сказки капитанов») собрания сочинений, которое обещают сделать полным (или почти полным).

2000

Январь.

В Екатеринбурге, в издательстве «Банк культурной информации» (БКИ), вышла книга «Тридцать три — нос утри». (Кроме повести, давшей название сборнику, в нем напечатаны «Рассекающий пенные гребни» и «Дело о ртутной бомбе»). Обложка Павла Крапивина, рисунки автора. Инициатором и спонсором издания стал бизнесмен из Бердянска С. А. Палий, который решил помочь автору в его делах. Тираж всего 1000, и книжка станет, конечно, просто сувенирным изданием, но все равно приятно...

В журнале «Урал» — стремительно написанная по просьбе редакции автобиографическая («Неуклюжий опыт бессюжетного «мемуара») повесть «Под созвездием Ориона». Посвящение: «Евгению Ивановичу Пинаеву, чье умение писать мемуары восхищает меня».

«Уральский следопыт» закончил печатать роман «Лужайки, где пляшут скворечники» — «Памяти Виталия Бугрова, который лучше всех понимал, что нет никакой фантастики, а есть только жизнь».

Март.

Взялся за мемуары о фантастике для журнала «Если» — «След ребячьих сандалий».

Июль.

Отправил в библиотеку г. Энгельса письмо с воспоминаниями о Л. А. Кассиле — как он руководил семинаром на Сообщении молодых писателей в 1963 году.

Август.

Закончил третью часть словаря «Кратографан» («География и космография»), сделал картинки к тексту и отправил все это в «Центрполиграф», который раз в месяц издает том за томом «Собрания сочинений»...

Сентябрь.

Сделал для «Центрполиграфа» иллюстрации к давней повести «Та сторона, где ветер» и к новой — «Мальчик девочку искал»...

Ноябрь.

Отыскал в архивах и отдал в юбилейный номер журнала «Урал» написанный в 1960 году и никогда не печатавшийся рассказ «Похлебка с укропом» — о том, как в 44-м году в Тюмени с другом Пашкой от большого голода пытался охотиться на голубей...

Декабрь.

В. П. Крапивин закончил работу над севастопольским романом «Давно закончилась осада...». Распрямил спину и сказал: «Конец романа, конец года, конец века, конец тысячелетия. На этом — завязываю. Что я, лошадь, что ли, пахать столько лет подряд?»

2001

Январь.

Новый год писатель встретил в предвкушении сладкого безделья. Он решил, что в новом тысячелетии предастся заслуженному отдыху. А что? Возраст пенсионный, написано немало, в Москве выходит тридцатитомное («почти полное!») собрание сочинений. Можно лежать на диване в компании любимых котов Макса и Тяпы и зайца Митьки и предаваться сладким воспоминаниям («Я человек двадцатого века!»). Владислав Петрович так и жил целых две недели. Потом плюнул и сел писать повесть «Синий Треугольник».

Февраль.

Евгения Ивановна Стерлигова сделала замечательные рисунки к роману «Давно окончилась осада...». Он пойдет в «Уральском следопыте» с середины года...

Март.

Тридцатого числа вышел в «Центрполиграфе» 22-й том Собрания сочинений. В нем «Лужайки, где пляшут скворечники» и «Кратокрафан». Обе вещи в книге печатаются впервые.

Апрель

В начале месяца закончил «Синий Треугольник». Строчки из дневника: «Ругать эту вещь будут в хвост и в гриву, но... мне было интересно писать ее. И главное: в 3-м тысячелетии я все же написал повесть. Какую ни на есть, а написал!»

Студия «FIGA» вовсю работает над фильмом «Еще одна сказка о Золушке» по пьесе Командора. Командор сочинил для фильма жизнерадостную песенку.

В конце апреля автор поставил точку в рассказе «Мячик» и тем завершил цикл «Ржавчина от старых якорей. (Паустовские рассказы)». Из дневника: «Я вынашивал этот цикл несколько лет, а написал за восемнадцать дней, с 10 по 28 апреля (хотя в конце поставил «февраль — апрель», чтобы оправдать упоминание о февральских тополях)».

Май.

22 мая три друга — Сергей Аксененко, Александр Кердан и Владислав Крапивин, — а также верный спутник Командора заяц Митька отправились в автомобильное путешествие до западных границ Белоруссии (т. е. до пределов бывшего СССР). В общем-то ничего выдающегося, если не учитывать, что средством передвижения была старенькая «копейка», а срок поездки ограничивался двенадцатью днями.

Масса впечатлений, приключений и встреч с прекрасными людьми (которых, как оказалось, на свете еще много). В итоге скоро появилась книжка трех авторов «Трое в «копейке», не считая зайца Митьки». Хотя Митьку, по справедливости, следовало считать первым. Именно благодаря мудрому зайцу никто ни с кем ни разу не поссорился, ибо Митька при малейшем намеке на опасную дискуссию требовал: «Ни слова о политике!»

Июнь.

Командор участвовал в открытии очередной навигации флотилии «Каравелла», сделал много сердитых замечаний по поводу замеченного неурядка. Замечания были восприняты почтительно и приняты к исполнению.

Июль.

Седьмого числа отмечали 40-летие «Каравеллы». Торжественное собрание, масса гостей, ветеранов, речи и выступления. Приехал на праздник из Питера почетный командор «Каравеллы», капитан дальнего плавания Захар Липшиц.

Конец месяца — поездка с сыном Пашей в Тюмень. Он первый раз был на родине отца. Вместе с давним тюменским другом Сергеем Михайловичем Палкиным много бродили по старым улицам, были в гостях у Надежды Герасимовны Мусько, у одноклассницы Славы Крапивина Дины Фадеевой, где неуклюжий Командор разбил редкую фарфоровую тарелку («На счастье!»). Сыну отцовский город понравился...

Август.

Российская литературная премия Александра Грина. Вручение состоялось в г. Кирове, на родине писателя, в день его рождения, 23 августа. Замечательная встреча с читателями в музее А.С. Грина. В.П. Крапивин обещал никогда не снимать полученную им гриновскую медаль...

Сентябрь.

С помощью сына Алексея составил четвертую часть «Кратокрафана» (о волшебных предметах). Словарь растет, пополняется за счет новых повестей...

11 сентября. События в США. Мир «сдвинулся по фазе». Дикое нарастание бессмысленной жестокости. Вот и попробуй тут писать «светлые, добрые, как прежде, книжки», как этого просят некоторые мягкосердечные читательницы.

Октябрь.

От всех горестных современных событий попытался «сбежать» в новую повесть о тюменском детстве — «Непроливашка». Но оказалось, что и там не сладко...

Декабрь.

В конце месяца вышел последний том Собрания. В нем роман «Давно закончилась осада...» и подборка избранных стихов «Синий краб». Таким образом завершился проект, который сперва казался фантастическим, — Собрание сочинений в тридцати томах. «Что дальше?» — написал в дневнике Командор.

2002

Январь.

В ноябре и декабре прошлого года — всякие больнично-хирургические напасти. «Конечно, полезно для жизненного опыта, но не в такой же степени!» — воскликнул писатель, когда в этом месяце оказался опять в знакомой палате. И, сказав себе, что лучшее лекарство — работа, занялся редактированием только что написанной повести «Колесо Перепелкина».

Март.

Наконец закончил многострадальную «Непроливашку».

Апрель.

24-го числа пришел пакет из Тюмени, из газеты «Тюменский курьер». Там закончили печатать «Непроливашку».

Май.

Поездка в Тюмень. Выступления перед депутатами гор. Думы, перед учениками лицея № 34 и в Областной детской библиотеке. Вечером был в гостях у художника Юдина, он показывал свои великолепные картины, подарил большой рисунок «Улица Герцена, 2001 г.» со старыми домиками и колокольней Михаило-Архангельской церкви.

Семичасовой путь домой в автобусе скрасила очень инте-

ресная книга тюменского писателя-краеведа С. Н. Кубочкина «Тычковка, Сарай, Потаскуй...». Появились всякие мысли о новых сюжетах.

Июнь.

Закончил роман-сказку «Стража Лопухастых островов». Хотелось сочинить веселую историю для младших ребят, но, увы, нынешняя суровая действительность влезла и в этот сюжет, никуда от нее не денешься. Так что полной солнечности не получилось...

Август.

Детфондовский журнал «Школьная роман-газета», ныне получивший новое название — «Путеводная звезда. Школьное чтение», проявляет к автору большую благосклонность. В прошлом году (в апреле) напечатал роман «Бабушкин внук и его братья», а в нынешнем отдал июльский и августовский номера под «Севастопольскую фантазию» — «Давно закончилась осада...».

Выступление в лагере под селом «Верхний бор», в тридцати семи километрах от Тюмени («Ребятчья республика»). Прекрасные вожатые, замечательные ребята. Похоже на черноморский лагерь «Орленок» давних лет... Вечером 6-го — сбор «Берег памяти», посвященный жертвам Хиросимы...

Октябрь.

10-го закончил конспект романа «Семь фунтов брамсельного ветра». «Вкалывал» десять дней. Теперь можно садиться за текст...

24-го в Библиотеке главы города (Екатеринбург) — вручение всяких дипломов. Оказывается, писатель Владислав Крапивин (в результате какого-то опроса) попал в первую десятку городских знаменитостей, в числе которых Татищев, Мамин-Сибиряк, Бажов, Николай Кузнецов, Александр Попов, Ельцин и другие... В общем, очень хорошая компания. Дали запечатанную в изогнутое стекло грамоту, фирменную библиотечную тарелку и набор пивных стаканов. Возникла проблема — как тащить. Хорошо тем, у кого машины, а как быть «безлошадному» писателю?

Декабрь.

18-е. Давал интервью газете «Уральский рабочий». Вопрос: «Чем был для вас прошедший год?»

А год был в чем-то итоговый. Сорок пять лет тому назад начал писать. Оказывается, даже самые первые рассказы кому-то интересны. По одному из них недавно пермский ребячий отряд «Эспада» поставил фильм — «Камень с морского берега» (вот бы профессиональным киношникам такой энтузиазм!)...

Сорок лет назад вышла первая книга. А всего — примерно 215. В этом году «Центрполиграф» вслед за собранием сочинений напечатал еще тринадцать изданий отдельных романов и повестей в очень красивых обложках Е.И. Стерлиговой. А главное — то, что продолжают читать. И что есть силы на новую рукопись...

2003

Январь.

Приезжал из Москвы сотрудник «Российской газеты», давний приятель и однокурсник Валерий Кичин, брал интервью. Вспомнили юность. В.Крапивин вытащил студенческую тетрадь с конспектом полемики, которую два пятикурсника вели однажды прямо на лекции... С этого эпизода он потом начнет повесть-воспоминание «Нарисованные герои»...

Февраль.

Роман «Семь фунтов брамсельного ветра» закончен! Отправил его в «Путеводную звезду», на ходу завершив последнюю редактуру после профессиональных замечаний сына Алексея — порой весьма метких и умных, хотя и язвительных...

Март.

Координатор Ассоциации писателей Урала Александр Кердан забрал дискету с «Брамсельным ветром» и отнес в екатеринбургское издательство «Сократ». Сказал, что там этот роман обязательно напечатают. Посмотрим...

Апрель.

Из Москвы прилетела группа деятелей кино — продюсеров, сценаристов, режиссеров. Уговаривали взяться за сценарий большого приключенческого сериала для ребят. Очень славные, полные энтузиазма люди. Уговорили. Но от энтузиастов мало что зависит, зависит от телеканалов, у которых деньги. А тем каналам детское кино — до лампочки. Поэтому все закончилось «как всегда». Впоследствии удалось превратить написанные серии в юмористический киноман «Яхта «Кречет», или Снова о капитане Румбе»...

Май.

Автор получил 3-й и 4-й номера журнала «Путеводная звезда» с опубликованным там романом «Семь фунтов брамсельного ветра». Оперативность журнала достойна восхищения: ведь на подготовку к печати первой половины текста у редакции почти не было времени!

В конце месяца в Ишиме — Всероссийское совещание молодых писателей, организованное Ассоциацией писателей Урала. Город чудесный. Многие связаны с автором «Конька-горбунка» П.Ершовым.

Участники совещания — ребята талантливые. И все же в их рукописях много нытья и самокопания. Считается, что без этого нынче нельзя...

Июнь.

О своем старом авторе вспомнил журнал «Пионер», который сейчас живет бедно, с крохотным тиражом. Редактор попросил «что-нибудь». Автор решил отправить ему «Облака возвращаются с запада» — фрагмент из повести «Нарисованные герои», историю о школьниках послевоенной Тюмени. Е.И. Стерлигова взялась делать цветные иллюстрации.

Июль.

Первая половина года прошла не столько в работе, сколько в выяснении отношений и переговорах (обычно бесплодных) с разными издательствами. Все что-то обещают, а по-

том... как всегда. А ведь приходится готовить для них тексты, рисунки, аннотации...

22-го ездил в пансионат «Снежинка», где «Каравелла» устроила свой летний лагерь. Выступал уже скорее не как Командор, а как автор книг. Что поделаешь, иное время...

Август.

3 марта на традиционном празднике премии «Аэлита» фантастам В. Головачеву и В. Крапивину вручили почетные знаки — «Рыцарь фантастики им. Халымбаджи» (И. Г. Халымбаджи — библиограф, большой знаток фантастики, был другом Виталия Бугрова).

10 марта из Москвы позвонила читательница Надя (та, что прототип Жени Мезенцевой в «Семи фунтах»). Сообщила, что видела в магазинах книги «Колесо Перепелкина» и «Стража Лопухастых островов». Вот так! А от выпустившего их издательства АСТ — пока никаких известий...

Сентябрь.

26 сентября. Вручение премий им. Н. Кузнецова. В Крапивину — диплом первой степени и золотая медаль за роман «Острова и капитаны». То есть за воспитание патриотизма у юных читателей...

Октябрь.

Отшумел 65-летний юбилей. Как память о нем — прекрасная шпага с узорной рукояткой. Трехгранный клинок — спортивный, но вид как настоящего мушкетерского оружия. Это подарок от одного из давних членов отряда...

Ноябрь.

5 и 6 ноября был в Нижнем Тагиле и Висиме, там в числе прочих получил Всероссийскую литературную премию им. Мамина-Сибиряка (в номинации «Аленушка», т. е. за книги для детей и юношества). Премия присуждена за роман «Семь фунтов брамсельного ветра», который вышел в издательстве «Сократ» летом этого года.

8-го сел за роман про Симку Зуйка («Воздух той давней ночи») — снова потянуло в давние тюменские годы, на берега Туры...

17-го в издательстве «Сократ» подписали в печать книгу «Давно закончилась осада». Книга выходит в серии «Мир» (Мой исторический роман), которую создали инициаторы Ассоциации писателей Урала. В этом деле очень помог Дмитрий Каменщик, бывший барабанщик «Каравеллы», который теперь очень крупный бизнесмен в столице.

22-го в Областной детской библиотеке Екатеринбурга — завершение Второго фестиваля «Грани Великого Кристалла». Школьники из Ирбита, Каменска-Уральского, Первоуральска, Верхнего Тагила и других городов.

Декабрь.

Несколько поездок и выступлений в разных городах. Самая дальняя поездка — в таежный Горноправдинск. Около восьмисот километров на машине. Когда по шоссе — еще ничего, а последние шестьдесят верст по зимнику, через застывшее болото и тайгу — это аттракцион! Зато встречи с ребятами прошли замечательно, школа прекрасная, вполне на столичном уровне. Славные учителя-энтузиасты. Директор С. С. Козлов — член Союза писателей России (вот вам и провинция!). В общем, доброе впечатление под конец года...

2004

Январь.

Выступал в школе для слабовидящих детей. Ребята — от малышей до почти взрослых. Любят книги. Старшие — очень начитанные. Перевод обычного текста в брайлевский сейчас налажен на компьютере. Отдал ребятам диски со звукозаписями своих книг. Эти записи сделали школьники и их руководитель С.А. Палий в г. Бердянске...

Февраль.

20-го позвонили из издательства «Сократ». Стало ясно, что идея с изданием серии «Летающие сказки» провалилась. А ведь несколько месяцев улыбались, обещали... В общем, обычное дело.

Март.

Автор закончил роман про тюменского мальчишку Симку Зуйка и его друзей — «Воздух той давней ночи».

Апрель.

В Москве, в издательстве «Эксмо», в серии «Шедевры отечественной фантастики», вышел объемный том — «Сказки и были Безлюдных пространств», с шестью повестями и романом. Судя по всему, такая книга — начало серьезного сотрудничества с этим издательством. Автор сказал зайцу Митьке: «Видишь, мои вещи уже считаются шедеврами. А ты говорил...» — «А что я говорил? — отозвался Митька. — Я это... поздравляю, значит...»

Май.

6 мая Командора «Каравеллы» пригласили к себе моряки — живущие в Екатеринбурге ветераны военно-морского флота. Вручили медаль «300 лет Российскому флоту» — за воспитание юных моряков. Вручал медаль капитан первого ранга, командир легендарной подводной лодки К-219 Игорь Анатольевич Британов.

Июнь.

9 июня, примерно с 11.15 до 17.15, планета Венера неторопливо шествовала через солнечный диск. Наблюдал через секстан и подзорную трубу. «Прохождение Венеры по диску Солнца» — чем не название для будущей книги?

Август.

С 10-го по 12-е поездка в Тюмень и Тобольск (на машинах) с Александрями Борисовичами — Керданом и тюменским писателем Кравцовым. Выступления перед читате-

лями. Тобольск — чудесный город. В нем сохранилась та волшебная старина, которую все меньше берегут в других городах...

29-го Владислав Петрович и его супруга Ирина Васильевна скромно отметили сорокалетие совместной жизни. «Ира, а помнишь, как на дворе рядом с лесом плясала на свадьбе вся редакция «Следопыта»?...» — «Сейчас ты с ними плясешь не так часто...» — «Ладно, главное, что печатают...»

Октябрь.

9-го числа — торжественное собрание в Камерном театре, посвященное 70-летию Союза писателей. В эти же дни у В. П. Крапивина наступило сорокалетие членства в писательском Союзе (осенью 1964-го вручили в Москве билет). На собрании про это не вспомнили. И вообще не вспомнили, что есть в Екатеринбурге такой писатель — Крапивин, хотя остальных называли поименно. Командор плюнул и не пошел на банкет, а отправился с товарищем в ближнее кафе. Когда отмечали там юбилей в частном порядке, позвонил из Москвы редактор К. Гришин и сообщил, что в столице вышли два тома В. Крапивина во «Всемирной детской библиотеке» (издательства «АСТ» и «Сталкер»).

Ноябрь.

Из Франции проинформировали, что там наконец-то вышла книга В. Крапивина «Дети синего фламинго» (с иллюстрациями Е. Медведева). Возня с выпуском этой книги тянулась несколько лет — свидетельство того, что французские издательства ничуть не лучше российских. Но все равно приятно...

2005

Январь.

В ночь на 3-е приснились таинственные «кирпичные дворы», причем один — шестиугольный. Этот сон — толчок к работе над книгой, которая потом получит название «Топот шахматных лошадок»... С утра сел за работу.

Февраль.

Получил из Москвы толстый том «Летчик для Особых Поручений». «Эксмо» издало его в новой серии «Отцы-основатели: российское пространство».

«Митька, смотри, я уже отец-основатель», — сказал Командор своему лоскутному другу.

«А я что говорил!» — отозвался мудрый заяц.

Название серии предполагает, что в ней будут печататься произведения ведущих фантастов. Но не только фантастические. По крайней мере, издательство утверждает, что хочет выпустить в «Отцах-основателях» полное собрание сочинений Владислава Крапивина.

«Не верь...» — предупредил осторожный Митька. Но автор поверил...

Март.

Из Москвы прислали 1-й и 2-й номера «Путеводной звезды» — роман «Воздух той давней ночи».

Автор глянул — нет вступления. Стал звонить в журнал. Там: «Ох, мы думали, это не предисловие, а просто ваше письмо в редакцию...» Автор стал раскаляться от праведного гнева.

«Плюнь, — посоветовал заяц Митька. — Вспомни, было ли хоть одно издание без ляпов и опечаток?» Автор повспоминал и махнул рукой...

Май.

«Уральский следопыт» начал печатать «Прохождение Венеры по диску Солнца». На обложке лозунг: «Владислав Крапивин — вот это фантастика!!!» Да, мы живем в век рекламы...

Июль.

2-го числа поехал на водную станцию, где «Каравелла» готовилась к открытию очередных парусных гонок. Дал нынешним командирам нагоняй за беспорядок в стоячем такелаже. Расстроился — раньше такого кавардака не было... Но

все же на базе хорошо. Повеяло молодостью. И... мыслью: не пора ли написать еще один роман о парусном отряде «Эспада»? Про нынешние времена?

Август.

В Москве («Эксмо», серия «Русская фантастика») вышла книга «Прохождение Венеры по диску Солнца». Там два романа — «Прохождение...» и «Топот шахматных лошадок». В эти же дни (но уже в серии «Детская библиотека») появилась на свет и книжка о Симке Зуйке. По просьбе издательства пришлось сменить название «Воздух той давней ночи» на «Стеклянные тайны Симки Зуйка». «Понимаете, «Воздух...» это как-то напоминает дамские романы», — убеждали автора редакторы. Может, они и правы. Возможно, чтобы утешить автора, издательство в аннотации обозвало его «классиком детской литературы».

«Терпи...» — сказал заяц Митька.

Сентябрь.

Из Севастополя дал о себе знать Вадим Хапаев — тот четвероклассник Вадик, который в 1978 году вместе со своими одноклассниками «толкнул» автора написание повести «Трое с площади Карронад». Он историк, старший преподаватель в севастопольском филиале МГУ. Остался верен своему городу — пишет о Севастополе книжки и снимает фильмы... Повеяло черноморским ветром. Писатель вспомнил, как долго не был в любимом городе...

Октябрь.

Автор закончил роман «Рыжее знамя упрямства» — про современную жизнь отряда «Эспада». Хотел сделать это в начале будущего года, но стало торопить издательство...

14 октября.

Неожиданный визит гостей из Тюмени — сотрудники университета. Масса подарков: прекрасные книги, большая картина И.Станкова с любимой Командором Спасской цер-

ковью. И предложение выпустить несколько «академических» книг с произведениями, в которых есть Тюмень...

До чего же здорово, что родной город не забывает своего «первоклассника Славку»... Давно уже не было такого хорошего дня рождения. (Командор даже забыл, что радоваться нечему: шестьдесят семь лет...)

Ноябрь.

Прозаик опять переквалифицировался в графика — рисует старинные храмы и мальчишек для обложек тюменских книг. Дело, конечно, ответственное, но, по правде говоря, все же более легкое, чем сочинение романов и повестей...

Декабрь.

Запись в дневнике:

«... Не то сон, не то воспоминание в полудреме — о переулках, уходящих влево от улицы Дзержинского. Это какой-то полужнакомый, таинственный район. Пустые, широкие, как полигоны, зеленые дворы. Мальчик лет восьми тащит на веревке странную тяжелую конструкцию. Она парит в небе, хотя не обтянута бумагой, да и ветра нет ни малейшего. У мальчика странное имя — Лыш (видимо, от «малыш» и «лыжник»). Это наверняка один из героев будущей книги...»

2006

Январь.

Чтобы не нарушать традицию, автор 1-го числа сел за письменный стол и к середине месяца закончил маленькую повесть «Пять скачков до горизонта» (из «мемуарного» цикла).

31 января автору вручили Всероссийскую литературную премию им. П. П. Бажова — за романы «Стеклянные тайны Симки Зуйка» и «Топот шахматных лошадок».

Февраль.

1-го числа автор собрал все рукописные черновики и вплотную сел за роман под условным названием «Ампула» (не про наркоманов, а про мальчика Грина и его друзей и про город, которого вроде бы нет на свете)...

Март.

26—29 марта. Под Москвой, в пансионате «Клязьма», проходила литературная конференция «Роскон» (Российский конвент по фантастике). Писатель В. Крапивин привез оттуда «полную коллекцию лошадок», т. е. призов-статуэток, изображающих всадников, поражающих змея копьем. «Золотой» приз — за общий вклад в фантастику, «серебряный» — за повесть «Синий треугольник», бронзовый — за роман «Прохождение Венеры по диску Солнца».

Писатель вдруг вспомнил, что у него скоро юбилей: 50 лет литературной работы. Потому что 25 марта 1956 года он в газете «Тюменский комсомолец» напечатал стихотворение «Весна», за которое получил первый профессиональный гонорар. После этого писать он уже не переставал: стихи, рассказы, повести. И то, что он сочинял в 57, 58, 59-м годах, печаталось в газетах и журналах (хотя некоторые вещи не сразу).

«Имею право... — сказал автор в юбилейный день, доставая бутылку коньяка, и пригласил зайца Митьку: — Присоединяйся...»

«Посчитай, сколько всего насочинял за полвека», — посоветовал Митька.

«Да ну, зачем...» — застеснялся автор.

«Интереса ради. Раз в полвека-то можно...»

Автор стал считать. Получилось, что рассказов наберется около восьмидесяти, повестей — примерно шестьдесят...

«Точнее», — велел Митька.

«Точнее не могу, сбиваюсь!» — взмолился автор.

«Но хотя бы романы можешь сосчитать?»

«Ну... кажется, шестнадцать...»

«А по-моему, двадцать», — сказал въедливый Митька.

«Ты рехнулся? Считаем вместе... Сам видишь — шестнадцать!»

«Ты забыл роман-справочник «Фрегат «Звенящий», трилогию «Алые перья стрел», которую написал вместе с братом, и киноман про яхту «Кречет»...»

«Это не считается!»

«Считается!.. А еще тот роман, над которым сидишь сейчас...»

«Но я же его только начал!»
 «Не ври! Когда ты говоришь «только начал», это значит на самом деле перевалил за половину...»
 «Какая зануда...» — сказал автор любимому зайцу.
 «Сам такой, — отозвался Митька. — Ладно, наливай...»

Май

Автор закончил новый роман, которому дал окончательное название — «Ампула Грина».

В конце месяца — поездка в родной город Тюмень. Встреча с мэром Тюмени С.И. Сметанюком, договоренность о том, что Международная литературная премия им. Владислава Крапивина будет в этом году вручаться в его родном городе. А также — беседы о необходимости развивать массовое детское движение в тюменском регионе... Знакомство с Тюменским государственным университетом, встречи с юными и взрослыми читателями.

А самая большая радость — встреча с другом детства Павлом Шадринным, тем самым Павликом из «Тени Каравеллы». Не виделись много-много лет, и вот наконец-то...

Июнь.

Весь месяц автор (подвигнутый на эту работу тюменскими коллегами) сидел над книгой о своем опыте внешкольной работы с детьми и о необходимости создания новой большой детской организации. Дело двигалось быстро, тем более что погода стояла пакостная, на прогулки и путешествия не тянула.

В конце месяца — снова поездка в Тюмень, на встречу с одноклассниками по поводу пятидесятилетия школьного выпуска. Встретились, вспомнили юность, отметили... Навестили любимого классного руководителя Надежду Герасимовну Мусько.

С Вадимом Анатольевичем Филипповым бродили по старинным местам города. На станции «Тура» с радостью узнали, что она, станция, вовсе «не разваливается и не зарастает сорняками», а старательно работает, как и в давние годы. Познакомились с начальником станции Василием Сергеевичем Васильевым...

Июль.

Автор закончил рукопись о внешкольной работе. Называется — «Струна и люстра». Кто хочет узнать, почему такое название, пусть читает книжку, которая, по словам издатель Тюменского государственного университета, может выйти уже в этом году.

Шестого числа Тюменская городская дума с треском (три — за, двенадцать — против) провалила В. П. Крапивина при голосовании за звание почетного гражданина Тюмени. Уже третий раз. Выбран был один лишь г-н С. С. Собынин.

Соседство другой кандидатуры рядом с ним дума посчитала недопустимым (слишком разные у двух фигур «весовые категории»). Узнав об этом, Командор пожал плечами и сказал... в общем, он сказал, что мнение дюжины чиновников, которые, скорее всего, даже не читали его книг, не считает мнением родного города. «Лишь бы это не повлияло на дела, связанные с осенним вручением премии...» Мэр города и его сотрудники заверили, что не повлияет. Поживем — увидим...

Голосование думы активно и красноречиво прокомментировала тюменская пресса...

22 июля.

В этот день праздновалось 45-летие отряда «Каравелла». Более полутысячи гостей и участников собрались в ДК ВИЗа. Выступления, песни, речи, подарки, грамоты... Затем — фуршет для ветеранов (а их — выпускников пресс-центра и флотилии 60, 70, 80, 90-х и «годов уже нынешнего века», — собралось удивительно много. Традиционно приехал из Санкт-Петербурга капитан дальнего плавания Захар Липшиц — с подарками для Командора и зайца Митьки.

На торжественном заседании по инициативе отряда Командору было вручено официальное свидетельство о присвоении ему родового герба. Вот текст этого документа (чтобы потомки знали!):

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ
КОМИССИЯ ПО СИМВОЛАМ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

СВИДЕТЕЛЬСТВО

01.VII.2006 023 LR

(Далее рисунок герба высотой 7,3 см.)

Владислав Петрович
КРАПИВИН

воспринял герб:

В черном щите лазоревое острие, положенное в перевязь, поверх которого золотая каравелла под всеми парусами. За щитом положен золотой адмиралтейский якорь, шток которого венчает золотая с лазоревыми и черными румбами картушка компаса, увенчанная золотой же лилией.

Девиз «ВСЕГДА ДВЕНАДЦАТЬ»
начертан золотом на лазоревой ленте.

Одобен с данным описанием Комиссией по символам
Свердловской области.

Воспринят в качестве родового герба 30.VI.2006 г.

Гербу присвоен № 023 в Регистре официальных символов
Свердловской области по разряду личных и родовых символов.

Председатель комиссии по символам
Свердловской области
В.Ф. Никитин
(Печать Законодательного собрания
Свердловской области).

Теперь Командор озабочен поисками какой-нибудь старой кареты, на дверцах которой он сможет поместить изображение герба. В этой карете он намерен приехать в Тюмень и кататься в ней перед окнами городской думы. Пусть там принимают, как хотят...

Кстати, герб Тюмени и герб Командора слегка похожи: на обоих — кораблик...

А девиз «Всегда двенадцать» — из давней повести «В ночь большого прилива», где главный герой утверждает, что ему всегда двенадцать лет...

23 июля.

Состоялись посвященные 45-летию «Каравеллы» плавания ветеранов на яхтах флотилии. Температура воздуха плюс восемь градусов и штормовой ветер вполне могли бы способствовать всяким приключениям, но все обошлось (опрокинулись только две яхты — к великому удовольствию вспомнивших детство великовозрастных рулевых и матросов). Впрочем, в кают-компании начальника морской школы капитана первого ранга и выпускника «Каравеллы» Вячеслава Гулевича на случай таких ЧП были приготовлены соответствующие средства...

Конец июля.

Заканчивая июльские записи, автор вдруг вспомнил, что успел еще в этом месяце закончить работу над иллюстрациями к повести «Нарисованные герои» — для Тюмени. Почти шесть десятков картинок.

«Ну, ты даешь...» — сказал заяц Митька. И заглянул в шкафчик: нет ли там чего...

Август.

Читал книги и рукописи, поступившие из семи стран на конкурс Международной литературной премии Владислава Крапивина. («Честное слово, это не я придумал такую премию, друзья и читатели настояли!») Вникал в тексты, поставившая от усталости и в то же время радуясь, поскольку было много интересных вещей.

Сентябрь.

Месяц был занят дочитыванием конкурсных материалов и подготовкой процедуры вручения премии: сценарий, программа и т. д. А в «подсознании» царялась укоряющая

мысль: «Тебе давно пора сесть за новый роман, который давно сложился в голове и стучится клювом, как птенец внутри яичной скорлупы...» А когда за него садиться-то?

Октябрь.

Свершилось! «Основатель» премии в сопровождении супруги и друзей-сотрудников 12-го числа отправился в Тюмень, куда благополучно прибыл к вечеру. А на следующий день была прогулка по городу с мэром Тюмени С.И. Сметанюком и сопровождающими журналистами, выступление в Областной детской библиотеке, где автора два часа подряд «пытали» вопросами («А еще говорят, что дети не любят читать!»). А 14-го — сперва конференция в ТюмГУ по вопросам детства, где автор с умным видом зачитал наспех сочиненный доклад, а потом — наконец-то! — вручение премии лауреатам. Великолепный праздник в переполненном зале Театра кукол!

Вопреки Положению о премии, лауреат был не один. Их оказалось четверо. Главную премию получил Альберт Лиханов, а еще три — Валентина Фролова из Севастополя, Сергей Козлов из таежного Горноправдинска и Елена Габова из Сыктывкара. («Будь такая возможность, дал бы премии всем номинантам», — говорил В.Крапивин.)

Представители мэрии и городской думы вручали писателю (у которого был день рождения) дипломы и поздравления.

От имени земляков-одноклассников именинника приветствовал школьный друг Гена Фадин. То есть Генрих Петрович, заслуженный строитель и весьма известный в городе человек... Это была официальная часть. Неофициальная продолжилась на банкете, где угощение перепало и верному спутнику зайцу Митьке...

В Екатеринбурге отгулявший Командор вернулся 15-го числа. И записал в дневнике:

Устал, как черт, но тем не менее
Живым вернулся из Тюмени я.
Погода сделалась фигова,
Но я в Тюмень поеду снова...

(В подлиннике вместо «фигова» стоит слово с более точной рифмой.)

Сразу навалились скучные и суетливые дела. И только одно было приятным: участие в Десятом городском фестивале детского литературно-художественного творчества «Дебют». На нем автор от имени «Фонда Владислава Крапивина» вручил приз «Стеклянные паруса» юному литератору — шестикласснице Кате Звариченко.

28-го числа автор, не в силах более терпеть укоры совести, сел за текст романа «Трофейная банка, разбитая на дуэли», задуманного еще в сентябре 2005 года (он никому об этой вещи не говорил, чтобы не приставали с расспросами).

Ноябрь.

Автор сидел над романом, снова «уплывая» во времена своего тюменского детства. Прошлая и нынешняя Тюмень переплетались в памяти и очень даже тянули к себе. Если в прошлую можно было вернуться при работе над рукописью, то в нынешнюю... Автор пытался отгонять воспоминание о приглашении ректора ТюмГУ приехать на родину для постоянного жительства и для работы с литературной молодежью. «Куда я из Свердловска (то есть из Екатеринбурга)! Полвека в нем прожил, дети и внуки здесь, любимое детище «Каравелла». Хотя уже давно не команду там, но все-таки... И вообще все знакомое тут, свое...». Но однажды, проходя по улицам с привычными названиями, старожил этого города В.П. Крапивин как бы очнулся. То, что он раньше воспринимал как отдельные детали, стало общей картиной: город был уже не его. Не прежний, не знакомый город молодости. Старые кварталы снесены, любимые переулки с деревянной архитектурой и старинными особняками скрыты, громадные деревья вырублены, небоскребы «западной архитектуры» заслоняют небо. («Интересно, кто в них живет? Мне, чтобы купить там один квадратный метр, надо выпустить две книги...») Почти все, что было дорого сердцу, — стерто с лица земли. Да еще и в том районе, где он жил, городское начальство вздумало построить «сити» с башнями в шестьдесят и семьдесят этажей. Как дышать-то? Уже и сейчас днем и ночью не смолкает за окном лязг и вой строительной техники...

Утром встаешь — в голове эхо моторов... Но несмотря на «эхо», автор продолжал роман. И чемоданы укладывать не собирался.

Декабрь.

Роман продвигался успешно. Менее успешно решались всякие домашние, жилищные дела. Речь не только о лязганье техники. Семьи имеют обыкновение расти, а жилплощадь такого обыкновения не имеет (если только речь не идет о ее стоимости). Когда работаешь не в офисе, а дома, эти проблемы особенно ошутимы... Почетный гражданин Екатеринбурга пошел в мэрию с надеждой, что там как-нибудь помогут (в конце концов, почти полвека вкалывал на благо города). Разговор был недолгим. Выйдя из мэрии, писатель глянул на ее шпиль, достал мобильник и нажал вызов тюменского телефона:

— Коллеги, я согласен. Окончательно...

2007

Январь.

Губернатор Тюменской области В.В. Якушев официально пригласил В.П. Крапивина вернуться на родину. Университет присвоил писателю звание профессора и предложил вести курс «Школа литературного мастерства». Тюменский мальчишка Славка, сидящий внутри весьма пожилого литератора, хмыкнул: «Ты мог когда-нибудь представить такое?» А заяц Митька намекнул: «Может, отметим?» Отметили. Тем более что был студенческий праздник — Татьянин день...

Приехав из Тюмени в Екатеринбург, автор 29-го числа поставил точку в романе и начал упаковывать свой весьма объемистый архив, который пообещал передать Тюменскому государственному университету. А чего ему (архиву) пылиться дома!..

2006—2007 гг.

БЕЛЫЕ БАШНИ РОДИНЫ

Эссе

Какое-то время назад среди писателей, живущих в славном городе Екатеринбурге, где я сейчас обитаю, родилась идея: хорошо бы, братцы, написать коллективную книжку, в которой каждый из нас что-нибудь расскажет о себе. Или свою биографию, или про какой-нибудь случай из жизни, или о своих мыслях по поводу нелегкой писательской доли и творческих терзаний. Почти всем идея пришла по душе. Надо сказать, здешний писательский народ живет более или менее мирно — в отличие от наших коллег во многих других городах и в матушке столице, где братья по перу, оказавшиеся волею судьбы и политики в разных творческих союзах, активно «выясняют отношения». У нас выяснения случаются редко, делить нечего, и, мне кажется, далеко не все и не всегда помнят, в каком именно союзе кто состоит. В праздники сходимся за одним столом, напитки пьем одни и те же. И успехам друг друга радуемся независимо от «творческой принадлежности». И многие литературные дела решаем вместе. Вот и за книжку взялись дружно.

Мой друг Александр Кердан предложил назвать книжку «Автограф».

Книжка получилась интересная, живая такая. И красиво была издана. Один недостаток — уж больно маленький тираж. Так сказать, для внутреннего пользования. Может, когда-нибудь переиздадут. Например, к празднованию столетия со дня создания Ассоциации писателей Урала, объединившей наконец многие союзы литераторов (в том числе и тюменских).

Для «Автографа» каждый писал кому что хотелось. Многие отдали дань автобиографическому жанру. Мне пересказывать десятый раз историю своего грешного бытия было

лень, и я решил отделаться слегка дурашливым рассказом, взяв за основу недавнее предутреннее сновидение.

Сел, написал. Назвал этот скороспелый творческий продукт «Белые башни города». Отдал в книжку. Знатоки литературной теории сказали, что это «эссе» (вот словечко-то!). Ну и ладно. Главное, что оно (эссе то есть) сгодилось для общего дела.

А недавно, вернувшись в Екатеринбург из родного города Тюмени и взявшись за очередные мемуары (каковыми в последние годы грешу все чаще), я подумал, что этот отрывок из «Автографа» вполне годится для начала предисловия к ожидаемому трехтомнику автобиографических повестей. Главное, не надо ломать голову — запустил уже готовую пластинку, а дальше мысли, цепляясь друг за дружку, куда-нибудь вывезут. Называется такой метод умным термином «литературные ассоциации» (не путайте с Ассоциацией писателей Урала — она не метод, а общественная организация).

Впрочем, хватит «предисловий к предисловию». Вот он тот самый рассказ-эссе.

«Недавно я видел славный сон. Будто в каком-то кабачке на улице Малышева встретил одного знаменитого (очень знаменитого!) поэта. Как он оказался в Екатеринбурге и почему один, не знаю. Мы сидим за пластмассовым столиком, пьем не водку, а томатный сок (сон же!) и заедаем удивительно аппетитными шашлыками — таких наяву я не ел уже лет двадцать...

До этого мы с Поэтом встречались всего несколько раз, в Москве — то по делам, то за общим ресторанным столом. Он, конечно, меня не помнит. Мало ли с кем он встречался, поездив по всему белу свету! Но делает вид, что помнит. С помощью окольных вопросов выяснил, как меня зовут, и теперь ведет очень дружескую беседу. Я чувствую, что ему в самом деле хорошо со мной. Тем более что я оказал ему немалую услугу. При каких-то странных обстоятельствах Поэт «посеял» свою обувь и теперь стыдливо шевелит под столом ступнями в белых носках с дырками. Иногда вздыхает по этому поводу. И я говорю:

— Слышь, Жень, забирай мои башмаки. У нас вроде бы один размер.

— Да ну, что ты! А как же ты?

— Я у себя дома. Как-нибудь извернусь...

— Ну, старик, ты меня спас! Я тебе по гроб жизни... Но все-таки как ты будешь босой-то?

Я смеюсь. Я в глубине души понимаю, что это сон. А во сне я умею в один миг превращаться в пацана. Мальчишкам же, как известно, гулять босиком не возбраняется. Особенно после такого ливня, который сейчас утробно гудит за окнами кабачка, обещая громадные лужи и прохладу.

Чтобы убедиться в истинности своего убеждения, в ту же минуту я перескакиваю на новую ступеньку сна и вижу себя десятилетним. На краю родного города Тюмени, на мокром после недавнего дождя асфальте, под серым, но ласковым, с отдаленными проблесками солнца небом.

С обочин пахнет мокрой польниью и лопухами.

Я стою на длинном пустом шоссе. Кажется, это наш пригородный Червишевский тракт. Но в то же время я знаю, что он ведет в подмосковный городок Дмитров, чьи крыши и колокольни я вижу впереди во влажном воздухе. Мне туда и надо. Я подворачиваю выше щиколоток широкие потрепанные штаны, толкаюсь об асфальт босыми подошвами и начинаю разбег. Скорее, скорее... Встречный воздух становится плотным, как тугая вода. Я отбрасываю назад руки, ставлю под нужным углом твердые и прямые, как закрылки, ладони. Упругая сила приподнимает меня. Лечу... Теперь главное — не потерять ощущения резонанса с тонкими струнами гравитации, которые пронизывают мое тело и душу.

Вот она, радость свободного полета! Ветер швыряет на встречу влажные клочья, штанины раскрутились и трепещут у ступней, словно их треплет зубами дюжина веселых щенков...

Дмитров приближается, я снижаюсь на окраине, у забора с мокрой сиренью и с калиткой, на которой витое железное кольцо. Снижаюсь не совсем. Повисаю в метре над сырой лебедой. Жду.

С минуты на минуту выйдет из калитки конопатая принцесса, девочка с волосами песочного цвета. Давняя подружка

моего детства, девочка моей мечты. (Была она или не была? Сон или явь?)

Я знаю, что она не умеет летать, но думаю, что, если буду крепко держать ее за руку, совместный полет получится... Да, получится! И мы полетим к *моему* городу, и я покажу его девочке с высоты, с волшебного отдаления. Покажу не таким, какой он на самом деле, а таким, каким он *должен быть*. С голубыми излучинами Туры, с белыми башнями еще не разрушенных, не взорванных церковью, с горами чистых желтых облаков над крышами. Таким, каким я видел его сам только на старинных картинах и фотоснимках...

...Кстати, совсем недавно я увидел его таким наяву. Приехал — взрослый дядька, писатель — выступать перед читателями и ахнул: высокие колокольни поднялись над старыми храмами. Такие, какими я представлял их только по давним иллюстрациям. Мне казалось, это вырастает из сказки Город моего детства.

Было удивительно, что тебя со свитой журналистов возят по улицам, где ты бегал с приятелями, спасался от шпаны, с замиранием разглядывал узоры старых особняков и гонял по чертополоху самодельный футбольный мяч. По улицам, где тебя изловил (непонятно, за что!) свирепый милиционер и поволок в детскую комнату. И где жаркими летними днями спешил к спасительной прохладе любимой до обмирания Туры... Странно было пить коньяк с директором родной школы — в кабинете, куда в прежние годы тебя только «приводили» за всякие грехи. И радостно было, что тебя по первой же просьбе везут в любые памятные места, куда только пожелаешь. Едешь, а белые башни родины плывут за окнами, как сбывшаяся сказка ребячьей жизни...

Но это будет потом, через много лет. А пока я жду свою конопатую подружку, и уже в самом этом ожидании — радость...

Однако Поэт, которому я подарил башмаки, возвращает меня в кабачок. Он считает долгом поддерживать застольную беседу. И в этой беседе двух творческих людей невозможно обойти главное:

— А как работается, старичок? Сочиняешь чегой-нибудь?

Или современная действительность не располагает? Многих она повышибала из колеи...

— Сочиняю помаленьку...

— Ну и... что-то печатают?

— Помаленьку, — опять говорю я знаменитому Поэту (его-то печатают постоянно и всюду). — Недавно украинский спонсор подбросил денег, помог издать томик с тремя новыми повестями. А одно московское издательство взялось выпускать собрание в тридцати томах...

— Да ну?! Ты, старик, не загибаешь?

— Вообще-то малость загибаю. — Пока речь идет о двадцати девяти книжках. Но, глядишь, наскребется и тридцатая...

— Ну, ты, брат, гигант, — говорит он, проглотив шашлык. — Я сколько ни пишу, а у меня и трети твоего не наберется.

— Так у тебя же поэзия. Там другие объемы.

— Я и прозой баловался...

— Но не много. А я этот воз тащу пятый десяток лет...

Он наклоняется поближе, смотрит по-хорошему, сочувственно.

— Слушай, тяжкое, наверно, это дело, а? Столько лет тянуть такую телегу... «Целый воз всевозможных проз»...

— Тяжкое, — признаюсь я. — Напишешь пяток страниц и встаешь из за стола с таким скрипом, будто целый день мешки таскал на паровой пристани... — (И сразу вспоминаю старую пристань у тюменской станции Тура.)

Правда, здесь я немного отхожу от истины. Если говорить честно, в последние годы я писал не за столом, а на диване. Кладешь на колени какой-нибудь альбом или фанерку, на них — тетрадь. И — поехал. Спина устает не так сильно, как на стуле. Но, впрочем, все равно нелегко... А потом приучился к компьютеру: отвалишься в кресле, клавиатуру — на колени и стучишь по кнопкам. Так вот настучал уже несколько повестей и романов. Раньше никогда не думал, что смогу такое... Но техника техникой, а от ощущения «мешков» в конце дня все равно никуда не деться...

— Ну а сейчас... над какой темой трудишься? — интересуется Поэт.

Мне говорить про это не хочется, но и молчать нелегко.

— Да так... Кое-что вспоминаю о прежних годах. О парусах... Ты ведь слышал, наверно, что я три с лишним десятка лет командовал ребячьей флотилией?

— Ну как же, как же! Эта твоя знаменитая «Бригантина»...

Я морщусь. Терпеть не могу, когда мою «Каравеллу» снисходительно именуют «Бригантиной».

Впрочем, шут с ним. И о моих парусах слышал он лишь мельком, и книжек моих наверняка не читал. Да ведь и я его творения знаю лишь слегка. Мы люди «разных пространств». Но все равно он славный парень. Лишь бы не начал лезть в душу и спрашивать что-нибудь этакое, об «источниках вдохновения». Ведь не буду же я ему рассказывать о белых башнях Города, в котором, несмотря на все невзгоды, был счастлив. Того города, где первый раз влюбился, где сочинил свои первые стихи и первый «настоящий» рассказ...

И вообще все это — сон. И кабачок с томатным соком, и Поэт, охотно принявший в подарок мои башмаки, и старинный граммофон на буфетной стойке (откуда он тут взялся?). Мне пора. И торопливо сказав Поэту «пока», я снова превращаюсь в босоногого Славку, который ждет у мокрой калитки девочку Галку...»

Такой вот получился рассказик. А сейчас, вставив его в предисловие, я понимаю, что мне ужасно не хочется превращаться из десятилетнего Славки в грузную «творческую личность», застрявшую в низком кресле перед компьютером. В старого дядьку, обремененного обширным пузом и довольного тем, что в стекле монитора отражаются его новые искусственные зубы. Наконец-то обзавелся ими! А то ведь просто ужас — выступаешь на какой-нибудь студии перед телекамерой и боишься улыбнуться: сразу все увидят, что у тебя пасть, как у бабы Яги, с единственным передним зубом. Еще недавно их было два, но случилось так, что левый я сломал при попытке раскусить чайный сухарик. Зуб противно заныл и заболтался на какой-то связке. Собрав моральные и физические силы, я выдернул беднягу плоскогубцами. Потом пошире открыл рот, чтобы полюбоваться делом своих рук, и с горечью убедился, что теперь от свидания с дантистами не отвертеться.

Я всю жизнь боялся дантистов не меньше, чем экзаменов

по математике и чиновников паспортного стола. Но сейчас деваться было некуда. Я одолел страхи. И хвалю себя. По крайней мере, сейчас могу улыбаться навстречу телеобъективам без оглядки. «Владислав Петрович, а теперь скажите, пожалуйста, что вы думаете о новых реформах в области народного образования?» — «Гы-ы...»

Но искусственные зубы не имеют ничего общего с молодостью. И тем более с детством. С тем временем, когда я был не тем, кто безответственно критикует очередные педагогические потуги, а беззащитным субъектом таких экспериментов. Тем самым Славкой, который... (я закрываю глаза) который, раздвигая ногами густые лопухи, бредет по краю глубокого лога, что тянется рядом с улицей Герцена. Заросшей, деревянной, старой. Только что обрызганной мимолетным и солнечным дождиком. Самой лучшей улицей на свете. Той, которая сразу встает перед глазами, когда я слышу слово «родина».

Лопухи чиркают мокрыми краями по моим подвернутым штанам, по голым щиколоткам, стряхивают капли на босые ступни. Я отчетливо ощущаю влажный запах этих великанских листьев...

У живущего в Тюмени художника Юрия Юдина есть серия больших работ, которая именуется «Лопухи» (если я ошибся с названием, Юрий Дмитриевич, думаю, не рассердится). Художник рассказал, как он работал над этими картинами (или, может быть, монотипиями? — не знаю). Он выбирал большой лопуховый лист, на его тыльную сторону выпуклой сетью прожилок осторожно наносил белую краску и затем прикладывал лопух к темно-синему картону. На картоне отпечатывалось сотворенное природой тончайшее кружево. Как удавалось не размазать, не сбить рисунок, сохранить все мельчайшие фрагменты такого кружева — это секрет художника. На то и мастер.

Лопухи как бы заново прорастали на листах картона — серебристым ажурным контуром в синеве теплых сумерек. Каждое такое волшебное растение мастер то вписывал в пейзаж старинных тюменских улиц, то окружал фантастическими существами, то соединял с загадочным портретом. И рождалась сказка. В ней было и что-то очень знакомое, и загадоч-

ное, полное необъяснимых чудес. Такими загадочными становились летние вечерние улицы, когда я после шумных игр брел в сумерках домой и за каждым кустом репейника чудилось лохматое добродушное волшебство, а мелкие городские ромашки у заборов светились, как остатки недавнего звездопада...

Мой добрый тюменский знакомый, университетский сокурсник Рафаэль Гольдберг, и я провели в мастерской Юдина целый вечер. Картин было множество, и ощущением чуда веяло от каждой из них. Это ощущение я испытал еще до знакомства с художником, когда разглядывал копии его полотна в альбоме, посвященном тюменской старине. На картинах был мир моего детства, мир старых тюменских улиц, увиденных глазами мальчишки-фантазера и согретых на всю дальнейшую жизнь неисчезающей мальчишечьей любовью...

Редактор газеты «Тюменский курьер» Гольдберг был знаком с художником. Он и взялся познакомить нас...

И вот — случился один из таких вечеров, которые изредка выпадают в нашей жизни, как подарок судьбы. Стирают грань между реальностью и запредельным миром, коснутся которого нам позволено лишь чуть-чуть и не часто. Тут вот удалось. Я оказался в городе, который я то и дело вспоминаю и вижу во сне. Сон и сказка неразделимы. Я узнавал памятные с детства старинные дома над откосами реки и лога, заросшие дворы с перекошенными воротами, крылечки с фигурными навесами, резьбу старинных наличников, таинственные заречные дали и путаницу переулков в пристанском районе, где прошло детство тюменского мальчишки Юры. И где в одном из дворов, может быть, до сих пор прячется в лопухах старенький трехколесный велосипед — символ неисчезающего детства, который нет-нет да и появится на полотнах известного художника Юдина...

У меня в моем давнем дошкольном детстве был такой же велосипед. Сохранилась даже фотография, где я, трехлетний, надув щеки и вытаращив глаза, пытаюсь крутить педали. Этот снимок я вклеил в фотоколлаж с другими давними снимками о детстве и о Тюмени. Вся эта композиция висит над электрокамином, который достался мне в наследство от мамы... Катался на велосипеде я в основном по нашей об-

ширной комнате в старом доме на улице Герцена, на двор меня с этим транспортом выпускать не решались. И радость продолжалась недолго. Скоро на велосипед сел, дурачась, товарищ моей старшей сестры (и двоюродный брат моего соседа-приятеля Пашки) Шура Шадрин. У велосипеда отлетело заднее колесо. Шура очень расстроился и обещал починить, но не успел, ушел на фронт. И с фронта не вернулся. У сестры сохранился школьный снимок, где среди ее одноклассников есть и Шура. Его лицо чем-то острым перечеркнуто крест-накрест — Шура сам перечеркнул себя перед уходом в армию: «Потому что знаю точно — не вернусь...»

Хотя сестра говорит, что многое было не так. Велосипед якобы сломал не Шура Шадрин, а некий Ленья Бирман, жизнерадостный одессит. Он служил в Тюмени в тыловой военной части химиков, часто заходил к сестре в гости, ну и вот... Он остался жив, и в сорок пятом году сестра виделась с ним в Одессе, когда училась там в институте.

Впрочем, все это не имеет значения. Шура все равно не вернулся, велосипед никто не починил. Колесо потерялось. Я пытался заняться ремонтом сам и прилаживал к оси вместо колеса дырявую крышку от кастрюли, но сами понимаете... Однако ничто не проходит бесследно. Всю жизнь сожалея о маленьком потерянном колесе, я наконец написал про него повесть «Колесо Перепёлкина» и тем самым в какой-то степени утешился.

В мастерской у Юдина я рассказал эту историю ему и Рафаэлю Соломоновичу, и мы сдержанно вздохнули о давнем и невозвратном.

Потом Рафаэль сказал, что, раз уж пришли в гости, надо бы выпить. Этим он делал уступку мне и (как он думал) художнику, поскольку сам — убежденный противник алкоголя и даже борец с оным. Юрий Дмитриевич не проявил заметного энтузиазма, но рюмки принес, и мы присели у журнального столика. Рафаэль достал бутылку, где на этикетке был изображен усатый дядька. Надпись на наклейке сообщала, что в бутылке коньяк «Брандмайор» тюменского розлива. Эту жидкость главному редактору «Тюменского курьера» по какому-то поводу подарили пожарные. Бутылка долгое время лежала в редакторском столе, а нынче он прихватил ее с

собой — чтобы не заезжать в магазин. Когда я выразил непатриотичное сомнение в качестве местного пожарного зелья, господин Гольдберг ехидно напомнил мне мои собственные стихи. Дело в том, что недели две назад, выполнив одно срочное задание редактора, я сопровождал его рифмованным намеком:

О мой мучитель грозный, Рафаэль!
Заказ, тобою данный, я закончил.
Он требовал не меньше двух недель,
Но я его исполнил за две ночи.
От сих трудов ослаб я и обмяк
И полным истощеньем мыслей маюсь.
И лишь тюменской выдержки коньяк
Поможет мне (а можно «Белый аист»).

— «Аиста» нет, а этот бравый дядя — тоже коньяк. Какая разница?

Я не стал объяснять разницу убежденному трезвеннику.

— Ладно, рискнем.

И вот, за столиком, разлили мы и рискнули. Посмотрели друг на друга. Помогали (даже редактор Гольдберг). Юрий Дмитриевич потрогал шкиперскую бородку и деликатно сказал:

— Кажется, у меня где-то есть «Каберне»...

Коньяк «Брандмайор» тем не менее сослужил добрую службу — натолкнул нас на воспоминания о пожарной вышке, которая в середине века красовалась на старинном здании городского музея. Этакая деревянная башня весьма своеобразной архитектуры... Потом вспомнили и другие башни города. Те, что памятливы нам с детства. Они порой придавали приземистым деревянным улицам необычный и даже таинственный облик...

На большом карандашном рисунке, который подарил мне при расставании художник Юдин, тоже башня. Над покосившимися домиками улицы Герцена (моей родной улицы!) поднимается среди тополиных крон колокольня Михаило-Архангельской церкви...

Улица — совсем такая, какой я помню ее с детства. Только церкви в мою мальчишечью пору над ней не было видно. Вообще-то церковь была — там, где улица Герцена очень

близко подходит к улице Ленина (бывшей Спасской), стояло здание старинной архитектуры с узкими окнами, с красивыми карнизами, только очень обшарпанное. Однажды я проходил там со своим любимым дядюшкой, дядей Борей, и тот сказал, что в этом доме расположена проектно-строительная контора, где он одно время работал плановиком.

Я догадался:

— А еще раньше, в старину, над домом была башня, да?

— Была. Колокольня...

— А зачем убрали?

Дядя Боря пожал плечами:

— Такие времена... — И от дальнейших комментариев воздержался.

А я подумал, что хорошо, если бы однажды над обезглавленным церковным зданием вдруг снова выросла белая башня. Нет, я не был религиозным ребенком и о вере задумывался не часто (хотя случалось, что задумывался). Но возрождение колоколен над храмами мне казалось делом справедливым, таким торжеством правды и гармонии. Хотя бы потому, что эти башни изначально были частью моего Города — той немного сказочной, подернутой таинственной дымкой Тюмени, которую я рисовал и носил в душе всегда. Той, где даже в слякотные осенние дни я ухитрялся видеть среди мокрого бурьяна солнечные искры...

Мысль о возрождении белых башен возникла тогда впервые. Об этом я думал в разные моменты детства. Например, однажды декабрьским вечером я возвращался к себе на Нагорную с плоской коробочкой акварели, которую купил в тогдашнем «Военторге» на улице Ленина, недалеко от лоба. Со спуска, ведущего к мосту через лог, надо было подняться по крутой лестнице на взгорок, где и начиналась Нагорная улица. Ступени были забиты снегом, лестница обледенела, стала похожей на горку для катанья. Много раз я штурмовал ее, потому что лень было идти в обход — до улицы Луначарского и обратно... Однако взять штурмом скользкий откос так и не удалось. Съехал на животе очередной раз и досадливо побрел вверх по наклонному тротуару (промерзшие доски ехидно поскрипывали под снегом). Поднялся, оказался рядом с каменным зданием, где светилось узкое, с полукруглым верхом, окно. Хорошо так светилось. И от этого досада

моя прошла. Даже наоборот, я порадовался, что оказался здесь — рядом с этим домом, с таинственным окном, рядом с искрящимися от ближнего фонаря заснеженными тополями. Над заборами догорал закат и нерешительно светлел тонкий месяц-мальчишка. Было вокруг что-то от новогодней сказки... И глядя на дом с желтым окном, я представил встающую над ним колокольню — высокую, уходящую к переливчатым звездам. Сейчас здесь располагалась какая-то мастерская, но ведь раньше-то был Храм...

И еще. Одно время я гостил у старшей сестры, жившей за рекой, недалеко от старого деревянного моста (многие ли помнят его теперь?). Был у меня там очень славный приятель, Юрка. Однажды вечером он позвал меня в свою школу, на киносеанс с «Веселыми ребятами». В классе, где крутили «кинушку», было тесно и уютно. Многие сидели прямо на полу. Вместо экрана — перевернутая географическая карта. Запах отсыревших валенок и въедливой пыли от школьного мела. Стрекот аппарата, дрожание луча, грустящий над морем Леонид Утесов (и нетерпение — скоро ли будет знаменитая драка?). И ребята кругом — хотя и не очень знакомые, но хорошие, не вредные... А потом мы веселой стайкой возвращались по Береговой улице домой, был заиндевелый вечер, звезды прокалывали морозную дымку. Я глянул вперед и... увидел, что заброшенная церковь, мимо которой я равнодушно ходил много раз, теперь *не такая*.

Она казалась необыкновенной, как заколдованный замок. Даже без колокольни она была чудесна. Сохранившийся купол таинственно темнел среди обросших изморозью, освещенных редкими лампочками ветвей...

Недавно, перелистывая большую книгу о старой Тюмени, я увидел в ней два зимних пейзажа — художников Александра Новика и Юрия Юдина. Картины разные, но на обеих — та самая церковь (я уже знал, что Вознесенская), удивительно красивая, даже несмотря на то, что нет колокольни. Она выступает из полусказочного зимнего воздуха, из заснеженных деревьев к зрителю, как напоминание о чем-то нездешнем, более высоком и чистом, чем окружающая суетная жизнь... Но в тот зимний вечер моего детства я все это чувствовал смутно и только подумал: «Вот бы еще и башню вернуть ей...»

Башни не было, и я, чтобы восстановить справедливость

хотя бы в собственном мировосприятии, начал рисовать эту церковь, когда вернулся к сестре. Теми самыми красками, которые недавно купил в «Военторге». Электричество не горело, я рисовал при керосиновой лампе-десятилинееке, макал кисточку в фаянсовое блюдце и грыз ее деревянный верхний кончик. Зыбкий неяркий свет придавал рисунку некую мистическую необычность (так мне в те минуты казалось). Я, почти не дыша, наносил на ватман серо-синие сумерки, стараясь не зацепить волосками чистую белизну бумаги — там, где подымалась над деревьями придуманная мною колокольня...

Муж сестры Николай (он во многих делах был для меня наставником, советчиком и критиком) глянул через мое плечо и заметил:

— Опять у тебя церковные башни...

В самом деле, колоколен и куполов у меня в альбоме хватало. И монастырь над Турой, и Спасская церковь, и Благовещенский собор над обрывом, которого я никогда не видел, только слышал о нем от дяди Бори и мамы... Впрочем, были здесь не только церкви. Я рисовал и сказочные замки, и маяки, и башни фантастических зданий...

Замечание Николая показалось мне «вмешательством во внутренние дела», я двинул плечом и пробурчал:

— А чё такого! Если мне нравится...

Не мог же я признаться, что неизвестно откуда взявшаяся фраза «белые башни города» часто повторялась у меня в душе — и когда рисовал, и когда бродил по заросшим улицам, и когда с левого берега Туры смотрел на речные откосы, на освещенные утренним солнцем крыши и колокольни (те, что все-таки уцелели в суровые тридцатые и сороковые годы). Смотрел с таким вот греющим душу ощущением: «Это все мое...»

Кстати, не все башни были белыми. Я включал в понимание моего Г о р о д а и узорчатую пожарную каланчу, в ту пору украшавшую здание музея, и красную колоколенку костела, и кирпичную часовню на улице Республики, и невысокие башенки деревянных особняков на старинных улицах, и кирпичную водонапорную башню, что возвышалась посреди обширной площади, где мы, мальчишки, часто гоняли футбольный мяч. Кстати, среди моих приятелей бытовало мне-

ние, что башня эта сохранилась от древних укреплений, которые когда-то были выстроены в Тюмени — вроде московского Кремля. Мне в ту пору была уже известна подлинная история башни и дата ее возведения, и я даже как-то пытался просветить друзей. Но они стояли на своем. И в конце концов я пошел на соглашение:

— Ну да, наверно, раньше она была частью старой крепости, а потом уже ее приспособили для водопровода...

На компромисс меня толкнула не боязнь ссоры, не опасение прослыть «шибко умным», а ощущение, что нельзя разрушать сказку. Известное творческим людям утверждение, что «правда искусства выше правды житейской», мне тогда еще не было известно, однако его интуитивное понимание жило в душе. Так же, как и понимание, что во вселенной может существовать множество параллельных миров. В самом деле, в пыльной от жары и слякотной от октябрьских дождей, скучной от ежедневных школьных уроков Тюмени высокая кирпичная башня могла быть обыкновенным хозяйственным строением. Но в Городе, который постоянно существовал над привычными заборами и водокачками, эта оранжевая от закатных лучей башня-чудо вполне могла оказаться пришельцем из сказочной старины. И я имел право отнести ее к тем белым башням, которые украшали мою настоящую Тюмень...

Дотошный читатель вправе упрекнуть меня: «А чего это ты, голубчик, все о башнях да о башнях? Известно ведь, что город — это прежде всего его люди...»

Конечно, это так. Я с благодарностью помню всех: и приятелей с улицы Герцена, и одноклассников, и своих замечательных учителей, и кондукторш на лодочной переправе через Туру, и горбатого возчика Костю, который на служебной пролетке вез меня, заболевшего скарлатиной, от дома на Нагорной в больницу... И клоунов нашего замечательного деревянного цирка... И молоденькую продавщицу Таню, которая однажды (в пору хлебных карточек и очередей) угостила меня, пятилетнего, тоненьким ломтиком хлеба... И городского сумасшедшего дядю Фуню. Он — худой, сутулый, в разболтанных ботинках, в полинялой гимнастерке и сползающих галифе, из-под которых торчали завязки кальсон, — рысцой

двигался по деревянному тротуару улицы Герцена, а мы — бестолковые пацанята — боязливой стайкой догоняли его и голосили:

Дядя Фуня Николай,
Зацепился за трамвай!
А трамвай-то дернул,
Дядя Фуня...

Или еще что-то в этом роде... Дядя Фуня иногда оглядывался и делал к нам ныряющее движение, словно хотел погнаться. Мы с визгом уносились прочь. Ох и дурни были. Прости нас, дядя Фуня... Тем более что и трамваев-то никогда в Тюмени не водилось...

Да, много людей было вокруг... Но помню я их неотрывно от заросших густыми травами улиц, деревянных домов с дымниками на трубах, высоких тополей и белых башен, подымавшихся над заборами, о занозистые доски которых мы часто рвали штаны...

Когда вспоминаю широкий двор на улице Герцена, игры в мушкетеров, в городки и в чехарду, неизменно встает в памяти и башня Спасской церкви, которая постоянно видна была над забором, сколоченным из горбылей соседом Иваном Васильевичем. Белая башня в безоблачной синеве или на фоне грозových (тоже синих) туч. Двор наш в те годы казался мне центром мироздания. Но колокольня Спасской церкви (я считал ее похожей на маяк) была «еще больше в центре». Я воспринимал ее как некую композиционную ось вселенной. И в начальной главе книги «Тень Каравеллы» — своей первой автобиографической повести — я написал именно про нее: «Синее и белое»...

Я помню, как в начале пятидесятых деловитые мужики спиливали с церкви уцелевшие маковки и заколачивали досками громадные арочные проемы колокольни. Башня теряла свою легкость, превращалась в глухое строение. Потом ее выкрасили в жидко-коричневый цвет... Смотреть на это было тяжело.

С той же тяжестью, уже взрослым человеком, я смотрел, как убирают верхушки с великолепного Покровского собора в Севастополе. Он не похож был на тюменскую Спасскую церковь, но горькое ощущение было то же...

Здесь я должен сказать о Севастополе. О городе, который с шестидесятого года стал для меня таким же родным, как Тюмень. Я мечтал увидеть Севастополь с семи лет, когда впервые прочитал о нем книгу «Малахов курган». И увидел наконец. И понял, что он для меня та кой же, как Тюмень. Казалось бы, совсем непохожие города, но в моем сознании они слились в единый Го р о д, который всегда помогал мне жить и писать книги. Родная улица Герцена словно напрямую соединилась с севастопольской Шестой Бастионной, с Артиллерийской слободкой, со скалистых откосов которой виден Херсонес и переулки, ведущие к яхт-клубу. Там мои друзья, там океанская яхта «Фиолент», на которой я впервые испытал под парусами жуть и радость морского шторма...

Ну да, все это соединение было внутри меня, в моем воображении. Но в конце концов случилось чудо. На недавний день рождения приехали гости — люди из Тюменского университета, и от них я узнал, что тюменские ученые накрепко связаны с Севастополем, с Херсонесом, сделали там множество археологических открытий — среди тех скал, на тех заросших сурепкой и полынью пустошах, где множество раз бродил и я, отыскивая в камнях черепки эллинических амфор и осколки чугунных бомб и гаубичных снарядов... Я узнал, что город у моря дорог этим людям так же, как и город на берегах Туры. И тогда Тюмень и Севастополь еще сильнее укрепились в моем сознании, как два конца одной оси моего внутреннего мира (чуть не написал «моего творческого мира», но это звучало бы, наверное, чересчур претенциозно)...

Гости из Тюмени привезли в подарок картину художника Ивана Станкова «Старая Тюмень». На ней утро конца апреля или начала мая 1900 года. Длинные тени на немощеной дороге, первая травка у фундаментов и заборов, и кажется даже, что ощутим запах набухающих тополиных почек. Улица Иркутская (которая нынче зовется Челюскинцев). Дома на ней те же, что в пору моего детства, да и сейчас они сохранились. А в центре полотна — моя любимая Спасская церковь, освещенная утренними лучами...

Цепким взглядом я замечаю, что не все детали верны, что есть какое-то смещение в пространстве... Но это же не фото, а полотно художника! И оно дарит мне именно тот Го р о д,

который всегда внутри у меня. Белая башня словно приблизилась к мальчишке, остановившемуся под ней, чуть пригнулась к нему, как добрый великан («Я тебя помню...»). Картина большая, и теперь, когда я вскидываю глаза от клавиатуры компьютера, старая улица по-дружески обнимает меня. Я знаю, что, если сверну за церковь — окажусь у своей школы номер девятнадцать. Если пойду вперед — попаду на улицу Герцена. Если зашагаю назад — вскоре окажусь у старинного деревянного дома, в котором много лет жила самая замечательная учительница в Го р о д е Надежда Герасимовна Мусько. В пятьдесят шестом она выпустила в люди наш десятый класс «В», и, уезжая из Тюмени, я подарил ей на память альбом со своими неумелыми стихами... А потом я выйду на обрывистый берег Туры и увижу заречные дали. Такое вот волшебство искусства.

Смотреть на картину вдвойне радостно оттого, что я знаю: когда-то изуродованная Спасская церковь теперь стала такой, как прежде. Такими, как прежде, стали и Покровский храм в Севастополе, и Владимирский храм над желтыми скалами Херсонеса... Ось между двумя м о и м и городами окрепла не только в моем воображении, но и наяву...

Еще о белых башнях. С детства мечтал побывать на какой-нибудь из тюменских колоколен. И вот лет двенадцать назад выпускник моей «Каравеллы» и мой друг, журналист Костя Тихомиров (как горько знать, что его уже нет на этой земле, вечная ему память) повел меня на башню церкви Петра и Павла в Свято-Троицком монастыре. Там — могучие колокола, шум голубиных крыльев, близкие купола и башни, летние облака в синеве, панорама города над высоким берегом, колокольни Знаменской и Спасской церквей... Я смотрел и чувствовал себя мальчишкой, забравшимся сюда без спросу и ощутившим себя в полете над городом. И, конечно, опять вспомнил детство. Мамин рассказ об этом монастыре. Точнее, один эпизод военного времени...

Мама работала тогда в военкомате, ведала пионерскими лагерями и обеспечением семей фронтовиков скудными «дополнительными льготами». Например, распределяла так называемый «утиль» — присланное с фронта потрепанное и

дырявое обмундирование, которое после починки можно было носить, можно было пустить на пошив ребячьей одежды. Под склад утиля приспособили пустующий Троицкий собор, мама там однажды распорядилась разгрузкой. И увидела на покрытой потемневшими фресками штукатурку след автоматной очереди.

— Это кто же тут безобразничал? — сказала мама.

Развязный самоуверенный старшина из тертых тыловых чинов небрежно объяснил:

— Ребята побаловались. Видать, были у них неучтенные патроны... — Под ребятами он имел в виду подчиненных красноармейцев.

Мама сказала, что это безобразие: палить из автомата в храме.

Тут же вынырнул (словно у нее из-под локтя) юркий снабженец:

— А вам что, жаль эту поповскую размалевку?

Мама сказала, что речь идет не о «поповской размалевке», а об исторических и культурных ценностях, достоянии народа. И добавила: «Лучше помалкивайте, если не разбираетесь...» И вертлявый снабженец умолк, но маме стало ясно, что сегодня же ее слова станут известны «там, где следует». Тем более что *там* маму уже знали. Еще до войны «приглашали для бесед» по поводу того, что она — в ту пору заведующая детским садом — почему-то не исключает из этого сада детей, чьи родители объявлены врагами народа.

К счастью, обошлось...

Я смотрел на купола близкого Троицкого собора и с удовольствием думал, что, подобно маме, тоже сумел вступить за этот собор. В начале «перестройки», когда начали бурно и беспорядочно расцветать «культурные преобразования», какие-то излишне ретивые деятели возымели идею установить в главном храме монастыря орган. В православном соборе, где ни традиции, ни акустика, ни здравый смысл никакого органа не допускали! Костя Тихомиров позвонил тогда мне, прислал всякие письма и материалы с протестами. Я переправил все это в «Литературную Россию», написал туда же сам. Слава Богу, помогло. И теперь я смотрел на башни собора с ощущением хотя и маленькой, но все-таки заслуги...

Дома у меня долго хранился альбом, где среди рисунков

была и панорама этого монастыря. Я рисовал ее весной пятьдесят пятого года, устроившись на бревнах, на левом берегу, выше деревянного моста. Потом я показал эту картинку своему учителю, художнику Александру Павловичу Митинскому (мои друзья и я помогали ему тогда оформлять персональную выставку в Областном музее).

Александр Павлович снисходительно посоветовал:

— Ты старайся, голубчик. Из тебя может выйти толк...

Здесь, однако, я должен признаться, что меня грызет совесть. Не из-за того, что «толк» (в художественном плане) из меня не вышло. Из-за недавней вины перед Александром Павловичем. В конце сентября мне позвонили из Тюмени, сказали, что к столетнему юбилею художника готовится выпуск его альбома. И попросили посодействовать, написать в какие-то инстанции, чтобы для выхода альбома не было препятствий... Злым силам надо было сделать так, чтобы именно в эти дни против меня сошлось все плохое — и обстоятельства, и хвори. Состояние было такое, при котором, как говорится, «свет не светится». Я лежал с зажатым сердцем и не мог думать ни о чем, кроме тех самых «обстоятельств» и боли. Я попросил отсрочки до первого октября (надеялся выкарабкаться). Мне сказали: «Что ж, ладно, только можно уже не успеть...» К вечеру я все же поднялся и начал сочинять письмо. И вдруг понял, что не помню: кто мне звонил и куда надо писать. А звонков больше не было...

Я знаю, что Александр Павлович по своей неизменной доброте простил бы меня. Но сам себя простить не могу. И понимаю, что теперь на все репродукции художника Митинского в тюменских альбомах буду смотреть с ощущением непоправимой вины...

Да, несмотря на предсказание учителя, художником я не стал... А кем стал? Многие годы, уже с членским билетом Союза писателей в кармане, я стеснялся отвечать на вопросы о профессии: «Я — писатель». Казалось, в этом есть несусветная похвальба... Но в конце концов привык. Куда деваться-то? Никакой другой профессией в полной мере я не овладел. Писание книг стало единственной «официальной» работой,

которой я занимаюсь уже почти полвека. Кстати, приходится сочинять и предисловия...

Писать всякие вступления и разъяснения к своим книгам (как отдельным изданиям, так и собраниям сочинений) всегда было для меня тяжелой обузой. «О чем рассказывать, что комментировать?» — со страданием в душе спрашивал я себя. В самом деле! Все, что я хотел сказать в своих рассказах, повестях и романах, я сказал, и никакие добавления и разжевывания ничего не дадут читателям. Пусть они (читатели то есть) ищут ответы на вопросы, если таковые появятся, в самих книгах. Рассказывать о секретах писательской работы? Я и сам в них не могу до сих пор как следует разобраться. Здесь все, как говорится, «на подсознании». Отвечать на вечные вопросы вроде такого: «Вы то, что описываете, придумываете из головы или берете из жизни»? Но я порой и сам не знаю, не могу отличить выдумку от реальности. В общем-то всё (в том числе фантастика и сказки) — «из жизни», если даже персонажи и обстоятельства — «из головы». К тому же вести такие разговоры можно, только касаясь какой-то конкретной вещи, потому что каждая пишется по-своему, не так, как другие. Но у меня их к нынешнему времени набралось около тридцати пяти томов, а всякие рассуждения о них составили бы, пожалуй, еще столько же. Нельзя же так мучить читателей (и себя заодно)!

Очередной раз поведать свою биографию? Но и о ней читатель может узнать из разных повестей — вроде «Шестой Бастионной» и «Золотого колечка на границе тьмы». А то, что в этих книгах есть небольшая доля фантазии, — ну так какая беда? Я теперь уже не всегда помню, что было со мной на самом деле, а что придумано. На мой взгляд, это не так уж важно. По крайней мере, для писателя...

Но при издании сборника сочинений существуют определенные правила. Хочешь не хочешь, а пиши авторское вступление. И я решил пойти самым легким путем. Взять основную часть своего предисловия к первому своему Собранию и поместить сюда. А что такого? Хотя предисловие это написано полтора десятка лет назад, я все равно остался тем, кем был. Почти. И мои взгляды на жизнь и на литературу не изменились. Ну, добавилось седины, прибавилось книг, многое переменялось вокруг, но все же то, что я писал во вступитель-

ной статье тогда, вполне применимо и к нынешним дням. Поэтому я решительно изымаю ряд абзацев из тома, напечатанного в Екатеринбурге, в издательстве «91» в 1992 году, и храбро (хотя и с некоторой редактурой) помещаю в этот текст.

«Раз уж взялся писать предисловие к собственным сочинениям, надо соблюдать некоторые традиции. Обычно авторам полагается рассказывать о себе. Здесь большого труда не требуется, биография моя проста. Родился в 1938 году, в Тюмени, в семье педагогов. Закончил в своем родном городе школу. По причине ранней склонности к сочинительству с детства подумывал ступить на литературную стезю. Были, правда, и другие планы. Романтические: поступить в морское училище. И более «земные»: пойти по стопам родителей, в педагогический институт. Романтические провалились из-за придирчивости врачей, земные — из-за неувязки с приемом документов. Сама судьба властной и прихотливой рукой направила меня на журфак Уральского университета и способствовала тому, что я, при своем троичном аттестате, сдал все приемные экзамены на «отлично»...

В университете бросил писать стихи и начал писать рассказы. Для рассказов, естественно, необходим жизненный материал, а никакого материала, кроме собственного детства, у семнадцатилетнего первокурсника быть не могло. Отсюда все и пошло... Моя дипломная работа состояла в основном из рассказов о детях. Она же стала основой первой книжки, которая появилась на свет в Свердловске в 1962 году...

Еще до получения диплома я стал работать в газете «Вечерний Свердловск», потом в журнале «Уральский следопыт», а через четыре года, уже будучи членом Союза писателей, ушел «на творческие хлеба». С тех пор сижу за своим письменным столом и пишу. Как видите, все очень просто...

В биографических справках разных писателей можно встретить примерно такие слова: «Прежде чем выпустить свою первую книгу, он работал кочегаром, геологом, буровиком, плавал на рыболовном сейнере, служил ночным сторожем...» и т. д. Я не ходил в экспедиции, не бурил скважины, не ловил рыбу и не сторожил. Сидел и писал. Пришлось, конечно, и поездить, посмотреть на белый свет, были и кое-

какие приключения, но в общем — ничего выходящего за рамки. Кроме одного. Видимо, «сыграла наследственная педагогическая струнка», и в шестьдесят первом году я начал организовывать ребячий отряд «Каравеллу». Именно это дело позволило мне хоть в какой-то степени объединить в своей жизни мечты о писательстве, об учительстве и о парусах. Ибо «Каравелла» через несколько лет стала парусной флотилией. А еще — главной причиной того, что я так и не вернулся в Тюмень, хотя в начале шестидесятых были такие планы. Нельзя было бросить ребят, которых сам приручил и объединил в крепкие экипажи, научил любить паруса...

Я не раз читал о себе розово-слюнявые рассуждения, что «этот пионерский автор создал вокруг себя детский коллектив, чтобы черпать там материал для своих книжек». Ну уж, дудки, граждане-товарищи литературоведы! Если вы считаете, что это наиболее удобный способ добывать темы и сюжеты, попробуйте сами! По-моему, есть способы и попроще, без всяких отрядов. И если я три с лишним десятка лет вкалывал в «Каравелле», жертвуя временем, заграничными поездками, нервами, лаясь с чиновниками всяких рангов (ибо традиционно мешали работать и обвиняли во всем, что только можно придумать), выматываясь и забрасывая рукописи, то не ради будущих книжек, а ради самих ребят. Потому что общение с ними — само по себе радость. И потому, что хотелось хотя бы для нескольких десятков мальчишек и девочек сделать жизнь интереснее, веселее, дружнее, умнее, чем была вокруг.

Впрочем, нельзя сказать, что, как литератору, мне это не приносило пользы. Когда вертишься среди ребят ежедневно, жизнь их знаешь не понаслышке. Но многому надо было научиться. Защищать пацанов от несправедного гнева школьных наставников; успокаивать малышей, заскукавших по дому в дальней поездке или походе; бинтовать ребячьи порезы и ссадины; по глазам угадывать, что у Петьки или Наташки опять нелады в семье; утешать познавших измену в первой любви; превращать галдящую толпу в дружные команды парусной флотилии; убеждать, что нельзя хвастаться силой и обижать тех, кто слабее...

А еще пришлось научиться проектировать, строить и водить парусные яхты, снимать и монтировать полнометраж-

ные фильмы, сочинять песни, разбираться в морских инструментах и картах, сражаться «по-старинному» на шпагах, работать на токарном станке, шить паруса и золотые морские шевроны, играть на высоких суворовских барабанах марши (предварительно смастерив эти барабаны) и вести уроки по корреспондентскому делу, истории флота и устройству больших парусных судов... И еще много всего. Думаю, что для автора детских книг это даже полезнее опыта бурильщика или кочегара...

А самое главное — я научился понимать, что ребячья жизнь ничуть не проще, не легче жизни взрослых. Порой она даже труднее, драматичнее, чем у их родителей и учителей. Потому что маленький по возрасту человек чувствует и переживает ничуть не меньше большого, а защищен от суровой жизни он гораздо слабее. То есть я знал это и раньше, но то был опыт лишь собственного детства. А теперь я увидел это более широко. Мог делать выводы и обобщать. И в жизни и в книгах (что, разумеется, нравилось далеко не всем).

Когда готовишь предисловие к автобиографическим вещам — это еще и возможность по-новому взглянуть на свою работу. Обобщенно, с определенным анализом и оценкой. Вот и пытаюсь. И вспоминаю...

Четверть века назад, в одном из номеров «Огонька» за 1991 год, я прочитал суждения критика Б. Минаева о детских книгах. Там есть, в частности, такие слова: «Герои советской детской литературы — от Гайдара до Крапивина — это, как правило, дети глубоко страдающие. Переживающие глубокие потрясения. Попадающие в дико сложные ситуации. И если пытаться выразить эту проблему одним словом, то можно сказать так — это литература СИРОТСКАЯ».

Сперва я очень разозлился. Хотел даже позвонить Борису Минаеву в Москву и высказать все, что думаю о его литературных воззрениях. С одной стороны, приятно, конечно, что тебя объявляют одним из пограничных столбов советской детской литературы, но с другой — за нее, за литературу эту, обидно. Неужели мало в ней смеха, радостей и веселых приключений? Вспомним героев Н. Носова, Ю. Сотника, А. Некрасова, В. Медведева, Б. Заходера, Г. Остера, В. Драгунско-

го... да разве всех перечтешь? Да и за своих досадно стало: кто поверит, что мои Джонни Воробьев из «Мушкетера и феи», или Олег и Виталька из «Ковра-самолета», или, скажем, семилетний оруженосец Кашка такие уж страдающие и сиротские?

Но... если глянуть пошире, Б. Минаев, пожалуй, был прав. Эта правота никуда не делась и теперь. Бед и несчастий в нашей детской литературе описано достаточно... Только разве дети виноваты? И разве виноваты писатели? Если хочешь правдиво показать жизнь наших ребят, от горьких тем не уйти.

Как уйдешь, например, от того, что детей бросают матери и отцы? От того, что их бьют? В наш «просвещенный» век, когда «все лучшее детям», бьют постоянно: дома, в интернатах и детдомах, а то и в школах, на улице... Сколько такого я узнал за тридцать с лишним лет работы с ребятами!

И если вы прочтаете, как в «Журавленке и молнии» Юрик Журавин платит непримиримым молчанием излупившему его отцу, как в «Островах и капитанах» Гошка Петров встает с отточенной стамеской против изувера-отчима, как в «Синем городе на Садовой» Федя Кроев орет яростные слова полному несправедливой силы и власти милиционерскому лейтенанту, не спешите клеймить этих мальчишек привычными житейскими штампами. Потому что в основе такого ребячьего гнева не пресловутая «немотивированная агрессивность подростков», а тоска. Тоска по нормальной детской жизни, в которой у ребенка должен быть добрый дом, материнская и отцовская ласка, понимание заботливых и любящих свое дитя людей и уверенность, что никто у него это не отнимет.

Такой гнев и такая тоска предпочтительнее тупой покорности. Мне кажется, они рождают спасительную надежду. Надежду, что из нынешних ребят — тех, кто не потерял ощущения правды и добра, — вырастут люди, которые сделают нашу жизнь лучше. И сами будут лучше, чем мы».

Вот такой надеждой на лучшее кончалось мое предисловие к первому Собранию сочинений. С той поры вышло еще два собрания (не считая нынешнего, почти уже законченного), но это не значит, что надежды оправдались и жизнь стала радостнее. Она, эта жизнь, меняется, но не так, как хотелось

бы. Увы, далеко не все дети становятся «лучше, чем мы». И в этом не их вина. Это беда страны.

Разве дети виноваты, что одних возят на «мерседесах» в супердорогие колледжи, а другие обитают на вокзалах, в канализационных люках и нюхают в подъездах клей? А сколько внешне благополучных семей, где тем не менее детям живется без любви и радости? А сколько вообще живущих без крова над головой!

...Это предисловие я начал писать еще в мае, накануне очередного Дня защиты детей. Писал и знал: будут «мероприятия», концерты, конкурсы рисунков, карнавалы и речи чиновников, обещающих приложить усилия, чтобы «не только этот день, но и все остальные стали днями нашей заботы о подрастающем поколении»... Несколько лет назад в каком-то интервью, которое у меня брали в преддверии такого же Дня, я предложил устроить не только праздничное шествие по главной улице Екатеринбурга, но собрать всех бесприютных ребятешек, всех этих юных бомжей, нюхателей клея, попрошаек, и предложить им пройти по городу отдельной колонной. В назидание взрослым... После этого у меня около года не брали никаких интервью...

Я не понимаю, как можно вкладывать сумасшедшие деньги во всяческие грандиозные празднества, как можно тратить громадные суммы на зарплаты распухшему корпусу чиновников, оплачивать их заграничные поездки, машины, казенные дачи, когда целое поколение юных россиян ведет жизнь бродяг? Сколько их?

Точно никто и не знает. Я слышал разные числа: два, три, четыре и даже пять миллионов. Ладно, возьмем среднее число, три. Это что же? Значит, в нашем народе каждые два человека из ста — бесприютные дети?..

В общем, я хочу сказать, что за последнее десятилетие отношение к детям не изменилось к лучшему. Впрочем, и ко взрослым тоже...

Хотя вообще-то перемен, как мы все знаем, немало...

Есть перемены и в жизни автора этих строк. Например, после 1992 года (когда вышло первое собрание) я ухитрился написать еще немало книг. Конечно, количество — не пока-

затель качества, но... если печатают и продают, значит, покупают и читают. В наш век «товарных отношений» без этого печатать не стали бы, сейчас ведь нет разнарядок Госкомиздата. А поскольку пишу я не страшилки и детективы, а вещи серьезные (на мой взгляд), то, выходит, и читатель серьезный еще есть — несмотря на упорные предсказания, что Интернет скоро вытеснит книги. Поддерживают мой оптимизм и читательские письма: почти каждый день то электронная, то обычная почта подбрасывают послания с добрыми словами. И не только от ребят, взрослые пишут не меньше. Впрочем, и книжки у меня давно уже не только детские...

Надо сказать, правда, что в письмах бывает и критика. Чаще всего такая: «Почему в Ваших последних повестях и романах стало больше печали и жестоких событий?» Я оправдываюсь, как могу. Отвечаю, что недавно написал несколько веселых вещей (например, «Мальчик девочку искал», «Колесо Перепёлкина», «Стража Лопухастых островов»). «Но ведь даже и в них...» — возражают дотошные читатели.

Ну, а что я могу сделать, если телеэкран не просыхает от крови? Если заказные убийства стали обыденным явлением? Если люди стреляют, взрывают, захватывают заложников, грабят, бомбят? Любая литература (даже самая фантастическая) вольно или невольно отражает жизнь. И вызвать у людей неприятие к окружающей их мерзости нельзя, если делать вид, что этой мерзости нет... Я не могу писать вещи, подобные ранним повестям «Оруженосец Кашка» или «Белый щенок ищет хозяина», когда вижу на экране озверелых кретинов с дубинками или девочку с оторванными взрывом ногами...

Облегчение приходит лишь тогда, когда возвращаешься памятью в свой Город, в страну детства. Так написал недавно роман «Стеклянные тайны Симки Зуйка», о десятилетнем жителе старинных улиц, расположенных на крутых берегах Туры и лога, о приключениях и открытиях этого мальчишки и его друзей, о времени, когда жаростно и чисто пылала кубинская революция, в космос летели первые спутники, а в кинотеатрах шел новый фильм «Последний дюйм»... Тоже непростое было время, но казалось, что впереди — свет.

Теперь работать стало труднее. Была, правда, мысль, что есть и такой выход: не писать вовсе. Рассуждение строилось так: «Я человек двадцатого века; век и тысячелетие закончи-

лись, на литературной ниве мне в прошлые времена пришлось пахать немало, теперь получаю пенсию и вправе предаваться скромным удовольствиям — вроде коллекционирования старых грампластинок, посещений летних кафе, ежегодных путешествий на автомобиле с друзьями и перечитывания любимых писателей. Времени достаточно, тем более что и «Каравеллой» нынче руководят уже другие люди (как руководят — отдельная тема, но тут уж ничего тебе, отставному и не имеющему власти командору, не изменить)». Так нет же! Видимо, того, у кого в крови когда-то завелась бацилла сочинительства, не оторвать от бумаги до конца жизни. Потому что писательство — это именно образ жизни, а не профессия (прошу прощения за общеизвестную истину). Для литератора не писать — все равно что не дышать. Да и тревога, которой все полно вокруг, не дает отбросить карандаш...

Есть у меня необыкновенный друг. Это тряпичный заяц Митька, мой давний спутник-талисман, сопровождающий меня во всех путешествиях. Его знают многие школьники в разных городах, в том числе и в Тюмени. Бывает, что я и два моих добрых товарища — инженер Сергей Аксененко и писатель Александр Кердан — садимся в машину и отправляемся в дальнюю поездку. И берем Митьку. Митька (воспринимаемый нами как личность вполне одушевленная) в дороге резонирует, сдерживает наши эмоции и мои стремления почаще останавливаться у придорожных таверн. Об одной такой поездке — от Урала до белорусского города Гродно — мы втроем (вернее, вчетвером) не так давно выпустили книгу под названием «Трое в «копейке», не считая зайца Митьки». Митька обиделся: почему «не считая»? Пришлось в приложении извиняться, ссылаясь на Джерома...

Я упомянул о таких путешествиях, потому что они — своеобразная отдушина в нынешней непростой жизни. Этокое окошко в светлый мир и отдохновение души. Когда со скоростью сто двадцать километров в час тебе под колеса разматывается асфальтовая лента, а за окнами взлетевшего на взгорки старенького автомобиля вдруг распахиваются неоглядные просторы под горами солнечных облаков, видишь вдруг, что мир все еще красив, земля громадна, небо безбрежно. И люди, которые встречаются на пути, — чаще всего хорошие, готовые тебе помочь и добрым словом, и делом.

Ребятишки у обочины, придерживая полиэтиленовые пакеты с собранными в окрестном лесу грибами, машут нам вслед.

— Вон опять твои персонажи промелькнули, — ставит меня в известность мой коллега, поэт и прозаик Саша Кердан. Будто я и сам не видел!

— А вон шашлычная впереди, — говорю я, чтобы подразнить Сашу — нашего начфина, склонного к излишней экономии.

— Ни в коем случае! Там шашлыки из придорожных крыс!

— Циник! И скупердяй... Ты что, боишься, что, если купим шашлык, это повлияет на цену барреля нефти на мировом рынке?

— Ни слова о политике! — предупреждает нас традиционной фразой Митька. — Вперед!..

— Вперед, — соглашается капитан нашей «Лады» Сергей. И жмет на педаль.

Ну, вперед так вперед... А впереди на этот раз — город Тюмень. Мой Город. Я знаю — будут встречи с давними друзьями, с милыми сердцу местами, с памятью прежних лет. И... возможно, какие-то новые сюжеты. Потому что Город их дарит щедро... Вот он опять встает на горизонте с большими, порой непривычными контурами многоэтажных махин и... со щемяще знакомыми старинными башнями. Пусть не все они белого цвета, но я повторяю про себя: «Белые башни Города. Белые башни родины...» А среди них сверкает действительно рафинадным блеском колокольня Спасской церкви. Золотом горят маковки и легкие, как птицы, кресты... Случилось то, о чем я мечтал целых шестьдесят лет. Это чудесное, с детства любимое мной здание готовится снова стать тем, для чего было создано, — взметнувшимся в высоту бело-снежным храмом.

В этом есть справедливость. Есть победа человеческой логики. И есть надежда...

2005 г.

Владислав Крапивин.

КОММЕНТАРИИ К СОБРАНИЮ СОЧИНЕНИЙ

Судьбе угодно, чтобы том Владислава Крапивина «Ампула Грина», двадцать пятый по счету в серии «Отцы-основатели: русское пространство», оказался на данный момент последним в Собрании сочинений автора, которое самоотверженно в течение двух лет выпускало издательство «Эксмо».

Собрание без большой натяжки (на момент написания этих строк, весна 2007 года) можно назвать полным. В него не попала только всякая архивная мелочь: статьи, письма, предисловия к своим и чужим книжкам, газетные репортажи и т. п. Но такие вещи включаются лишь в академические собрания, а это издание на академизм не претендует. С другой стороны, героическими усилиями составителей и редакторов — и прежде всего Константина Константиновича Гришина — в двадцати пяти объемистых томах было собрано все, что хоть в какой-то степени можно именовать «результатами литературного процесса», который к этому времени длится у автора как раз полвека.

Следует слегка коснуться предыстории этого издания. (Кстати, ну и словечко! Почему его по нынешним правилам требуется писать с буквой **ы** в середине?!) Ну так вот, предыстория такова.

В 2001 году издательство «Центрполиграф» закончило выпуск 30-томного «Собрания сочинения В.Крапивина», которое к тому времени тоже было принято считать полным (хотя в него и не вошел ряд вещей — пьесы, сценарии, книга «Фрегат «Звенящий» и т. д.). Но в общем-то «практически полное». Однако в эти тридцать томов вошли вещи, написанные лишь в двадцатом веке. Автор же, хотя и усиленно декларировал свое намерение с 1 января 2001 года уйти «на заслуженный отдых», выдержал не больше двух недель и сел к письменному столу снова. После этого, за пять с половиной лет, он сочинил семь

романов, «кинороман», цикл рассказов, пять повестей и «публицистическо-педагогическую» книгу о детских отрядах. Так что вопрос о полноте «Центрполиграфского» издания отпал. Вот самый «наглядный» пример, который любит приводить автор: прежний тридцатитомник стоит на метровой полке так просторно, что оставляет место еще для трех-четырёх книжек. А двадцать пять книг «Отцов-основателей» (гораздо более объемных, чем в прежнем собрании) на такую же полку не влезли, для двух последних пришлось искать другое место... Дело, конечно, не в линейном измерении и не в объеме напечатанного (сами по себе они ничего не говорят о качестве). Просто автор считает нужным подчеркнуть заслугу издательства «Эксмо», сумевшего (хотя и не без некоторых огрехов) за два с половиной года выпустить в свет результаты почти всех его полувекковых трудов.

Однако издательство не сразу пришло к мысли печатать «всего Крапивина». Сначала было намерение выпустить в серии «Отцы-основатели: русское пространство» только его фантастику. А к проекту очередного «полного собрания» еще до этой поры подступали несколько других издательств. Причем подступали так плотно, что в 2003 году давний друг В. П. Крапивина и его отряда «Каравелла», санкт-петербургский библиограф М. Л. Васюкова даже написала к такому изданию статью-предисловие. В тот момент статья, увы, оказалась «невостребована», а сейчас автор считает вполне логичным поместить ее в этих комментариях.

* * *

М.Л. ВАСЮКОВА

«Крапивина читаю со счастьем!»

Иногда судьба делает нам подарки. Я собиралась стать детским библиотекарем и училась в институте. На втором курсе, когда пришло время первой курсовой работы, мой педагог Ванда Дмитриевна Разова предложила мне написать рецензию на книгу «Та сторона, где ветер» молодого писателя Владислава Крапивина. Увы, в тот момент это имя мне ничего не говорило. В детстве своём я с книгами этого писателя не встретила. «Та сторона...» перевернула всю мою жизнь. Теперь она

делилась на «до Крапивина» и «с Крапивинным». А чуть позже на моём экземпляре этой книги появился автограф: «С удовольствием и радостью подписываю книгу, с которой «всё началось». И пусть никогда не кончается!»

За первой курсовой (рецензией) последовала вторая — библиографический указатель. А поскольку это было тридцать лет назад, то напомним, что написано к тому моменту у Крапивина было за двенадцать лет лишь двенадцать книг (порядка шестидесяти рассказов и повестей), а материалы о нём нужно было собирать по крупицам в самых разных источниках. Тогда же мы и познакомились. Предстоял диплом, за материалами для него я отправилась в Свердловск. И всю жизнь горжусь, что этот диплом был, пожалуй, первой научной работой, посвящённой жизни и творчеству Владислава Крапивина, его ребячьему отряду «Каравелла», а новые книги писателя появлялись в моей домашней библиотеке, как, впрочем, и в той, в которой я работаю, даже раньше, чем на прилавках магазинов.

Сегодня, когда две с половиной сотни изданий Крапивина разошлись по всему свету, биографические и критические материалы могли бы составить несколько отдельных томов в дополнение к его новому собранию сочинений. Это собрание, надо надеяться, удовлетворит самых взыскательных поклонников и исследователей творчества писателя, а новым читателям представит автора всесторонне и с наибольшей полнотой.

Что же такого особенного в этом человеке, что позволяет ему в течение всей жизни сохранять и удерживать читательский интерес, вызывать бурю чувств, от самых положительных, как правило, у читателей, до порой резко негативных, что чаще бывает у критиков.

Ещё в далёком 75-м году, после первой поездки в Свердловск, мои рассказы о Крапивине и «Каравелле» воспринимали как фантазии восторженной студентки. Не бывает, мол, так. И людей таких нет, и детей таких нет, а уж отношения, сложившиеся в «Каравелле», в принципе невозможны. Два месяца практически ежедневного общения (именно столько продолжалась моя преддипломная практика в Областной детской библиотеке — спасибо им огромное!) открыли мне удивительного человека и интереснейшего педагога. Дальше были годы общения, переписки и дружбы, которая освещает всю

мою жизнь. А вместе со мной — жизнь моих близких, коллег, читателей, всех тех, для кого имя Крапивина — «это словно пароль для открытого сердца, для каждого посвященного, стоит только шепнуть его такому человеку, и тут же получаешь отзыв-улыбку в ответ, понимание в глазах, и начинается разговор, и возникает дружба, и тьма отступает, потому что становятся видны звезды...» Эти слова членов клуба «Лоцман» из Новосибирска приводит Владимир Гопман в «Книжном обозрении», и я с ними абсолютно согласна.

Судьба подарила мне радость общения с многими и многими людьми, которых соединяет в этой жизни Крапивин. «Книги Крапивина своеобразный тест на нравственность», — довелось недавно прочитать в солидном исследовании творчества писателя. Пожалуй, именно нравственная позиция Крапивина, выраженная абсолютно чётко и определённно во всём его творчестве, в жизни «Каравеллы», — это то, что привлекает к нему людей, делает их единомышленниками, позволяет им распознавать и находить друг друга в нашей суматошной и отнюдь не всегда радостной жизни.

Творчество писателя даёт повод для общения близких по духу людей. Общения не только по поводу творчества или вокруг личности писателя, а в связи с созвучием душ, общностью взглядов на мир и пути его совершенствования. Возраст в этом случае значения не имеет. *В одном из последних исследований, проведённых с японскими коллегами, мы просили читателей от 15 до 80 лет назвать одну книгу детства, особо запомнившуюся и повлиявшую на последующую жизнь. Среди перечисленных были книги Крапивина.*

Не всегда на вопрос, чем близок тебе Крапивин, ребята и взрослые могут сразу ответить. Но их отзывы, сочинения, письма, общение в Интернете показывают глубокую духовную связь с писателем, потребность делиться радостью и бедой, просить совета и предлагать помощь, изменяться самим и изменять мир вокруг себя. Семиклассница Андропова Алёна в конкурсном сочинении написала: «Мне тоже хочется, чтобы мое детство длилось вечно. Но, увы, все это когда-нибудь кончится. Я стану взрослой. Вот Владислав Крапивин для того, чтобы не расставаться с детством, пишет прекрасные книги, а я, наверное, всегда их буду читать. Сейчас я читаю для себя, а потом буду читать их своим детям, потому что книги Крапи-

вина — это вечная юность, мечта, полет, романтика. Иногда мне попадают книги интересные по содержанию, но мне хочется дочитать их побыстрее, а с книгами Крапивина все наоборот. Я как бы растягиваю удовольствие, наслаждаясь чтением. Мне хочется, чтобы приключения, происходящие с ребятами в повестях Крапивина, происходили и со мной. Зачитываясь вечерами, я до такой степени погружаюсь в книгу, что не замечаю, что происходит вокруг меня. Крапивин уже лет с одиннадцати мой любимый писатель. И все это время я нахожу ответы в его книгах на многие вопросы. Читая повесть Крапивина, я становлюсь другой. Нет, я не хочу сказать, что я становлюсь добрее и лучше, что мне сразу хочется бежать совершать хорошие поступки, но во мне появляется какая-то легкость, мне хочется рассказать всем, какая я счастливая. Наверное, некоторые засмеются над моими словами, скажут, что я сумасшедшая или еще что-то вроде этого, но у меня для них есть ответ: «Вы не читали Крапивина и многое потеряли».

Писали Крапивину всегда. И в те далёкие годы, когда это был единственно возможный способ общения, и сейчас, когда Интернет и электронная почта, казалось, упростили этот процесс. «Вечный упрёк совести, — говорит Крапивин, — невозможно всем ответить, хотя стараюсь это делать своевременно».

Мы беседовали недавно, во время очередной встречи, и я спросила, как часто пишут читатели сейчас. «Пишут. Я не могу сказать, что письма идут потоком, но каждую неделю от читателей что-нибудь получаю. Больше от взрослых. Вот пишет, например, очень интересный человек, который работает дворником, чернорабочим в детском саду. Очень интересные наблюдения. Я ему посоветовал: «Знаете, говорю, у Вас литературный дар, и на основе Ваших наблюдений можно делать очень интересные вещи». Пишет мне одна девочка. Она живёт на Дальнем Востоке. Девочка очень начитанная, очень умная, очень эрудированная, очень эмоциональная, с удивительным талантом подмечать массу ярких деталей. Стихи пишет прекрасные. Каждое письмо (я их собираю, причём письма всегда толстые, обстоятельные) можно печатать как рассказ. Удивительные характеры, интересные детали, даже чисто внешние, там окраска неба, погодные явления, прохожие на улице. Ещё

пишут студенты, много писем от школьниц 13—15 лет...» На мой вопрос, шлют ли «ругательные» письма, Крапивин вспомнил последнее из них, которое пришло по электронной почте от женщины, на его взгляд, «ну... уже достаточно взрослой». «Не знаю, сколько ей лет, но, как я понял, никак не меньше 30. И она меня клеймит за то, что, начиная с повести «Лощман», я погрузился в мрачность, пишу о жестоких негативных вещах...» «Зачем Вы обо всём этом пишете? Конечно, может, это и есть в жизни, но Вам нужно вернуться снова к Вашим светлым истокам и т.д. и т.п.»

Не однажды пришлось Крапивину отвечать на похожие обвинения. «Не могу я сейчас писать повесть, подобную «Оруженосцу Кашке». Потому, что жизнь не такая. Какие бы фантастические вещи ты ни писал, реальная жизнь всё равно накладывает отпечаток».

Ольга Виноградова и Мария Мещерякова обращают внимание на «усложнение картины мира, происшедшее в последние десятилетия в творчестве Крапивина: сохранив верность ведущим принципам конечной победы добра, справедливости, писатель тем не менее отчетливо сознает силу и жизнеспособность зла, в его произведениях есть и боль, и разочарование, и смерть».

В Интернете прозвучало и такое обращение к писателю: «Не пишете «чернуху», не получается это у Вас («Лунная рыбка», «Бронзовый мальчик»). «Чернуха» — это не значит про плохое, это значит, что прочитаешь и жить неохота. И без этого Ваши книги и так дают людям очень много. Больше, чем любые «чернушные».

Крапивин ответил: «Я пишу не «чернуху», а отражаю реалии современной жизни. Без этого в литературе никуда не денешься. По крайней мере, я в своей работе эти реалии обойти не могу».

Но был и ещё один вопрос буквально в те же дни: «Как Вы считаете, не обостряют ли Ваши книги боль от соприкосновения с окружающим миром? Ведь, как известно, легче живётся тем, кто не задумывается, а сейчас особенно».

«Иногда обострение боли — это медицинский способ излечить и душу, и действительность, — прокомментировал Крапивин. — Иногда ее надо обострять, чтобы человек оглянулся, спохватился, возможно — ужаснулся... и, может быть, попы-

тался бы в мире что-то изменить. Жить с закрытыми глазами все равно нельзя».

Действительно, некоторые произведения Крапивина «читать — трудно: душу можно поранить, расцарапать зажившие болячки совести», так писала в «Урале» Наталья Качмарова, но как же иначе эту самую душу и совесть сохранить?

В дни шестидесятилетнего юбилея писателя Валентин Лукьянин, главный редактор журнала «Урал», определил три составляющие его успеха: «Имя Крапивина — это не раскрученное имя, а имя собственное. Потому что Крапивин настоящий, большой, крупный писатель, которым мы вправе гордиться. Я назову, по крайней мере, три причины, которые делают его таковым. Он, как никто другой, умеет сделать сюжет, умеет построить рассказ, умеет написать так, чтобы читалось с увлечением. Это сегодня многие умеют... У Крапивина это делается хорошо и естественно, нет придуманных ходов, а вытекает всё из положения, характеров, проблем и т.д. Эта естественность в сочетании с настоящей закрученностью сюжета — именно то качество, которое заставляет читать Крапивина каждого везде и всюду взахлёб. Но важно то, что в этом хорошо построенном сюжете, в этом хорошо построенном мире всегда содержится серьёзная, большая, глубокая мысль. Что для меня привлекательно у Крапивина — то, что он пишет для подростков, я с удовольствием сам всегда читаю, хоть далеко ушёл от этого возраста. Подростки подростками, а проблемы реальные и серьёзные, которые все мы переживаем. Вот это чрезвычайно важно и трогает. И не всегда можно предсказать, как я, взрослый человек, вышел бы из этого положения. Читать интересно, потому что очень содержательно. Ну, и последнее, что я бы назвал в этом ряду, — это авторская позиция, сформировавшаяся годами и десятилетиями. Она интересна тем, что в ней абсолютно нет флюгерных ходов. Мне нравится, что в творчестве Крапивина, с первых его вещей до нынешних, нет конъюнктурных колебаний, а есть хорошо развивающаяся собственная линия, линия человека, прошедшего через все сложности нашей жизни вместе с нами. И поэтому всегда ощущаешь за Крапивиним тот груз, опыт времени, который есть у каждого из нас, и всё это применено к делу, к решению всех его творческих проблем».

Тот же Валентин Лукьянин, выступая на крапивинских

чтениях в Екатеринбурге, сказал: «...не только своими новыми вещами, так сказать, по житейской фактуре более соответствующими новому времени, но всем своим практически многолетним творчеством Крапивин вышел сегодня к самым острым проблемам времени. ...Романы, повести, сказки Крапивина приобретают особое значение: они способствуют укреплению иммунитета души...»

Искренность, чистота, порядочность, вера, любовь, надежда и доверие к читателю — это то, что всегда есть у Крапивина. А читатель отвечает взаимностью. Читательская аудитория Крапивина невероятно разнообразна. Дети прочитывают Крапивина с родителями. Дети взрослеют, а книги Крапивина потом читают вместе со своими детьми. Радостью прочитанной книги делятся, как правило, с друзьями. В одном из откликов в Интернете прозвучали такие слова: «...с тех пор как я прочитала в «Пионере» *«Мальчика со шпагой»*, я умудрилась приобщить к Вашему творчеству маму, друзей, потом мужа, а теперь Ваши книги читает мой сын (ему уже 17) и потихоньку агитирует своих друзей. Вот такая смена поколений Ваших читателей».

Без преувеличения могу сказать, что с тех пор, как я прочитала книгу «Та сторона, где ветер», вот уже почти 30 лет я общаюсь к творчеству Крапивина не только свою семью и друзей, коллег в ближнем и дальнем зарубежье, но и всех своих читателей, а их количество за эти годы измеряется уже многими тысячами.

Читатели Крапивина — это отдельная интереснейшая тема для исследования. Они взрослеют и меняются вместе с его книгами, а сам Крапивин *«взрослеет» и меняется вместе с ними. Читательская активность и заинтересованность, стремление вникнуть, понять, разобраться, обсудить — особенно характерна для поклонников творчества Крапивина. Наверное, поэтому они ищут единомышленников (и возникают клубы), пытаются издавать и издают свои журналы и газеты, пишут интереснейшие статьи, создают собственные иллюстрации к книгам, ставят пьесы, снимают фильмы, общаются в реальном и виртуальном мирах.*

Николай Рубан в «Иске к писателю» пишет: «Крапивин в своих книгах, как писатель-созидатель, не просто хочет показать, каков этот мир на самом деле, а хочет изменить его к луч-

шему. А улучшить его он хочет через нас с вами, ребята, через своих читателей. А дальше — у кого как получится, на что у кого пороку хватит. Один станет хорошим педагогом. Другой — хорошим писателем. Третий... Да хотя бы просто проживёт жизнь как порядочный человек и создаст своим детям нормальную жизнь — это не так уж и мало по нынешним временам».

Фундаментальной науке, прежде всего синергетике, достаточно давно известно, что во всех больших открытых системах лишь от 2 до 8% элементов обеспечивают развитие системы, остальные поддерживают её стабильность. Процент активно действующих людей, влияющих на окружающий мир, вмешивающихся, равнодушных, умеющих сопереживать, брать на себя чужую боль, ответственность, — величина постоянная в любой возрастной или иной группе. Их немного, те самые 2—8 процентов, но от них зависит вектор развития общества. Возьму на себя смелость определить, что подавляющее большинство читателей Крапивина — из этих людей.

Читателей Крапивина привлекает особая атмосфера нормальных человеческих отношений, потихоньку забываемых нашим обществом, отношений, построенных на доверии, честности, дружбе, заботе о ближних. Но писатель не просто создаёт такую атмосферу на страницах своих книг, он постоянно напоминает «о цене, которую ежедневно нужно платить за эту самую замечательную атмосферу, тот груз беспокойства и строгости, даже беспощадности к себе самому, что нужно нести ежесекундно» (Максим Борисов). Каждый ли способен на это? Как сочетаются нормальные человеческие отношения с реалиями современной жизни? И есть ли в ней место для романтических устремлений? Не почувствуют ли себя читатели обманутыми?

Юрий Пученькин в интервью для газеты «Вестник Алапаевска» спросил у писателя: «У многих людей сложилось представление о Крапивине-романтике. Можно ли верить в иллюзию, в идиллию, живя в реальности? Не происходит ли разочарования от того, что света, отражённого в ваших книгах, зачастую нет в реальной жизни?»

«Я, как и многие авторы, никогда не ставил перед собой задачу просто отражать реальный мир, — ответил Крапивин. — Я выстраивал концепцию книг, исходя из своей собственной

личности. Я всегда хотел показать, какой ДОЛЖНА БЫТЬ ЖИЗНЬ, старался объяснить читателям, как добиться этого. Я брал материал реальности, но чистил его от повседневной шелухи и мути, оставляя сердцевину человеческих отношений. Те люди, которых я не устраиваю, не читают моих книг. У меня своя аудитория, которая меня понимает и разделяет мои мысли и устремления. Я не собираюсь меняться в угоду современной действительности. Важно ведь не то, какие события показаны в книге, важно то, как мои герои к ним относятся, как стараются к лучшему изменить мир. Я искренне верю, что позитивные перемены в жизни могут наступить лишь тогда, когда современные отношения будут строиться не на прибыльности, а на искренности. Надо ценить жизнь всех людей, а не только свою. К сожалению, не всегда и не в полной мере удаётся внушить эти мысли людям. Однако в том, чтобы показывать жизнь в её совершенстве, жизнь такой, какой она могла быть, я и вижу сегодня главную цель Писателя».

Может, именно из-за такой позиции и есть люди, не принимающие творчество Крапивина. Мне кажется, даже неважно, кто эти люди — обычные обыватели, или критики, чиновники, педагоги. У кого-то оно просто вызывает раздражение, а кое-кто его и на дух не переносит. Правда, чаще всего это самое раздражение и неприятие относится к самому писателю, его взглядам на жизнь, его принципу вмешательства. «Я вступаю в бой с любой несправедливостью, подлостью и жестокостью, где бы их ни встретил. Я не стану ждать, когда на защиту правды встанет кто-то раньше меня». Это слова из Устава «Каравеллы». Этим принципом всю жизнь руководствуется сам Крапивин. И это то, что в первую очередь делит людей на его сторонников и противников.

Из письма Лёши Мальского (Санкт-Петербург): «Мне всегда хотелось Вас спросить: как Вам удаётся писать так, что, казалось бы, самые обычные события захватывают с головой — просто не оторваться? И ещё: почти все Ваши книги похожи друг на друга, но ведь нигде не возникает ощущения, что это уже где-то было! Нет такой досады, что чего-то ждал, а получил то же, что и раньше... Наоборот! Возникает радость узнавания, чувство, что это те же знакомые, любимые персонажи. Как будто это продолжение предыдущей книги. Как это у Вас получается?»

Ответ на это письмо был напечатан в журнале «Костёр»: «Трудно объяснить... Не знаю. Стараюсь... Если автор начнёт всерьёз разбирать всю технику своей работы, он может запутаться сам и запутать других. Пусть уж анализом творчества занимаются учёные литературоведы, а писатель, по-моему, должен доверять своей интуиции и писать «как просит душа»... Ты верно заметил, что мои книги похожи одна на другую (и слава Богу, что не ругаешь за это). От такой «похожести» никуда не деться автору, который пишет уже сорок пять лет подряд и сочинил немало романов, повестей и рассказов. И дело не в том, что он повторяется из-за нехватки фантазии или материала. Просто много работающий писатель постепенно создаёт свой мир — с собственной атмосферой, любимыми местами действия, с наиболее близкими ему характерами, интонациями, настроениями».

Память детства сохраняет Владислав Крапивин всем своим творчеством. Особую ценность и привлекательность его книг увидела моя коллега из Японии, профессор Танака Ясуко в том, что каждая строчка, описывающая картины детства, чиста и проникновенна и не нуждается в объяснениях и комментариях, «словно ты сама вдыхаешь запах лета и бежишь к родному крыльцу, чтобы уткнуться в мамины колени и забыть о всех своих страхах и тревогах».

«Спасибо Вам за неожиданно встреченное детство, за вашу необыкновенную память ребенка, за живую сказку, за все. Вы как чудесная машина времени. Прочитать вашу книгу — это как вдруг встретить волшебника, поболтать с драконом, найти друга, даже если уже не верил, что это случится. Не знаю, как Вам это удастся, но я уверен, что летать на ковре-самолете Вы не разучились. И мы вспомним, с нашими детьми, надеюсь...»

И все-таки не понимаю, как можно вызывать дежа-вю у всех, разные дети, разные поколения, ведь невозможно помнить то, чего с Вами не было, и придумать это тоже невозможно — или нет? — снова вопрос, недавно прозвучавший в Интернете».

«Придумать — невозможно. Чувствовать — можно, — ответил на это писатель. — Вспоминать, что было с тобой в детстве, в снах, в мечтах, может быть, в какой-то иной реальности (а я все больше склоняюсь к мысли, что таковые параллельные реальности существуют), наверное, всегда можно. Наверное, литераторы — это люди, у которых есть повышенная спо-

способность проникать в эти миры, вспоминать их и, по мере своих возможностей, рассказывать о них другим людям. Иногда это удастся, иногда нет... судить об этом уже не автору, а читателям. Кому понравилось — тем спасибо. Наверное, умение сохранять в себе память детства — это определённая способность, так же, как бывает, например, способность к музыке или математике».

Умение соединять реальное, сказочное и фантастическое, позволять им взаимодействовать и использовать тогда, когда это требует ситуация, ещё одно особое умение Крапивина. Меня часто спрашивают, какую из крапивинских книг я могла бы назвать любимой. И каждый раз я бываю в растерянности. Хочется назвать что-то из раннего, реалистического — «Та сторона...», «Оруженосец Кашка», обязательно всплывают «Трое с площади Карронад», а как же «Голубятня...», — начинаю я переживать, — и «Застава...» с «Гусями...», а уж «Оранжевый портрет с крапинками» можно было бы назвать первым, и где же тогда найти в этом ряду место для «Тополиной рубашки»? В этот момент спрашивающие обычно начинают смеяться. А я сразу вспоминаю ответ писателя на мой настойчивый вопрос о том, какая из его книг ему всего ближе. Сначала он сердито проворчал, что задавать такие вопросы, что многодетного отца спрашивать, какой ребёнок ему дороже. А потом подумал немного, поулыбался и сказал, что, пожалуй, всё-таки «Оранжевый портрет...».

В своих интервью писатель говорит: «Я для себя никогда не разделял фантастику и «традиционную» прозу. Мало того, они у меня часто переплетаются, и ни от каких приёмов я отказываться не хочу. Выбираю то, что мне более подходит для изложения задуманного сюжета, а фантастика и реальность там дозируются уже автоматически... Первая фантастическая вещь появилась у меня, когда я только начинал. С тех пор реалистичные вещи и фантастика идут параллельно». И ещё: «...Я никогда не старался писать фантастику ради фантастики. У меня фантастика получалась тогда, когда моим героям становилось тесно в трёхмерном, обыденном пространстве. Я придумывал всякие миры и планеты, чтобы расширить сцену действия для героев. Чтобы они могли реализовать себя более ярко и полно, чем в рамках нынешней жизни...»

«Строго говоря, провести четкую границу между произве-

дениями «фантастическими» и «нефантастическими» у Крапивина вряд ли возможно, — читаем в статье Максима Борисова «Тревожные сказки». — В любой реалистической крапивинской повести можно отыскать элементы сказки и ребячьей фантазии, а любой роман о Великом Кристалле или примыкающий к этому циклу можно счесть «всего лишь» превосходным, психологически точным описанием ярких снов и детских мечтаний. Сказки Крапивина фантастичны, а фантастика сказочна».

Этим словам была прекрасная иллюстрация в доме Крапивина — особый глобус. Одна его половина представляла мир реалистических произведений, другая — сказочных и фантастических. И только вращая глобус, можно было ощутить, что нет границ между этими мирами.

Чтобы была сказка, говорит Крапивин, в неё нужно верить, «сказка тем и хороша, что даёт возможность хотя бы на своих страницах восторжествовать добру. Ну, и этим хоть немного помочь добру в окружающей нас жизни...» Помните, в песне — «Детям сказка нужна, чтобы стали бесстрашными...»?

В конечном счёте, всё у Крапивина для того, чтобы дети были бесстрашными и счастливыми, чтобы они не страдали от одиночества, чтобы злая сила или воля взрослых не лишала их радости жизни. Он не просто видит и описывает проблемы, с которыми сталкиваются дети в жизни, он ищет вместе с героями и читателями пути выхода из, казалось, безвыходных ситуаций. И находит их, пусть цена решения бывает и очень горькой. Крапивин не предлагает готовых решений или рецептов. Всё зависит от каждого из нас, говорит он своим творчеством, и наша собственная судьба и судьбы мира. Главное, он призывает к активности, действию и не оставляет своих героев одних.

В книгах Владислава Крапивина есть люди, для которых защита детей и детства становится делом их жизни. Командоры хранят детей в фантастических мирах, но также они нужны и в реальном мире, который не менее жесток к детям. В его книгах можно увидеть метод, путь действия, говорят многие из тех, кто сегодня занимается защитой прав детей и социальной помощью нуждающимся. А кое-кто и пришёл в эту отрасль благодаря книгам писателя, его Командорам и Хранителям. И в этом особая социальная значимость его творчества.

Цикл «В глубине Великого Кристалла» и примыкающие к нему произведения вызывают, пожалуй, наибольшее число вопросов у поклонников творчества Крапивина. Традиционные темы и идеи звучат здесь на совершенно новом уровне, как философском, так и эмоциональном. Как устроен мир по Крапивину, по каким законам он развивается, что имел или имеет в виду писатель в тех или иных ситуациях, насколько реальны его фантазии и фантастична реальность происходящих с героями событий? Какие научные теории подтверждают гипотезу о Великом Кристалле, можно ли сделать «бормотунчика», как осуществить Прямой переход, что происходит с «ветерками», как сделать рубашку из тополиного пуха и можно ли надеяться, что лето вовсе не закончится?

Сколько раз я задавала эти и массу других вопросов писателю от имени читателей. Иногда мне казалось, что они (читатели) пытаются вникнуть в такие детали, о которых сам писатель и не думал вовсе. Тут, похоже, начинают действовать особые законы взаимодействия писателя и читателей. На вопрос «Насколько Вы верите в реалии и события из цикла о Великом Кристалле? Или это сплошь выдумка?» Крапивин ответил, что считает события и мир героев вполне реальным. А свою космическую теорию считает не хуже остальных, при этом он ссылается на игры с кольцом Мёбиуса и плоскими многогранниками, которые всячески перекручивает.

«Как Вы считаете, не создаёт ли союз «автор — читатель» новых миров?» — спросили однажды Крапивина. «Естественно, создает, — ответил он, — и такой мир возникает. Писатель пишет, читатель воспроизводит прочитанное в своем сознании, и при удачном сочетании, взаимопонимании автора и читателя действительно возникает новый мир. Вопрос о степени его реальности — это вопрос для долгого изучения философами, психологами... может быть, физиками...»

В реальном, сказочном и фантастическом мире Крапивина есть понятие *Дороги, Города, Безлюдных пространств*.

«Функция *Дороги* абсолютна и милосердна, это последний шанс всякой живой души найти того, кого потерял, что-то исправить, а что не сделал — доделать», — сказал он в своём интервью двум ребятам, прибывшим к нему из Петербурга автостопом. Для них, так же как и для самого Крапивина, *Дорога* в их жизни — «это какая-то отдельная вселенная, особый мир

со своей аурой, со своими законами, со своими прелестями, своеобразием, традициями».

Город Крапивина — особый персонаж, придуманный или реальный, его можно узнать и вспомнить, разглядеть, словно из своего детства или собственного сна. «...Иногда мне просто лень записывать, как *Город* возникает в моих снах в совершенно разных вариантах. Он может представлять в разных обликах: быть Москвой, Питером, Тюменью, Севастополем...» — говорит писатель.

Наверное, каждый из нас, читателей, чувствует и распознаёт этот *Город* по-своему. Мне не пришлось бывать в Тюмени, но узнавание Севастополя, сказочно красивого, доброго и прекрасного, хоть и не названного во многих крапивинских вещах, приносит радость возвращения и в моё собственное детство. Сколькоким людям подарил Крапивин этот город, и когда делал его героем своих книг, и когда впервые привозил ребят из «Каравеллы» к морю.

Одна из граней Кристалла — *Безлюдные пространства*, в которых реальность перемешалась со сказкой, а у героев писателя появляется возможность уйти от зла, ненависти, несправедливости и безысходности окружающей действительности. Явление Безлюдных пространств, на мой взгляд, не только свидетельство сложного периода жизни общества, но и желание автора вывести своих героев из того мира, который он сам сегодня не в силах изменить к лучшему. «Безлюдные пространства — это не пространства, в которых нет людей. Это просто места, уставшие от человеческой злобы, от ненависти, переполнившей все вокруг», — писал Дмитрий Байкалов. «Идея Безлюдных пространств — это не «отрыв», а разрыв с действительностью», — считает Евгений Савин, но верит в то, что «герои вернутся из Безлюдных пространств в мир людей. И будут жить в этом мире, мире людей...».

В самых сложных, а часто и трагических ситуациях Крапивин оставляет читателям возможность выбора пути для героев, самостоятельного определения их будущего: «То, что я оставляю читателям право окончательно решать, что же было на самом деле, — это я тоже делаю сознательно». При этом он даёт не только надежду читателю на счастливый конец, хоть сам их (счастливых концов) также сознательно избегает, но и воз-

возможность на это будущее влиять — своим отношением, своими поступками, своей жизнью.

Воспоминания Крапивина Борис Тараканов называет «богатым и с безупречным вкусом инкрустированным памятником собственному Детству. Можно подойти близко и рассмотреть многочисленные детали, а можно сделать шаг назад и попытаться охватить сразу всё». В воспоминаниях писателя реальность, сны и фантазии переплетаются столь же явно, как и в остальных произведениях. «Всё, что помнится — было!» — объясняет Крапивин. И дарит нам тепло своего детства, хоть оно и пришлось на страшные годы войны и первых послевоенных лет, делится с нами своей особой любовью к маме, первой влюблённостью, болью и радостями своей жизни, встречами и утратами, страхами и сомнениями, а также тем, как сам учился их преодолевать. Только безгранично уважая своего читателя, доверяя ему, можно открывать дверь в своё прошлое. Крапивин делает это для нас.

«Наверно, немногие из современных детских писателей могут похвастать такой же широкой и преданной читательской аудиторией, какую имеет сегодня Владислав Крапивин. Однако едва ли еще кому-нибудь из этих немногих приходится столь часто, как Крапивину, сталкиваться с настороженным, опасливым, а то и вовсе отрицательным отношением критики (впрочем, вернее будет сказать: какой-то части критики) к своему творчеству», — написали в журнале «Урал» перед публикацией одной из критических статей. Валентин Лукьянин объясняет это тем, что «читатели — «нормальные» читатели — просто читают, а критики вычитывают. Вычитывают то, что им — в силу каких-то особенностей их склада ума или опыта — хотелось бы видеть в сочинениях писателя».

«...Я не воспринимаю критику конструктивно, — говорит Крапивин, — потому что всегда отвечаю за то, что написал».

Оставим критикам и исследователям творчества возможность «вычитывать», анализировать, сопоставлять, оценивать и комментировать. Это чрезвычайно интересно и полезно как писателю, так и нам, читателям.

«Мир гораздо шире, глубже, таинственнее, чем кажется на первый взгляд, мы должны стараться как можно больше постигать его, открывать, разгадывать какие-то тайны...» — говорит Крапивин.

Давайте делать это вместе с ним. Давайте его читать! И не просто, а со счастьем, как это делает моя коллега из Японии: «Читаю с удовольствием... не могу оторваться... Крапивина читаю я, как дети, лёжа на диване, быстро, со счастьем...»

И в заключение — случай из жизни. На абонементе Детской библиотеки в Петербурге. Август 2003 года. Читатель-пятиклассник сдаёт прочитанные книги. Среди них — две «страшилки» Стайна, один из Гарри Поттеров и «Мальчик со шпагой». На мой вопрос, что понравилось больше всего, улыбаясь, вытаскивает Крапивина. Я счастлива!

Август 2003 года, Санкт-Петербург.

* * *

Итак, следует напомнить, что вначале издательство было далеко от мысли выпускать полное Собрание сочинений. Главное — фантастика. Этим и объясняется некоторая «пестрота» и кажущаяся нелогичность в формировании и порядке выпуска отдельных томов. (Они, кстати, не пронумерованы, и лишь по списку в начале каждой книги, где указаны все ранее вышедшие тома, можно установить последовательность выпуска издания.) Но вскоре появились соображения, что прекращать публикации нет смысла. Во-первых, как отличить фантастику от «реалистического жанра» (взять хотя бы романы «Бабушкин внук и его братья» и «Давно закончилась осада...»)? Во-вторых, отчего не печатать, если у читателей это находит интерес? Вот и пошло... И кончилось данным томом, с комментариями.

Оказалось, что без комментариев никуда не деться, раз уж получилось полное Собрание. Такие собрания всегда нуждаются в некоторых пояснениях и толкованиях. Пришлось помещать их и здесь (в чем-то используя материалы 30-томника, а что-то дописывая, меняя и уточняя).

Прежде чем перейти к рассмотрению каждого тома, следует заметить вот что. Тома не пронумерованы (это уже говорится) и составлены по стихийно возникшему принципу «сначала фантастика, потом все остальное, а дальше — то, что написано совсем недавно». В таком принципе можно найти свою логику. Но в нем нет последовательности ни в хронологии произведений, ни в тематике, ни учета «разновозрастно-

сти» читателей. (Как, впрочем, не было и в прежних собраниях.) Но сейчас, когда все тома выстроились на полках, невольно возникает желание расставить их не по очередности выхода, а с учетом сроков написания всех вещей: самые ранние — в начале, потом вещи 70-х, 80-х гг. и так далее.

Конечно, полного порядка здесь все равно не добиться, поскольку в одном томе иногда оказываются вещи очень разных лет (да и циклы разбивать нельзя), но все-таки автор попытался. Для себя. А читателям предлагает решить вопрос о порядке самим — в соответствии со своим вкусом и расчетами. (Опять же есть смысл напомнить — цифр на корешках и внутри книг нет.) А что касается комментариев к каждому тому, то здесь они расположены все же в той последовательности, в какой выходили книга за книгой.

Получается вот так...

Книга 1

ЛЕТЧИК ДЛЯ ОСОБЫХ ПОРУЧЕНИЙ

Старый дом. Рассказ.

Баркентина с именем звезды. Маленькая повесть.

Летчик для Особых Поручений. Повесть.

Ковер-самолет. Повесть.

Дети синего фламинго. Повесть.

Возвращение клипера «Кречет». Повесть.

В книгу вошли повести, которые в прежних публикациях объединялись в цикл «Летящие сказки» или «Сказки о парусах и крыльях». Их объединяет тема волшебных полетов, парусов и влюбленности юных героев в море.

СТАРЫЙ ДОМ

Первая публикация в журнале «Урал», 1970 г., № 6.

БАРКЕНТИНА С ИМЕНЕМ ЗВЕЗДЫ

Эта маленькая повесть-сказка написана автором после его поездки с отрядом «Каравелла» в Ригу, на детскую морскую игру «Нептун Балтийского моря». Там ребята и автор побыва-

ли на баркентине «Капелла», которую местные власти собирались сделать плавучим рестораном.

Своей повестью автор как бы предсказал судьбу другой баркентины — «Кропоткин», — которую превратили в ресторан в Севастополе и которая по неизвестной причине сгорела в конце восьмидесятых годов. Кроме того, автор слышал историю, что несколько мальчишек в Ленинграде пытались угнать и затопить баркентину «Сириус», чтобы спасти ее от ресторанной участи. Однако в дальнейшем найти подтверждений такого факта он не мог, так что, возможно, это лишь легенда (которую автор использовал в другой повести — «Трое с площади Карронад»).

Первая публикация — журнал «Уральский следопыт», 1971 г., № 4.

ЛЕТЧИК ДЛЯ ОСОБЫХ ПОРУЧЕНИЙ

Первая публикация — журнал «Уральский следопыт», 1973 г., №№ 11—12. Рисунки Е.И. Стерлиговой. Здесь она впервые проиллюстрировала автора, и с этого момента началось их долгое сотрудничество.

КОВЕР-САМОЛЕТ

На встречах с читателями автор не раз говорил, что в этой повести всё — абсолютная реальность, кроме самого ковра. «Но я в детстве так часто летал во сне, что и полёты, о которых рассказано в повести, кажутся мне случившимися на самом деле».

Первая публикация — в журнале «Пионер», 1976, №№ 7—10. К сожалению, текст был там испорчен сокращениями, необходимость которых редакция так и не смогла объяснить.

Автор посвятил повесть своему сыну Павлику, который в те годы был барабанщиком отряда «Каравелла».

ДЕТИ СИНЕГО ФЛАМИНГО

Первая публикация в журнале «Уральский следопыт», 1981 г., №№ 1—3. За эту повесть автору в 1983 году была присуждена премия «Уральского следопыта» и Союза писателей РСФСР — «Аэлита».

ВОЗВРАЩЕНИЕ КЛИПЕРА «КРЕЧЕТ»

Здесь впервые появились рожденные фантазией автора персонажи — корабельные гномы, которые потом давали о себе знать и в других книгах В.Крапивина. Первая публикация — в журнале «Аврора» (г. Ленинград), в 1984 г., №№ 8—10.

Книга 2

ДЫРЧАТАЯ ЛУНА

Дырчатая Луна. Повесть (в «Содержании» ошибочно названа рассказом).

Самолет по имени Сережка. Повесть.

Лето кончится не скоро. Повесть.

Взрыв Генерального штаба. Повесть.

Здесь — повести, так или иначе связанные с темой «Безлюдных пространств».

ДЫРЧАТАЯ ЛУНА

Первая публикация — в книге «Тополиная рубашка», изд. «Нижкнига», Н.-Новгород, 1994 г. (была и журнальная публикация, но позже: «Костер», 1995 г., №№ 1—3. В отличие от книжного варианта текст в журнале разбит на три части: «Бухта, о Которой Никто Не знает», «Солнечное затмение», «Кузнечик Велька»).

САМОЛЕТ ПО ИМЕНИ СЕРЕЖКА

Автор посвятил эту сказку памяти старшего брата, с которым у него было много связано в жизни.

Первая публикация — в книге «Тополиная рубашка», изд. «Нижкнига», 1994 г. Повесть должна была печататься в еженедельной газете «Честное слово» (1994 г., № 7—8). Редакция набрала текст, отдав ему большую часть номера. Но из-за финансовых трудностей тираж увидел свет только в 1997 году. Он бесплатно распространялся юнкорами «Каравеллы» на городском летнем празднике.

ЛЕТО КОНЧИТСЯ НЕ СКОРО

Первая публикация — журнал «Уральский следопыт», 1995, №№ 3—4 и 5—6.

ВЗРЫВ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА

Сокращенный вариант напечатан в «Пионерской правде» в 1996 году, с 28 июня в течение ряда номеров.

Полный вариант — в «Уральском следопыте» в 1997 году, №7.

Книга 3

ЛУЖАЙКИ, ГДЕ ПЛЯШУТ СКВОРЕЧНИКИ

Полосатый жираф Алик. Повесть.

Лужайки, где пляшут скворечники. Роман.

Бабушкин внук и его братья. Роман.

«Безлюдные пространства», так же как и в предыдущем томе, являются темой, объединяющей все произведения, помещенные в эту книгу.

ПОЛОСАТЫЙ ЖИРАФ АЛИК

Повесть написана в августе 1998 года. Сюжет ее возник у автора под впечатлением сообщений о детях, которые гибнут в современных военных конфликтах. Впервые напечатана под названием «Трава для астероидов» в московском журнале «Если» в мартовском номере 1999 г.

ЛУЖАЙКИ, ГДЕ ПЛЯШУТ СКВОРЕЧНИКИ

Роман, законченный в 1999 году, тоже входит в цикл о Безлюдных пространствах. Он опубликован в четырех номерах «Уральского следопыта» — №№ 11 и 12 за 1999 год и №№ 1 и 2 за 2000 год. Замысел романа появился еще в начале 90-х годов. Автор делился им со своим другом Виталием Ивановичем Бугровым, который заведовал отделом фантастики в «Уральском следопыте». В.Бугров одобрял идеи автора и торопил с

написанием, обещая напечатать роман как можно скорее. Но, к сожалению, не успел...

По непонятной причине в данной публикации исчезло посвящение, которым открывается роман. Там сказано: *«Памяти Виталия Бугрова, который лучше всех понимал, что нет никакой фантастики, а есть просто жизнь».*

БАБУШКИН ВНУК И ЕГО БРАТЯ

Сюжет романа подсказан событиями из непростой жизни современных школьников. В этом произведении автор в свойственной ему манере сплел нынешнюю драматическую реальность с фантастикой многомерной вселенной и мистикой Безлюдных пространств. Однако реальности в нем не в пример больше, чем фантастики. Это попытка взглянуть на сегодняшнюю действительность глазами мальчика-шестиклассника, остроенно переживающего жестокие события наших дней.

Первая публикация — журнал «Урал», 1997 г., № 1 и № 2.

Книга 4

ПОРТФЕЛЬ КАПИТАНА РУМБА

Портфель капитана Румба. Роман.

«Я больше не буду», или Пистолет капитана Сундуккера.

Повесть.

«Чоки-чок», или Рыцарь Прозрачного Кота. Повесть.

Роман о капитане Румбе и повесть о капитане Сундуккере представляют своеобразную дилогию и раньше печатались под общим названием «Сказки капитанов». Да и «Чоки-чок...» не чужд корабельной тематике.

ПОРТФЕЛЬ КАПИТАНА РУМБА

История создания этого романа для «детей школьного, полешкошкольного и пенсионного возраста» достаточно подробно изложена в предисловии.

С публикациями роману не везло. В 1991 году его (со многими опечатками) опубликовал «Пионер» (№№ 7—12; кстати, это была последняя крупная публикация автора в «Пионере»), а книжные издания срывались одно за другим — наступили трудные для издателей времена.

Один частный предприниматель затеял печатать «Румба» отдельными выпусками (с иллюстрациями Е. Пинаева), но сил хватило лишь на одну брошюру из четырех. Положение поправило издательство «Нижкнига», напечатав роман в книге «Тень Каравеллы» в 1994 г. (хотя и здесь не обошлось без опечаток). Затем роман трижды выходил в издательстве «Центрполиграф». Первый раз — в 1999 году — книга «Сказки капитанов», серия «Классическая библиотека сказочных приключений».

Получив экземпляр этого выпуска, автор загрузил при виде иллюстраций. И настоял, чтобы в дальнейшем использовались рисунки Е. И. Пинаева, давно проиллюстрировавшего роман с полным знанием дела. Издательство согласилось. Но зато, печатая «Портфель...» в собрании сочинений, в подзаголовке «Роман для детей школьного, полешкошкольного и пенсионного возраста» первое прилагательное заменило словом «дошкольного». С какой стати и зачем, выяснить не удалось. Перед очередным переизданием автор много раз напоминал редактору, чтобы убрали это «новшество». Редактор согласился, и... многострадальный роман вышел в тот раз вообще без подзаголовка.

Зато в данном томе обошлось без потерь.

«Я БОЛЬШЕ НЕ БУДУ»,

ИЛИ ПИСТОЛЕТ КАПИТАНА СУНДУККЕРА

Эту повесть автор посвятил своему другу — Захару Абрамовичу Липшицу, с которым познакомился в Риге, при посещении учебной шхуны «Кодор», где З.Липшиц был в ту пору вторым штурманом. С той поры дружба З.Липшица (ставшего впоследствии капитаном больших торговых судов) с автором и отрядом «Каравелла» не прерывалась.

Первая публикация: «Уральский следопыт», 1996 г., № 1, № 2 и № 3—6.

«ЧОКИ-ЧОК»,
ИЛИ РЫЦАРЬ ПРОЗРАЧНОГО КОТА

Первая публикация: журнал «Урал», 1992 г., № 11 (спецвыпуск: номер целиком отдан этой повести. Название в журнале: «Чоки-чок... Приключения в стране, которая рядом»). Ввиду большой спешки с изданием автор вынужден был сам делать иллюстрации к этой сказке (времени была всего неделя), о чем журнал, кстати, забыл сообщить.

Книга 5

ГОЛУБЯТНЯ НА ЖЕЛТОЙ ПОЛЯНЕ

Я иду встречать брата. Маленькая повесть.
Голубятня на желтой поляне. Роман-трилогия.
Серебристое дерево с поющим котом. Повесть.

Произведения, объединенные космической темой и стремлением преодолеть ради человеческой дружбы непомерные галактические расстояния и время. Кое-где в этих вещах можно увидеть подступы к идее «Великого Кристалла».

Я ИДУ ВСТРЕЧАТЬ БРАТА

Это одно из первых фантастических произведений автора (раньше был только рассказ «Имени погибших», много лет пролежавший в архиве).

Несмотря на давнюю любовь к фантастике, автор в центр своих произведений этого жанра никогда не ставил экзотику придуманных миров и приключенческие коллизии межзвездных путешествий. С самого начала его интересовали (как и в произведениях реалистических жанров) человеческие отношения. Фантастику автор выбирал для своих книг в том случае, когда для более полного воплощения замысла нужно было расширить во времени и пространстве сцену действия и сделать более разнообразными способности своих героев. В повести «Я иду встречать брата» автора волновала тема детского одиночества и возможности его преодоления.

Написанную повесть-малютку автор долго не решался ни-

кому показывать, считая ее слабой и ученической. Наконец показал в «Уральском следопыте» и удивился, когда ее взяли. Еще больше удивился, когда повесть начали печатать в разных сборниках и даже переводить на иностранные языки. И, видимо, от удивления потом не брался за фантастику девять лет, до 1970 года.

Первая публикация: «Уральский следопыт», 1962 г., № 8.

ГОЛУБЯТНЯ НА ЖЕЛТОЙ ПОЛЯНЕ

Эта трилогия появлялась на свет постепенно.

Первая книга, «Голубятня на желтой поляне», была задумана благодаря сну. Автору приснился мальчишка, неизвестно откуда взявшийся внутри летящего в пустом космосе звездолета. А потом — дверь, ведущая на солнечную поляну. Этого хватило для «раскрутки» сюжета...

Вторая книга — «Праздник лета в Старогорске» — сначала задумывалась как самостоятельная повесть, и лишь в процессе работы появились точки соприкосновения с «Голубятней».

Прочитав обе повести, друг автора Евгений Иванович Пинаев — моряк, художник и писатель — сказал, что они неплохи сами по себе, но после прочтения остается ощущение незавершенности и нужна третья книга, чтобы расставить точки над «i».

Автор внял совету.

Первые публикации:

Книга первая. «Голубятня на желтой поляне» — «Уральский следопыт», 1983 г., №№ 3—5. (В книжных публикациях эта повесть получила название «Голубятня в Орехове», уступив старое наименование для всей трилогии.)

Книга вторая. «Праздник лета в Старогорске» — «Уральский следопыт», 1984 г., №№ 1 и 2.

Книга третья. «Мальчик и ящерка» — «Уральский следопыт», №№ 1 и 2.

За трилогию «Голубятня на желтой поляне» автор получил от «Уральского следопыта» литературную премию. Это дере-

вянный скульптурный портрет автора в бескозырке с надписью «Каравелла», работа мастера-резчика И. Лизуро. Портрет шаржирован, но сходство явное, не отопрешься.

СЕРЕБРИСТОЕ ДЕРЕВО С ПОЮЩИМ КОТОМ

Сокращенный вариант («страницы из повести») был напечатан в «Пионерской правде» в конце 1992-го и в начале 1993 г. Полностью впервые — в ежемесячной детской газете «Честное слово» (г. Екатеринбург) в течение всего 1993 года.

Книга 6

В НОЧЬ БОЛЬШОГО ПРИЛИВА

В ночь большого прилива. Трилогия. (В «Содержании» ошибочно названа повестью.)

Выстрел с монитора. Повесть.

Гуси-гуси, га-га-га... Повесть.

Застава на Якорном поле. Повесть.

В этом томе начинается цикл «В глубине Великого Кристалла». Правда, помещенная в начале книги трилогия имеет к этому циклу лишь косвенное отношение, но и она соединена с ним кое-какими сюжетными ссылками и персонажами. Кстати, под названием ошибочно поставлен подзаголовок «Повесть», хотя следует — «Трилогия».

В НОЧЬ БОЛЬШОГО ПРИЛИВА

Далекие горнисты. Рассказ.

Начинается рассказ словами: «Это просто сон...» И в самом деле, это был сон (не правда ли, есть переключка с «Голубятней...»?). Автор увидел во сне всю историю трех мальчишек, их приключения в старинном городе, старый дом, поединок с железным змеем. Осталось подвергнуть все увиденное легкой литературной огранке и перенести события и настроение сна на бумагу.

Любопытно, что журнал «Пионер» более полугода не решился напечатать этот рассказ, усматривая в нем какую-то

«непонятность» (то ли излишнюю мистику, то ли «размытость социальных позиций»). Напечатали после того, как автор сказал: «Или ставьте в номер, или давайте прощаться».

Интересен и такой факт. Через 22 года редакция обратилась к автору за разрешением напечатать «Далеких горнистов» снова. Объяснили, что журнал решил снова публиковать «лучшие вещи», напечатанные в давние времена, — чтобы знакомить с ними нынешних читателей. Судя по всему, за два с лишним десятилетия вкусы редакции претерпели изменения (впрочем, многое претерпело: и состав сотрудников, и тираж, и размеры). И рассказ вновь напечатали в № 5 за 2002 год. С громким подзаголовком «Повесть».

Первая публикация: «Пионер», 1970 г., № 1.

В ночь большого прилива. Вторая часть трилогии, повесть.

Было так, как сказано в начале повести: «Я не виноват, я не хотел этого...» Автор действительно не думал возвращаться к героям рассказа «Далекие горнисты». Но они в течение нескольких лет (пока писались многие другие вещи) «не отпускали» его. И пришлось браться за продолжение. Оно разрослось, и получилась трилогия.

Повесть «*В ночь большого прилива*» впервые напечатана в «Уральском следопыте» в 1977 году, в № 12.

Третья часть — «*Вечный жемчуг*» — в «Уральском следопыте» в № 9 за 1978 год.

С повести «*Выстрел с монитора*» — начинается цикл «В глубине Великого Кристалла».

Речь идет об *исзначальном* цикле, состоящем из семи повестей, связанных общими героями и сюжетными коллизиями. Иногда читатели (а порой и редакторы) склонны включать в цикл о Кристалле другие произведения — по признакам общей тематики.

Мысль о кристаллическом строении Вселенной (где каждая грань кристалла к тому же является многомерным пространством и все эти грани могут соединяться между собой) появилась у автора после экспериментов с кольцом Мёбиуса, а затем с вытянутыми пластилиновыми многогранниками,

которые он разными способами замыкал в кольца. Но, разумеется, гипотеза о Великом Кристалле послужила лишь фоном для развития сюжетов разных повестей этого цикла. Главная же тема — та, что беспокоила автора и раньше: судьбы детей и ответственность за них взрослых (отсюда — идея командорства).

Первые пять повестей изначального (от «Выстрела...» до «Белого шарика...») цикла сразу были задуманы как целостное произведение, и автор последовательно работал над ними, как над единой книгой. Чуть позже возникли мысли про «Лощман», затем — про «Сказки о рыбаках и рыбках».

Первая публикация «Выстрела с монитора» — «Пионер», 1988 г., №№ 10—12.

«Гуси-гуси, га-га-га...» Впервые повесть напечатана в журнале «Урал», 1989 г., №№ 8 и 9. Была отмечена в числе лучших публикаций года.

Застава на Якорном поле. Впервые — в журнале «Пионер», 1989 г. №№ 10—12 и 1990 г., №№ 1 и 2.

Книга 7

СКАЗКИ О РЫБАКАХ И РЫБКАХ

Крик петуха. Повесть.

Белый шарик Матроса Вильсона. Повесть.

Сказки о рыбаках и рыбках. Повесть.

Эта книга — продолжение цикла «В глубине Великого Кристалла».

КРИК ПЕТУХА

Впервые — в журнале «Уральский следопыт», 1990 г., №№ 8—10.

БЕЛЫЙ ШАРИК МАТРОСА ВИЛЬСОНА

Первая публикация — «Уральский следопыт», 1991 г., №№ 6—8.

Следует заметить, что, вставляя «Белый шарик Матроса Вильсона» в данный том, издательство каким-то образом утеряло его эпилог. Слова, сказанные в адрес редакции, автор здесь помещать не хочет (тем более что извинения были принесены, а виновники события наказаны). А утерянные страницы, исходя из интересов читателей, считает необходимым поместить. Итак...

* * *

ЭПИЛОГ

ДРЕМЛЮЩИЙ МАЛЬЧИК

1

Академик Я.М. Скицын. Из некролога. «Академический вестник», № 4123/2, стр. 114.

«...старейшего ученого с мировым именем, на трудах которого воспитаны несколько поколений исследователей Вселенной, известных своим нестандартным подходом к решению проблем темпоральных эффектов и взаимодействия совмещенных пространств.

Начало биографии Якова Матвеевича Скицына лежит в тех временах, которые большинству из нас представляются глубокой историей. Он родился перед Второй мировой войной, во время войны потерял родителей, беспризорничал, был усыновлен жительницей сибирского города Турени, а после ее смерти жил в семье Скицыных, где нашел себе названного брата и будущего многолетнего соратника. Со Станиславом Матвеевичем Скицыным создал ряд научных трудов: «Локальность темпоральных колец», «Диалектика гипотез кристаллического строения Вселенной» и др. Сотрудничество это в известной мере имело место и в сфере общественной деятельности, когда С.М. Скицын активно поддерживал движение по защите Детства, именуемое в некоторых областях совмещенных граней «командорским». Совместная деятельность Я. М. и С. М. Скицыных продолжалась до момента, когда С. М. Скицын, вопреки мнению академического большинства, организовал и возглавил экспедицию «Кольцо-антивектор» на экспериментальном межпространственном катамаране «Дабл-

стар» под командованием капитана В. Е. Пантюхина (как известно, «Даблстар» не вернулся, и судьба экспедиции до сих пор не выяснена).

Возможно, именно горячая и порой выходящая за рамки академических отношений поддержка этой экспедиции Я.М. Скицыным осложнила на долгие годы его отношения с бывшим руководством Академии и затруднила его научную деятельность. Да и неординарный подход к решению ряда философских проблем в определенные годы не мог не служить тормозом для полноценной работы ученого. Такие труды, как «Многослышность Времени», «Антивектор. Влияние будущего на прошлое», встречались тогдашней официальной наукой в штывы. И даже теперь, в пору новых подходов к проблемам Мироздания и осознания всеобщей неоднозначности Бытия, мы не можем до конца оценить вклад Якова Матвеевича Скицына в решение глобальных проблем Пространства и Времени. Его главные труды ждут еще своих исследователей, они помогут нам по-новому подойти к решению вопросов, которые до недавней поры казались неразрешимыми.

И это значит, что Я.М. Скицын будет современником еще многих поколений».

В конце августа, вечером, в комнате Михаила Скицына собрались: Витька Мохов — внук директора обсерватории «Сфера», его лучший друг Цезарь из города Реттерберга, четвероклассник Филипп Кукушкин из поселка Лугового, Матвей Радомир, по прозвищу Ежики, и Ярик — жители Полуострова, а еще — юный владетель княжества Юр-Танка-пал и маленький Юкки, который наконец осел в этом княжестве и стал командиром мальчишек-грубачей.

Сидели на диване, на столе и на подоконнике. Необычно спокойные, притихшие. Михаил только сегодня вернулся из Ветрогорска, он жил там несколько дней после похорон прадеда.

... — Да ерунду говорят, что он болел, — сказал Михаил. — Он работал до последнего дня. Еще утром модель Большого Маятника отлаживал. А вечером вдруг лег и сказал: «Ну, братцы, пора. Надо отправляться искать Вильсона...» Ну и... будто уснул. Сперва никто и не понял даже...

Мальчишки молчали. Только простуженный Филипп осто-

рожно посапывал и вытирал разноцветным ситцевым рукавом нос. Да маленький командор Цезарь Лот покачивал медной пуговицей на шнурке, постукивал о пластик подоконника.

— Странная там еще вышла история, — задумчиво сказал Михаил. — Прочитали в завещании, что хочет Яков Матвеевич необычный памятник. Мол, в детстве, в Турени, была в заброшенном парке скульптура — дремлющий мальчик. Видимо, работа какого-то старого мастера, может быть даже итальянца. В старину купцы, любители искусства, завозили такие редкости в самые глухие города... Он даже фотографию приложил, вот...

Пошел по рукам старинный, плоский, нецветной снимок с надломленным уголком. На фоне кустов и полуразрушенной кирпичной стены с церковным окном белел сидящий на низком постаменте мраморный мальчик с растрепанными локонами. Он сидел, поджав ногу, опирался о постамент одной рукой, а другую поставил локтем на колено и подпер голову ладонью. Словно в самом деле задремал, выйдя из воды после купанья и пригревшись на теплом прибрежном песке... Сбоку стояли двое мальчишек — настоящие. В просторных перекошенных трусах, обвисших майках, босые и серьезные. Они держали воздушный змей из газеты, на которой, приглядевшись, можно было разобрать заголовок «Туренская правда».

— Вот этот, лохматый, как Филипп, и есть прадед, — вздохнул Михаил. — А второй — друг Вильсон. Стасик... Здесь, у этого мраморного пацана, они часто играли...

Юкки подержал карточку дольше других.

— Встречались, что ли? — шепотом спросил Ежики.

— Может быть...

Князь Юр-Танка потрогал на голой груди серебряный орех-амулет, сказал тихо и будто стесняясь:

— Ну, а что странного? Ну захотел такой памятник...

— Да в том, что захотел, ничего...

Стереографом взяли со снимка форму, рассчитали, сделали матрицу в натуральную величину, отлили из зернистого пластика — по виду и по весу совсем как мрамор. Укрепили на плите. Все потом разошлись, а мы с Володей Рябцевым, тамошним аспирантом, задержались еще, выпили, по правде говоря, маленько, у него фляжка была... А наутро он ко мне заходит. «Слушай, — говорит, — я вчера там, кажется, карман-

ный нейроблок от институтского «Кентавра» посеял, без него — как слепой. Пойдем поищем...» Ну, пошли. Блок-то увидели сразу, а... мальчишки нет.

— Как нет? — удивился Филипп Кукушкин. — Совсем?

— Да. Голая плита...

— Украли, что ли? — сказал простодушный Ярик.

— Боже ж мой, кому он нужен? Добро бы мрамор, подлинник, а то ведь... Ну, конечно, отольют другой, да как-то... необъяснимо это.

Все молчали. Шутить на эту тему было неловко, а всерьез что скажешь?

Наконец Витька напряженным голосом произнес:

— Мало ли чего необъяснимого бывает. Недавно Филипп опять в Башне на Большом Маятнике болтался, как на качелях. А сверху вдруг голос: «Долго ты будешь, обормот, мочалить Меридиан?»

— Не ври, — сказал Филипп. — Не было голоса.

— Не было, так будет... А три дня назад, Миша, «Я-тридцать семь» зажглась опять! Тебе еще не сказали?

— Яшка зажглась?

— Ага... Хроноскопом взят сигнал. Значит, только что.

— Батюшки-светы, — сказал Михаил. — Велика ты еси, мать-природа, и все мы слепы пред тайны твоя... А может, это не она? Не он?..

— Координаты-то в самой точке. Хоть булавку втыкай... Правда, показатель яркости переменный, зубцы на графике...

— Может быть, двойная звезда получилась? — вдруг негромко спросил Юр-Танка. — Они, двойные-то, всегда мерцают...

— Не знаю. Там преобразователь опять барахлит, потому что Зиночка Куггель дежурила, не следила толком. Не пускал бы ты ее, Миша, у нее только женихи на уме...

— Зато она помогла вам перевести со старого языка «Историю города Реттерхальма», — напомнил Михаил.

Юкки повозился на подоконнике, подышал на свою серебряную трубу, потер ее подолом желтой форменной рубашки и сказал с сожалением:

— В этой «Истории» одна путаница и сочинительство... И не верьте вы, что мадам Валентина вырастила кристалл из какой-то звездной жемчужины. Девчонки играли, сестра Лотика, Вьюшка, порвала бусы, а мадам Валентина одну бусинку потом подобрала. Ну и вот...

Июль тысяча девятьсот сорок девятого года был душный, пропахший сухой полыньей и горячей пылью немощеных улиц. К ночи затягивало горизонты, и бесшумно зажигались над городом Туренью зарницы...

Мальчишки спустились по приставной лестнице с чердака, где у них было оборудовано «гнездо» для летних ночевок.

— Тише, а то Зяма опять увяжется...

Пробрались в огород, а оттуда в соседний двор — чтобы не огибать дом и чтобы не окликнули из окон: «Куда это вас на ночь глядя несет опять?» Перелезли через шаткий занозистый забор, и вот он, Банный лог. Знакомый до каждого камушка, до каждой ступеньки и все равно в сумерках немного сказочный. Такой, что разговаривать хочется шелестящим шепотом.

— Яш... а вдруг его там совсем нет?

— Куда он денется?

— Мало ли... Нашел кто-нибудь и уташил.

— А кому он нужен? Да и слухи пошли бы...

Стасик нерешительно вздохнул.

— Боишься все-таки? — спросил Яшка без подковырки, заботливо.

— Нет, — честно сказал Стасик. — То есть я боюсь, но только не темноты. Боюсь, что не найдем... Потому что я уже лазил один раз. И там его нету...

— Ты?! Один лазил?

— Не веришь?... Это в мае было, когда ты простудился и дома сидел. А я после школы...

— Один? — опять сказал Яшка. То ли с недоверием, то ли с обидой.

— Я нарочно. Надо же наконец... ну, когда-то перебороть в себе это... страх этот дурацкий.

— Переборол? — совсем тихо спросил Яшка.

— Ну... не знаю. Но лазил там долго, пока все спички не истратил. А толку-то! Все равно не нашел.

Яшка сказал снисходительно:

— Без меня и не найдешь. Там есть незаметный закуток, за ржавой переборкой, сразу не увидишь...

Зарницы иногда разгоняли желто-розовыми взмахами темноту, но сразу же она падала опять — еще более плотная: небо совсем затянуло. Но в этой темноте Банный лог не спал, жил

приглушенной вечерней жизнью. Неярко светились за листовой палисадников окошки, доносились оттуда тихие голоса. Шастали в лопухах коты. Где-то вперемежку с пружинным боем прокуковала в часах кукушка.

— Одиннадцать? — спросил Стасик.

— Ага...

— Вот как выйдет на крыльцо Полина Платоновна да как позовет опять: «Яшенька, Стасик! Вы уже легли? Спите?»

— А мы не отвечаем. Значит, спим... — хихикнул Яшка. — Хуже, если Зяма полезет на чердак. Завтра пристанет: «Где были? Опять от меня скрываете...»

— Ладно, может, пронесет. Мы же недолго. Только посмотрим, там он или нет. Правильно?

— Конечно. А вывезем завтра. У Петуха тележку попросим. А вытаскивать Вовка поможет, он хоть и маленький, а не болтливый...

— Ага... Яш! А куда его потом-то? На дворе держать, что ли?

— Не... Помнишь в Парке судостроителей разломанную церковь? Там совсем глухое место, и кирпичные выступы из земли торчат. Наверно, остатки столбов от ограды. Один — совсем как специальный постамент, низенький такой, широкий. Там и устроим. Кто увидит, решит, что так и надо, садовая скульптура... А на барже оставлять нельзя, ее скоро на металл пустят.

— С чего ты взял?

— Ну, подумай сам. Ее в этом году и так чуть разливом не снесло. Когда-то же надо убирать... Ну и вообще...

— Что?

— Жалко его как-то, хотя и каменный. Сидит один там, будто в тюрьме... А иногда кажется, что его и вовсе на свете нет. И значит, вообще ничего не было. Все приснилось.

— А вот... тоже доказательство... — Стасик помахал пуговицей на шнурке, что висела у него на груди, как амулет.

— Подумаешь. Пуговицу найти можно...

— Такую не найдешь, — возразил Стасик ревниво. Он очень ценил этот свой талисман. Не снимал никогда. Вот и сейчас они удрали с чердака босые, в трусах, даже без маек, а пуговица с якорем, шпагами и солнышком была на Стасике. Казалось бы, Яшкина пуговица, он ее должен беречь. Но Яш-

ка был к ней равнодушен, а Стасик дорожил. Потому что из огня спас...

Так, переговариваясь, прошли они весь Банный лог. Выбрались на берег. Сумрак обнимал их, словно обкладывал теплой черной ватой. Но вот опять загорелась медленная зарница.

— Мигает, мигает, — сказал Стасик. — А ни дождя, ни грома...

— А вот как случится ливень с наводнением, да как смоеет баржу...

— Ну да! Если уж половодьем не смыло... Гляди, как она далеко на песке.

При очередной вспышке баржа показалась черным китом, вытасненным на сушу. Когда подошли, их обдало запахами тепло-го железа и ржавчины.

— Лезем?

— Ага... Яш, фонарик не урони.

По рулевым петлям на корме они забрались на гулкую палубу. Она грела ноги, как неостывшая печка. Темно было, а квадратная дыра люка — совсем черная. Стасик храбро полез первым по режущим ступни скобам. Яшка передал ему самодельный фонарик — батарейку с прикрученной лампочкой и рефлектором из фольги. Но внизу взял снова.

— Впереди пойду.

Они долго пробирались среди клепаных перегоронок, изогнутых труб, поломанных лесенок-трапов. Стукались, царапались, шипели от ушибов. Шипенье это разносилось эхом, словно из лопнувшей трубы сквозил горячий пар. Воздух был тяжелый — смесь ржавой духоты и влажной зябкости.

— Здесь, — пробормотал наконец Яшка. Желтым пятном фонарика показал на изгиб переборки. — Тут проход.

— Ох, я и не догадался бы...

Мраморный печальный мальчик сидел на железной палубе трюма. Поджал левую ногу, левой рукой оперся о клепаный лист, правый локоть поставил на поднятое колено, а голову лбом положил на ладонь. Яшка нагнул, осветил в лицо. Глаза у мальчика были полузакрыты — он то ли задумался, то ли задремал.

— Я нарочно сел так тогда, в последний раз, — прошептал

Яшка. — Думал, если найдут, то... ну, чтобы не в каком-нибудь дурацком виде...

В свете неяркой лампочки мальчик был не белый, а будто потемневшая слоновая кость. Видимо, сверху на него капало во время дождя: по спине тянулся ржавый подтек. И Стасику стало жаль каменного мальчишку, как живого. Вспомнил себя, замурованного в будке.

Он погладил мальчика по теплой мраморной спине с твердой цепочкой позвонков:

— Потерпи до завтра.

Казалось, мальчик чуть шевельнул головой...

Лампочка быстро тускнела.

— Надо выбирать, — прошептал Яшка. И тоже погладил мальчика.

— Подожди, — попросил Стасик. — Смотри...

Здесь был нос баржи. Весь ее корпус лежал на песке, а нос утыкался в воду, и она просочилась в трюм. Треугольной лужицей собралась в углу у переборок. Стасик сел на корточки. Снял пуговицу, опустил к воде. Пуговица повисла неподвижно, потом шевельнулась и закачалась, как маятник. Чиркнула по воде, разорвала ржавую пленку.

— Выключи, — попросил Стасик. — Иди сюда.

Яшка послушно погасил фонарик, но не придвинулся. А Стасик ждал, затаившись от волнения.

Сперва была полная темнота, но скоро в воде появились искорки. В глубине. Словно за прозрачной пленкой открылось черное небо со звездами.

— Смотри, — опять шепотом сказал Стасик. — Звезды сейчас превратятся в окошки. Словно город вдальке... А потом они сольются в одно... Как в колодце... Я этому совсем недавно научился. Надо, чтобы в таком вот подходящем месте... Вот уже появляются! Видишь?

Но Яшка опять не шевельнулся. И сказал глухо, не похоже на себя:

— Не буду я смотреть... Все равно ничего не увижу.

— Почему? Что с тобой, Яшка?

— Потому... Окошко только те видят, кто... ну, в общем, кто ничего плохого не сделал.

— Ты что? — по-настоящему испугался Стасик. — Может, заболел? Чепуху какую-то несешь.

— Не чепуху.

— Мы же с тобой... совсем одинаковые! И я вижу!

— Не одинаковые мы, — сказал в темноте Яшка. — Просто я тебе не говорил. Это осенью еще было. Я двух человек... угробил до смерти.

Стасик уронил пуговицу в лужу, выхватил, суетливо надел на шею мокрый шнурок. Опять стало страшно. Он сказал жалобно:

— Ты что выдумал! — Хотел подвинуться к Яшке, но тот говорил будто издалека:

— Старик Коптельч и дядька в машине... Думаешь, я их забыл? Я же следил, сколько мог. Потому что от них так и несло черным излучением. Я тогда еще мог угадывать, во мне осталось чуть-чуть этого... ну, от Белого шарика... Однажды они ехали вместе, а тот, в фуражке, говорит: «Уровень раскрываемости никудышный, нас по головке не погладят. А ты, старик, последнее время только керосинишь, а работы не видать. Ох, гляди! Неужели все кругом такие чистые?..» Коптельч тогда и начал: «Жена этого... Тона, который в прошлом году себя кончил... Не нравится она мне, хитрая баба. И разговоры вела с намеками...» А тот: «Чего же ты ходишь, не телишься! Приедем — сразу пиши!» И дальше едут, а там рельсы, ветка с кирпичного завода... Ну, ты знаешь, за старой мельницей...

— И что... дальше? — выдохнул Стасик.

— С завода — состав с платформами, скорость уже набрал. Сторож у шлагбаума забегал, а они кричат: «Не опускай, проскочим!» Ну, он видит, чья машина, опускать боится... Да они и проскочили бы... только я следил издалека.

— И что сделал? — одними губами спросил Стасик.

— Истратил свой последний заряд. Прямо на рельсах заклинил в машине подшипники...

Долго они молчали. Потом Стасик спросил:

— А сторож?

— Не бойся. Я устроил, что ему ничего не было...

Выбрались из баржи, шли по берегу молча. И лишь на первой горке Банного лога Стасик сказал:

— Разве ты в чем-то виноват?

— Я не знаю...

— Они же... такое дело задумали! Гады...

— Конечно... Только если бы ты видел, как горела машина...

«А я видел», — подумал Стасик.

— Яш! Может, вовсе и не ты подшипники заклинил. Может... само собой.

Яшка помотал головой:

— Нет, я... С той поры я больше ни разу не видел окошка в колодце.

— Увидишь еще...

— Ты просто так говоришь. А думаешь наоборот.

— Я не про это думаю... Я думаю: а вдруг кто-нибудь все-таки напишет такое... На маму...

— Не бойся, — веско сказал Яшка. — Это теперь позади.

Потом они опять пошли молча. Но было уже не так тревожно и грустно. Банный лог, он и есть Банный лог... Встретил ребят в темноте кудлатый знакомый пес Пират, обнюхал их мокрым носом, помахал хвостом, проводил немного. Сокращая путь, они перелезли через забор соседского огорода. Там стояло растопыренное пугало с горшком на голове.

— Привет, Федя, — сказал ему Стасик. И вдруг воскликнул: — Яшка, смотри!

За низкой изгородью был виден их двор и темный дом. И в доме этом рядом с крыльцом светилось желтое окно!

— Откуда оно? — прошептал Яшка. Потому что стена была глухая, ни одного окошка во двор не смотрело.

— А то, заколоченное! Его еще до войны забили. А дядя Андрей все грозился: «Раскупорю, чтоб на кухне светлее было!» Ну и вот...

— И вот... — Яшка засмеялся, будто избавился от тяжелой напрасной вины. — Сидят на кухне и нас ждут: «Где вас носило, голубчики?»

— Точно! — весело согласился Стасик. — Зяма, небось, разнюхала...

Они пошли к дому по меже среди прохладной картофельной ботвы. Стасик вдруг спросил:

— Яш, а ты точно знаешь, что Банный лог выводит прямо на Дорогу?

— Еще бы!

— Это хорошо.

— Надо только рассчитать день и час...

— Лучше вечер, — сказал Стасик.

Если они с Яшкой выйдут на Дорогу вечером, окно будет светить у них за спиной. А когда сзади светит, ждет тебя обратное такое вот окно, идти не страшно. И жить не страшно.

1989 г.

* * *

СКАЗКИ О РЫБАКАХ И РЫБКАХ

Впервые — в журнале «Лепта» (г. Москва), 1992, №№ 3, 5, 6 и 1993, №№ 1 и 2.

Книга 8

СИНИЙ ТРЕУГОЛЬНИК

Лоцман. Хроника неоконченного путешествия.

Кораблики, или «Помоги мне в пути». Роман. (Подзаголовок «Роман-фантазия» в книге утерян.)

Синий Треугольник. Повесть-воспоминание о странном.

«Великий Кристалл» присутствует и в этом томе, но в полной мере лишь в повести «Лоцман», которая формально включает «кристаллический» цикл. Однако по тематике и тональности роман «Кораблики» и повесть о таинственном Треугольнике к этому циклу тоже близки.

ЛОЦМАН

Эта повесть завершает основной цикл о «Великом Кристалле». Она написана несколько раньше «Сказок о рыбаках и рыбках», но по смыслу является последней.

Из писем, из встреч с ребятами и взрослыми в библиотеках, школах и клубах автору стало ясно, что некоторые читатели склонны усматривать во взрослых героях «кристаллического» цикла самого автора. Например, после публикации «Лоцмана» автор получил немало писем с вопросами о своем здоровье и с просьбами противостоять ударам судьбы. Писатель искренне благодарен за такую тревогу и заботу, но всегда подчеркивал, что не следует отождествлять автора и его геро-

ев. Все взрослые и юные персонажи «Великого Кристалла» — результат долгих наблюдений автора, его многих знакомств и синтеза характеров и обстоятельств.

Здесь есть смысл еще раз подчеркнуть, что повести из цикла о Кристалле так или иначе связаны с некоторыми другими фантастическими произведениями автора. С романом «Голубятня на желтой поляне» — историей о галактике Гельки Трубушкина, с трилогией «В ночь большого прилива» — истоками легенды о Юхане-трубаче, с «Оранжевым портретом...» — упоминаниями о марсианской цивилизации иттов, с повестями «Серебристое дерево с поющим котом» и «Лето кончится не скоро» — рассуждениями о природе Великого Кристалла и о Дороге. И так далее...

Первая публикация «Лощмана»: «Уральский следопыт», 1992, №№ 1—2. Рисунки к повести сделал старший сын автора Павел Крапивин. Это первый опыт сотрудничества автора с сыном-художником.

К сожалению, и на этот раз нельзя обойтись без грустного уточнения: подзаголовок «Хроника неоконченного путешествия» в книге утерян (в «Содержании» указано «Повесть»).

КОРАБЛИКИ, ИЛИ «ПОМОГИ МНЕ В ПУТИ...»

Этот роман в какой-то степени продолжает линию «Кристалла», но тему безнадзорных детей, которые в конце концов становятся лишними для благополучного общества, рассматривает более жестко. Строго говоря, это уже не детское чтение (кстати, как в некоторых случаях и повести о «Кристалле»).

Проявляя завидное постоянство, редакция и здесь лишила название подзаголовка («Роман-фантазия»).

Первая публикация — журнал «Урал», 1993 г., №№ 10—12.

СИНИЙ ТРЕУГОЛЬНИК

Повесть-воспоминание о странном

Это своеобразное сочинение, где в сюжет фантастической повести вплетаются автобиографические воспоминания, фрагменты дневников и размышления о природе сновидений. Отсюда и соответствующий подзаголовок.

В периодических изданиях повесть не печаталась. Первая

публикация — в книге издательства «Эксмо» «В глубине Великого Кристалла», том 2, серия «Шедевры отечественной фантастики», 2005 г.

Книга 9

МАЛЬЧИК СО ШПАГОЙ

Мальчик со шпагой. Роман.

Бронзовый мальчик. Роман.

В книгу вошли первые два романа из трилогии «Паруса «Эспады», рассказывающей о жизни детского отряда «Эспада» на протяжении нескольких поколений.

МАЛЬЧИК СО ШПАГОЙ

Роман

Вначале не было мысли писать роман. Была написана повесть «Всадники на станции Роса» (а не «...со станции...», как иногда ошибочно печатали) и опубликована в «Пионере», №№ 5—7 за 1973 год.

Затем у автора возникла идея написать повесть, где были бы отражены некоторые события из жизни отряда «Каравелла». Главный герой и идеи «Всадников» казались для этого вполне подходящими. Так появилась повесть «Мальчик со шпагой». Напечатана в «Пионере», в №№ 3—6 за 1974 г. (с подзаголовком «Звездный час Сережи Каховского»). Автор работал над «Звездным часом» в сентябре 1973 года, тогда в Чили случился контрреволюционный переворот, и отголосок этих событий «с ходу» вошел в повесть.

Третья книга романа — «Флаг-капитаны» — возникла потому, что события второй книги просто не уместились в объеме одной повести. «Флаг-капитаны» были напечатаны в «Пионере» в 1975 году, в №№ 5—9.

После того как повести были оформлены в роман, у второй части осталось название «Звездный час Сережи Каховского», а вся трилогия стала называться «Мальчик со шпагой».

Роман вызвал много откликов. Несколько ребят студенческого возраста даже писали потом автору, что эта книга «полностью переломила» им жизнь. После публикации романа в

журнале редакционный отдел писем завел для корреспонденции, адресованной автору, отдельный ящик.

По роману были сняты телеспектакли «Всадники со станции Роса» (1974 г.) и «Мальчик со шпагой» (1975 г.). К сожалению, их записи утеряны.

БРОНЗОВЫЙ МАЛЬЧИК

Этот роман автор задумал как своего рода продолжение «Мальчика со шпагой», поскольку в начале 90-х годов, в связи с распадом пионерской организации, остро встал вопрос о судьбе внешкольных разновозрастных отрядов. Что должно было стать с «Эспадой», о которой шла речь в «Мальчике со шпагой»? «Каравелла», которой руководил автор, — выжила и отстояла себя, но хотелось отстоять свои позиции и на книжном «поле боя». К тому же автора беспокоила (как и в написанных незадолго до того «Островах и капитанах») тема вины и степени ответственности человека, принявшего какое-либо решение, связанное с судьбами других людей, — отсюда истории капитана Стройникова и белого офицера Никиты Таирова.

Первоначальные публикации:

Первая часть — «Уральский следопыт», № 4 и № 5—6 в 1993 году.

Вторая часть — «Уральский следопыт», № 3, № 4 и № 5—6 в 1994 году.

Поскольку № 5—6 1994 года из-за каких-то экономических проблем не был отправлен из типографии в редакцию и его уничтожили (осталось всего около пятидесяти номеров), окончание романа было повторено в № 3—6 за 1996 год.

Книга 10

ДАВНО ЗАКОНЧИЛАСЬ ОСАДА...

Давно закончилась осада... Роман.

Трое с площади Карронад. Повесть.

Рассекающий пенные гребни. Повесть.

В данном томе собраны произведения, связанные с севастопольской темой (хотя в двух последних произведениях автор напрямую не дает городу такого названия). В каждой вещи — свое время действия, но везде стержневой темой является любовь мальчишек к морю, кораблям и своему Городу.

ДАВНО ЗАКОНЧИЛАСЬ ОСАДА...

Севастопольская фантазия

Подзаголовок «Севастопольская фантазия» говорит о том, что автор не счел возможным назвать роман историческим, хотя для того есть немало оснований. Автору казалось, что фактического материала для точного воспроизведения событий и обстановки в Севастополе 60-х годов девятнадцатого века у него недостаточно, а кроме того, элементы фантастики (пусть даже и незначительные) не характерны для солидного исторического жанра.

В комментариях к предыдущему изданию автор писал, что склонен отнести роман к автобиографическому циклу. Севастополь с давних пор стал частью биографии писателя, его второй родиной. А в главном герое романа автор видел (вернее, ощущал) себя, несмотря на то что действие происходит в давние времена. На одной встрече с читателями он сказал: «Я просто-напросто вспомнил себя мальчишкой и перенес этого пятиклассника Славку — со всеми его страхами, сомнениями, горестями и радостями, с его любовью к морю — в шестидесятые годы прошлого (то есть теперь уже позапрошлого) века. Это не составило труда, потому что пятьдесят лет назад я был «несовременным ребенком».

Впервые роман опубликован в журнале «Уральский следопыт», в №№ 4—7 за 2001 г.

ТРОЕ С ПЛОЩАДИ КАРРОНАД

В сентябре 1978 года автор очередной раз побывал в Севастополе. Выступая в севастопольской школе № 3, он познакомился с четвероклассниками, с которыми потом поддержи-

вал дружеские отношения вплоть до окончания ими школы. Некоторые из этих ребят стали прототипами героев повести. В этот же приезд автору рассказали о нескольких трагических эпизодах, когда на оставшихся от войны снарядах и минах подрывались дети. После таких рассказов возникла сюжетная линия повести.

Сокращенный вариант повести был напечатан в «Пионерской правде» в 1979 году, №№ 59—93 (с пропусками отдельных номеров). В полном варианте повесть впервые увидела свет в одноименной книге, в Свердловске (Средне-Уральск. кн. изд., 1981 г.). Кстати, это издание открыло серию книг автора, которые потом в течение десяти лет выпускались Средне-Уральским издательством в одинаковом оформлении, фактически формируя неофициальное собрание сочинений.

РАССЕКАЮЩИЙ ПЕННЫЕ ГРЕБНИ

В повести сочетаются элементы фантастики с непростой реальностью современной жизни. Читатели могут угадать в описываемом городе детали, характерные для Севастополя, но, конечно, это не реальный Севастополь, а обобщенный образ Приморского города, который встречается и в других произведениях автора.

Повесть написана в 1998 году. Первая публикация: журнал «Уральский следопыт» №№ 7—9, 1998 г.

Книга 11

ЗВЕЗДЫ ПОД ДОЖДЕМ

Звезды под дождем. Маленькая повесть.

Валькины друзья и паруса. Повесть.

Колыбельная для брата. Повесть.

Журавленок и молнии. Роман для ребят и взрослых. (На титуле подзаголовок не поставлен.)

Роман и повести, помещенные в данном томе, написаны в разные годы, но все их можно отнести к жанру «школьных», то

есть нефантастических, произведений. Тема их — проблематика школьной и семейной жизни, которая у ребят редко бывает простой и легкой.

ЗВЕЗДЫ ПОД ДОЖДЕМ

Впервые напечатана в журнале «Уральский следопыт», 1964 г., № 9.

ВАЛЬКИНЫ ДРУЗЬЯ И ПАРУСА

В периодических изданиях повесть не печаталась (кроме нескольких отрывков в разных сборниках и альманахах). Автор предлагал ее «Пионеру», но редакция уклонилась от публикации. Дело в том, что в повести весьма нелицеприятно показана советская школьная система. «Пионер» не был слишком «пугливым» журналом, но на сей раз осторожность, видимо, возобладала над симпатиями к автору.

Первая публикация: книга «Валькины друзья и паруса», М., ДЛ, 1967 г.

Кстати, в оригинале повесть называлась «Валька, пожалуйста, встань!», но редакторы в Москве усмотрели в этом названии некий «излишний вызов», пришлось его изменить на «нейтральное».

Повесть была переведена на польский и чешский языки, на несколько языков в республиках СССР, получила вторую премию на Всероссийском конкурсе на лучшее произведение для детей 1966 года, и все-таки отношение критиков и педагогов к ней всегда было сдержанным. Сначала — из-за чересчур жесткой оценки школьных порядков, потом, когда сменились времена, — из-за «излишней идеологизированности» (мальчик отстаивает пионерский галстук — «символ большевизма»). Тот факт, что мальчик отстаивает не политический символ, а свое достоинство и право на мечту, во все времена как-то ускользало от внимания рецензентов.

Вскоре после выхода книги Свердловская киностудия сняла по ней фильм «Валькины паруса» (1974 г.). Но он получился настолько слабым (в частности, из-за попыток «смягчить акценты»), что автор повести убрал из титров свое имя.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ДЛЯ БРАТА

Первая публикация — в журнале «Пионер», 1979 г, №№ 1—5.

Редактор «Пионера» С. А. Фурин говорил автору, что, учитывая очень сильную (по тем временам) остроту повести, он на всякий случай обратился за санкцией для публикации в Министерство просвещения РСФСР. Санкция, как ни странно, была получена.

Об этом, однако, не знали рядовые педагоги, и многие из них реагировали на повесть весьма обостренно. Автор слышал рассказы, как некоторые классные руководительницы изымали из школьных библиотек журналы с повестью и выдирали из них «крамольные» страницы. Редакция и автор получили от читателей-ребят столько писем, что автору пришлось выступить в журнале со специальной статьей «Эхо «Колыбельной»» («Пионер», 1979 г., № 12).

В начале 1980 года автор начал работу над второй частью повести, но вскоре оставил ее, поняв, что тема исчерпана. Некоторые детали и сюжетные коллизии неоконченной повести вошли в романы «Журавленок и молнии» и «Острова и капитаны».

Любопытно, что уже неоднократно изданную в Свердловске и переведенную на иностранные языки «Колыбельную» восемь лет подряд не решалось напечатать издательство «Детская литература» — по той причине, что там «слишком много острых моментов». Наконец попросили автора пойти на компромисс: написать несколько страниц о «хорошей учительнице». Автор (жалко ему, что ли!) написал, поскольку эти страницы повесть не портили. Так в конце первой главы появилась сцена с разговором между ребятами и учительницей Верой Сергеевной. Потом (к удивлению читателей) повесть выпускали то с этим эпизодом, то без него. А все зависело от того, какое издание — уральское или московское — редакторы брали для перепечатки.

На киностудии имени М. Горького режиссером Виктором Волковым был снят фильм «Колыбельная для брата», который вышел на экраны в 1982 году. Сценарий был написан автором совместно со Станиславом Фуриным, тогдашним главным редактором журнала «Пионер». Автор не считает фильм очень

большой удачей, но все-таки в то время он вызвал определенный резонанс в прессе и получил немало добрых отзывов зрителей. По крайней мере, это лучшее, что сделано в кино по произведениям автора.

ЖУРАВЛЕНОК И МОЛНИИ

Автор дал названию подзаголовков «Роман для ребят и взрослых», потому что поднимаемые в этой книге вопросы одинаково важны (по его мнению) и для детей, и для их родителей, и для взрослых вообще. Основная тема — необходимость доверия и понимания между большими и маленькими (по возрасту) людьми, недопустимость жестокости и лжи в отношениях между отцами и детьми — впервые для автора стала темой крупного произведения, которое с самого начала задумывалось как роман.

Заканчивал роман автор в больнице, где врачи пытались найти у него всяческие болезни. Не найдя искомого, выписали. Но автор успел еще, завершив работу над романом, в той же больнице спроектировать яхту юношеского класса «Штурман» и этим проектом (по которому во флотилии «Каравелла» было построено полтора десятка судов) гордится не менее, чем своими литературными достижениями. Впрочем, это так, к слову...

В основу «Еще одной сказки о Золушке», вставленной в роман, положен фильм отряда «Каравелла», который был снят в 1969 году. Снимался он, кстати, без сценария, экспромтом, поэтому попытки найти литературный первоисточник «Сказки» не могут иметь успеха. Впоследствии по «Сказке» была написана пьеса (опубликованная в 23-й книге настоящего Собрания).

Первая публикация романа — в «Пионере». Проходила она в три приема. В начале 1982 года (№№ 1—3), затем в конце этого же года (№№ 9—11) и в 1983 году (№№ 1—4). Такая протяженность во времени была вызвана большим объемом романа. Кажется, к тому времени это единственный случай в истории журнала «Пионер», когда одно произведение печаталось в течение двух лет.

Книга 12

МУШКЕТЕР И ФЕЯ

Мушкетер и фея и другие истории из жизни Джонни Воробьева. (Цикл из пяти повестей.)

Сказки Севки Глущенко. Повесть.

Стеклянные тайны Симки Зуйка. Роман совпадений (в «Содержании» ошибочно указано: Стеклянные сказки Симки Зуйка. Повесть).

Роман и повести о разных детях, живущих в разные времена. Однако есть и объединяющие все эти произведения моменты: стремление ребят к настоящей дружбе, их верность романтике и любовь к литературным героям...

МУШКЕТЕР И ФЕЯ И ДРУГИЕ ПОВЕСТИ
ИЗ ЖИЗНИ ДЖОННИ ВОРОБЬЕВА

Это, пожалуй, единственная книга автора, где он (в общем-то человек, не склонный к смеху) отдал дань юмору.

Повести цикла писались от случая к случаю, с перерывом по несколько лет. Впервые все они были объединены в цельное (все пять повестей) произведение в книге «Мушкетер и фея», изданной в Свердловске в 1986 году (Средне-Уральск. кн. изд.). А в периодике публиковались следующим образом:

«*Бегство рогатых викингов*» — «Пионер», № 4, 1969 г. (имя автора рядом с заголовком по рассеянности редакции не указано).

«*След крокодила*» — «Пионерская правда», 1975 г., №№ 56, 57, 59—64.

«*Мушкетер и фея*» — «Пионер», № 3 и № 4, 1978 г.

В нарушение традиций эту повесть оформляли не московские графики, а художник из Свердловска Е.И. Стерлигова, с которой автор в уральских издательствах сотрудничал с 1972 года. В дальнейшем Евгения Ивановна иллюстрировала для «Пионера» и некоторые другие повести В.Крапивина.

«*Шлем витязя*» — «Пионер», №7 и № 8, 1981 г.

Вначале повесть носила более длинное, ироническое — в соответствии с содержанием — название «Шлем витязя, или Баллада о волосатой коленке». Был уже сделан рисованный заголовок. Но в последний момент редактору в данном названии почудился некий «натурализм», и оно было урезано. Восстанавливать название в книжных публикациях автор не стал, чтобы не вызывать разночтений.

«*Тайна пирамид*» — «Пионер», №№ 2—4, 1985 год (под ошибочным названием «*Тайна пирамиды*»).

СКАЗКИ СЕВКИ ГЛУЩЕНКО

Повесть во многом (хотя и не во всем) построена на детских воспоминаниях автора. Предложенная «Пионеру» в 1984 году, она была отклонена по той причине, что «опять ты, Слава (так по-свойски называли в редакции автора), показываешь в негативном плане советскую школу». Аргументы автора, что действие-то происходит в сорок шестом году, не были учтены. Оказалось, что именно в то время в советской педагогике проходила первая послевоенная реформа и могли поэтому «возникнуть ненужные параллели».

Повесть была напечатана в журнале «Урал» (который «параллелей» не боялся) в № 8 за 1984 г.

В 2007 году автор закончил роман «Трофейная банка, разбитая на дуэли», являющийся прямым продолжением этой повести.

СТЕКЛЯННЫЕ ТАЙНЫ СИМКИ ЗУЙКА

Роман был написан в 2004 году. В нем автор снова обратился к детской поре — своей и младшего братишки, которому и посвятил эту книгу. Вначале она называлась «Воздух той давней ночи», и под таким названием эта вещь была опубликована в журнале «Путеводная звезда. Школьное чтение» (№№ 1—2, 2005 г.). Для книжной публикации издательство попросило автора изменить название, усмотрев в нем «ассоциации с дамскими романами». Автор спорить не стал. Но увлекшись склонностью к изменениям, редакторы пошли дальше и в данной книге, в названии, напечатали не «Стеклянные тайны...»,

а «Стекланные сказки...». Говорят, что случайно. Кроме того, в «Содержании», в конце тома, назвали этот «Роман совпадения» «повестью». Как говорится, «издержки творческого процесса».

Книга 13

ОРАНЖЕВЫЙ ПОРТРЕТ С КРАПИНКАМИ

Тополиная рубашка. Повесть.

Оранжевый портрет с крапинками. Повесть.

Яхта «Кречет», или Снова о капитане Румбе. Кинороман.

Это «сборный» том, в который волей составителей попали непохожие друг на друга вещи, относящиеся к разным циклам (или совсем к ним не относящиеся). Но при всем их разнообразии можно заметить, что так или иначе все они выполнены в жанре фантастики, которому автор предан постоянно.

ТОПОЛИНАЯ РУБАШКА

Повесть с одинаковыми основаниями можно отнести и к разряду повестей-сказок, которые автор при публикациях объединял в циклы «Летающие сказки» и «Сказки о парусах и крыльях», и в то же время к автобиографическому циклу «Шестая Бастионная», поскольку в ней многое (персонажи, место действия) связано с реальным тюменским детством.

Первая публикация — в журнале «Уральский следопыт», №№ 6—7, 1986 г.

ОРАНЖЕВЫЙ ПОРТРЕТ С КРАПИНКАМИ

Повесть написана после поездки автора в г. Верхотурье, в 1985 году, то есть в советские времена, когда там не было и намека на реставрацию церквей и памятников старины. Делегация журналистов посещала колонию для малолетних правонарушителей в бывшем монастыре и выступала перед ними. Но эти впечатления автор отложил для более поздних работ, а знакомство со старинным уральским городком послужило толчком для написания «*Оранжевого портрета*».

Первая публикация: журнал «Пионер», 1987 г., №№ 4—8.

ЯХТА «КРЕЧЕТ», ИЛИ СНОВА О КАПИТАНЕ РУМБЕ

Драматическую историю появления данного «киномонстра» на свет автор честно изложил в послесловии к этому творению. У него (у автора) не было большого желания публиковать сей «прозаическо-сценарный опыт», но он уступил просьбам составителя, утверждавшего, что, раз издается полное собрание, значит, печатать следует всё.

Книга 14

СТРАЖА ЛОПУХАСТЫХ ОСТРОВОВ

Мальчик девочку искал. Тыквогонские приключения. Повесть.

Колесо Перепёлкина. Почти сказочная история. Повесть.

Стража Лопухастых островов. Роман-сказка.

Все три повести этой книги автор писал для своих самых благодарных читателей — школьников младшего и среднего возраста. Поэтому упреки более солидных читателей, что сказкам не хватает глубины и серьезности, он пренебрежительно отвергает. Тем более что (по мнению автора) глубины и серьезности там достаточно, только эти страницы следует читать глазами восьми-двенадцатилетних девочек и мальчишек.

МАЛЬЧИК ДЕВОЧКУ ИСКАЛ

В конце 1999 года писатель категорически заявил, что ему «осточертела» современность с ее социальными проблемами, оголтелым милитаризмом, американскими фильмами-боевиками и предвыборными кампаниями. Он решил «уйти в чистую сказку, ибо именно там еще живут люди, которых можно считать нормальными». Насколько это автору удалось, пусть решает читатель.

Первая публикация — в начале 2001 года, в журнале «Урал».

КОЛЕСО ПЕРЕПЁЛКИНА

Повесть была написана в 2001 году, когда автор раздумал уходить в наступившем тысячелетии на пенсию и после повес-

ти «Синий Треугольник» решил сочинить жизнерадостную детскую книжку. В том, что книжка местами не совсем жизнерадостна, автор винит не себя, а окружающую действительность, которая в XXI веке не стала лучезарнее. В подзаголовке повести написано: «*Почти сказочная история*». Разумеется, она сказочная не «почти», а в изрядной мере. Однако на встречах с читателями автор подчеркивал, что, несмотря на необычность многих событий, характеры юных и взрослых персонажей там вполне реальны. А что касается фантастических явлений, то сегодня они кажутся чудесами, а завтра будут восприниматься как самые обычные дела...

Сокращенный вариант повести напечатан в газете «Пионерская правда» зимой 2002/2003 года.

СТРАЖА ЛОПУХАСТЫХ ОСТРОВОВ

К работе над этим романом автор приступил 1 января 2002 года, решив, что начатая в волшебный новогодний праздник рукопись получится сказочной и «не замутненной проблемами». Сказочности в романе хватает, но «проблемы» все же просочились в его сюжет, и юным героям приходится прилагать немало усилий, чтобы выйти победителями и с «волшебными» и с вполне реальными недругами. «Но, — замечает автор, — я постарался, чтобы конец у романа был самый благополучный. В сказках это, к счастью, пока еще возможно...»

В прессе роман не публиковался и впервые был напечатан в Москве объединенными усилиями издательств «АСТ», «Сталкер» и «Астрель» в серии «Любимое чтение», в 2003 г.

Книга 15

РЫЖЕЕ ЗНАМЯ УПРЯМСТВА

Рыжее знамя упрямства. Роман.

Семь фунтов брамсельного ветра. Роман.

Два крупных «реалистических» романа, в которых автор снова обращается к сложным проблемам в жизни современных школьников.

РЫЖЕЕ ЗНАМЯ УПРЯМСТВА

Роман написан в 2005 году. Он является заключительным в трилогии «Паруса «Эспады» (первые два романа — «Мальчик со шпагой» и «Бронзовый мальчик»). Действие происходит в наши дни, т. е. в середине 2000-х годов. Прошедший через многие испытания ребячий отряд сталкивается с реалиями нынешнего бытия.

Многие читатели склонны рассматривать «Эспаду» как слепок с реально существующей флотилии «Каравелла», но это не так. Разумеется, кое-какие параллели есть (чаще всего это касается парусных дел и традиций барабанщиков), но «каравелловских» прототипов не так уж много. Роман отражает опыт многих детских объединений, которым непросто жилось в прежние времена и так же непросто живется сейчас.

Первая публикация — в журнале «Путеводная звезда. Школьное чтение», №№ 1—2, 2006 г.

СЕМЬ ФУНТОВ БРАМСЕЛЬНОГО ВЕТРА

Читатели прежде всего обратили внимание на то, что «на-конец-то у автора появился главный герой — девочка» (хотя при объективном рассмотрении можно сделать вывод, что героев-девочек хватало у него и раньше). Другие, правда, утверждали, что это «все равно «крапивинский мальчик», только в юбке». Но дело здесь не в желании автора угодить читательницам (с одной стороны) и не в его неумении писать про «настоящих девочек» (с другой стороны). Толчком для романа послужили письма одной школьницы, с которой автор и «списал» свою героиню. Такой, какой ее представлял...

Впервые роман напечатан в журнале «Путеводная звезда. Школьное чтение», №№ 3—4, 2003 г.

Книга 16

ОСТРОВА И КАПИТАНЫ

Острова и капитаны. Роман в трех книгах. (На титуле подзаголовок «Роман в трех книгах» не поставлен.)

Самое крупное прозаическое произведение автора — не только по объему, но и по протяженности действия. События в нем захватывают разные периоды с начала XIX века по 1987 год.

ОСТРОВА И КАПИТАНЫ

Роман в трех книгах

Напечатанный в этом томе роман — первая из трилогий автора, которую он изначально задумывал как единое произведение. Толчком послужил случай, когда автор купил в букинистическом магазине первоиздание трехтомника И. Ф. Крузенштерна «Путешествие вокруг света» и прочитал там о трагической судьбе лейтенанта Головачева. Об этом случае русские историки писали скупо и неохотно, так же как и о непростых отношениях капитана Крузенштерна и посланника Резанова. Кроме того, когда автор стал читать об этом у других писателей, их точки зрения часто казались ему спорными. Желание построить свою версию было одной из причин работы над романом. Пришлось много посидеть над историческими документами, в том числе и над рукописными материалами в публичной библиотеке имени Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

Помимо прочего, автору хотелось поднять тему невольной вины, с которой в силу разных обстоятельств вынуждены жить долгие годы многие люди. В романе это Крузенштерн — с его болью за Головачева, мальчик Гай — с упреками совести за погибшего Анатолия Нечаева, восьмиклассник Егор Петров — с тревогой за своего товарища Веньку, которого чуть не погубили бывшие друзья Егора...

Кроме материалов об экспедиции Крузенштерна, автору пришлось вложить в роман немалый запас своего личного опыта и знаний: память о тюменском послевоенном детстве; воспоминания о Севастополе и сведения о его первой обороне; дневниковые записки о том, как оказался на съемках фильма «Рыцарь мечты» по рассказам А.С. Грина, проходивших на барке «Крузенштерн»; наблюдения за современной школьной жизнью и бытом подростков.

В создании образа взрослого Гая, который занят проблемами детской безнадзорности, большую помощь оказал автору

один из его друзей, бывший работник милиции, ныне журналист и писатель Владимир Вафин.

В 2002 году один из потомков знаменитого мореплавателя, А.В. Крузенштерн, занятый сбором, систематизацией и анализом информации, посвященной истории семьи Крузенштернов и первой русской кругосветной экспедиции, прислал автору ряд ценных, ранее не публиковавшихся материалов. Они дали возможность сделать в тексте романа некоторые уточнения. Автор глубоко благодарен Алексею Вячеславовичу за эту помощь.

Первые публикации:

Книга первая. «Хронометр (Остров Святой Елены)» — «Уральский следопыт», 1987 г., №№ 5—8.

Книга вторая. «Граната (Остров капитана Гая)» — «Уральский следопыт», 1988 г., №№ 4—6.

Книга третья. «Наследники (Путь в архипелаге)» — «Уральский следопыт», 1988 г., №№ 11—12 и 1989 г., №№ 3—6.

Следует заметить, что сейчас, в этом Собрании, весь роман впервые напечатан в одном томе.

Книга 17

ТОПОТ ШАХМАТНЫХ ЛОШАДОК

Прохождение Венеры по диску Солнца. Роман.

Топот шахматных лошадок. Роман.

Нарисованные герои. «Лоскутная» повесть.

Помешенные здесь романы и повесть объединяет то, что все они написаны относительно недавно — с 2003 по 2005 год, то есть отражают «литературные усилия» автора в последнее время. И кстати, доказывают, что переплетение реальности и фантастики остается его излюбленным приемом.

ПРОХОЖДЕНИЕ ВЕНЕРЫ ПО ДИСКУ СОЛНЦА

Роман был написан в 2004 году, когда «имело место» астрономическое событие, упомянутое в названии. Летом следую-

шего года вышел в издательстве «Эксмо», в серии «Русская фантастика».

После выхода в тексте романа была обнаружена ошибка, которую забыли убрать при настоящем переиздании. Фразу в конце романа, когда главный герой размышляет о следующем прохождении, следует читать так: «*Надо только протянуть как-нибудь восемь лет. А потом, в июне две тысячи двенадцатого, планета Венера снова пересечет диск Солнца*». «*За восемь-то лет как-нибудь подготовлю такую поездку*».

ТОПОТ ШАХМАТНЫХ ЛОШАДОК

В этом романе, написанном в 2005 году, автор снова (как в «Семи фунтах брамсельного ветра») сделал главным героем (т. е. героиней) девочку. Но причина не в том, что он стремился обрести повышенную популярность среди читательниц, а просто к такому решению привела его логика замысла.

Роман можно отнести к серии о «Безлюдных пространствах», так как описываемые в нем «Институтские дворы» обладают многими свойствами этих таинственных мест (хотя и не очень безлюдны).

Первая публикация — журнал «Путеводная звезда. Школьное чтение», № 9, 2005 г.

НАРИСОВАННЫЕ ГЕРОИ

Эта вещь имеет подзаголовок «Лоскутная повесть». Она составлена из фрагментов разных незаконченных повестей и рассказов, которые автор начинал писать в давние годы, а затем по разным причинам откладывал. Автор (то ли в шутку, то ли по правде) объясняет, что ему стало жаль героев своих незавершенных произведений — ведь эти персонажи не попали к читателям! — и он решил хоть как-то искупить свою вину перед ними. А скорее всего, захотелось вспомнить давнюю молодость и заново пережить «творческие муки» тех лет...

Впервые «Нарисованные герои» были опубликованы отдельной книгой в Санкт-Петербургском издательстве «Геликон», в 2005 году.

Книга 18

ТЕНЬ КАРАВЕЛЛЫ

Та сторона, где ветер. Повесть.

Оруженосец Кашка. Повесть.

Тень Каравеллы. Повесть.

Болтик. Повесть.

В книге — любимые автором (до сих пор) повести, которые он с удовольствием сочинял в пору молодости, во второй половине 60-х годов.

Только «Болтик» написан немного позже, но он похож на другие помещенные здесь вещи своим стилем, содержанием и тональностью...

ТА СТОРОНА, ГДЕ ВЕТЕР

Повесть в двух частях. Обе части сначала публиковались как отдельные повести. Первая — под названием «*Та сторона, где ветер*» — в журнале «Пионер», в №№ 1 и 2, в 1965 году. Вторая — «*Люди с фрегата «Африка»*» — тоже в «Пионере», в 1967 году, №№ 4—7.

Для книжного издания название первой части было изменено: «*Август — месяц ветров*».

В 1978 году был снят большой двухсерийный телеспектакль «Та сторона, где ветер», про обстоятельства съемок которого автор рассказал в повести «Заяц Митька». Автор не считает эту постановку удачной, ему кажется, что ключевые эпизоды были сняты вяло и невыразительно. Тем не менее он отдает должное прекрасной игре многих юных и взрослых исполнителей.

ОРУЖЕНОСЕЦ КАШКА

Основой повести послужили впечатления от жизни ребят в пионерском лагере «Искорка», где автор был в гостях летом 1963 года.

Первая публикация — «Пионер», №№ 5—7, 1966 г. Иллюстрации сделал художник Е. Медведев, с которым после этого

автор начал постоянное сотрудничество в журнале «Пионер» и книжных издательствах.

В 1973 году по повести был снят одноименный телеспектакль. К сожалению, его запись утеряна.

ТЕНЬ КАРАВЕЛЛЫ

К этой повести автор «подступал» с 1957 года. Написал несколько вариантов: «Камень с морского берега», «Осколок моря» (маленький рассказ), «Камень с берега моря» (повесть не окончена) и т. д. Автор строил повествование на воспоминаниях о своем военном детстве, но в ранних вариантах еще не было главного — Каравеллы. Окончательный вариант первой части повести был готов в 1968 году и напечатан в «Пионере», в №№ 9—10 этого же года.

Вторая часть — «По колено в траве» — закончена и напечатана в «Пионере» в 1970 году, №№ 9—11.

БОЛТИК

Повесть написана в 1976 году. Журнал «Пионер», куда автор предложил ее, деликатно отказался от публикации: конфликт третьеклассника со старшей пионервожатой «не вписывался» в тематику журнала того времени. Очень сокращенный вариант повести под названием «Песня о первом полете» напечатан в журнале «Урал», в 1979 году, № 6. Первая публикация полного варианта — в книге «Мушкетер и фея», М., ДЛ, 1979 г.

В 1986 году Одесская киностудия попыталась снять фильм по этой повести. И сняла. Он называется «Удивительная находка, или Самые обыкновенные чудеса». Однако киновариант оказался настолько далек от первоисточника, что автор потребовал убрать из титров свое имя.

Книга 19

СИНИЙ ГОРОД НА САДОВОЙ

Синий город на Садовой. Повесть 1990 года.
Тридцать три — нос утри... Повесть.
Дело о ртутной бомбе. Повесть.

Повести о детях очень разных лет. Характерно, что во все эпохи ребята искали и ищут в явлениях жизни глубинный смысл и стремятся заглянуть за «грань» обыденного, хотя порой такие попытки грозят им серьезными неприятностями. Это в какой-то степени роднит юных героев всех трех произведений.

СИНИЙ ГОРОД НА САДОВОЙ

Вначале автор дал этому произведению подзаголовок «Роман», но потом решил, что, несмотря на солидный объем, оно все-таки больше соответствует жанру повести. И написал под названием: «Повесть 1990 года», поскольку многие черты и детали быта, описанные там, характерны лишь для этого отрезка нашей жизни. (В этом издании, правда, в подзаголовке почему-то вместо ноля появилась единица, и такой факт досажен, поскольку 90-й и 91-й годы были совсем не похожи.)

Повесть попросил для себя выходивший в то время под-ростковый журнал «Мы» и сначала принял ее со всяческой благожелательностью. Но потом в редакции что-то изменилось и начались разговоры о необходимости «доработки и сокращений». Узнав об этих обстоятельствах, в редакции «Пионера» огорчились и даже обиделись: «Почему вы отдали повесть тому журналу, а не нам?» Автор передал повесть «Пионеру». Там, однако, печатать не стали, мотивируя отказ крайне большим объемом произведения. Автор и сам понимал, что размер «Синего города» — не для «Пионера», который в то время уже испытывал большие трудности. И не обиделся. Однако именно этим отказом от публикации многие потом стали объяснять охлаждение между автором и редакцией журнала.

Пользуясь случаем, автор хочет объяснить всем, кого это интересует: охлаждение отношений между ним и «Пионером» произошло лишь в 1994 году, когда редакция, отмечавшая (несмотря на трудности) семидесятилетие журнала, не пригласила автора на этот юбилей. Автор, который, по признанию самой редакции, в течение почти трех десятилетий «определял лицо прозы «Пионера», на сей раз счел себя вправе обидеться. Возможно, это детская обида, но ведь и автор — детский.

К тому же, как говорил А. С. Грин, детское живет в человеке до седых волос...

Что касается «Синего города...», то его напечатал журнал «Урал» в 1992 г., № 4 и № 5.

ТРИДЦАТЬ ТРИ — НОС УТРИ...

В данной повести автор опять возвращается к дням своего детства, рассказывая про жизнь четвероклассника Виньки Греева, про его игры и приключения, про попытки разобраться: что такое жизнь и смерть. Причем на многих страницах повествование ведется с позиций нынешнего Винченца Аркадьевича Греева, шестидесятилетнего пенсионера.

Первая публикация — журнал «Школьная роман-газета», март, 1998 г.

ДЕЛО О РТУТНОЙ БОМБЕ

Повесть написана в 1999 году. Возвращаясь к традиционной теме «школьного конфликта», автор, естественно, внес в сюжет элементы нашего современного бытия. Вернее, жизнь внесла...

Публикации в прессе — журнал «Уральский следопыт», №№ 3—6, 1999 г. и журнал «Костёр» (Санкт-Петербург), №№ 1—4, 2000 г.

Книга 20

ЗОЛОТОЕ КОЛЕЧКО НА ГРАНИЦЕ ТЬМЫ

Шестая Бастионная. Рассказы и повести об улицах детства. *Золотое колечко на границе тьмы.* Повести.

Этим томом начинается еще один авторский цикл, его можно назвать «мемуарным» (хотя такое скучное наименование иногда настораживает читателей). Все помещенные здесь повести и рассказы — автобиографические. Когда-то автор слышал мнение, что «нигде люди столько не врут, сколько в своих мемуарах». И помня это суждение, старался врать не очень. То есть не больше других...

ШЕСТАЯ БАСТИОННАЯ

Для начала следует заметить, что в данном издании почему-то опущен подзаголовок этого цикла — «Рассказы и повести об улицах детства» (вместо него — просто «Рассказы и повести»). И, кроме того, произведения расставлены в произвольном порядке (правильнее сказать, перепутаны). Настоящий их порядок должен быть таким:

Сентябрьское утро
Далеко-далеко от моря...
Алька
Бастионы и форты
Стрела от детского арбалета
Путешествие по старым тетрадям
Остров Привидения
Вечерние игры
Мокрые цветы
Сандалик, или Путь к Девятому бастиону
Заяц Митька

Объединяет эти произведения тема двух очень близких автору городов — Тюмени и Севастополя.

Первые публикации:

«*Сентябрьское утро*» — городская севастопольская газета «Слава Севастополя», 30 авг., 1987 г. (Рассказ напечатан на полосе «Литература и искусство» с кратким предисловием).

«*Алька*», «*Бастионы и форты*», «*Путешествие по старым тетрадям*», «*Мокрые цветы*» (Под общим названием «*Шестая Бастионная*» — журнал «Урал», № 1, 1986 г.)

«*Далеко-далеко от моря*» — газета «Литературная Россия», 1984 г., № 27.

«*Стрела от детского арбалета*» — «Литературная Россия», 1985 г., № 22.

«*Остров Привидения*» — «Пионерская правда», 1981 г., №№ 24—29.

«*Вечерние игры*» — «Пионер», 1984, № 5.

«*Сандалик, или Путь к Девятому бастиону*» — «Пионер», 1986 г., №№ 3—5.

«*Заяц Митька*» — «Уральский следопыт», № 1, 1997 г.

Эта «*Сентиментальная повесть обо всем понемногу*» появилась позднее других произведений «*Шестой Бастионной*», поэтому при первых публикациях цикл печатался без «*Митьки*».

Готовя цикл к книжной публикации, автор вставил в «*Сентябрьское утро*» ранее написанный и несколько раз опубликованный рассказ «*Флаг отхода*» («Уральский следопыт», 1970 г., № 12; книги «*Посмотри на эту звезду*», М., ДЛ, 1972 г.; «*Трое с площади Карронад*», Свердловск. Средне-Уральск. кн. изд., 1981 г.). Похожая история произошла и с рассказом «*Мальчик и солнце*» — он введен в рассказ «*Путешествие по старым тетрадам*» (ранее напечатан в сборнике «*Круглый год*», М., ДЛ, 1978 г. и в книге «*Трое с площади Карронад*», Свердловск. Средне-Уральск. кн. изд., 1981 г.). Поэтому данные рассказы в отдельном виде в Собрание сочинений не помещены.

ЗОЛОТОЕ КОЛЕЧКО НА ГРАНИЦЕ ТЬМЫ

Повести данного цикла — тоже автобиографические, их можно считать прямым продолжением «*Шестой Бастионной*». Первые публикации:

«*Пошел все наверх!*» или *Жертва эрудиции*» (раньше в названии было «...*Воспоминания эрудита*») — газета «Наше время» (г. Тюмень), с 9 по 28 октября 1993 года. Вскоре после этого повесть напечатали журналы «Урал», № 1, 1994 г. и «Костер», № 4, 1994 г.

«*Клад на Смоленской улице*» — журнал «Проза Сибири», № 1, 1995 г., Новосибирск.

«*Мой друг Фори́к, или Опаляющая страсть киноискусства*» — журнал «Урал», № 12, 1995 г.

«*Босиком по Африке*» — газета «Тюменская правда», 20 июля — 7 августа 1993 г. (Тюмень). Затем — журнал «Урал», № 1, 1994 г., вместе с повестью «*Пошел все наверх...*».

«*Битанго*», повесть — журнал «Проза Сибири», № 2, 1995 г. (Без послесловия «*Летучие семена*», которое было напечатано позднее, в журнале «Уральский следопыт», 1995 г., № 5).

«*Золотое колечко на границе тьмы*» — журнал «Проза Сибири», 1996 г., № 1.

Книга 21

ПОД СОЗВЕЗДИЕМ ОРИОНА

Однажды играли... Фрагменты «Литературного дневника», или История ненаписанной повести.

Под созвездием Ориона. Неуклюжий опыт бессюжетного мемуара.

След ребячьих сандалий. Повесть-воспоминание.

Ржавчина от старых якорей. «Паустовские» рассказы.

Непроливашка. Повесть.

Пять скачков до горизонта. Повесть.

Трое в «копейке», не считая зайца Митьки. Путевые заметки.

Данный том — тоже продолжение «мемуарного» цикла. И больше тут сказать нечего.

ОДНАЖДЫ ИГРАЛИ...

В этом своеобразном произведении переплетаются свойства сюжетного повествования и автобиографических воспоминаний. В основу автор положил историю своей недописанной повести и отрывки из личного дневника. Вначале он не хотел публиковать эти «мемуары», считая их написанными лишь для себя и узкого круга. Но их попросил для печати журнал, а потом дошло и до книг...

Первая публикация — журнал «Уральский следопыт», 1998 г., №№ 4—6.

ПОД СОЗВЕЗДИЕМ ОРИОНА

Эта небольшая документальная повесть была написана по просьбе журнала «Урал», который в ту пору планировал регулярные публикации мемуаров. Срочностью заказа объясняет-

ся некоторая «произвольность» сюжетного построения и краткий срок написания.

Первая публикация: журнал «Урал», № 1, 2000 г.

СЛЕД РЕБЯЧЬИХ САНДАЛИЙ

У этих воспоминаний история написания похожа на ту, что у повести «Под созвездием Ориона». Только на сей раз мемуары понадобились журналу фантастики «Если». Автор оперативно откликнулся на просьбу, о чем не жалеет, поскольку получил от журнала грамоту с благодарностью за этот материал.

Повесть была напечатана в журнале «Если» (г. Москва), в январском, февральском и мартовском номерах 2001 года.

РЖАВЧИНА ОТ СТАРЫХ ЯКОРЕЙ

Рассказы-воспоминания из серии тех же автобиографических произведений, что «Шестая Бастионная», «Золотое колечко на границе тьмы», «Под созвездием Ориона», «След ребячьих сандалий» и др. Отличие их в том, что они так или иначе связаны с размышлениями о жизни и творчестве Константина Георгиевича Паустовского, по книгам которого автор учился литературному мастерству.

Впервые рассказы напечатаны в 1—3-м номерах журнала «Урал» за 2002 год, когда литературный мир готовился отметить 110-летие со дня рождения К.Г. Паустовского.

НЕПРОЛИВАШКА

Автобиографическая повесть, где автор снова обращается к теме своего тюменского детства.

Впервые напечатана в газете «Тюменский курьер» в 2002 году, №№ 26—47 (март—апрель).

ПЯТЬ СКАЧКОВ ДО ГОРИЗОНТА

Как и «Непроливашка», это повесть о том времени, когда автор был первоклассником и второклассником. Но написана она позднее, в начале 2006 года, поэтому до данного момента нигде не печаталась.

ТРОЕ В «КОПЕЙКЕ», НЕ СЧИТАЯ ЗАЙЦА МИТЬКИ

В мае 2001 года трое друзей — сотрудник одной из уральских фирм Сергей Аксененко, поэт и прозаик Александр Кердан и автор этого Собрания — решили «хлебнуть приключений» и на старенькой дребезжащей «копейке» отправились в путешествие до западных границ бывшего Советского Союза и обратно. Конечно, ничего выдающегося и героического в поездке по такому маршруту нет, но всяких дорожных эпизодов и впечатлений хватило. Заяц Митька (известный читателям и по другим книжкам) выполнял роль резонера и комментатора — как лицо наиболее трезвое и здравомыслящее из всех. Штурман Кердан вел записи в путевом журнале. Водитель Аксененко делал суждения и вставки — иногда житейски здравые и целомудренные (что сказалось на общем стиле записей).

Вернувшись из поездки, три путешественника (то есть чепуха — ведь еще Митька!) решили, что «не пропадать же материалу», и на основе путевых заметок «склепали книжку», которая в следующем году вышла в екатеринбургском издательстве «Сократ». Однако тираж ее был очень мал и, как говорится, «массового читателя не обрел». Чтобы ликвидировать это досадное упущение, соавторы В.П. Крапивина дали ему любезное разрешение поместить сей коллективный труд в своем Собрании сочинений. Митька не возражал...

Книга 22

СИНИЙ КРАВ

Том, который по логике вещей следовало бы сделать первым в Собрании сочинений. В нем — наиболее ранние произведения автора. Исключение составляет стихотворный цикл, но и он начинается со строчек, сочиненных в младенчестве. В этой книге есть даже несколько рассказов, которые автор до сих пор нигде не публиковал, считал, что слабые (а теперь куда деваться...).

Мальчишки, мои товарищи. Ранние рассказы.

Страна Синей Чайки. 1957 г.

Камень с берега моря. 1957 г.

- Похищение агента. 1958 г.
 Четыреста шагов. 1959 г.
 Бабочка. 1959 г.
 Победитель. 1959 г.
 Экспедиция движется дальше. 1959 г.
 Зеленая монета. 1959 г.
 Овод. 1959 г.
 Светлый день. 1959 г.
 Восьмая звезда. 1959 г.
 Прачка. 1959 г.
 Табакерка из бухты Порт-Джесксон. 1959 г.
 Письмо Северной королевы. 1959 г.
 Надпись на брандмауэре. 1959 г.
 Снежная обсерватория. 1959 г.
 Там, где течет Ориноко. 1959 г.
 Медленный вальс. 1960 г.
 Галинка. 1960 г.
 Имени погибших. 1960 г.
 Похлебка с укропом. 1960 г.
 Рик — лайка с Ямала. 1960 г.
 Минное заграждение. 1960 г.
 Костер. 1960 г.
 Планшет. 1960 г.
 Рейс «Ориона». 1960 г.
 Осколок моря. 1960 г.
 Настоящее. 1960 г.
 Вспомните «Эдельвейс». 1961 г.
 Рукавицы. 1961 г.
 Трое с барабаном. 1961 г.
 Самый младший. 1961 г.
 Толька. 1962 г.
 Риск. 1962 г.
 Крепость в переулке. 1963 г.
 Генка и первый «А». 1963 г.
- Почему такое имя (цикл рассказов), 1960—1963 гг.
 Почему такое имя
 Айсберги проплывают рядом
 Минута солнца
 Рубикон

Стенгазета
 На берегу
 Подкова
 Звезды пахнут полынью
 Крылья

Палочки для Васькиного барабана. Повесть.
 Белый щенок ищет хозяина. Повесть.
 Брат, которому семь. Повесть в рассказах.
 Лерка. Повесть.
 Победители. Цикл рассказов.
 Альфа Большой Медведицы. Цикл рассказов.
 Синий краб. Стихи.

МАЛЬЧИШКИ, МОИ ТОВАРИЩИ

Ранние рассказы

Этот раздел автор назвал так, как называлась одна из частей его студенческой дипломной работы. Защита состоялась 16 марта 1961 года на факультете журналистики в Уральском государственном университете (г. Свердловск, ныне Екатеринбург). Диплом назывался «Очерк и рассказ в газете и журнале», и в упомянутый выше раздел Владислав Крапивин включил несколько маленьких произведений, которые самонадежно и поименовал рассказами. На самом деле (как понимает автор сейчас) это были зарисовки, наброски, отдельные эпизоды, написанные с претензией на литературный стиль («Крылья», «Рейс «Ориона», «Костер», «Планшет», «Настоящее»). С некоторой натяжкой может быть назван рассказом, пожалуй, «Самый младший», но он в дипломе стоял отдельно, вне рамок упомянутого раздела.

Готовя ранние рассказы к публикации в предыдущем собрании сочинений, автор разделил их на три части. В первую вошли те, что никогда до той поры не были напечатаны. Они так и пролежали в архиве писателя в виде черновиков и рукописей, и у многих даже не было ни одного читателя. Дело в том, что автор смотрел на свои «творения» довольно строгими глазами и, закончив очередное из них, часто браковал на корню, убирал с глаз подальше.

Во второй части оказались те рассказы, что когда-то были

напечатаны в периодике, но вставлять их в книжки — всё из тех же критических соображений — начинающий писатель не решался.

И наконец в третьей части оказались рассказы, которым «повезло» быть включенными в ранние, шестидесятых годов, книжки Владислава Крапивина, но в дальнейшем переиздавать их он не хотел. Но хотел или нет, а когда дело дошло до первого «почти полного собрания сочинений» (Москва, «Центрполиграф», 2000—2001 гг.), пришлось подчиниться принципу: выкладывай все, что есть. И автор «выложил» со смешанными чувствами. Во вступлении к публикуемым впервые ранним рассказам он писал:

«Долгое время я колебался: надо ли помещать в книгу свои первые литературные опыты — плоды мучительных ученических терзаний, когда еще не хватало ни сил, ни умения, чтобы написать полноценный рассказ (не говоря уже о повести). И все же решился. По нескольким причинам.

Во-первых, объявлено, что это собрание сочинений — полное (точнее говоря, почти полное). Значит, автор обязан включить в него как можно больше из того, что сочинил.

Во-вторых, я вернулся в памяти к героям своих первых рассказов и вдруг понял, что они были друзьями моей литературной юности, помощниками в попытках найти писательскую дорогу. И если я изобразил этих мальчишек и девчонок без должного мастерства, разве они виноваты? Было бы совсем не по-товарищески с моей стороны лишить их единственной возможности встретиться с читателем.

А в-третьих, вот что. Не раз в письмах и на встречах автора и читателей ребята и взрослые меня просили: «Расскажите подробнее о вашем творческом пути».

Вообще-то выражение «творческий путь» кажется мне чуждым академичным и применимым только к классикам. Но как сказать иначе, не знаю... Путь — он все-таки был. А как можно говорить о пути, не показав его начала?

Я вытащил из архива стопки толстых студенческих тетрадей со слипшимися клеенчатыми обложками (они отдираются друг от друга с хрустом).

Там, среди конспектов по журналистике и политэкономии, обрывочно, отдельными кусками записаны мои первые рас-

сказы — карандашами и старыми перьевыми ручками. Главным образом это новеллы и этюды о моих знакомых мальчишках, о друзьях школьного детства, о ребятах-однокурсниках. Никакого другого «жизненного багажа» у меня тогда не было...

Перечитывая почти забытые строчки, я словно возвращался в юность — к «мукам творчества» и к тем редким радостям, когда вдруг понимал: эта строчка мне удалась!..

Сейчас я отдаю свои самые ранние рассказы тем читателям, которые всегда были добры ко мне и поддерживали меня своим дружеским вниманием. Надеюсь, они будут снисходительны и учтут, что перед ними не произведения литератора-профессионала, а строки начинающего автора, почти такого же мальчишки, как его герои... И может быть, кому-то из этих внимательных читателей будет интересно проследить, как в первых новеллах «проклёвывались» идеи будущих, более крупных вещей (например, повести «Тень Каравеллы»).

А читатели суровые и беспристрастные здесь легко смогут подвергнуть юного автора критике за излишнюю прямолинейность, за чрезмерную романтичность стиля, а также за повторение сюжетов и деталей. Повторения объясняются тем, что, закончив очередное «творение», я тут же приходил к скорбному выводу: оно никуда не годится и печататься никогда не будет! И потому безжалостно выдергивал из этого «утиля» строчки и фрагменты, которые казались хоть на что-то годными — чтобы вставить их в новые вещи».

Эти признания можно во многом отнести не только к тем рассказам, которые пролежали ненапечатанными четыре десятка лет, но и к тем, которые были опубликованы в шестидесятых годах.

К данному моменту рассказы уже оказались опубликованными почти все («почти» — потому, что и на сей раз автор ухитрился «вытащить на свет» несколько ранее потерянных и забытых, но это уже не играет роли). Теперь нет смысла делить их на отдельные циклы. Рассказы расположены в хроникальном порядке, по годам, когда были написаны. Узнать, когда они увидели свет впервые (или почему не видели до сих пор), можно в комментариях к каждому из них.

И два слова о такой неточности. «Страна Синей Чайки» и «Экспедиция движется дальше» — не рассказы, а маленькие

повести. Но они такие скромные по объему, что не было смысла помещать их (к тому же одна — недописанная) в книгу отдельно. Тем более, что они по времени, по уровню, «по духу» вместе с этими рассказами.

«Страна Синей Чайки»

В предисловии и послесловии к этой крошечной повести сказано все, что нужно, комментировать здесь больше нечего. Пожалуй, стоит лишь добавить, что имя «Нааль» потом перекочевало в другие вещи автора, а Город Острых Крыш похож на приморский Льчевск из «Взрыва Генерального штаба» — одной из недавних повестей автора.

«Камень с морского берега»

Автор долго считал, что это — маленькая повесть. И лишь перечитывая через много лет, увидел — рассказ. Начал его автор на целине, в 1957 году, отложив «Страну Синей Чайки», а закончил в Свердловске и сразу решил, что никому эту вещь — сырую и ученическую — показывать не будет... Со временем тема переросла в повесть-дилогию «Тень Каравеллы».

«Похищение агента»

Уже начиная рассказ, будущий писатель понимал, что тема «ложного шпиона» в детской литературе не нова. Просто хотелось вспомнить свой родной город и игры детства. Написав рассказ, автор с помощью двух друзей перепечатал его в университетском машинописном бюро (было такое для студентов-журналистов) и больше никому не показывал. Два друга на долгие годы так и остались единственными читателями.

«Четыреста шагов»

Рассказ написан на основе истории, которую откровенно поведал начинающему литератору юный сосед по двору, вернувшийся из пионерского лагеря. Дописав последнюю страницу, автор все перечитал «свежим глазом» и спрятал с глаз подальше.

«Бабочка»

Автору казалось, что этот рассказ в смысле качества «более или менее». Вместе с другим рассказом — «Светлый день» — он предложил его в университетский сборник студенческого творчества (сам эти рассказы проиллюстрировал и заодно нарисовал для сборника обложку). Сборник был набран и сверстан, но в последний момент высокое университетское начальство выпуск запретило: то ли усмотрело какую-то крамолу, то ли на всякий случай.

«Победитель»

Судьба этого рассказа, написанного после поездки в Ленинград, на студенческую практику, такая же, как у «Похищения агента»: читателей у него десятки лет почти не было.

«Экспедиция движется дальше»

Эта микроповесть — результат воспоминаний о тюменском детстве и школьных товарищах. Она не была даже перепечатана на машинке. Написанный в тетрадке 1959 года черновик так и оставался в ней, не прочитанный до конца прошлого века никем, кроме самого автора.

«Зеленая монета»

Это дань воспоминаниям о Тюмени и детским впечатлениям (у автора действительно была такая монета). Автор написал, перепечатал и показал рассказ однокурснику Валерию Кичину (ныне известному московскому журналисту). Услышал «доброжелательную» критику и убрал «Зеленую монету» подальше.

«Овод»

Здесь переплелись впечатления от фильма и воспоминания о своих дальних лыжных вылазках в школьные годы. Рассказ написан в тетради и сразу убран — без перепечатки и читателей.

«Светлый день»

Автор некоторое время считал этот рассказ своей удачей — настолько, что даже рискнул послать его в «Мурзилку». Оттуда ответили, что рассказ не подходит. Впрочем, добавили примерно следующее: «Однако мы видим, что человек вы талантливый, и надеемся на будущее сотрудничество». Это мало утешило автора. Кстати, сотрудничества с «Мурзилкой» так и не получилось (лишь два рассказика в начале 60-х).

«Восьмая звезда»

Рассказ был написан вскоре после поездки в Ленинград, на студенческую практику, и напечатан в газете «Вечерний Свердловск» через три дня после важной для автора даты — 14 октября 1959 года ему исполнился 21 год. Можно сказать, подарок к полному совершеннолетию. После этого публикации автора пошли одна за другой.

«Прачка»

Сначала рассказ напечатан то ли в многотиражке «Уральский университет», то ли в учебной газете факультета журналистики «Советский журналист», осенью 1959 года. У автора эта газета не сохранилась, данных в библиографии о ней тоже нет. А первая публикация в «большой прессе» — газета «Вечерний Свердловск», 14 ноября 1959 г.

«Табакерка из бухты Порт-Джесксон» — «Уральский следопыт», № 5, 1960 г. В журнале рассказ называется более прозаично: «Табакерка». Кроме того, в редакции изменили конец, переписали его заново. Редакторский произвол вызвал у автора естественное недовольство, но спорить начинающий литератор тогда еще не решался. В книге рассказ помещен в первоначальном варианте.

«Письмо Северной королевы» — газета «На смену!» (Свердловск), 1 янв. 1960 г.

«Надпись на брандмауэре» — газета «На смену!», 6 ноября 1960 г., под заголовком «Здесь сражались красногвардейцы».

Видимо, это название показалось редакции в преддверии Октябрьского праздника более актуальным.

«Снежная обсерватория» — «Вечерний Свердловск», 3 янв. 1960 г.

«Там, где течет Ориноко»

В этом рассказе соединились увлечение начинающего автора южноамериканской экзотикой и его неприятие политики тех дней (конец пятидесятых) в странах капитала (в ней, в политике, тогда было немало того же, что и в наши дни). Автору казалось, что сочетание актуальности и романтического фона делает рассказ вполне достойным публикации в недавно возникшем журнале «Уральский следопыт». В редакции, однако, рассудили иначе. Возможно, мнение сотрудницы литературного отдела было справедливым, но сейчас, почти через полвека, автор решился показать эту вещь читателям — как свидетельство тогдашних настроений, заблуждений и творческих усилий на заре своей литературной жизни.

«Медленный вальс»

Автор писал рассказ с прагматической целью: «тиснуть» его в какой-нибудь газете, в одном из предновогодних номеров (в преддверии 1961 года) и получить кое-какие средства для встречи новогоднего праздника. Замысел не удался. В редакциях рассказ был признан «не лишенным привлекательности, но излишне изысканным». Автор отправил его в свой, тогда еще тощий архив и забыл.

«Галинка»

Рассказ был написан и оставлен в тетради в виде отдельных фрагментов. Лишь в конце девяностых автор «склеил» его — но ничего не дописывал.

«Имени погибших»

Это один из подступов к маленькой повести «Я иду встречать брата», хотя сюжет здесь иной и более трагичный. Рассказ

был помещен в общеуниверситетской стенной газете, вывешиваемой в главном вестибюле, и удостоен рецензии (в той же газете) с ядовитым названием «В три погибели».

«Похлебка с укропом»

Любопытно, что автор не считал этот рассказ плохим. Он считал его просто недописанным. А взяться и дописать все не было времени. Потом рассказ забылся. Разыскав старую тетрадь через много лет, писатель собрал «Похлебку» из кусочков, разбросанных по разным страницам, и вдруг увидел, что рассказ фактически готов. Пришлось дописать (по памяти) лишь две фразы.

«Рик — лайка с Ямала» — «Вечерний Свердловск», 16 и 17 мая 1960 г. В газете рассказ был назван «Тепло с Севера». Автор до сих пор не понимает, почему «родное» название не понравилось редакции.

«Минное заграждение» — кн. «Рейс «Ориона», Свердлов. кн. изд-во, 1962 г. **«Костер», «Планшет», «Рейс «Ориона», «Настоящее»** (а также **«Крылья»** — первый вариант) — под общим названием **«Друзья-мальчишки»** — журнал «Уральский следопыт», № 12, 1961 г. Следует отметить, рассказ «Планшет» всегда печатался в сокращенном наполовину виде: его первая часть была утеряна. Лишь недавно автор обнаружил ее в старой студенческой тетрадке.

«Осколок моря». Этот маленький рассказ был написан осенью 1960 года и планировался в подборку «Друзья-мальчишки» для «Уральского следопыта», но не вошел туда из-за нехватки места. Больше автор никуда не предлагал его. Этот спешно пересказанный сюжет — один из подступов к будущей повести «Тень Каравеллы» (как и «Камень с берега моря»).

«Вспомните Эдельвейс» — газета «На смену!», 30 сент. и 1 окт. 1962 г.

«Рукавицы» — журнал «Мурзилка», № 12, 1961 г.

Маленькая новелла была написана по просьбе сотрудника «Мурзилки» Л. Бараева, который приезжал в командировку в Свердловск. По сути, это почти документальная зарисов-

ка со строительства цеха холодной прокатки, где автор незадолго до того собирал материалы для дипломного очерка.

«Трое с барабаном» — в книге «Рейс «Ориона», Свердлов. кн. изд-во, 1962 г. Любопытно, что при этой публикации редактор зачем-то вычеркнул первые абзацы, где герой рассказывает о своем сновидении. Сама по себе потеря невелика, но художник, иллюстрировавший книгу, сделал рисунок как раз про этот сон (громадный барабан в цирке). Читатели удивлялись: что к чему? Это был первый «издательский ляп» в коллекции автора, которая теперь весьма богата, потому что без «ляпов» обходится лишь редкая книга.

«Самый младший». Рассказ был включен автором в его студенческую дипломную работу. Первая публикация — сборник **«Будь готов»**, Свердлов. кн. изд-во, 1962 г.

«Толька». Будучи написана карандашом, в старой общей тетрадке с отрывочными набросками, эта литературная зарисовка (почти с натуры) пролежала в архиве до 2002 года. Лишь теперь автор решил показать ее читателям наряду с другими ранними рассказами — она тоже признак времени.

«Риск» — «Уральский следопыт», № 5, 1963 г.

«Крепость в переулке» — журнал «Урал», № 2, 1964 г.

«Генка и первый «А»

Когда автор уже выпустил первую книжку и достаточно котировался в литературных кругах, в детской редакции Свердловского издательства его попросили написать небольшой рассказ для нового сборника со школьной тематикой. Срочно! Автор и написал срочно — за день, — основываясь на реальных событиях из школьной жизни, с которой он был тогда близко знаком. Но это произведение пришлось редакции не по вкусу. Объяснили, что уровень слабоват. Однако автор до сих пор считает, что уровень не хуже, чем в рассказах его первой книжки, а истинная причина недовольства — непочтительный тон по отношению к тогдашней педагогической системе.

С той поры автор этот рассказ больше никому не предлагал до 2001 года, когда он был опубликован в томе 25-м («Белый щенок ищет хозяина»), Москва, «Центрполиграф».

ПОЧЕМУ ТАКОЕ ИМЯ

Впервые подборка под этим общим названием напечатана в книге «Путешественники не плачут» (Свердловск, Средне-Уральское [бывш. Свердловское] кн. изд., 1968 г.). Складывалась она из рассказов, объединенных одними героями и написанных с 1960 по 1963 год, лишь рассказ «*Крылья*» автор включил в эту подборку позднее, слегка переработав его и упомянув имя главного героя — Антон.

Вначале автор планировал назвать весь цикл «Пятеро живут на берегу». Но для этого требовалось в него включить все рассказы, в которых участвовали их пять основных героев, однако два больших рассказа про разным причинам каждый раз оказывались за рамками публикаций. Лишь в этом издании они поставлены в общий ряд, и таким образом, истории о Тонике Калинове и его друзьях впервые выходят в полном объеме.

Первые публикации:

«*Почему такое имя*» — книга «Рейс «Ориона», Свердлов. кн. изд., 1962 г.

«*Айсберги проплывают рядом*» — там же.

«*Минута солнца*» — там же.

«*Рубикон*» — журнал «Урал», № 5, 1962 г.

Рассказ «*Стенгазета*», написанный в 1961 году, не попал в первую книжку из-за ее ограниченного объема, а потом стал казаться автору «устаревшим», поскольку, по его (автора) мнению, тема космической романтики в ребячьей среде стала терять актуальность. Теперь читать рассказ надо, конечно, с учетом настроений того давнего времени.

Рассказ «*На берегу*» написан в 1960 году, и сначала автор хотел даже поместить его в дипломную работу, но друзья отсоветовали, здраво рассудив, что «алкогольная тематика» может не понравиться комиссии. По той же причине рассказ впоследствии не был принят журналом «Пионер». Было даже про-

изнесено суровое слово «натурализм». Очевидно, для упоминания об отцах-пьяницах в детских рассказах (по крайней мере, в таком ракурсе) время еще не пришло. Помимо обвинения в натурализме, были высказаны замечания по стилю и композиции. Все это так повлияло на автора (ведь критика шла от людей, знавших в свое время даже А.П. Гайдара!), что он спрятал рукопись «На берегу» в самую дальнюю архивную папку и не извлекал на свет сорок лет. «Может быть, и не следовало извлекать, — говорит он, — только стало жаль экипаж самодельного корабля «Спартак», да и весь цикл в целом. Пусть он хоть раз окажется перед читателями в неурезанном виде...»

«*Подкова*» — журнал «Вожатый», № 8, 1964 г.

«*Звезды пахнут полынью*» — журнал «Пионер», № 11, 1965 г.

«*Крылья*» — в первоначальном варианте: «Уральский следопыт», № 12, 1961 г. В окончательном варианте — в книге «Путешественники не плачут», Средне-Уральское кн. изд., 1968 г.

БЕЛЫЙ ЩЕНОК ИЩЕТ ХОЗЯИНА

Эта первая относительно крупная повесть автора была написана в 1962 году. Ее героев автор «подсмотрел» на окраине Свердловска, в поселке Уктус, где сам жил в то время. Эти ребята были первыми читателями повести, им автор ее и посвятил.

Первая публикация — в книге «Палочки для Васькиного барабана», Средне-Уральск. кн. изд., 1965 г.

ПАЛОЧКИ ДЛЯ ВАСЬКИНОГО БАРАБАНА

Автор так был уверен в достоинствах этой маленькой повести, что осмелился предложить ее «Мурзилке». Из «Мурзилки» повесть вернули с невнятными объяснениями. Она была впервые напечатана в журнале «Урал», №№ 11—12 за 1964 г.

БРАТ, КОТОРОМУ СЕМЬ

Повесть в рассказах.

В основном эта повесть была написана в 1962 году, чуть раньше «Белого щенка...». Через год добавлен рассказ «Больш-

шое полосатое чудовище», который в первое издание книги (Свердл. кн. изд., 1963 г.) не вошел и был включен лишь во второе, московское издание (ДЛ, 1966 г.). Кроме того, в книжные издания этого цикла долго не включались рассказы «Соринка» и «Капли скачут по асфальту».

Первые публикации:

«*Зеленая грива*» — книга «Брат, которому семь», Свердл. кн. изд., 1963 г.

«*Алька ищет друга*» — там же.

«*Короткое счастье*» — там же.

«*Подарок*» — там же.

«*Обида*» — там же.

«*Капли скачут по асфальту*».

Написанный чуть позже других рассказов этого цикла, в первое издание он «не успел», а в следующие не попадал, видимо, «по инерции». Редакторы считали, что цикл уже сложился и незачем его расширять. Высказывалось также мнение, что рассказ слегка выбивается из общего стиля. Потом автор единственный экземпляр рассказа потерял и отыскал в архиве лишь перед подготовкой Собрания сочинений в издательстве «Центрполиграф». А впервые рассказ был напечатан в маленькой ежемесячной детской газете «Тихая минутка» (г. Екатеринбург) в мае 1996 г.

«*Плюшевый заяц*» — в книге «Брат, которому семь», Свердл. кн. изд., 1963 г.

«*Путешествие к белому гиганту*» — сборник «Хоровод», Свердл. кн. изд., 1963 г.

«*Соринка*».

Первая публикация — в журнале «Мурзилка», № 11, 1963 г.

«*Город Весенних Птиц*» — книга «Брат, которому семь», Свердл. кн. изд., 1963 г.

«*Большое полосатое чудовище*» — сборник «Чудо-юдо», Средне-Ур. кн. изд., 1965 г.

«*Ночные поезда*» — «Уральский следопыт», № 5, 1963 г.

ЛЕРКА

Первая публикация — журнал «Урал», № 12, 1968 г. (под названием «*Озерный царь*»).

ПОБЕДИТЕЛИ

Цикл рассказов

Впервые в цикл «*Победители*» некоторые рассказы были объединены в книге «Трое с площади Карронад» (Средне-Уральск. кн. изд., 1981 г.). Сейчас этот цикл сформирован заново, одни рассказы изъяты, другие вставлены.

Первые публикации:

«*Капитаны не смотрят назад*» — журнал «Пионер», № 5, 1964 г.

Это первая публикация автора в «Пионере». До сего раза автора с его рассказами (в частности с «Подковой») из редакции вежливо заворачивали, но этот рассказ был очень хорошо принят новым заведующим отделом прозы О.Тихомировым (впоследствии известным детским писателем) и опубликован в номере, посвященном сорокалетию журнала. Автор был награжден юбилейным значком. С этого момента началось многолетнее и постоянное сотрудничество автора (и организованного им юнкорского отряда) с «Пионером».

«*Львы приходят на дорогу*» — сборник «Круглый год», М., ДЛ, 1966 г.

Прообразом главного героя рассказа автору послужил один из его юных приятелей, шестилетний Сега, житель поселка Уктус, где тогда обитал и автор.

«*Такая была планета*» — «Пионер», № 8, 1965 г.

«*Путешественники не плачут*» — «Уральский следопыт», № 12, 1967 г.

«*Гвозди*» — «Пионер», № 2, 1972 г.

«*Победители*» — «Пионерская правда», № 77, 1976 г.

Рассказ был написан специально для конкурса «Пионерской правды». Получил вторую премию. Справедливость требует упомянуть, что сюжет был подсказан автору его коллегой, детской писательницей Н.Соломко.

АЛЬФА БОЛЬШОЙ МЕДВЕДИЦЫ

В основу всех сюжетов цикла легли реальные события, связанные с жизнью ребят-пионеров разных лет. Некоторые из них были написаны специально для книги, посвященной 50-летию пионерской организации. Один — «Альфа Большой Медведицы» — должен был дать название этой книге, вышедшей в издательстве «Детская литература» в 1972 году. Однако редакция усмотрела в нем то ли «скрытую оппозиционность», то ли «абстрактную романтику» и предложила свой вариант — «Посмотри на эту звезду». Возражения автора и его аргументы, что у него и так много названий «со звездами», не возымели результата. Спорить было «себе дороже», поскольку книжка висела на волоске. Дело в том, что автор писал не о привычных пионерах-отличниках, пекущихся об интересах «родной школы», а о ребятах с самостоятельными (и потому не всегда одобряемыми — как в ту пору, так и сейчас) характерами.

Рассказы, не вошедшие в упомянутую книгу, а сейчас помещенные в этот цикл, были напечатаны в разных коллективных сборниках, а до того — в периодике.

«*Сигнал горниста*». Этот документальный рассказ об одном из первых пионерских горнистов и вожатых на Урале — Германе Усталове — переделанный очерк, который был написан автором по заданию журнала «Уральский следопыт» и напечатан в 1962 году, в № 5, когда отмечалось 40-летие пионерской организации. Очерк появился после встреч и бесед с Г. А. Усталовым — инженером, участником Великой Отечественной войны, работником системы «Трудовые резервы».

«*Красный кливер*». Впервые рассказ был напечатан в «Пионере», в № 5 за 1972 год (пятидесятилетие пионеров СССР). Казалось бы, чего в нем крамольного? Но какие-то идеологи в ЦК комсомола усмотрели в нем «подкоп» под пионерскую символику: почему красный галстук рассматривается не как символ единения пионеров, комсомольцев и коммунистов, а сравнивается с каким-то парусом, который «позволяет кораблю идти навстречу ветру»? Впрочем, претензии высказывались в адрес редакторов, с автором комсомольские лидеры предпочитали не иметь дела (был уже опыт). А на эмблеме отряда

«Каравелла», созданного автором, до сих пор — три красных кливера.

«*Штурман Коноплёв*». Здесь рассказана история, происшедшая в отряде «Каравелла» в 1971 году. Совершенно подлинная и потому достаточно драматичная. Первая публикация — журнал «Пионер», № 1, 1972 г.

«*Воробьиная ночь*». В этом рассказе описан случай с самым младшим членом «Каравеллы» Володькой, общим любимцем отряда той поры. Впервые напечатан в газете «Пионерская правда», № 24, 1971 г.

«*Альфа Большой Медведицы*». Первая публикация в книге «Посмотри на эту звезду», М., ДЛ, 1972 г. Рассказ написан по впечатлениям поездки нескольких ребят «Каравеллы» и автора в лагерь «Орленок» в 1967 году.

«*Первый шаг*». Это единственный из рассказов в данной подборке, который автор писал о почти незнакомом мальчике — после короткой встречи с ним и после рассказов нескольких очевидцев о пожаре. Получасовая встреча с Володей не могла, конечно, дать необходимого материала и понимания характера юного героя. Пришлось «напрягать воображение». Поэтому рассказ если и документален в смысле событий, то в психологическом плане — едва ли. Впрочем, редакция «Пионера», которая готовила материалы для книжки «Пионерский характер», вполне одобрила «Первый шаг». В этом сборнике (Москва, «Детская литература», 1977 год) он и был впервые опубликован.

СИНИЙ КРАБ

Стихи

Автор сам никогда не собрал бы все свои стихотворные строчки. В этом помогли друзья-читатели, долгое время убеждавшие его в необходимости издать поэтический сборник. Автор упирался, упирался и наконец согласился. В Новосибирске в 1999 году усилиями литературного клуба «Лощман» были напечатаны три книжки под общим названием «Синий краб». Они включили в себя практически все (на то время) «стихотворные потуги» прозаика. Наиболее любопытных читателей автор адресует к этому изданию. Затем, в 2001 году, была опубликована подборка стихов в 30-м томе («Давно закончи-

лась осада...») Собрания сочинений, выпущенного издательством «Центрполиграф». Для нее отобрали примерно треть «поэтических произведений».

Для нынешней публикации автор добавил несколько стихотворений, написанных в последние годы.

Комментировать все помещенные здесь стихи, указывать места и даты публикаций (если таковые случались) — дело тяжелое и ненужное. Кое-что читатели могут найти внутри цикла «Синий краб», где многие стихотворения снабжены пояснениями.

Кроме того, об этих стихах много сказано в предисловии к циклу. Автор еще раз подчеркивает, что считает свои стихи не полноценными поэтическими произведениями, а своеобразными фактами биографии.

Книга 23

АЛЫЕ ПЕРЬЯ СТРЕЛ

Алые перья стрел. Роман.

Сценарии и пьесы

Три мушкетера. Сценарий.

Белоснежка и семь гномов. Сценарий.

Жили-были барабанички. Сценарий.

Пробки от графина, или Новые приключения мушкетеров. Пьеса.

Манекен Васька. Киноповесть.

В ночь большого прилива. Пьеса.

Дети синего фламинго. Пьеса.

Еще одна сказка о Золушке. Пьеса.

Летчик для Особых Поручений. Сценарий.

Очерки

Солнце над морем

Ветер

Мальчик со шагой

Одиннадцатилетний полководец

Из кубинского дневника

След каравеллы

Паруса

Командорская каюта. Цикл очерков.

АЛЫЕ ПЕРЬЯ СТРЕЛ

Трилогия о братьях Вершининых появилась благодаря старшему брату автора, журналисту Сергею Петровичу Крапивину. В совместных публикациях В. Крапивин всегда ставил имя С. Крапивина впереди.

Первая повесть трилогии — *«Алые перья стрел»* — написана в основном Владиславом Крапивиным (хотя и по воспоминаниям брата), Сергей Крапивин вписал в нее лишь несколько небольших эпизодов. Далее роли поменялись.

Вторую повесть — *«Каникулы Вершинина-младшего»* — большей частью писал Сергей Петрович, в то время как младший брат ограничивался отдельными сценами и общей редактурой.

Что касается третьей повести — *«Шесть лет спустя»* — то она вообще принадлежит перу Крапивина-старшего (за исключением одного-двух эпизодов). И даже была опубликована в периодике только под именем С. Крапивина — сначала в газете «Вечерний Свердловск» (точное время публикации сейчас установить трудно, поскольку в библиографии она не отражена; примерно 1981 год) и в «Уральском следопыте» — в 1982 г., №№ 4—5, под названием «Пять дней шесть лет спустя».

Первая повесть была напечатана в «Пионере» в 1971 году, №№ 9 и 10.

Вторая повесть (сокращенный вариант) — в «Пионерской правде» в 1974 г., №№ 40—75 (с пропусками отдельных номеров).

В книжном варианте сначала вышли две повести — под названием «Вершинины старший и младший» (Средне-Уральск. кн. изд., 1977 г.), а затем уже полная трилогия (в том же издательстве, в 1984 г.).

Следует отметить, что С. Крапивин использовал для книги немало личных впечатлений своей жизни и работы в послевоенной Западной Белоруссии.

Братья посвятили свою книгу отцу, Петру Федоровичу Крапивину — известному в Белоруссии ученому-языковеду, участнику Великой Отечественной войны.

СЦЕНАРИИ И ПЬЕСЫ

Три мушкетера

Маленький сценарий, для игрового фильма (съемку затеяли ребята из отряда, которым руководил В.Крапивин), был придуман в 1965 году. Фильм снимали крохотной камерой, на восьмимиллиметровую пленку, озвучить его не удалось, поскольку не хватило «технической оснащённости» (киномеханик при показе картины озвучивал ее сам), но тем не менее это кино пользовалось у ребят большой популярностью, да и сейчас, через сорок лет, его иногда смотрят в разных детских отрядах и клубах...

А воспоминания о съемках пригодились автору для романа «Мальчик со шпагой».

Белоснежка и семь гномов
Сценарий

Этот фильм отряд В.Крапивина собирался снять в 1967—1968 гг. Закончить картину не сумели, но кинопробы, напознавшие веселую игру, пригодились потом для других любительских кинокомедий.

Жили-были барабанщики

Сценарий для этой публикации взят из книги «Барабанщики, вперед!» (Средне-Уральское книжное издательство, 1986 г.), коллективным автором которой являются юнкоры отряда «Каравелла». Но сам фильм снят гораздо раньше, в 1980 году. Он посвящен юным барабанщикам «Каравеллы», которые не в сказке, а наяву сумели отвести от отряда большую беду.

Пробки от графина, или Новые приключения мушкетеров

Эту пьесу (а точнее, сценарий для мюзикла) автор в 90-х годах сочинил по просьбе московского издательства «Юнпресс», которое, помимо других дел, ведало всякими детскими представлениями. Гонорар издательство добросовестно выплачивало, но с постановкой что-то не заладилось, и была ли она в конце концов осуществлена, автору не известно. Впро-

чем, данный факт его не печалит, потому что каравелловской киностудией «FIGA» был к тому времени уже снят фильм «Три мушкетера, или Двадцать лет спустя», на основе которого потом и делалась пьеса.

Манекен Васька
Киноповесть

В предисловии к сценарию подробно изложена история этого фильма. Одно время автор даже собирался переработать сценарий в «полноценную» повесть, но поленился.

В ночь большого прилива

Пьеса написана в конце 80-х гг. для детского самодеятельного театра в одном из городов Свердловской области. К сожалению, отдав этот «драматургический опус» юным актерам и их руководителю, автор в том городке больше не бывал, и получился ли спектакль, ему не известно.

Дети синего фламинго

Во второй половине 80-х годов в Свердловском ТЮЗе шел такой спектакль. Однако автор вспоминает о нем без удовольствия, поскольку написанную для этой постановки пьесу театр старательно переделал «на свой вкус». Готовя публикацию в книге, автор восстановил первоначальный вариант, но ни в какие театры пьесу больше не предлагал.

Еще одна сказка о Золушке

В основе пьесы лежит сказка, вставленная в роман «Журавленок и молнии». Автор в конце 90-х годов начал работу над пьесой по договоренности со Свердловским ТЮЗом. Но когда она была готова, ТЮЗ деликатно ушел от вопроса о постановке. Автор очередной раз поклялся не связываться с театрами, но особого огорчения не испытал, поскольку вскоре студию отряда «Каравелла» сняла по этой пьесе полнометражный цветной фильм, который не раз демонстрировался на всяких конкурсах и фестивалях детского творчества и неизменно встречал одобрение жюри и зрителей...

Летчик для Особых Поручений
Сценарий

В.Крапивин не раз делился с читателями, как многочисленными киностудии «подъезжали» к нему с предложениями написать сценарий по какой-нибудь из своих повестей (и как «отъезжали» обратно, когда приходила пора приступать к работе над фильмом). Сценарий «Летчика» — результат одного из таких неудавшихся контактов. В 2003 году автор «клюнул на удочку», и сценарий до сих пор бродит по рукам неведомых продюсеров и режиссеров (то есть вышло «все как всегда»). Жалеючи свой труд, автор решил: пусть эта вещь появится хотя бы в книге. Тем более что сценарий во многом отличается от повести-первоисточника и, по мнению некоторых читателей, даже «более интересен»...

ОЧЕРКИ

Солнце над морем

В 1960 году, после месячной практики в «Комсомольской правде», студент-дипломник Владислав Крапивин «рванул» в Крым, чтобы осуществить наконец давнюю мечту — увидеть город Севастополь, о котором мечтал с дошкольного детства. И увидел. И был счастлив. Радость этого открытия он излил в очерке, который вскоре стал началом его дипломной работы. Напечатано «Солнце над морем» было в учебной газете факультета журналистики УрГУ «Советский журналист» 25 апреля 1961 года (уже после защиты диплома), и с той поры, естественно, не переиздавалось. Автору этот материал дорог как первый подступ к севастопольской тематике, которой он остался верен всю жизнь.

Ветер

Эти репортажно-очерковые заметки об «Уралмашстрое» писались тоже для студенческой дипломной работы. В майском номере 1961 года их напечатал журнал «Уральский следопыт».

Мальчик со шпагой

Такой «то ли очерк, то ли статью» автор писал по заказу какого-то журнала (возможно, «Детская литература»). Черновики обнаружались в архивных залежах при недавних очередных

«раскопках». Был ли этот материал напечатан (и если да, то где?), автор вспомнить не мог. Энергичные поиски в шкафах и картотеках, разумеется, ни к чему не привели. И лишь когда автор плюнул и отшвырнул очередную папку, с верхней полки упал ему на голову болгарский журнал «Деца Изкуство Книги» №№ 4—5, 1969 г. В нем автор увидел свою фамилию и текст под названием «Момчето с шпагата». Автор возликовал, но преждевременно: оказалось, что здесь напечатана лишь 3-я часть очерка. «Ну, хоть что-то...» — вздохнул автор и перечитал очерк по-болгарски, отдавая дань уважения материалу, который своим названием предваряет его (В.Крапивина) первый роман (кстати, тоже вышедший в Болгарии)...

Из кубинского дневника

Журналу нужны были небольшие рассказы об иностранных детях, и автор обратился к своим записям о поездке на Кубу. Обработал — и вот... Публикация в «Пионере», № 4, 1974 г.

Одиннадцатилетний полководец

Очерк об увлеченном военной историей школьнике Степе Дмитриеве В.Крапивин написал по просьбе журнала «Пионер». Там этот материал и был напечатан — в № 7 за 1970 год.

След каравеллы

Первый вариант очерка — под названием «Тень каравеллы» — был опубликован в журнале «Урал», № 11, 1963 г. Потом, изменив название (поскольку была уже почти одноименная повесть — «Тень Каравеллы») и переработав текст, автор поместил очерк в книгу «Трое с площади Карронад» (Средне-Уральск. кн. изд., 1981 г.). Затем, через год, отредактировал его снова, и в этом виде «Тень каравеллы» напечатана здесь.

Паруса

История очерка рассказана в предпосланном ему предисловии. Здесь остается добавить, что журнал с первоначальным вариантом «Парусов» — это «Уральский следопыт», № 5, 1984 г.

Командорская каюта

Эти очерки, зарисовки и заметки печатались вперемежку с другими материалами автора в «Уральском следопыте» в течение всего 1998 года, а затем еще и в некоторых номерах 1999 года (точнее автор определить не смог, запутался). Затем, в 2003 году, в расчете на книжную публикацию, В.Крапивин слегка подредактировал эту подборку, кое-где восстановил сокращенный текст.

Книга 24**ФРЕГАТ «ЗВЕНЯЩИЙ»**

Фрегат «Звенящий». Роман-справочник.
Кратокрафан. Словарь.

Это единственный из всех томов Собрания, снабженный иллюстрациями. Потому что в данных произведениях без них — «никуда». Они составляют с текстом единое целое.

ФРЕГАТ «ЗВЕНЯЩИЙ»

Роман-справочник

Подзаголовок в названии книга получила с легкой руки редакторов агентства «Юнпресс», по инициативе которого и написано это «корабельное произведение». «Давай, давай, — говорили редакторы, — вспомни, сколько лет ты ребятам из «Каравеллы» в устной форме преподносил морские премудрости. Пора выдать в свет книгу, которая стала бы пособием для многих юных моряков. К тому же скоро 300-летие Российского флота...»

Автор взялся, и два его сына помогли ему... Правда, к трехсотлетию флота книга не успела, она вышла в свет в 1997 году (Издательский дом «Прибой», Агентство Юнпресс, Москва). К тому же половина тиража попала в руки частных книготорговцев и канула неизвестно куда (это тема для отдельного детективного романа). Но тем не менее автор до сих пор с удовольствием вспоминает работу над «Фрегатом», причем не только над его «познавательной-морской» частью, но и над сюжетной линией (недаром же «роман»), где активно действуют многие персонажи — влюбленные в паруса ребята, старый боцман, корабельный гном, пираты и неунывающие вездесущие коты. Даже если «парусно-учебная» тема покажется

читателям скучной, приключения героев «Фрегата «Звенящего» все равно могут заинтересовать их...

КРАТОКРАФАН

Словарь

От некоторых читателей автор слышал мнение, что «этот ваш «Толкователь фантастики» читается с таким же интересом, как роман. И такие слова грели авторскую душу, толкая ее на продолжение работы.

История «Кратокрафана» — в его предисловии и примечаниях. Первые две части были напечатаны в «Уральском следопыте» в 1998 году. Более полный, в трех частях, словарь был опубликован в 2001 году в 22-й книге («Лужайки, где пляшут скворечники») Собрания сочинений, выпущенного «Центрполиграфом». С той поры В.Крапивин написал еще немало фантастических вещей и на их основе усердно добавлял словарь (а куда деваться, если уж начал). Кроме того, он составил четвертый раздел «Кратокрафана» — «Чудесные вещи, изобретения и талисманы». В таком вот изрядно разросшемся виде «Краткий толкователь крапивинской фантастики» и предстает перед читателем в этой книге.

Книга 25**АМПУЛА ГРИНА**

Ампула Грина. Роман.

Струна и люстра. Мысли и заметки о ребячьих отрядах.

Крапивинский календарь.

Белые башни родины. Эссе.

Комментарии к Собранию сочинений.

Может вызвать недоумение жанровая разнородность помещенных в эту книгу произведений. Но она объяснима тем, что составители «подскребают» материал, включая в последние тома Собрания то, что написано автором в самое недавнее время. К тому же у всех напечатанных здесь вещей есть и объединяющая тема. Это тревога о нынешнем поколении, о бесприютных детях, неприятие растущей в мире агрессии и убежденность, что лишь добрые отношения между людьми могут спасти цивилизацию.

АМПУЛА ГРИНА

Еще один роман, где автор возвращается к идеям Безлюдных пространств, Великого Кристалла и Дороги. В книге переплетаются несколько сюжетных линий, и на основе одной из них — о мальчике Грине — была «сконструирована» повесть «Ампула», которая напечатана в московском журнале «Если», № 10, 2006 г.

СТРУНА И ЛЮСТРА

Разножанровая вещь, где переплетаются воспоминания, публицистика и размышления на педагогические темы — о работе детских объединений и необходимости новой организации для детей. Эта книга написана по просьбе сотрудников Тюменского государственного университета, занятых проблемами современного детства.

КРАПИВИНСКИЙ КАЛЕНДАРЬ

Текст был написан для выпуска юбилейного календаря, посвященного 45-летию отряда «Каравелла». Настенный многостраничный «Крапивинский календарь» на 2007 год, формата А2, с большим количеством цветных и черно-белых фотографий из жизни отряда был выпущен издательством Тюменского государственного университета в июле 2006 года.

Для настоящего издания календарь был доработан и дополнен. Естественно, что в него вошли далеко не все даты и события из жизни автора, поскольку текст носит несколько «официальный» характер. Читателей, интересующихся подробностями биографии, автор отсылает к своим повестям из циклов «Шестая Бастионная», «Золотое колечко на границе тьмы» и другим произведениям автобиографического характера.

БЕЛЫЕ БАШНИ РОДИНЫ

Этот очерк первоначально готовился для большой одноименной книги автора, в которой помещены разные произведения о Тюмени (издательство ТюмГУ). В него вошли несколько фрагментов из книжных материалов, написанных ранее. Но в данном виде этот очерк представляет собой единое целое.

Февраль 2007 г.

СОДЕРЖАНИЕ

АМПУЛА ГРИНА. Роман о песчинках Времени	1
СТРУНА И ЛЮСТРА. Мысли и заметки о ребячьих отрядах. . .	315
КРАПИВИНСКИЙ КАЛЕНДАРЬ	455
БЕЛЫЕ БАШНИ РОДИНЫ. Эссе	545
Комментарии к Собранию сочинений	575